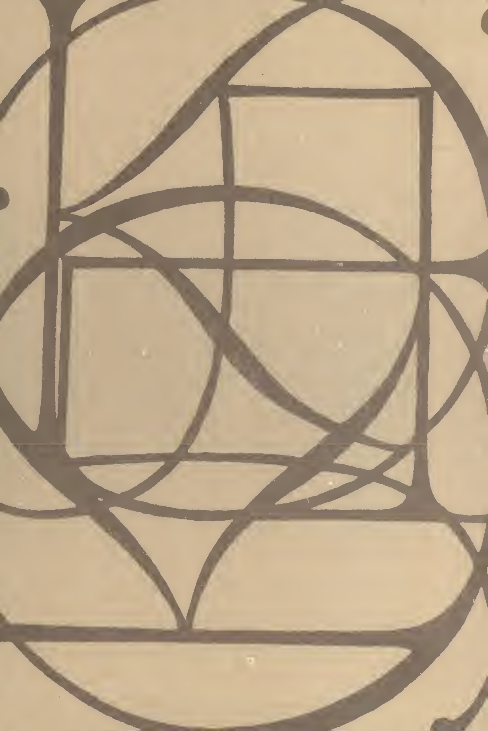
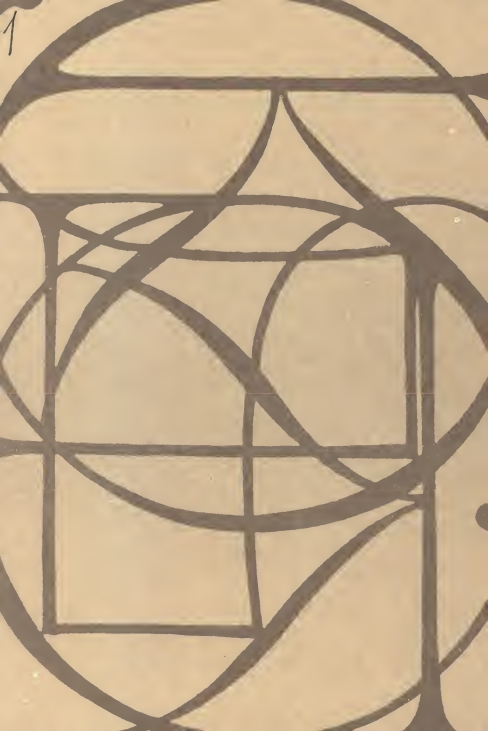
ДИВО ДИВНОЕ
ЧУДО ЧУДНОЕ





МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ 1988

ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ

НАРОДНЫЕ
РУССКИЕ СКАЗКИ
А.Н. АФАНАСЬЕВА

ББК 82.3Р—6
Д44

Тексты печатаются по изданию:
Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. М.:
Наука, 1984—1985 гг. (Серия «Литературяые памятники»).

Фронтиспис и буквицы художника А. Н. ВЛАСОВОЙ

Составление, вступительнаи статьи и примечании С. М. ДОНСКОЙ

Рецензент:
доктор филологических наук, профессор В. П. АНИКИН

Д44 **Диво** дивное, чудо чудное: Народные русские сказки А. Н. Афанасьева/Сост. С. Донская.— М.: Моск. рабочий, 1988.— 480 с.— (Однотомники классической литературы).

Настоящий сборник представлвет избранные сказки из собрания А. Н. Афанасьева. В соответствии с широким тематическим и жанровым разнообразием сказок в однотомник включены самые значительные и характерные, а также малоизвестные широкому читателю сказки из рукописей и сборника «Русские заветные сказки».
Книга предназначена взрослому читателю.

Д $\frac{4702010105-255}{М172(03)-88}$ 153—88 ББК 82.3Р—6

ISBN 5—239—00241—X

В истории нашей национальной культуры есть имя, дорогое каждому русскому человеку. Это Александр Николаевич Афанасьев — историк, исследователь фольклора, литературовед. Судьбой его стало целеустремленное следование главному делу жизни — собиранию, изучению и изданию русских сказок. В начале нашего века исследователь писал о нем: «Истинно ученый человек... выражал идею высокого труженика не из материальных выгод, но из сердечной любви к своему предмету и из благородного желания извлечь из тьмы и вывести литературные сокровища, так долго скрывавшиеся в малочитаемых хрониках и других неизвестных памятниках или кроющихся в памяти народа, к которой ученые обращаются еще менее» [1]. В этом определении содержится искренняя признательность тому, кто почитал за высшее благо сохранение памятников народного гения.

В наше время, когда столь обостренно сознание ответственности за достояния культуры, естественна потребность ощутить связь для сегодняшнего с минувшими столетиями, и потому бесценна возможность прикоснуться к истокам народной русской культуры. Современный человек находит в отголоске далеких времен то же стремление к идеалу, что ныне питает разум и чувство; в сказках видит он отраженную действительность с вечной борьбой добра и несправедливости, прекрасного и уродливого.

Что сказочный мир — бездонная сокровищница народной поэзии, знали до Афанасьева. Записывали и собирали сказки, песни и загадки В. И. Даль, П. В. Киреевский, И. А. Худяков, П. И. Якушкин. Но только Афанасьев довел свой замысел до конца, соединив собирательство с изучением глубинных пластов славянской художественной традиции.

К своему труду Афанасьев приступил, имея в виду известные работы составителей сказок других народов, в частности, немецких — В. и Я. Гримм, сербских — В. Караджича, чешских — Б. Немцовой, норвежских — П. К. Асбьернсона и И. И. Му, французских — П. Себийо. Однако принятый им для себя принцип отличался от методологии его предшественников. Афанасьев следовал демократическому направлению русской фольклористики, представленному Белинским и Добролюбовым. Они считали истинно народными те произведения устного творчества, что были записаны в естественной среде, со слов самих рассказчиков. В сказках, собранных Афанасьевым, воспроизводятся особенно-

[1] Редакционная статья // **Афанасьев А. Н.** Народные русские легенды. Казань: Молодые силы, 1914.

сти иародной речи, сохраняетсн жизнь языка, композиционнан структура литературной пераоосновы.

Среди тех, кто записыаал сказки, легенды, аиекдоты, прибаутки, иебылицы и пересылал их Афанасьеау,— люди разиых чиноа и сослоаий, подлииные радетели о сбережении нетлеиных культуриых ценностей. По постановлению соаета Российского географического общестаа а распорнжение Афаяасьеаа было предостаалено более 200 записей. Около тысячи текстоа передал В. И. Даль. Сам Афаиасьеа записал полтора десятка сказок.

В. П. Аникии приаодит географический диапазон собранин Афанасьеаа: здесь сказки архангельские, астраханские, аладимирские, аологодские, аоронежские, енисейские, казанские, калужские, костромские, курские, москоаские, иижегородские, ноагородские, оренбургские, пермские, рязанские, саратоаские, симбирские, тамбоаские, таерские, тульские и т. д.[1].

С 1855 по 1863 год аышло аосемь аыпускоа сказок собрания Афаиасьеаа. С тех пор уаидели сает семь полных издаиий «Народных русских сказок». И поныне они остаются литературным памятииком не только отечестаеииого, но и мироаого зиачения.

Таорчестао Александра Николаеаича Афаиасьеаа иеобычайно миогограняо. Юрист по уииаерситетскому образоаанию, он публикоаал и комментироаал архианые документы из истории Русского государстаа. Российское географическое обществао а 1852 году приннло его а саои ряды по отделеиию этнографии. Литературоаедческие изысканин Афанасьеаа касаются журнальиой сатиры XVIII аека, Ноаикоаа и Каитемира, Фонаизиниа и Батюшкоаа, Пушкииа и Лермонтоаа, Полежаеаа и Кольцоаа. Кроме того, Афанасьеа аыступал как библиограф и журналист на страиицах «Соаремеииика», «Отечестаенных записок», «Русского аестника», «Москоаских аедомостей».

После кончины А. Н. Афаиасьеаа а его бумагах был найден иаписаииый им собстаениоручно перечень трудоа, состоящий из 150 назааний (опубликоваи а «Русском архиае» за 1871 г. С. 1948—1955). И хотн а истории иауки Афанасьеа осталсн как фольклорист, было бы иепрааильио забыаать другие его работы, потому что несут оии а себе отпечаток личиости яркой, ума оригииального, таланта самобытного и, что иаиболее сущестаенио для поиманин Афаяасьева, идею взаимосанзаяности исторического прошлого с настонщим.

Можно только пожалеть о том, как мало изаестна широкому читателю теоретическая работа Афанасьеаа «Поэтические аоззрения слааян иа природу» (1866—1869). Даже переиздаиное с сокращениями [2], это фундаментальиое исследоааиие обогащает соаременного челоаека опытом «сраанительного изучеиин

[1] **Аникин В. П.** Издатель иародных сказок//Народные русские сказки: Из сбориика А. Н. Афанасьеаа. М., 1976.

[2] **Афанасьев А. Н.** Дреао жизни: Избранные статьи. М.: Соаремеииик. 1982.

славянских преданий и верований, в связи с мифическими сказаниями других родственных народов» — так определил свой замысел в подзаголовке Афанасьев.

«Поэтические воззрения» составили ранние статьи Афанасьева, специально переработанные им, такие, как «Дедушка домовой», «Ведун и ведьма», «Религиозно-языческое значение избы славянина» и др., а также материалы его примечаний к сказкам. Впервые в истории фольклористики ученый исследовал прозаическое и песенное творчество славянских народов в историческом контексте общих закономерностей развития. Широта взглядов, подкрепленная глубокими и разносторонними знаниями, позволила автору донести до современников исторические корни и поэтику языческих поверий, однако не уберегла от заблуждений.

«Поэтическим воззрениям» суждено было стать объектом незатихающих споров на протяжении столетия. Не нашлось тех, кто бы отрицал значение этого труда, оспаривал его содержательность и научную освещенность, но приверженность Афанасьева к так называемой «мифологической школе» вызывала возражения концептуальные.

Братья В. и Я. Гримм, родоначальники теории мифа и его влияния на фольклор, несомненно, открыли новые горизонты в науке. Но положения, справедливые для германистики, вряд ли были безоговорочно применимы на иной национальной почве. Ряд русских ученых, в их числе выдающийся филолог Ф. И. Буслаев, связывали символику языческих верований с явлениями природы, и здесь, в мифологическом толковании поверий, находили лингвистическую основу народной культуры. Именно под таким углом зрения рассматривал Афанасьев смысл фольклорной архаики. Уже в ту пору оппоненты Афанасьева ставили ему в упрек необоснованность отождествления истоков мифа и сказки. Но известная односторонность его взглядов объяснима — это ошибки первооткрывателя.

По поводу «Поэтических воззрений» рецензент «Вестника Европы» писал, что громадная масса новых познаний и фактов дает богатую и здоровую пищу как мысли научной, историческим заключениям и выводам, так и творческой фантазии поэта.

В самом деле, и здесь Афанасьев послужил отечественной литературе. Такие разные писатели, как Достоевский, Мельников-Печерский, Островский, Блок, Бунин, Есенин, Пастернак, Хлебников, искали в «Поэтических воззрениях» изначальность одухотворенной природы, источник жизни слова.

И еще одно свидетельство современника: «Можно расходиться с автором... книги во многих частностях, можно даже восставать против его теории в целом (или по крайней мере против столь широкого ее применения), но громадность материала, им собранного, и его усердие, остроумие и ученая честность в обработке... материала делают эту его книгу одинаково поучительной и необходимой как для друзей, так и для врагов мифологической теории» [1]. Приведен-

[1] Цит. по кн.: Афанасьев А. Н. Народные русские легенды/Статьи А. Кирпичникова. Казань: Молодые силы, 1914.

ный текст взят иами из сборянкв: «Нвродные русскне легенды». Первое его нздвние вышло в 1860 году в Москве срввиительно яебольшим тирвжом и разошлось незвмедлительно. Тридцать три легенды, чвстячно запнсвиные Афвнасьевым, частично переданные ему В. И. Далем, предствввляя собой простонародный перескв жятяя Хрястова н святых н ннтересны были темн подробиостями, которые вносили рассказчяки в ортодоксальные сюжеты.

Афвнасьев мог ждать цензурных гоиеннй, ио на этот рвз церковь поступнлв просто: добнлась запрещення книги, растянувшегося более чем на полвекв.

Та же, едва ие худшая, участь постнгла бы и «Русские заветиые сказки», еслн бы составнтель отважился печвтвть нх в России. По заключеииям В. П. Аинкянв, И. А. Желвввковой, В. И. Порудоминского, Н. Я. Эйдельманв, Афанасьев был зиаком с А. И. Герцеяом. Увядевшнсь с инм первый рвз в Лоидоие во время путешествня в Еаропу летом 1860 года, он с той поры стал корреспондеитом «Полярной звезды»[1]. Те же ваторы не нсключвют помощи Герценв в нздаинн «Русскнх заветиых сказок» в Швейцарнн, вышедших уже после смерти ввторв а 1872 году. Изаестно, что рукопнсь, датироаанняв 1857—1862 годами, сохранилвсь. Нв ией имеется помета: «Собрвны, прнведены в порядок н сличены по мяогорвзличиым спнскам А. Афаяасьевым. Отпечвтаяо в русской тнпогрвфня в Женеве»[2]. «Заветные сказкн», нсполнеииые озорства и грубого нвродного юмора, не столько оскорбляли стыдливость благонамереиной публнкн, сколько аозмущали антипоповской яаправлеииостью.

Еще в 1855 году И. И. Срезяеаский, учеиый-славист, отец миогочнслеиного семейства, обратялся в пнсьме к Афвнасьеау с просьбой-советом нвпечвтать сказки для детей. Через тря годв он иапомиил о иевыполиенном пожеланин. Но осуществилось это намерение только через двенадцвть лет, когда Афанасьеа обработал сказки для детского чтения.

«Русскне детские сказкн» (1870) былн последннм прнжизненяым изданнем Афаиасьева. По замечвнию А. Л. Налепнна, это «самое популяриое нздаиие дореаолюцяоиной Россин, своего рода хрестоматня домашией педагогнки»[3].

Александр Николаевич Афвивсьев прожил жизнь демокрвтв-рвзиочницв, нителлигёнта, зарабатывавшего хлеб иеустаныи трудом. Жизнь, насыщениую энергячяой деятельиостью, нсполиеняую высокого смыслв, ио ие поскупнвшуюся на огорчеяня и неазгоды.

Он родился в Вороряежской губерннн в 1826 году в многодетной семье уездяого судебяого чяяовника. Начальное образоввяне получнл яа дому у частиого учителя, уже а Боброве, кудв семья переехала, и продолжнл его у «двух тамошних попов,— квк пишет Афанасьеа,— у даух Иванов». К счвстью, н отец

---

[1] **Эйдельман Н. Я.** Твйные корреспоидеяты «Полярной звезды». М.: Мысль, 1966.

[2] **Аиикия В. П.** Издатель народных сказок//Народиые русские сказки: Из сборинка А. Н. Афвнасьева. М., 1976.

[3] **Нвлепнн А. Л.** Археолог славянскнх древиостей // Народ-художннк. М.: Советская Россня, 1986.

и дети (мать умерла рано) любили книгу и к знаниям относились как к делу первостепенному.

Одиннадцати лет мальчика отдали в воронежскую гимназию. В 1844 году он стал студентом Московского университета.

Тем, кому захочется узнать о годах юности Афанасьева, будет интересно прочесть написанные им главы «Из воспоминаний», впервые опубликованные в 1914 году и переизданные в 1986-м в уже названной книге «Народ-художник». Мы же остановимся на обстоятельствах, определивших будущее ученого.

Уже в 1847 году, будучи третьекурсником, опубликовал в «Современнике», который редактировал тогда Н. А. Некрасов, первое самостоятельное исследование — «Государственное хозяйство при Петре Великом».

Профессорский состав юридического факультета был достаточно авторитетен, кроме того, поощрялось свободное посещение лекций по специальностям, не входившим в основной курс. Афанасьев слушал теорию словесности у С. П. Шевырева, русскую историю у С. М. Соловьева, всеобщую историю у Т. Н. Грановского — кумира студенческой молодежи, радикально настроенного западника, оказавшего несомненное влияние на формирование общественных и политических взглядов Афанасьева.

В университете же Афанасьев почувствовал на себе и власть казенной мысли. Незадолго до окончания университета ему в числе лучших студентов было поручено прочесть лекцию на выбранную им тему — о влиянии государственной системы на развитие уголовного права в России XVI—XVII веков — в присутствии министра народного просвещения графа Уварова. Трудно сказать, что насторожило высокого гостя в сообщении Афанасьева: содержание или возражения, которыми не преминул ответить студент на замечания министра. Но так или иначе способного, умеющего самостоятельно мыслить выпускника на университетской кафедре не оставили, и ему пришлось искать службу.

При содействии своего бывшего профессора К. Д. Кавелина, принимавшего сердечное участие в судьбе Афанасьева, ему удалось получить место в Московском главном архиве Министерства иностранных дел.

Тринадцать лет, которые провел Афанасьев на службе в архиве, были для него самыми счастливыми и плодотворными. В эти годы он сближается с семьей великого русского артиста Михаила Семеновича Щепкина, в доме которого встречает Н. В. Гоголя, Т. Г. Шевченко, С. Т. Аксакова, И. С. Тургенева, а по отдельным сведениям, и А. И. Герцена.

Вместе с сыном Щепкина — Николаем Михайловичем — и на его средства, но принимая на себя основной груз издательских забот, Афанасьев приступает к выпуску журнала «Библиографические записки», просуществовавшего немногим более трех лет.

А в 1862 году разразилась беда. После ареста Чернышевского и заключения его в Петропавловскую крепость открылось следствие по делу людей, подозревавшихся в связях с Герценом. Недоверие было выражено и Афанасьеву, что исключало для него возможность дальнейшего пребывания на государственной службе. К тому же, после того как его посетил политический эмигрант Кельсиев,

приехавший нелегально в Россню, Афанасьев был объявлен неблагонамеренным и выброшен на улицу в буквальном смысле, поскольку пользоаалсн все годы службы ведомственной квартирой.

Постоянного заработка найти не удаaалось, была продана саман дороган собственность — бнблнотека, которую он на протяженин асей жнзни собирал с любовью н тщаннем.

И а эти несколько оставшнхся ему лет, в нужде, Афанасьеа заканчивает изданне «Народных русскнх сказок», составляет сборник «Русских детских сказок», выпускает трн тома «Поэтнческих воззрений слааян на природу», не счнтая других статей н публнкаций. Поистнне человеческие силы кажутсн ненсчерпаемыми! Но это только кажетсн. В 1870 году он заболел туберкулезом и 23 сентябрн 1871 года умер.

Похоронен А. Н. Афанасьеа в Москае на Пятнйцком кладбнще, рядом с могнламн М. С. Щепкнна и Т. Н. Грановского.

В преднсловии к первому аыпуску первого изданин «Народных русских сказок» Александр Нnколаевнч Афанасьев писал: «...Но если в зрелых летах мы любнм останавлнвать свой азглнд на детских играх н забавах и еслн при этом невольно пробуждаются в нас те чистейшие побужденнн, какие дааио былн подавлены под бременем вседиевных забот, то не с той ли теплою любовью н не с темн ль освежающими душу чувстаами может образованный челоаек останавлнвать свое вннманне на этой поэтнческой чнстоте и детском простодушин народных пронзведеннй».

Наша современность с ее учащенным рнтмом, динамизмом общестаеных перемен, опасностью губнтельных завоеваний разума сегодня, как нникогда, ощущает необходимость прнобщения к чистейшему роднику культуры — фольклору. Историческнй оптимизм народа убеждает нас а том, что мнр, в котором добро торжествует над злом, прекрасен, и а этом бессмертне сказкн.

Светлана Донская

ЛИСИЧКА-СЕСТРИЧКА И ВОЛК

Жил себе дед да баба. Дед говорит бабе: «Ты, баба, пеки пироги, а я поеду за рыбой». Наловил рыбы и везет домой целый воз. Вот едет он и видит: лисичка свернулась калачиком и лежит на дороге. Дед слез с воза, подошел к лисичке, а она не ворохнется, лежит себе как мертвая. «Вот будет подарок жене»,— сказал дед, взял лисичку и положил на воз, а сам пошел впереди. А лисичка улучила время и стала выбрасывать полегоньку из воза все по рыбке да по рыбке, все по рыбке да по рыбке. Повыбросала всю рыбу и сама ушла.

«Ну, старуха,— говорит дед,— какой воротник привез я тебе на шубу».— «Где?» — «Там, на возу,— и рыба и воротник». Подошла баба к возу: ни воротника, ни рыбы, и начала ругать мужа: «Ах ты, старый хрен! Такой-сякой! Ты еще вздумал обманывать!» Тут дед смекнул, что лисичка-то была не мертвая; погоревал, погоревал, да делать-то нечего.

А лисичка собрала всю разбросанную по дороге рыбу в кучку, села и ест себе. Навстречу ей идет волк: «Здравствуй, кумушка!» — «Здравствуй, куманек!» — «Дай мне рыбки!» — «Налови сам, да и ешь».— «Я не умею».— «Эка, ведь я же наловила; ты, куманек, ступай на реку, опусти хвост в прорубь — рыба сама на

хвост нацепляется, да смотри, сиди подольше, а то не наловишь».

Волк пошел на реку, опустил хвост в прорубь; дело-то было зимою. Уж он сидел, сидел, целую ночь просидел, хвост его и приморозило; попробовал было приподняться: не тут-то было. «Эка, сколько рыбы привалило, и не вытащишь!» — думает он. Смотрит, а бабы идут за водой и кричат, завидя серого: «Волк, волк! Бейте его! Бейте его!» Прибежали и начали колотить волка — кто коромыслом, кто ведром, чем кто попало. Волк прыгал, прыгал, оторвал себе хвост и пустился без оглядки бежать. «Хорошо же,— думает,— уж я тебе отплачу, кумушка!»

А лисичка-сестричка, покушамши рыбки, захотела попробовать, не удастся ли еще что-нибудь стянуть; забралась в одну избу, где бабы пекли блины да попала головой в кадку с тестом, вымазалась и бежит. А волк ей навстречу: «Так-то учишь ты? Меня всего исколотили!» — «Эх, куманек,— говорит лисичка-сестричка,— у тебя хоть кровь выступила, а у меня мозг, меня больней твоего прибили; я насилу плетусь».— «И то правда,— говорит волк,— где тебе, кумушка, уж идти; садись на меня, я тебя довезу». Лисичка села ему на спину, он ее и понес. Вот лисичка-сестричка сидит да потихоньку и говорит: «Битый небитого везет, битый небитого везет».— «Что ты, кумушка, говоришь?» — «Я, куманек, говорю: битый битого везет».— «Так, кумушка, так!»

«Давай, куманек, построим себе хатки».— «Давай, кумушка!» — «Я себе построю лубяную, а ты себе ледяную». Принялись за работу, сделали себе хатки: лисичке — лубяную, а волку — ледяную, и живут в них. Пришла весна, волчья хатка и растаяла. «А, кумушка! — говорит волк.— Ты меня опять обманула, надо тебя за это съесть».— «Пойдем, куманек, еще поконаемся, кому-то кого достанется есть». Вот лисичка-сестричка привела его в лес к глубокой яме и говорит: «Прыгай! Если ты перепрыгнешь через яму — тебе меня есть, а не перепрыгнешь — мне тебя есть». Волк прыгнул и попал в яму. «Ну,— говорит лисичка,— сиди же тут!» — и сама ушла.

Идет она, несет скалочку в лапках и просится к мужичку в избу: «Пусти лисичку-сестричку переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, скалочку под печку. Рано поутру лисичка встала, сожгла свою скалочку, а после спрашивает: «Где же моя скалочка? Я за нее и гусочку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за скалочку гусочку; взяла лисичка гусочку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к другому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку». Ее пустили. Она легла сама на лавочку, хвостик под лавочку, гусочку под печку. Рано утром она вскочила, схватила гусочку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя гусочка? Я за нее индюшечку не возьму!» Мужик — делать нечего — отдал ей за гусочку индюшечку; взяла лисичка индюшечку, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к третьему мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку». Ее пустили. Вот она легла на лавочку, хвостик под лавочку, индюшечку под печку. Рано утром лисичка вскочила, схватила индюшечку, ощипала ее, съела и говорит: «Где же моя индюшечка? Я за нее не возьму и невесточку!» Мужик — делать нечего — отдал ей за индюшечку невесточку; лисичка посадила ее в мешок, идет и поет:

Ишла лисичка-сестричка по дорожке,
Несла скалочку;
За скалочку — гусочку,
За гусочку — индюшечку,
За индюшечку — невесточку!

Стук, стук, стук! — стучится она в избу к четвертому мужику. «Кто там?» — «Я — лисичка-сестричка, пустите переночевать».— «У нас и без тебя тесно».— «Я не потесню вас; сама лягу на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку». Ее пустили. Она легла на лавочку, хвостик под лавочку, а мешок под печку. Мужик потихоньку выпустил из мешка невесточку, а впихал туда собаку. Вот поутру лисичка-сестричка собралась в дорогу, взяла мешок, идет и говорит: «Невесточка, пой песни!», а собака как зарычит. Лисичка испугалась, как шваркнет мешок с собакою да бежать.

Вот бежит лисичка и видит: на воротах сидит петушок. Она ему и говорит: «Петушок, петушок! Слезь сюда, я тебя исповедаю: у тебя семьдесят жен, ты завсегда грешон». Петух слез; она хвать его и скушала.

ЛИСА-ПОВИТУХА

Жили-были куманек да кумушка, волк да лисица. Вздумали они построить себе на снегу избушку и жить добром. Вздумано, взгадано и сделано. Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот они и построили избушку возле деревушки. Куманек кормил свою кумушку телятиною да бараниною, а кума его курочками да цыплятами.

Однажды кумушка говорит своему куманьку: «Куманек, пойдем вместе в деревню и полакомимся. Я буду сторожить, а ты будешь носить». Вот и отправились на охоту, пришли в деревню; а в деревне все мужики и бабы на сенокосе, а малы ребятишки в горохе. «Ну, кум, теперь нам раздолье: хоть всю деревню шаром покати! Теперь своя воля и наша доля». И лиса улизнула в стайку и двух кур удушила; пришла и добычу принесла и куму говорит: «Теперь, куманек, ты ступай, твоя череда! Я стану сторожить и на все стороны глядить».

Волк пробежал половину деревни, и послышался ему лай собаки, запертой в избе; он проскакал деревню и остановился за погребом. Видит, что нет за ним никакой погони, что в деревне нет ни шуму, ни гаму и лиса-кумушка никакой вести ему не дает, волк тихохонько отворил погреб, схватил кринку масла и был таков. Пришли домой, зажарили добычу, съели и легли отдыхать.

Лисе показалось масло вкусно, захотелось еще полизать и отведать маслица голичком. Вот она тихонько встала и к кринке подошла; на ту пору волк пробудился и с боку на бок перевалился. Лиса брызнула от кринки и снова улеглась. Волк догадался, что кумушка-лиса хочет маслицем поживиться, встал и вынес кринку в сени и поставил на высокую по́лицу, чтоб кумушке не достать. Как ухитрить — ку́ма обмануть и маслица отведать?

Вот волк ушел в лес за дровами, чтобы печку затопить; в ту пору Лиса Патри́киевна приставила лесенку на потолок, вскочила по ней и с потолка на по́лицу, обнюхала масло, хотела полизать, да побоялась, чтоб кум не застал. Скорехонько воротилась, села к печке и ждала ку́ма; а кум что-то долго запоздал, бегал от собак, поздно пришел, жаловался, что оченно устал, и лег спать не евши.

Ночью лиса, лежа под окном, стук в стену хвостом и чужим голосом говорит: «Матушка-кормилица! Помоги, пособи горю, не дай умереть!» — «Кто там,— говорит волк,— что такое?» — «Ах, куманек, кролик зовет меня в повивушки».— «Беги да к свету вернись!» — «Коли бог даст счастливо, я тотчас прибегу». Хлопнула дверьми, стукнула запором, а сама ни

вон из сеней. Коль скоро все приумолкло и волк захрапел, лиса шмыг на потолок, а с потолка на полицу и к маслу. Зоря на дворе, и наша лиса перед волком в избе. «Что, кумушка, кого бог дал?» — «Початышек, куманек. Початышек!»

На другую ночь лиса ту же хитрость повторила и, стукнув запором, перед волком явилась. «Что, кумушка, кого бог дал?» — «Серёдышек, куманек. Серёдышек!» В третью ночь кума то же сотворила и волку объявила: «Последышек, куманек. Последышек!»

Однажды волк лисе говорит: «Кумушка, мы теперь масло-то к празднику побережем, а о празднике сотворим пир на весь мир и на славу добрым людям».— «Как же, куманек, сохраним, сохраним! Ведь ты его сам упрятал, и некому взять». Перед праздником оба отправились на охоту. Волк притащил за уши свинью да ягненка, а лиса курицу да цыпленка, и пошли наши стряпать.

Все приготовлено, только маслицем сподобить да гостям подать; ведь для праздника надобно же и снадобье! «Куманек,— говорит лиса,— сходи-ка да принеси маслица-то».— «Сейчас, сейчас, кумушка!» — и вышел. Взял волк с полицы кринку, но кринка пуста, и масла нет. Волк изумился и кричит: «Кума! где масло? Кто съел его? Кума, ты съела!» — «Что ты, куманек! Я масла и в глаза не видала и близко не бывала. Ты поставил масло высоко и знаешь, что мне не достать. Не сам ли ты съел, а на меня сваливаешь?» — «Так кто же его съел?» — «Верно, ты сам, кум, и хочешь меня провести; полно шутить, меня не обманешь».

Волк начал сердиться и ротиться, что он масла не едал и что лиса его съела. «Полно, куманек, полно шутить. Вот спознаем: кто масло съел? Кто съел, у того оно вытопится; надо лечь брюхом к огоньку, испробуем-ка? Подай-ка кринку-то, я хоть пустую посуду уберу». Волк отдал кринку, а лиса в кринку лапу и обшарила всю. Вот легли наши против печи к огоньку. Волка пригрело, и он захрапел. Лиса вымарала лапой пол перед волком и лапой же провела по волчью брюху. Волк спросил: «Что ты, кума, делаешь?» — «А вот смотрю, как у тебя масло вытапливается; смотри-ка, ты и пол-от замаслил. Вишь, я правду сказала, что кто масло съел, у того и вытопится». Волк провел по брюху лапою и нашел, что оно в масле. «Что, куманек, не стыдно ли свой грех на чужих сваливать? Отпирайся теперь, вор, а укоры-то верные».

Волк осердился, с досады и горя пустился бежать и домой не воротился. Пришло лето, изба растаяла. Волк эту быль мне сам рассказывал и заверял, что вперед никогда не станет жить вместе с лисою.

ЛИСА, ЗАЯЦ И ПЕТУХ

Жили-были лиса да заяц. У лисицы была избенка ледяная, а у зайчика лубяная; пришла весна красна — у лисицы растаяла, а у зайчика стоит по-старому. Лиса попросилась у зайчика погреться, да зайчика-то и выгнала. Идет дорогой зайчик да плачет, а ему навстречу собаки: «Тяф, тяф, тяф! Про что, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстаньте, собаки! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная, попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Не плачь, зайчик! — говорят собаки.— Мы ее выгоним».— «Нет, не выгоните!» — «Нет, выгоним!» Подошли к избенке: «Тяф, тяф, тяф! Поди, лиса, вон!» А она им с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Собаки испугались и ушли.

Зайчик опять идет да плачет. Ему навстречу медведь. «О чем, зайчик, плачешь?» А зайчик говорит: «Отстань, медведь! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Не плачь, зайчик! — говорит медведь.— Я выгоню ее».— «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, и ты не выгонишь».— «Нет, выгоню!» Пошли гнать: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Медведь испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу бык: «Про что, зайчик, плачешь?» — «Отстань, бык! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Пойдем, я ее выгоню».— «Нет, бык, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, и ты не выгонишь».— «Нет, выгоню!» Подошли к избенке: «Поди, лиса, вон!» А она с печи: «Как выскочу, как выпрыгну, пойдут клочки по заулочкам!» Бык испугался и ушел.

Идет опять зайчик да плачет, а ему навстречу петух с косой: «Кукареку! О чем, зайчик, плачешь?» — «Отстань, петух! Как мне не плакать? Была у меня избенка лубяная, а у лисы ледяная; попросилась она ко мне, да меня и выгнала».— «Пойдем, я выгоню».— «Нет, не выгонишь! Собаки гнали — не выгнали, медведь гнал — не выгнал, бык гнал — не выгнал, и ты не выгонишь».— «Нет, выгоню!» Подошли к избенке: «Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она услыхала, испугалась, говорит: «Одеваюсь...» Петух опять: «Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» А она говорит: «Шубу надеваю». Петух в третий

раз: «Кукареку! Несу косу на плечи, хочу лису посечи! Поди, лиса, вон!» Лисица выбежала, он ее зарубил косой-то и стал с зайчиком жить да поживать да добра наживать.

Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

ЛИСА-ИСПОВЕДНИЦА

Однажды лиса всю большую осеннюю ночь протаскалась по лесу не евши. На зоре прибежала она в деревню, взошла на двор к мужику и полезла на насесть к курам. Только что подкралась и хотела схватить одну курицу, а петуху пришло время петь: вдруг он крыльями захлопал, ногами затопал и закричал во все горло. Лиса с насести-то так со страху полетела, что недели три лежала в лихорадке.

Вот раз вздумалось петуху пойти в лес — разгуляться, а лисица уж давно его стережет; спряталась за куст и поджидает, скоро ли петух подойдет. А петух увидел сухое дерево, взлетел на него и сидит себе. В то время лисе скучно показалось дожидаться, захотелось сманить петуха с дерева; вот думала, думала, да и придумала: дай прельщу его. Подходит к дереву и стала здоровкаться: «Здравствуй, Петенька!» — «Зачем ее лукавый занес?» — думает петух. А лиса приступает с своими хитростями: «Я тебе, Петенька, добра хочу — на истинный путь наставить и разуму научить. Вот ты, Петя, имеешь у себя пятьдесят жен, а на исповеди ни разу не бывал. Слезай ко мне и покайся, а я все грехи с тебя сниму и на смех не подыму».

Петух стал спускаться ниже и ниже и попал прямо лисе в лапы. Схватила его лиса и говорит: «Теперь я задам тебе жару! Ты у меня за все ответишь; попомнишь, блудник и пакостник, про свои худые дела! Вспомни, как я в осеннюю темную ночь приходила и хотела попользоваться одним куренком, а я в то время три дня ничего не ела, а ты крыльями захлопал и ногами затопал!..» — «Ах, лиса! — говорит петух.— Ласковые твои словеса, премудрая княгиня! Вот у нашего архиерея скоро пир будет; в то время стану я просить, чтоб тебя сделали просвирнею, и будут нам с тобой просвиры мягкие, кануны сладкие, и пойдет про нас слава добрая». Лиса распустила лапы, а петух порх на дубок.

Зело удивительно: шла лисица из дальних пустынь. Завидевши петуха на высоцем древе, говорит ему ласковые словеса: «О милое мое чадо, петел! Сидишь ты на высоцем древе да мыслишь ты мысли недобрые, проклятые; вы де́ржите жен помногу: кто держит десять, кто — двадцать, и́нный — тридцать, прибывает со временем до сорока! Где сойдетесь, тут и деретесь о своих женах, как о наложницах. Сниди, милое мое чадо, на землю да покайся! Я шла из дальних пустынь, не пила, не ела, много нужды претерпела; все тебя, мое милое чадо, исповедать хотела».— «О мати моя, лисица! Я не постился и не молился; приди в и́нное время».— «О мое милое чадо, петел! Не постился и не молился, но сниди на землю, покайся, да не во грехах умреши».— «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Не осуждайте друг друга, и сами не осуждены будете; кто что посеял, тот и пожнет. Хочешь ты меня силой к покаянию привести и не спасти, а тело мое пожрать».— «О милое мое чадо, петел! Почто ты такую речь говоришь? Почто я учиню так? Читывал ли ты притчу про мытаря и фарисея, как мытарь спасся, а фарисей погиб за гордость? Ты, мое милое чадо, без покаяния на высоцем древе погибнешь. Сниди на землю пониже, будешь к покаянию поближе; прощен и разрешен и до царствия небесного допущен».

Узнал петух на своей душе тяжкий грех, умилился и прослезился и стал спускаться с ветки на ветку, с прутка на пруток, с сучка на сучок, с пенька на пенек; спустился петел на землю и сел перед лисицу. Скочила лисица, яко лукавая птица, схватила петуха в свои острые когти, зрит на него свирепыми глазами, скрежещет острыми зубами; хочет, как некоего беззаконника, жива пожрать.

И рече петел лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Ты ли меня спасешь, как тело мое пожрешь?» — «Не дорого твое тело и цветное платье, да дорого отплатить некую дружбу. Помнишь ли ты? Я шла ко крестьянину, хотела малого куренка съесть; а ты, дурак, бездельник, сидишь на высоких седалах, закричал-завопил велиим гласом, ногами затопал, крыльями замахал; тогда курицы заговорили, гуси загоготали, собаки залаяли, жеребцы заржали, коровы замычали. Услыхали все мужики и бабы; бабы прибежали с помелами, а мужики с топорами и хотели мне за куренка смерть учинить; а сова у них из рода в род пребывает и всегда курят поедает. А тебе, дурак, бездельник, не быть теперь живому!»

Рече петух лисице: «О мати моя, лисица, сахарные уста, ласковые словеса, льстивый твой язык! Вчерашнего числа звали меня ко Трунчинскому митрополиту во дьяки, выхваляли всем крылосом и собором; хорош молодец, изряден, горазд книги читать, и голос хорош. Не могу ли тебя, мати моя лисица, упросить своим прошеньем хоть в просвирни? Тут нам будет велик доход: станут нам давать сладкие просвиры, большие перепечи, и масличко, и яички, и сырчики». Узнала лисица петушиный признак (sic), отпустила петуха из своих когтей послабже. Вырвался петух, взлетел на высокое древо, закричал-завопил велиим гласом: «Дорогая боярыня просвирня, здравствуй! Велик ли доход, сладки ли просвиры? Не стерла ли горб, нося перепечи? Не охоча ли, ворогуша, до орехов? Да есть ли у тебя зубы?»

Пошла лисица в лес, яко долгий бес, и возрыда горько: «Сколько-де я по земле не бывала, а такой срамоты отроду не видала. Когда бывают петухи в дьяконах, лисицы в просвирнях!» Ему же слава и держава отныне и до веку, и сказке конец.

ЛИСА-ПЛАЧЕЯ

Жил-был старик со старухою, была у них дочка. Раз ела она бобы и уронила один наземь. Боб рос, рос и вырос до неба. Старик полез на небо; взлез туда, ходил-ходил, любовался-любовался и говорит себе: «Дай принесу сюда старуху; то-то она обрадуется!» Слез наземь — посадил старуху в мешок, взял мешок в зубы и полез опять наверх; лез, лез, устал, да и выронил мешок. Спустился поскорее, открыл мешок, смотрит — лежит старуха, зубы ощерила, глаза вытаращила. Он и говорит: «Что ты, старуха, смеешься? Что зубы-то оскалила?» — да как увидел, что она мертвая, так и залился слезами.

Жили они одни-одинехоньки, среди пустыря; некому и поплакать-то по старухе. Вот старик взял мешок с тремя парами беленьких курочек и пошел искать плачеи. Видит — идет медведь, он и говорит: «Поплачь-ка, медведь, по моей старухе! Я отдам тебе две беленьких курочки». Медведь заревел: «Ах, ты, моя родимая бабушка! Как тебя жалко».— «Нет,— говорит старик,— ты не умеешь плакать». И пошел дальше. Шелшел и повстречал волка; заставил его причитать,— и волк не умеет.

Пошел еще и повстречал лису, заставил ее причитать за

пару беленьких курочек. Она и запела: «Туру-туру, бабушка! Убил тебя дедушка». Мужику понравилась песня, он заставил лису петь в другой, третий и четвертый раз; хвать, а четвертой пары курочек и недостает. Старик говорит: «Лиса, лиса! Я четвертую пару дома забыл; пойдем ко мне». Лиса пошла за ним следом. Вот пришли домой; старик взял мешок, положил туда пару собак, а сверху заложил лисонькиными шестью курочками и отдал ей. Лиса взяла и побежала; немного погодя остановилась около пня и говорит: «Сяду на пенек, съем белую курочку». Съела и побежала вперед; потом еще на пенек села и другую курочку съела, затем третью, четвертую, пятую и шестую. А в седьмой раз открыла мешок, собаки на нее и выскочили.

Лиса ну бежать, бежала-бежала и спряталась под колоду, спряталась и начала спрашивать: «Ушки, ушки! Что вы делали?» — «Мы слушали да слушали, чтоб собаки лисоньку не скушали».— «Глазки, глазки! Что вы делали?» — «Мы смотрели да смотрели, чтоб собаки лисоньку не съели».— «Ножки, ножки! Что вы делали?» — «Мы бежали да бежали, чтобы собаки лисоньку не поймали».— «А ты, хвостище, что делал?» — «Я по пням, по кустам, по колодам зацеплял, чтоб собаки лисоньку поймали да разорвали».— «А, ты какой! Так вот же, нате, собаки, ешьте мой хвост!» — и высунула хвост, а собаки схватили за хвост и самоё лисицу вытащили и разорвали.

МУЖИК, МЕДВЕДЬ И ЛИСА

У мужика с медведем была большая дружба. Вот и вздумали они репу сеять; посеяли и начали уговариваться, кому что брать. Мужик сказал: «Мне корешок, тебе, Миша, вершок». Выросла у них репа; мужик взял себе корешки, а Миша вершки. Видит Миша, что ошибся, и говорит мужику: «Ты, брат, меня надул! Когда будем еще что-нибудь сеять, уж меня так не проведешь». Прошел год. Мужик и говорит медведю: «Давай, Миша, сеять пшеницу».— «Давай»,— говорит Миша. Вот и посеяли они пшеницу. Созрела пшеница; мужик и говорит: «Теперь ты что возьмешь, Миша? Корешок али вершок?» — «Нет, брат, теперь меня не надуешь! Подавай мне корешок, а себе бери вершок». Вот собрали они пшеницу и разделили. Мужик намолотил пшеницы, напек себе ситников, пришел к Мише и говорит ему: «Вот, Миша, какая верхушка-то».— «Ну, мужик,— говорит медведь,— я теперь на тебя сердит, съем тебя!» Мужик отошел и заплакал.

Вот идет лиса и говорит мужику: «Что ты плачешь?» — «Как мне не плакать, как не тужить? Меня медведь хочет съесть».— «Не бойся, дядя, не съест!» — и пошла сама в кустья, а мужику велела стоять на том же месте; вышла оттуда и спрашивает: «Мужик, нет ли здесь волков-бирюков, медведёв?» А медведь подошел к мужику и говорит: «Ой, мужик, не сказывай, не буду тебя есть». Мужик говорит лисе: «Нету!» Лиса засмеялась и сказала: «А у телеги-то что лежит?» Медведь потихоньку говорит мужику: «Скажи, что колода».— «Кабы была колода,— отвечает лиса,— она бы на телеге была увязана!» — а сама убежала опять в кустья. Медведь сказал мужику: «Свяжи меня и положи в телегу». Мужик так и сделал.

Вот лиса опять воротилась и спрашивает мужика: «Мужик, нет ли у тебя тут волков-бирюков, медведёв?» — «Нету!» — сказал мужик. «А на телеге-то что лежит?» — «Колода».— «Кабы была колода, в нее бы топор был воткнут!» Медведь и говорит мужику потихоньку: «Воткни в меня топор». Мужик воткнул ему топор в спину, и медведь издох. Вот лиса и говорит мужику: «Что теперь, мужик, ты мне за работу дашь?» — «Дам тебе пару белых кур, а ты неси — не гляди».

Она взяла у мужика мешок и пошла; несла, несла и думает: «Дай погляжу!» Глянула, а там две белые собаки. Собаки как выскочут из мешка-то да за нею. Лиса от них бегла, бегла да под пенек в нору и ушла и, сидя там, говорит с собою: «Что вы, ушки, делали?» — «Мы всё слушали».— «А вы, ножки, что делали?» — «Мы всё бежали».— «А вы, глазки?» — «Мы всё глядели».— «А ты, хвост?» — «Я всё мешал тебе бежать».— «А, ты всё мешал! Постой же, я тебе дам!» —и высунула хвост собакам. Собаки за него ухватились, вытащили лису и разорвали.

СТАРАЯ ХЛЕБ-СОЛЬ ЗАБЫВАЕТСЯ

Попался было бирюк в капкан, да кое-как вырвался и стал пробираться в глухую сторону. Завидели его охотники и стали следить. Пришлось бирюку бежать через дорогу, а на ту пору шел по дороге с поля мужик с мешком и цепом. Бирюк к нему: «Сделай милость, мужичок, схорони меня в мешок! За мной охотники гонят». Мужик согласился, запрятал его в мешок, завязал и взвалил на плечи. Идет дальше, а навстречу ему охотники. «Не видал ли, мужичок, бирюка?» — спрашивают они. «Нет, не видал!» — отвечает мужик.

Охотники поскакали вперед и скрылись из виду. «Что, ушли

мои злодеи?» — спросил бирюк. «Ушли».— «Ну, теперь выпусти меня на волю». Мужик развязал мешок и выпустил его на вольный свет. Бирюк сказал: «А что, мужик, я тебя съем!» — «Ах, бирюк, бирюк! Я тебя из какой неволи выручил, а ты меня съесть хочешь!» — «Старая хлеб-соль забывается»,— отвечал бирюк. Мужик видит, что дело-то плохо, и говорит: «Ну, коли так, пойдем дальше, и если первый, кто с нами встретится, скажет по-твоему, что старая хлеб-соль забывается, тогда делать нечего — съешь меня!»

Пошли они дальше. Повстречалась им старая кобыла. Мужик к ней с вопросом: «Сделай милость, кобылушка-матушка, рассуди нас! Вот я бирюка из большой неволи выручил, а он хочет меня съесть!» — и рассказал ей все, что было. Кобыла подумала-подумала и сказала: «Я жила у хозяина двенадцать лет, принесла ему двенадцать жеребят, изо всех сил на него работала, а как стала стара и пришло мне невмоготу работать — он взял да и стащил меня под яр; уж я лезла, лезла, насилу вылезла, и теперь вот плетусь, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» — «Видишь, моя правда!» — молвил бирюк.

Мужик опечалился и стал просить бирюка, чтоб подождал до другой встречи. Бирюк согласился и на это. Повстречалась им старая собака. Мужик к ней с тем же вопросом. Собака подумала-подумала и сказала: «Служила я хозяину двадцать лет, оберегала его дом и скотину, а как состарилась и перестала брехать — он прогнал меня со двора, и вот плетусь я, куда глаза глядят. Да, старая хлеб-соль забывается!» — «Ну, видишь, моя правда!» Мужик еще пуще опечалился и упросил бирюка обождать до третьей встречи: «А там делай как знаешь, коли хлеба-соли моей не попомнишь».

В третий раз повстречалась им лиса. Мужик повторил ей свой вопрос. Лиса стала спорить: «Да как это можно, чтобы бирюк, этакая большая туша, мог поместиться в этаком малом мешке?» И бирюк и мужик побожились, что это истинная правда; но лиса все-таки не верила и сказала: «А ну-ка, мужичок, покажь, как ты сажал его в мешок-то!» Мужик расставил мешок, а бирюк всунул туда голову. Лиса закричала: «Да разве ты одну голову прятал в мешок?» Бирюк влез совсем. «Ну-ка, мужичок,— продолжала лиса,— покажи, как ты его завязывал?» Мужик завязал. «Ну-ка, мужичок, как ты в поле хлеб-то молотил?» Мужик начал молотить цепом по мешку. «Ну-ка, мужичок, как ты отворачивал?» Мужик стал отворачивать да задел лису по голове и убил ее до смерти, приговаривая: «Старая хлеб-соль забывается!»

ЗВЕРИ В ЯМЕ

Шла свинья в Питер богу молиться. Попадается ей волк навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, богу молиться».— «Возьми и меня».— «Пойдем, куманек!» Шли, шли, попадается лиса навстречу: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, богу молиться».— «Возьми и меня».— «Иди, кума!» Шли они, шли, попадается им заяц: «Свинья, свинья, куда идешь?» — «В Питер, богу молиться».— «Возьми и меня с собой».— «Ступай, косой!» Потом выпросилась еще белка, и вот они шли, шли... Глядь — на дороге яма глубокая и широкая; свинья прыгнула и попала в яму, а за ней и волк, и лиса, и заяц, и белка.

Долго они сидели, сильно проголодались — есть-то нечего. Лиса и придумала: «Давайте,— говорит,— тянуть: кто всех тоньше запоет, того и скушаем». Волк затянул толстым голосом: «О-о-о!» Свинья немного помягче: «У-у-у!» Лиса и того мягче: «Э-э-э!», а заяц с белкою тонким голоском: «И-и-и!» Тотчас разорвали звери зайца да белку и съели со всеми косточками. На другой день лиса опять говорит: «Кто толще всех запоет, того и скушаем». Волк всех толще затянул: «О-о-о!», ну, его и съели.

Лиса мясо скушала, а кишочки под себя спрятала. Дня через три сидит да ест себе кишочки; свинья и спрашивает: «Что ты, кума, кушаешь? Дай-ка мне».— «Эх, свинья! Ведь я свои кишочки таскаю; разорви и ты свое брюхо, таскай кишочки и закусывай». Свинья то и сделала, разорвала свое брюхо и досталась лисе на обед. Осталась лиса одна-одинехонька в яме; вылезла ль она оттудова или и теперь там сидит, право, не ведаю.

ЛИСА И ЖУРАВЛЬ

Лиса с журавлем подружилась, даже покумилась с ним у кого-то на родинах.

Вот и вздумала однажды лиса угостить журавля, пошла звать его к себе в гости: «Приходи, куманек, приходи, дорогой! Уж я как тебя угощу!» Идет журавль на званый пир, а лиса наварила манной каши и размазала по тарелке. Подала и потчевает: «Покушай, мой голубчик-куманек! Сама стряпала». Журавль хлоп-хлоп носом, стучал-стучал, ничего не попадает! А лисица в это время лижет себе да лижет кашу, так всю сама и скушала.

Каша съедена; лисица говорит: «Не бессудь, любезный кум! Больше потчевать нечем».— «Спасибо, кума, и на этом! Приходи ко мне в гости».

На другой день приходит лиса, а журавль приготовил окрошку, наклал в кувшин с малым горлышком, поставил на стол и говорит: «Кушай, кумушка! Право, больше нечем потчевать». Лиса начала вертеться вокруг кувшина, и так зайдет и этак, и лизнет его, и понюхает-то, все ничего не достанет! Не лезет голова в кувшин. А журавль меж тем клюет себе да клюет, пока все поел. «Ну, не бессудь, кума! Больше угощать нечем». Взяла лису досада, думала, что наестся на целую неделю, а домой пришла как не солоно хлебала. Как аукнулось, так и откликнулось! С тех пор и дружба у лисы с журавлем врозь.

ЛИСА И РАК

Лиса и рак стоят вместе и говорят промеж себя. Лиса говорит раку: «Давай с тобой перегоняться». Рак: «Что ж, лиса, ну давай!»

Зачали перегоняться. Лишь лиса побегла, рак уцепился лисе за хвост. Лиса до места добегла, а рак не отцепляется. Лиса обернулась посмотреть, вернула хвостом, рак отцепился и говорит: «А я давно уж жду тебя тут».

КОЛОБОК

Жил-был старик со старухою. Просит старик: «Испеки, старуха, колобок!» — «Из чего печь-то? Муки нету». — «Э-эх, старуха! По коробу поскреби, по сусеку помети; авось муки и наберется».

Взяла старуха крылышко, по коробу поскребла, по сусеку помела, и набралось муки пригоршни с две. Замесила на сметане, изжарила в масле и положила на окошечко постудить.

Колобок полежал-полежал, да вдруг и покатился — с окна на лавку, с лавки нá пол, пó полу да к дверям, перепрыгнул через порог в сени, из сеней на крыльцо, с крыльца на двор, со двора за ворота, дальше и дальше.

Катится колобок по дороге, а навстречу ему заяц: «Колобок, колобок! Я тебя съем». — «Не ешь меня, косой зайчик! Я тебе песенку спою», — сказал колобок и запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
У тебя, зайца, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только заяц его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему волк: «Колобок, колобок! Я тебя съем!» — «Не ешь меня, серый волк! Я тебе песенку спою!»

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон,
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
У тебя, волка, не хитро уйти!

И покатился себе дальше; только волк его и видел!..

Катится колобок, а навстречу ему медведь: «Колобок, колобок! Я тебя съем».—«Где тебе, косолапому, съесть меня!»

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У тебя, медведь, не хитро уйти!

И опять укатился; только медведь его и видел!..

Катится, катится колобок, а навстречу ему лиса: «Здравствуй, колобок! Какой ты хорошенький». А колобок запел:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешон,
Да в масле пряжон,
На окошке стужон:
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
У медведя ушел,
У тебя, лиса, и подавно уйду!

«Какая славная песенка! — сказала лиса.— Но ведь я, колобок, стара стала, плохо слышу: сядь-ка на мою мордочку да пропой еще разок погромче». Колобок вскочил лисе на мордочку и запел ту же песню. «Спасибо, колобок! Славная песенка, еще

бы послушала! Сядь-ка на мой язычок да пропой в последний разок»,— сказала лиса и высунула свой язык; колобок сдуру прыг ей на язык, а лиса — ам его! — и скушала.

НАПУГАННЫЕ МЕДВЕДЬ И ВОЛКИ

Жили старик да старуха, у них были баран да козел, только такие блудливые: совсем от стада отбились, бегают себе по сторонам — ищи где хочешь. «Знаешь что, старуха,— говорит старик,— давай заколем козла и барана, а то они с жиру бесятся! Пожалуй, туда забегут, что и не найдешь; все равно пропадут даром».— «Ну что ж? Заколем». А баран с козлом стояли под окошком, подслушали эти речи и убежали в густой-густой лес. Прибежали и говорят: «Надо развести теперь огонь, а то холодно будет; вишь, какая роса холодная». Стали они таскать хворосту; набрали целую кучу. Надо огню добыть.

Недалеко мужики жгли уголья. Вот козел с бараном утащили у них головешку, развели огонь и сели греться. Вдруг прибежали три медведя и уселись около костра. Что делать! Козел стал спрашивать: «Что, баран, есть хочешь?» — «Хочу».— «А что, ружье у тебя заряжено?» — «Заряжено».— «А топор востёр?» — «Востёр».— «Ну поди, добывай на ужин».— «Нет, брат козел, я сейчас только пришел; не пойду».— «Неужто ж нам голодным спать? Ступай убей вот этого медведя; мы их не звали, они сами к нам пришли! Зажарим да поужинаем».

Медведь оробел и говорит: «Ах, братцы — козел и баран! Где станете меня жарить? Вишь, у вас какой малый огонь! Пустите меня, я наломаю вам дров, разведу побольше костер, тогда убейте меня и жарьте».—«Хорошо, ступай за дровами». Медведь вскочил и давай бог ноги. «Кто себе враг! — думает он про себя.— Ни за что не ворочусь назад». Другой медведь видит, что посланный за дровами не ворочается, и взяло его раздумье: пожалуй, они за меня теперь примутся. «Пойду,— говорит,— помогу тому медведю, верно он так много наломал, что и притащить не в силу».—«Ну, ступай, помоги». Вот и другой медведь убежал; остался еще один. Козел обождал немножко и говорит: «Ну, брат медведь, приходится тебя бить. Сам видишь, очередные-то ушли!»—«Ах, братцы, на чем же станете меня жарить? Огню-то вовсе нет. Лучше пойду я да погоню очередных назад».—«Да и ты, пожалуй, не воротишься?»—«Ну, право, ворочусь, да и тех с собой приведу!»—«Ступай, да поскорей приходи; не умирать же нам с голоду. Коли сам за вами пойду — всем худо будет».

И последний медведь со всех ног пустился бежать и убежал далеко-далеко. «Славно, брат, надули! — говорит козел.— Только, вишь, здесь надо каждого шороху бояться. Пойдем-ка домой, заодно пропадать, а может, старик-то и сжалится». Вот и воротились домой. Старик обрадовался: «Накорми-ка их!» — говорит старухе. Козел и баран зачали ласкаться; старухе жалко их стало. Она и говорит старику: «Неужто нам есть нечего! Не станем колоть козла и барана, пусть еще поживут!» — «Ну, ладно!» — сказал мужик. Стали они жить себе, поживать да добра наживать; а козел с бараном баловство свое совсем оставили, сделались смирными да послушными.

ВОЛК

Жил старик со старухой; у них было пять овец, шестой жеребец, седьмая телка. Пришел к ним волк и стал петь песню:

Жил жилец,
На кустике дворец;
У него пять овец,
Шестой жеребец,
Седьмая телка.

Старуха и говорит старику: «Ох, какая песня-то славная! Старик, дай ему овечку». Старик дал ему, волк съел и опять пришел с этой же песнию, и ходил с нею до тех пор, пока не поел овец, жеребца, телку и старуху. Остался один старик; волк пришел и к нему с этой песнию. Старик взял кочергу и ну ею возить волка. Волк убежал и с тех пор к старику ни ногой; а старик остался, горемычный, один горе мыкать.

Жил-был старик да старушка, у них была кошечка-судомоечка, собачка-пустолаечка, овечка да коровушка. Дознался волк, что у старика много скотины; пошел просить себе. Пришел и говорит: «Отдавай старуху!» Старику жаль отдать старушку; отдал вместо ее кошечку-судомоечку. Волку этого мало; съел и опять пришел к старику: «Подавай старуху!» Старику жаль отдавать старушку; отдал за нее собачку-пустолаечку. Съел волк и опять идет за старухою. Старик не дает старушки; отдал за нее овечку, а потом и коровушку. А старушку себе оставил; и стали они вдвоем жить да быть, и теперь живут, хлеб жуют.

ВОЛК И КОЗА

Где-то когда-то шла брюхатая коза. Подошла она к яблоне и говорит: «Яблонь, яблонь! Пусти меня окотиться под себя». Яблонь не пустила, сказала: «Яблочко отпадет, козленка ушибет; тебе ж невыгодно будет». Коза подошла к орешне, чтоб она пустила ее окотиться; и орешня не пустила, сказала: «Орех упадет, козленка ушибет». Нечего делать — коза пошла как не солоно щи хлебала. Вот шла, шла она и видит — стоит избушка, к лесу передом, а к ней задом. Тут коза сказала: «Избушка, избушка! Обратись ко мне передом, а к лесу задом; я войду в тебя». Избушка обратилась, и коза вошла в нее котиться и окотилась. Тут коза расположилась как дома; начала нередко оставлять своих козляточек в этой избушке под запором, а сама ходить в лес — траву есть.

Вот однажды — только коза ушла от козляточков — приходит к дверям избушки бирюк и кричит толстым голосом: «Козлятушки, ребятушки! Отопритеся, отомкнитеся! Я — ваша мать — пришла, молока принесла; бежит молоко по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки узнали, что голос не их матери, и не отперли двери. «У нашей маменьки,— говорят они,— не такой голос: у ней голосок тонкий и нежный». Скоро после того, как ушел бирюк, приходит к двери их мать и кричит: «Ой, детушки, отопритеся, отомкнитеся! Я — ваша мать — пришла, молока принесла: я на бору была, скорваду глодала; молочко течет по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки отперли ей и начали пить молочко.

Между тем бирюк пришел к кузнецу и говорит ему: «Кузнец, кузнец! Сделай мне тоненький язычок». Кузнец сделал ему. Вот как наелись, напились козлятки, коза опять в лес ушла, строго приказав деткам никого не пускать к себе. Только коза ушла, приходит к дверям прежний бирюк и начал кричать голосом, похожим на голос их матери: «Ох, детушки, отопритеся, отомкнитеся! Я — ваша мать — пришла, молока принесла; бежит молочко по вымечку, из вымечка в корытце, из корытца в сыру землю». Козлятки не разгадали голоса и отперли бирюку. Бирюк почти всех их поел (только один маленький козленчик спрятался под печь), поел, оставил одну шерстку да косточки и ушел в лес.

Пришла коза, кричит у двери, и козленчик отпер ей. Тут она собрала шерстку, иссушила на печи и смолола, как муку; через день затеяла блины и вздумала позвать к себе в гости бирюка, а бирюка она видывала у своей кумушки — лисы. Затеяв блины, коза приходит к куме и просит ее к себе в гости с тем бирюком. Лиса дала верное ей слово, и коза воротилась домой. Вот поутру рано, еще часов в пять, приходит к козе лиса с бирюком, а этот бирюк

такой гладыш стал, что коза и не узнала его. Сели они за стол; коза подала им тарелки, ножи и вилки, масло и сливки, и стали есть блины. Между тем коза полезла в пóдпол за сметаною, а у самой не то на уме; взяла с собой туда жару и развела огонь, а около огня натыкала много железных тычек.

Только гости покушали блинов, коза и говорит им: не угодно ли будет им поиграть в ее любимую игру? Они согласились. Коза тотчас вынула одну доску из пола и, не приказывая им подходить близко, говорит: «Вот моя игра — прыгать через эту дыру скоро и без отдышки». Лиса с козою тут же перепрыгнули; за ними сряжается прыгать толстый бирюк. Лишь только прыгнул, зацепил ногою за половицу и упал в дыру, а там на железные тычки и огонь. Коза с лисою прикрыли его доскою, и бирюк сгорел. Тут коза с кумою лисою сделали чудесный помин по бирюке; наелись, напились, вышли на двор; коза проводила куму, а сама с своим козленком стала жить да поживать и молочко для козленка добывать.

ВОЛК-ДУРЕНЬ

Дело было в старину, когда еще Христос ходил по земле вместе с апостолами. Раз идут они дорогою, идут широкою; попадается навстречу волк и говорит: «Господи! Мне есть хочется!» — «Поди,— сказал ему Христос,— съешь кобылу». Волк побежал искать кобылу; увидел ее, подходит и говорит: «Кобыла! Господь велел тебя съесть». Она отвечает: «Ну, нет! Меня не съешь, не позволено; у меня на то есть вид, только далеко забит».— «Ну покажи!» — «Подойди поближе к задним ногам». Волк подошел; она как треснет его по зубам задними копытами, ажно волк на три сажени назад отлетел! А кобыла убежала.

Пошел волк с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! Кобыла чуть-чуть не убила меня до смерти!» — «Ступай, съешь барана». Волк побежал к барану; прибежал и говорит: «Баран, я тебя съем, господь приказал».— «Пожалуй, съешь! Да ты стань под горою да разинь свою пасть, а я стану на горе, разбегусь, так прямо к тебе в рот и вскочу!» Волк стал под горою и разинул пасть; а баран как разбежится с горы да как ударит его своим бараньим лбом: бац! Сшиб волка с ног да сам и ушел. Волк встал, глядит на все стороны: нет барана!

Опять отправился с жалобой; приходит ко Христу и говорит: «Господи! И баран меня обманул; чуть-чуть совсем не убил!» — «Поди,— сказал Христос,— съешь портного». Побежал волк; попадается ему навстречу портной. «Портной, я тебя съем, господь

приказал».— «Погоди, дай хоть с родными проститься».— «Нет. и с родными не дам проститься».— «Ну, что делать! Так и быть, съешь. Дай только я тебя смеряю: влезу ли еще в тебя-то?» — «Смеряй!» — говорит волк. Портной зашел сзади, схватил волка за хвост, завил хвост за руку и давай серого утюжить. Волк бился-бился, рвался-рвался, оторвал хвост да давай бог ноги! Бежит что есть силы, а навстречу ему семь волков. «Постой! — говорят.— Что ты, серый, без хвоста?» — «Портной оторвал».— «Где портной?» — «Вон идет по дороге».— «Давай нагонять его»,— и пустились за портным. Портной услышал погоню, видит, что дело плохо, взобрался поскорей на дерево, на самый верх, и сидит.

Вот волки прибежали и говорят: «Станем, братцы, доставать портного; ты, кургузый, ложись под испод, а мы на тебя, да друг на дружку уставимся — авось достанем!» Кургузый лег наземь, на него стал волк, на того другой, на другого третий, все выше и выше; уж последний взлезает. Видит портной беду неминучую: вот-вот достанут! и закричал сверху: «Ну, уж никому так не достанется, как кургузому». Кургузый как выскочит из-под низу да бежать! Все семеро волков попадали наземь да за ним вдогонку; нагнали и ну его рвать, только клочья летят. А портной слез с дерева и пошел домой.

МЕДВЕДЬ

Жила-была старуха. Избушка ее стояла на отлете от села, двор был плохо огорожен, а скотинки-то было вдоволь: одна корова да шесть овец. Зимой всюду бродят волки да медведи: вот к этой старухе и повадился по ночам ходить медведь — овец есть. Разломал назади плетень, съел овцу, съел и другую. Старуха зачала караулить и накинула на себя такую дурéнь, что и ночь стала у ней как день. Сняла она с зарезанных медведем овец шерстку и всю ноченьку сидит себе да прядет.

Вот медведь много раз приходил, хочется ему съесть овечку — не тут-то было! Только медведь за плетень, а старуха скрип дверью и выйдет на двор. Медведь с досады перестал ходить по задам, а подойдет под окно к старухиной избе и запоет песню: «Скрипи-скрипи, скрипка, на липовой ножке! И вода-то спит, и земля-то спит; одна бабушка не спит, свою шерстку прядет!»

Выйдет старуха за ворота посмотреть — кто так хорошо поет, а медведь шасть назад к плетню, стибрит овцу и уйдет в лес. Так-то всех овец и перетаскал. Бедная старушка сломала свою избушку и поселилась на куте у своего брата; стали они вместе жить да поживать, добра наживать да лиха избывать.

МЕДВЕДЬ, СОБАКА И КОШКА

Жил себе мужик, у него была добрая собака, да как устарела — перестала и лаять, и оберегать двор с амбарами. Не захотел мужик кормить ее хлебом, прогнал со двора. Собака ушла в лес и легла под дерево издыхать. Вдруг идет медведь и спрашивает: «Что ты, кобель, улегся здесь?» — «Пришел околевать с голоду! Видишь, нынче какая у людей правда: покуда есть сила — кормят и поят, а как пропадет сила от старости — ну и погонят со двора».— «А что, кобель, хочется тебе есть?» — «Еще как хочется-то!» — «Ну, пойдем со мною; я тебя накормлю».

Вот и пошли. Попадается им навстречу жеребец. «Гляди на меня!» — сказал медведь собаке и стал лапами рвать землю. «Кобель, а кобель!» — «Ну что?» — «Посмотри-ка, красны ли мои глаза?» — «Красны, медведь!» Медведь еще сердитее начал рвать землю. «Кобель, а кобель! Что — шерсть взъерошилась?» — «Взъерошилась, медведь!» — «Кобель, а кобель! Что — хвост поднялся?» — «Поднялся!» Вот медведь схватил жеребца за брюхо; жеребец упал наземь. Медведь разорвал его и говорит: «Ну, кобель, ешь сколько угодно. А как приберешь все, приходи ко мне».

Живет себе кобель, ни о чем не тужит; а как съел все да проголодался опять, побежал к медведю. «Ну что, брат, съел?» — «Съел; теперича опять пришлось голодать».— «Зачем голодать! Знаешь ли, где ваши бабы жнут?» — «Знаю».— «Ну, пойдем; я подкрадусь к твоей хозяйке и ухвачу из зыбки ее ребенка, а ты догоняй меня да отнимай его. Как отнимешь, и отнеси назад; она за то станет тебя по-старому кормить хлебом». Вот ладно, прибежал медведь, подкрался и унес ребенка из зыбки. Ребенок закричал, бабы бросились за медведем, догоняли, догоняли и не могли нагнать, так и воротились; мать плачет, бабы тужат.

Откуда не́ взялся кобель, догнал медведя, отнял ребенка и несет его назад. «Смотрите,— говорят бабы,— старый-то кобель отнял ребенка!» Побежали навстречу. Мать уж так рада-рада. «Теперича,— говорит,— я этого кобеля ни за что не покину!» Привела его домой, налила молочка, покрошила хлебца и дала ему: «На, покушай!» А мужику говорит: «Нет, муженек, нашего кобеля надо беречь да кормить; он моего ребенка у медведя отнял. А ты сказывал, что у него силы нет!» Поправился кобель, отъелся. «Дай бог,— говорит,— здоровья медведю! Не дал помереть с голоду»,— и стал медведю первый друг.

Раз у мужика была вечеринка. На ту пору медведь пришел к собаке в гости. «Здорово, кобель! Ну как поживаешь — хлеб поедаешь?» — «Слава богу! — отвечает собака.— Не житье, а масленица. Чем же тебя потчевать? Пойдем в избу. Хозяева загуля-

ли и не увидят, как ты пройдешь; а ты войди в избу да поскорей под печку. Вот я что добуду, тем и стану тебя потчевать». Ладно, забрались в избу. Кобель видит, что гости и хозяева порядком перепились, и ну угощать приятеля. Медведь выпил стакан, другой, и поразобрало его. Гости затянули песни, и медведю захотелось, стал свою заводить; а кобель уговаривает: «Не пой, а то беда будет». Куды! Медведь не утихает, а все громче заводит свою песню. Гости услыхали вой, похватали колья и давай бить медведя; он вырвался да бежать, еле-еле жив уплелся.

Была у мужика еще кошка; перестала ловить мышей, и ну проказить; куда ни полезет, а что-нибудь разобьет или из кувшина прольет. Мужик прогнал кошку из дому, а собака видит, что она бедствует без еды, и начала потихоньку носить к ней хлеба да мяса и кормить ее. Хозяйка стала присматривать; как узнала про это, принялась кобеля бить; била, била, а сама приговаривала: «Не таскай кошке говядины, не носи кошке хлеба!» Вот дня через три вышел кобель со двора и видит, что кошка совсем с голоду издыхает. «Что с тобой?» — «С голоду помираю; потуда и сыта была, покуда ты меня кормил».— «Пойдем со мною».

Вот и пошли. Приходит кобель к табуну и начал копать землю лапами, а сам спрашивает: «Кошка, а кошка! Что — глаза красны?» — «Ничего не красны».— «Говори, что красны!» Кошка и говорит: «Красны».— «Кошка, а кошка! Что — шерсть ощетинилась?» — «Нет, не ощетинилась».— «Говори, дура, что ощетинилась».— «Ну, ощетинилась».— «Кошка, а кошка! Что хвост — поднялся?» — «Ничего не поднялся».— «Говори, дура, что поднялся!» — «Ну, поднялся». Кобель как бросится на кобылу, а кобыла как ударит его задом: у кобеля и дух вон! А кошка и говорит: «Вот теперича и впрямь глаза кровью налились, шерсть взъерошилась и хвост завился. Прощай, брат кобель! И я пойду помирать».

СКАЗКА О КОЗЕ ЛУПЛЕНОЙ

Коза рухлена, половина бока луплена!.. Слушай, послушивай! Жил-был мужик, у него был зайчик. Вот и пошел мужик на́ поле; тут увидал он: лежит коза, половина бока луплена, а половина нет. Мужик сжалился над нею, взял ее, принес домой и положил под сарай. Пообедав и отдохнув немножко, вышел он на огород, и зайчик с ним. Тут коза из-под сарая в избу пробрала́сь и там крючком заперлась.

Вот зайчик захотел поесть и прибежал к дверям избы; хвать лапкой — дверь заперта! «Кто там?» — спрашивает зайчик.

Коза отвечает: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!» Зайчик с горем отошел от двери, вышел на улицу и плачет. Навстречу ему бирюк. «Что ты плачешь?» — спросил бирюк. «У нас в избе кто-то»,— сказал сквозь слезы зайчик. А бирюк: «Иди со мною, я выгоню!» Пришли к дверям. «Кто здесь?» — спросил бирюк. Коза затопала ногами и сказала: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!»

Вот они и ушли от двери. Зайчик опять заплакал и вышел на улицу, а бирюк убежал в лес. Навстречу зайцу идет кочет: «Что ты плачешь?» Зайчик ему сказал. Вот кочет и говорит: «Иди со мною, я выгоню!» Подходя к двери, зайчик, чтобы устрашить козу, кричит: «Идет кочет на пятах, несет саблю на плечах, идет душу губить — козе голову рубить». Вот подошли; кочет и спрашивает: «Кто там?» Коза по-прежнему: «Я — коза рухлена, половина бока луплена; выйду — все бока повыбью!»

Зайчик опять со слезами ушел на улицу. Тут подлетела к нему пчелка, суетится и спрашивает: «Кто тебя? О чем ты плачешь?» Зайчик сказал ей, и пчелка полетела к избе. Тут она спросила: «Кто там?» Коза отвечала по-прежнему. Пчелка рассердилась, начала летать круг стенок; вот жужжала, жужжала и нашла дырочку, влезла туда да за голый бок и жальнула козу ру́хлену и сделала на боку пу́хлину. Коза со всего маху в дверь — и была такова! Тут зайчик вбег в избу, наелся-напился и спать повалился. Когда зайчик проснется, тогда и сказка начнется.

ЗИМОВЬЕ ЗВЕРЕЙ

Шел бык лесом; попадается ему навстречу баран. «Куды, баран, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— говорит баран. «Пойдем со мною!» Вот пошли вместе; попадается им навстречу свинья. «Куды, свинья, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— отвечает свинья. «Иди с нами!» Пошли втроем дальше; навстречу им попадается гусь. «Куды, гусь, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— отвечает гусь. «Ну, иди за нами!» Вот гусь и пошел за ними. Идут, а навстречу им петух. «Куды, петух, идешь?» — спросил бык. «От зимы лета ищу»,— отвечает петух. «Иди за нами!»

Вот идут они путем-дорогою и разговаривают промеж себя: «Как же, братцы-товарищи? Время приходит холодное: где тепла искать?» Бык и сказывает: «Ну, давайте избу строить; а то и впрямь зимою позамерзнем». Баран говорит: «У меня шуба тепла — вишь какая шерсть! Я и так прозимую». Свинья говорит:

«А по мне хоть какие морозы — я не боюсь: зароюся в землю и без избы прозимую». Гусь говорит: «А я сяду в середину ели, одно крыло постелю, а другим оденуся,— меня никакой холод не возьмет; я и так прозимую». Петух говорит: «И я тож!» Бык видит — дело плохо, надо одному хлопотать. «Ну,— говорит,— вы как хотите, а я стану избу строить». Выстроил себе избушку и живет в ней.

Вот пришла зима холодная, стали пробирать морозы; баран — делать нечего — приходит к быку: «Пусти, брат, погреться».— «Нет, баран, у тебя шуба тепла; ты и так перезимуешь. Не пущу!» — «А коли не пустишь, то я разбегуся и вышибу из твоей избы бревно; тебе же будет холоднее». Бык думал, думал: «Дай пущу, а то, пожалуй, и меня заморозит»,— и пустил барана. Вот и свинья прозябла, пришла к быку: «Пусти, брат, погреться».— «Нет, не пущу; ты в землю зароешься и так прозимуешь!» — «А не пустишь, так я рылом все столбы подрою да твою избу уроню». Делать нечего, надо пустить; пустил и свинью. Тут пришли к быку гусь и петух: «Пусти, брат, к себе погреться».— «Нет, не пущу. У вас по два крыла: одно постелешь, другим оденешься; и так прозимуете!» — «А не пустишь,— говорит гусь,— так я весь мох из твоих стен повыщиплю; тебе же холоднее будет».— «Не пустишь? — говорит петух.— Так я взлечу наверх, всю землю с потолка сгребу; тебе же холоднее будет». Что делать быку? Пустил жить к себе и гуся и петуха.

Вот живут они себе да поживают в избушке. Отогрелся в тепле петух и зачал песенки распевать. Услышала лиса, что петух песенки распевает, захотелось петушком полакомиться, да как достать его? Лиса поднялась на хитрости, отправилась к медведю да волку и сказала: «Ну, любезные куманьки, я нашла для всех поживу: для тебя, медведь, быка; для тебя, волк, барана; а для себя петуха».— «Хорошо, кумушка,— говорят медведь и волк,— мы твоих услуг никогда не забудем! Пойдем же, приколем да поедим!»

Лиса привела их к избушке. «Кум,— говорит она медведю,— отворяй дверь, я наперед пойду, петуха съем». Медведь отворил дверь, а лисица вскочила в избушку. Бык увидал ее и тотчас прижал к стене рогами, а баран зачал осаживать по бокам; из лисы и дух вон. «Что она там долго с петухом не может управиться? — говорит волк.— Отпирай, брат Михайло Иванович! Я пойду».— «Ну, ступай». Медведь отворил дверь, а волк вскочил в избушку. Бык и его прижал к стене рогами, а баран ну осаживать по бокам, и так его приняли, что волк и дышать перестал. Вот медведь ждал, ждал: «Что он до сих пор не может управиться с бараном! Дай я пойду». Вошел в избушку; а бык да баран и его так же приняли. Насилу вон вырвался и пустился бежать без оглядки.

МЕДВЕДЬ И ПЕТУХ

Был у старика сын дурак. Просит дурак, чтобы отец его женил: «А если не женишь — всю печку разломаю!» — «Как я тебя женю? У нас денег нету».— «Денег нету, да есть вол; продай его на бойню». Вол услыхал, в лес убежал. Дурак опять пристает к отцу: «Жени меня, не то всю печку разломаю!» Отец говорит: «Рад бы женить, да денег нету».— «Денег нету, да есть баран; продай его на бойню». Баран услыхал, в лес убежал. Дурак от отца не отходит: «жени меня», да и только. «Я же тебе говорю, что денег нет!» — «Денег нету, да есть петух; заколи его, испеки пирог и продай». Петух услыхал, в лес улетал.

Вол, баран и петух сошлись все вместе и выстроили себе в лесу избушку. Медведь узнал про то, захотел их съесть и пришел к избушке. Петух увидал его и запрыгал по насести; машет крыльями и кричит: «Куда-куда-куда! Да подайте мне его сюда; я ногами стопчу, топором срублю! И ножишко здесь, и гужишко здесь, и зарежем здесь, и повесим здесь!» Медведь испугался и пустился назад, бежал, бежал, от страху упал и умер. Дурак пошел в лес, нашел медведя, снял с него шкуру и продал; на эти деньги и женили дурака. Вол, баран и петух из лесу домой пришли.

КОЧЕТ И КУРИЦА

Жили курочка с кочетком, и пошли они в лес по орехи. Пришли к орешне; кочеток залез на орешню рвать орехи, а курочку оставил на земле подбирать орехи; кочеток кидает, а курочка подбирает. Вот кинул кочеток орешек, и попал курочке в глазок, и вышиб глазок. Курочка пошла — плачет. Вот едут бояре и спрашивают: «Курочка, курочка! Что ты плачешь?» — «Мне кочеток вышиб глазок».— «Кочеток, кочеток! На что ты курочке вышиб глазок?» — «Мне орешня портки раздрала».— «Орешня, орешня! На что ты кочетку портки раздрала?» — «Меня козы подглодали».— «Козы, козы! На что вы орешню подглодали?» — «Нас пастухи не берегут».— «Пастухи, пастухи! Что вы коз не бережете?» — «Нас хозяйка блинами не кормит».— «Хозяйка, хозяйка! Что ты пастухов блинами не кормишь?» — «У меня свинья опару пролила».— «Свинья, свинья! На что ты у хозяйки опару пролила?» — «У меня волк поросеночка унес».— «Волк, волк! На что ты у свиньи поросеночка унес?» — «Я есть захотел, мне бог повелел».

КУРОЧКА

Жил-был старик со старушкою, у них была курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко разбилось. Старик плачет, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась. Идет просвирня, спрашивает: что они так плачут? Старики начали пересказывать: «Как нам не плакать? Есть у нас курочка-татарушка, снесла яичко в куте под окошком: пестро, востро, костяно, мудрено! Положила на полочку; мышка шла, хвостиком тряхнула, полочка упала, яичко и разбилось! Я, старик, плачу, старуха возрыдает, в печи пылает, верх на избе шатается, девочка-внучка с горя удавилась». Просвирня как услыхала — все просвиры изломала и побросала. Подходит дьячок и спрашивает у просвирни: зачем она просвиры побросала?

Она пересказала ему все горе; дьячок побежал на колокольню и перебил все колокола. Идет поп, спрашивает у дьячка: зачем колокола перебил? Дьячок пересказал все горе попу, а поп побежал, все книги изорвал.

ЖУРАВЛЬ И ЦАПЛЯ

Летала сова — веселая голова; вот она летала, летала и села, да хвостиком повертела, да по сторонам посмотрела, и опять полетела; летала, летала и села, хвостиком повертела да и по сторонам посмотрела... Это присказка, сказка вся впереди.

Жили-были на болоте журавль да цапля, построили себе по концам избушки. Журавлю показалось скучно жить одному, и задумал жениться. «Дай пойду посватаюсь на цапле!»

Пошел журавль — тяп, тяп! Семь верст болото месил: приходит и говорит: «Дома ли цапля?» — «Дома».— «Выдь за меня замуж».— «Нет, журавль, нейду за тя замуж: у тебя ноги долги, платье коротко, сам худо летаешь, и кормить-то меня тебе нечем! Ступай прочь, долговязый!» Журавль, как не солоно похлебал, ушел домой.

Цапля после раздумалась и сказала: «Чем жить одной, лучше пойду замуж за журавля». Приходит к журавлю и говорит: «Журавль, возьми меня замуж!» — «Нет, цапля, мне тебя не надо! Не хочу жениться, не беру тебя замуж. Убирайся!» — Цапля заплакала со стыда и воротилась назад. Журавль раздумался и сказал: «Напрасно не́ взял за себя цаплю; ведь одному-то скучно. Пойду теперь и возьму ее замуж». Приходит и говорит: «Цапля! Я

вздумал на тебе жениться; поди за меня».— «Нет, журавль, нейду за тя замуж!» Пошел журавль домой.

Тут цапля раздумалась: «Зачем отказала? Что одной-то жить? Лучше за журавля пойду!» Приходит свататься, а журавль не хочет. Вот так-то и ходят они по сю пору один на другом свататься, да никак не женятся.

ОРЕЛ И ВОРОНА

Жила-была на Руси ворона, с няньками, с мамками, с малыми детками, с ближними соседками. Прилетели гуси-лебеди, нанесли яичек; а ворона стала их забижать, стала у них яички таскать.

Случилось лететь мимо сычу; видит он, что ворона больших птиц забижает, и полетел к сизому орлу. Прилетел и просит: «Батюшка сизый орел! Дай нам праведный суд на шельму ворону». Сизый орел послал за вороной легкого посла воробья. Воробей тотчас полетел, захватил ворону; она было упираться, воробей давай ее пинками и привел-таки к сизому орлу.

Орел стал судить. «Ах ты шельма ворона, шаловая голова, непотребный нос! Про тебя говорят, что ты на чужое добро рот разеваешь, у больших птиц яички таскаешь».— «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!» — «Про тебя же сказывают: выйдет мужичок сеять, а ты выскочишь со всем своим содомом и ну разгребать».— «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!» — «Да еще сказывают: станут бабы жать, нажнут и покладут снопы на поле, а ты выскочишь со всем содомом и опять-таки ну разгребать да ворошить».— «Напраслина, батюшка сизый орел, напраслина!»

Осудили ворону в острог посадить.

ЖАДНАЯ СТАРУХА

Жил старик со старухою; пошел в лес дрова рубить. Сыскал старое дерево, поднял топор и стал рубить. Говорит ему дерево: «Не руби меня, мужичок! Что тебе надо, все сделаю».— «Ну, сделай, чтобы я богат был».— «Ладно: ступай домой, всего у тебя вдоволь будет». Воротился старик домой — изба новая, словно чаша полная, денег куры не клюют, хлеба на десятки лет хватит, а что коров, лошадей, овец — в три дня не сосчитать! «Ах, старик, откуда все это?» — спрашивает старуха. «Да вот, жена, я такое дерево нашел — что ни пожелай, то и сделает».

Пожили с месяц; приелось старухе богатое житье, говорит

старику: «Хоть живем мы богато, да что в этом толку, коли люди нас не почитают! Захочет бурмистр, и тебя и меня на работу погонит; а придерется, так и палками накажет. Ступай к дереву, проси, чтоб ты бурмистром был». Взял старик топор, пошел к дереву и хочет под самый корень рубить. «Что тебе надо?» — спрашивает дерево. «Сделай, чтобы я бурмистром был».— «Хорошо, ступай с богом!»

Воротился домой, а его уж давно солдаты дожидают: «Где ты,— закричали,— старый черт, шатаешься? Отводи скорей нам квартиру, да чтоб хорошая была. Ну-ну, поворачивайся!» А сами тесаками его по горбу да по горбу. Видит старуха, что и бурмистру не всегда честь, и говорит старику: «Что за корысть быть бурмистровой женою! Вот тебя солдаты прибили, а уж о барине и говорить нечего: что захочет, то и сделает. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтоб сделало тебя барином, а меня барыней».

Взял старик топор, пошел к дереву, хочет опять рубить; дерево спрашивает: «Что тебе надо, старичок?» — «Сделай меня барином, а старуху барыней».— «Хорошо, ступай с богом!» Пожила старуха в барстве, захотелось ей большего, говорит старику: «Что за корысть, что я барыня! Вот кабы ты был полковником, а я полковницей — иное дело, все бы нам завидовали».

Погнала старика снова к дереву; взял он топор, пришел и собирается рубить. Спрашивает его дерево: «Что тебе надобно?» — «Сделай меня полковником, а старуху полковницей».— «Хорошо, ступай с богом!» Воротился старик домой, а его полковником пожаловали.

Прошло несколько времени, говорит ему старуха: «Велико ли дело — полковник! Генерал захочет, под арест посадит. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя генералом, а меня генеральшею». Пошел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня генералом, а старуху генеральшею».— «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а его в генералы произвели.

Опять прошло несколько времени, наскучило старухе быть генеральшею, говорит она старику: «Велико ли дело — генерал! Государь захочет, в Сибирь сошлет. Ступай к дереву, проси, чтобы сделало тебя царем, а меня царицею». Пришел старик к дереву, хочет топором рубить. «Что тебе надобно?» — спрашивает дерево. «Сделай меня царем, а старуху царицею».— «Хорошо, иди с богом!» Воротился старик домой, а за ним уж послы приехали: «Государь-де помер, тебя на его место выбрали».

Не много пришлось старику со старухой нацарствовать; показалось старухе мало быть царицею, позвала старика и говорит ему: «Велико ли дело — царь! Бог захочет, смерть нашлет, и запрячут

тебя в сырую землю. Ступай-ка ты к дереву да проси, чтобы сделало нас богами».

Пошел старик к дереву. Как услыхало оно эти безумные речи, зашумело листьями и в ответ старику молвило: «Будь же ты медведем, а твоя жена медведицей». В ту ж минуту старик обратился медведем, а старуха медведицей, и побежали в лес.

СКАЗКА ОБ ЕРШЕ ЕРШОВИЧЕ, СЫНЕ ЩЕТИННИКОВЕ

Ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко склался на дровнишки со своим маленьким ребятишкам; пошел он в Кам-реку, из Кам-реки в Трос-реку, из Трос-реки в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Ростовское озеро и в этом озере выпросился остаться одну ночку; от одной ночки две ночки, от двух ночек две недели, от двух недель два месяца, от двух месяцев два года, а от двух годов жил тридцать лет. Стал он по всему озеру похаживать, мелкую и крупную рыбу под добало (?) подкалывать. Тогда мелкая и крупная рыба собрались во един круг и стали выбирать себе судью праведную, рыбу-сом с большим усом: «Будь ты,— говорят,— нашим судьей».

Сом послал за ершом — добрым человеком и говорит: «Ерш, добрый человек! Почему ты нашим озером завладел?» — «Потому,— говорит,— я вашим озером завладел, что ваше озеро Ростовское горело снизу и доверху, с Петрова дня и до Ильина дня, выгорело оно снизу и доверху и запустело».— «Ни вовек,— говорит рыба-сом,— наше озеро не гарывало! Есть ли у тебя в том свидетели, московские крепости, письменные грамоты?» — «Есть у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: сорóга-рыба на пожаре была, глаза запалила, и понынче у нее красны».

И посылает сом-рыба за сорóгой-рыбой. Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых, зовут сорóгу-рыбу: «Сорóга-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». Сорóга-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась. И говорит ей сом: «Здравствуй, сорóга-рыба, вдова честнáя! Гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» — «Ни вовек-то,— говорит сорóга-рыба,— не гарывало наше озеро!» Говорит сом-рыба: «Слышишь, ерш, добрый человек! Сорóга-рыба в глаза обвинила». А сорóга тут же примолвила: «Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает. «Есть же у меня,— говорит,— в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты:

окунь-рыба на пожаре был, головешки носил, и поныне у него крылья красны». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: «Окунь-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество». И приходит окунь-рыба. Говорит ему сом-рыба: «Скажи, окунь-рыба, гарывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» — «Ни вовек-то,— говорит,— наше озеро не гарывало! Кто ерша знает да ведает, тот без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, на бога уповает, говорит сом-рыбе: «Есть же у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: щука-рыба, вдова честна́я, притом не мотыга, скажет истинную правду. Она на пожаре была, головешки носила, и поныне черна». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят и говорят: «Щука-рыба! Зовет рыба-сом с большим усом пред свое величество». Щука-рыба, не дошедчи рыбы-сом, кланялась: «Здравствуй, ваше величество?» — «Здравствуй, щука-рыба, вдова честна́я, притом же и не мотыга! — говорит сом.— Га́рывало ли наше озеро Ростовское с Петрова дня до Ильина дня?» Щука-рыба отвечает: «Ни вовек-то не гарывало наше озеро Ростовское! Кто ерша знает да ведает, тот всегда без хлеба обедает!»

Ерш не унывает, а на бога уповает: «Есть же,— говорит,— у меня в том свидетели и московские крепости, письменные грамоты: налим-рыба на пожаре был, головешки носил, и поныне он черен». Стрелец-боец, карась-палач, две горсти мелких молей, туды же понятых (это государские посыльщики), приходят к налим-рыбе и говорят: «Налим-рыба! Зовет тебя рыба-сом с большим усом пред свое величество».— «Ах, братцы! Нате вам гривну на труды и на волокиту: у меня губы толстые, брюхо большое, в городе не бывал, пред судьями не стаивал, говорить не умею, кланяться, право, не могу». Эти государские посыльщики пошли домой: тут поймали ерша и посадили его в петлю.

По ершовым-то молитвам бог дал дождь да слякоть. Ерш из петли-то да и выскочил; пошел он в Кубенское озеро, из Кубенского озера в Трос-реку, из Трос-реки в Кам-реку. В Кам-реке идут щука да осетр. «Куда вас черт понес?» — говорит им ерш. Услыхали рыбаки ершов голос тонкий и начали ерша ловить. Изловили ерша, ершишко-кропачишко, ершишко-пагубнишко! Пришел Бродька — бросил ерша в лодку, пришел Петрушка — бросил ерша в плетушку: «Наварю,— говорит,— ухи, да и скушаю». Тут и смерть ершова!

БАЙКА О ЩУКЕ ЗУБАСТОЙ

В ночь на Иванов день родилась щука в Шексне, да такая зубастая, что боже упаси! Лещи, окуни, ерши — все собрались глазеть на нее и диковались такому чуду. Вода той порой в Шексне всколыхалася; шел паром через реку, да чуть не затопился, а красные девки гуляли по берегу, да все порассыпались. Экая щука родилась зубастая! И стала она расти не по дням, а по часам: что день, то на вершок прибавится; и стала щука зубастая в Шексне похаживать да лещей, окуней полавливать: издали увидит леща, да и хвать его зубами — леща как не бывало, только косточки хрустят на зубах у щуки зубастой.

Экая оказия случилась в Шексне! Что делать лещам да окуням? Тошно приходит: щука всех приест, прикорнает. Собралась вся мелкая рыбица, и стали думу думать, как перевести щуку зубастую да такую торовастую. На совет пришел и Ерш Ершович и так наскоро взголцыл: «Полноте думу думать да голову ломать, полноте мозг портить; а вот послушайте, что я буду баять. Тошно нам всем теперь в Шексне; щука зубастая проходу не дает, всякую рыбу на зуб берет! Не житье нам в Шексне, переберемтесь-ка лучше в мелкие речки жить — в Сизму, Коному да Славенку; там нас никто не тронет, и будем жить припеваючи да деток наживаючи».

И поднялись все ерши, лещи, окуни из Шексны в мелкие речки Сизму, Коному да Славенку. По дороге, как шли, хитрый рыбарь многих из ихней братьи изловил на удочку и сварил забубенную ушицу, да тем, кажись, и заговелся. С тех пор в Шексне совсем мало стало мелкой рыбицы. Закинет рыбарь удочку в воду, да ничего не вытащит; когда-некогда попадется стерлядка, да тем и ловле шабаш! Вот вам и вся байка о щуке зубастой да такой торовастой. Много наделала плутовка хлопот в Шексне, да после и сама несдобровала; как не стало мелкой рыбицы, пошла хватать червячков и попалась сама на крючок. Рыбарь сварил уху, хлебал да хвалил: такая была жирная! Я там был, вместе уху хлебал, по усу текло, в рот не попало.

ТЕРЕМ МУХИ

Ехал мужик с горшками, потерял большой кувшин. Залетела в кувшин муха и стала в нем жить-поживать. День живет, другой живет. Прилетел комар и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха; а ты кто?» — «А я комар-пискун».— «Иди ко мне жить». Вот и стали вдвоем жить. Прибежала к ним мышь и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-

шумиха, да комар-пискун: а ты кто?» — «Я из-за угла хмыстень».— «Иди к нам жить». И стало их трое. Прискакала лягушка и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, да из-за угла хмыстень; а ты кто?» — «Я на воде балагта».— «Иди к нам жить». Вот и стало их четверо.

Пришел заяц и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта; а ты кто?» — «Я на поле свертень».— «Иди к нам». Стало их теперь пятеро. Пришла еще лисица и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень: а ты кто?» — «Я на поле краса».— «Ступай к нам». Прибрела собака и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, да на поле краса; а ты кто?» — «А я гам-гам!» — «Иди к нам жить». Собака влезла.

Прибежал еще волк и стучится: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, да гам-гам; а ты кто?» — «Я из-за кустов хап».— «Иди к нам жить». Вот живут себе все вместе. Спознал про эти хоромы медведь, приходит и стучится — чуть хоромы живы: «Кто в хоромах, кто в высоких?» — «Я, муха-шумиха, да комар-пискун, из-за угла хмыстень, на воде балагта, на поле свертень, на поле краса, гам-гам, да из-за кустов хап; а ты кто?» — «А я лесной гнёт!» Сел на кувшин и всех раздавил.

МИЗГИРЬ

В стары годы, в старопрежние, в красну вёсну, в теплые лета сделалась такая соморота, в мире тягота; стали проявляться комары да мошки, людей кусать, горячую кровь пропускать. Проявился мизгирь, удалой добрый мо́лодец, стал ножками трясти да мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куда летают комары да мошки. Муха грязна, строка некошна, полетела, да чуть не пала, да к мизгирю в сеть попала; то ее мизгирь стал бить, да губить, да за горло давить. Муха мизгирю возмолилася: «Батюшка мизгирь! Не бей ты меня, не губи ты меня; у меня много будет детей сиротать, по дворам ходить и собак дразнить». То ее мизгирь опустил; она полетела, забунчала, известила всем комарам и мошкам: «Ой еси вы, комары и мошки! Убирайтесь под осиново корище; проявился мизгирь, стал ножками трясти, мерёжки плести, ставить на пути, на дорожки, куды летают комары да

мошки; всех изловит!» Они полетели, забились под осиново корище, лежат яко мертвы.

Мизгирь пошел, нашел сверчка, таракана и клопа: «Ты, сверчок, сядь на кочок испивать табачок; а ты, таракан, ударь в барабан; а ты, клоп-блинник, поди под осиново корище, проложь про меня, мизгиря-борца, добра молодца, такую славу, что мизгиря-борца, добра молодца, в живе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи». Сверчок сел на кочок испивать табачок, а таракан ударил в барабан; клоп-блинник пошел под осиново корище, говорит: «Что запали, лежите яко мертвы? Ведь мизгиря-борца, добра молодца, в живе нет: в Казань отослали, в Казани голову отсекли на плахе и плаху раскололи». Они возрадовались и возвеселились, по́ трою перекрестились, полетели, чуть на пали, да к мизгирю все в сеть попали. Он и говорит: «Что вы очень мелки! Почаще бы ко мне в гости бывали, пивца-винца испивали и нам бы подавали!»

ПУЗЫРЬ, СОЛОМИНКА И ЛАПОТЬ

Жили-были пузырь, соломинка и лапоть; пошли они в лес дрова рубить, дошли до реки, не знают, как через реку перейти? Лапоть говорит пузырю: «Пузырь, давай на тебе переплывем!» — «Нет, лапоть, пусть лучше соломинка перетянется с берега на берег, а мы перейдем по ней». Соломинка перетянулась; лапоть пошел по ней, она и переломилась. Лапоть упал в воду, а пузырь хохотал, хохотал, да и лопнул!

Шли два старика по дорожке и зашли в пустую избушку согреться на печке: пузырек да бородка. Посылает пузырек бородку: «Поди, добудь огонька!» Бородка пошла, дунула на огонек и пыхнула; а пузырек хохотал да хохотал, пал с печки и лопнул.

РЕПКА

Посеял дедка репку; пошел репку рвать, захватился за репку; тянет-потянет, вытянуть не может! Со́звал дедка бабку; бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! Пришла внучка; внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! Пришла сучка; сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут,

вытянуть не может! Пришла нóга (?). Нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! Пришла дрýга нóга; дрýга нóга за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут, вытянуть не можут! (и так далее до пятой нóги). Пришла пя́та нóга. Пять ног за четыре, четыре нóги за три, три нóги за две, две нóги за нóгу, нóга за сучку, сучка за внучку, внучка за бабку, бабка за дедку, дедка за репку, тянут-потянут: вытянули репку!

ГРИБЫ

Вздумал гриб, разгадал боровик; под дубочком сидючи, на все грибы глядючи, стал приказывать: «Приходите вы, белянки, ко мне на войну». Отказалися белянки: «Мы грибовые дворянки, не идем на войну».— «Приходите, рыжики́, ко мне на войну». Отказались рыжики́: «Мы богатые мужики, неповинны на войну идти».— «Приходите вы, волнушки, ко мне на войну». Отказалися волнушки: «Мы господские стряпушки, не идем на войну».— «Приходите вы, опенки, ко мне на войну». Отказалися опенки: «У нас ноги очень тонки, мы нейдем на войну».— «Приходите, грузди, ко мне на войну».— «Мы, грузди,— ребятушки дружны, пойдем на войну!»

Это было, как царь-горох воевал с грибами.

СОЛНЦЕ, МЕСЯЦ И ВОРОН ВОРОНОВИЧ

Жили-были старик да старуха, у них было три дочери. Старик пошел в амбар крупку брать; взял крупку, понес домой, а на мешке-то была дырка: крупа-то в нее сыплется да сыплется. Пришел домой. Старуха спрашивает: «Где крупка?» — а крупка вся высыпалась. Пошел старик собирать и говорит: «Кабы Солнышко обогрело, кабы Месяц осветил, кабы Ворон Воронович пособил мне крупку собрать: за Солнышко бы отдал старшую дочь, за Месяца — среднюю, а за Ворона Вороновича — младшую!» Стал старик собирать — Солнце обогрело, Месяц осветил, а Ворон Воронович пособил крупку собрать. Пришел старик домой, сказал старшей дочери: «Оденься хорошенько да выйди на крылечко». Она оделась, вышла на крылечко; Солнце и утащило ее. Средней дочери также велел одеться хорошенько и выйти на крылечко. Она оделась и вышла; Месяц схватил и утащил вторую дочь. И мень-

шей дочери сказал: «Оденься хорошенько да выйди на крылечко». Она оделась и вышла на крылечко; Ворон Воронович схватил ее и унес.

Старик и говорит: «Идти разве в гости к зятю». Пошел к Солнышку; вот и пришел. Солнышко говорит: «Чем тебя потчевать?» — «Я ничего не хочу». Солнышко сказало жене, чтоб настряпала оладьев. Вот жена настряпала. Солнышко уселось среди полу, жена поставила на него сковороду — и оладьи сжарились. Накормила старика. Пришел старик домой, приказал старухе состряпать оладьев; сам сел на пол и велит ставить на себя сковороду с оладьями. «Чего на тебе испекутся!» — говорит старуха. «Ничего,— говорит,— ставь, испекутся». Она и поставила; сколько оладьи ни стояли, ничего не испеклись, только прокисли. Нечего делать, поставила старуха сковородку в печь, испеклися оладьи, наелся старик.

На другой день старик пошел в гости к другому зятю, к Месяцу. Пришел. Месяц говорит: «Чем тебя потчевать?» — «Я,— отвечает старик,— ничего не хочу». Месяц затопил про него баню. Старик говорит: «Тёмно, быва́т, в бане-то будет!» А Месяц ему: «Нет, светло; ступай». Пошел старик в баню, а Месяц запихал перстик в дырочку, и оттого в бане светло-светло стало. Выпарился старик, пришел домой и велит старухе топить баню ночью. Старуха истопила; он и посылает ее туда париться. Старуха говорит: «Тёмно париться-то!» — «Ступай, светло будет!» Пошла старуха, а старик видел-то, как светил ему Месяц, и сам туда ж — взял прорубил дыру в бане и запихал в нее свой перст. А в бане свету нисколько нет! Старуха знай кричит ему: «Тёмно!» Делать нечего, пошла она, принесла лучины с огнем и выпарилась.

На третий день старик пошел к Ворону Вороновичу. Пришел. «Чем тебя потчевать-то?» — спрашивает Ворон Воронович. «Я,— говорит старик,— ничего не хочу».— «Ну, пойдем хоть спать на седала». Ворон поставил лестницу и полез со стариком. Ворон Воронович посадил его под крыло. Как старик заснул, они оба упали и убились.

ВЕДЬМА И СОЛНЦЕВА СЕСТРА

В некотором ца́рстве, далеком государстве, жил-был царь с царицей, у них был сын Иван-царевич, с роду немой. Было ему лет двенадцать, и попал он раз в конюшню к любимому своему конюху. Конюх этот сказывал ему завсегда сказки, и теперь Иван-царевич пришел послушать от него сказочки, да не то услышал. «Иван-царевич! — сказал конюх.— У твоей матери скоро родится дочь, а тебе сестра: будет она страшная ведьма, съест и отца, и

мать, и всех подначальных людей; так ступай, попроси у отца что ни есть наилучшего коня — будто покататься, и поезжай отсюдова куда глаза глядят, коли хочешь от беды избавиться». Иван-царевич прибежал к отцу и с роду впервой заговорил с ним; царь так этому возрадовался, что не стал и спрашивать: зачем ему добрый конь надобен? Тотчас приказал что ни есть наилучшего коня из своих табунов оседлать для царевича. Иван-царевич сел и поехал куда глаза глядят.

Долго-долго он ехал; наезжает на двух старых швей и просит, чтоб они взяли его с собой жить. Старухи сказали: «Мы бы рады тебя взять, Иван-царевич, да нам уж немного жить. Вот доломаем сундук иголок да изошьем сундук ниток — тотчас и смерть придет!» Иван-царевич заплакал и поехал дальше. Долго-долго ехал, подъезжает к Вертодубу и просит: «Прими меня к себе!» — «Рад бы тебя принять, Иван-царевич, да мне жить остается немного. Вот как повыдерну все эти дубы с кореньями — тотчас и смерть моя!» Пуще прежнего заплакал царевич и поехал все дальше и дальше. Подъезжает к Вертогору; стал его просить, а он в ответ: «Рад бы принять тебя, Иван-царевич, да мне самому жить немного. Видишь, поставлен я горы ворочать; как справлюсь с этими последними — тут и смерть моя!» Залился Иван-царевич горькими слезами и поехал еще дальше.

Долго-долго ехал; приезжает, наконец, к Солнцевой сестрице. Она его приняла к себе, кормила-поила, как за родным сыном ходила. Хорошо было жить царевичу, а все нет-нет, да и сгрустнется: захочется узнать, что в родном дому деется? Взойдет, бывало, на высокую гору, посмотрит на свой дворец и видит, что все съедено, только стены осталися! Вздохнет и заплачет. Раз этак посмотрел да поплакал — воротился, а Солнцева сестра спрашивает: «Отчего ты, Иван-царевич, нонче заплаканный?» Он говорит: «Ветром в глаза надуло». В другой раз опять то же; Солнцева сестра взяла да и запретила ветру дуть. И в третий раз воротился Иван-царевич заплаканный; да уж делать нечего — пришлось во всем признаться, и стал он просить Солнцеву сестрицу, чтоб отпустила его, добра мóлодца, на родину понаведаться. Она его не пускает, а он ее упрашивает; наконец упросил-таки, отпустила его на родину понаведаться и дала ему на дорогу щетку, гребенку да два моложавых яблочка; какой бы ни был стар человек, а съест яблочко — вмиг помолодеет!

Приехал Иван-царевич к Вертогору, всего одна гора осталась; он взял свою щетку и бросил во чистó поле: откуда ни взялись — вдруг выросли из земли высокие-высокие горы, верхушками в небо упираются; и сколько тут их — видимо-невидимо! Вертогор обрадовался и весело принялся за работу. Долго ли, коротко ли —

приехал Иван-царевич к Вертодубу, всего три дуба осталося; он взял гребенку и кинул во чистó поле; откуда чтó — вдруг зашумели, поднялись из земли густые дубовые леса, дерево дерева толще! Вертодуб обрадовался, благодарствовал царевичу и пошел столетние дубы выворачивать. Долго ли, коротко ли — приехал Иван-царевич к старухам, дал им по яблочку; они съели, вмиг помолодели и подарили ему хусточку: как махнешь хусточкой — станет позади целое озеро!

Приезжает Иван-царевич домой. Сестра выбежала, встретила его, приголубила: «Сядь,— говорит,— братец, поиграй на гуслях, а я пойду — обед приготовлю». Царевич сел и бренчит на гуслях; выполз из норы мышонок и говорит ему человеческим голосом: «Спасайся, царевич, беги скорее! Твоя сестра ушла зубы точить». Иван-царевич вышел из горницы, сел на коня и поскакал назад; а мышонок по струнам бегает: гусли бренчат, а сестра и не ведает, что братец ушел. Наточила зубы, бросилась в горницу, глядь — нет ни души, только мышонок в нору скользнул. Разозлилась ведьма, так и скрипит зубами, и пустилась в погоню.

Иван-царевич услыхал шум, оглянулся — вот-вот нагонит сестра; махнул хусточкой — и стало глубокое озеро. Пока ведьма переплыла озеро, Иван-царевич далеко уехал. Понеслась она еще быстрее... вот уж близко! Вертодуб угадал, что царевич от сестры спасается, и давай вырывать дубы да валить на дорогу; целую гору накидал! Нет ведьме проходу! Стала она путь прочищать, грызла, грызла, насилу продралась, а Иван-царевич уж далеко. Бросилась догонять, гнала, гнала, еще немножко... и уйти нельзя! Вертогор увидал ведьму, ухватился за самую высокую гору и повернул ее как раз на дорогу, а на ту гору поставил другую. Пока ведьма карабкалась да лезла, Иван-царевич ехал да ехал и далеко очутился.

Перебралась ведьма через горы и опять погналась за братом... Завидела его и говорит: «Теперь не уйдешь от меня!» Вот близко, вот нагонит! В то самое время подскакал Иван-царевич к теремам Солнцевой сестрицы и закричал: «Солнце, Солнце! Отвори оконце». Солнцева сестрица отворила окно, и царевич вскочил в него вместе с конем. Ведьма стала просить, чтоб ей выдали брата головою; Солнцева сестра ее не послушала и не выдала. Тогда говорит ведьма: «Пусть Иван-царевич идет со мной на весы, кто кого перевесит! Если я перевешу — так я его съем, а если он перевесит — пусть меня убьет!» Пошли: сперва сел на весы Иван-царевич, а потом и ведьма полезла: только ступила ногой, так Ивана-царевича вверх и подбросило, да с такою силою, что он прямо попал на небо, к Солнцевой сестре в терема; а ведьма-змея осталась на земле.

ВАЗУЗА И ВОЛГА

Волга с Вазузой долго спорили, кто из них умнее, сильнее и достойнее большего почета. Спорили, спорили, друг друга не переспорили и решились вот на какое дело. «Давай вместе ляжем спать, а кто прежде встанет и скорее придет к морю Хвалынскому, та из нас и умнее, и сильнее, и почету достойнее». Легла Волга спать, легла и Вазуза. Да ночью встала Вазуза потихоньку, убежала от Волги, выбрала себе дорогу и прямее и ближе и потекла. Проснувшись, Волга пошла ни тихо, ни скоро, а как следует; в Зубцове догнала Вазузу, да так грозно, что Вазуза испугалась, назвалась меньшою сестрою и просила Волгу принять ее к себе на руки и снести в море Хвалынское. А все-таки Вазуза весною раньше просыпается и будит Волгу от зимнего сна.

МОРОЗКО

Жили-были старик да старуха. У старика со старухою было три дочери. Старшую дочь старуха не любила (она была ей падчерица), почасту ее журила, рано будила и всю работу на нее свалила. Девушка скотину поила-кормила, дрова и водицу в избу носила, печку топила, обряды творила, избу мела и все убирала еще до свету; но старуха и тут была недовольна и на Марфушу ворчала: «Экая ленивица, экая неряха! И голик-то не у места, и не так-то стоит, и сорно-то в избе». Девушка молчала и плакала: она всячески старалась мачехе уноровить и дочерям ее услужить: но сестры, глядя на мать, Марфушу во всем обижали, с нею вздорили и плакать заставляли: то им и любо было! Сами они поздно вставали, приготовленной водицей умывались, чистым полотенцем утирались и за работу садились, когда пообедают. Вот наши девицы росли да росли, стали большими и сделались невестами. Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Старику жалко было старшей дочери: он любил ее за то, что была послушляная да работящая, никогда не упрямилась, что заставят, то и делала, и ни в чем слова не перекорила; да и не знал старик, чем пособить горю. Сам был хил, старуха ворчунья, а дочки ее ленивицы и упрямицы.

Вот наши старики стали думу думать: старик — как бы дочерей пристроить, а старуха — как бы старшую с рук сбыть. Однажды старуха и говорит старику: «Ну, старик, отдадим Марфушу замуж».— «Ладно»,— сказал старик и побрел себе на печь, вслед ему: «Завтра встань, старик, ты пораньше, запряги кобылу в дровни и поезжай с Марфуткой; а ты, Марфутка, собери свое добро в коробейку да накинь белую исподку: завтра поедешь в гости!» Добрая

Марфуша рада была такому счастью, что увезут ее в гости, и сладко спала всю ночку; поутру рано встала, умылась, богу помолилась, все собрала, чередом уложила, сама нарядилась, и была девка — хоть куды невеста! А дело-то было зимою, и на дворе стоял трескучий мороз.

Старик наутро, ни свет ни заря, запряг кобылу в дровни, подвел ко крыльцу; сам пришел в избу, сел на коник и сказал: «Ну, я все изладил!» — «Садитесь за стол да жрите!» — сказала старуха. Старик сел за стол и дочь с собой посадил; хлебница была на столе, он вынул челпан и нарушал хлеба и себе и дочери. А старуха меж тем подала в блюде старых щей и сказала: «Ну, голубка, ешь да убирайся, я вдоволь на тебя нагляделась! Старик, увези Марфутку к жениху; да смотри, старый хрыч, поезжай прямой дорогой, а там сверни с дороги-то направо, на бор,— знаешь, прямо к той большой сосне, что на пригорке стоит, и тут отдай Марфутку за Морозка». Старик вытаращил глаза, разинул рот и перестал хлебать, а девка завыла. «Ну, что тут нюни-то распустила! Ведь жених-то красавец и богач! Мотри-ка, сколько у него добра: все елки, мянды и березы в пуху; житье-то завидное, да и сам он богатырь!»

Старик молча уклал пожитки, велел дочери накинуть шубняк и пустился в дорогу. Долго ли ехал, скоро ли приехал — не ведаю: скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Наконец доехал до бору, своротил с дороги и пустился прямо снегом по насту; забравшись в глушь, остановился и велел дочери слезать, сам поставил под огромной сосной коробейку и сказал: «Сиди и жди жениха, да мотри — принимай ласковее». А после заворотил лошадь — и домой.

Девушка сидит да дрожит; озноб ее пробрал. Хотела она выть, да сил не было: одни зубы только постукивают. Вдруг слышит: невдалеке Морозко на елке протрескивает, с елки на елку поскакивает да пощелкивает. Очутился он и на той сосне, под коёй де́вица сидит, и сверху ей говорит: «Тепло ли те, де́вица?» — «Тепло, тепло, батюшко-Морозушко!» Морозко стал ниже спускаться, больше потрескивать и пощелкивать. Мороз спросил де́вицу: «Тепло ли те, де́вица? Тепло ли те, красная?» Де́вица чуть дух переводит, но еще говорит: «Тепло, Морозушко! Тепло, батюшко!» Мороз пуще затрещал и сильнее защелка́л и де́вице сказал: «Тепло ли те, де́вица? Тепло ли те, красная! Тепло ли те, лапушка?» Де́вица окостеневала и чуть слышно сказала: «Ой, тепло, голубчик Морозушко!» Тут Морозко сжалился, окутал девицу шубами и отогрел одеялами.

Старуха наутро мужу говорит: «Поезжай, старый хрыч, да буди молодых!» Старик запряг лошадь и поехал. Подъехавши к

дочери, он нашел ее живую, на ней шубу хорошую, фату дорогую и короб с богатыми подарками. Не говоря ни слова, старик сложил все нá воз, сел с дочерью и поехал домой. Приехали домой, и дéвица бух в ноги мачехе. Старуха изумилась, как увидела девку живую, новую шубу и короб белья. «Э, не обманешь меня».

Вот спустя немного старуха говорит старику: «Увези-ка и моих-то дочерей к жениху: он их еще не так одарит!» Не скоро дело делается, скоро сказка сказывается. Вот поутру рано старуха деток своих накормила и как следует под венец нарядила и в путь отпустила. Старик тем же путем оставил девок под сосною. Наши дéвицы сидят да посмеиваются: «Что зто у матушки выдумано вдруг обеих замуж отдавать? Разве в нашей деревне нет и ребят! Неровен черт приедет, и не знаешь какой!»

Девушки были в шубняках, а тут им стало зябко. «Что, Параха? Меня мороз по коже подирает. Ну, как суженый-ряженый не приедет, так мы здесь околеем».— «Полно, Машка, врать! Коли рано женихи собираются; а теперь есть ли и обед на дворе».— «А что, Параха, коли приедет один, кого он возьмет?» — «Не тебя ли, дурище?» — «Да, мотри. тебя!» — «Конечно, меня».— «Тебя! Полнóе тебе цыганить да врать!» Морозко у девушек руки ознобил, и наши дéвицы сунули руки в пазухи да опять за то же. «Ой ты, заспанная рожа, нехорошая трессйя, поганое рыло! Прясть ты не умеешь, а перебирать и вовсе не смыслишь».—«Ох, ты, хвастунья! А ты что знаешь? Только по беседкам ходить да облизываться. Посмотрим, кого скорее возьмет!» Так дéвицы растабаривали и не в шутку озябли; вдруг они в один голос сказали: «Да кой хранци! Что долго нейдет? Вишь ты, посинела!»

Вот вдалéке Морозко начал потрескивать и с елки на елку поскакивать да пощелкивать. Дéвицам послышалось, что кто-то едет. «Чу, Параха, уж едет, да и с колокольцом».— «Поди прочь! Я не слышу, меня мороз обдирает».— «А еще замуж нарохтишься!» И начали пальцы отдувать. Морозко все ближе да ближе: наконец очутился на сосне, над дéвицами. Он дéвицам говорит: «Тепло ли вам, дéвицы? Тепло ли вам, красные? Тепло ли, мои голубушки?» — «Ой, Морозко, больно студёно! Мы замерзли, ждем суженого, а он, окаянный, сгинул». Морозко стал ниже спускаться, пуще потрескивать и чаще пощелкивать. «Тепло ли вам, дéвицы? Тепло ли вам, красные?» — «Поди ты к черту! Разве слеп, вишь, у нас руки и ноги отмерзли». Морозко еще ниже спустился, сильно приударил и сказал: «Тепло ли вам, дéвицы?» — «Убирайся ко всем чертям в омут, сгинь, окаянный!» — и девушки окостенели.

Наутро старуха мужу говорит: «Запряги-ка ты, старик, пошевёнки; положи охабочку сенца да возьми шубное опахало. Чай

девки-то приозябли; на дворе-то страшный мороз! Да мотри, воровей, старый хрыч!» Старик не успел и перекусить, как был уж на дворе и на дороге. Приезжает за дочками и находит их мертвыми. Он в пошевёнки деток свалил, опахалом закутал и рогожкой закрыл. Старуха, увидя старика издалека, настречу выбегала и так его вопрошала: «Что детки?» — «В пошевнях». Старуха рогожку отвернула, опахало сняла и деток мертвыми нашла.

Тут старуха как гроза разразилась и старика разбранила: «Что ты наделал, старый пес? Уходил ты моих дочек, моих кровных деточек, моих ненаглядных семечек, моих красных ягодок! Я тебя ухватом прибью, кочергой зашибу!» — «Полно, старая дрянь! Вишь, ты на богатство польстилась, а детки твои упрямицы! Коли я виноват? Ты сама захотела». Старуха посердилась, побранилась, да после с падчерицею помирилась, и стали они жить да быть да добра наживать, а лиха не поминать. Присватался сусед, свадебку сыграли, и Марфуша счастливо живет. Старик внучат Морозком стращал и упрямиться не давал. Я на свадьбе был, мед-пиво пил, по усу текло, да в рот не попало.

КРОШЕЧКА-ХАВРОШЕЧКА

Вы знаете, что есть на свете люди и хорошие, есть и похуже, есть и такие, которые бога не боятся, своего брата не стыдятся: к таким-то и попала Крошечка-Хаврошечка. Осталась она сиротой маленькой; взяли ее эти люди, выкормили и на свет божий не пустили, над работою каждый день занудили, заморили; она и подает, и прибирает, и за всех и за все отвечает.

А были у ее хозяйки три дочери большие. Старшая звалась Одноглазка, средняя — Двуглазка, а меньшая — Триглазка; но они только и знали у ворот сидеть, на улицу глядеть, а Крошечка Хаврошечка на них работáла, их обшивала, для них и пряла и ткала, а слова доброго никогда не слыхала. Вот то-то и больно — ткнуть да толкнуть есть кому, а приветить да приохотить нет никого!

Выйдет, бывало, Крошечка-Хаврошечка в поле, обнимет свою рябую корову, ляжет к ней на шейку и рассказывает, как ей тяжко жить-поживать: «Коровушка-матушка! Меня бьют, журят, хлеба не дают, плакать не велят. К завтрему дали пять пудов напрясть, наткать, побелить, в трубы покатать». А коровушка ей в ответ: «Красная дéвица! Влезь ко мне в одно ушко, а в другое вылезь — все будет сработано». Так и сбывалось. Вылезет красная дéвица из ушка — все готово: и наткано, и побелено, и пока-

тано. Отнесет к мачехе; та поглядит, покряхтит, спрячет в сундук, а ей еще больше работы задаст. Хаврошечка опять придет к коровушке, в одно ушко влезет, в другое вылезет и готовенькое возьмет принесет.

Дивится старуха, зовет Одноглазку: «Дочь моя хорошая, дочь моя пригожая! Доглядись, кто сироте помогает: и ткет, и прядет, и в трубы катает?» Пошла с сиротой Одноглазка в лес, пошла с нею в поле; забыла матушкино приказанье, распеклась на солнышке, разлеглась на травушке; а Хаврошечка приговаривает: «Спи, глазок, спи, глазок! Глазок заснул; пока Одноглазка спала, коровушка и наткала и побелила. Ничего мачеха не дозналась, послала Двуглазку. Эта тоже на солнышке распеклась и на травушке разлеглась, матернино приказанье забыла и глазки смежила; а Хаврошечка баюкает: «Спи, глазок, спи, другой!» Коровушка наткала, побелила, в трубы покатала; а Двуглазка все еще спала.

Старуха рассердилась, на третий день послала Триглазку, а сироте еще больше рáботы дала. И Триглазка, как ее старшие сестры, попрыгала-попрыгала и на травку пала. Хаврошечка поет: «Спи, глазок, спи, другой!» — а об третьем забыла. Два глаза заснули, а третий глядит и все видит, все — как красная дéвица в одно ушко влезла, в другое вылезла и готовые холсты подобрала. Все, что видела, Триглазка матери рассказала; старуха обрадовалась, на другой же день пришла к мужу: «Режь рябую корову!» Старик так, сяк: «Что ты, жена, в уме ли? Корова молодая, хорошая!» Режь, да и только! Наточил ножик...

Побежала Хаврошечка к коровушке: «Коровушка-матушка! Тебя хотят резать».— «А ты, красная дéвица, не ешь моего мяса: косточки мои собери, в платочек завяжи, в саду их рассади и никогда меня не забывай, каждое утро водою их поливай». Хаврошечка все сделала, что коровушка завещала: голодом голодала, мяса ее в рот не брала, косточки каждый день в саду поливала, и выросла из них яблонька, да какая — боже мой! Яблочки на ней висят наливные, листвицы шумят золотые, веточки гнутся серебряные; кто ни едет мимо — останавливается, кто проходит близко — тот заглядывается.

Случилось раз — девушки гуляли пó саду; на ту пору ехал пó полю барин — богатый, кудреватый, молоденький. Увидел яблочки, затрогал девушек: «Дéвицы-красавицы! — говорит он.— Которая из вас мне яблоко поднесет, та за меня замуж пойдет». И бросились три сестры одна перед другой к яблоньке. А яблочки-то висели низко, под руками были, а то вдруг поднялись высоко-высоко, далеко над головами стали. Сестры хотели их сбить листья глаза засыпают, хотели сорвать — сучья косы расплетают; как ни бились, ни метались — ручки изодрали, а достать не могли.

Подошла Хаврошечка, и веточки приклонились, и яблочки опустились. Барин на ней женился, и стала она в добре поживать, лиха не знавать.

БАБА-ЯГА

Жили-были муж с женой и прижили дочку; жена-то и помри. Мужик женился на другой и от этой прижил дочь. Вот жена и невзлюбила падчерицу; нет житья сироте. Думал, думал наш мужик и повез свою дочь в лес. Едет лесом — глядит: стоит избушка на курьих ножках. Вот и говорит мужик: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом». Избушка и поворотилась.

Идет мужик в избушку, а в ней баба-яга: впереди голова, в одном углу нога, в другом — другая. «Русским духом пахнет!» — говорит яга. Мужик кланяется: «Баба-яга костяная нога! Я тебе дочку привез в услуженье».— «Ну, хорошо! Служи, служи мне,— говорит яга девушке,— я тебя за это награжу».

Отец простился и поехал домой. А баба-яга задала девушке пряжи с короб, печку истопить, всего припасти, а сама ушла. Вот девушка хлопочет у печи, а сама горько плачет. Выбежали мышки и говорят ей: «Девица, девица, что ты плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки. «А вот,— говорят,— ты на всякое веретёнце по ниточке напряди». Пришла баба-яга: «Ну что,— говорит,— все ли ты припасла?» А у девушки все готово. «Ну, теперь поди — вымой меня в бане». Похвалила яга девушку и надавала ей разной сряды. Опять яга ушла и еще труднее задала задачу. Девушка опять плачет. Выбегают мышки: «Что ты,— говорят,— девица красная, плачешь? Дай кашки; мы тебе добренько скажем». Она дала им кашки, а они опять научили ее, что и как сделать. Баба-яга опять, пришедши, ее похвалила и еще больше дала сряды... А мачеха посылает мужа проведать, жива ли его дочь?

Поехал мужик, приезжает и видит, что дочь богатая-пребогатая стала. Яги не было дома, он и взял ее с собой. Подъезжают они к своей деревне, а дома собачка так и рвется: «Хам, хам, хам! Барыню везут, барыню везут!» Мачеха выбежала да скалкой собачку. «Врешь,— говорит,— скажи: в коробке косточки гремят!» А собачка все свое. Приехали. Мачеха так и гонит мужа — и ее дочь туда же отвезти. Отвез мужик.

Вот баба-яга задала ей работы, а сама ушла. Девка так и рвется с досады и плачет. Выбегают мыши. «Девица, девица! О чем ты,— говорят,— плачешь?» А она не дала им выговорить, то тоё скалкой, то другую; с ними провозилась, а дела-то не приделала.

Яга пришла, рассердилась. В другой раз опять то же; яга изломала ее да косточки в короб и склала. Вот мать посылает мужа за дочерью. Приехал отец и повез одни косточки. Подъезжает к деревне, а собачка опять лает на крылечке: «Хам, хам, хам! В коробе косточки везут!» Мачеха бежит со скалкой: «Врешь,— говорит,— скажи: барыню везут!» А собачка все свое: «Хам, хам, хам! В коробе косточки гремят!» Приехал муж; тут-то жена взвыла! Вот тебе сказка, а мне кринка масла.

ВАСИЛИСА ПРЕКРАСНАЯ

В некотором царстве жил-был купец. Двенадцать лет жил он в супружестве и прижил только одну дочь, Василису Прекрасную. Когда мать скончалась, девочке было восемь лет. Умирая, купчиха призвала к себе дочку, вынула из-под одеяла куклу, отдала ей и сказала: «Слушай, Василисушка! Помни и исполни последние мои слова. «Я умираю и вместе с родительским благословением оставляю тебе вот эту куклу; береги ее всегда при себе и никому не показывай; а когда приключится тебе какое горе, дай ей поесть и спроси у нее совета. Покушает она и скажет тебе, чем помочь несчастью». Затем мать поцеловала дочку и померла.

После смерти жены купец потужил, как следовало, а потом стал думать, как бы опять жениться. Он был человек хороший; за невестами дело не стало, но больше всех по нраву пришлась ему одна вдовушка. Она была уже в летах, имела своих двух дочерей, почти однолеток Василисе,— стало быть, и хозяйка и мать опытная. Купец женился на вдовушке, но обманулся и не нашел в ней доброй матери для своей Василисы. Василиса была первая на все село красавица; мачеха и сестры завидовали ее красоте, мучили ее всевозможными работами, чтоб она от трудов похудела, а от ветру и солнца почернела; совсем житья не было!

Василиса все переносила безропотно и с каждым днем все хорошела и полнела, а между тем мачеха с дочками своими худела и дурнела от злости, несмотря на то, что они всегда сидели сложа руки, как барыни. Как же зто так делалось? Василисе помогала ее куколка. Без зтого где бы девочке сладить со всею работою! Зато Василиса сама, бывало, не съест, а уж куколке оставит самый лакомый кусочек, и вечером, как все улягутся, она запрется в чуланчике, где жила, и потчевает ее, приговаривая: «Нá, куколка, покушай, моего горя послушай! Живу я в доме у батюшки, не вижу себе никакой радости; злая мачеха гонит меня с белого света. Научи ты меня, как мне быть и жить и что делать?» Куколка

покушает да потом и дает ей советы и утешает в горе, а наутро всякую работу справляет за Василису; та только отдыхает в холодочке да рвет цветочки, а у нее уж и гряды выполоты, и капуста полита, и вода наношена, и печь вытоплена. Куколка еще укажет Василисе и травку от загару. Хорошо было жить ей с куколкой.

Прошло несколько лет; Василиса выросла и стала невестой. Все женихи в городе присватываются к Василисе; на мачехиных дочерей никто и не посмотрит. Мачеха злится пуще прежнего и всем женихам отвечает: «Не выдам меньшой прежде старших!», а проводя женихов, побоями вымещает зло на Василисе.

Вот однажды купцу понадобилось уехать из дому на долгое время по торговым делам. Мачеха и перешла на житье в другой дом, а возле этого дома был дремучий лес, а в лесу на поляне стояла избушка, а в избушке жила баба-яга: никого она к себе не подпускала и ела людей, как цыплят. Перебравшись на новоселье, купчиха то и дело посылала за чем-нибудь в лес ненавистную ей Василису, но эта завсегда возвращалась домой благополучно: куколка указывала ей дорогу и не подпускала к избушке бабы-яги.

Пришла осень. Мачеха раздала всем трем девушкам вечерние работы: одну заставила кружева плести, другую чулки вязать, а Василису прясть и всем по урокам. Погасила огонь во всем доме, оставила только одну свечку там, где работали девушки, и сама легла спать. Девушки работали. Вот нагорело на свечке; одна из мачехиных дочерей взяла щипцы, чтоб поправить светильню, да вместо того, по приказу матери, как будто нечаянно и потушила свечку. «Что теперь нам делать? — говорили девушки.— Огня нет в целом доме, а уроки наши не кончены. Надо сбегать за огнем к бабе-яге!» — «Мне от булавок светло! — сказала та, что плела кружево.— Я не пойду».— «И я не пойду,— сказала та, что вязала чулок.— Мне от спиц светло!» — «Тебе за огнем идти,— закричали обе.— Ступай к бабе-яге!» — и вытолкали Василису из горницы.

Василиса пошла в свой чуланчик, поставила перед куклою приготовленный ужин и сказала: «Ná, куколка, покушай да моего горя послушай: меня посылают за огнем к бабе-яге; баба-яга съест меня!» Куколка поела, и глаза ее заблестели, как две свечки. «Не бойся, Василисушка! — сказала она.— Ступай, куда посылают, только меня держи всегда при себе. При мне ничего не станется с тобой у бабы-яги». Василиса собралась, положила куколку свою в карман и, перекрестившись, пошла в дремучий лес.

Идет она и дрожит. Вдруг скачет мимо ее всадник: сам белый,

одет в белом, конь под ним белый, и сбруя на коне белая,— на дворе стало рассветать.

Идет она дальше, как скачет другой всадник: сам красный, одет в красном и на красном коне,— стало всходить солнце.

Василиса прошла всю ночь и весь день, только к следующему вечеру вышла на полянку, где стояла избушка яги-бабы; забор вокруг избы из человеческих костей, на заборе торчат черепа людские, с глазами; вместо верей у ворот — ноги человечьи, вместо запоров — руки, вместо замка — рот с острыми зубами. Василиса обомлела от ужаса и стала как вкопанная. Вдруг едет опять всадник: сам черный, одет во всем черном и на черном коне; подскакал к воротам бабы-яги и исчез, как сквозь землю провалился,— настала ночь. Но темнота продолжалась недолго; у всех черепов на заборе засветились глаза, и на всей поляне стало светло, как среди дня. Василиса дрожала со страху, но, не зная куда бежать, оставалась на месте.

Скоро послышался в лесу страшный шум: деревья трещали, сухие листья хрустели; выехала из лесу баба-яга — в ступе едет, пестом погоняет, помелом след заметает. Подъехала к воротам, остановилась и, обнюхав вокруг себя, закричала: «Фу, фу! Русским духом пахнет! Кто здесь?» Василиса подошла к старухе со страхом и, низко поклонясь, сказала: «Это я, бабушка! Мачехины дочери прислали меня за огнем к тебе».— «Хорошо,— сказала яга-баба,— знаю я их, поживи ты наперед да поработай у меня, тогда и дам тебе огня; а коли нет, так я тебя съем!» Потом обратилась к воротам и вскрикнула: «Эй, запоры мои крепки, отомкнитесь; ворота мои широкие, отворитесь!» Ворота отворились, и баба-яга въехала, посвистывая, за нею вошла Василиса, а потом опять все заперлось. Войдя в горницу, баба-яга растянулась и говорит Василисе: «Подавай-ка сюда, что там есть в печи: я есть хочу».

Василиса зажгла лучину от тех черепов, что в заборе, и начала таскать из печки да подавать яге кушанье, а кушанья настряпано было человек на десять; из погреба принесла она квасу, меду, пива и вина. Все съела, все выпила старуха; Василисе оставила только щец немножко, краюшку хлеба да кусочек поросятины. Стала яга-баба спать ложиться и говорит: «Когда завтра я уеду, ты смотри — двор вычисти, избу вымети, обед состряпай, белье приготовь да пойди в закром, возьми четверть пшеницы и очисть ее от чернушки. Да чтобы все было сделано, а не то — съем тебя!» После такого наказу баба-яга захрапела; а Василиса поставила старухины объедки перед куклою, залилась слезами и говорила: «На́, куколка, покушай, моего горя послушай! Тяжелую дала мне яга-баба работу и грозится съесть меня, коли всего не ис-

полню; помоги мне!» Кукла ответила: «Не бойся, Василиса Прекрасная! Поужинай, помолися да спать ложися; утро мудреней вечера!»

Ранешенько проснулась Василиса, а баба-яга уже встала, выглянула в окно: у черепов глаза потухают; вот мелькнул белый всадник — и совсем рассвело. Баба-яга вышла на двор, свистнула — перед ней явилась ступа с пестом и помелом. Промелькнул красный всадник — взошло солнце. Баба-яга села в ступу и выехала со двора, пестом погоняет, помелом след заметает. Осталась Василиса одна, осмотрела дом бабы-яги, подивилась изобилью во всем и остановилась в раздумье: за какую работу ей прежде всего приняться. Глядит, а вся работа уже сделана; куколка выбирала из пшеницы последние зерна чернушки. «Ах ты, избавительница моя! — сказала Василиса куколке.— Ты от беды меня спасла».— «Тебе осталось только обед состряпать,— отвечала куколка, влезая в карман Василисы.— Состряпай с богом да и отдыхай на здоровье!»

К вечеру Василиса собрала на стол и ждет бабу-ягу. Начало смеркаться, мелькнул за воротами черный всадник — и совсем стемнело; только светились глаза у черепов. Затрещали деревья, захрустели листья — едет баба-яга. Василиса встретила ее. «Все ли сделано?» — спрашивает яга. «Изволь посмотреть сама, бабушка!» — молвила Василиса. Баба-яга все осмотрела, подосадовала, что не за что рассердиться, и сказала: «Ну, хорошо!» Потом крикнула: «Верные мои слуги, сердечные други, смелите мою пшеницу!» Явились три пары рук, схватили пшеницу и унесли вон из глаз. Баба-яга наелась, стала ложиться спать и опять дала приказ Василисе: «Завтра сделай ты то же, что и нынче, да сверх того возьми из закрома мак да очисти его от земли по зернышку, вишь, кто-то по злобе земли в него намешал!» Сказала старуха, повернулась к стене и захрапела, а Василиса принялась кормить свою куколку. Куколка поела и сказала ей по-вчерашнему: «Молись богу да ложись спать; утро вечера мудренее, все будет сделано, Василисушка!»

Наутро баба-яга опять уехала в ступе со двора, а Василиса с куклой всю работу тотчас исправили. Старуха воротилась, оглядела все и крикнула: «Верные мои слуги, сердечные други, выжмите из маку масло!» Явились три пары рук, схватили мак и унесли из глаз. Баба-яга села обедать; она ест, а Василиса стоит молча. «Что ж ты ничего не говоришь со мною? — сказала баба-яга.— Стоишь как немая!» — «Не смела,— отвечала Василиса,— а если позволишь, то мне хотелось бы спросить тебя кой о чем».— «Спрашивай; только не всякий вопрос к добру ведет: много будешь знать, скоро состареешься!» — «Я хочу спро-

сить тебя, бабушка, только о том, что видела: когда я шла к тебе, меня обогнал всадник на белом коне, сам белый и в белой одежде: кто он такой?» — «Это день мой ясный»,— отвечала баба-яга. «Потом обогнал меня другой всадник — на красном коне, сам красный и весь в красном одет; это кто такой?» — «Это мое солнышко красное!» — отвечала баба-яга. «А что значит черный всадник, который обогнал меня у самых твоих ворот, бабушка?» — «Это ночь моя темная — всё мои слуги верные!»

Василиса вспомнила о трех парах рук и молчала: «Что ж ты еще не спрашиваешь?» — молвила баба-яга. «Будет с меня и этого; сама ж ты, бабушка, сказала, что много узнаешь — состареешься».— «Хорошо,— сказала баба-яга,— что ты спрашиваешь только о том, что видела за двором, а не во дворе! Я не люблю, чтоб у меня сор из избы выносили, и слишком любопытных ем! Теперь я тебя спрошу: как успеваешь ты исполнять работу, которую я задаю тебе?» — «Мне помогает благословение моей матери»,— отвечала Василиса. «Так вот что! Убирайся же ты от меня, благословенная дочка! Не нужно мне благословенных». Вытащила она Василису из горницы вытолкала за ворота, сняла с забора один череп с горящими глазами и, наткнув на палку, отдала ей и сказала: «Вот тебе огонь для мачехиных дочек, возьми его; они ведь за этим тебя сюда и прислали».

Бегом пустилась домой Василиса при свете черепа, который погас только с наступлением утра, и, наконец, к вечеру другого дня добралась до своего дома. Подходя к воротам, она хотела было бросить череп: «Верно, дома,— думает себе,— уж больше в огне не нуждаются». Но вдруг послышался глухой голос из черепа: «Не бросай меня, неси к мачехе!»

Она взглянула на дом мачехи и, не видя ни в одном окне огонька, решилась идти туда с черепом. Впервые встретили ее ласково и рассказали, что с той поры, как она ушла, у них не было в доме огня; сами высечь никак не могли, а который огонь приносили от соседей — тот погасал, как только входили с ним в горницу. «Авось твой огонь будет держаться!» — сказала мачеха. Внесли череп в горницу; а глаза из черепа так и глядят на мачеху и ее дочерей, так и жгут! Те было прятаться, но куда ни бросятся — глаза всюду за ними так и следят; к утру совсем сожгло их в уголь; одной Василисы не тронуло.

Поутру Василиса зарыла череп в землю, заперла дом на замок, пошла в город и попросилась на житье к одной безродной старушке; живет себе и поджидает отца. Вот как-то говорит она старушке: «Скучно мне сидеть без дела, бабушка! Сходи, купи мне льну самого лучшего; я хоть прясть буду». Старушка купила льну хорошего; Василиса села за дело, работа так и горит у нее,

и пряжа выходит ровная да тонкая, как волосок. Набралось пряжи много: пора бы и за тканье приниматься, да таких берд не найдут, чтобы годились на Василисину пряжу; никто не берется и сделать-то. Василиса стала просить свою куколку, та и говорит: «Принеси-ка мне какое-нибудь старое бердо, да старый челнок, да лошадиной гривы; я все тебе смастерю».

Василиса добыла все, что надо, и легла спать, а кукла за ночь приготовила славный стан. К концу зимы и полотно выткано, да такое тонкое, что сквозь иглу вместо нитки продеть можно. Весною полотно выбелили, и Василиса говорит старухе: «Продай, бабушка, это полотно, а деньги возьми себе». Старуха взглянула на товар и ахнула: «Нет, дитятко! Такого полотна, кроме царя, носить некому; понесу во дворец». Пошла старуха к царским палатам да все мимо окон похаживает. Царь увидал и спросил: «Что тебе, старушка, надобно?» — «Ваше царское величество,— отвечает старуха,— я принесла диковинный товар; никому, окроме тебя, показать не хочу». Царь приказал впустить к себе старуху и как увидел полотно — вздивовался. «Что хочешь за него?» — спросил царь. «Ему цены нет, царь-батюшка! Я тебе в дар его принесла». Поблагодарил царь и отпустил старуху с подарками.

Стали царю из того полотна сорочки шить; вскроили, да нигде не могли найти швеи, которая взялась бы их работать. Долго искали; наконец царь позвал старуху и сказал: «Умела ты напрясть и соткать такое полотно, умей из него и сорочки сшить».— «Не я, государь, пряла и соткала полотно,— сказала старуха.— это работа приемыша моего — девушки».— «Ну так пусть и сошьет она!» Воротилась старушка домой и рассказала обо всем Василисе. «Я знала,— говорит ей Василиса,— что эта работа моих рук не минует». Заперлась в свою горницу, принялась за работу; шила она не покладываючи рук, и скоро дюжина сорочек была готова.

Старуха понесла к царю сорочки, а Василиса умылась, причесалась, оделась и села под окном. Сидит себе и ждет, что будет. Видит: на двор к старухе идет царский слуга; вошел в горницу и говорит: «Царь-государь хочет видеть искусницу, что работала ему сорочки, и наградить ее из своих царских рук». Пошла Василиса и явилась перед очи царские. Как увидел царь Василису Прекрасную, так и влюбился в нее без памяти. «Нет,— говорит он,— красавица моя! Не расстанусь я с тобою; ты будешь моей женою». Тут взял царь Василису за белые руки, посадил ее подле себя, а там и свадебку сыграли. Скоро воротился и отец Василисы, порадовался об ее судьбе и остался жить при дочери. Старушку Василиса взяла к себе, а куколку по конец жизни своей всегда носила в кармане.

ПРАВДА И КРИВДА

Вот, знашь, было какое дело, скажу твоему здоровью. Вот, не во гнев твоей милости, к речи сказать, как мы теперича с тобой, раскалякались промеж себя двое нашей братьи мужичков, беднеющие-пребеднеющие. Один-от жил кое-как, колотился всеми неправдами, горазд был, знашь, на обманы, и приворнуть его было дело, а другой-от, слышь, шел по правде, кабы трудами век прожить. Вот этим делом-то они и заспорили. Один-от говорит: лучше жить кривдой; а другой-от говорит: кривдой век прожить не сможешь, лучше жить как ни есть, да правдой. Вот спорили они, спорили, никто, знашь, не переспорил.

Вот и пошли они, братец мой, на дорогу. Пошли на дорогу и решили спросить до трех раз, кто им навстречу попадет и что на это скажет. Вот они шли, шли, братец мой, и увидали барский мужичок пашет. Вот, знашь, и подошли к нему. Подошли и говорят: «Бог нá помочь тебе, знакомый. Разреши ты наш спор: как лучше жить на белом свете — правдой или кривдой?» — «Нет, слышь, братцы! Правдой век прожить не сможешь, кривдой жить вольготней. Вот и наше дело: бесперечь, слышь, у нас господа отнимают дни, работáть на себя некогда; из-за неволи прикинешься, будто что попритчилось — хворь, знашь, нашла; а сам меж этим временем-то в лесишко съездишь по дровицы, не днем, так ночью, коли есть запрет».— «Ну, слышь, моя правда»,— говорит криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли опять по дороге — что скажет им другой. Шли, шли и видают: едет на паре в повозке с кибиткой купец. Вот подошли они к нему. Подошли и спрашивают: «Остановись-ка, слышь, на часик, не во гнев твоей милости, о чем мы тебя спросим. Реши, слышь, наш спор: как лучше жить на свете — правдой али кривдой?» — «Нет, слышь, ребята! Правдой мудрено жить, лучше кривдой. Нас обманывают, и мы, слышь, обманываем».— «Ну, слышь, моя правда»,— говорит опять криводушный-от правдивому-то.

Вот пошли они опять по дороге — что скажет третий. Шли, шли, вот и видят: едет поп навстречу. Вот они подошли к нему. Подошли, знашь, к нему и спрашивают: «Остановись-ка, батька, на часочек, реши ты наш спор: как лучше жить на свете — правдой али кривдой?» — «Вот нашли о чем спрашивать. Знамо дело, что кривдой. Какая нонче правда? За правду, слышь, в Сибирь угодишь, скажут — кляузник. Вот хоть, к примеру, говорит, сказать вам не солгать: в приходе-то у меня разве десятая доля на духу-то бывает, а знамо дело, мы всех записываем. Зато и нам повольготнее; ин раз ладно и молебен заместо обедни».— «Ну,

слышь,— говорит криводушный-от правдивому-то,— вот все говорят, что кривдой лучше жить».— «Нет, слышь! Надо жить по-божью, как бог велит. Что будет, то и будет, а кривдой, слышь, жить не хочу»,— говорит правдивый-от криводушному-то.

Вот пошли опять дорогой вместе. Шли, шли,— криводушный-от всяко сумеет ко всем прилаживаться, везде его кормят, и калачи у него есть, а правдивый-от где водицы изопьет, где поработает, его за это накормят, а тот, знашь, криводушный-от все смеется над ним. Вот раз правдивый-от попросил кусочек хлебца у криводушного-то: «Дай, слышь, мне кусочек хлебца!» — «А что за него мне дашь?» — говорит криводушный. «Если что хошь — возьми, что у меня есть»,— говорит правдивый-от. «Дай глаз я тебе выколю!» — «Ну, выколи»,— он ему говорит. Вот этим делом-то криводушный-от и выколол правдивому-то глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Тот, слышь, стерпел, взял кусочек хлебца, съел, и пошли опять по дороге.

Шли, шли,— опять правдивый-от у криводушного-то стал просить хлебца кусочек. Вот, знашь, тот опять разно стал над ним насмехаться. «Дай, слышь, другой глаз я тебе выколю, ну, дам тогда кусочек».— «Ах, братец, пожалей, я слепой буду»,— правдивый-от упрашивал его. «Нет, слышь, зато ты правдивый, а я живу кривдой»,— криводушный-от ему говорил. Что делать? Ну, так тому делу и быть. «На, выколи и другой, коли греха не боишься»,— правдивый-от говорит криводушному-то. Вот, братец мой, выколол ему и другой-от глаз. Выколол и дал ему маленько хлебца. Дал хлебца и оставил его, слышь, на дороге: «Вот, стану я тебя водить?» Ну что делать, слепой съел, знашь, кусочек хлебца и пошел потихоньку ощупью с палочкой.

Шел, шел кое-как и сбился, слышь, с дороги и не знает, куды ему идти. Вот и начал он просить бога: «Господи! Не оставь меня, грешного раба твоего!» Молился, слышь, молился, вот и услыхал он голос; кто-то ему говорит: «Иди ты направо. Как пойдешь направо, придешь к лесу; придешь к лесу — найди ты ощупью тропинку. Найдешь, слышь, тропинку, поди ты по той тропинке. Пойдешь по тропинке, придешь на гремячий ключ. Как придешь ты к гремячему ключу, умойся из него водой, испей той воды и намочи ею глаза. Как намочишь глаза, ты, слышь, прозреешь! Как прозреешь, поди ты вверх по ключу тому и увидишь большой дуб. Увидишь дуб, подойди к нему и залезь на него. Как залезешь на него, дождись ночи. Дождешься, слышь, ты ночи, слушай, что будут говорить под этим дубом нечистые духи. Они, слышь, тут слетаются на токовище».

Вот он кое-как добрел до леса. Добрел до леса, полазил-полазил по нем, напал кое-как на тропинку. Пошел по той тропин-

ке, дошел до гремячего ключа. Дошел до ключа. знашь, умылся водою. Умылся водою, испил и примочил глаза. Примочил глаза и вдруг увидел опять свет божий — прозрел. Вот как прозрел — и пошел, слышь, вверх по тому ключу. Шел, шел по нем вот и видит большой дуб. Под ним все утоптано. Вот он влез на тот дуб. Влез и дождался ночи.

Вот, слышь, начали под тот дуб слетаться со всех сторон бесы. Слетались, слетались, вот и начали рассказывать, где кто был. Вот один бес и говорит: «Я, слышь, был у такой-то царевны. Вот, десять годов ее мучаю. Всяко меня выгоняют из нее, никто меня не сможет выгнать, а выгонит, слышь, тот, кто вот у такого-то богатого купца достанет образ смоленской божьей матери, что у него на воротах в киоте вделан».

Вот наутро, знашь, как все бесы разлетелись, правдивый-от слез с дуба. Слез с дуба и пошел искать того купца. Искал, искал, кое-как нашел его. Нашел и просится работать на него. «Хоть год, слышь, поработаю, ничего мне не надо, только дай мне образ божьей матери с ворот». Купец, знашь, согласился, принял его к себе в работники. Вот работал он у него что ни есть мочи круглый год. Проработавши год, он и просит тот, знашь, образ. Вот купец, слышь: «Ну, братец, доволен я твоей работой, только жаль мне образа, возьми лучше деньги».— «Нет, слышь, не надо денег, а дай мне его по уговору».— «Нет, слышь, не дам образ. Проработай еще год, ну, так и быть, тогда отдам тебе его». Вот этим делом-то, знашь, правдивый-от мужичок работал еще год. Ни дня, ни ночи не знал, все работал, такой, слышь, старательный был.

Вот проработал год, опять, знашь, стал просить образ божьей матери с ворот. Купцу, слышь, опять жаль и его отпустить, и образ-от отдать. «Нет, слышь, лучше я тебя казною награжу, а коли хочешь, то поработай еще год, ну, так отдам тебе образ». Вот так тому делу и быть, опять стал работать год. Работал еще пуще того, знашь, всем на диво, какой был работящий! Вот проработал и третий год. Проработал и опять, знашь, просит образ. Вот купец, делать нечего, снял образ с ворот и отдал ему. «На, возьми образ и ступай с богом». Напоил-накормил его и деньгами, слышь, наградил малую толику.

Вот этим делом-то, знашь, взял он образ смоленской божьей матери. Взял его и повесил на себя. Повесил на себя и пошел, слышь, к тому царю царевну лечить, у которой бес-от мучитель сидит. Шел, шел и пришел к тому царю. Пришел к царю и говорит: «Я-де вашу царевну излечить, слышь, смогу». Вот этим делом-то впустили его в хоромы царские. Впустили и показали ему ту скорбящую царевну. Показали царевну, вот он спросил, знашь, воды. Подали воды, вот он перекрестился. Перекрестился и три

земных поклона положил — знашь, помолился богу. Помолился, слышь, богу, вот и снял с себя образ божьей матери. Снял его и с молитвою три раза в воду опустил. Опустил, знашь, и надел его на царевну. Надел на царевну и велел ей тою водою умываться. Вот этим делом-то, как она, матушка, надела на себя тот образ и, знашь, умылась тою водою, вдруг из нее недуг-от, вражья-то нечистая сила, клубом вылетел вон. Вылетел вон, и она, слышь, стала здорова по-прежнему.

Вот этим делом-то невесть как все обрадовались. Обрадовались и не знали, чем наградить этого мужичка. И землю, слышь, давали, и вотчину сулили, и жалованье большое клали. «Нет, слышь, ничего не надо!» Вот царевна-то и говорит царю: «Я замуж за него иду».— «Ладно»,— царь-от сказал.

Вот этим делом-то, слышь, и повенчались. Повенчались, и стал наш мужичок ходить в одеже царской, жить в царских хоромах, пить и есть всё на всё заодно с ними. Жил, жил и принаторел к ним. Вот как принаторел он к ним, и говорит: «Пустите меня на родину; у меня, слышь, есть мать, старушка бедная».— «Ладно,— царевна, знашь, жена-то его, сказала.— Поедем вместе».

Вот и поехали они вместе, вдвоем с царевной. Лошади-то, одежа, коляска, сбруя — все царское. Ехали, ехали и подъезжают они, слышь, к его родине. Подъезжают к родине, вот и попадается навстречу им тот криводушный, что, знашь, спорил-то с ним, что лучше жить кривдой, чем правдой. Идет, слышь, навстречу; вот правдивый-от царский сын и говорит: «Здравствуй, братец мой»,— называет его, слышь, по имени! Тому, знашь, в диковинку, что в коляске такой знатный барин его знает, и не узнал его. «Помнишь, ты спорил со мною, что лучше жить кривдой, чем правдой, и выколол мне глаза? Это я самый!»

Вот, знашь, он оробел и не знал, что делать. «Нет, не бойся, я на тебя, слышь, и не сержусь, а желаю и тебе такого ж счастья. Вот поди ты в такой-то лес,— знашь, научает его, как его бог научил.— В том лесе увидишь ты тропинку. Поди по той тропинке, придешь ты к гремячему ключу. Напейся, слышь, из того ключа воды и умойся. Как умоешься, поди ты вверх по ключу. Увидишь там большой дуб, влезь на него и просиди всю ночь на нем. Под ним, слышь, токовище нечистых духов, и ты слушай и услышишь свое счастье».

Вот, знашь, криводушный-от по его слову, как по-писаному, все это сделал. Нашел лес и ту тропинку. Пошел по тропинке и пришел, слышь, к гремячему ключу. Напился, знашь, и умылся. Умылся и пошел вверх по нем. Пошел вверх и увидел большой дуб, под ним все утоптано. Вот он залез на этот дуб. Залез на дуб, знашь, и дождался ночи. Дождался ночи и слышит, как со всех

сторон слетались на токовище нечистые духи. Вот как слетелись — и услыхали по духу его на дубу. Услыхали, знашь, по духу и растерзали его на мелкие части.

Так тем, слышь, это дело и покончилось, что правдивый-от стал царским сыном, а криводушного-то загрызли черти.

КОРОЛЕВИЧ И ЕГО ДЯДЬКА

Был мужик, у него было три сына: два умных, третий дурак. Вот хорошо, зáчал мужик горох сеять, и повадился к нему на горох незнамо кто. Видит отец, что все побито, повалено, потоптано, и стал говорить своим детям: «Дети мои любезные! Надобно караулить, кто такой горох у нас топчет?» Сейчас большой брат пошел караулить. Приходит полуночное время, ударил его сон — горох потоптан, а он ничего не видал. Опосля досталось караулить середнему брату — и середний ничего не видал. «Сем-ка я пойду,— говорит дурак,— уж я не прогляжу!» — «Хорошо ты поешь! Каково станется?» — отвечают ему братья.

И таки пошел дурак караулить, взял с собой воз лык да фунт табаку. Как стал его сон ударять, он стал табаку больше нюхать. Приезжает на горох Никанор-богатырь, пускает своего коня, а сам лег богатырским сном спать — лег и заснул. Сейчас это дурак взял и зачал его сонного лыками путлять. Упутлял его лыками и пришел к отцу. «Ну,— говорит,— поймал я вора!» Отец приходит, смотрит: «Как же ты, дурак, мог этакую силу повалить?»

Вот донесли царю, что пойман этакий богатырь. Царь сейчас посылает: «Кем он пойман?» Докладáют ему, что пойман таким-то дураком. Тут сейчас царь приказывает: «Приведите мне дурака!» Привели: царь спрашивает: «Как же это, дурак, как бы его сюда привезть?» Он ему говорит: «А вот как надобно править: надобно двенадцать лошадей, да шестьдесят человек пароду, да чугунные дроги — тогда можно положить Никанора-богатыря на дроги и привезть сюда».

Привезли богатыря к царю. «Как же, дурак,— спрашивает царь,— куды же его посадить и чем закрепить, чтоб не ушел?» Дурак говорит: «На двадцать аршин вели земли выкопать, той землей завали чугунные стены да накати накатники; крепко будет!» Завалили чугунные стены, накатили накатники, посадили туда Никанора-богатыря и поставили над ним полк солдат караульных. Дурак зацепил крюком, перервал лыки и развязал богатыря. Царь дурака наградил, домой отпустил.

Раз как-то гуляли царские дети пó саду и пущали золотые стрелы, и попала стрела меньшого брата, Ивана-царевича, в

окошечко Никанора-богатыря. «Ах, Никанор-богатырь, отдай мою стрелку».— «Помоги мне,— говорит Никанор-богатырь,— прикажи хоть одну накатину скатить — так отдам твою стрелку; пожалуй, еще три своих подарю!» Иван-царевич понатужился и сам снял одну накатину; Никанор-богатырь отдал ему золотую стрелку и говорит: «Ну, Иван-царевич, будешь ты лакеем, пастухом и поваром, и опять будешь Иваном-царевичем».

Сейчас разломал Никанор-богатырь свою темницу, вылез оттуда и весь полк побил. Царь пришел, увидал и ужаснулся: «Кем богатырь выпущен?» Тут валялись избитые, израненные: у того солдата рука оторвана, у того нога изломана; говорят они царю: «Так и так, Иван-царевич выпустил». Осердился царь, послал собирать с разных земель королей и принцев. Собрались короли и принцы; угостил их царь и стал с ними думать-гадать. «Что мне,— говорит,— с сыном, Иваном-царевичем, делать? Ведь царских детей ни казнят, ни вешают». Присоветовали ему: дать царевичу одного слугу, и пускай идет, куда сам знает!

Пошел Иван-царевич от своего отца; шел ни много, ни мало, и захотелось ему пить. Приходит к колодезю, глянул — далече вода, не достанешь, напиться нечем. Говорит он слуге своему: «Ах, Ванька, как же быть?» — «Ну, Иван-царевич,— говорит Ванька,— держи меня за ноги, я напьюся, а там и тебя напою; а то не достанешь — далече вода». Сейчас это Ванька начал пить, напился, а там стал царевича держать. Иван-царевич напился: «Ну, Ванька, вытаскивай меня!» Он ему отвечает: «Нет же! Будь ты Ванька, а я буду Иван-царевич».— «Что ты, дурак, пустое болтаешь!» — «Сам болтаешь! Коли не хочешь, утоплю в колодезе!» — «Нет уж! Лучше не топи: будь ты Иван-царевич, а я буду Ванька».

На том и поладили; приходят в большой град столичный, прямо в палаты царские; названый царевич идет впереди, кресты кладет не по-писаному, поклоны ведет не по-ученому; а настоящий царевич позади выступает, кресты кладет по-писаному, поклоны ведет по-ученому. Царь принимает их с охотою. «Живите у меня»,— говорит. Сейчас Ванька-названник начал наговаривать: «Ах, какой лакей у меня! Как хорошо скотину стережет! Если лошадей погонит, то у всякой лошади сделаются хвост золотой, грива золотая, по бокам часты звезды; а коров погонит, у всякой коровы сделаются рога золотые, хвост золотой, по бокам часты звезды».

Дал ему царь лошадей стеречь. Погнал Иван-царевич табун в чистое поле; все лошади от него разбежались. Он сел и заплакал горько: «Эх, Никанор-богатырь, что ты сделал надо мной! Как мне теперь быть?» Откуда не взялся — является перед ним

Никанор-богатырь. «Что,— говорит,— тебе надобно, Иван-царевич?» Тот рассказал ему про свое горе. «Ничего! Поедем-ка с тобой, соберем всех лошадей да погоним к моей меньшой сестре. Меньшая сестра все поделает, что тебе царь приказал». Пригнали табун к меньшой сестре; она и впрямь все поделала, накормила-напоила гостей и домой проводила. Гонит Иван-царевич лошадей к царскому дворцу: у всякой лошади грива золота́, хвост золотой, по бокам звезды. Названник Ванька под окном сидит: «Ах, каналья, сделал-таки, сделал! Хитер,— говорит,— мудер!»

Ну, теперича приказывает ему царь коров гнать: «Чтоб было то же сделано, а если не сделаешь — я тебя на воротах расстреляю!» Иван-царевич горько заплакал и погнал коров; целый день стерег. «Ах, друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является; погнали к его средней сестре; она всем коровам поделала рожки золотые, хвосты золотые, по бокам — звезды; накормила гостей, напоила и домой проводила. Гонит Иван-царевич коров, а Названник Ванька под окном сидит. «Ах,— говорит,— хотел погубить, да нет: и это сделал!» Царь увидал: «Вот так пастух! Вишь каких лошадей да коров поставил — любо-дорого посмотреть!» Говорит ему Ванька: «Он мне и кушанье хорошо готовит!» Царь сейчас отправил его в поварскую; пошел Иван-царевич к поварам под начало, а сам горько плачет: «Господи! Я ничего не умею; это все на меня напраслину наговаривают».

Вот задумал царь отдать свою дочь за названника; а тут и пишет к нему трехглавый змей: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то я всю твою силу порублю и тебя самого в полон возьму». Говорит царь своему нареченному зятю: «Что же мне делать?» Ванька отвечает: «Батенька, выставим силу; может быть, и наша возьмет!» Выставили силу, стали воевать. А Иван-царевич просится у поваров: «Пустите меня, дяденьки, посмотреть сражение; я сроду не видал». Те говорят: «Ступай, посмотри!» Сейчас приходит он на чистое поле и говорит: «Друг Никанор, явись передо мной». Никанор-богатырь перед ним является: «Что угодно тебе, Иван-царевич, то и буду делать». Он спрашивает: «Как же нам разогнать все это сражение, побить неприятелей? Сослужи-ка мне эту службу».— «Эта службишка, а не служба!»

Поехал Никанор-богатырь и разогнал силу неприятельскую, всех побил, порубал. «Ну, теперь надо свадьбу играть!» — говорит царь. Вдруг пишет шестиглавый змей: «Если ты не отдашь своей дочери за меня, то всю силу твою порублю и тебя самого в полон возьму!» — «Ах, как же нам быть?» — спрашивает царь. Говорит Ванька: «Нечего делать — надо силу выставлять; может быть, нам бог помогнёт!» Выставили против силы змеиной свою армию. Стал Иван-царевич проситься у поваров: «Дяденьки, отпустите меня по-

смотреть».— «Ступай, да скорей назад приходи». Он пошел на чистое поле: «Ах, друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является: «Что тебе угодно, все для тебя буду делать».— «Как бы нам порубить эту силу?» Отвечает Никанор-богатырь: «Поеду и потружусь для тебя!» Пустился на рать-силу змеиную и побил ее всю дочиста. «Ну,— говорит царь,— теперь нам можно и свадьбу играть: никакой помехи не будет!» Взялись за свадьбу, а тут двенадцатиглавый змей пишет: «Если не отдашь за меня своей дочери, то всю твою силу побью, тебя самого в полон возьму, а царство твое головней выжгу!» Надобно опять выставлять армию. «Если станет змей побивать,— думает царь,— в ту ж минуту отдам ему дочь добром, чтоб только царства не тронул». Иван-царевич просится у поваров: «Дяденьки, отпустите меня посмотреть».— «Ступай, да скорей назад приходи!»

Вот приходит он на чистое поле, свистнул-гаркнул своим громким голосом: «Друг Никанор, явись передо мной!» Никанор-богатырь является: «Ну, брат Иван-царевич, вот когда служба-то нам пришла! Садись и ты на коня, и поедем: я впереди — на двенадцатиглавого змея, а ты позади — на всех его богатырей». А у того змея было двенадцать подручных богатырей. Сел Иван-царевич на коня и вслед за Никанором-богатырем поехал на неприятеля; стали биться, рубиться, изводить силу змеиную.

На том бою ранили Ивана-царевича в руку; он повернул коня и прямо наехал на царскую карету. Царевна сняла с себя шаль, разорвала пополам и половинкой завязала ему руку. Иван-царевич опять ударил на змея и побил все его войско; после приехал в свое место, лег спать и заснул крепким, богатырским сном. Во дворце свадьба готовится; хватились его повара́. «Куда,— говорят,— делся наш молодой повар?» Побежали искать и нашли сонного; стали будить — никак не разбудят, стали толкать — никак не растолкают. Один повар взял колотушку: «Сейчас пришибу его; пускай пропадает!» Ударил его раз, другой; Иван-царевич проснулся: «Ах, братцы, я проспал!» И просит: «Дяденьки, не сказывайте, что я так долго спал». Те говорят: «Пойдем, дурак, скорее, чтобы нас за тебя не ругали!»

Привели его в поварскую и заставили кастрюли чистить. Иван-царевич засучил рукава и принялся за работу. Увидала царевна у него половинку своей шали: «Покажи-ка, Ванька! Где ты этот платок взял?» Тут он и признался: «Не тот,— говорит,— названник — царевич, а я!» — и рассказал ей все, как было. Сейчас взяла царевна его за руку, повела к отцу: «Вот мой нареченный жених, а не тот лакей!» Царь стал у него спрашивать: «Как у вас дело было?» — Так и так, говорит. Царь перевенчал

свою дочь за Ивана-царевича, а названника расказнил. И я там был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было; подали белужины — остался не ужинавши.

КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ И СЛУЖАНКА

Жил купец пребогатый; у него одна дочь была хороша-расхороша! Развозит этот купец товар по разным губерниям, и приехал он в некое царство к царю, привез красный товар и стал ему отдавать. Изымел с ним царь таково слово: «Что,— говорит,— я по себе невесты на найду?» Вот купец и стал говорить этому царю: «У меня есть дочка хороша; так хороша, что́ человек ни вздумает, то она узнает!» То царь часа часовать не стал, написал письмо и скричал своим господам жандармам: «Ступайте вы к этому купцу и отдайте это письмо купеческой дочери!» — а в письме написано: «Убирайся венчаться».

Взяла купеческая дочь это письмо на руки, залилась слезами и стала убираться, и служанка с нею; и никто эту служанку не разгадает с купеческой дочерью: потому не разгадает, что обе на одно лицо. Вот убрались они в одинакое платье и едут к царю венчаться. Досадно стало этой служанке; сейчас и говорит: «Пойдем, по острову погуляем!» Пошли по острову; усыпила служанка купеческую дочь сонным зельем, вырезала у ней глаза и положила в карманчик. Потом приходит к жандармам и говорит: «Господа жандармы! Уходилась на́ море моя служанка». А они в ответ: «Нам лишь бы ты была жива, а эта крестьянка вовсе не нужна!» Приехали к царю; сейчас стали венчаться и начали жить. Вот царь сам себе думает: «Должно быть, купец меня обманул! Эта не купеческая дочь. Отчего она так нехороша умом-разумом? Вовсе ничего не умеет делать!»

Живет он с нею; а эта купеческая дочь опомнилась от болезни, что ей служанка-то причинила: ничего она не видит, а только слышит. И слышит она, что стерегет старичок скотину; стала ему говорить: «Где ты, дедушка, находишься?» — «Я живу в избушке».— «Прими и меня с собою». Старичок принял ее. Она и говорит: «Дедушка, отгони скотину-то!» Он ее послушал — отогнал скотину. И посылает она этого старика в лавку. «Возьми ты бархату и шелку в долг». Старик пошел. Из богатых никто не дал в долг, а дали ему из бедной лавки. Принес он слепенькой бархату и шелку. Она ему говорит: «Дедушка, ложись спать и ухом не веди; а мне что день, что ночь — все равно!» И стала из бархату и шелку царскую корону шить; вышила такую хорошую корону, что глядеть — не наглядишься.

Поутру рано будит слепенькая старика и говорит: «Поди,

отнеси к царю; ничего не проси, а проси только глаз; и что над тобой ни будут там делать,— ничего не бойся!» Вот он пришел во дворец, принес корону. Тут все над этой короной сдивовались и стали у него торговать; а старичок стал у них просить глаз. Сейчас донесли царю, что он глаз просит. Царь вышел, обрадовался короне и начал торговать ее, а тот и с него глаз просит. Ну, царь заругался и хотел уж его в острог сажать. Только что́ царь ни говорит, а он все дело правит. Царь скричал своим жандармам: «Подите, у пленного солдата вырежьте глаз!» А жена его, царица, сейчас выскочила, вынимает глаз и дает его царю. Царь очень обрадовался: «Ах, как ты меня выручила, царевнушка!» — и отдал старику этот глаз.

Старик взял и пошел со дворца; пришел в свою избушку. Слепая спрашивает: «Взял ли ты, дедушка, мой глазок?» Он говорит: «Взял». Вот она приняла у него, вышла на зорю, поплевала на глазок, приставила — и стала видеть.

Посылает она старичка опять в лавки, дала ему денег, велела долг отдать за шелк и за бархат и еще приказала взять бархату и золота. Взял он у бедного купца и принес купеческой дочери и бархату и золота. Вот она села шить другую корону, сшила и посылает старичка к этому же царю, а сама приказывает: «Ничего не бери, только глаз проси; а станут тебя спрашивать, где ты взял,— скажи: мне бог дал!»

Пришел старик во дворец; там все сдивовались; первая корона была хороша, а эта еще лучше. И говорит царь: «Что ни давать, а купить надо!» — «Дай мне глаз»,— просит старик. Царь сейчас посылает вырезать глаз у пленного, а супруга царева тут же и вынимает другой глазок. Царь очень обрадовался, благодарит ее: «Ах, как ты меня, матушка, выручила этим глазком!» Спрашивает царь старичка: «Где ты, старичок, берешь эти короны?» — «Мне бог дал»,— сказал ему старик и пошел со дворца. Приходит в избушку, отдает глазок слепенькой. Она вышла опять на зорю, поплевала глазок, приставила его — и стала видеть обоими глазами. Ночь спала в избушке, а то вдруг очутилась в стеклянном дому, и завела она гулянья.

Едет царь посмотреть, что такое за диво, кто такой построил эти хоромы? Въехал во двор, и так она ему рада, сейчас его принимает и за столик сажает. Попировал там, уезжает и зовет ее к себе в гости. Вернулся к себе в дом и сказывает своей царице: «Ах, матушка, какой в этом месте дом и какая в нем девица! Кто что ни вздумает, то она узнает!» Царица догадалась и говорит сама себе: «Это, верно, она, которой я глаза вырезала!»

Вот царь опять едет к ней в гости, а царице очень досадно. Приехал царь, попировал и зовет ее в гости. Она стала убираться

и говорит старичку: «Прощай! Вот тебе сундук денег: до дна его не добирай — всегда будет полон. Ляжешь ты спать в этом стеклянном дому, а встанешь в избушке своей. Вот я в гости поеду; меня вживе не будет — убьют и в мелкие части изрубят; ты встань поутру, сделай гробок, собери мои кусочки и похорони». Старичок заплакал об ней. Тем же часом жандармы приехали, посадили ее и повезли. Привозят ее в гости, а царица на нее и не смотрит — сейчас застрелила бы ее.

Вот и вышла царица на двор и говорит жандармам: «Как вы эту девку домой повезете, так тут же иссеките ее в мясные части и выньте у ней сердце да привезите ко мне!» Повезли они купеческу дочь домой и разговаривают с ней быстро; а она уже знает, что они хочут делать, и говорит им: «Секите ж меня скорее!» Они иссекли ее, вынули у ней сердце, а самою в назём закопали и приехали во дворец. Царица вышла, взяла сердце, скатала его в яйцо и положила в карман. Старичок спал в стеклянном дому, а встал в избушке и залился слезами. Плакал-плакал, а дело надо исполнить. Сделал гроб и пошел искать ее; нашел в навозе, разрыл, собрал все части, положил их в гроб и похоронил у себя.

А царь не знает никакого дела, едет к купеческой дочери в гости. Приехал на то место — нет ни дома, нет ни девицы, а только где она схоронена, там над ней сад вырос. Вернулся во дворец и стал царице рассказывать: «Ездил-ездил, не нашел ни дома, ни девицы, а только один сад!» Вот царица услыхала об этом; вышла на двор и говорит жандармам: «Ступайте вы, посеките на том месте сад!» Приехали они к саду и стали его сечь, а он весь окаменел.

Не терпится царю — хочется сад посмотреть; вот и едет глядеть его. Приехал в сад и увидал в нем мальчика — и какой хорошенький мальчик! «Верно,— думает,— господа гуляли да потеряли». Взял его во дворец, привез в свои палаты и говорит царице: «Смотри, матушка, не расквили его». А мальчик на то время так раскричался, что ничем его и не забавят: и так и сяк, а он знай кричит! Царица вынула из карманчика яичко, скатанное из сердца, и дала ему; он и перестал кричать, зачал бегать по комнатам. «Ах, матушка,— говорит царь царице,— как ты его утешила!»

Мальчик побег на двор, а царь за ним; он на улицу — и царь на улицу, он в поля — и царь в поля, он в сад — и царь в сад. Увидал там этот царь девицу и очень обрадовался. Девица и говорит ему: «Я твоя невеста, купеческая дочь, а царица твоя — моя служанка». Вот и приехали они во дворец. Царица упала ей в ноги: «Прости меня!» — «А ты меня не прощала: один раз глаза вырезала, а в другой велела в мелкие части рассечь!» Царь и говорит: «Жандармы! Вырежьте же теперь и царице глаза и

пустите ее в поля». Вырезали ей глаза, привязали к коням и пустили в поля. Размыкали ее кони по чистому полю. А царь с младой царицею стали жить да поживать, добра наживать. Царь ею завсегда любовался и в золоте водил.

ТРИ ЦАРСТВА — МЕДНОЕ, СЕРЕБРЯНОЕ И ЗОЛОТОЕ

Бывало да живало — жили-были старик да старушка; у них было три сына: первый — Егорушко Залёт, второй — Миша Косолапый, третий — Ивашко Запечник. Вот вздумали отец и мать их женить; послали большого сына присматривать невесту, он шел да шел — много времени; где ни посмотрит на девок, не может прибрать себе невесты, всё не глянутся. Потом встретил на дороге змея о трех головах и испугался, а змей говорит ему: «Куда, добрый человек, направился?» Егорушко говорит: «Пошел свататься, да не могу невесты приискать». Змей говорит: «Пойдем со мной; я поведу тебя, можешь ли достать невесту?»

Вот шли да шли, дошли до большого камня. Змей говорит: «Отворотн камень: там чего желаешь, то и получишь». Егорушко старался отворотить, но ничего не мог сделать. Змей сказал ему: «Да нет же тебе невесты!» И Егорушко воротился домой, сказал отцу и матери обо всем. Отец и мать опять думали-подумали, как жить да быть, послали среднего сына, Мишу Косолапого. С тем то же самое случилось. Вот старик и старушка думали-подумали, не знают, что делать: если послать Ивашку Запечного, тому ничего не сделать!

А Ивашко Запечный стал сам проситься посмотреть змея; отец и мать сперва не пускали его, но после пустили. И Ивашко тоже шел да шел, и встретил змея о трех головах. Спросил его змей: «Куда направился, добрый человек?» Он сказал: «Братья хотели жениться, да не могли достать невесту; а теперь мне черед выпал».— «Пожалуй, пойдем, я покажу; сможешь ли ты достать невесту?»

Вот пошли змей с Ивашком, дошли до того же камня, и змей приказал камень отворотить с места. Ивашко хватил его, и камень как не бывал — с места слетел; тут оказалась дыра в землю, и близ нее утверждены ремни. Вот змей и говорит: «Ивашко! Садись на ремни; я тебя спущу, и ты там пойдешь и дойдешь до трех царств, а в каждом царстве увидишь по девице».

Ивашко спустился и пошел; шел да шел, и дошел до медного царства; тут зашел и увидел девицу, прекрасную из себя. Девица говорит: «Добро пожаловать, небывалый гость! Приходи и садись,

где место просто́ видишь; да скажись, откуда идешь и куда?» — «Ах, девица красная! — сказал Ивашко.— Не накормила, не напоила, да стала вести спрашивать». Вот девица собрала на стол всякого кушанья и напитков; Ивашко выпил и поел и стал рассказывать, что иду-де искать себе невесты: «Если милость твоя будет — прошу выйтить за меня».— «Нет, добрый человек,— сказала девица,— ступай ты вперед, дойдешь до серебряного царства: там есть девица еще прекраснее меня!» — и подарила ему серебряный перстень.

Вот добрый молодец поблагодарил девицу за хлеб за соль, распростился и пошел; шел да шел, и дошел до серебряного царства; зашел сюда и увидел: сидит девица прекраснее первой. Помолился он богу и бил челом: «Здорово, красная девица!» Она отвечала: «Добро пожаловать, прохожий молодец! Садись да хвастай: чей, да откуль, и какими делами сюда зашел?» — «Ах, прекрасная девица! — сказал Ивашко.— Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот собрала девица стол, принесла всякого кушанья и напитков; тогда Ивашко попил, поел, сколько хотел, и начал рассказывать, что он пошел искать невесты, и просил ее замуж за себя. Она сказала ему: «Ступай вперед, там есть еще золотое царство, и в том царстве есть еще прекраснее меня девица»,— и подарила ему золотой перстень.

Ивашко распростился и пошел вперед, шел да шел, и дошел до золотого царства, зашел и увидел девицу прекраснее всех. Вот он богу помолился и, как следует, поздоровался с девицей. Девица стала спрашивать его, откуда и куда идет? «Ах, красная девица! — сказал он.— Не напоила, не накормила, да стала вести спрашивать». Вот она собрала на стол всякого кушанья и напитков, чего лучше требовать нельзя. Ивашко Запечник угостился всем хорошо и стал рассказывать: «Иду я, себе невесты ищу; если ты желаешь за меня замуж, то пойдем со мною». Девица согласилась и подарила ему золотой клубок, и пошли они вместе.

Шли да шли, и дошли до серебряного царства — тут взяли с собой девицу; опять шли да шли, и дошли до медного царства — и тут взяли девицу, и все пошли до дыры, из которой надобно вылезть, и ремни тут висят; а старшие братья уже стоят у дыры, хотят лезть туда же искать Ивашку.

Вот Ивашко посадил на ремни девицу из медного царства и затряс за ремень; братья потащили и вытащили девицу, а ремни опять опустили. Ивашко посадил девицу из серебряного царства, и ту вытащили, а ремни опять опустили; потом посадил он девицу из золотого царства, и ту вытащили, а ремни опустили. Тогда и сам Ивашко сел; братья потащили и его, тащили, тащили, да как

увидели, что это — Ивашко, подумали: «Пожалуй, вытащим его, дак он не даст ни одной девицы!» — и обрезали ремни; Ивашко упал вниз. Вот, делать нечего, поплакал он, поплакал и пошел вперед; шел да шел, и увидел: сидит на пне старик — сам с четверть, а борода с локоть — и рассказал ему все, как и что с ним случилось. Старик научил его идти дальше: «Дойдешь до избушки, а в избушке лежит длинный мужчина из угла в угол, и ты спроси у него, как выйти на Русь».

Вот Ивашко шел да шел, и дошел до избушки, зашел туда и сказал: «Сильный Идолище! Не погуби меня: скажи, как на Русь попасть?» — «Фу, фу! — проговорил Идолище.— Русскую коску никто не звал, сама пришла. Ну, пойди же ты за тридцать озер; там стоит на куриной ножке избушка, а в избушке живет яга-баба; у ней есть орел-птица, и она тебя вынесет». Вот добрый молодец шел да шел, и дошел до избушки; зашел в избушку, яга-баба закричала: «Фу, фу, фу! Русская коска, зачем сюда пришла?» Тогда Ивашко сказал: «А вот, бабушка, пришел я по приказу сильного Идолища попросить у тебя могучей птицы орла, чтобы она вытащила меня на Русь».— «Иди же ты,— сказала яга-баба,— в садок; у дверей стоит караул, и ты возьми у него ключи и ступай за семь дверей; как будешь отпирать последние двери — тогда орел встрепенется крыльями, и если ты его не испугаешься, то сядь на него и лети; только возьми с собою говядины, и когда он станет оглядываться, ты давай ему по куску мяса.

Ивашко сделал все по приказанью ягой-бабки, сел на орла и полетел; летел, летел, орел оглянулся — Ивашко дал ему кусок мяса; летел, летел и часто давал орлу мяса, уж скормил все, а еще лететь не близко. Орел оглянулся, а мяса нет; вот орел выхватил у Ивашки из холки кусок мяса, съел и вытащил его в ту же дыру на Русь. Когда сошел Ивашко с орла, орел выхаркнул кусок мяса и велел ему приложить к холке. Ивашко приложил, и холка заросла. Пришел Ивашко домой, взял у братьев девицу из золотого царства, и стали они жить да быть, и теперь живут. Я там был, пиво пил: пиво-то по усу текло, да в рот не попало.

В то давнее время, когда мир божий наполнен был лешими, ведьмами да русалками, когда реки текли молочные, берега были кисельные, а по полям летали жареные куропатки, в то время жил-был царь по имени Горох с царицею Анастасьей Прекрасною; у них было три сына-царевича. Сотряслась беда немалая — утащил царицу нечистый дух. Говорит царю большой сын: «Батюшка,

благослови меня, поеду отыскивать матушку». Поехал и пропал, три года про него ни вести, ни слуху не было. Стал второй сын проситься: «Батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось мне посчастливится найти и брата и матушку». Царь благословил: он поехал и тоже без вести пропал — словно в воду канул.

Приходит к царю меньшой сын Иван-царевич: «Любезный батюшка, благослови меня в путь-дорогу; авось разыщу и братьев и матушку».— «Поезжай, сынок!» Иван-царевич пустился в чужедальнюю сторону; ехал, ехал и приехал к синю морю, остановился на бережку и думает: «Куда теперь путь держать?» Вдруг прилетели на́ море тридцать три колпицы, ударились оземь и стали красные девицы — все хороши, а одна лучше всех; разделись и бросились в воду.

Много ли, мало ли они купались — Иван-царевич подкрался, взял у той девицы, что всех краше, кушачок и спрятал за пазуху. Искупались девицы, вышли на́ берег, начали одеваться — одного кушачка нет. «Ах, Иван-царевич,— говорит краса́вица,— отдай мой кушачок».— «Скажи прежде, где моя матушка?» — «Твоя матушка у моего отца живет — у Ворона Вороновича. Ступай вверх по́ морю, попадется тебе серебряная птичка золотой хохолок: куда она полетит, туда и ты иди». Иван-царевич отдал ей кушачок и пошел вверх по́ морю; тут повстречал своих братьев, поздоровался с ними и взял с собою.

Идут они вместе берегом, увидали серебряную птичку золотой хохолок и побежали за ней следом. Птичка летела, летела и бросилась под плиту железную, в яму подземельную. «Ну, братцы,— говорит Иван-царевич,— благословите меня вместо отца, вместо матери; опущусь я в эту яму и узнаю, какова земля иноверная, не там ли наша матушка». Братья его благословили, он сел на рели, полез в ту яму глубокую и спущался ни много, ни мало — ровно три года; спустился и пошел путем-дорогою.

Шел-шел, шел-шел, увидал медное царство; во дворце сидят тридцать три девицы-колпицы, вышивают полотенца хитрыми узорами — городками с пригорками. «Здравствуй, Иван-царевич! — говорит царевна медного царства.— Куда идешь, куда путь держишь?» — «Иду свою матушку искать».— «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; он хитёр и мудёр, по горам, по долам, по вертепам, по облакам летал! Он тебя, добра мо́лодца, убьет! Вот тебе клубочек, ступай к моей середней сестре — что она тебе скажет. А назад пойдешь, меня не забудь». Иван-царевич покатил клубочек и пошел вслед за ним.

Приходит в серебряное царство; там сидят тридцать три девицы-колпицы. Говорит царевна серебряного царства: «Доселева

русского духа было видом не видать, слыхом не слыхать, а нонче русский дух воочию проявляется! Что, Иван-царевич, от дела лытаешь али дела пытаешь?» — «Ах, красна девица, иду искать матушку».— «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича; и хитёр он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился! Эх, царевич, ведь он тебя убьет! Вот тебе клубочек, ступай-ка ты к меньшой моей сестре — чтó она тебе скажет: вперед ли идти, назад ли вернуться?»

Приходит Иван-царевич к золотому царству; там сидят тридцать три девицы-колпицы, полотенца вышивают. Всех выше, всех лучше царевна золотого царства — такая краса, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит она: «Здравствуй, Иван-царевич! Куда идешь, куда путь держишь?» — «Иду матушку искать».— «Твоя матушка у моего отца, у Ворона Вороновича, и хитёр он, и мудёр, по горам, по долам летал, по вертепам, по облакам носился. Эх, царевич, ведь он тебя убьет! Нá тебе клубочек, ступай в жемчужное царство; там твоя мать живет. Увидя тебя, она возрадуется и тотчас прикажет: няньки-мамки, подайте моему сыну зелена́ вина. А ты не бери; проси, чтоб дала тебе трехгодовалого вина, что в шкапу стоит, да горелую корку на закусочку. Не забудь еще: у моего батюшки есть на дворе два чана воды — одна вода сильная, а другая малосильная; переставь их с места на место и напейся сильной воды». Долго царевич с царевной разговаривали и так полюбили друг друга, что и расставаться им не хотелося; а делать было нечего — попрощался Иван-царевич и отправился в путь-дорогу.

Шел, шел, приходит к жемчужному царству. Увидала его мать, обрадовалась и крикнула: «Мамки-няньки! Подайте моему сыну зелена́ вина».— «Я не пью простого вина, подайте мне трехгодовалого, а на закуску горелую корку». Выпил трехгодовалого вина, закусил горелою коркою, вышел на широкий двор, переставил чаны с места на место и принялся сильную воду пить. Вдруг прилетает Ворон Воронович: был он светел, как ясный день, а увидал Ивана-царевича — и сделался мрачней темной ночи; опустился к чану и стал тянуть бессильную воду. Тем временем Иван-царевич пал к нему на крылья; Ворон Воронович взвился высоко-высоко, носил его и по долам, и по горам, и по вертепам и облакам и начал спрашивать: «Что тебе нужно, Иван-царевич? Хочешь — казной наделю?» — «Ничего мне не надобно, только дай мне посошок-перышко».— «Нет, Иван-царевич! Больно в широки́ сани садишься». И опять понес его Ворон по горам и по долам, по вертепам и облакам. Иван-царевич крепко держится; налег всею своей тяжестью и чуть-чуть не обломил ему крылья. Вскрикнул тогда Ворон Воронович: «Не ломай ты мои крылышки, возьми

посошок-перышко!» Отдал царевичу посошок-перышко; сам сделался простым вороном и полетел на крутые горы.

А Иван-царевич пришел в жемчужное царство, взял свою матушку и пошел в обратный путь; смотрит — жемчужное царство клубочком свернулося да вслед за ним покатилося. Пришел в золотое царство, потом в серебряное, а потом и в медное, взял повел с собою трех прекрасных царевен, а те царства свернулись клубочками да за ними ж покатилися. Подходит к релям и затрубил в золотую трубу: «Братцы ро́дные! Если живы, меня не выдайте». Братья услыхали трубу, ухватились за рели и вытащили на свет душу красную девицу, медного царства царевну; увидали ее и начали меж собою ссориться: один другому уступить ее не хочет. «Что вы бьетесь, добрые мо́лодцы! Там есть еще лучше меня красная девица». Царевичи опустили рели и вытащили царевну серебряного царства. Опять начали спорить и драться; тот говорит: «Пусть мне достанется!», а другой: «Не хочу! Пусть моя будет!» — «Не ссорьтесь, добрые мо́лодцы, там есть краше меня девица».

Царевичи перестали драться, опустили рели и вытащили царевну золотого царства. Опять было принялись ссориться, да царевна-красавица тотчас остановила их: «Там ждет ваша матушка!» Вытащили они свою матушку и опустили рели за Иваном-царевичем; подняли его до половины и обсекли веревки. Иван-царевич полетел в пропасть, крепко ушибся и полгода лежал без памяти; очнувшись, посмотрел кругом, припомнил все, что с ним сталося, вынул из кармана посошок-перышко и ударил им о́ землю. В ту же минуту явилось двенадцать молодцев: «Что, Иван-царевич, прикажете?» — «Вынесть меня на вольный свет». Молодцы подхватили его под руки и вынесли на вольный свет.

Стал Иван-царевич про своих братьев разведывать и узнал, что они давно поженились: царевна из медного царства вышла замуж за середнего брата, царевна из серебряного царства — за старшего брата, а его нареченная невеста ни за кого не идет. И вздумал на ней сам отец-старик жениться; собрал думу, обвинил свою жену в совете с злыми духами и велел отрубить ей голову; после казни спрашивает он царевну из золотого царства: «Идешь за меня замуж?» — «Тогда пойду за тебя, когда сошьешь мне башмаки без мерки». Царь приказал клич кликать, всех и каждого выспрашивать: не сошьет ли кто царевне башмаков без мерки?

На ту пору приходит Иван-царевич в свое государство, нанимается у одного старичка в работники и посылает его к царю: «Ступай, дедушка, бери на себя это дело. Я тебе башмаки сошью, только ты на меня не сказывай». Старик пошел к царю: «Я-де готов за эту работу взяться». Царь дал ему товару на пару башмаков и

спрашивает: «Да потрафишь ли ты, старичок?» — «Не бойся, государь, у меня сын чеботарь». Воротясь домой, отдал старичок товар Ивану-царевичу; тот изрезал товар в куски, выбросил за окно, потом растворил золотое царство и вынул готовые башмаки: «Вот, дедушка, возьми, отнеси к царю». Царь обрадовался, пристает к невесте: «Скоро ли к венцу ехать?» Она отвечает: «Тогда за тебя пойду, когда сошьешь мне платье без мерки».

Царь опять хлопочет, сбирает к себе всех мастеровых, дает им большие деньги, только чтоб платье без мерки сшили. Иван-царевич говорит старику: «Дедушка, иди к царю, возьми материю, я тебе платье сошью, только на меня не сказывай». Старик поплелся во дворец, взял атласов и бархатов, воротился домой и отдал царевичу. Иван-царевич тотчас за ножницы, изрезал на клочки все атласы и бархаты и выкинул за окно; растворил золотое царство, взял оттуда что ни есть лучшее платье и отдал старику: «Неси во дворец!» Царь радехонек: «Что, невеста моя возлюбленная, не пора ли нам к венцу ехать?» Отвечает царевна: «Тогда за тебя пойду замуж, когда возьмешь старикова сына да велишь в молоке сварить». Царь не задумался, отдал приказ — и в тот же день собрали со всякого двора по ведру молока, налили большой чан и вскипятили на сильном огне.

Привели Ивана-царевича; начал он со всеми прощаться, в землю кланяться; бросили его в чан: он раз нырнул, другой нырнул, выскочил вон — и сделался таким красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Говорит царевна: «Посмотри-ка, царь! За кого мне замуж идти: за тебя ли, старого, или за него, доброго мóлодца?» Царь подумал: «Если и я в молоке искупаюся, таким же красавцем сделаюся!» Бросился в чан и сварился в молоке. А Иван-царевич поехал с царевной из золотого царства венчаться; обвенчались и стали жить-поживать, добра наживать.

ФРОЛКА-СИДЕНЬ

Жил-был царь, у него было три дочери, да такие красавицы, что ни в сказке сказать, ни пером написать; любили они по вечерам гулять в своем саду, а сад был большой и славный. Вот змий черноморский и повадился туда летать. Однажды дочери царские припоздали в саду, засмотрелись на цветы; вдруг откуда ни взялся змий черноморский и унес их на своих огненных крыльях. Царь ждать-пождать — нет дочерей! Послал служанок искать их в саду, но все было напрасно: служанки не нашли царевен. Утром царь сделал тревогу, народу собралось множество. Тут царь и говорит: «Кто разыщет моих дочерей, тому сколько угодно дам денег».

Вот и избрались трое: солдат-пьяница, Фролка-сидень и Ерема: уговорились с царем и пустились искать царевен. Шли они, шли и пришли в дремучий, густой лес. Только взошли в него, сильный сон стал одолевать их. Фролка-сидень вытащил из кармана табакерку, постукал, открыл ее и пхнул в нос охапку табаку; потом зашумел: «Эй, братцы, не уснем, не воздремлем! Идите дальше».

Вот и пошли; шли, шли и приходят, наконец, к огромному дому, а дом этот был пятиглавого змия. Долго они стучали в ворота и не могли достучаться. Вот Фролка-сидень оттолкнул солдата и Ерему: «Пустите-ка, братцы!» Понюхал табаку и стукнул в двери так сильно, что расшиб их. Тут вошли они на двор, сели в кружок и собираются закусить чем бог послал. А из дома выходит девица, собою такая красавица; вышла и говорит: «Зачем вы, голубчики, сюда зашли? Ведь здесь живет прелихой змий; он вас съест! Счастливы вы, что его теперь дома нет». Фролка отвечает ей: «Мы сами его съедим!» Не успел вымолвить эти слова, вот и летит змий, летит и рычит: «Кто мое царство разорил? Ужель в свете есть мне противники? Есть у меня один противник, да его и костей сюда ворон не занесет!» — «Ворон меня не занесет,— сказал Фролка,— а добрый конь завезет!» Змий, услыхав такие слова, сказал: «Мириться, что ли, али драться?» — «Не мириться я пришел,— говорит Фролка,— а драться!»

Вот разошлись они, соступились, и Фролка с одного маху срубил все пять голов змию, взял и положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Тут девица обрадовалась и говорит этим молодцам: «Возьмите меня, голубчики, с собою».— «Да ты чья?» — спросили они. Она говорит, что царская дочь. Фролка также рассказал ей, что было нужно; вот и сошлось у них дело! Царевна позвала их в хоромы, накормила-напоила и просит, чтоб они выручили и других ее сестер. Фролка отвечал: «Да мы за этим и посланы!» Царевна рассказала, где живут ее сестры: «У средней сестры еще страшнее моего: с нею живет змий семиголовый».— «Нужды нет! — сказал Фролка.— Мы и с тем справимся; разве долго покопаюсь я с двенадцатиглавым змием». Распростились и пошли дальше.

Приходят к средней сестре. Палаты, в которых она заключена была, огромные, а вокруг палат ограда высокая, чугунная. Вот подошли они и начали искать ворота; нашли, Фролка что ни есть силы бухнул в ворота, и ворота растворились; вошли они на двор и опять по-прежнему сели позакусить. Вдруг летит семиглавый змий. «Что-то русским духом пахнет! — говорит он.— Ба! Это ты, Фролка, сюда зашел. Зачем?» — «Я знаю, зачем!» — отвечал Фролка, сразился с змием и с одного маху сшиб ему все семь глав, положил их под камень, а туловище зарыл в землю. Потом

вошли они в палаты; проходят комнату, другую и третью, в четвертой увидали среднюю царскую дочь — сидит на диване. Как рассказали они ей, каким образом и для чего сюда пришли, она повеселела, начала угощать их и просила выручить от двенадцатиглавого змия ее меньшую сестру. Фролка сказал: «А как же! Мы за этим и посланы. Только что-то робеет сердце; ну, да авось бог! Поднеси-ка нам еще по чарочке».

Вот выпили они и пошли; шли, шли, пришли к оврагу крутому-раскрутому. На другой стороне оврага стояли вместо ворот огромные столбы, а к ним прикованы были два страшные льва и рычали так громко, что Фролка только один устоял на ногах, а товарищи его от страха попáдали на землю. Фролка сказал им: «Я не такие страсти видал — и то не робел, пойдемте за мною!» — и пошли дальше.

Вдруг вышел из палат старец — примерно лет семидесяти, увидал их, пошел к ним навстречу и говорит: «Куда вы идете, мои родимые?» — «Да вот в эти палаты»,— отвечал Фролка. «И, мои родимые! Не на добро вы идете; в этих палатах живет двенадцатиглавый змий. Теперь его нет дома, а то бы он вас сейчас поел!» — «Да нам его-то и нужно».— «Когда так,— сказал старик,— ступайте; я проведу вас туда». Старик подошел ко львам и начал их гладить; тут Фролка пробрался с своими товарищами на двор.

Вот взошли они и в палаты; старик повел их в ту комнату, где жила царевна. Увидала она их, проворно скочила с кровати, подошла и порасспросила: кто они таковы и зачем пришли? Они рассказали ей. Царевна угостила их, а сама уж начала сряжаться. Только стали они выходить из хором — вдруг видят в версте от них летит змий. Тут царская дочь бросилась назад в хоромы, а Фролка с товарищами пошел навстречу и сразился с змием. Змий сначала очень шибко напал на них, но Фролка — парень расторопный! — успел одержать победу, сшиб ему все двенадцать голов и кинул их в овраг. Потом вошли назад в хоромы и начали гулять от радости пуще прежнего; а после отправились в путь и зашли за другими царевнами и все вместе прибыли на родину. Царь оченно обрадовался, растворил им свою царскую казну и сказал: «Ну, верные мои слуги,— берите, сколько угодно, себе денег за работу». Фролка был тороват: принес свою большую шапку треўху; солдат принес свой ранец, а Ерема принес куриное лукошко. Вот Фролка первый стал насыпать, сыпал, сыпал, треуха и прорвалась, и серебро утонуло в грязь. Фролка опять начал сыпать: сыпет, а из треухи валится! «Нечего делать! — сказал Фролка.— Верно, вся царская казна за меня пойдет».— «А нам-то что останется?» — спросили его товарищи. «У царя достанет казны и на вас!» Ерема давай-ка, пока деньги есть, насыпать лукошко, а солдат ранец,

насыпали и пошли себе домой. А Фролка с треухою остался подле царской казны и поныне сидит да насыпает. Когда насыпет треу́ху, тогда дальше скажу: а теперь нет мочи и духу.

БУРЯ-БОГАТЫРЬ ИВАН КОРОВИЙ СЫН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был король со своей королевою; не имели они детей, а жили вместе годов до десяти, так что король послал по всем царям, по всем городам, по всем народам — по чернети: кто бы мог полечить, чтоб королева забеременела? Съехались князья и бояры, богатые купцы и крестьяне; король накормил их досыта, напоил всех допьяна и начал выспрашивать. Никто не знает, не ведает, никто не берется сказать, от чего б королева могла плод принести; только взялся крестьянский сын. Король вынимает и дает ему полну́ горсть червонцев и назначает сроку три дня.

Ну, крестьянский сын взяться взялся, а что сказать — того ему и во сне не снилося; вышел он из города и задумался крепко. Попадается ему навстречу старушка: «Скажи мне, крестьянский сын, о чем ты задумался?» Он ей отвечает: «Молчи, старая хрычовка, не досаждай мне!» Вот она вперед забежала и говорит: «Скажи мне думу свою крепкую; я человек старый, все знаю». Он подумал: «За что ее избранил? Может быть, что и знает.— Вот, бабушка, взялся я королю сказать, от чего бы королева плод понесла; да сам не знаю».—«То-то! А я знаю: поди к королю и скажи, чтоб связали три невода шелковые; которое море под окошком — в нем есть щука златокрылая, против самого дворца завсегда гуляет. Когда поймает ее король да изготовит, а королева покушает, тогда и понесет детище».

Крестьянский сын сам поехал ловить на море; закинул три невода шелковые — щука вскочила и порвала все три невода. В другой раз кинул — тож порвала. Крестьянский сын снял с себя пояс и с шеи шелковый платочек, завязал эти невода, закинул в третий раз — и поймал щуку златокрылую; несказанно обрадовался, взял и понес к королю. Король приказал щуку вымыть, вычистить, изжарить и подать королеве. Повара́ щуку чистили да мыли, помои за окошко лили; пришла корова, ополощины выпила. Как скоро повара щуку изжарили, прибежала девка-чернавка, положила ее на блюдо, понесла к королеве, да дорогой оторвала крылышко и попробовала. Все три понесли в один день, в один час: корова, девка-чернавка и королева.

Скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Чрез несколько времени приходит со скотного двора скотница, докладывает

королю, что корова родила человека. Король весьма удивился; не успел он принять эти речи, как бегут сказать ему, что девка-чернавка родила мальчика точь-в-точь как коровий сын; а вслед за тем приходят докладывать, что и королева родила сына точь-в-точь как коровий — голос в голос и волос в волос. Чудные уродились мальчики! Кто растет по годам, а они растут по часам; кто в год — они в час таковы, кто в три года — они в три часа. Стали они на возрасте, заслышали в себе силу могучую, богатырскую, приходят к отцу-королю и просятся в город погулять, людей посмотреть и себя показать. Он им позволил, наказал гулять тихо и смирно и дал денег столько, сколько взять смогли.

Пошли добрые мо́лодцы: один назывался Иван-царевич, другой Иван девкин сын, третий Буря-богатырь Иван коровий сын; ходили ходили, ничего не купили. Вот Иван-царевич завидел стеклянные шарики и говорит братьям: «Давайте, братцы, купим по шарику да станем вверх бросать; кто бросит выше, тот у нас будет старший». Братья согласились; кинули жребий — кому бросать вперед? Вышло Ивану-царевичу. Он кинул высоко, а Иван девкин сын еще выше, а Буря-богатырь коровий сын так закинул, что из виду пропал, и говорит: «Ну, теперь я над вами старший!» Иван-царевич рассердился: «Как так! Коровий сын, а хочет быть старшим!» На то Буря-богатырь ему отвечал: «Видно, так богу угодно, чтоб вы меня слушались».

Пошли они путем-дорогою, приходят к Черному морю, в море клохочет гад. Иван-царевич говорит: «Давайте, братцы, кто этот гад уймет, тот из нас будет большой!» Братья согласились. Буря-богатырь говорит: «Унимай ты, Иван-царевич! Уймешь — будешь над нами старший». Он начал кричать, унимать, гад пуще разозлился. Потом начал унимать Иван девкин сын — тоже ничего не сделал. А Буря-богатырь закричал да свою тросточку в воду бросил — гаду как не бывало! И опять говорит: «Я над вами старший!» Иван-царевич рассердился: «Не хотим быть меньшими братьями!» — «Ну так оставайтесь сами по себе!» — сказал Буря-богатырь и воротился в свое отечество; а те два брата пошли куда глаза глядят.

Король узнал, что Буря-богатырь один пришел, и приказал посадить его в крепость; не дают ему ни пить, ни есть трое суток. Богатырь застучал кулаком в каменную стену и закричал богатырским голосом: «Доложите-ка своему королю, а моему названому отцу, за что про что он меня не кормит? Мне ваши стены — не стены, и решетки — не решетки, захочу — все кулаком расшибу!» Тотчас докладывают все это королю: король приходит к нему сам и говорит: «Что ты, Буря-богатырь, похваляешься?» — «Названый мой батюшка! За что про что ты меня не кормишь, трое суток

голодною смертью моришь? Я не знаю за собой никакой вины».— «А куда ты девал моих сыновей, а своих братьев?» Буря-богатырь коровий сын рассказал ему, как и что было: «Братья живы-здоровы, ничем невредимы, а пошли куда глаза глядят». Король спрашивает: «Отчего же ты с ними не пошел?» — «Оттого, что Ивану-царевичу хочется быть старшим, а по жеребью мне достается».— «Ну хорошо! Я пошлю воротить их». Буря-богатырь говорит: «Никто, окромя меня, не догонит их; они пошли в такие места — в змеиные края, где выезжают из Черного моря три змея шести-, девяти- и двенадцатиглавые». Король начал его просить; Буря-богатырь коровий сын собрался во путь во дороженьку, взял палицу боевую и меч-кладенец и пошел.

Скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается; шел, шел и догнал братьев близ Черного моря у калинового моста; у того моста столб стоит, на столбе написано, что тут выезжают три змея. «Здравствуйте, братцы». Они ему обрадовались и отвечают: «Здравствуй, Буря-богатырь, наш старший брат!» — «Что, видно, не вкусно вам — что на столбе написано?» Осмотрелся кругом — около моста избушка на курьих ножках, на петуховой головке, к лесу передом, а к ним задом. Буря-богатырь и закричал: «Избушка, избушка! Устойся да улягся к лесу задом, а к нам передом». Избушка перевернулась; взошли в нее, а там стол накрыт, на столе всего много — и кушаньев и напитков разных; в углу стоит кровать тесовая, на ней лежит перина пуховая. Буря-богатырь говорит: «Вот, братцы, если б не я, вам бы ничего этого не было».

Сели, пообедали, потом легли отдохнуть. Вставши, Буря-богатырь сказывает: «Ну, братцы, сегодняшнюю ночь будет выезжать змей шестиглавый; давайте кидать жеребий, кому караулить? Кинули — досталось Ивану девкину сыну; Буря-богатырь ему и говорит: «Смотри же, выскочит из моря кувшинчик и станет перед тобою плясать, ты на него не гляди, а возьми наплюй на него, да и разбей». Девкин сын как пришел, так и уснул. А Буря-богатырь, зная, что его братья — люди ненадежные, сам пошел; ходит по́ мосту да тросточкой постукивает. Вдруг выскочил перед ним кувшинчик, так и пляшет: Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил на мелкие части. Тут утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская гу́ба: змей шестиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Ста́нь передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из-под ног ископыть по сенной копне летит, из ушей и ноздрей дым валит. Чудо-юда сел на него и поехал на калиновый мост; конь под ним спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься: друга слышишь али недру-

га?» Отвечает добрый конь: «Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын».— «Врешь, воронье мясо! Его костей сюда ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!» — «Ах ты, чудо-юда! — отозвался Буря-богатырь коровий сын,— ворона костей моих не занашивала, я сам здесь погуливаю». Змей его спрашивает: «Зачем ты приехал? Сватать моих сестер али дочерей?» — «Нет, брат, в поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать».

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы ему снес, в другой раз остальные снес. Взял туловище, рассек да и в море бросил, го́ловы под калиновый мост спрятал, а коня привязал к ногам девкину сыну, меч-кладенец положил ему в головы; сам пошел в избушку и лег спать как ни в чем не бывал. Иван девкин сын проснулся, увидел коня и очень обрадовался, сел на него, поехал к избушке и кричит: «Вот Буря-богатырь не велел мне смотреть на кувшинчик, а я посмотрел, так господь и коня мне дал!» Тот отвечает: «Тебе дал, а нам еще посулил!»

На другую ночь доставалось Ивану-царевичу караулить; Буря-богатырь и ему то же сказал об кувшинчике. Царевич стал по мосту похаживать, тросточкой постукивать — выскочил кувшинчик и начал перед ним плясать; он на него засмотрелся и заснул крепким сном. А Буря-богатырь, не надеясь на брата, сам пошел; по́ мосту похаживает, тросточкой постукивает — выскочил кувшинчик, так и пляшет. Буря-богатырь наплевал-нахаркал на него и разбил вдребезги. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская гу́ба: свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, из рта огненное пламя пышет; стал перед ним как вкопанный. Сел на него чудо-юда змей девятиглавый, поехал на калиновый мост; на́ мост въезжает, под ним конь спотыкается. Бьет его чудо-юда по крутым бедрам: «Что, воронье мясо, спотыкаешься — слышишь друга али недруга?» — «Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын».— «Врешь ты! Его костей ворона в пузыре не занашивала, не только ему самому быть!» — «Ах ты, чудо-юда, мосальская гу́ба! — отозвался Буря-богатырь,— сам я здесь другой год разгуливаю».— «Что же, Буря-богатырь, на сестрах моих али на дочерях сватаешься?» — «В поле съезжаться — родней не считаться; давай воевать!»

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — три головы, как кочки, снес; в другой размахнулся — еще три головы снес; а в третий и остальные срубил. Взял туловище, рассек да

в Черное море бросил, головы под калиновый мост запрятал, коня привязал к ногам Ивана-царевича, а меч-кладенец положил ему в головы; сам пошел в избушку и лег спать как ни в чем не бывал. Утром Иван-царевич проснулся, увидел коня еще лучше первого, обрадовался, едет и кричит: «Эй, Буря-богатырь, не велел ты мне смотреть на кувшинчик, а мне бог коня дал лучше первого». Тот отвечает: «Вам бог дал, а мне только посулил!»

Подходит третья ночь, собирается Буря-богатырь на караул: поставил стол и свечку, воткнул в стену ножик, повесил на него полотенце, дал братьям колоду карт и говорит: «Играйте, ребята, в карты, да меня не забывайте; как станет свеча догорать, а с этого полотенца будет в тарелке кровь прибывать, то бегите скорей на́ мост, ко мне на подмогу». Буря-богатырь по́ мосту похаживает, тросточкой постукивает — выскочил кувшинчик, так и пляшет; он на него наплевал-нахаркал и разбил на мелкие части. Вдруг утка крякнула, берега звякнули, море взболталось, море всколыхалось — лезет чудо-юда, мосальская гу́ба: змей двенадцатиглавый; свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой».

Конь бежит, только земля дрожит, из ушей и ноздрей дым столбом валит, изо рта огненное пламя пышет; прибежал и стал перед ним как вкопанный. Чудо-юда сел на него и поехал: въезжает на́ мост, конь под ним спотыкается. «Что ты, воронье мясо, спотыкаешься? Или почуял недруга?» — «Есть нам недруг — Буря-богатырь коровий сын».— «Молчи, его костей сюда ворона в пузыре не занашивала!» — «Врешь ты, чудо-юда, мосальская гу́ба! Я сам здесь третий год погуливаю».— «Что же, Буря-богатырь, на моих сестрах али дочерях хочешь жениться?» — «В поле съежаться — родней не считаться; давай воевать».— «А, ты убил моих двух братьев, так думаешь и меня победить!» — «Там что бог даст! Только послушай, чудо-юда, мосальская гу́ба, ты с конем, а я пешком; уговор лучше всего: лежачего не бить».

Буря-богатырь разошелся, боевой палицей размахнулся — и сразу снес три головы; в другой разошелся — змей его сшиб. Богатырь кричит: «Стой, чудо-юда! Уговор был: лежачего не бить». Чудо-юда дал ему справиться; тот встал — и сразу три головы полетели, как кочки. Начали они биться, несколько часов возились, оба из сил выбились; у змея еще три головы пропали, у богатыря палица лопнула. Буря-богатырь коровий сын снял с левой ноги сапог, кинул в избушку — половину ее долой снес; а братья его спят, не слышат; снял с правой ноги сапог, бросил — избушка по бревну раскатилася, а братья всё не просыпаются. Буря-богатырь взял обломок палицы, пустил в конюшню, где два жеребца

стояли, и выломил из конюшни дверь: жеребцы прибежали на мост и вышибли змея из седла вон. Тут богатырь обрадовался, подбежал к нему и отсек ему остальные три головы; змеиное туловище рассек да в Черное море кинул, а го́ловы под калиновый мост засунул. После взял трех жеребцов, свел в конюшню, а сам под калиновый мост спрятался, на мосту и кровь не подтер.

Братья поутру проснулись, смотрят — избушка вся рассыпалась, тарелка полна́ крови; вошли в конюшню — там три жеребца; удивляются, куда делся старший брат? Искали его трое суток — не нашли, и говорят промеж себя: «Видно, они убили друг друга, а тела их пропали; поедем теперь домой!» Только что коней оседлали, приготовились было ехать, Буря-богатырь проснулся и выходит из-под моста: «Что же вы, братцы, товарища своего покидаете? Я вас от смерти избавлял, а вы все спали и на по́мочь ко мне не приходили». Тут они пали перед ним на колени: «Виноваты, Буря-богатырь, большой наш брат!» — «Бог вас простит!» Пошептал он над избушкою: «Как прежде была, так и ныне будь!» Избушка явилась по-прежнему — и с кушаньем и с напитками. «Вот, братцы, пообедайте, а то без меня, чай, замерли; а потом и поедем».

Пообедали и поехали в путь в дорожку; отъехавши версты две, говорит Буря-богатырь коровий сын: «Братцы! Я забыл в избушке плеточку; поезжайте шажком, пока я за нею слетаю». Приехал он к избушке, слез с своего коня, пустил его в заповедные луга: «Ступай, добрый конь, пока не спрошу тебя». Сам оборотился мушкой, полетел в избушку и сел на печку.

Немного погодя пришла туда баба-яга и села в передний угол; приходит к ней молодая невестка: «Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу вперед и пущу ему день жаркий, а сама сделаюсь зеленым лугом; в этом зеленом лугу оборочусь я колодцем, в этом колодце станет плавать серебряная чарочка; да еще оборочусь я тесовой кроваткою. Захотят братья лошадей покормить, сами отдохнуть и воды попить; тут-то и разорвет их по макову зернышку!» Говорит ей матка: «Так их, злодеев, и надобно!»

Приходит вторая невестка: «Ах, матушка, вашего сына, а моего мужа, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын. Да я отсмею ему эту насмешку: забегу наперед, оборочусь прекрасным садом, через тын будут висеть плоды разные — сочные, пахучие! Захотят они сорвать, что кому понравится; тут-то их и разорвет по макову зернышку!» Отвечает ей матка: «И ты хорошо вздумала».

Приходит третья, меньшая невестка: «Ах, матушка, погубил Буря-богатырь Иван коровий сын вашего сына, а моего мужа. Да я

отсмею ему эту насмешку: оборочусь старой избушкою; захотят они обночевать в ней, только взойдут в избушку — тотчас и разорвет их по макову зернышку!» — «Ну, невестки мои любезные, если вы их не сгубите, то завтрашний день сама забегу наперед, оборочусь свиньею и всех троих проглочу».

Буря-богатырь, сидя на печи, выслушал эти речи, вылетел на улицу, ударился оземь и сделался опять молодцом, свистнул-гаркнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Конь бежит, земля дрожит. Буря-богатырь сел на него и поехал; навязал на палочку мочалочку, догоняет своих товарищей и говорит им: «Вот, братцы, без какой плеточки я жить не могу!» — «Эх, брат, за какою дрянью ворочался! Съехали бы в город, купили бы новую».

Вот едут они степями, долинами; день такой жаркий, что терпенья нет, жажда измучила! Вот и зеленый луг, на лугу трава муравая, на траве кровать тесовая. «Брат Буря-богатырь, давай лошадей накормим на этой травке и сами отдохнем на тесовой кроватке; тут и колодезь есть — холодной водицы попьем». Буря-богатырь говорит своим братьям: «Колодезь стоит в степях и в далях; никто из него воды не берет, не пьет». Соскочил с своего коня доброго, начал этот колодезь сечь и рубить — только кровь брызжет; вдруг сделался день туманный, жара спала, и пить не хочется. «Вот видите, братцы, какая вода настойчивая, словно кровь». Поехали они дальше.

Долго ли, коротко ли — едут мимо прекрасного сада. Говорит Иван-царевич старшему брату: «Позволь нам сорвать по яблочку».— «Эх, братцы, сад стоит в степях, в далях; может быть, яблоки-то старинные да гнилые; коли съешь — еще хворь нападет. Вот я пойду посмотрю наперед!» Сошел он в сад и начал сечь и рубить, перерубил все деревья до единого. Братья на него рассердились, что по-ихнему не делает.

Едут они путем-дорогою, пристигает их темная ночь; подъезжают к одной хижине. «Брат Буря-богатырь, вишь, дождик заходит, давай обночуем в этой хижине».— «Эх, братцы, лучше раскинем палатки и в чистом поле обночуем, чем в этой хижине; эта хижина старая, взойдем в нее — она нас задавит; вот я сойду да посмотрю». Сошел он в эту избушку и начал рубить ее — только кровь прыщет! «Сами видите, какая эта избушка — совсем гнилая! Поедемте лучше вперед». Братья ворчат про себя, а виду не подают, что сердятся. Едут дальше; вдруг дорога расходится надвое. Буря-богатырь говорит: «Братцы, поедемте по левой дороге». Они говорят: «Поезжай куда хочешь, а мы с тобой не поедем». И поехали они вправо, а Буря-богатырь влево.

Приезжает Буря-богатырь Иван коровий сын в деревню; в этой деревне двенадцать кузнецов работают. Вот он крикнул-свистнул молодецким посвистом, богатырским покриком: «Кузнецы, кузнецы! Подите все сюда». Кузнецы услыхали, все двенадцать к нему прибежали: «Что тебе угодно?» — «Обтягивайте кузницу железным листом». Они кузницу духом обтянули. «Куйте, кузнецы, двенадцать прутьев железных да накаливайте клещи докрасна! Прибежит к вам свинья и скажет: кузнецы, кузнецы, подайте мне виноватого; не подадите мне виноватого, я вас всех и с кузницей проглочу! А вы скажите: ах, матушка свинья, возьми от нас этого дурака, он давно надоел нам; только высунь язык в кузницу, так мы его на язык тебе посадим».

Только успел Буря-богатырь им приказ отдать, вдруг является к ним свинья большущая и громко кричит: «Кузнецы, кузнецы! Подайте мне виноватого». Кузнецы все враз отвечали: «Матушка свинья, возьми ты от нас этого дурака, он нам давно надоел; только высунь язык в кузницу, мы тебе на язык его и посадим». Свинья была проста, недогадлива, высунула язык на целую сажень; Буря-богатырь схватил ее за язык горячими клещами и вскричал кузнецам: «Возьмите прутья железные, катайте ее хорошенечко!» До тех пор ее колотили, пока ребра оголились. «А ну,— сказал Буря-богатырь,— возьмите-ка ее подержите: дайте я ее попотчую!» Схватил он железный прут, как ударит ее — так все ребра пополам.

Взмолилась ему свинья: «Буря-богатырь, пусти мою душеньку на покаяние». Буря-богатырь говорит: «А зачем моих братьев проглотила?» — «Я твоих братьев сейчас отдам». Он схватил ее за́ уши; свинья харкнула — и выскочили оба брата и с лошадьми. Тогда Буря-богатырь приподнял ее и со всего размаху ударил о сырую землю; свинья рассыпалась аредом. Говорит Буря-богатырь своим братьям: «Видите ли, глупцы, где вы были?» Они пали на колени: «Виноваты, Буря-богатырь коровий сын!» — «Ну, теперь поедемте во путь во дороженьку; помехи нам никакой не будет».

Подъезжают они к одному царству — к индейскому королю, и раскинули в его заповедных лугах палатки. Король поутру проснулся, поглядел в подзорную трубу, увидал палатки и призывает к себе первого министра: «Поди, братец, возьми с конюшни лошадь, поезжай в заповедные луга и узнай, что там за невежи приехали, без моего позволения палатки раскинули и огни разложили в моих заповедных лугах?»

Приехал министр и спрашивает: «Что вы за́ люди, цари ли царевичи, или короли-королевичи, или сильномогучие богатыри?» Отвечает Буря-богатырь коровий сын: «Мы сильномогучие богатыри, приехали на королевской дочери свататься; доложи своему

королю, чтоб отдавал свою дочь за Ивана-царевича в супружество; а коли не отдаст дочери — чтобы выслал войско». Спрашивает король у своей дочери, пойдет ли она за Ивана-царевича? «Нет, батюшка, я за него идти не хочу; высылайте войско». Сейчас в трубы затрубили, в тимпаны забили, войско скопилось и отправилось в заповедные луга; столько выпало войска, что Иван-царевич и Иван девкин сын испугались.

В то время Буря-богатырь коровий сын варил пустоварку к завтраку и мешал поварешкой эту кашицу; вышел, как махнул поварешкою — так половину войска и положил; вернулся, помешал кашицу, вышел да махнул — и другую половину на месте положил, только оставил одного кривого да другого слепого. «Доложите,— говорит,— королю, чтобы выдавал свою дочь Марью-королевну за Ивана-царевича замуж; а не отдаст, так войско бы высылал, да и сам выезжал». Кривой и слепой приходят к своему королю и говорят: «Государь! Буря-богатырь приказал тебе доложить, чтобы отдавал свою дочь за Ивана-царевича в замужество: а сам-то он больно сердит был, всех нас поварешкою перебил». Приступал король к своей дочери: «Дочь моя любезная! Ступай за Ивана-царевича замуж». Дочь ему отвечает: «Делать нечего, надо будет идти за него. Прикажи, батюшка, за ним карету послать».

Король тотчас карету послал, а сам у ворот стоит-дожидается. Иван-царевич приехал с обоими братьями; король принял их с музыкой, с барабанным боем, учтиво и ласково; посадил за столы дубовые, за скатерти браные, за яства сахарные, за питья медвяные. Тут Буря-богатырь шепнул Ивану-царевичу: «Смотри, Иван-царевич, королевна подойдет и спросится у тебя: позволь мне уйти на один часок! — а ты скажи: ступай хоть на два!» Посидевши несколько времени, подходит королевна к Ивану-царевичу и говорит: «Позволь мне, Иван-царевич, выйти в другую горницу — переодеться». Иван-царевич отпустил ее; она вышла из комнат вон, а Буря-богатырь за ней взади тихим шагом идет.

Королевна ударилась о крыльцо, оборотилась голубкою и полетела на́ море: Буря-богатырь ударился оземь, оборотился соколом и полетел за ней следом. Королевна прилетела на́ море, ударилась оземь, оборотилась красной девицей и говорит: «Дедушка, дедушка, золотая головушка, серебряная бородушка! Поговорим-ка с тобою». Дедушка высунулся из синя моря: «Что тебе, внученька, надобно?» — «Сватается за меня Иван-царевич; не хотелось бы мне за него замуж идти, да все наше войско побито. Дай мне, дедушка, с твоей головы три волоска; так я покажу Ивану-царевичу: узнайде, Иван-царевич с какого корешка эта травка?» Дедушка дал ей три волоска; она ударилась оземь, оборотилась голубкой и полетела домой; а Буря-богатырь ударился оземь, оборотился такой же деви-

цей и говорит: «Дедушка, дедушка! Выйди еще, поговори со мною,— позабыла тебе словечко сказать». Только дедушка высунул из воды свою голову, Буря-богатырь схватил и сорвал ему голову, ударился оземь, оборотился орлом и прилетел во дворец скорей королевны. Вызывает Ивана-царевича в сени: «На́ тебе, Иван-царевич, эту голову; подойдет к тебе королевна, покажет три волоса: узнай-де, Иван-царевич, с какого корешка эта травка? Ты и покажь ей голову».

Вот подходит королевна, показывает Ивану-царевичу три волоса: «Угадай, царевич, с какого корешка эта травка? Если узнаешь, то пойду за тебя замуж, а не узнаешь — не прогневайся!» А Иван-царевич вынул из-под полы голову, ударил об стол: «Вот тебе и корень!» Королевна сама про себя подумала: «Хороши молодцы!» Просится: «Позволь, Иван-царевич, по́йти переодеться в другой горнице». Иван-царевич ее отпустил; она вышла на крыльцо, ударилась оземь, оборотилась голубкою и опять полетела на́ море. Буря-богатырь взял у царевича голову, вышел на двор, ударил эту голову об крыльцо и говорит: «Где прежде была, там и будь!» Голова полетела, прежде королевны на место поспела и срослась с туловищем.

Королевна остановилась у моря, ударилась оземь, оборотилась красной девицей: «Дедушка, дедушка! Выйди, поговори со мною». Тот вылезает: «Что, внученька, тебе надобно?» — «Никак твоя голова там была?» — «Не знаю, внученька! Никак я крепко спал».— «Нет, дедушка, твоя голова была там».— «Знать, как была ты в последний раз да хотела мне словечко молвить, в те́ поры, видно, мне и сорвали голову». Ударилась она оземь, оборотилась голубкою и полетела домой; переоделась в другое платье, пришла и села с Иваном-царевичем рядом. На другой день поехали они к венцу закон принять; как скоро от венца приехали, Буря-богатырь повел Ивана-царевича показывать, где ему спальня приготовлена, подает ему три прута: один железный, другой медный, а третий оловянный, и говорит: «Коли хочешь быть жив, позволь мне лечь с королевною на твое место».

Царевич согласился. Повел король молодых в постель укладывать. В то время Буря-богатырь коровий сын сменил царевича и как лег, так и захрапел; наложила королевна на него ногу, наложила и другую, потом взгребла подушку и начала его душить. Буря-богатырь выскочил из-под нее, взял железный прут и начал ее бить; до тех пор бил, пока весь прут изломал; потом принялся за медный, и тот весь изломал; после медного начал бить оловянным. Замолилась королевна, великими клятвами заклялась, что не станет этаких дел делать. Поутру встал Буря-богатырь, пошел к Ивану-царевичу: «Ну, брат, ступай, посмотри, как твоя жена у меня

выучена: которые были приготовлены три прута, все об нее изломал. Теперь живите благополучно, любите друг друга и меня не забывайте».

ИВАН БЫКОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею; детей у них не было. Стали они бога молить, чтоб создал им детище во младости на поглядение, а под старость на прокормление; помолились, легли спать и уснули крепким сном.

Во сне им привиделось, что недалеко от дворца есть тихий пруд, в том пруде златоперый ерш плавает; коли царица его скушает, сейчас может забеременеть. Просыпались царь с царицею, кликали к себе мамок и нянек, стали им рассказывать свой сон. Мамки и няньки так рассудили: что во сне привиделось, то и наяву может случиться.

Царь призвал рыбаков и строго наказал поймать ерша златоперого. На заре пришли рыбаки на тихий пруд, закинули сети, и на их счастье с первою ж тонею попался златоперый ерш. Вынули его, принесли во дворец; как увидала царица, не могла на месте усидеть, скоро к рыбакам подбегала, за руки хватала, большой казной награждала; после позвала свою любимую кухарку и отдавала ей ерша златоперого с рук на руки: «На, приготовь к обеду, да смотри, чтобы никто до него не дотронулся».

Кухарка вычистила ерша, вымыла и сварила, помои на двор выставила; по двору ходила корова, те помои выпила; рыбку съела царица, а посуду кухарка подлизала. И вот разом забрюхатели: и царица, и ее любимая кухарка, и корова, и разрешились все в одно время тремя сыновьями: у царицы родился Иван-царевич, у кухарки — Иван кухаркин сын, у коровы Иван Быкович.

Стали ребятки расти не по дням, а по часам, как хорошее тесто на опаре поднимается, так и они вверх тянутся. Все три мóлодца на одно лицо удались, и признать нельзя было, кто из них дитя царское, кто — кухаркино и кто от коровы народился. Только по тому и различали их: как воротятся с гулянья, Иван-царевич просит белье переменить, кухаркин сын норовит съесть что-нибудь, а Иван Быкович прямо на отдых ложится. По десятому году пришли они к царю и говорят: «Любезный наш батюшка! Сделай нам железную палку в пятьдесят пудов». Царь приказал своим кузнецам сковать железную палку в пятьдесят пудов; те принялись за работу и в неделю сделали. Никто палки за один край приподнять не может, а Иван-царевич, да Иван кухаркин сын, да Иван Быкович между пальцами ее повертывают, словно перо гусиное.

Вышли они на широкий царский двор. «Ну, братцы,— говорит

Иван-царевич,— давайте силу пробовать; кому быть бóльшим братом».— «Ладно,— отвечал Иван Быкович,— бери палку и бей нас по плечам». Иван-царевич взял железную палку, ударил Ивана кухаркина сына да Ивана Быковича по плечам и вбил того и другого по колена в землю. Иван кухаркин сын ударил — вбил Ивана-царевича да Ивана Быковича по самую грудь в землю; а Иван Быкович ударил — вбил обоих братьев по самую шею. «Давайте,— говорит царевич,— еще силу попытаем: станем бросать железную палку кверху; кто выше забросит — тот будет больший брат».— «Ну что ж, бросай ты!» Иван-царевич бросил — палка через четверть часа назад упала. Иван кухаркин сын бросил — палка через полчаса упала, а Иван Быкович бросил — только через час воротилась. «Ну, Иван Быкович! Будь ты большой брат».

После того пошли они гулять пó саду и нашли громадный камень. «Ишь какой камень! Нельзя ль его с места сдвинуть?» — сказал Иван-царевич, уперся в него руками, возился, возился — нет, не берет сила; попробовал Иван кухаркин сын — камень чуть-чуть подвинулся. Говорит им Иван Быкович: «Мелко же вы плаваете! Постойте, я попробую». Подошел к камню да как двинет его ногою — камень áжно загудел, покатился на другую сторону сада и переломал много всяких деревьев. Под тем камнем подвал открылся, в подвале стоят три коня богатырские, по стенам висит сбруя ратная; есть на чем добрым мóлодцам разгуляться! Тотчас побежали они к царю и стали проситься: «Государь батюшка! Благослови нас в чужие земли ехать, самим на людей посмотреть, себя в людях показать». Царь их благословил, на дорогу казной наградил; они с царем простились, сели на богатырских коней и в путь-дорогу пустились.

Ехали по долам, по горам, по зеленым лугам и приехали в дремучий лес; в том лесу стоит избушка на курячьих ножках, на бараньих рожках, когда надо — повертывается. «Избушка, избушка, повернись к нам передóм, к лесу задóм: нам в тебя лезти, хлеба-соли ести». Избушка повернулась. Добрые молодцы входят в избушку — на печке лежит баба-яга костяная нога, из угла в угол, нос в потолок. «Фу-фу-фу! Прежде русского духу слыхом не слыхано, видом не видано; нынче русский дух на ложку садится, сам в рот катúтся».— «Эй, старуха, не бранись, слезь-ка с печки да на лавочку садись. Спроси: куда едем мы? Я добренько скажу». Баба-яга слезла с печки, подходила к Ивану Быковичу близко, кланялась ему низко: «Здравствуй, батюшка Иван Быкович! Куда едешь, куда путь держишь?» — «Едем мы, бабушка, нá реку Смородину, на калиновый мост; слышал я, что там не одно чудо-юдо живет».— «Ай да Ванюша! За дело хватился; ведь они, злодеи, всех приполонили, всех разорили, ближние царства шаром покатили».

Братья переночевали у бабы-яги, поутру рано встали и отправились в путь-дорогу. Приезжают к реке Смородине; по всему берегу лежат кости человеческие, по колено будет навалено! Увидали они избушку, вошли в нее — пустехонька, и вздумали тут остановиться. Пришло дело к вечеру. Говорит Иван Быкович: «Братцы! Мы заехали в чужедальную сторону, надо жить нам с осторожкою; давайте по очереди на дозор ходить. Кинули жребий — доставалось первую ночь сторожить Ивану-царевичу, другую — Ивану кухаркину сыну, а третью — Ивану Быковичу.

Отправился Иван-царевич на дозор, залез в кусты и крепко заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за́ полночь — он тотчас готов был, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы закричали — выезжает чудо-юдо шестиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Говорит чудо-юдо шестиглавое: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, а ты, песья шерсть, ощетинилась? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он, добрый молодец, еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его на одну руку посажу, другой прихлопну — только мокре́нько будет!»

Выскочил Иван Быкович: «Не хвались, нечистая сила! Не поймав ясна сокола, рано перья щипать; не отведав добра мо́лодца, нечего хулить его. А давай лучше силы пробовать: кто одолеет, тот и похвалится». Вот сошлись они — поравнялись, так жестоко ударились, что кругом земля простонала. Чуду-юду не посчастливилось: Иван Быкович с одного размаху сшиб ему три головы. «Стой, Иван Быкович! Дай мне роздыху».— «Что за роздых! У тебя, нечистая сила, три головы, у меня всего одна; вот как будет у тебя одна голова, тогда и отдыхать станем». Снова они сошлись, снова ударились; Иван Быкович отрубил чуду-юду и последние головы, взял туловище — рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а шесть голов под калиновый мост сложил. Сам в избушку вернулся. Поутру приходит Иван-царевич. «Ну, что, не видал ли чего?» — «Нет, братцы, мимо меня и муха не пролетала».

На другую ночь отправился на дозор Иван кухаркин сын, забрался в кусты и заснул. Иван Быкович на него не понадеялся; как пошло время за́ полночь — он тотчас снарядился, взял с собой щит и меч, вышел и стал под калиновый мост. Вдруг на реке воды взволновалися, на дубах орлы раскричалися — выезжает чудо-юдо девятиглавое; под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, во́рона по перьям, хорта по ушам: «Что ты, собачье мясо, споты-

каешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился: я его одним пальцем убью!»

Выскочил Иван Быкович: «Погоди — не хвались, прежде богу помолись, руки умой да за дело примись! Еще неведомо — чья возьмет!» Как махнет богатырь своим острым мечом раз-два, так и снес у нечистой силы шесть голов; а чудо-юдо ударил — по колена его в сыру землю вогнал. Иван Быкович захватил горсть земли и бросил своему супротивнику прямо в очи. Пока чудо-юдо протирал свои глазища, богатырь срубил ему и остальные головы, взял туловище — рассек на мелкие части и побросал в реку Смородину, а девять голов под калиновый мост сложил. Наутро приходит Иван кухаркин сын. «Что, брат, не видал ли за́ ночь чего?» — «Нет, возле меня ни одна муха не пролетала, ни один комар не пищал!» Иван Быкович повел братьев под калиновый мост, показал им на мертвые головы и стал стыдить: «Эх вы, сони; где вам воевать? Вам бы дома на печи лежать».

На третью ночь собирается на дозор идти Иван Быкович; взял белое полотенце, повесил на стенку, а под ним на полу миску поставил и говорит братьям: «Я на страшный бой иду; а вы, братцы, всю ночь не спите да присматривайтесь, как будет с полотенца кровь течь: если половина миски набежит — ладно дело, если полна миска набежит — все ничего, а если через край польет — тотчас спускайте с цепей моего богатырского коня и сами спешите на помочь мне».

Вот стоит Иван Быкович под калиновым мостом; пошло время за́ полночь, на реке воды взволновалися, на дубах орлы раскричалися — выезжает чудо-юдо двенадцатиглавое; конь у него о двенадцати крылах, шерсть у коня серебряная, хвост и грива — золотые. Едет чудо-юдо; вдруг под ним конь споткнулся, черный ворон на плече встрепенулся, позади хорт ощетинился. Чудо-юдо коня по бедрам, во́рона по перьям, хорта по ушам: «Что ты, собачье мясо, спотыкаешься, ты, воронье перо, трепещешься, ты, песья шерсть, щетинишься? Аль вы думаете, что Иван Быкович здесь? Так он еще не родился, а коли родился — так на войну не сгодился; я только дуну — его и праху не останется!»

Выскочил Иван Быкович: «Погоди — не хвались, прежде богу помолись!» — «А, ты здесь! Зачем пришел?» — «На тебя, нечистая сила, посмотреть, твоей крепости испробовать».— «Куда тебе мою крепость пробовать? Ты муха передо мной!» Отвечает Иван Быкович: «Я пришел с тобой не сказки рассказывать, а насмерть воевать». Размахнулся своим острым мечом и срубил

чуду-юду три головы. Чудо-юдо подхватил эти головы, черкнул по ним своим огненным пальцем — и тотчас все головы приросли, будто и с плеч не падали! Плохо пришлось Ивану Быковичу: чудо-юдо стал одолевать его, по колена вогнал в сыру землю. «Стой, нечистая сила! Цари-короли сражаются, и те замиренье делают: а мы с тобой ужли будем воевать без роздыху? Дай мне роздыху хоть до трех раз».

Чудо-юдо согласился. Иван Быкович снял правую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица все окна побила, а его братья спят, ничего не слышат. В другой раз размахнулся Иван Быкович сильней прежнего и срубил чуду-юду шесть голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — и опять все головы на местах, а Ивана Быковича забил он по пояс в сыру землю. Запросил богатырь роздыху, снял левую рукавицу и пустил в избушку. Рукавица крышу пробила, а братья всё спят, ничего не слышат. В третий раз размахнулся он еще сильнее и срубил чуду-юду девять голов; чудо-юдо подхватил их, черкнул огненным пальцем — головы опять приросли, а Ивана Быковича вогнал он в сыру землю по самые плечи. Иван Быкович запросил роздыху, снял с себя шляпу и пустил в избушку; от того удара избушка развалилася, вся по бревнам раскатилася.

Тут только братья проснулись, глянули — кровь из миски через край льется, а богатырский конь громко ржет да с цепей рвется. Бросились они на конюшню, спустили коня, а следом за ним и сами на помочь спешат. «А! — говорит чудо-юдо,— ты обманом живешь; у тебя помочь есть». Богатырский конь прибежал, начал бить его копытами; а Иван Быкович тем временем вылез из земли, приловчился и отсек чуду-юду огненный палец. После того давай рубить ему головы, сшиб все до единой, туловище на мелкие части разнял и побросал все в реку Смородину. Прибегают братья. «Эй вы, сони! — говорит Иван Быкович.— Из-за вашего сна я чуть-чуть головой не поплатился».

Поутру ранешенько вышел Иван Быкович в чистое поле, ударился оземь и сделался воробышком, прилетел к белокаменным палатам и сел у открытого окошечка. Увидала его старая ведьма, посыпала зернышков и стала сказывать: «Воробышек-воробей! Ты прилетел зернышков покушать, моего горя послушать. Насмеялся надо мной Иван Быкович, всех зятьев моих извел».— «Не горюй, матушка! Мы ему за все отплатим»,— говорят чудо-юдовы жены. «Вот я,— говорит меньшая,— напущу голод, сама выйду на дорогу да сделаюсь яблоней с золотыми и серебряными яблочками: кто яблочко сорвет — тот сейчас лопнет».— «А я,— говорит середняя,— напущу жажду, сама сделаюсь колодезем; на воде будут две чаши плавать; одна золотая, другая серебря-

ная: кто за чашу возьмется — того я утоплю».— «А я,— говорит старшая,— сон напущу, а сама перекинусь золотой кроваткою: кто на кроватке ляжет — тот огнем сгорит».

Иван Быкович выслушал эти речи, полетел назад, ударился оземь и стал по-прежнему добрым молодцем. Собрались три брата и поехали домой. Едут они дорогою, голод их сильно мучает, а есть нечего. Глядь — стоит яблоня с золотыми и серебряными яблочками; Иван-царевич да Иван кухаркин сын пустились было яблочки рвать, да Иван Быкович наперед заскакал и давай рубить яблоню крест-накрест — только кровь брызжет! То же сделал он и с колодезем и с золотою кроваткою. Сгибли чудо-юдовы жены. Как проведала о том старая ведьма, нарядилась нищенкой, выбежала на дорогу и стоит с котомкою. Едет Иван Быкович с братьми; она протянула руку и стала просить милостыни.

Говорит царевич Ивану Быковичу: «Братец! Разве у нашего батюшки мало золотой казны? Подай этой нищенке святую милостыню». Иван Быкович вынул червонец и подает старухе; она не берется за деньги, а берет его за руку и вмиг с ним исчезла. Братья оглянулись — нет ни старухи, ни Ивана Быковича, и со страху поскакали домой, хвосты поджавши.

А ведьма утащила Ивана Быковича в подземелье и привела к своему мужу — старому старику. «На тебе,— говорит,— нашего погубителя!» Старик лежит на железной кровати, ничего не видит: длинные ресницы и густые брови совсем глаза закрывают. Позвал он двенадцать могучих богатырей и стал им приказывать: «Возьмите-ка вилы железные, подымите мои брови и ресницы черные, я погляжу, что он за птица, что убил моих сыновей?» Богатыри подняли ему брови и ресницы вилами; старик взглянул: «Ай да молодец Ванюша! Дак это ты взял смелость с моими детьми управиться! Что ж мне с тобою делать?» — «Твоя воля, что хочешь, то и делай; я на все готов».— «Ну да что много толковать, ведь детей не поднять; сослужи-ка мне лучше службу: съезди в невиданное царство, в небывалое государство и достань мне царицу золотые кудри; я хочу на ней жениться».

Иван Быкович про себя подумал: «Куда тебе, старому черту, жениться, разве мне, мóлодцу!» А старуха взбесилась, навязала камень на шею, бултых в воду и утопилась. «Вот тебе, Ванюша, дубинка,— говорит старик,— ступай ты к такому-то дубу, стукни в него три раза дубинкою и скажи: выйди, корабль! выйди, корабль! выйди, корабль! Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтобы он затворился; да смотри не забудь! Если этого не сделаешь, причинишь мне обиду великую». Иван Быкович пришел к дубу, ударяет в него ду-

бинкою бессчетное число раз и приказывает: «Все, что есть, выходи!» Вышел первый корабль; Иван Быкович сел в него, крикнул: «Все за мной!» — и поехал в путь-дорогу. Отъехав немного; оглянулся назад — и видит: сила несметная кораблей и лодок! Все его хвалят, все благодарят.

Подъезжает к нему старичок в лодке: «Батюшка Иван Быкович, много лет тебе здравствовать! Прими меня в товарищи».— «А ты что умеешь?» — «Умею, батюшка, хлеб есть». Иван Быкович сказал: «Фу, пропасть! Я и сам на это горазд; однако садись на корабль, я добрым товарищам рад». Подъезжает в лодке другой старичок: «Здравствуй, Иван Быкович! Возьми меня с собой».— «А ты что умеешь?» — «Умею, батюшка, вино-пиво пить».— «Нехитрая наука! Ну да полезай на корабль». Подъезжает третий старичок: «Здравствуй, Иван Быкович! Возьми и меня».— «Говори: что умеешь?» — «Я, батюшка, умею в бане париться».— «Фу, лихая те побери! Эки, подумаешь, мудрецы!» Взял на корабль и этого; а тут еще лодка подъехала; говорит четвертый старичок: «Много лет здравствовать, Иван Быкович! Прими меня в товарищи».— «Да ты кто такой?» — «Я, батюшка, звездочет».— «Ну, уж на это я не горазд; будь моим товарищем». Принял четвертого, просится пятый старичок. «Прах вас возьми! Куды мне с вами деваться? Сказывай скорей: что умеешь?» — «Я, батюшка, умею ершом плавать».— «Ну, милости просим!»

Вот поехали они за царицей золотые кудри. Приезжают в невиданное царство, небывалое государство; а там уже давно сведали, что Иван Быкович будет, и целые три месяца хлеб пекли, вино курили, пиво варили. Увидал Иван Быкович несчетное число возов хлеба да столько же бочек вина и пива; удивляется и спрашивает: «Что б это значило?» — «Это все для тебя наготовлено».— «Фу, пропасть! Да мне столько в целый год не съесть, не выпить». Тут вспомнил Иван Быкович про своих товарищей и стал вызывать: «Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас пить-есть разумеет?» Отзываются Объедайло да Опивайло: «Мы, батюшка! Наше дело ребячье».— «А ну, принимайтесь за работу!» Подбежал один старик, начал хлеб поедать: разом в рот кидает не то что караваями, а целыми возами. Все приел и ну кричать: «Мало хлеба; давайте еще!» Подбежал другой старик, начал пиво-вино пить, всё выпил и бочки проглотил: «Мало! — кричит.— Подавайте еще!» Засуетилась прислуга, бросилась к царице с докладом, что ни хлеба, ни вина недостало.

А царица золотые кудри приказала вести Ивана Быковича в баню париться. Та баня топилась три месяца и так накалена была, что за пять верст нельзя было подойти к ней. Стали звать Ивана

Быковича в баню париться; он увидал, что от бани огнем пышет, и говорит: «Что вы, с ума сошли? Да я сгорю там!» Тут ему опять вспомнилось: «Ведь со мной товарищи есть! Эй вы, старички-молодцы! Кто из вас умеет в бане париться?» Подбежал старик: «Я, батюшка! Мое дело ребячье». Живо вскочил в баню, в угол дунул, в другой плюнул — вся баня остыла, а в углах снег лежит. «Ох, батюшки, замерз, топите еще три года!» — кричит старик что есть мочи. Бросилась прислуга с докладом, что баня совсем замерзла; а Иван Быкович стал требовать, чтоб ему царицу золотые кудри выдали. Царица сама к нему вышла, подала свою белую руку, села на корабль и поехала.

Вот плывут они день и другой; вдруг ей сделалось грустно, тяжко — ударила себя в грудь, оборотилась звездой и улетела нá небо. «Ну,— говорит Иван Быкович,— совсем пропала!» Потом вспомнил: «Ах, ведь у меня есть товарищи. Эй, старички-молодцы! Кто из вас звездочет?» — «Я, батюшка! Мое дело ребячье»,— отвечал старик, ударился оземь, сделался сам звездою, полетел нá небо и стал считать звезды; одну нашел лишнюю и ну толкать ее! Сорвалась звездочка с своего места, быстро покатилась по небу, упала на корабль и обернулась царицею золотые кудри.

Опять едут день, едут другой; нашла на царицу грусть-тоска, ударила себя в грудь, оборотилась щукою и поплыла в море. «Ну, теперь пропала!» — думает Иван Быкович, да вспомнил про последнего старичка и стал его спрашивать: «Ты, что ль, горазд ершом плавать?» — «Я, батюшка, мое дело ребячье!» — ударился оземь, оборотился ершом, поплыл в море за щукою и давай ее под бока колоть. Щука выскочила на корабль и опять сделалась царицею золотые кудри. Тут старички с Иваном Быковичем распростились, по своим домам пустились; а он поехал к чудоюдову отцу.

Приехал к нему с царицею золотые кудри; тот позвал двенадцать могучих богатырей, велел принести вилы железные и поднять ему брови и ресницы черные. Глянул на царицу и говорит: «Ай да Ванюша! Молодец! Теперь я тебя прощу, на белый свет отпущу».— «Нет, погоди,— отвечает Иван Быкович,— не подумавши сказал!» — «А что?» — «Да у меня приготовлена яма глубокая, через яму лежит жердочка; кто по жердочке пройдет, тот за себя и царицу возьмет».— «Ладно, Ванюша! Ступай ты наперед». Иван Быкович пошел по жердочке, а царица золотые кудри про себя говорит: «Легче пуху лебединого пройди!» Иван Быкович прошел — и жердочка не погнулась; а старый старик пошел — только на середину ступил, так и полетел в яму.

Иван Быкович взял царицу золотые кудри и воротился до-

мой; скоро они обвенчались и задали пир на весь мир. Иван Быкович сидит за столом да своим братьям похваляется: «Хоть долго я воевал, да молодую жену достал! А вы, братцы, садитесь-ка на печи да гложите кирпичи!» На том пиру и я был, мед-вино пил, по усам текло, да в рот не попало; тут меня угощали: отняли лоханку от быка да налили молока; потом дали калача, в ту ж лоханку помоча́. Я не пил, не ел, вздумал утираться, со мной стали драться; я надел колпак, стали в шею толкать!

ИВАН КРЕСТЬЯНСКИЙ СЫН И МУЖИЧОК САМ С ПЕРСТ, УСЫ НА СЕМЬ ВЕРСТ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь, у этого царя на дворе был столб, а в этом столбе три кольца: одно золотое, другое серебряное, а третье медное. В одну ночь царю привиделся такой сон: будто у золотого кольца был привязан конь — что́ ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц. Поутру встал он и приказал клич кликать: кто этот сон рассудит и коня того достанет, за того свою дочь отдам и половину царства в придачу. Собралось на царский клич множество княжей, бояр и всяких господ; думали, думали — никто не может сна растолковать, никто не берется коня достать.

Наконец доложили царю, что у такого-то нищего старичка есть сын Иван, который может сон растолковать и коня достать. Царь приказал призвать его. Призвали Ивана. Спрашивает царь его: «Рассудишь ли ты мой сон и достанешь ли коня?» Иван отвечает: «Расскажи наперед, что за сон и какой тебе конь надобен?» Царь говорит: «В прошлой ночи привиделось мне, будто у золотого кольца на моем дворе был привязан конь — что́ ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц».— «Это не сон, а быль; потому что в прошлую ночь на этом коне приезжал к тебе двенадцатиглавый змей и хотел царевну украсть».— «А можно ли достать этого коня?» Иван отвечает: «Можно — только тогда, как минет мне пятнадцать лет». В то время было Ивану только двенадцать годочков; царь взял его во дворец, кормил и поил до пятнадцати.

Вот как минуло Ивану пятнадцать лет, сказал он царю: «Давай, государь, мне коня, на котором можно б доехать до того места, где змей находится». Царь повел его в конюшни и показал всех своих лошадей; только он не мог ни одной выбрать по своей силе и тяжести: как наложит на которую лошадь свою богатыр-

скую руку, та и упадет. И сказал он царю: «Пусти меня в чистое поле поискать себе по силу коня». Царь его отпустил.

Иван крестьянский сын три года искал, нигде не мог сыскать. Идет со слезами обратно к царю. Попадается ему навстречу старичок и спрашивает: «Что ты, парень, плачешь?» Он ему на спрос грубо отвечал, просто-напросто от себя прогнал; старик молвил: «Смотри, малый, не помяни меня». Иван немного отошел от старика, подумал сам с собою: «За что я старика обидел? Стары люди много знают». Воротился, догнал старика, упал ему в ноги и сказал: «Дедушка, прости меня, со кручины тебя обидел. Я плачу вот о чем: три года ходил я по́ полю по разным табунам — нигде не мог сыскать по себе коня». Старик отвечает: «Поди в такое-то село, там у мужичка на конюшне стоит кобыла, а от той кобылы народился паршивый жеребенок; ты возьми его и выкорми: он тебе будет под силу». Иван поклонился старику и пошел в село.

Приходит к мужику прямо в конюшню, увидал кобылу с паршивым жеребенком и наложил на того жеребенка руку. Жеребенок нимало не поробил; он взял его у крестьянина, покормил несколько времени, приехал к царю и рассказал ему, как добыл себе коня. Потом стал сряжаться в гости к змею. Царь спросил: «Сколько тебе, Иван крестьянский сын, надобно силы?» Отвечает Иван: «На что мне твоя сила? Я один могу достать; разве только для посылок дай человек шесть». Дал ему царь шесть человек; вот они собрались и поехали.

Долго ли, коротко ли они ехали — никому не ведомо; ведомо только то, что приехали они к огненной реке, через реку мост лежит, а кругом реки огромный лес. В этом лесу раскинули они шатер, достали разных напитков, начали пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын говорит товарищам: «Давайте, ребята, каждую ночь поочередно караулить: не будет ли кто проезжать через эту реку?» И случилось так: кто ни пойдет из его товарищей караул держать, всякий напьется с вечера пьян и ничего не видит.

Наконец пошел караулить Иван крестьянский сын; смотрит: в самую полуночь едет через реку змей о трех головах и подает голос: «Нет мне ни спорщика, ни наговорщика; есть разве один спорщик и наговорщик — Иван крестьянский сын, да и того ворон в пузыре костей не заносил!» Иван крестьянский сын из-под моста выскочил: «Врешь ты! Я здесь».— «А если здесь, то давай поспорим». И выехал змей против Ивана на коне, а Иван выступил пеший, размахнулся своей саблею и срубил змею все три головы, а коня себе взял и привязал у шатра.

На другую ночь Иван крестьянский сын убил шестиглавого

змея, на третью ночь девятиглавого и побросал их в огненную реку. А как пошел караулить на четвертую ночь, то приехал к нему двенадцатиглавый змей и стал говорить гневно: «Кто таков Иван крестьянский сын? Сейчас выходи ко мне! Зачем побил моих сыновей?» Иван крестьянский сын выступил и сказал: «Позволь мне наперед сходить к своему шатру, а после сражаться будем».— «Хорошо, ступай!» Иван побежал к товарищам: «Ну, ребята, вот вам таз, смотрите в него; когда он полон нальется крови, приезжайте ко мне». Воротился и стал против змея, и когда они разошлись и ударились, то Иван с первого раза срубил у змея четыре головы, а сам по колена в землю ушел; во второй раз разошлись — Иван три головы срубил, а сам по̀ пояс в землю ушел; в третий раз разошлись — еще три головы отсек, сам по грудь ушел; наконец одну срубил — по шейку ушел. Тогда только вспомянули про него товарищи, посмотрели в таз и увидели, что кровь через край льется; прибежали и срубили у змея последнюю голову, а Ивана из земли вытащили. Иван крестьянский сын взял змеиного коня и увел к шатру.

Вот прошла ночь, настает утро; начали добрые мо̀лодцы пить, есть, веселиться. Иван крестьянский сын встал от веселья и сказал своим товарищам: «Вы, ребята, меня подождите!» — а сам оборотился котом, пошел по мосту через огненную реку, пришел в тот дом, где змеи жили, и стал дружиться с тамошними кошками. А в целом доме осталось в живых только сама змеиха да три ее снохи; сидят они в горнице и говорят между собою: «Как бы нам злодея Ивана крестьянского сына сгубить?» Малая сноха говорит: «Куда б ни поехал Иван крестьянский сын, сделаю на пути голод, а сама оборочусь яблоней; как он съест яблочко, сейчас разорвет его!» Средняя сказала: «А я на пути их сделаю жажду и оборочусь колодцем; пусть попробует выпить!» Старшая сказала: «А я наведу сон, а сама сделаюсь кроватью; если Иван крестьянский сын ляжет, то сейчас помрет!» Наконец сама свекровь сказала: «А я разину пасть свою от земли до неба и всех их пожру!» Иван крестьянский сын выслушал все, что они говорили, вышел из горницы, оборотился человеком и пришел к своим товарищам: «Ну, ребята, сряжайтесь в путь!».

Собрались, поехали в путь, и в первый раз на пути сделался ужасный голод, так что нечего было перекусить; видят они — стоит яблоня; товарищи Ивановы хотели нарвать яблоков, но Иван не велел. «Это,— говорит,— не яблоня!» — и начал ее рубить; из яблони кровь пошла. Во второй раз напала на них жажда. Иван увидал колодец, не велел пить, начал его рубить — из колодца кровь потекла. В третий раз напал на них сон: стоит на дороге кровать, Иван и ее изрубил. Подъезжают они к пасти,

разинутой от земли до неба; что делать? Вздумали с разлету через пасть скакать. Никто не мог перескочить; только перескочил один Иван крестьянский сын: вынес его из беды чудесный конь — что ни шерстинка, то серебринка, а во лбу светел месяц.

Приехал он к одной реке; у той реки стоит избенка. Тут попадается ему навстречу мужичок сам с пёрст, усы на семь верст и говорит ему: «Отдай мне коня; а коли не отдашь честью, то насилкой возьму!» Отвечает Иван: «Отойди от меня, проклятый гад, покудова тебя конем не раздавил!» Мужичок сам с пёрст, усы на семь верст сшиб его наземь, сел на коня и уехал. Входит Иван в избенку и сильно о коне тужит. В той избенке лежит на печи безногий-безрукий и говорит Ивану: «Послушай, добрый мо́лодец,— не знаю, как тебя по имени назвать; зачем ты связался с ним бороться? Я не этакий был богатырь, как ты; да и то он у меня и руки и ноги отъел!» — «За что?» — «А за то, что я у него на столе хлеб поел!» Иван начал спрашивать, как бы назад коня достать? Говорит ему безногий-безрукий: «Ступай на такую-то реку, сними перевоз, три года перевози, ни с кого денег не бери; разве тогда достанешь!»

Иван крестьянский сын поклонился ему, пошел на́ реку, снял перевоз и целых три года перевозил безденежно. Однажды случилось ему перевозить трех старичков, они дают ему денег, он не берет. «Скажи, добрый молодец, почему ты денег не берешь?» Он отвечает: «По обещанию».— «По какому?» — «У меня ехидный человек коня отбил: так меня добрые люди научили, чтоб я перевоз снял да три года ни с кого денег не брал». Старички сказали: «Пожалуй, Иван крестьянский сын, мы готовы тебе услужить — твоего коня достать».— «Помогите, родимые!» Старички были не простые люди: это был Студенец, Обжора и колдун. Колдун вышел на берег, нарисовал на песке лодку и говорит: «Ну, братцы, видите вы эту лодку?» — «Видим!» — «Садитесь в нее». Сели все четверо в эту лодку. Говорит колдун: «Ну, легкая лодочка, сослужи мне службу, как прежде служила».

Вдруг лодка поднялась по воздуху и мигом, словно стрела, из лука пущенная, привезла их к большой каменистой горе. У той горы дом стоит, а в доме живет сам с пёрст, а усы на семь верст. Послали старики Ивана коня спрашивать. Иван начал коня просить; мужичок сам с пёрст, усы на семь верст сказал ему: «Украдь у царя дочь и привези ко мне, тогда отдам коня». Иван сказал про то своим товарищам, и тотчас они его оставили, а сами к царю отправились. Приезжают; царь узнал, почто они приехали, и приказал слугам баню истопить, докрасна накалить: пусть-де задо́хнутся! После попросил гостей в баню: они поблагодарили и пошли. Колдун велел наперед Студенцу

идти. Студенец взошел в баню и прохладил; вот они вымылись, выпарились и пришли к царю. Царь приказал большой обед подавать; множество всяких яств на стол было подано. Обжора принялся и всё поел. Ночью собрались гости потихоньку, украли царевну, привезли к мужичку сам с пёрст, усы на семь верст; царевну ему отдавали, а коня выручали.

Иван крестьянский сын поклонился старичкам, сел на коня и поехал к царю. Ехал, ехал, остановился в чистом поле отдохнуть, разбил шатер и лег опочив держать. Проснулся, хвать — подле него царевна лежит. Он обрадовался, начал ее спрашивать: «Как сюда угодила?» Царевна сказала: «Я оборотилась булавкою да в твой воротник воткнулась». В ту же минуту оборотилась она опять булавкою; Иван крестьянский сын воткнул ее в воротник и поехал дальше. Приезжает к царю; царь увидал чудного коня, принимает доброго молодца с честию и рассказывает, как у него дочь украли. Иван говорит: «Не горюй, государь! Я ее назад привез». Вышел в другую комнату; царевна оборотилась красной де́вицей. Иван взял ее за́ руку и привел к царю. Царь еще больше возрадовался, взял себе коня, а дочь отдал замуж за Ивана крестьянского сына. Иван и поныне живет с молодой женою.

ЗОРЬКА, ВЕЧОРКА И ПОЛУНОЧКА

В некоем государстве жил-был король; у него было три дочери красоты неописанной. Король берег их пуще глаза своего, устроил подземные палаты и посадил их туда, словно птичек в клетку, чтобы ни буйные ветры на них не повеяли, ни красно солнышко лучом не опалило. Раз как-то вычитали королевны в одной книге, что есть чудный белый свет, и когда пришел король навестить их, они тотчас начали его со слезами упрашивать: «Государь ты наш батюшка! Выпусти нас на белый свет посмотреть, в зеленом саду погулять». Король принялся было их отговаривать,— куда! — и слышать не хотят: чем больше отказывает, тем они пуще к нему пристают. Нечего делать, согласился король на их неотступную просьбу.

Вот прекрасные королевны вышли в сад погулять, увидали красное солнышко, и деревья, и цветы, и несказанно возрадовались, что им волен белый свет; бегают по́ саду — забавляются, всякою травкою любуются, как вдруг подхватило их буйным вихрем и унесло высоко-далеко — неведомо куда. Мамки и няньки всполошилися, побежали к королю докладывать: король то́тчас разослал во все стороны своих верных слуг: кто на след нападет,

тому посулил большую награду пожаловать. Слуги ездили, ездили, ничего не проведали, с чем поехали — с тем назад и воротились. Король созвал свой большой совет, стал у думных бояр спрашивать, не возьмется ли кто разыскать его дочерей? Кто это дело сделает, за того любую королевну замуж отдаст и богатым приданым на всю жизнь наделит. Раз спросил — бояре молчат, в другой — не отзываются, в третий — никто ни полслова! Залился король горючими слезами: «Видно, нет у меня ни друзей, ни заступников!» — и велел по всему государству клич кликать: не выищется ли кто на такое дело из простых людей?

А в то самое время жила-была в одной деревне бедная вдова, и было у нее трое сынов — сильномогучих богатырей; все они родились в одну ночь: старший с вечера, средний в полночь, а меньшой на утренней зоре, и назвали их по тому: Вечорка, Полуночка и Зорька. Как дошел до них королевский клич, они тотчас взяли у матери благословение, собрались в путь и поехали в столичный град. Приехали к королю, поклонились ему низко и молвили: «Многолетно здравствуй, государь! Мы пришли к тебе не пир пировать, службу служить; позволь нам поехать, твоих королевен разыскать».— «Исполать вам, добрые мóлодцы! Как вас по имени зовут?» — «Мы — три брата родные: Зорька, Вечорка и Полуночка».— «Чем же вас на дорогу пожаловать?» — «Нам, государь, ничего не надобно; не оставь только нашей матушки, призри ее в бедности да в старости». Король взял старуху, поместил во дворец и велел кормить ее и поить со своего стола, одевать-обувать из своих кладовых.

Отправились добрые мóлодцы в путь-дорогу; едут месяц, и другой, и третий и заехали в широкую пустынную степь. За той степью дремучий лес, а у самого лесу стоит избушка; постучались в окошко — нет отзыва, вошли в двери — в избушке нет никого. «Ну, братцы, останемся здесь на время, отдохнем с дороги». Разделись, помолились богу и легли спать. Наутро меньшой брат Зорька говорит старшему брату Вечорке: «Мы двое на охоту пойдем, а ты оставайся дома да приготовь нам обедать». Старший брат согласился; возле той избушки был хлевец полон овец: вот он, долго не думая, взял что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил к обеду. Приготовил все как надобно и лег на лавочку отдохнуть.

Вдруг застучало, загремело — отворилась дверь и вошел старичок сам с ноготок, борода с локоток, глянул сердито и закричал на Вечорку: «Как смел в моем доме хозяйничать, как смел моего барана зарезать?» Отвечает Вечорка: «Прежде вырасти, а то тебя от земли не видать! Вот возьму щей ложку да хлеба крошку — все глаза заплесну!» Старичок с ноготок еще пуще

озлобился: «Я мал, да удал!» Схватил горбушку хлеба и давай его в голову бить, до полусмерти прибил, чуть-чуть живого оставил и бросил под лавку; потом съел зажаренного барана и ушел в лес. Вечорка обвязал голову тряпицею, лежит да охает. Воротились братья, спрашивают: «Что с тобой подеялось?» — «Эх, братцы, затопил я печку, да от великого жару разболелась у меня головушка — весь день как шальной провалялся, не мог ни варить, ни жарить!»

На другой день Зорька с Вечоркою на охоту пошли, а Полуночку дома оставили, пусть-де обед приготовит. Полуночка развел огонь, выбрал самого жирного барана, зарезал его, поставил в печь; управился и лег на лавку. Вдруг застучало, загремело — вошел старичок сам с ноготок, борода с локток и давай его бить-колотить; чуть-чуть совсем не ухлопал! Съел жареного барана и ушел в лес. Полуночка завязал платком голову, лежит под лавкою и охает. Воротились братья: «Что с тобой?» — спрашивает Зорька. «Угорел, братцы! Всю головушку разломило, и обеда вам не готовил».

На третий день старшие братья на охоту пошли, а Зорька дома остался; выбрал что ни есть лучшего барана, зарезал, вычистил и зажарил. Управился и лег на лавочку. Вдруг застучало, загремело — идет во двор старичок сам с ноготок, борода с локоток, на голове целый стог сена тащит, а в руках большой чан воды несет; поставил чан с водою, раскидал сено по двору и принялся овец считать. Видит — опять не хватает одного барана, рассердился, побежал в избушку, бросился на Зорьку и крепко ударил его в голову. Зорька вскочил, ухватил старичка за длинную бороду и ну таскать вповолочку во все стороны; таскает да приговаривает: «Не узнав броду, не суйся в воду!»

Взмолился старичок сам с ноготок, борода с локоток: «Смилуйся, сильномогучий богатырь! Не предавай меня смерти, отпусти душу на покаяние». Зорька вытащил его на двор, подвел к дубовому столбу и в тот столб забил ему бороду большим железным клином; после воротился в избу, сидит да братьев дожидается. Пришли братья с охоты и дивуются, что он цел-невредим. Зорька усмехается и говорит: «Пойдемте-ка, братцы, ведь я ваш угар поймал, к столбу привязал». Выходят на двор, смотрят — старичок с ноготок давно убежал, только половина бороды на столбе мотается; а где он бежал, тут кровь лилась.

По тому следу добрались братья до глубокого провала. Зорька пошел в лес, надрал лыков, свил веревку и велел спустить себя под землю. Вечорка и Полуночка спустили его под землю. Очутился он на том свете, отвязался от цепи и пошел куда глаза глядят. Шел, шел — стоит медный дворец; он во дворец, встре-

чает его младшая королевна — краше цвета алого, белей снегу белого, и ласково спрашивает: «Как зашел сюда, добрый мо́лодец, по воле аль по неволе?» — «Твой родитель послал вас, королевен, разыскивать». Она тотчас посадила его за стол, накормила-напоила и дает ему пузырек с сильной водою: «Испей-ка этой водицы, у тебя силы прибавится». Зорька выпил тот пузырек и почуял в себе мощь великую. «Теперь,— думает,— хоть кого осилю!»

Тут поднялся буйный ветер, королевна испугалась: «Сейчас,— говорит,— мой змей прилетит!» — взяла его за руку и схоронила в другой комнате. Прилетел трехглавый змей, ударился о сырую землю, обернулся молодцем и закричал: «А! Русским духом пахнет... кто у тебя в гостях?» — «Кому у меня быть? Ты по Руси летал, там русского духу набрался — оттого и здесь тебе чудится». Змей запросил есть и пить; королевна принесла ему разных кушаньев и напитков, а в те напитки подсыпала сонного зелья. Змей наелся-напился, стало его в сон бросать; он заставил королевну искать у себя в головах, лег к ней на колени и заснул крепким сном. Королевна вызвала Зорьку; тот вышел, размахнул мечом и отрубил змею все три головы; потом разложил костер, сжег змея поганого и пустил пепел по чистому полю.

«Теперь прощай, королевна! Пойду искать твоих сестер, а как найду — за тобой ворочусь»,— сказал Зорька и пошел в дорогу; шел, шел — видит серебряный дворец, в том дворце жила средняя королевна. Зорька убил тут шестиглавого змея и пошел дальше. Долго ли, коротко ли — добрался он до золотого дворца, в том дворце жила старшая королевна; он убил двенадцатиглавого змея и освободил ее от заключения. Королевна возрадовалась, стала домой собираться, вышла на широкий двор, махнула красным платочком — золотое царство в яичко скаталось; взяла то яичко, положила в карман и пошла с Зорькою-богатырем за своими сестрицами. Те то же самое сделали: скатали свои царства в яички, забрали с собой и отправились к провалу. Вечорка и Полуночка вытащили своего брата и трех королевен на белый свет. Приезжают они все вместе в свое государство; королевны покатили в чистом поле своими яичками — и тотчас явились три царства: медное, серебряное и золотое. Король так обрадовался, что и рассказать нельзя; тотчас же обвенчал Зорьку, Вечорку и Полуночку на своих дочерях, а по смерти сделал Зорьку своим наследником.

ЛЕТУЧИЙ КОРАБЛЬ

Был себе дед да баба; у них было три сына: два разумных, а третий дурень. Первых баба любила, чисто одевала; а последний завсегда был одет худо — в черной сорочке ходил. Послышали они, что пришла от царя бумага: «Кто состроит такой корабль, чтобы мог летать, за того выдаст замуж царевну». Старшие братья решились идти пробовать счастья и попросили у стариков благословения; мать снарядила их в дорогу, надавала им белых паляниц, разного мясного и фляжку горелки и выпроводила в путь-дорогу. Увидя то, дурень начал и себе проситься, чтобы и его отпустили. Мать стала его уговаривать, чтоб не ходил: «Куда тебе, дурню; тебя волки съедят!» Но дурень заладил одно: пойду да пойду! Баба видит, что с ним не сладишь, дала ему на дорогу черных паляниц и фляжку воды и выпроводила из дому.

Дурень шел, шел и повстречал старика. Поздоровались. Старик спрашивает дурня: «Куда идешь?» — «Да царь обещал отдать свою дочку за того, кто сделает летучий корабль».— «Разве ты можешь сделать такой корабль?» — «Нет, не сумею!» — «Так зачем же ты идешь?» — «А бог его знает!» — «Ну, если так,— сказал старик,— то садись здесь; отдохнем вместе и закусим; вынимай, что у тебя есть в торбе».— «Да тут такое, что и показать стыдно людям!» — «Ничего, вынимай; что бог дал — то и поснедаем!» Дурень развязал торбу — и глазам своим не верит: вместо черных паляниц лежат белые булки и разные приправы; подал старику. «Видишь,— сказал ему старик,— как бог дурней жалует! Хоть родная мать тебя и не любит, а вот и ты не обделен... Давай же выпьем наперед горелки». Во фляжке наместо воды очутилась горелка; выпили, перекусили, и говорит старик дурню: «Слушай же — ступай в лес, подойди к первому дереву, перекрестись три раза и ударь в дерево топором, а сам упади наземь ничком и жди, пока тебя не разбудят. Тогда увидишь перед собою готовый корабль, садись в него и лети, куда надобно; да по дороге забирай к себе всякого встречного».

Дурень поблагодарил старика, распрощался с ним и пошел к лесу. Подошел к первому дереву, сделал все так, как ему велено; три раза перекрестился, тюкнул по дереву секирою, упал на землю ничком и заснул. Спустя несколько времени начал кто-то будить его. Дурень проснулся и видит готовый корабль; не стал долго думать, сел в него — и корабль полетел по воздуху.

Летел, летел, глядь — лежит внизу на дороге человек, ухом к сырой земле припал. «Здоров, дядьку!» — «Здоров, небоже».—

«Что ты делаешь?» — «Слушаю, что на том свете делается».— «Садись со мною на корабль». Тот не захотел отговариваться, сел на корабль, и полетели они дальше. Летели, летели, глядь — идет человек на одной ноге, а другая до уха привязана. «Здоров, дядьку! Что ты на одной ноге скачешь?» — «Да коли б я другую отвязал, так за один бы шаг весь свет перешагнул!» — «Садись с нами!» Тот сел, и опять полетели. Летели, летели, глядь — стоит человек с ружьем, прицеливается, а во что — неведомо. «Здоров, дядьку! Куда ты метишь? Ни одной птицы не видно».— «Как же, стану я стрелять близко! Мне бы застрелить зверя или птицу верст за тысячу отсюда: то по мне стрельба!» — «Садись же с нами!» Сел и этот, и полетели они дальше.

Летели, летели, глядь — несет человек за спиною полон мех хлеба. «Здоров, дядьку! Куда идешь?» — «Иду,— говорит,— добывать хлеба на обед».— «Да у тебя и так полон мешок за спиною».— «Что тут! Для меня этого хлеба и на один раз укусить нечего».— «Садись-ка с нами!» Объедало сел на корабль, и полетели дальше. Летели, летели, глядь — ходит человек вокруг озера. «Здоров, дядьку! Чего ищешь?» — «Пить хочется, да воды не найду».— «Да перед тобой целое озеро; что ж ты не пьешь?» — «Эка! Этой воды на один глоток мне не станет».— «Так садись с нами!» Он сел, и опять полетели. Летели, летели, глядь — идет человек в лес, а за плечами вязанка дров. «Здоров, дядьку! Зачем в лес дрова несешь?» — «Да это не простые дрова».— «А какие же?» — «Да такие: коли разбросить их, так вдруг целое войско явится».— «Садись с нами!» Сел он к ним, и полетели дальше. Летели, летели, глядь — человек несет куль соломы. «Здоров, дядьку! Куда несешь солому?» — «В село».— «Разве в селе-то мало соломы?» — «Да это такая солома, что как ни будь жарко лето, а коли разбросаешь ее — так зараз холодно сделается: снег да мороз!» — «Садись и ты с нами!» — «Пожалуй!» Это была последняя встреча; скоро прилетели они до царского двора.

Царь на ту пору за обедом сидел; увидал летучий корабль, удивился и послал своего слугу спросить: кто на том корабле прилетел? Слуга подошел к кораблю, видит, что на нем всё мужики, не стал и спрашивать, а, воротясь назад в покои, донес царю, что на корабле нет ни одного пана, а всё черные люди. Царь рассудил, что отдавать свою дочь за простого мужика не приходится, и стал думать, как бы от такого зятя избавиться. Вот и придумал: «Стану я ему задавать разные трудные задачи». Тотчас посылает к дурню с приказом, чтобы он достал ему, пока царский обед покончится, целющей и живущей воды.

В то время как царь отдавал этот приказ своему слуге, первый

встречный (тот самый, который слушал, что́ на том свете делается) услыхал царские речи и рассказал дурню. «Что же я теперь делать буду? Да я и за год, а может быть, и весь свой век не найду такой воды!» — «Не бойся,— сказал ему скороход,— я за тебя справлюсь». Пришел слуга и объявил царский приказ. «Скажи: принесу!» — отозвался дурень; а товарищ его отвязал свою ногу от уха, побежал и мигом набрал целющей и живущей воды. «Успею,— думает,— воротиться!» — присел под мельницей отдохнуть и заснул. Царский обед к концу подходит, а его нет как нет; засуетились все на корабле. Первый встречный приник к сырой земле, прислушался и сказал: «Экий! Спит себе под мельницей». Стрелок схватил свое ружье, выстрелил в мельницу и тем выстрелом разбудил скорохода; скороход побежал и в одну минуту принес воду; царь еще из-за стола не встал, а приказ его выполнен как нельзя вернее.

Нечего делать, надо задавать другую задачу. Царь велел сказать дурню: «Ну, коли ты такой хитрый, так покажи свое удальство: съешь со своими товарищами за один раз двенадцать быков жареных да двенадцать кулей печеного хлеба». Первый товарищ услыхал и объявил про то дурню. Дурень испугался и говорит: «Да я и одного хлеба за один раз не съем!» — «Не бойся,— отвечает Объедало,— мне еще мало будет!» Пришел слуга, явил царский указ. «Хорошо,— сказал дурень,— давайте, будем есть». Принесли двенадцать быков жареных да двенадцать кулей хлеба печеного; Объедало один всё поел. «Эх,— говорит,— мало! Еще б хоть немножко дали...» Царь велел сказать дурню, чтобы выпито было сорок бочек вина, каждая бочка в сорок ведер. Первый товарищ дурня подслушал те царские речи и передал ему попрежнему; тот испугался: «Да я и одного ведра не в силах за раз выпить».— «Не бойся,— говорит Опивало,— я один за всех выпью; еще мало будет!» Налили вином сорок бочек; Опивало пришел и без роздыху выпил все до одной; выпил и говорит: «Эх, маловато! Еще б выпить».

После того царь приказал дурню к венцу готовиться, идти в баню да вымыться; а баня-то была чугунная, и ту велел натопить жарко-жарко, чтоб дурень в ней в одну минуту задохся. Вот раскалили баню докрасна; пошел дурень мыться, а за ним следом идет мужик с соломою: подостлать-де надо. Заперли их обоих в бане; мужик разбросал солому — и сделалось так холодно, что едва дурень вымылся, как в чугунах вода стала мерзнуть; залез он на печку и там всю ночь пролежал. Утром отворили баню, а дурень жив и здоров, на печи лежит да песни поет. Доложили царю; тот опечалился, не знает, как бы отвязаться от дурня; думал, думал и приказал ему, чтобы целый полк войска поставил, а у

самого на уме: «Откуда простому мужику войско достать? Уж этого он не сделает!»

Как узнал про то дурень, испугался и говорит: «Теперь-то я совсем пропал! Выручали вы меня, братцы, из беды не один раз; а теперь, видно, ничего не поделаешь».— «Эх ты! — отозвался мужик с вязанкою дров.— А про меня разве забыл? Вспомни, что я мастер на такую шутку, и не бойся!» Пришел слуга, объявил дурню царский указ: «Коли хочешь на царевне жениться, поставь к завтрему целый полк войска».— «Добре, зроблю! Только если царь и после того станет отговариваться, то повоюю все его царство и насильно возьму царевну». Ночью товарищ дурня вышел в поле, вынес вязанку дров и давай раскидывать в разные стороны — тотчас явилось несметное войско: и конное, и пешее, и с пушками. Утром увидал царь и в свой черед испугался; поскорей послал к дурню дорогие уборы и платья, велел во дворец просить с царевной венчаться. Дурень нарядился в те дорогие уборы, сделался таким молодцом, что и сказать нельзя! Явился к царю, обвенчался с царевною, получил большое приданое и стал разумным и догадливым. Царь с царицею его полюбили, а царевна в нем души не чаяла.

СЕМЬ СИМЕОНОВ

У одного старичка, у богатого мужичка, не было ни сына, ни дочери; стал он бога молить, чтобы послал ему хоть единое детище при жизни на потеху, а по смерти на замену. Вот родилось у него в один день семь сынов и всех их назвали Симеонами. Не привел им бог вырасти под надзором отца-матери; остались Симеоны сиротками. Известно, каково житье сиротское: хоть мал, неразумен, а во всякий след пойди, за всякое дело берись; так-то и Симеоны. Пришла пора рабочая, народ засуетился — и жнут, и косят, и на гумно возят, а тут надо еще землю поднимать, под зиму надо хлеб засевать; Симеоны подумали, подумали, и хоть силы нет, а туда же за людьми поехали, копаются, как червяки, на широком поле.

Едет мимо царь; удивился, что малые дети не по силе работают. Подозвал их к себе, стал расспрашивать; дознался, что у них нет ни отца, ни матери. «Я,— говорит,— хочу быть вашим отцом; скажите мне: каким ремеслом желаете вы заняться?» Старший отвечал: «Я, государь, буду кузнец и воздвигну столб такой, что ни в сказке сказать, ни пером написать — почти до небес».— «А я,— отвечал второй,— взойду на этот столб, стану глядеть на все стороны и тебе рассказывать, что делается в чужих царст-

вах-государствах». Государь похвалил. Третий отвечал: «Я буду плотник и сделаю корабль».— «Дело!» Четвертый: «А я стану кораблем управлять и буду кормчий».— «Хорошо!» Пятый: «А я, когда понадобится, возьму корабль за нос и спрячу его на дно моря». Шестой: «А я, когда понадобится, со дна моря его опять выхвачу».— «Все вы хотите быть дельными людьми! А ты,— сказал царь меньшому,— чему хочешь учиться?» — «Я, государь, буду вор!» — «О, худо же ты затеял! Вора мне не надо, вора я велю казнить». Государь простился с детьми и уехал. Симеонов отдали в науку. Через долгое время они выросли, выучились чему хотели; государь их потребовал налицо — испробовать их мастерство, поглядеть их искусство, испытать их знание.

Кузнец сковал столб такой, что голову закинешь — шее станет больно, чуть не до небес. Царь похвалил. Другой брат, как белка, вскочил на верхушку столба, глянул во все стороны; раскрылись перед ним все царства-государства, и он стал рассказывать, в котором из них что делается. «А в таком-то царстве, в таком-то государстве,— говорил он,— живет Елена-царевна Прекрасная — невиданной красоты; алый цвет у ней по лицу рассыпается, белый пух по груди расстилается, и видно, как мозжечок из косточки в косточку переливается». Это царю всего больше понравилось. Третий брат тяп да ляп — выстроил корабль, как дом хороший. Царь обрадовался. Четвертый стал управлять кораблем; корабль побежал пó морю, как рыбка живая. Государь был очень доволен. Пятый на всем лету схватил корабль, дернул его за нос — корабль потонул на дно моря. Шестой в одну минуту выхватил его из моря, как легкую лодочку, и корабль стал — как ни в чем не бывал. Государю и эта штука понравилась.

А для меньшого брата — вора — поставили виселицу, протянули петлю. Царь его спросил: «И ты в своем мастерстве так же искусен, как твои братья?» — «Я еще искуснее их!» Тут же хотели его вздернуть на виселицу; но он закричал: «Погоди, государь, может, и я пригожусь. Повели, я украду для тебя Елену Прекрасную; только отпусти со мной моих братьев. Я поплыву с ними в корабле новосделанном, и Елена-царевна будет твоя». А у царя из головы не шла Елена Прекрасная, много он об ней слышал хорошего, сердце к ней просилося, да жила она от него за тридевять земель, в тридесятом царстве. «Вор затеял хорошо; положиться на его удальство хоть нельзя, а попытаться можно»,— подумал государь. Отпустил вора с братьями, а корабль новосделанный нагрузил всякими богатствами.

Долго ли плавали, нет ли, наконец остановились в том государстве, где жила Елена Прекрасная. Вора не учить, чтó надо

говорить, как за дело браться. Он все вызнал, выведал; услышал, что в этой земле нет кошек, нарядился купцом, взял кошечку; оглаживая, охорашивая, повел ее на золотом шнурке мимо окна Елены-царевны. Царевна увидела, понравился ей хорошенький зверек, приказала она его купить. Вор отвечал, что он богатый купец, приехал из богатейшего государства, привез всякие редкости, драгоценности, желает явить прекрасной Елене свое усердие и просит ее принять от него кошечку в подарок. Вора позвали во дворец; кошка делала разные штуки, царевна любовалась.

Вор наговорил столько о своих невиданных редкостях, принес и раскинул перед нею такие чудные ткани, такие дивные уборы — глаз бы не отвел! «Да то ли еще у меня есть! — говорил он вдобавок.— Эти вещи я могу всем показать, кто хочет — может купить их; а тебе, царевна, не угодно ли взглянуть на сокровище бесценное, никем не виданное? Оно у меня на корабле под великой охраной; только одной тебе и покажу его. Оно заменяет ночью огонь, днем — солнце и освещает всякий мрак чудным светом: это камень необычайной красоты; а вынуть его невозможно, объявить об нем — значит погубить себя, всякий захочет обладать им. Дорого стоило мне, чтоб достать его; но еще дороже для меня честь от царя моего, которому я везу это диво в подарок». Царевна дала слово быть на корабле и взглянуть на сокровище.

На другой день с нянюшками, мамушками, с красными девушками она отправилась из дворца на корабль. Вся свита осталась на берегу; только Елена могла видеть чудный свет бесподобного камня. Все было изготовлено для ее встречи; семь Симеонов явились прислуживать, и только она вступила на корабль — пятый брат схватил корабль за нос, и корабль пал на дно моря; вода плеснулась, закружилась, потом волны опять загуляли по-старому, как ничего не бывало; только на берегу кричали, плакали нянюшки, мамушки, только царь-отец рассылал погоню во все концы... Но посланцы возвращались без царевны! Елена Прекрасная плыла далеко по синему океану; шестой брат вывел корабль со дня моря, корабль шел как гусь-лебедь, покачиваясь, и скоро пристал к родимому берегу. Царь обрадовался; он и во сне не видал, чтоб принимать у себя Елену Прекрасную. Щедро наградил он Симеонов, не велел с них оброку подушного брать; а сам женился на Елене Прекрасной и задал пир на весь мир.

Я нарочно за тысячу верст туда пришла, пиво-мед пила, по усам текло, а в рот не попало! Там дали мне ледяную лошадку, репеное седельце, гороховую уздечку, на плечики — сиянь кафтан, на голову — шит колпак. Поехала я оттуда во всем наряде,

остановилась отдохнуть; седельце, уздечку поснимала, лошадку к деревцу привязала, сама легла на травке. Откуда ни возьмись — набежали свиньи, съели репеное седельце; налетели куры, склевали гороховую уздечку; взошло солнышко, растопило ледяную лошадку. Пошла я с горем пешечком; иду — по дорожке прыгает сорока и кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!», а мне послышалось: «Скинь кафтан!» Я скинула да бросила. К чему же, подумала я, остался на мне шит колпак? Схватила его да оземь и, как видите теперь, осталась ни с чем.

НИКИТА КОЖЕМЯКА

Около Киева проявился змей, брал он с народа поборы немалые: с каждого двора по красной девке: возьмет девку да и съест ее. Пришел черед идти к тому змею царской дочери. Схватил змей царевну и потащил ее к себе в берлогу, а есть ее не стал: красавица собой была, так за жену себе взял. Полетит змей на свои промыслы, а царевну завалит бревнами, чтоб не ушла. У той царевны была собачка, увязалась с нею из дому. Напишет, бывало, царевна записочку к батюшке с матушкой, навяжет собачке на шею; а та побежит, куда надо, да и ответ еще принесет. Вот раз царь с царицею и пишут к царевне: узнай, кто сильнее змея? Царевна стала приветливей к своему змею, стала у него допытываться, кто его сильнее. Тот долго не говорил, да раз и проболтался, что живет в городе Киеве Кожемяка — тот и сильнее. Услыхала про то царевна, написала к батюшке, сыщите в городе Киеве Никиту Кожемяку да пошлите его меня из неволи выручать.

Царь, получивши такую весть, сыскал Никиту Кожемяку да сам пошел просить его, чтобы освободил его землю от лютого змея и выручил царевну. В ту пору Никита кожи мял, держал он в руках двенадцать кож; как увидал он, что к нему пришел сам царь, задрожал со страху, руки у него затряслись — и разорвал он те двенадцать кож. Да сколько ни упрашивал царь с царицею Кожемяку, тот не пошел супротив змея. Вот и придумали собрать пять тысяч детей малолетних, да и заставили их просить Кожемяку; авось на их слезы сжалобится! Пришли к Никите малолетние, стали со слезами просить, чтоб шел он супротив змея. Прослезился и сам Никита Кожемяка, на их слезы глядя. Взял он триста пуд пеньки, насмолил смолою и весь-таки обмотался, чтобы змей не съел, да и пошел на него.

Подходит Никита к берлоге змеиной, а змей заперся и не выходит к нему. «Выходи лучше в чистое поле, а то и берлогу

размечу!» — сказал Кожемяка и стал уже двери ломать. Змей, видя беду неминучую, вышел к нему в чистое поле. Долго ли, коротко ли бился с змеем Никита Кожемяка, только повалил змея. Тут змей стал молить Никиту: «Не бей меня до смерти, Никита Кожемяка! Сильней нас с тобой в свете нет; разделим всю землю, весь свет поровну: ты будешь жить в одной половине, а я в другой».— «Хорошо,— сказал Кожемяка,— надо межу проложить». Сделал Никита соху в триста пуд, запряг в нее змея, да и стал от Киева межу пропахивать; Никита провел борозду от Киева до моря Кавстрийского. «Ну,— говорит змей,— теперь мы всю землю разделили!» — «Землю разделили,— проговорил Никита,— давай море делить, а то ты скажешь, что твою воду берут». Взъехал змей на середину моря, Никита Кожемяка убил и утопил его в море. Эта борозда и теперь видна; вышиною та борозда двух сажен. Кругом ее пашут, а борозды не трогают; а кто не знает, от чего эта борозда,— называет ее валом. Никита Кожемяка, сделавши святое дело, не взял за работу ничего, пошел опять кожи мять.

ШАБАРША

Ай потешить вас сказочкой? А сказочка чудесная: есть в ней дива дивные, чуда чудные, а батрак Шабарша из плутов плут: уж как взялся за гуж, так неча сказать — на все дюж! Пошел Шабарша по батракам жить, да година настала лихая: ни хлеба никакого, ни овощей не родилось. Вот и думает думу хозяин, думу глубокую: как разогнать злую кручину, чем жить-поживать, откуда деньги брать? «Эх, не тужи, хозяин! — говорит ему Шабарша.— Был бы день — хлеб да деньги будут!» И пошел Шабарша на мельничну плотину. «Авось,— думает,— рыбки поймаю; продам — ан вот и деньги! Эге, да веревочки-то нет на удочку... Постой, сейчас совью». Выпросил у мельника горсть пеньки, сел на бережку и ну вить уду.

Вил, вил, а из воды прыг на берег мальчик в черной курточке да в красной шапочке. «Дядюшка! Что ты здесь поделываешь?» — спросил он. «А вот веревку вью».— «Зачем?» — «Да хочу пруд вычищать да вас, чертей, из воды таскать».— «Э, нет! Погоди маленько; я пойду скажу дедушке». Чертенок нырнул вглубь, а Шабарша принялся снова за работу. «Погоди,— думает,— сыграю я с вами, окаянными, штуку, принесете вы мне и злата и серебра». И начал Шабарша копать яму, выкопал и наставил на нее свою шапку с вырезанной верхушкою. «Шабарша, а Шабарша! Дедушка говорит, чтобы я с тобой сторговался. Что возь-

мешь, чтобы нас из воды не таскать?» — «Да вот эту шапочку насыпьте полну злата и серебра».

Нырнул чертенок в воду; воротился назад: «Дедушка говорит, чтобы я с тобой сперва поборолся».— «О, да где ж тебе, молокососу, со мною бороться! Да ты не сладишь с моим средним братом Мишкою».— «А где твой Мишка?» — «А вот, смотри, отдыхает в яру под кустиком».— «Как же мне его вызвать?» — «А ты подойди да ударь его пó боку; так он и сам встанет». Пошел чертенок в яр, нашел медведя и хватил его дубинкой пó боку. Поднялся Мишка на дыбки, скрутил чертенка так, что у него все кости затрещали. Насилу вырвался из медвежьих лап, прибежал к водяному старику. «Ну, дедушка,— сказывает он в испуге,— у Шабарши есть средний брат Мишка, схватился было со мною бороться — ажно косточки у меня затрещали! Что ж было бы, если б сам-то Шабарша стал бороться?» — «Гм! Ступай, попробуй побегать с Шабаршой взапуски; кто кого обгонит?»

И вот мальчик в красной шапочке опять подле Шабарши; передал ему дедушкины речи, а тот ему в ответ: «Да куда тебе со мной взапуски бегать! Мой маленький брат Заинька — и тот тебя далеко за собой оставит!» — «А где твой брат Заинька?» — «Да вон — в травке лег, отдохнуть захотел. Подойди к нему поближе да тронь за ушко — вот он и побежит с тобою!» Побежал чертенок к Заиньке, тронул его за ушко; заяц так и прыснул, чертенок было вслед за ним! «Постой, постой, Заинька, дай с тобой поравняться... Эх, ушел!» — «Ну, дедушка,— говорит водяному,— я было бросился резво бежать. Куды! И поравняться нé дал, а то еще не сам Шабарша, а меньшой его брат бегал!» — «Гм! — проворчал старик, нахмурив брови.— Ступай к Шабарше и попробуйте: кто сильнее свистнет?»

«Шабарша, а Шабарша! Дедушка велел попробовать: кто из нас крепче свистнет?» — «Ну, свисти ты прежде». Свистнул чертенок, да так громко, что Шабарша насилу на ногах устоял, а с дерев так листья и посыпались. «Хорошо свистишь,— говорит Шабарша,— а все не по-моему! Как я свистну — тебе на ногах не устоять, и уши твои не вынесут... Ложись ничком наземь да затыкай уши пальцами». Лег чертенок ничком на землю и заткнул уши пальцами; Шабарша взял дубину да со всего размаху как хватит его по шее, а сам фю-фю-фю!.. посвистывает. «Ох, дедушка, дедушка! Да как же здорово свистнул Шабарша — ажно у меня искры из глаз посыпались; еле-еле с земли поднялся, а на шее да на пояснице, кажись, все косточки поломались!» — «Ого! Не силен, знать, ты, бесенок! Пойди-тка, возьми там, в тростнике, мою железную дубинку, да попробуйте: кто из вас выше вскинет ее на воздух?»

Взял чертенок дубинку, взвалил на плечо и пошел к Шабарше. «Ну, Шабарша, дедушка велел в последний раз попробовать: кто из нас выше вскинет на воздух эту дубинку?» — «Ну, кидай ты прежде, а я посмотрю». Вскинул чертенок дубинку — высоко-высоко полетела она, словно точка в вышине чернеет! Насилу дождались, пока на землю упала... Взял Шабарша дубинку — тяжела! Поставил ее на конец ноги, оперся ладонью и начал пристально глядеть в небо. «Что же ты не бросаешь? Чего ждешь?» — спрашивает чертенок. «Жду, когда вон энта тучка подойдет — я на нее дубинку вскину; там сидит мой брат кузнец, ему железо на дело пригодится».— «Э, нет, Шабарша! Не бросай дубинки на тучку, а то дедушка рассердится!» Выхватил бесенок дубинку и нырнул к дедушке.

Дедушка как услыхал от внучка, что Шабарша чуть-чуть не закинул его дубинки, испугался не на шутку и велел таскать из омута деньги да откупаться. Чертенок таскал, таскал деньги, много уж перетаскал — а шапка все не полна! «Ну, дедушка, па диво у Шабарши шапочка! Все деньги в нее перетаскал, а она все еще пуста. Теперь остался твой последний сундучок».— «Неси и его скорее! Веревку-то он вьет?» — «Вьет, дедушка!» — «То-то!» Нечего делать, почал чертенок заветный дедушкин сундучок, стал насыпать Шабаршову шапочку, сыпал, сыпал... насилу дополнил! С той поры, с того времени зажил батрак на славу; звали меня к нему мед-пиво пить, да я не пошел: мед, говорят, был горек, а пиво мутно. Отчего бы такая притча?

БЕГЛЫЙ СОЛДАТ И ЧЕРТ

Отпросился солдат в отпуск, собрался и пошел в поход. Шел, шел, не видать нигде воды, чем бы ему сухарики помочить да на пути на дороге закусить, а в брюхе давно пусто. Нечего делать — потащился дальше; глядь — бежит ручеек, подошел к этому ручейку, достал из ранца три сухаря и положил в воду. Да была еще у солдата скрипка; в досужее время он на ней разные песни играл, скуку разгонял. Вот сел солдат у ручья, взял скрипку и давай наигрывать. Вдруг откуда ни возьмись — приходит к нему нечистый в виде старца, с книгою в руках. «Здравствуй, господин служба!» — «Здорово, добрый человек!» Черт аж поморщился, как солдат обозвал его добрым человеком. «Послушай, дружище, поменяемся: я отдам тебе свою книгу, а ты мне скрипку».— «Эх, старый, на что мне твоя книжка? Я хоть десять лет прослужил государю, а грамотным никогда не бывал; прежде не знал, а теперь и учиться поздно!» — «Ни-

чего, служивый! У меня такая книга — кто ни посмотрит, всякий прочитать сумеет!» — «А ну дай — попробую!»

Развернул солдат книжку и начал читать, словно с малых лет навык грамоте, обрадовался и тотчас же променял свою скрипку. Нечистый взял скрипку, начал смычком водить, а дело не клеится — нет в его игре никакого ладу. «Слушай, брат,— говорит он солдату,— оставайся-ка у меня в гостях дня на три да поучи на скрипке играть; спасибо тебе скажу!» — «Нет, старик,— отвечает солдат,— мне надо на родину, а за три дня я далеко уйду».— «Пожалуйста, служивый, коли останешься да научишь на скрипке играть, я тебя в один день домой доставлю — на почтовой тройке довезу». Солдат сидит в раздумье: оставаться или нет? И вынимает он сухари из ручья — хочет закусывать. «Эх, брат служивый,— говорит нечистый,— плохая твоя еда: покушай-ка моей!» Развязал мешок и достал белого хлеба, жареной говядины, водки и всяких заедков: ешь — не хочу!

Солдат наелся-напился и согласился остаться у того незнакомого старика и поучить его на скрипке играть. Прогостил у него три дня и просится домой; черт выводит его из своих хором — перед крыльцом стоит тройка добрых коней. «Садись, служивый! Мигом довезу». Солдат сел с чертом в повозку; как подхватили их лошади, как понесли — только версты в глазах мелькают! Духом довезли. «А что, узнаешь эту деревню?» — спрашивает нечистый. «Как же не узнать! — отвечает солдат.— Ведь в этой деревне я родился и вырос».— «Ну, прощай!» Солдат слез с повозки, пришел к сродственникам, стал с ними здороваться да про себя рассказывать, когда его и на сколько из полку отпустили. Показалось ему, что пробыл он у нечистого три года; срок отпуску давным-давно кончился, а в полку, чай, в бегах его считают.

Оробел солдат, не знает, что и делать ему! И гульба на ум нейдет! Вышел солдат за околицу и думает: «Куда теперь деваться? Коли в полк идти — так там сквозь строй загоняют. Эх, нечистый, славно ты подшутил надо мною». Только вымолвил это слово, а нечистый тут как тут. «Не кручинься, служивый! Оставайся со мной — ведь у вас в полку житье незавидное, сухарями кормят да палками бьют, а я тебя счастливым сделаю... Хочешь, купцом сделаю?» — «Вот это ладно; купцы хорошо живут, дай и я попробую счастья!» Нечистый сделал его купцом, дал ему в столичном городе большую лавку с разными дорогими товарами и говорит: «Теперь, брат, прощай! Я уйду от тебя за тридевять земель, в тридесятое государство; у тамошнего короля есть прекрасная дочь Марья-королевна; стану ее всячески мучить!»

Живет наш купец, ни о чем не тужит: счастье само так

и валит на двор; в торговле такая ему задача, что лучше требовать нельзя! Стали ему другие купцы завидовать. «Давайте-ка,— говорят,— его спросим: что он за человек, и откуда приехал, и может ли торг вести? Ведь он у нас всю торговлю отбил — чтоб ему пусто было!» Пришли к нему, стали допрашивать, а он отвечает им: «Братцы вы мои! Теперь у меня дел подошло много, некогда с вами потолковать; приходите завтра — всё узнаете». Купцы разошлись по домам; а солдат думает, что ему делать? Как ответ давать? Думал, думал и решился бросить свою лавку и уйти ночью из города. Вот забрал он все деньги, какие налицо были, и пошел в тридесятое государство.

Шел, шел и приходит на заставу. «Что за человек?» — спрашивает его часовой. Он отвечает: «Я — лекарь; иду в ваше царство, потому что у вашего короля дочь больна; хочу ее вылечить». Часовой доложил про то придворным, придворные довели до самого короля. Король призвал солдата: «Коли ты вылечишь мою дочь, отдам ее за тебя замуж».— «Ваше величество, прикажите мне дать три колоды карт, три бутылки вина сладкого да три бутылки спирту горячего, три фунта орехов, три фунта свинцовых пуль да три пучка свеч воску ярого».— «Хорошо, все будет готово!» Солдат дождался вечера, купил себе скрипку и пошел к королевне; зажег в ее горницах свечи, начал пить-гулять, на скрипочке играть.

В полночь приходит нечистый, услыхал музыку и бросился к солдату: «Здравствуй, брат!» — «Здорово!» — «Что ты пьешь?» — «Квасок потягиваю».— «Дай-ка мне!» — «Изволь!» — и поднес ему полный стакан горячего спирту; черт выпил — и глаза под лоб закатил: «Эх, крепко забирает! Дай-ка закусить чем-нибудь».— «Вот орехи, бери да закусывай!» — говорит солдат, а сам свинцовые пули подсовывает. Черт грыз, грыз, только зубы поломал. Стали они в карты играть; пока то да се — время ушло, петухи закричали, и нечистый пропал. Спрашивает король королевну: «Каково ночь спала?» — «Слава богу, спокойно!» И другая ночь так же прошла; а к третьей ночи просит солдат короля: «Ваше величество! Прикажите в пятьдесят пуд клещи сковать да сделать три прута медных, три прута железных и три оловянных».— «Хорошо, все будет сделано!»

В глухую полночь является нечистый. «Здравствуй, служивый! Я опять к тебе погулять пришел».— «Здравствуй! Кто не рад веселому товарищу!» Начали пить-гулять. Нечистый увидал клещи и спрашивает: «А это что такое?» — «Да, вишь, король взял меня в свою службу да заставил музыкантов на скрипке учить; а у них у всех пальцы-то кривые — не лучше твоих, надо в клещах выправлять».— «Ах, братец,— стал просить нечистый,— нельзя ли

и мне выправить пальцы? А то до сей поры не умею на скрипке играть».— «Отчего нельзя? Клади сюда пальцы». Черт вложил обе руки в клещи, солдат прижал их, стиснул, потом схватил прутья и давай его потчевать; бьет да приговаривает: «Вот тебе купечество!» Черт молит, черт просит: «Отпусти, пожалуй! За тридцать верст не подойду к дворцу!» А он знай бичует. Прыгал, прыгал черт, вертелся, вертелся, насилу вырвался и говорит солдату: «Хоть ты и женишься на королевне, а из моих рук не уйдешь! Только отъедешь за тридцать верст от города — сейчас захвачу тебя!» Сказал и исчез.

Вот женился солдат на королевне и жил с нею в любви и согласии; а спустя несколько лет помер король, и он стал управлять всем царством. В одно время вышел новый король с своею женою в сад погулять. «Ах, какой славный сад!» — говорит он. «Это что за сад! — отвечает королева.— Есть у нас за городом другой сад, верст тридцать отсюда, вот там есть на что полюбоваться!» Король собрался и поехал туда с королевою; только вылез из коляски, а нечистый навстречу: «Ты зачем? Разве забыл, что тебе сказано! Ну, брат, сам виноват; теперь из моих лап не вырвешься».— «Что делать! Видно, такова судьба моя! Позволь хоть с молодой женой проститься».— «Прощайся, да поскорей!..»

КОЩЕЙ БЕССМЕРТНЫЙ

Бывало-живало — в некотором государстве был-жил царь и царица; у них родился сын, Иван-царевич. Няньки его качают, никак укачать не могут; зовут отца: «Царь, великий государь! Поди, сам качай своего сына». Царь начал качать: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и проспал трое суток; пробудился — пуще прежнего расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: зовут отца: «Царь, великий государь! Поди, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «Спи сынок! Спи, возлюбленный! Выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток; пробудился, еще пуще расплакался. Няньки качают, никак укачать не могут: «Поди, великий государь, качай своего сына». Царь качает, сам приговаривает: «Спи, сынок! Спи, возлюбленный! Выростешь большой, сосватаю за тебя Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». Царевич уснул и опять проспал трое суток. Пробудился и говорит: «Давай, батюшка, свое благослове-

ние; я поеду жениться». — «Что ты, дитятко! Куда поедешь? Ты всего девятисуточный!» — «Дашь благословение — поеду, и не дашь — поеду!» — «Ну, поезжай! Господь с тобой!»

Иван-царевич срядился и пошел коня доставать: отошел немало от дому и встретил старого человека: «Куда, мóлодец, пошел? Волей аль неволей?» — «Я с тобой и говорить не хочу», — отвечал царевич, отошел немного и одумался: «Что же я старику ничего не сказал? Стары люди на ум наводят». Тотчас настиг старика: «Постой, дедушка! Про что ты меня спрашивал?» — «Спрашивал: куда идешь, мóлодец, волей али неволей?» — «Иду я сколько волею, а вдвое неволею. Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня высватать Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». — «Хорош мóлодец, учливо говоришь! Только пешему тебе не дойти — Ненаглядная Красота далеко живет». — «Сколь далеко?» — «В золотом царстве, по конец свету белого, где солнышко восходит». — «Как же быть-то мне? Нет мне, мóлодцу, по плечу коня неезжалого, ни плеточки шелковóй недержалой». — «Как нет? У твоего батюшки есть тридцать лошадей — все как одна; поди домой, прикажи конюхам напоить их у синя моря: которая лошадь наперед выдвинется, забредет в воду по самую шею и как станет пить — на синем море начнут волны подыматься, из берега в берег колыхаться, ту и бери!» — «Спасибо на добром слове, дедушка!»

Как старик научил, так царевич и сделал: выбрал себе богатырского коня, ночь переночевал, поутру рано встал, растворил ворота и собирается ехать. Проговорил ему конь человеческим языком: «Иван-царевич! Припади к земле; я тя трижды пихну». Раз пихнул и другой пихнул, а в третий не стал: «Ежели в третий пихнуть, нас с тобой земля не снесет!» Иван-царевич выхватил коня с цепей, оседлал, сел верхом — только и видел царь своего сына!

Едет далеким-далеко, день коротается, к ночи подвигается: стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал на двор — прямо ко крыльцу, привязал коня к медному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. «Ночуй, добрый молодец! — говорит ему старуха. — Куды тя господь понес?» — «Ах ты, старая сука! Неучливо спрашиваешь. Прежде напой-накорми, на постелю повали, в тé поры и вестей спрашивай». Она его накормила-напоила, на постелю повалила и стала вестей выспрашивать. «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру». — «Хорош мóлодец! Учливо говоришь. Я седьмой десяток доживаю, а про эту красоту слыхом не слыхала. Впереди по дороге живет моя бóльшая сестра, может, она

знает; поезжай-ка завтра к ней, а теперь усни: утро вечера мудренее». Иван-царевич ночь переночевал, поутру встал ранёнько, умылся белёнько, вывел коня, оседлал, в стремено ногу клал — только его и видела бабушка!

Едет он далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается: стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, привязал коня к серебряному кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. Говорит старуха: «Фу-фу! Доселева было русской коски видом не видать, слыхом не слыхать, а ноне русская коска сама на двор приехала. Откуль, Иван-царевич, взялся?» — «Что ты, старая сука, расфукалась, неучливо спрашиваешь? Ты бы прежде накормила-напоила, на постелю повалила, тожно бы вестей спрашивала». Она его за стол посадила, накормила-напоила, на постелю повалила, села в головы и спрашивает: «Куды тя бог понес?» — «Был я, бабушка, в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру».— «Хорош мóлодец! Учливо говоришь. Я восьмой десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Впереди по дороге живет моя бóльшая сестра, может, она знает; есть у ней на то ответчики: первые ответчики — зверь лесной, другие ответчики — птица воздушная, третьи ответчики — рыба и гад водяной; что ни есть на белом свете — все ей покоряется. Поезжай-ка завтра к ней; а теперь усни; утро вечера мудренее!» Иван-царевич ночь переночевал, встал ранёнько, умылся белёнько, сел на коня — и был таков!

Едет далеким-далеко, высоким-высоко, день коротается, к ночи подвигается: стоит двор — что город, изба — что терем. Приехал ко крыльцу, прицепил к золотому кольцу, в сени да в избу, богу помолился, ночевать попросился. Закричала на него старуха: «Ах ты, такой-сякой! Железного кольца недостоин, а к золотому коня привязал».— «Хорошо, бабушка, не бранись; коня можно отвязать, за иное кольцо привязать».— «Что, добрый мóлодец, задала тебе страху! А ты не страшись да на лавочку садись, а я стану спрашивать: из каких ты родов, из каких городов?» — «Эх, бабушка! Ты бы прежде накормила-напоила, в тé поры вестей поспрошала; видишь — человек с дороги, весь день не ел!» В тот час старуха стол поставила, принесла хлеба-соли, налила водки стакан и принялась угощать Ивана-царевича. Он наелся-напился, на постелю повалился; старуха не спрашивает, он сам рассказывает: «Был я в малых летах, качал меня батюшка в зыбке, сулил за меня Ненаглядную Красоту, трех мамок дочку, трех бабок внучку, девяти братьев сестру. Сделай милость, бабушка, скажи: где живет Ненаглядная Красота и как до нее дойти?» — «Я и сама, царевич, не ведаю: вот

уж девятый десяток доживаю, а про эту красоту еще не слыхивала. Ну да усни с богом; заутро соберу моих ответчиков — может, из них кто знает».

На другой день встала старуха ране́нько, умылась беле́нько, вышла с Иваном-царевичем на крылечко и скричала богатырским голосом, сосвистала молодецким посвистом. Крикнула по морю: «Рыбы и гад водяной! Идите сюда». Тотчас сине море всколыхалося, собирается рыба и большая и малая, собирается всякий гад, к берегу идет — воду укрывает. Спрашивает старуха: «Где живет Ненаглядная Красота, трех мамок дочка, трех бабок внучка, девяти братьев сестра?» Отвечают все рыбы и гады в один голос: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по земле: «Собирайся, зверь лесной!» Зверь бежит, землю укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» Крикнула старуха по поднебесью: «Собирайся, птица воздушная!» Птица летит, денной свет укрывает, в один голос отвечает: «Видом не видали, слыхом не слыхали!» — «Больше некого спрашивать!» — говорит старуха, взяла Ивана-царевича за руку и повела в избу: только вошли туда, налетела Моголь-птица, пала на землю — в окнах свету не стало. «Ах ты, птица Моголь! Где была, где летала, отчего запоздала?» — «Ненаглядную Красоту к обедне сряжала».— «Того мне и надоть! Сослужи мне службу верою-правдою: снеси туда Ивана-царевича».— «Рада бы сослужила, много пропитанья надоть!» — «Сколь много?» — «Три сороковки говядины да чан воды».

Иван-царевич налил чан воды, накупил быков, набил и наклал три сороковки говядины, уставил те бочки на птицу, побежал в кузницу и сковал себе копье длинное железное. Воротился и стал со старухой прощаться. «Прощай,— говорит,— бабушка! Корми моего доброго коня сыто — я тебе за все заплачу». Сел на Моголь-птицу — в ту ж минуту она поднялась и полетела. Летит, а сама бесперечь оглядывается: как оглянется, Иван-царевич тотчас подает ей на копье кус говядины. Вот летела, летела немало времени, царевич две бочки скормил, за третью принялся и говорит: «Эй, птица Моголь! Пади на сыру землю, мало пропитанья стало».— «Что ты, Иван-царевич! Здесь леса дремучие, грязи вязучие — нам с тобой по конец века не выбраться». Иван-царевич всю говядину скормил и бочки спихал, а Моголь-птица летит — оборачивается. «Что делать?» — думает царевич, вырезал из своих ног икры и дал птице; она проглотила, вылетела на луга зеленые, травы шелковые, цветы лазоревые и пала наземь. Иван-царевич встал, идет по́ лугу — разминается, на обе ноги прихрамывает. «Что ты, царевич, али хромаешь?» — «Хромаю, Моголь-птица! Давеча из ног своих икры вырезал да тебе скормил». Моголь-птица выхарк-

нула икры, приложила к ногам Ивана-царевича, дунула-плюнула, икры приросли — и пошел царевич и крепко и бодро.

Пришел в большой город и пристал отдохнуть к бабушке-задворенке. Говорит ему бабушка-задворенка: «Спи, Иван-царевич! Заутро, как ударят в колокол, я тебя разбужу». Лег царевич и тотчас уснул; день спит, ночь спит... Зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала его будить, что ни попадет в руки — тем и бьет; нет, не могла сбудить. Отошла заутреня, зазвонили к обедне, Ненаглядная Красота в церковь поехала; прибежала бабушка-задворенка, принялась опять за царевича; бьет его чем ни попадя, насилу-насилу разбудила. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и пошел к обедне. Пришел в церковь, образам помолился, на все стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; стоят они рядом да богу молятся. На отходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел на рундук, глянул на сине море — идут корабли; наехало шесть богатырей свататься. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну насмехаться: «Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не сто́ишь ты ее мизинного пальчика!» Раз говорят и в другой говорят, а в третий сказали — ему обидно стало: рукой махнул — улица, другой махнул — чисто, гладко кругом! Сам ушел к бабушке-задворенке. «Что, Иван-царевич, видел Ненаглядную Красоту?» — «Видел, по век не забуду».— «Ну, ложись спать; завтра она опять к обедне пойдет; как ударит колокол, я тебя разбужу». Лег царевич; день спит, ночь спит... зазвонили к заутрене, прибежала бабушка-задворенка, стала будить царевича, что ни попадет под руки — тем и бьет его; нет, не могла разбудить. Зазвонили к обедне, она опять его бьет и будит. Вскочил Иван-царевич скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она на него глянула — покраснела. Стоят они рядышком да богу молятся; на исходе обедни она первая под крест, он второй за ней.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двенадцать богатырей; стали те богатыри Ненаглядную Красоту сватать, Ивана-царевича на смех подымать: «Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Не сто́ишь ты ее мизинного пальчика!» От тех речей ему обидно показалося: махнул рукой — стала улица, махнул другой — чисто и гладко кругом! Сам к бабушке-задворенке ушел. «Видел ли Ненаглядную Красоту?» — спрашивает бабушка-задворенка. «Видел, по век не забуду».— «Ну, спи; заутро я тебя опять разбужу». Иван-царевич день спит и ночь спит; ударили в колокол к заутрене, прибежала бабушка-задворенка будить его, чем ни попадя бьет его, не жалею-

чи, а разбудить никак не может. Ударили в колокол к обедне, она все с царевичем возится. Насилу добудилась его! Иван-царевич вскочил скорехонько, умылся белехонько, снарядился и в церковь. Пришел, образам помолился, на все на четыре стороны поклонился, Ненаглядной Красоте на особицу; она с ним поздоровалась, поставила его по правую руку, а сама стала по левую. Стоят они да богу молятся: на исходе обедни он первый под крест, она вторая за ним.

Вышел царевич на рундук, поглядел на сине море — плывут корабли, наехало двадцать четыре богатыря Ненаглядную Красоту сватать. Увидали богатыри Ивана-царевича и ну над ним насмехаться: «Ах ты, деревенская зобенка! По тебе ль такая красавица? Ты не стóишь ее мизинного пальчика!» Стали к нему со всех сторон подступать да невесту отбивать; Иван-царевич не стерпел: махнул рукой — улица, махнул другой — гладко и чисто кругом, всех до единого перебил. Ненаглядная красота взяла его за руку, повела в свои терема, сажала за столы дубовые, за скатерти браные, угощала его, потчевала, своим женихом называла.

Вскоре потом собрались они в путь-дорогу и поехали в государство Ивана-царевича. Ехали, ехали и остановились в чистом поле отдыхать. Ненаглядная Красота спать легла, а Иван-царевич ее сон сторожит. Вот она выспалась, пробудилась; говорит ей царевич: «Ненаглядная Красота! Похрани моего тела белого, я спать лягу».— «А долго ль спать будешь?» — «Девятеро суток, с боку на бок не поворочусь; станешь будить меня — не разбудишь, а время придет — сам проснусь».— «Долго, Иван-царевич! Мне скучно будет».— «Скучно не скучно, а делать нечего!» Лег спать и проспал как раз девять суток. В это время приехал Кощей Бессмертный и увез Ненаглядную Красоту в свое государство.

Пробудился от сна Иван-царевич, смотрит — нету Ненаглядной Красоты; заплакал и пошел ни путем, ни дорогою. Долго ли, коротко ли — приходит в государство Кощея Бессмертного и просится на постой к одной старухе. «Что, Иван-царевич, печален ходишь?» — «Так и так, бабушка! Был со всем, стал ни с чем».— «Худо твое дело, Иван-царевич! Тебе Кощея не потребить».— «Я хоть посмотрю на мою невесту!» — «Ну ложись — спи до утра; завтра Кощей на войну уедет». Лег Иван-царевич, а сон и на ум нейдет; поутру Кощей со двора, а царевич во двор — стал у ворот и стучится. Ненаглядная Красота отворила, глянула и заплакала; пришли они в горницу, сели за стол и начали разговаривать. Научает ее Иван-царевич: «Спроси у Кощея Бессмертного, где его смерть».— «Хорошо, спрошу». Только успел он со двора уйти, а Кощей во двор: «А! — говорит.— Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был».— «Что ты, Кощей Бессмерт-

ный! Где мне Ивана-царевича видать? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!» Стали они ужинать; за ужином Ненаглядная Красота спрашивает: «Скажи мне, Кощей Бессмертный: где твоя смерть?» — «На что тебе, глупая баба? Моя смерть в венике завязана».

Рано утром уезжает Кощей на войну. Иван-царевич пришел к Ненаглядной Красоте, взял тот веник и чистым золотом ярко вызолотил. Только успел царевич уйти, а Кощей во двор: «А! — говорит.— Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был».— «Что ты, Кощей Бессмертный! Сам по Руси летал, русского духу нахватался — от тебя русским духом и пахнет. А мне где видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери съели!» Пришло время ужинать! Ненаглядная Красота сама села на стул, а его посадила на лавку; он взглянул под порог — лежит веник позолоченный. «Это что?» — «Ах, Кощей Бессмертный! Сам видишь, как я тебя почитаю; коли ты мне дорог, так и смерть твоя дорога́».— «Глупая баба! То я пошутил, моя смерть вон в дубовом тыну заделана».

На другой день Кощей уехал, Иван-царевич пришел, весь тын вызолотил. К вечеру ворочается домой Кощей Бессмертный. «А! — говорит.— Русской коской пахнет; знать, у тебя Иван-царевич был».— «Что ты, Кощей Бессмертный! Кажется, я тебе не раз говаривала: где мне видать Ивана-царевича? Остался он в лесах дремучих, в грязях вязучих, по сих пор звери растерзали». Пришло время ужинать; Ненаглядная Красота сама села на лавку, а его на стул посадила. Кощей взглянул в окно — стоит тын позолоченный, словно жар горит! «Это что?» — «Сам видишь, Кощей Бессмертный, смерть твоя дорога́». Полюбилась эта речь Кощею Бессмертному, говорит он Ненаглядной Красоте: «Ах ты, глупая баба! То я пошутил; моя смерть в яйце, то яйцо в утке, та утка в кокоре, та кокора в море плавает». Как только уехал Кощей на войну, Ненаглядная Красота испекла Ивану-царевичу пирожков и рассказала, где искать смерть Кощееву.

Иван-царевич пошел ни путем, ни дорогою, пришел к океан-морю широкому и не знает, куда дальше идти, а пирожки давно вышли — есть нечего. Вдруг летит ястреб; Иван-царевич прицелился: «Ну, ястреб! Я тебя застрелю да сырком съем».— «Не ешь меня, Иван-царевич! В нужное время я тебе пригожусь». Бежит медведь: «Ах, Мишка Косолапый! Я тебя убью да сырком съем».— «Не ешь, Иван-царевич. В нужное время я тебе пригожусь». Глядь — на берегу щука трепещется: «А, щука зубастая, попалася! Я тебя сырком съем».— «Не ешь, Иван-царевич! Лучше в море брось: в нужное время я тебе пригожусь». Стоит царевич и думает: когда-то наступит нужное время, а теперь голодать пришлось!

Вдруг сине море всколыхалося, взволновалося: стало берег заливать; Иван-царевич бросился в гору. Что есть сил бежит, а вода за ним по пятам гонит: взбежал на самое высокое место и взлез на дерево. Немного спустя начала вода сбывать: море стихло, улеглось, а на берегу очутилась большая кокора. Прибежал медведь, поднял кокору да как хватит оземь — кокора развалилася, вылетела оттуда утка и взвилась высоко-высоко! Вдруг откуда ни взялся — летит ястреб, поймал утку и вмиг разорвал ее пополам. Выпало из утки яйцо да прямо в море: тут подхватила его щука, подплыла к берегу и отдала Ивану-царевичу.

Царевич положил яйцо за пазуху и пошел к Кощею Бессмертному. Приходит к нему во двор, и встречает его Ненаглядная Красота, в уста целует, к плечу припадает. Кощей Бессмертный сидит у окна да ругается: «А, Иван-царевич! Хочешь ты отнять у меня Ненаглядную Красоту, так тебе живому не быть».— «Ты сам у меня ее отнял! — отвечал Иван-царевич, вынул из-за пазухи яйцо и кажет Кощею: — А это что?» У Кощея свет в глазах помутился, тотчас он присмирел-покорился. Иван-царевич переложил яйцо с руки нá руку — Кощея Бессмертного из угла в угол бросило. Любо показалось это царевичу, давай чаще с руки нá руку перекладывать: перекладывал, перекладывал и смял совсем — тут Кощей свалился и помер. Иван-царевич запряг лошадей в золотую карету, забрал целые мешки серебра и золота и поехал вместе с своею невестою к родному батюшке.

Долго ли, коротко ли — приезжает он к той самой старухе, что всякую тварь: рыбу, птицу и зверя допрашивала, увидал своего коня. «Слава богу,— говорит,— Воронко жив!» — и щедро отсыпал старухе золота за его прокорм — хоть еще девяносто лет живи, и то не прожить! Тотчас снарядил царевич легкого гонца и послал к царю с письмом, а в письме пишет: «Батюшка! Встречай сына; еду с невестою Ненаглядной Красотою». Отец получил письмо, прочитал и веры неймет: «Как тому быть! Ведь Иван-царевич уехал отсель девятисуточный». Вслед за гонцом и сам приехал; царь увидал, что сын истинную правду писал, выбежал на крыльцо встречать и приказал в барабаны бить, музыке играть. «Батюшка! Благослови жениться». У царей ни пиво варить, ни вино курить — всего много; в тот же день веселым пирком да за свадебку. Обвенчали Ивана-царевича с Ненаглядной Красотою и выставили по всем улицам большие чаны с разными напитками; всякий приходи и пей, сколько душа запросит! И я тут был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

МАРЬЯ МОРЕВНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был Иван-царевич; у него было три сестры: одна Марья-царевна, другая Ольга-царевна, третья Анна-царевна. Отец и мать у них померли; умирая, они сыну наказывали: «Кто первый за твоих сестер станет свататься, за того и отдавай — при себе не держи долго!» Царевич похоронил родителей и с горя пошел с сестрами во зеленый сад погулять. Вдруг находит на небо туча черная, встает гроза страшная. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит Иван-царевич. Только пришли во дворец — как грянул гром, раздвоился потолок, и влетел к ним в горницу ясен сокол, ударился сокол о́б пол, сделался добрым молодцем и говорит: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я ходил гостем, а теперь пришел сватом; хочу у тебя сестрицу Марью-царевну посватать».— «Коли люб ты сестрице, я ее не унимаю — пусть с богом идет!» Марья-царевна согласилась, сокол женился и унес ее в свое царство.

Дни идут за днями, часы бегут за часами — целого года как не бывало; пошел Иван-царевич с двумя сестрами во зеленый сад погулять. Опять встает туча с вихрем, с молнией. «Пойдемте, сестрицы, домой!» — говорит царевич. Только пришли во дворец — как ударил гром, распалася крыша, раздвоился потолок, и влетел орел, ударился о́б пол и сделался добрым молодцем: «Здравствуй, Иван-царевич! Прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом». И посватал Ольгу-царевну. Отвечает Иван-царевич: «Если ты люб Ольге-царевне, то пусть за тебя идет; я с нее воли не снимаю». Ольга-царевна согласилась и вышла за орла замуж; орел подхватил ее и унес в свое царство.

Прошел еще один год; говорит Иван-царевич своей младшей сестрице: «Пойдем, во зеленом саду погуляем!» Погуляли немножко; опять встает туча с вихрем, с молнией. «Вернемся, сестрица, домой!» Вернулись домой, не успели сесть — как ударил гром, раздвоился потолок, и влетел ворон; ударился ворон об пол и сделался добрым молодцем: прежние были хороши собой, а этот еще лучше. «Ну, Иван-царевич, прежде я гостем ходил, а теперь пришел сватом; отдай за меня Анну-царевну».— «Я с сестрицы воли не снимаю; коли ты полюбился ей, пусть идет за тебя». Вышла за ворона Анна-царевна, и унес он ее в свое государство.

Остался Иван-царевич один, целый год жил без сестер, и сделалось ему скучно. «Пойду,— говорит,— искать сестриц». Собрался в дорогу, шел, шел и видит — лежит в поле рать-сила побитая. Спрашивает Иван-царевич: «Коли есть тут жив человек — отзовися! Кто побил это войско великое?» Отозвался ему жив человек: «Все это войско великое побила Марья Моревна, прекрас-

ная королевна». Пустился Иван-царевич дальше, наезжал на шатры белые, выходила к нему навстречу Марья Моревна, прекрасная королевна: «Здравствуй, царевич, куда тебя бог несет — по воле аль по неволе?» Отвечал ей Иван-царевич: «Добрые мóлодцы по неволе не ездят!» — «Ну, коли дело не к спеху, погости у меня в шатрах». Иван-царевич тому и рад, две ночи в шатрах ночевал, полюбился Марье Моревне и женился на ней.

Марья Моревна, прекрасная королевна, взяла его с собой в свое государство; пожили они вместе сколько-то времени, и вздумалось королевне на войну собираться; покидает она на Иван-царевича все хозяйство и приказывает: «Везде ходи, за всем присматривай; только в этот чулан не моги заглядывать!» Он не вытерпел, как только Марья Моревна уехала, тотчас бросился в чулан, отворил дверь, глянул — а там висит Кощей Бессмертный, на двенадцати цепях прикован. Просит Кощей у Ивана-царевича: «Сжалься надо мной, дай мне напиться! Десять лет я здесь мучаюсь, не ел, не пил — в горле пересохло!» Царевич подал ему целое ведро воды; он выпил и еще запросил: «Мне одним ведром не залить жажды; дай еще!» Царевич подал другое ведро; Кощей выпил и запросил третье, а как выпил третье ведро — взял свою прежнюю силу, тряхнул цепями и сразу все двенадцать порвал. «Спасибо, Иван-царевич! — сказал Кощей Бессмертный.— Теперь тебе никогда не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» — и страшным вихрем вылетел в окно, нагнал на дороге Марью Моревну, прекрасную королевну, подхватил ее и унес к себе. А Иван-царевич горько-горько заплакал, снарядился и пошел в путь-дорогу: «Что ни будет, а разыщу Марью Моревну!»

Идет день, идет другой, на рассвете третьего видит чудесный дворец, у дворца дуб стоит, на дубу ясен сокол сидит. Слетел сокол с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Ах, шурин мой любезный! Как тебя господь милует?» Выбежала Марья-царевна, встретила Ивана-царевича радостно, стала про его здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Погостил у них царевич три дня и говорит: «Не могу у вас гостить долго; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну».— «Трудно тебе сыскать ее,— отвечает сокол.— Оставь здесь на всякий случай свою серебряную ложку: будем на нее смотреть, про тебя вспоминать». Иван-царевич оставил у сокола свою серебряную ложку и пошел в дорогу.

Шел он день, шел другой, на рассвете третьего видит дворец еще лучше первого, возле дворца дуб стоит, на дубу орел сидит. Слетел орел с дерева, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Вставай, Ольга-царевна! Милый наш братец идет». Ольга-царевна тотчас прибежала навстречу, стала его цело-

вать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Дольше гостить мне некогда; я иду искать жену мою, Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает орел: «Трудно тебе сыскать ее; оставь у нас серебряную вилку; будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Он оставил серебряную вилку и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, на рассвете третьего видит дворец лучше первых двух, возле дворца дуб стоит, на дубу ворон сидит. Слетел ворон с дуба, ударился оземь, обернулся добрым молодцем и закричал: «Анна-царевна! Поскорей выходи, наш братец идет». Выбежала Анна-царевна, встрела его радостно, стала целовать-обнимать, про здоровье расспрашивать, про свое житье-бытье рассказывать. Иван-царевич погостил у них три денька и говорит: «Прощайте! Пойду жену искать — Марью Моревну, прекрасную королевну». Отвечает ворон: «Трудно тебе сыскать ее; оставь-ка у нас серебряную табакерку: будем на нее смотреть, тебя вспоминать». Царевич отдал ему серебряную табакерку, попрощался и пошел в дорогу.

День шел, другой шел, а на третий день добрался до Марьи Моревны. Увидала она своего милого, бросилась к нему на шею, залилась слезами и промолвила: «Ах, Иван-царевич! Зачем ты меня не послушался — посмотрел в чулан и выпустил Кощея Бессмертного?» — «Прости, Марья Моревна! Не поминай старого, лучше поедем со мной, пока не видать Кощея Бессмертного; авось не догонит!» Собрались и уехали. А Кощей на охоте был; к вечеру он домой ворочается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» Отвечает конь: «Иван-царевич приходил, Марью Моревну увез».— «А можно ли их догнать?» — «Можно пшеницы насеять, дождаться, пока она вырастет, сжать ее, смолотить, в муку обратить, пять печей хлеба наготовить, тот хлеб поесть, да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ну,— говорит,— первый раз тебя прощаю за твою доброту, что водой меня напоил; и в другой раз прощу, а в третий берегись — на куски изрублю!» Отнял у него Марью Моревну и увез; а Иван-царевич сел на камень и заплакал.

Поплакал-поплакал и опять воротился назад за Марьей Моревною; Кощея Бессмертного дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» — «Ах, Иван-царевич! Он нас догонит».— «Пускай догонит; мы хоть часок-другой проведем вместе». Собрались и уехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял».— «А можно ли догнать их?» — «Можно ячменю на-

сеять, подождать, пока он вырастет, сжать-смолотить, пива наварить, допьяна напиться, до отвала выспаться да тогда вдогонь ехать — и то поспеем!» Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича: «Ведь я ж говорил, что тебе не видать Марьи Моревны, как ушей своих!» Отнял ее и увез к себе.

Оставался Иван-царевич один, поплакал-поплакал и опять воротился за Марьей Моревною; на ту пору Кощея дома не случилося. «Поедем, Марья Моревна!» — «Ах, Иван-царевич! Ведь он догонит, тебя в куски изрубит».— «Пускай изрубит! Я без тебя жить не могу». Собрались и поехали. Кощей Бессмертный домой возвращается, под ним добрый конь спотыкается. «Что ты спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приходил, Марью Моревну с собой взял». Кощей поскакал, догнал Ивана-царевича, изрубил его в мелкие куски и поклал в смоленую бочку: взял эту бочку, скрепил железными обручами и бросил в синее море, а Марью Моревну к себе увез.

В то самое время у зятьев Ивана-царевича серебро почернело. «Ах,— говорят они,— видно, беда приключилася!» Орел бросился на сине море, схватил и вытащил бочку нá берег, сокол полетел за живой водою, а ворон за мертвою. Слетелись все трое в одно место, разбили бочку, вынули куски Ивана-царевича, перемыли и склали как надобно. Ворон брызнул мертвой водою — тело срослось, съединилося; сокол брызнул живой водою — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит: «Ах, как я долго спал!» — «Еще бы дольше проспал, если б не мы! — отвечали зятья.— Пойдем теперь к нам в гости».— «Нет, братцы! Я пойду искать Марью Моревну».

Приходит к ней и просит: «Разузнай у Кощея Бессмертного, где он достал себе такого доброго коня». Вот Марья Моревна улучила добрую минуту и стала Кощея выспрашивать. Кощей сказал: «За тридевять земель, в тридесятом царстве, за огненной рекою живет баба-яга; у ней есть такая кобылица, на которой она каждый день вокруг света облетает. Много у ней и других славных кобылиц; я у ней три дня пастухом был, ни одной кобылицы не упустил, и за то баба-яга дала мне одного жеребеночка».— «Как же ты через огненную реку переправился?» — «А у меня есть такой платок — как махну в правую сторону три раза, сделается высокий-высокий мост, и огонь его не достанет!» Марья Моревна выслушала, пересказала все Ивану-царевичу и платок унесла да ему отдала.

Иван-царевич переправился через огненную реку и пошел к бабе-яге. Долго шел он не пивши, не евши. Попалась ему навстречу заморская птица с малыми детками. Иван-царевич говорит: «Съемка я одного цыпленочка».— «Не ешь, Иван-царевич! — просит заморская птица.— В некоторое время я пригожусь тебе». Пошел он дальше; видит в лесу улей пчел. «Возьму-ка я,— говорит,— сколь-

ко-нибудь медку». Пчелиная матка отзывается: «Не тронь моего меду, Иван-царевич! В некоторое время я тебе пригожусь». Он не тронул и пошел дальше; попадает ему навстречу львица со львенком. «Съем я хоть этого львенка; есть так хочется, ажно тошно стало!» — «Не тронь, Иван-царевич,— просит львица.— В некоторое время я тебе пригожусь».— «Хорошо, пусть будет по-твоему!»

Побрел голодный, шел, шел — стоит дом бабы-яги, кругом дома двенадцать шестов, на одиннадцати шестах по человечьей голове, только один незанятый. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, Иван-царевич! Почто пришел — по своей доброй воле аль по нужде?» — «Пришел заслужить у тебя богатырского коня».— «Изволь, царевич! У меня ведь не год служить, а всего-то три дня: если упасешь моих кобылиц — дам тебе богатырского коня, а если нет, то не гневайся — торчать твоей голове на последнем шесте». Иван-царевич согласился; баба-яга его накормила-напоила и велела за дело приниматься. Только что выгнал он кобылиц в поле, кобылицы задрали хвосты и все врозь по лугам разбежались; не успел царевич глазами вскинуть, как они совсем пропали. Тут он заплакал-запечалился, сел на камень и заснул. Солнышко уже на закате, прилетела заморская птица и будит его: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы теперь дома». Царевич встал, воротился домой; баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем вы домой воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Налетели птицы со всего света, чуть нам глаз не выклевали».— «Ну, вы завтра по лугам не бегайте, а рассыпьтесь по дремучим лесам».

Переспал ночь Иван-царевич; наутро баба-яга ему говорит: «Смотри, царевич, если не упасешь кобылиц, если хоть одну потеряешь — быть твоей буйной головушке на шесте!» Погнал он кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты и разбежались по дремучим лесам. Опять сел царевич на камень, плакал, плакал, да и уснул. Солнышко село за лес; прибежала львица: «Вставай, Иван-царевич! Кобылицы все собраны». Иван-царевич встал и пошел домой; баба-яга пуще прежнего и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем домой воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Набежали лютые звери со всего света, чуть нас совсем не разорвали».— «Ну, вы завтра забегите в сине море».

Опять переспал ночь Иван-царевич; наутро посылает его баба-яга кобылиц пасти: «Если не упасешь — быть твоей буйной головушке на шесте». Он погнал кобылиц в поле; они тотчас задрали хвосты, скрылись с глаз и забежали в сине море; стоят в воде по шею. Иван-царевич сел на камень, заплакал и уснул. Солнышко за лес село, прилетела пчелка и говорит: «Вставай, царевич! Кобылицы все собраны; да как воротишься домой, бабе-яге на глаза не показывайся, пойди в конюшню и спрячься за яслями. Там есть

паршивый жеребенок — в навозе валяется: ты украдь его и в глухую полночь уходи из дому».

Иван-царевич встал, пробрался в конюшню и улегся за яслями: баба-яга и шумит и кричит на своих кобылиц: «Зачем воротились?» — «Как же нам было не воротиться? Налетело пчел видимо-невидимо со всего света и давай нас со всех сторон жалить до крови!»

Баба-яга заснула, а в самую полночь Иван-царевич украл у нее паршивого жеребенка, оседлал его, сел и поскакал к огненной реке. Доехал до той реки, махнул три раза платком в правую сторону — и вдруг, откуда ни взялся, повис через реку высокий, славный мост. Царевич переехал по́ мосту и махнул платком на левую сторону только два раза — остался через реку мост тоненький-тоненький! Поутру пробудилась баба-яга — паршивого жеребенка видом не видать! Бросилась в погоню: во весь дух на железной ступе скачет, пестом погоняет, помелом след заметает. Прискакала к огненной реке, взглянула и думает: «Хорош мост!» Поехала по́ мосту, только добралась до средины — мост обломился, и баба-яга чубурах в реку: тут ей и лютая смерть приключилась! Иван-царевич откормил жеребенка в зеленых лугах: стал из него чудный конь.

Приезжает царевич к Марье Моревне: она выбежала, бросилась к нему на шею: «Как тебя бог воскресил?» — «Так и так,— говорит.— Поедем со мной».— «Боюсь, Иван-царевич! Если Кощей догонит, быть тебе опять изрублену».— «Нет, не догонит! Теперь у меня славный богатырский конь, словно птица летит». Сели они на коня и поехали. Кощей Бессмертный домой ворочается, под ним конь спотыкается. «Что ты, несытая кляча, спотыкаешься? Али чуешь какую невзгоду?» — «Иван-царевич приезжал, Марью Моревну увез».— «А можно ли их догнать?» — «Бог знает! Теперь у Ивана-царевича конь богатырский лучше меня».— «Нет, не утерплю,— говорит Кощей Бессмертный,— поеду в погоню». Долго ли, коротко ли — нагнал он Ивана-царевича, соскочил наземь и хотел было сечь его острой саблею; в те́ поры конь Ивана-царевича ударил со всего размаху копытом Кощея Бессмертного и размозжил ему голову, а царевич доконал его палицей. После того наклал царевич груду дров, развел огонь, спалил Кощея Бессмертного на костре и самый пепел его пустил по ветру.

Марья Моревна села на Кощеева коня, а Иван-царевич на своего, и поехали они в гости сперва к ворону, потом к орлу, а там и к соколу. Куда ни приедут, всюду встречают их с радостью: «Ах, Иван-царевич, а уж мы не чаяли тебя видеть. Ну, да недаром же ты хлопотал: такой красавицы, как Марья Моревна, во всем свете поискать — другой не найти!» Погостили они, попировали и по-

ехали в свое царство; приехали и стали себе жить-поживать, добра наживать да медок попивать.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И БЕЛЫЙ ПОЛЯНИН

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь: у этого царя было три дочери и один сын, Иван-царевич. Царь состарился и помер, а корону принял Иван-царевич. Как узнали про то соседние короли, сейчас собрали несчетные войска и пошли на него войною. Иван-царевич не знает, как ему быть; приходит к своим сестрам и спрашивает: «Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Все короли поднялись на меня войною».— «Ах ты, храбрый воин! Чего убоялся? Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает? А ты, ничего не видя, испугался!» Иван-царевич тотчас оседлал своего доброго коня, надел на себя сбрую ратную, взял меч-кладенец, копье долгомерное и плетку шелковую, помолился богу и выехал против неприятеля; не столько мечом бьет, сколько конем топчет; перебил все воинство вражее, воротился в город, лег спать и спал трое суток беспробудным сном. На четвертые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять под самые стены подступили.

Запечалился царевич, идет к своим сестрам: «Ах, сестрицы! Что мне делать? Одну силу истребил, другая под городом стоит, пуще прежнего грозит».— «Какой же ты воин! Сутки воевал, да трое суток без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотою ногой, тридцать лет с коня не слезает, роздыху не знает?» Иван-царевич побежал в белокаменные конюшни, оседлал доброго коня богатырского, надел сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую — плетку шелковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и проспал непробудным сном шесть суток. На седьмые сутки проснулся, вышел на балкон, глянул в чистое поле — короли больше того войск собрали и опять весь город обступили.

Идет Иван-царевич к сестрам. «Любезные мои сестрицы! Что мне делать? Две силы истребил, третья под стенами стоит, еще пуще грозит».— «Ах ты, храбрый воин! Одни сутки воевал, да шестеро без просыпа спал. Как же Белый Полянин воюет с бабой-ягою золотой ногою, тридцать лет с коня не слезаёт, роздыху не знает». Горько показалось то царевичу; побежал он в белокаменные ко-

нюшни, оседал своего доброго коня богатырского, надел на себя сбрую ратную, опоясал меч-кладенец, в одну руку взял копье долгомерное, в другую — плетку шелковую, помолился богу и выехал против неприятеля. Не ясен сокол налетает на стадо гусей, лебедей и на серых утиц, нападает Иван-царевич на войско вражее; не столько сам бьет, сколько конь его топчет. Побил рать-силу великую, воротился домой, лег спать и спал непробудным сном девять суток. На десятые сутки проснулся, призвал всех министров и сенаторов: «Господа мои министры и сенаторы! Вздумал я в чужие страны ехать, на Бела Полянина посмотреть; прошу вас судить и рядить, все дела разбирать в правду». Затем попрощался с сестрами, сел на коня и поехал в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — заехал он в темный лес; видит — избушка стоит, в той избушке стар человек живет. Иван-царевич зашел к нему: «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, русский царевич! Куда бог несет?» — «Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?» — «Сам я не ведаю, а вот подожди, соберу своих верных слуг и спрошу у них». Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг начали к нему со всех сторон птицы слетаться. Налетело их видимо-невидимо, черной тучею все небо покрыли. Крикнул стар человек громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Слуги мои верные, птицы перелетные! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?» — «Нет, видом не видали, слыхом не слыхали!» — «Ну, Иван-царевич,— говорит стар человек,— ступай теперь к моему старшему брату; может, он тебе скажет. На, возьми клубочек, пусти перед собою; куда клубочек покатится, туда и коня управляй». Иван-царевич сел на своего доброго коня, покатил клубочек и поехал вслед за ним; а лес все темней да темней.

Приезжает царевич к избушке, входит в двери; в избушке старик сидит — седой как лунь. «Здравствуй, дедушка!» — «Здравствуй, русский царевич! Куда путь держишь?» — «Ищу Белого Полянина; не знаешь ли, где он?» — «А вот погоди, соберу своих верных слуг и спрошу у них». Старик выступил на крылечко, заиграл в серебряную трубу — и вдруг собрались к нему со всех сторон разные звери. Крикнул им громким голосом, свистнул молодецким посвистом: «Слуги мои верные, звери прыскучие! Не видали ль, не слыхали ль чего про Белого Полянина?» — «Нет,— отвечают звери,— видом не видали, слыхом не слыхали». — «А ну, рассчитайтесь промеж себя; может, не все пришли». Звери рассчитались промеж себя — нет кривой волчицы. Старик послал искать ее; тотчас побежали гонцы и привели ее. «Сказывай, кривая волчица, не знаешь ли ты Белого Полянина?» — «Как мне его не знать, коли я при нем завсегда живу; он войска побивает, а я

мертвым трупом питаюсь».— «Где же он теперь?» — «В чистом поле, на большом кургане, в шатре спит. Воевал он с бабой-ягою золотой ногою, а после бою залег на двенадцать суток спать».— «Проводи туда Ивана-царевича». Волчица побежала, а вслед за нею поскакал царевич.

Приезжает он к большому кургану, входит в шатер — Белый Полянин крепким сном почивает. «Вот сестры мои говорили, что Белый Полянин без роздыху воюет, а он на двенадцать суток спать залег! Не заснуть ли и мне пока?» Подумал-подумал Иван-царевич и лег с ним рядом. Тут прилетела в шатер малая птичка, вьется у самого изголовья и говорит таковые слова: «Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича: не то встанет — сам тебя убьет!» Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правую ногу, выбросил за шатер и опять лег возле Белого Полянина. Не успел заснуть, как прилетает другая птичка, вьется у изголовья и говорит: «Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти моего брата Ивана-царевича; не то встанет — сам тебя убьет!» Иван-царевич вскочил, поймал птичку, оторвал ей правое крыло, выбросил ее из шатра и опять лег на то же место. Вслед за тем прилетела третья птичка, вьется у изголовья и говорит: «Встань-пробудись, Белый Полянин, и предай злой смерти брата моего Ивана-царевича; не то он встанет да тебя убьет!» Иван-царевич вскочил, изловил ту птичку и оторвал ей клюв: птичку выбросил вон, а сам лег и крепко заснул.

Пришла пора — пробудился Белый Полянин, смотрит — рядом с ним незнамо какой богатырь лежит; схватился за острый меч и хотел было предать его злой смерти, да удержался вовремя. «Нет,— думает,— он наехал на меня на сонного, а меча не хотел кровавить; не честь, не хвала и мне, доброму мо́лодцу, загубить его! Сонный что мертвый! Лучше разбужу его». Разбудил Ивана-царевича и спрашивает: «Добрый ли, худой ли человек? Говори: как тебя по имени зовут и зачем сюда заехал?» — «Зовут меня Иваном-царевичем, а приехал на тебя посмотреть, твоей силы попытать».— «Больно смел ты, царевич! Без спросу в шатер вошел, без докладу выспался, можно тебя за то смерти предать!» — «Эх, Белый Полянин! Не перескочил через ров, да хвастаешь: подожди — может, споткнешься! У тебя две руки, да и меня мать не с одной родила».

Сели они на своих богатырских коней, съехались и ударились, да так сильно, что их копья вдребезги разлетелись, а добрые кони на колени попадали. Иван-царевич вышиб из седла Белого Полянина и занес над ним острый меч. Взмолился ему Белый Полянин: «Не дай мне смерти, дай мне живот! Назовусь твоим меньшим братом, вместо отца почита́ть буду». Иван-царевич взял его за руку,

поднял с земли, поцеловал в уста и назвал своим меньшим братом: «Слышал я, брат, что ты тридцать лет с бабой-ягою золотой ногою воюешь, за что у вас война?» — «Есть у нее дочь-красавица, хочу добыть да жениться».— «Ну,— сказал царевич,— коли дружбу водить, так в беде помогать! Поедем воевать вместе».

Сели на коней, выехали в чистое поле: баба-яга золотая нога выставила рать-силу несметную. То не ясные соколы налетают на стадо голубиное, напускаются сильномогучие богатыри на войско вражее! Не столько мечами рубят, сколько конями топчут: прирубили, притоптали целые тысячи. Баба-яга наутек бросилась, а Иван-царевич за ней вдогонку. Совсем было нагонять стал — как вдруг прибежала она к глубокой пропасти, подняла чугунную доску и скрылась под землею. Иван-царевич и Белый Полянин накупили быков многое множество, начали их бить, кожи сымать да ремни резать; из тех ремней канат свили — да такой длинный, что один конец здесь, а другой на тот свет достанет. Говорит царевич Белому Полянину: «Опускай меня скорей в пропасть, да назад каната не вытаскивай, а жди: как я за канат дерну, тогда и тащи! Белый Полянин опустил его в пропасть на самое дно. Иван-царевич осмотрелся кругом и пошел искать бабу-ягу.

Шел, шел, смотрит — за решеткой портные сидят. «Что вы делаете?» — «А вот что, Иван-царевич: сидим да войско шьем для бабы-яги золотой ноги». — «Как же вы шьете?» — «Известно как: что кольнешь иглою, то и казак с пикою, на лошадь садится, в строй становится и идет войною на Белого Полянина».— «Эх, братцы! Скоро вы делаете, да не крепко; становитесь-ка в ряд, я вас научу, как крепче шить». Они тотчас выстроились в один ряд: а Иван-царевич как махнет мечом, так и полетели головы. Побил портных и пошел дальше. Шел, шел, смотрит — за решеткою сапожники сидят. «Что вы тут делаете?» — «Сидим да войско готовим для бабы-яги золотой ноги».— «Как же вы, братцы, войско готовите?» — «А вот как: что шилом кольнем, то и солдат с ружьем, на коня садится, в строй становится и идет войной на Белого Полянина».— «Эх, ребята! Скоро вы делаете, да не споро. Становитесь-ка в ряд, я вас получше научу». Вот они стали в ряд: Иван-царевич махнул мечом, и полетели головы. Побил сапожников и опять в дорогу.

Долго ли, коротко ли — добрался он до большого прекрасного города: в том городе царские терема выстроены, в тех теремах сидит де́вица красоты неописанной. Увидала она в окно добра мо́лодца: полюбились ей кудри черные, очи соколиные, брови соболиные, ухватки богатырские; зазвала к себе царевича, расспросила, куда и зачем идет. Он ей сказал, что ищет бабу-ягу золотую ногу́. «Ах, Иван-царевич, ведь я ее дочь; она теперь спит непробудным

сном, залегла отдыхать на двенадцать суток». Вывела его из города и показала дорогу. Иван-царевич пошел к бабе-яге золотой ноге, застал ее сонную, ударил мечом и отрубил ей голову. Голова покатилась и промолвила: «Бей еще, Иван-царевич!» — «Богатырский удар и один хорош!» — отвечал царевич, воротился в терема к красной дéвице, сел с нею за столы дубовые, за скатерти браные. Наелся-напился и стал ее спрашивать: «Есть ли в свете сильнее меня и краше тебя?» — «Ах, Иван-царевич! Что я за красавица! Вот как за тридевять земель, в тридесятом царстве живет у царя-змея королевна, так та подлинно красота несказанная: она только ноги помыла, а я тою водою умылась!»

Иван-царевич взял красную дéвицу за белую руку, привел к тому месту, где канат висел, и подал знак Белому Полянину. Тот ухватился за канат и давай тянуть; тянул, тянул и вытащил царевича с красной дéвицей. «Здравствуй, Белый Полянин,— сказал Иван-царевич,— вот тебе невеста: живи, веселись, ни о чем не крушись! А я в змеиное царство поеду». Сел на своего богатырского коня, попрощался с Белым Полянином и его невестою и поскакал за тридевять земель. Долго ли, коротко ли, низко ли, высоко ли — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается — приехал он в царство змеиное, убил царя-змея, освободил из неволи прекрасную королевну и женился на ней; после того воротился домой и стал с молодой женою жить-поживать да добра наживать.

ХРУСТАЛЬНАЯ ГОРА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у царя было три сына. Вот дети и говорят ему: «Милостивый государь батюшка! Благослови нас, мы на охоту поедем». Отец благословил, и они поехали в разные стороны. Малый сын ездил, ездил и заплутался; выезжает на поляну, на поляне лежит палая лошадь; около этой падали собралось много всякого зверя, птицы и гаду. Поднялся сокол, прилетел к царевичу, сел ему на плечо и говорит: «Иван-царевич, раздели нам эту лошадь; лежит она здесь тридцать три года, а мы всё спорим, а как поделить — не придумаем». Царевич слез с своего доброго коня и разделил падаль: зверям — кости, птицам — мясо, кожа — гадам, а голова — муравьям. «Спасибо, Иван-царевич! — сказал сокол.— За эту услугу можешь ты обращаться ясным соколом и муравьем всякий раз, как захочешь».

Иван-царевич ударился о сырую землю, сделался ясным соколом, взвился и полетел в тридесятое государство; а того государства больше чем наполовину втянуло в хрустальную гору.

Прилетел прямо во дворец, оборотился добрым молодцем и спрашивает придворную стражу: «Не возьмет ли ваш государь меня на службу к себе?» — «Отчего не взять такого мóлодца?» Вот он поступил к тому царю на службу и живет у него неделю, другую и третью. Стала просить царевна: «Государь мой батюшка! Позволь мне с Иваном-царевичем на хрустальной горе погулять». Царь позволил. Сели они на добрых коней и поехали. Подъезжают к хрустальной горе, вдруг откуда ни возьмись — выскочила золотая коза. Царевич погнал за ней, скакал, скакал, козы не добыл, а воротился назад — и царевны нету! Что делать? Как к царю на глаза показаться?

Нарядился он таким древним старичком, что и признать нельзя; пришел во дворец и говорит царю: «Ваше величество! Найми меня стадо пасти».— «Хорошо, будь пастухом; коли прилетит змей о трех головах — дай ему три коровы, коли о шести головах — дай шесть коров, а коли о двенадцати головах — то отсчитай двенадцать коров». Иван-царевич погнал стадо по горам, по долам; вдруг летит с озера змей о трех головах: «Эх, Иван-царевич, за какое ты дело взялся? Где бы сражаться доброму молодцу, а он стадо пасет! Ну-ка,— говорит,— отгони мне трех коров».— «Не жирно ли будет? — отвечает царевич.— Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты трех коров захотел... Нет тебе ни одной!» Змей осерчал и вместо трех захватил шесть коров; Иван-царевич тотчас обернулся ясным соколом, снял у змея три головы и погнал стадо домой. «Что, дедушка? — спрашивает царь.— Прилетал ли трехглавый змей, дал ли ему трех коров?» — «Нет, ваше величество, ни одной нé дал!»

На другой день гонит царевич стадо по горам, по долам; прилетает с озера змей о шести головах и требует шесть коров. «Ах ты, чудо-юдо обжорливое! Я сам в суточки ем по одной уточке, а ты чего захотел! Не дам тебе ни единой!» Змей осерчал, вместо шести захватил двенадцать коров; а царевич обратился ясным соколом, бросился на змея и снял у него шесть голов. Пригнал домой стадо; царь и спрашивает: «Что, дедушка, прилетал ли шестиглавый змей, много ли мое стадо поубавилось?» — «Прилетать-то прилетал, да ничего нé взял!» Поздним вечером оборотился Иван-царевич в муравья и сквозь малую трещинку заполз в хрустальную гору; смотрит — в хрустальной горе сидит царевна. «Здравствуй»,— говорит Иван-царевич,— как ты сюда попала?» — «Меня унес змей о двенадцати головах: живет он на батюшкином озере; в том змее сундук таится, в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яичко, в яичке — семечко; коли ты убьешь его да достанешь это семечко, в тé поры можно хрустальную гору извести и меня избавить».

Иван-царевич вылез из той горы, снарядился пастухом и погнал стадо. Вдруг прилетает змей о двенадцати головах: «Эх, Иван-царевич! Не за свое ты дело взялся; чем бы тебе, доброму мо́лодцу, сражаться, а ты стадо пасешь... Ну-ка отсчитай мне двенадцать коров!» — «Жирно будет! Я сам в суточки ем по одной уточке; а ты чего захотел!» Начали они сражаться, и долго ли, коротко ли сражались — Иван-царевич победил змея о двенадцати головах, разрезал его туловище и на правой стороне нашел сундук; в сундуке — заяц, в зайце — утка, в утке — яйцо, в яйце — семечко. Взял он семечко, зажег и поднес к хрустальной горе — гора скоро растаяла. Иван-царевич вывел оттуда царевну и привез ее к отцу; отец возрадовался и говорит царевичу: «Будь ты моим зятем!» Тут их и обвенчали; на той свадьбе и я был, мед-пиво пил, по бороде текло, в рот не попало.

БУХТАН БУХТАНОВИЧ

В некотором царстве, в некотором государстве живал-бывал некто Бухтан Бухтанович; у Бухтана Бухтановича была выстроена среди поля печь на столбах. Он лежит на печи по полулокоть в тараканьем молоке. Приходила к нему лисица и говорила: «Бухтан Бухтанович, хошь ли, я тебя женю у царя на дочери?» — «Что ты, лиска!» — «Есть ли у тебя сколько-нибудь денег?» — «Да есть: всего один пятак».— «Подай и тот сюда!» Лисица пошла, разменяла пятак на мелкие деньги — на копейки, денежки и полушки; пошла к царю и говорит: «Царь, вольный человек! Дай четверика, у Бухтана Бухтановича деньги смерить». Он говорит: «Возьми». Она принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю и говорит: «Царь, вольный человек! Четверика мало; дай полмеры, деньги у Бухтана Бухтановича смерить».— «Возьми».

Она взяла, принесла домой; деньгу, копейку запихала за обруч и отнесла к царю: «Царь, вольный человек! Полмеры мало, дай меру».— «Возьми меру». Она взяла, принесла домой и остальное от пятака запихала за обру́чье и отнесла к царю. Царь говорит: «Смерила ли, лиска?» Лиска сказала: «Все вцеле. Ну, царь, вольный человек! Я пришла к тебе за добрым делом: отдай дочь свою за Бухтана Бухтановича».— «Ну, ладно, покажи же ты мне жениха». Она побегла домой. «Бухтан Бухтанович! Есть ли у тебя какое-нибудь платье? Надевай». Бухтан Бухтанович оболокся и пошел с лисою к царю. Идут по ряду, и привелось им идти по мостику — грязный такой! Лиска пихнула его, и Бухтан Бухтанович ввалился в грязь. Она прибегла к нему: «Что ты, что ты, Бухтан

Бухтанович?» А сама грязью-то всего его замарала. «Постой же, Бухтан Бухтанович! Я к царю сбегаю».

Лиска прибегла к царю и говорит: «Царь, вольный человек! Мы шли с Бухтаном Бухтановичем по мостику — мостик скверный такой! — мы как-то не постереглись, ввалились; Бухтан Бухтанович весь замарался; идти-то нехорошо в город; нет ли у тебя платья ежеденного?» — «На, возьми». Лиска побегла. Прибегла. «Бухтан Бухтанович! На, переоболокись, да пойдем». Пришли к царю. У царя было уже налажено на стол. Бухтан Бухтанович никуда не глядит, как на себя,— отроду не видал он такого платья! Царь и моргнул лиске: «Лиска, что это Бухтан Бухтанович-то никуда не глядит, как на себя?» — «Царь, вольный человек! Ему стыдно кажется, что на нем эко платье; Бухтан Бухтанович экого платья-то отроду не нашивал дрянного. Царь, вольный человек! Дай ему платье-то, которое носишь ты в пасху». А сама и шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди на себя!» Бухтан Бухтанович опять глядит никуды, что на стул: стул был вызолоченный. Царь шепнул лиске: «Лиска, что это Бухтан Бухтанович никуды не глядит, что на стул?» — «Царь, вольный человек! У их экого стулья́-то по баням много». Царь хлоп стул за дверь. Лиска шепнула Бухтану Бухтановичу: «Не гляди в одно место; гляди туды да и́нуды». Ну, тут стали толковать о добром деле, о сватанье.

Ну, свадьбу сыграли; долго ли у царя? Ни пива варить, ни вина курить, все готово. Бухтану Бухтановичу три корабля нагрузили, и поехали домой на кораблях. Едут домой: Бухтан Бухтанович едет на кораблях с женкою, а лиска по́ берегу бежит. Бухтан Бухтанович увидел свою печь и скричал: «Лиска, лиска! Эводе моя-то печь!» — «Молчи, Бухтан Бухтанович; стыдно!» Бухтан Бухтанович едет, а лиска наперед бежит по́ берегу; прибегла наперед, вызнялась на уго́р, стоит на угоре дом каменный пребольшущий, и царство явилось преогромное. Она в избу — нету никого в избе, забегла в палату — в большом углу лежит-протянулся Змей Змеевич, сидит на печном столбе Ворон Воронович, сидит на престоле Кокот Кокотович. Лиска говорит: «Что вы тут сидите! Царь едет с огнем, царица с маланьёй, сожгут и спалят вас».— «Лиска, куда мы?» — «Кокот Кокотович, поди ты в бочку!» Лиса заперла в бочку Кокота Кокотовича. «Ворон Воронович, поди ты в ступу, давай!» Ворона Вороновича в ступу заперла; Змея Змеевича в солому завертела и вынесла на у́лку. Корабли пришли. Лиска приказала в воду свезти всех их; казаки сейчас свезли в воду.

Бухтан Бухтанович в тот дом все житейское свое перевез, там жил-поживал, добра наживал, царил-властвовал, да там и живот скончал.

КОЗЬМА СКОРОБОГАТЫЙ

Жил-проживал Кузенька один-одинешенек в темном лесу; у него был худой домишко, да один петушок, да пять курочек. К этому Кузеньке повадилась ходить лисичка; пошел он раз на охоту, и только из дому, а лисичка как тут; прибежала, заколола одну курочку, изжарила и скушала. Воротился Кузенька, хвать — нет курочки! и думает: верно, коршун утащил. На другой день пошел опять на охоту. Попадается ему навстречу лисичка и спрашивает: «Куда, Кузенька, идешь?» — «На охоту, лисичка!» — «Ну, прощай!» — и тотчас же побежала к нему в избу, заколола курочку, изжарила и скушала. Пришел домой Кузенька, хватился курочки — нету! Пало ему в догадку: «Уж не лисичка ли кушает моих курочек?»

Вот на третий день он крепко-накрепко заколотил у себя в избе окна и двери, а сам пустился на промысел. Неоткуль взялась лисичка и спрашивает: «Куда идешь, Кузенька?» — «На охоту, лисичка!» Лисичка тут же и побежала к дому Кузеньки, а он поворотил да вслед за нею. Прибежала лисичка, обошла кругом избу, видит: окна и двери заколочены крепко-накрепко, как попасть в избу? Взяла да и спустилась в трубу. Тут Кузенька и поймал лисичку. «Ба,— говорит,— вот какой вор ко мне жалует. Постой-ка, сударушка, я тебя теперь живу из рук не выпущу!» Лисичка стала просить Кузеньку: «Не убивай меня! Я тебя сделаю Козьмою Скоробогатым, только изжарь для меня одну курочку с маслечком пожирнее». Кузенька согласился, а лисонька, накушавшись такого жирного обеда, побежала на царские заповедные луга и стала на тех заповедных лугах кататься.

Бежит волк и говорит: «Эх ты, проклятая лиса! Где ты так жирно обтрескалась?» — «Ах, любезный волченёк-куманек! Ведь я была у царя на пиру. Неужели тебя, куманек, не звали? А нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо!» Волк и просит: «Лисонька, не сведешь ли и меня к царю на обед?» Лисичка обещалась и велела собрать сорок сороков серых волков и привести с собою. Волк согнал сорок сороков серых волков. Лиса повела их к царю; как привела, сейчас же вошла в белокаменные палаты и поклонилась царю сороком сороков серых волков от Козьмы Скоробогатого. Царь весьма тому обрадовался, приказал всех волков загнать в ограду и запереть накрепко. А лисичка бросилась к Кузеньке: прибежала, велела зажарить еще одну курочку; пообедала сытно и пустилась на заповедные луга и стала кататься по траве.

Бежит медведь мимо, увидел лисоньку и говорит: «Эк ведь

ты, проклятая хвостомеля, как обтрескалась!» Она отвечает: «Я была у царя в гостях; нас там было всяких разных зверей, куниц, соболей, видимо-невидимо! Да и теперь еще остались — пируют волки. Ты знаешь, любезный куманек, какие они объедалы! По сию пору всё обедают». Мишка и просит: «Лисонька, не сведешь ли и меня на царский обед?» Лисичка согласилась и велела ему собрать сорок сороков черных медведей: «Для одного тебя царь-де и беспокоиться не захочет». Мишка собрал сорок сороков черных медведей. Лиса повела их к царю; привела и поклонилась ему сóроком сороков черных медведей от Козьмы Скоробогатого. Царь тому и рад, приказал загнать их и запереть накрепко. А лисичка отправилась к Кузеньке; прибежала и велела зажарить последнюю курочку с петушком. Кузенька не пожалел, зажарил ей последнюю курочку с петушком; лисичка скушала на здоровье и пустилась на заповедные луга и стала валяться по зеленой траве.

Бежит мимо соболь с куницею и спрашивает: «Эй ты, лукавая лиса, где так жирно накушалась?» — «Ах вы, соболь и куница! Я у царя в превеликом почете. У него нынче пир и обед на всяких зверей; я что-то порадела, таки много жирного поела; а что зверей на обеде-то было, видимо-невидимо! Только вас там и недоставало. Вы сами знаете волков, как они завистливы, будто сроду жирного не едали, о сю пору трескают у царя! А про косолапого Мишку и говорить нечего: он потуль ест, что чуть дышит!» Соболь и куница стали лису упрашивать: «Кумушка, своди ты нас к царю; мы хоть посмотрим». Лиса согласилась и велела им согнать к себе сорок сороков соболей и куниц. Согнали; лиса привела их во дворец и поклонилась царю сóроком сороков соболей и куниц от Козьмы Скоробогатого. Царь не может надивиться богатству Козьмы Скоробогатого, с радостью принял дар и приказал всех зверей перебить и поснимать с них шкуры.

На другой день лисичка опять прибежала к царю и говорит: «Ваше царское величество! Козьма Скоробогатый приказал тебе низко кланяться и попросить пудовки; нужно размеривать серебряны деньги. Свои-то пудовки все запростаны у него золотом». Царь без отказу дал лисе пудовку. Она прибежала к Кузеньке и велела мерить пудовкою песок, чтобы высветлить у ней бочок! Как высветлило, она заткнула в зауторы сколько-то мелких денег и понесла назад к царю. Пришла и стала сватать у него прекрасную царевну за Козьму Скоробогатого. Царь не отказывает, велит Козьме совсем изготовиться и приезжать. Поехал Кузенька к царю, а лисичка забежала вперед и подрядила работников подпилить мостик. Кузенька только что въехал на мостик — мостик вместе с ним и рушился в воду. Лисичка стала кричать: «Ахти! Пропал Козьма Скоробогатый!» Царь услышал и тотчас же послал

людей перехватить Козьму. Вот они перехватили его, переодели в нарядное платье и привели к царю.

Обвенчался он на царевне и живет у царя неделю и две. «Ну, говорит царь,— пойдем теперь, любезный зять, к тебе в гости». Козьме делать нечего, надо собираться. Запрягли лошадей и поехали. А лисичка отправилась вперед. Бежала, бежала, глядит: пастухи пасут стадо овец; она спрашивает их: «Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?» Пастухи отвечают: «Стадо царя Змиулана». Лисичка начала их учить: «Сказывайте всем, что это стадо Козьмы Скоробогатого, а то едут царь Огонь и царица Маланьи́ца; они всех вас сожгут и спалят, коли станете поминать царя Змиулана». Пастухи согласились. Лиса опять побежала вперед; добегает до коровьего стада царя Змиулана, потом до конского стада и велит пастухам сказывать, что эти стада Козьмы Скоробогатого, о царе же Змиулане ничего не говорить. Добегает лиса и до стада верблюжьего. «Пастухи, пастухи! Чье стадо пасете?» — «Царя Змиулана». Лиса строго запретила им сказывать о царе Змиулане, а велела говорить, что это стадо Козьмы Скоробогатого; а то царь Огонь и царица Маланьи́ца сожгут и спалят все стадо!

Лисонька опять побежала вперед, прибегает в царство царя Змиулана и прямо в белокаменные палаты. «Что скажешь, лисонька?» — «Ну, царь Змиулан, теперь-то надо скоро-наскоро спрятаться. Едет грозный царь Огонь и царица Маланьи́ца, всё жгут и палят. Стада твои и с пастухами прижгли; сначала овечье, потом свиное, а тут коровье и конское. Я не стала мешкать, пустилась к тебе сказать и чуть от дыма не задохлась!» Царь Змиулан закручинился-запечалился: «Ах, лисонька, куда же я подеваюсь?» — «Есть в твоем саду старый заповедный дуб, средина вся повыгнила; беги и схоронись в дупло, пока они мимо не проедут». Царь Змиулан вмиг собрался и по сказанному, как по писаному, сделал так, как лиса научила.

А Козьма Скоробогатый едет себе да едет с женою и тестем. Доезжают они до стада овечьего. Молодая княгиня и спрашивает: «Пастушки́, пастушки́, чье стадо пасете?» — «Козьмы Скоробогатого»,— отвечают пастухи. Царь тому и рад: «Ну, любезный зять, много же у тебя овец». Едут они дальше, доезжают до стада свиного. «Пастушки́, пастушки́,— спрашивает молодая княгиня,— чье стадо пасете?» — «Козьмы Скоробогатого».— «Ну, любезный зять, много же у тебя свиней». Едут они всё дальше и дальше; тут пасется стадо коровье, там конское, а там и верблюжье. Спросят у пастухов: «Чье стадо пасете?» — они знай себе отвечают одно: «Козьмы Скоробогатого».

Вот приехали к царскому дворцу; лисонька встречает и вводит

их в палаты белокаменные. Царь вошел и задивился; столь хорошо было убрано! Давай пировать, пить-есть и веселиться! Живут они день, живут и неделю. «Ну, Кузенька,— говорит лисонька,— перестань гулять, надо дело исправлять. Ступай с тестем в зеленый сад; в том саду стоит старый дуб, а в том дубе сидит царь Змиулан — от вас спрятался. Расстреляйте дерево на мелкие части!» Тогда Кузенька по сказанному, как по писаному, пошел вместе с тестем в зеленый сад, и стали они в тот дуб стрелять и убили царя Змиулана до смерти. Козьма Скоробогатый воцарился в том государстве, и стал он с царевною жить да поживать, и теперь живут — хлеб жуют. Лисоньку всякий день угощали они курочками, и она до тех пор у них гостила, докуда всех кур не испакости́ла.

ЕМЕЛЯ-ДУРАК

В некоторой было деревне: жил мужик, и у него было три сына, два было умных, а третий дурак, которого звали Емельяном. И как жил их отец долгое время, то и пришел в глубокую старость, призвал к себе сыновьев и говорил им: «Любезные дети! Я чувствую, что вам со мною недолго жить; оставляю вам дом и скотину, которые вы разделите на части ровно; также оставляю вам денег на каждого по сту рублев». После того вскоре отец их умер, и дети, похороня его честно, жили благополучно. Потом вздумали Емельяновы братья ехать в город торговать на те триста рублев, которые им отказаны были их отцом, и говорили они дураку Емельяну: «Послушай, дурак, мы поедем в город, возьмем с собой и твои сто рублей, а когда выторгуем, то барыш пополам, и купим тебе красный кафтан, красную шапку и красные сапоги. А ты останься дома; ежели что тебя заставят сделать наши жены, а твои невестки (ибо они были женаты), то ты сделай». Дурак, желая получить обещанные красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, отвечал братьям, что он будет делать все, что́ его заставят. После того братья его поехали в город, а дурак остался дома и жил с своими невестками.

Потом спустя несколько времени в один день, когда было зимнее время и был жестокий мороз, тогда говорили ему невестки, чтоб он сходил за водою. Но дурак, лежа на печи, сказал: «Да, а вы-то что?» Невестки закричали на него: «Как, дурак, мы-то что? Ведь ты видишь, какой мороз, что и мужчине в пору идти!» Но он говорил: «Я ленюсь!» Невестки опять на него закричали: «Как, ты ленишься? Ведь ты захочешь же есть, а когда не будет воды, то и сварить ничего нельзя». Притом сказали: «Добро ж,

мы скажем своим мужьям, когда они приедут, что хотя и купят они красный кафтан и все, но чтоб тебе ничего не давали», — что слыша дурак и желая получить красный кафтан и шапку принужден был идтить, слез с печи и начал обуваться и одеваться. И как совсем оделся, взял с собою ведро и топор, пошел на́ реку, ибо их деревня была подле самой реки, и как пришел на реку, то и начал пропрубать прорубь, и прорубил чрезвычайно большую. Потом почерпнул в ведра воды и поставил их на льду, а сам стоял подле проруби и смотрел в воду.

В то самое время увидел дурак, что плавала в той проруби пребольшая щука; а Емеля, сколько ни был глуп, однако ж пожелал ту щуку поймать, и для того стал он понемножку подходить; подошел к ней близко, ухватил вдруг ее рукою, вытащил из воды и, положив за пазуху, хотел идти домой. Но щука говорила ему: «Что ты, дурак! На что ты меня поймал?» — «Как на что? — говорил он.— Я тебя отнесу домой и велю невесткам сварить».— «Нет, дурак, не носи ты меня домой; отпусти ты меня опять в воду; я тебя за то сделаю человеком богатым». Но дурак ей не верил и хотел идти домой. Щука, видя, что дурак ее не отпускает, говорила: «Слушай, дурак, пусти ж ты меня в воду; я тебе сделаю то: чего ты ни пожелаешь, то все по твоему желанию исполнится». Дурак, слыша сие, весьма обрадовался, ибо он был чрезвычайно ленив, и думал сам себе: «Когда щука сделает так, что чего я ни пожелаю — все будет готово, то я уже работать ничего не буду!» Говорил он щуке: «Я тебя отпущу, только ты сделай то, что обещаешь!» — на что отвечала щука: «Ты прежде пусти меня в воду, а я обещание свое исполню». Но дурак говорил ей, чтоб она прежде свое обещание исполнила, а потом он ее отпустит. Щука, видя, что он не хочет ее пускать в воду, говорила: «Ежели ты желаешь, чтоб я тебе сказала, как сделать, чего не пожелаешь, то надобно, чтобы ты теперь же сказал, чего хочешь». Дурак говорил ей: «Я хочу, чтоб мои ведра с водою сами пошли на́ гору (ибо деревня та была на горе) и чтоб вода не расплескалась». Щука тотчас ему говорила: «Ничего, не расплещется! Только помни слова, которые я стану сказывать; вот в чем те слова состоят: по щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на́ гору!» Дурак после ее говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ступайте, ведра, сами на́ гору!» — и тотчас ведра с коромыслом пошли сами на́ гору. Емеля, видя сие, весьма удивился; потом говорил щуке: «Все ли так будет?» На что щука отвечала, что «все то будет, чего только пожелаешь; не забудь только те слова, которые я тебе сказывала». После того пустил он щуку в воду, а сам пошел за ведрами. Соседи его, видя то, удивлялись и говорили меж собою: «Что это дурак делает? Ведра с водою идут са-

ми, а он идет за ними». Но Емеля, не говоря ничего с ними, пришел домой; ведра взошли в избу и стали на лавку, а дурак влез на печь.

Потом спустя несколько времени говорили ему опять невестки: «Емеля, что ты лежишь? Ты бы пошел дров нарубил». Но дурак говорил: «Да, а вы-то что?» — «Как мы что? — вскричали на него невестки.— Ведь теперь зима, и ежели ты не пойдешь рубить дров, так тебе ж будет холодно».— «Я ленюсь!» — говорил дурак. «Как ленишься? — говорили ему невестки.— Ведь ты же озябнешь». Притом они говорили: «Ежели ты не пойдешь рубить дров, так мы скажем своим мужьям, чтоб они тебе не давали ни красного кафтана, ни красной шапки, ни красных сапогов». Дурак, желая получить красный кафтан, шапку и сапоги, принужден был нарубить дров; но как он был чрезвычайно ленив и не хотелось ему слезать с печи, то говорил потихоньку, на печи лежа, сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, топор, поди наруби дров, а вы, дрова, сами в избу идите и в печь кладитесь». Топор откуда ни взялся — выскочил на двор и начал рубить; а дрова сами в избу шли и в печь клались, что видя, его невестки весьма удивились Емельяновой хитрости. И так каждый день, когда только дураку велят нарубить дров, то топор и нарубит.

И жил он с невестками несколько времени, потом невестки говорили ему: «Емеля, таперича нету дров у нас; съезди в лес и наруби». Дурак им говорил: «Да, а вы-то что?» — «Как мы что? — отвечали невестки.— Ведь лес далече, и теперь зима, так холодно ехать нам в лес за дровами». Но дурак им говорил: «Я ленюсь!» — «Как, ленишься? — говорили ему невестки.— Ведь тебе же будет холодно; а ежели ты не пойдешь, то когда приедут твои братья, а наши мужья, то мы не велим им ничего тебе давать: ни кафтана красного, ни шапки красной, ни сапог красных». Дурак, желая получить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги, принужден был ехать в лес за дровами и, встав, слез с печи и начал скорее обуваться и одеваться.

И как совсем оделся, то вышел на двор и вытащил из-под навесу сани, взял с собою веревку и топор, сел в сани и говорил своим невесткам отворить ворота. Невестки, видя, что он едет в санях, да без лошади, ибо дурак лошади не запрягал, говорили ему: «Что ты, Емеля, сел в сани, а лошадь не запряг?» Но он говорил, что лошади ему не надо, а только чтоб отворили ему ворота. Невестки отворили ворота, а дурак, сидя в санях, говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, сани, ступайте в лес!» После сих слов сани тотчас поехали со двора, что видя, живущие в той деревне мужики удивлялись, что Емеля ехал в санях и без лошади, и так шибко: хотя бы пара лошадей была запря-

жена, то нельзя бы шибче ехать! И как надобно было дураку ехать в лес через город, то и поехал он по оному городу; но как не знал, что надобно кричать для того, чтобы не передавить народу, то он ехал и не кричал, чтоб посторонились, и передавил множество народу, и хотя за ним гнались, однако догнать его не могли.

Емеля уехал из города, а приехав к лесу, остановился и вылез из своих саней и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-тка, топор, руби-ка дрова, а вы, поленья, сами кладитесь в сани и вяжитесь!» Лишь только сказал дурак сии слова, топор начал рубить дрова, а поленья сами клались в сани и веревкой вязались. После того как нарубил он дров, велел еще топору вырубить одну дубинку. Как топор вырубил, то он сел на воз и говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжайте, сани, домой сами». Тотчас и поехали они весьма шибко, и как подъехал он к тому городу, в котором он уже передавил много народу, там уже дожидались его, чтоб поймать; и как въехал в город, то его поймали и стали тащить с возу долой; притом начали его бить. Дурак, видя, что его тащат и бьют, потихоньку сказал сии слова: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» В тот час выскочила дубинка и начала всех бить. И как народ бросился бежать, дурак поехал из городу домой, а дубинка когда всех перебила, то покатилась вслед за ним же. И как приехал Емеля домой, то и влез на печь.

После того как он уехал из города, стали поговаривать об нем везде — не столько о том, что он передавил множество народу, сколько удивлялись тому, что он ехал в санях без лошади. Мало-помалу речи сии дошли до самого короля. Как король услышал, то чрезвычайно захотел его видеть и для того послал одного офицера и дал ему несколько солдат, чтоб его сыскать. Посланный от короля офицер поехал немедленно из города и напал на ту дорогу, по которой ездил дурак в лес. И как приехал офицер в ту деревню, где жил Емеля, то позвал к себе старосту и сказал ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб взять его и привезти к королю». Староста тотчас показал тот двор, где жил Емеля, и офицер взошел в избу и спрашивал: «Где дурак?», а он, лежа на печи, отвечал: «На что тебе?» — «Как на что? Одевайся скорей; я повезу тебя к королю». Но Емеля говорил: «А что мне там делать?» Офицер на него рассердился за неучтивые слова и ударил его по щеке. Дурак, видя, что его бьют, сказал потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью ну-ка, дубинка, отломай-ка им руки и ноги!» Дубинка тотчас выскочила и начала их бить и перебила всех — как офицера, так и солдат. Офицер принужден был ехать назад; и как приехал в город, то и доложил королю, что дурак всех перебил. Король весьма удивился и не верил тому,

чтобы мог он всех перебить; однако выбрал король умного человека, которого послал с тем, чтобы, как только возможно, привез дурака — хоть обманом.

Посланный от короля поехал и как приехал в ту деревню, где жил Емеля, то призвал к себе старосту и говорил ему: «Я прислан от короля за вашим дураком, чтоб его привезть; а ты призови мне тех, с кем он живет». Староста тотчас побежал и привел его невесток. Посланный от короля спрашивал их: «Что дурак любит?» Невестки ему отвечали: «Милостивый государь наш, дурак любит — ежели станешь просить неотступно о чем, он откажет раз и другой, а в третий уже не откажет и сделает; не любит он того, кто с ним грубо поступает». Посланный от короля отпустил их и не велел сказывать Емеле, что он призывал их к себе. После того накупил изюму, черносливу и винных ягод, пошел к дураку и как пришел в избу, то, подойдя к печи, говорил: «Что ты, Емеля, лежишь на печи?» — и дает ему изюму, черносливу и винных ягод и просит: «Поедем, Емеля, к королю со мною, я тебя отвезу». Но дурак говорил: «Мне и тут тепло!» — ибо он ничего, кроме тепла, не любил. А посланный начал его просить: «Пожалуйста, Емеля, поедем; там тебе будет хорошо!» Дурак говорил: «Я ленюсь!» Посланный стал просить его: «Пожалуйста, поедем; там тебе король велит сшить красный кафтан, красную шапку и красные сапоги».

Дурак, услыша, что красный кафтан велят ему сшить, ежели поедет, говорил: «Поезжай же ты вперед, а я за тобой буду». Посланный не стал ему более докучать, отошел от него и спрашивал тихонько у его невесток: «Не обманывает ли меня дурак?» Но они уверяли, что он не обманет. Посланный поехал назад, а дурак после его полежал еще на печи и говорил: «Ох, как мне не хочется к королю ехать; но так уж и быть!» Потом говорил: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью поезжай-ка, печь, прямо в город!» Тотчас изба затрещала, и печь вон пошла из избы и как сошла со двора, то и поехала печь столь шибко, что и догнать нельзя; и он догнал еще на дороге того посланного, который за ним ездил, а во дворец с ним приехал.

Как король увидел, что приехал дурак, то и вышел со всеми своими министрами его смотреть и, видя, что Емеля приехал на печи, ничего не говорил; потом спрашивал его король: «Для чего ты столько передавил народу, как ездил за дровами в лес?» Но Емеля говорил: «Я чем виноват! Для чего они не посторонились?» И в то время подошла к окошку королевская дочь и смотрела на дурака, а Емеля нечаянно взглянул на то окошко, в которое она смотрела, и видя дурак ее весьма прекрасною — говорил тихонько: «Кабы по щучьему веленью, а по моему прошенью влюбилась

этакая красавица в меня!» Лишь только сии слова выговорил, королевская дочь посмотрела на него и влюбилась. А дурак после того сказал: «Ну-ка, по щучьему веленью, а по моему прошенью ступай-ка, печь, домой!» Тотчас поехала печь домой, а приехавши — опять стала на прежнем месте.

Емеля жил после того несколько времени благополучно; но в городе у короля происходило другое, ибо по дураковым словам королевская дочь влюбилась и стала просить отца своего, чтоб выдал ее за дурака замуж. Король за то весьма рассердился на дурака и не знал, как его взять. В то время доложили королю министры, чтоб послать того офицера, который прежде ездил за Емелей и не умел его взять; за вину его король, по их совету, приказал представить того офицера. Как офицер перед ним предстал, тогда король говорил ему: «Слушай, друг мой, я тебя прежде посылал за дураком, но ты его не привез; за вину твою посылаю тебя в другой раз, чтобы ты привез непременно его; ежели привезешь, то будешь награжден, а ежели не привезешь, то будешь наказан». Офицер выслушал короля и поехал немедленно за дураком, а как приехал в ту деревню, то призвал опять старосту и говорил ему: «Вот тебе деньги: купи все, что надобно, завтра к обеду и позови Емелю, и как будет он к тебе обедать, то пой его дóпьяна, пока спать ляжет».

Староста знал, что он приехал от короля, принужден был его послушаться и скупил все то и позвал дурака. Как Емеля сказал, что будет, то офицер его дожидался с великою радостию. На другой день пришел дурак; староста начал его поить и напоил его допьяна, так что Емеля лег спать. Офицер, видя, что он спит, тотчас связал его и приказал подать кибитку, и как подали, то и положили дурака; потом сел и офицер в кибитку и повез его в город. И как подъехал он к городу, то и повез его прямо во дворец. Министры доложили королю о приезде того офицера. И как скоро король услышал, то немедленно приказал принести большую бочку и чтоб набиты были на ней железные обручи. Тотчас была сделана и принесена оная бочка к королю. Король, видя, что все готово, приказал посадить в ту бочку свою дочь и дурака и велел их засмолить; а как их посадили в бочку и засмолили, то король при себе ж велел пустить ту бочку в море. И по его приказанию немедленно ее пустили, и король возвратился в свой город.

А бочка, пущенная по морю, плыла несколько часов; дурак все то время спал, а как проснулся и видя, что темно, спрашивал сам у себя: «Где я?» — ибо думал, что он один. Принцесса ему говорила: «Ты, Емеля, в бочке, да и я с тобою посажена».— «А ты кто?» — спросил дурак. «Я — королевская дочь»,— отвечала она и рассказала ему, за что она посажена с ним вместе в бочку; потом

просила его, чтоб он освободил себя и ее из бочки. Но он говорил: «Мне и тут тепло!» — «Сделай милость,— говорила принцесса,— сжалься на мои слезы; избавь меня и себя из этой бочки».— «Как же не так,— говорил Емеля,— я ленюсь!» Принцесса опять начала его просить: «Сделай милость, Емеля, избавь меня из этой бочки и не дай мне умереть». Дурак, будучи тронут ее просьбою и слезами, сказал ей: «Хорошо, я для тебя это сделаю». После того говорил потихоньку: «По щучьему веленью, а по моему прошенью выкинька ты, море, эту бочку, в которой мы сидим, на берег — на сухое место, только чтоб поближе к нашему государству; а ты, бочка, как на сухом месте будешь, то сама расшибися!»

Только успел дурак выговорить эти слова, как море начало волноваться и в тот час выкинуло бочку на берег — на сухое место, а бочка сама рассыпалась. Емеля встал и пошел с принцессою по тому месту, куда их выкинуло, и увидел дурак, что они были на весьма прекрасном острове, на котором было премножество разных деревьев со всякими плодами. Принцесса, все то видя, весьма радовалась, что они на таком прекрасном острове; а после того говорила: «Что ж, Емеля, где мы будем жить? Ибо нет здесь и шалаша». Но дурак говорил: «Вот ты уж многого требуешь!» — «Сделай милость, Емеля, вели поставить какой-нибудь домик,— говорила принцесса,— чтобы можно было нам где во время дождя укрыться»; ибо принцесса знала, что он все может сделать, если захочет. Но дурак сказал: «Я ленюсь!» Она опять начала его просить, и Емеля, будучи тронут ее просьбой, принужден был для нее то сделать; он отошел от нее и говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью будь среди этого острова дворец лучше королевского и чтоб от моего дворца и до королевского был хрустальный мост, а во дворце чтобы были разного звания люди». И лишь успел выговорить сии слова, то в ту ж минуту и появился преогромный дворец и хрустальный мост. Дурак взошел с принцессою во дворец и увидел, что в покоях весьма богатое было убранство и множество людей, как лакеев, так и всяких разносчиков, которые ожидали от дурака повеления. Дурак, видя, что все люди как люди, а он один был нехорош и глуп, захотел сделаться получше и для того говорил: «По щучьему веленью, а по моему прошенью кабы я сделался такой молодец, чтоб мне не было подобного и чтоб был я чрезвычайно умен!» И лишь успел выговорить, то в ту же минуту сделался так прекрасен, а притом и умен, что все удивлялись.

После того послал Емеля из своих слуг к королю, чтоб звать его к себе и со всеми министрами. Посланный от Емели поехал к королю по тому хрустальному мосту, который сделал дурак; и как приехал во дворец, то министры представили его пред короля,

и посланный от Емели говорил: «Милостивый государь! Я прислан от моего господина с покорностию просить вас к нему кушать». Король спрашивал: «Кто таков твой господин?» Но посланный ему отвечал: «Я не могу вам сказать про него (ибо дурак ему сказывать не велел про себя, кто он таков); о моем господине ничего не известно; а когда вы будете кушать у него, в то время и скажет о себе». Любопытствуя знать, кто прислал звать его, король сказал посланному, что он непременно будет. Когда посланный ушел, король тотчас поехал вслед за ним со всеми министрами. Посланный, возвратясь назад, сказал, что король непременно будет, и только сказал — а король и едет к дураку по тому мосту хрустальному, и с принцами.

И как приехал король во дворец, то Емеля вышел навстречу, принимал его за белые руки, целовал во уста сахарные, ласково вводил его в свой белокаменный дворец, сажал его за столы дубовые, за скатерти браные, за кушанья сахарные, за питья медовые. За столом король и министры пили, ели и веселились; а как встали из-за стола и сели по местам, то дурак говорил королю: «Милостивый государь, узнаете ли вы меня, кто я таков?» И как Емеля был в то время в пребогатом платье, а притом лицом был весьма прекрасен, то и нельзя было узнать его, почему король и говорил, что он не знает. Но дурак говорил: «Помните ли, милостивый государь, как дурак к вам приезжал на печи во дворец и вы его и с дочерью, засмоля в бочку, пустили в море? Итак, узнайте теперь меня, что я — тот самый Емеля!» Король, видя его пред собою, весьма испугался и не знал, что делать; а дурак в то время пошел за его дочерью и привел ее пред короля. Король, увидя дочь свою, весьма обрадовался и говорил дураку: «Я пред тобою весьма виноват и за то отдаю за тебя в замужество дочь мою». Дурак, слыша сие, с покорностью благодарил короля, и как у Емели все было готово к свадьбе, то в тот же день праздновали ее с великолепием. А на другой день дурак сделал великолепный пир для всех министров, а для простого народу выставлены были чаны с разными напитками. И как веселье отошло, то король отдавал ему свое королевство; но он не захотел. После того король поехал в свое королевство, а дурак остался в своем дворце и жил благополучно.

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Жил-был бедный мужичок; сколько он ни трудился, сколько ни работал — все нет ничего! «Эх,— думает сам с собой,— доля моя горькая! Все дни за хозяйством убиваюсь, а того и смотри —

придется с голоду помирать; а вот сосед мой всю жизнь на боку лежит, и что же? — хозяйство большое, барыши сами в карман плывут. Видно, я богу не угодил; стану я с утра до вечера молиться, авось господь и смилуется». Начал он богу молиться; по целым дням голодает, а все молится. Наступил светлый праздник, ударили к заутрене. Бедный думает: «Все люди станут разгавливаться, а у меня ни куска нету! Пойду хоть воды принесу — уже вместо щей похлебаю». Взял ведерко, пошел к колодцу и только закинул в воду — вдруг попалась ему в ведерко большущая щука. Обрадовался мужик: «Вот и я с праздником! Наварю ухи и всласть пообедаю». Говорит ему щука человечьим голосом: «Отпусти меня, добрый человек, на волю; я тебя счастливым сделаю: чего душа твоя пожелает, все у тебя будет! Только скажи: по щучьему веленью, по божьему благословенью явись то-то и то-то — сейчас явится!» Убогий бросил щуку в колодец, пришел в избу, сел за стол и говорит: «По щучьему веленью, по божьему благословенью будь стол накрыт и обед готов!» Вдруг откуда что взялось — появились на столе всякие кушанья и напитки; хоть царя угощай, так не стыдно будет! Убогий перекрестился: «Слава тебе господи! Есть чем разговеться». Пошел в церковь, отстоял заутреню и обедню, воротился и стал разгавливаться; закусил-выпил, вышел за ворота и сел на лавочку.

На ту пору вздумала царевна по улицам прогуляться, идет с своими няньками и мамками и ради праздничка Христова раздает бедным милостыню; всем подала, а про этого мужичка и позабыла. Вот он и говорит про себя: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть царевна плод понесет и родит себе сына!» По тому слову царевна в ту ж минуту забрюхатела и через девять месяцев родила сына. Начал ее царь допрашивать. «Признавайся,— говорит,— с кем согрешила?» А царевна плачет и всячески клянется, что ни с кем не грешила: «И сама не ведаю, за что меня господь покарал!» Сколько царь ни допытывался, ничего не узнал.

Меж тем мальчик не по дням, а по часам растет; через неделю уж говорить стал. Царь созвал со всего царства бояр и думных людей, показывает их мальчику: не признает ли он кого за отца? Нет, мальчик молчит, никого отцом не обзывает. Приказал царь нянькам и мамкам нести его по всем дворам, по всем улицам и казать всякого чина людям и женатым и холостым. Няньки и мамки понесли ребенка по всем дворам, по всем улицам; ходили-ходили, он все молчит. Подошли, наконец, к избушке бедного мужика; как только увидал мальчик того мужика, сейчас потянулся к нему ручонками и закричал: «Тятя, тятя!» Доложили про то государю, привели во дворец убогого; царь стал его допрашивать: «Признавайся по

чистой по совести — твой это ребенок?» — «Нет, божий!» Царь разгневался, обвенчал убогого на царевне, а после венца приказал их вместе с ребенком посадить в большую бочку, засмолить смолою и пустить в открытое море.

Вот поплыла бочка по́ морю, понесли ее буйные ветры и прибили к далекому берегу. Слышит убогий, что вода под ними не колышется, и говорит таково слово: «По щучьему веленью, по божьему благословенью распадись, бочка, на сухом месте!» Бочка развалилася; вылезли они на сухое место и пошли куда глаза глядят. Шли-шли, шли-шли, есть-пить нечего, царевна совсем отощала, едва ноги переставляет. «Что,— спрашивает убогий,— знаешь теперь, какова жажда и голод?» — «Знаю!» — отвечает царевна. «Вот так-то и бедные мучатся; а ты не хотела мне на Христов день и милостынки подать!» Потом говорит убогий: «По щучьему веленью, по божьему благословенью стань здесь богатый дворец — чтоб лучше во всем свете не было, и с садами, и с прудами, и со всякими пристройками!»

Только вымолвил — явился богатый дворец; выбегают из дворца слуги верные, берут их под руки, ведут в палаты белокаменные и сажают за столы дубовые, за скатерти браные. Чудно в палатах убрано, изукрашено; на столах всего наготовлено: и ви́на, и сласти, и кушанья. Убогий и царевна напились, наелись, отдохнули и пошли в сад гулять. «Всем бы здесь хорошо,— говорит царевна.— только жаль, что нет никакой птицы на наших прудах».— «Подожди, будет и птица!» — отвечал убогий и тотчас вымолвил: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть плавают на этом пруде двенадцать уток, тринадцатый селезень — у всех бы у них одно перо было золотое, другое серебряное; да был бы у селезня чуб на голове бриллиантовый!» Глядь — плывут по воде двенадцать уток и селезень — одно перо золотое, другое серебряное; на голове у селезня чуб бриллиантовый.

Вот так-то живет царевна с своим мужем без горя, без печали, а сын ее растет да растет; вырос большой, почуял в себе силу великую и стал у отца, у матери проситься поехать по белу свету да поискать себе невесты. Они его отпустили: «Ступай, сынок, с богом!» Он оседлал богатырского коня, сел и поехал в путь-дорогу. Попадается ему навстречу старая старуха: «Здравствуй, русский царевич! Куда ехать изволишь?» — «Еду, бабушка, невесты искать, а где искать — и сам не ведаю».— «Постой, я тебе скажу, дитятко! Поезжай ты за море в тридесятое королевство; там есть королевна — такая красавица, что весь свет изъездишь, а лучше ее нигде не сыщешь!» Добрый мо́лодец поблагодарил старуху, приехал к пристани, нанял корабль и поплыл в тридесятое королевство.

Долго ли, коротко ли плыл он по́ морю, скоро сказка сказывает-

ся, не скоро дело делается — приезжает в то королевство, явился к тамошнему королю и стал за его дочь свататься. Говорит ему король: «Не ты один за мою дочь сватаешься; есть у нас еще жених — сильномогучий богатырь; коли ему отказать, он все мое государство разорит».— «А мне откажешь — я разорю!» — «Что ты! Лучше померяйся с ним силою: кто из вас победит, за того и дочь отдам».— «Ладно! Созывай всех царей и царевичей, королей и королевичей на честно́й бой поглядеть, на свадьбе погулять». Тотчас посланы были гонцы в разные стороны, и года не прошло, как собрались со всех окрестных земель цари и царевичи, короли и королевичи; приехал и тот царь, что свою родную дочь в бочку засмолил да в море пустил. В назначенный день вышли богатыри на смертный бой; бились, бились, от их ударов земля стонала, леса приклонялись, реки волновались; сын царевны осилил своего супротивника — снес с него буйную голову.

Подбежали тут королевские бояре, взяли доброго мо́лодца под руки и повели во дворец; на другой день обвенчался он с королевною, а как отпировали свадьбу, стал звать всех царей и царевичей, королей и королевичей в гости к своему отцу, к матери. Поднялись все разом, снарядили корабли и поплыли по́ морю. Царевна со своим мужем встретили гостей с честию, и начались опять пиры да веселье. Цари и царевичи, короли и королевичи смотрят на дворец, на сады и дивуются: такого богатства нигде не видано, а больше всего показались им утки и селезень — за одну утку можно полцарства дать! Отпировали гости и вздумали домой ехать; не успели они до пристани добраться, как бегут за ними скорые гонцы: «Наш-де хозяин просит вас назад воротиться, хочет с вами тайный совет держать».

Цари и царевичи, короли и королевичи воротились назад; выступил к ним хозяин и стал говорить: «Разве этак добрые люди делают? Ведь у меня утка пропала! Окромя вас, некому взять!» — «Что ты взводишь напраслину? — отвечают ему цари и царевичи, короли и королевичи.— Это дело непригожее! Сейчас обыщи всех! Если найдешь у кого утку, делай с ним, что сам знаешь; а если не сыщешь, твоя голова долой!» — «Хорошо, я согласен!» — сказал хозяин, пошел по ряду и стал их обыскивать; как скоро дошла очередь до царевнина отца, он потихоньку и вымолвил: «По щучьему веленью, по божьему благословенью пусть у этого царя под полой кафтана будет утка привязана!» Взял, приподнял ему кафтан, а под полой как есть привязана утка — одно перо золотое, другое серебряное. Тут все прочие цари и царевичи, короли и королевичи громко засмеялись: «Ха-ха-ха! Вот каково! Уж цари воровать начали!» Царевнин отец всеми святыми клянется, что воровать — у него и на мыслях не было; а как к нему утка попа-

ла — того и сам не ведает. «Рассказывай! У тебя нашли, стало быть, ты один и виноват». Тут вышла царевна, бросилась к отцу и призналась, что она та самая дочь, которую выдал он за убогого замуж и посадил в смоляную бочку: «Батюшка! Ты не верил тогда моим словам, а вот теперь на себе спознал, что можно быть без вины виноватым». Рассказала ему, как и что было, и после того стали они все вместе жить-поживать, добра наживать, а лиха избывать.

СКАЗКА ОБ ИВА́НЕ-ЦАРЕВИЧЕ, ЖАР-ПТИЦЕ И О СЕРОМ ВОЛКЕ

В некотором было царстве, в некотором государстве был-жил царь, по имени Выслав Андронович. У него было три сына-царевича: первый — Димитрий-царевич, другой — Василий-царевич, а третий — Иван-царевич. У того царя Выслава Андроновича был сад такой богатый, что ни в котором государстве лучше того не было; в том саду росли разные дорогие деревья с плодами и без плодов, и была у царя одна яблоня любимая, и на той яблоне росли яблочки все золотые. Повадилась к царю Выславу в сад летать жар-птица; на ней перья золотые, а глаза восточному хрусталю подобны. Летала она в тот сад каждую ночь и садилась на любимую Выслава-царя яблоню, срывала с нее золотые яблочки и опять улетала. Царь Выслав Андронович весьма крушился о той яблоне, что жар-птица много яблок с нее сорвала; почему призвал к себе своих трех сыновей и сказал им: «Дети мои любезные! Кто из вас может поймать в моем саду жар-птицу? Кто изловит ее живую, тому еще при жизни моей отдам половину царства, а по смерти и все». Тогда дети его царевичи возопили единогласно: «Милостивый государь-батюшка, ваше царское величество! Мы с великою радостью будем стараться поймать жар-птицу живую».

На первую ночь пошел караулить в сад Димитрий-царевич и, усевшись под ту яблонь, с которой жар-птица яблочки срывала, заснул и не слыхал, как та жар-птица прилетала и яблок весьма много ощипала. Поутру царь Выслав Андронович призвал к себе своего сына Димитрия-царевича и спросил: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» Он родителю своему отвечал: «Нет, милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала». На другую ночь пошел в сад караулить жар-птицу Василий-царевич. Он сел под ту же яблонь и, сидя час и другой ночи, заснул так крепко, что не слыхал, как жар-птица прилетала и яб-

лочки щипала. Поутру царь Выслав призвал его к себе и спрашивал: «Что, сын мой любезный, видел ли ты жар-птицу или нет?» — «Милостивый государь-батюшка! Она эту ночь не прилетала».

На третью ночь пошел в сад караулить Иван-царевич и сел под ту же яблонь; сидит он час, другой и третий — вдруг осветило весь сад так, как бы многими огнями освещен был: прилетела жар-птица, села на яблоню и начала щипать яблочки. Иван-царевич подкрался к ней так искусно, что ухватил ее за хвост; однако не мог ее удержать: жар-птица вырвалась и полетела, и осталось у Ивана-царевича в руке только одно перо из хвоста, за которое он весьма крепко держался. Поутру, лишь только царь Выслав от сна пробудился, Иван-царевич пошел к нему и отдал ему перышко жар-птицы. Царь Выслав весьма был обрадован, что меньшому его сыну удалось хотя одно перо достать от жар-птицы. Это перо было так чудно и светло, что ежели принесть его в темную горницу, то оно так сияло, как бы в том покое было зажжено великое множество свеч. Царь Выслав положил то перышко в свой кабинет как такую вещь, которая должна вечно храниться. С тех пор жар-птица не летала уже в сад.

Царь Выслав опять призвал к себе детей своих и говорил им: «Дети мои любезные! Поезжайте, я даю вам свое благословение, отыщите жар-птицу и привезите ко мне живую; а что прежде я обещал, то, конечно, получит тот, кто жар-птицу ко мне привезет». Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословение. Царь Выслав сказал ему: «Сын мой любезный, чадо мое милое! Ты еще молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали. Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому». Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

Едучи путем-дорогою, близко ли, далеко ли, низко ли, высоко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, наконец приехал он в чистое поле, в зеленые луга. А в чистом поле стоит

столб, а на столбу написаны эти слова: «Кто поедет от столба сего прямо, тот будет голоден и холоден; кто поедет в правую сторону, тот будет здрав и жив, а конь его будет мертв; а кто поедет в левую сторону, тот сам будет убит, а конь его жив и здрав останется». Иван-царевич прочел эту надпись и поехал в правую сторону, держа на уме: хотя конь его и убит будет, зато сам жив останется и со временем может достать себе другого коня. Он ехал день, другой и третий — вдруг вышел ему навстречу пребольшой серый волк и сказал: «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич! Ведь ты читал, на столбе написано, что конь твой будет мертв; так зачем сюда едешь?» Волк вымолвил эти слова, разорвал коня Ивана-царевича надвое и пошел прочь в сторону.

Иван-царевич вельми сокрушался по своему коню, заплакал горько и пошел пеший. Он шел целый день и устал несказанно и только что хотел присесть отдохнуть, вдруг нагнал его серый волк и сказал ему: «Жаль мне тебя, Иван-царевич, что ты пеш изнурился; жаль мне и того, что я заел твоего доброго коня. Добро! Садись на меня, на серого волка, и скажи, куда тебя везти и зачем?» Иван-царевич сказал серому волку, куды ему ехать надобно; и серый волк помчался с ним пуще коня и чрез некоторое время как раз ночью привез Ивана-царевича к каменной стене не гораздо высокой, остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, слезай с меня, с серого волка, и полезай через эту каменную стену; тут за стеною сад, а в том саду жар-птица сидит в золотой клетке. Ты жар-птицу возьми, а золотую клетку не трогай; ежели клетку возьмешь, то тебе оттуда не уйти будет: тебя тотчас поймают!» Иван-царевич перелез через каменную стену в сад, увидел жар-птицу в золотой клетке и очень на нее прельстился. Вынул птицу из клетки и пошел назад, да потом одумался и сказал сам себе: «Что я взял жар-птицу без клетки, куда я ее посажу?» Воротился и лишь только снял золотую клетку — то вдруг пошел стук и гром по всему саду, ибо к той золотой клетке были струны приведены. Караульные тотчас проснулись, прибежали в сад, поймали Ивана-царевича с жар-птицею и привели к своему царю, которого звали Долматом. Царь Долмат весьма разгневался на Ивана-царевича и вскричал на него громким и сердитым голосом: «Как не стыдно тебе, младой юноша, воровать! Да кто ты таков, и которыя земли, и какого отца сын, и как тебя по имени зовут?» Иван-царевич ему молвил: «Я есмь из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иван-царевич. Твоя жар-птица повадилась к нам летать в сад по всякую ночь, и срывала с любимой отца моего яблони золотые яблочки, и почти все дерево испортила; для того послал меня мой родитель, чтобы сыскать жар-птицу и к нему привезть».— «Ох ты, младой юноша, Иван-царевич,— молвил царь Долмат,— пригоже ли так делать,

как ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе жар-птицу честно отдал; а теперь хорошо ли будет, когда я разошлю во все государства о тебе объявить, как ты в моем государстве нечестно поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу — съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство, и достанешь мне от царя Афрона коня златогривого, то я тебя в твоей вине прощу и жар-птицу тебе с великою честью отдам; а ежели не сослужишь этой службы, то дам о тебе знать во все государства, что ты нечестный вор». Иван-царевич пошел от царя Долмата в великой печали, обещая ему достать коня златогривого.

Пришел он к серому волку и рассказал ему обо всем, что ему царь Долмат говорил: «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк.— Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую клетку?» — «Виноват я перед тобою»,— сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! — молвил серый волк.— Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, аки стрела, и бежал он долго ли, коротко ли, наконец прибежал в государство царя Афрона ночью. И, пришедши к белокаменным царским конюшням, серый волк Ивану-царевичу сказал: «Ступай, Иван-царевич, в эти белокаменные конюшни (теперь караульные конюхи все крепко спят!) и бери ты коня златогривого. Только тут на стене висит золотая узда, ты ее не бери, а то худо тебе будет». Иван-царевич, вступая в белокаменные конюшни, взял коня и пошел было назад; но увидел на стене золотую узду и так прельстился, что снял ее с гвоздя, и только что снял — как вдруг пошел гром и шум по всем конюшням, потому что к той узде были струны приведены. Караульные конюхи тотчас проснулись, прибежали, Ивана-царевича поймали и повели к царю Афрону. Царь Афрон начал его спрашивать: «Ох ты гой еси, младой юноша! Скажи мне, из которого ты государства, и которого отца сын, и как тебя по имени зовут?» На что отвечал ему Иван-царевич: «Я сам из царства Выславова, сын царя Выслава Андроновича, а зовут меня Иваном-царевичем».— «Ох ты, младой юноша, Иван-царевич! — сказал ему царь Афрон.— Честного ли рыцаря это дело, которое ты сделал? Ты бы пришел ко мне, я бы тебе коня златогривого с честию отдал. А теперь хорошо ли тебе будет, когда я разошлю во все государства объявить, как ты нечестно в моем государстве поступил? Однако слушай, Иван-царевич! Ежели ты сослужишь мне службу и съездишь за тридевять земель, в тридесятое государство и достанешь мне королевну Елену Прекрасную, в которую я давно и душою и сердцем влюбился, а достать не могу, то я тебе эту вину прощу и коня златогривого с золотою уздою честно отдам. А ежели этой службы мне не сослужишь, то я о тебе

дам знать во все государства, что ты нечестный вор, и пропишу все. как ты в моем государстве дурно сделал». Тогда Иван-царевич обещался царю Афрону королевну Елену Прекрасную достать, а сам пошел из палат его и горько заплакал.

Пришел к серому волку и рассказал все, что с ним случилося. «Ох ты гой еси, младой юноша, Иван-царевич! — молвил ему серый волк.— Для чего ты слова моего не слушался и взял золотую узду?» — «Виноват я пред тобою»,— сказал волку Иван-царевич. «Добро, быть так! — продолжал серый волк.— Садись на меня, на серого волка; я тебя свезу, куды тебе надобно». Иван-царевич сел серому волку на спину; а волк побежал так скоро, как стрела, и бежал он, как бы в сказке сказать, недолгое время и, наконец, прибежал в государство королевны Елены Прекрасной. И, пришедши к золотой решетке, которая окружала чудесный сад, волк сказал Ивану-царевичу: «Ну, Иван-царевич, слезай теперь с меня, с серого волка, и ступай назад по той же дороге, по которой мы сюда пришли, и ожидай меня в чистом поле под зеленым дубом». Иван-царевич пошел, куда ему велено. Серый же волк сел близ той золотой решетки и дожидался, покуда пойдет прогуляться в сад королевна Елена Прекрасная. К вечеру, когда солнышко стало гораздо опущаться к западу, почему и в воздухе было не очень жарко. королевна Елена Прекрасная пошла в сад прогуливаться со своими нянюшками и с придворными боярынями. Когда она вошла в сад и подходила к тому месту, где серый волк сидел за решеткою,— вдруг серый волк перескочил через решетку в сад и ухватил королевну Елену Прекрасную, перескочил назад и побежал с нею что есть силы-мочи. Прибежал в чистое поле под зеленый дуб, где его Иван-царевич дожидался, и сказал ему: «Иван-царевич, садись поскорее на меня, на серого волка!» Иван-царевич сел на него, а серый волк помчал их обоих к государству царя Афрона. Няньки и мамки и все боярыни придворные, которые гуляли в саду с прекрасною королевною Еленою, побежали тотчас во дворец и послали в погоню, чтоб догнать серого волка; однако сколько гонцы ни гнались, не могли нагнать и воротились назад.

Иван-царевич, сидя на сером волке вместе с прекрасною королевною Еленою, возлюбил ее сердцем, а она Ивана-царевича; и когда серый волк прибежал в государство царя Афрона и Ивану-царевичу надобно было отвести прекрасную королевну Елену во дворец и отдать царю, тогда царевич весьма запечалился и начал слезно плакать. Серый волк спросил его: «О чем ты плачешь, Иван-царевич?» На то ему Иван-царевич отвечал: «Друг мой, серый волк! Как мне, доброму мо́лодцу, не плакать и не крушиться? Я сердцем возлюбил прекрасную королевну Елену, а теперь должен отдать ее царю Афрону за коня златогривого, а ежели ее

не отдам, то царь Афрон обесчестит меня во всех государствах».— «Служил я тебе много, Иван-царевич,— сказал серый волк,— сослужу и эту службу. Слушай, Иван-царевич: я сделаюсь прекрасной королевной Еленой, и ты меня отведи к царю Афрону и возьми коня златогривого; он меня почтет за настоящую королевну. И когда ты сядешь на коня златогривого и уедешь далеко, тогда я выпрошусь у царя Афрона в чистое поле погулять; и как он меня отпустит с нянюшками и с мамушками и со всеми придворными боярынями и буду я с ними в чистом поле, тогда ты меня вспомяни — и я опять у тебя буду». Серый волк вымолвил эти речи, ударился о сыру землю — и стал прекрасною королевною Еленою, так что никак и узнать нельзя, чтоб то не она была. Иван-царевич взял серого волка, пошел во дворец к царю Афрону, а прекрасной королевне Елене велел дожидаться за городом. Когда Иван-царевич пришел к царю Афрону с мнимою Еленою Прекрасною, то царь вельми возрадовался в сердце своем, что получил такое сокровище, которого он давно желал. Он принял ложную королевну, а коня златогривого вручил Ивану-царевичу. Иван-царевич сел на того коня и выехал за город; посадил с собою Елену Прекрасную и поехал, держа путь к государству царя Долмата. Серый же волк живет у царя Афрона день, другой и третий вместо прекрасной королевны Елены, а на четвертый день пришел к царю Афрону проситься в чистом поле погулять, чтоб разбить тоску-печаль лютую. Как возговорил ему царь Афрон: «Ах, прекрасная моя королевна Елена! Я для тебя все сделаю, отпущу тебя в чистое поле погулять». И тотчас приказал нянюшкам и мамушкам и всем придворным боярыням с прекрасною королевною идти в чистое поле гулять.

Иван же царевич ехал путем-дорогою с Еленою Прекрасною, разговаривал с нею и забыл было про серого волка; да потом вспомнил: «Ах, где-то мой серый волк?» Вдруг откуда ни взялся — стал он перед Иваном-царевичем и сказал ему: «Садись, Иван-царевич, на меня, на серого волка, а прекрасная королевна пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в государство царя Долмата. Ехали они долго ли, коротко ли и, доехав до того государства, за три версты от города остановились. Иван-царевич начал просить серого волка: «Слушай ты, друг мой любезный, серый волк! Сослужил ты мне много служб, сослужи мне и последнюю, а служба твоя будет вот какая: не можешь ли ты оборотиться в коня златогривого наместо этого, потому что с этим златогривым конем мне расстаться не хочется». Вдруг серый волк ударился о сырую землю — и стал конем златогривым. Иван-царевич, оставя прекрасную королевну Елену в зеленом лугу, сел на серого волка и поехал во дворец к царю Долмату. И как скоро туда

приехал, царь Долмат увидел Ивана-царевича, что едет он на коне златогривом, весьма обрадовался, тотчас вышел из палат своих, встретил царевича на широком дворе, поцеловал его во уста сахарные, взял его за правую руку и повел в палаты белокаменные. Царь Долмат для такой радости велел сотворить пир, и они сели за столы дубовые, за скатерти браные; пили, ели, забавлялися и веселилися ровно два дни, а на третий день царь Долмат вручил Ивану-царевичу жар-птицу с золотою клеткою. Царевич взял жар-птицу, пошел за город, сел на коня златогривого вместе с прекрасной королевной Еленою и поехал в свое отечество, в государство царя Выслава Андроновича. Царь же Долмат вздумал на другой день своего коня златогривого объездить в чистом поле; и лишь только разъярил коня, как он сбросил с себя царя Долмата и, оборотясь по-прежнему в серого волка, побежал и нагнал Ивана-царевича. «Иван-царевич! — сказал он.— Садись на меня, на серого волка, а королевна Елена Прекрасная пусть едет на коне златогривом». Иван-царевич сел на серого волка, и поехали они в путь. Как скоро довез серый волк Ивана-царевича до тех мест, где его коня разорвал, он остановился и сказал: «Ну, Иван-царевич, послужил я тебе довольно верою и правдою. Вот на сем месте разорвал я твоего коня надвое, до этого места и довез тебя. Слезай с меня, с серого волка, теперь есть у тебя конь златогривый, так ты сядь на него и поезжай, куда тебе надобно; а я тебе больше не слуга». Серый волк вымолвил эти слова и побежал в сторону; а Иван-царевич заплакал горько по сером волке и поехал в путь свой с прекрасною королевною.

Долго ли, коротко ли ехал он с прекрасною королевною Еленою на коне златогривом и, не доехав до своего государства за двадцать верст, остановился, слез с коня и вместе с прекрасною королевною лег отдохнуть от солнечного зною под деревом; коня златогривого привязал к тому же дереву, а клетку с жар-птицею поставил подле себя. Лежа на мягкой траве и ведя разговоры полюбовные, они крепко уснули. В то самое время братья Ивана-царевича, Димитрий и Василий царевичи, ездя по разным государствам и не найдя жар-птицы, возвращались в свое отечество с порожними руками; нечаянно наехали они на своего сонного брата Ивана-царевича с прекрасною королевною Еленою. Увидя на траве коня златогривого и жар-птицу в золотой клетке, весьма на них прельстилися и вздумали брата своего Ивана-царевича убить до смерти. Димитрий-царевич вынул из ножон меч свой, заколол Ивана-царевича и изрубил его на мелкие части; потом разбудил прекрасную королевну Елену и начал ее спрашивать: «Прекрасная девица! Которого ты государства и какого отца дочь и как тебя по имени зовут?» Прекрасная королевна Елена, увидя Ивана-царевича мертвого, крепко испуга-

лась, стала плакать горьким слезами и во слезах говорила: «Я королевна Елена Прекрасная, а достал меня Иван-царевич, которого вы злой смерти предали. Вы тогда б были добрые рыцари, если б выехали с ним в чистое поле да живого победили, а то убили сонного и тем какую себе похвалу получите? Сонный человек — что мертвый!» Тогда Димитрий-царевич приложил свой меч к сердцу прекрасной королевны Елены и сказал ей: «Слушай, Елена Прекрасная! Ты теперь в наших руках; мы повезем тебя к нашему батюшке, царю Выславу Андроновичу, и ты скажи ему, что мы и тебя достали, и жар-птицу, и коня златогривого. Ежели этого не скажешь, сейчас тебя смерти предам!» Прекрасная королевна Елена, испугавшись смерти, обещалась им и клялась всею святынею, что будет говорить так, как ей велено. Тогда Димитрий-царевич с Васильем-царевичем начали метать жребий, кому достанется прекрасная королевна Елена и кому конь златогривый? И жребий пал, что прекрасная королевна должна достаться Василию-царевичу, а конь златогривый Димитрию-царевичу. Тогда Василий-царевич взял прекрасную королевну Елену, посадил на своего доброго коня, а Димитрий-царевич сел на коня златогривого и взял жар-птицу, чтобы вручить ее родителю своему, царю Выславу Андроновичу, и поехали в путь.

Иван-царевич лежал мертв на том месте ровно тридцать дней, и в то время набежал на него серый волк и узнал по духу Ивана-царевича. Захотел помочь ему — оживить, да не знал, как это сделать. В то самое время увидел серый волк одного ворона и двух воронят, которые летали над трупом и хотели спуститься на землю и наесться мяса Ивана-царевича. Серый волк спрятался за куст, и как скоро воронята спустились на землю и начали есть тело Ивана-царевича, он выскочил из-за куста, схватил одного вороненка и хотел было разорвать его надвое. Тогда ворон спустился на землю, сел поодаль от серого волка и сказал ему: «Ох ты гой еси, серый волк! Не трогай моего младого детища; ведь он тебе ничего не сделал».— «Слушай, ворон воронович! — молвил серый волк.— Я твоего детища не трону и отпущу здрава и невредима, когда ты мне сослужишь службу: слетаешь за тридевять земель, в тридесятое государство и принесешь мне мертвой и живой воды». На то ворон воронович сказал серому волку: «Я тебе службу эту сослужу, только не тронь ничем моего сына». Выговоря эти слова, ворон полетел и скоро скрылся из виду. На третий день ворон прилетел и принес с собой два пузырька: в одном — живая вода, в другом — мертвая, и отдал те пузырьки серому волку. Серый волк взял пузырьки, разорвал вороненка надвое, спрыснул его мертвою водою — и тот вороненок сросся, спрыснул живою водою — вороненок встрепенулся и полетел. Потом серый волк спрыснул Ивана-

царевича мертвою водою — его тело срослося, спрыснул живою водою — Иван-царевич встал и промолвил: «Ах, куды как я долго спал!» На то сказал ему серый волк: «Да, Иван-царевич, спать бы тебе вечно, кабы не я; ведь тебя братья твои изрубили и прекрасную королевну Елену, и коня златогривого, и жар-птицу увезли с собою. Теперь поспешай как можно скорее в свое отечество; брат твой, Василий-царевич, женится сегодня на твоей невесте — на прекрасной королевне Елене. А чтоб тебе поскорее туда поспеть, садись лучше на меня, на серого волка; я тебя на себе донесу». Иван-царевич сел на серого волка; волк побежал с ним в государство царя Выслава Андроновича, и долго ли, коротко ли,— прибежал к городу. Иван-царевич слез с серого волка, пошел в город и, пришедши во дворец, застал, что брат его Василий-царевич женится на прекрасной королевне Елене: воротился с нею от венца и сидит за столом. Иван-царевич вошел в палаты, и как скоро Елена Прекрасная увидала его, тотчас выскочила из-за стола, начала целовать его в уста сахарные и закричала: «Вот мой любезный жених, Иван-царевич, а не тот злодей, который за столом сидит!» Тогда царь Выслав Андронович встал с места и начал прекрасную королевну Елену спрашивать, что бы такое то значило, о чем она говорила? Елена Прекрасная рассказала ему всю истинную правду, что и как было: как Иван-царевич добыл ее, коня златогривого и жар-птицу, как старшие братья убили его сонного до смерти и как стращали ее, чтоб говорила, будто все это они достали. Царь Выслав весьма осердился на Димитрия и Василия царевичей и посадил их в темницу; а Иван-царевич женился на прекрасной королевне Елене и начал с нею жить дружно, полюбовно, так что один без другого ниже единой минуты пробыть не могли.

ЖАР-ПТИЦА И ВАСИЛИСА-ЦАРЕВНА

Жил-был старик со старухою; у них не было детей, а взяли к себе приемыша. Когда приемыш вырос, то люди сбили его отойти от них. Идет он ни путем, ни дорогой, попадается ему старик и спрашивает: «Куда идешь, добрый мо́лодец?» — «Иду куда глаза глядят, сам не знаючи; жил я у добрых старичков в детях, да меня люди сбили, заставили их покинуть».— «Жаль мне тебя! Вот возьми, добрый мо́лодец, уздечку и ступай к такому-то озеру; там увидишь дерево, взлезь на него и спрячься. Прибегут семьдесят семь кобылиц, напьются, наедятся, наваляются и опять уйдут; прибежит

жеребеночек — обойди вокруг его, надень уздечку и поезжай куда угодно».

Приемыш взял уздечку и, как сказано, обошел вокруг жеребенка, сел на него и поехал. Ехал он много ли, мало ли, далеко ли, коротко ли и видит — на высокой горе что-то светлеется, словно жар горит; подъехал туда и усмотрел чудное перо. Слез с жеребенка, хочет перо поднять; говорит ему жеребенок: «Не бери этого пера, добрый мо́лодец, от него беда тебе будет!» Добрый мо́лодец не послушался, взял перо и поехал в другое царство; приехал и нанялся у одного министра в услужение. Царь увидал приемыша, стал хвалить его ловкость и проворство: где нужно было десятерым, а он один все делает! Министр и сказывает: «А знает ли, ваше царское величество, какое у него есть перо дивное?» Царь приказал принести перо — себе показать; полюбовался пером, и пришелся ему по душе приемыш — взял его к себе и сделал министром; а жеребенка на царскую конюшню поставили.

Вот прочим вельможам-то не показалося, за что-де царь его жалует? То холопом служил, а то в министры угодил. Идет мимо их ярыга и спрашивает: «О чем, братцы, задумались? Хотите, я вас научу: станьте-ка все вместе да носы повесьте; царь мимо вас пройдет и спросит: «О чем думаете? Аль невзгоду услыхали?» А вы отвечайте: «Нет, ваше величество! Дурного мы ничего не слыхали, а только слышали, что ваш молодой министр похваляется достать этого дивного пера птицу». Они так и сделали. Царь призывает своего молодого министра, сказывает, что про него слышал, и велит достать самую птицу. Добрый мо́лодец пришел к жеребенку, пал ему в ноги и говорит: «Обещал царю этого пера птицу достать».— «Вот я тебе сказывал: не бери пера — будет беда! Ну да это еще не беда, а победка. Поди, скажи царю, чтоб сделали тебе клетку — одни двери отворялись, а другие затворялись, и чтоб в этой клетке было два ящика — крупным и мелким жемчугом насыпаны». Добрый мо́лодец доложил царю, и тотчас все было исполнено. «Ну,— говорит жеребенок,— теперь поедем к такому-то дереву».

Приемыш приехал на сказанное место, клетку поставил на дерево, а сам в траву спрятался. Прилетела птица, увидала жемчуг и впорхнула в клетку — дверцы захлопнулись. Приемыш взял клетку, привез и отдает царю: «Вот, ваше величество, этого пера птица!» Царь еще больше его возлюбил, а вельможи пуще прежнего возненавидели, собрались и начали думу думать, как бы его извести? Идет ярыга и говорит тем вельможам: «Хотите, я вас научу? Сейчас мимо вас пройдет царь и спросит: «Какую думу думаете? Али что дурного слышали?» А вы скажи́те: «Слышали мы, что ваш молодой министр похваляется высватать в три месяца

ту прекрасную невесту, что ваше величество тридцать три года сватали, да не высватали».

Царь, слыша такие речи, крепко возрадовался, тотчас послал за своим молодым министром и приказал ему, чтобы непременно высватал ему ту прекрасную невесту. Тот обещался; пришел к жеребенку, пал ему в ноги и стал просить помощи. Отвечает жеребенок: «Говорил тебе: не бери пера — будет беда! Ну да это еще не беда, а победка. Поди, скажи царю, чтоб он велел сделать корабль, обить его красным бархатом и нагрузить златом-сéребром и разными драгоценными вещами и чтоб этот корабль и по воде плавал и по суше ходил». Приемыш доложил царю, и в короткое время все было исполнено. Сел он на корабль и жеребенка с собою взял. Побежал корабль пó суху, поплыл пó морю и, наконец, пристал в государство Царь-девицы.

На ту пору Царь-девица собиралась замуж выходить за какого-то короля; посылает она нянюшек и мамушек закупать, что ей к свадьбе надо; нянюшки да мамушки увидали корабль, прибежали к Царь-девице и повестили, что из дальних стран товары привезены. Царь-девица поехала на корабль, загляделась на разные заморские редкости, а того и не замечает, что корабль давным-давно назад пошел. Опомнилась, да уж поздно. «До сих пор,— промолвила,— ни один человек обмануть меня не мог, не знала я никого мудрее себя; а вот же выискался такой хитрец, что и меня провел!» Привезли ее к царю; тот ее за себя прочит, а она говорит: «Достань сундук с моими уборами, так пойду за тебя». Царь отдал приказ своему молодому министру; молодой министр выслушал, пошел к жеребенку и рассказал ему. Жеребенок говорит: «Поди теперь один по такой-то дороге; будешь ты сильно голодать, а что попадется навстречу — не моги того есть». Вот идет приемыш дорогою, попадается ему рак. Разобрал доброго молодца сильный голод: «Эх, съесть бы мне этого рака!» Отвечает рак: «Не ешь меня, добрый мóлодец! В некоторое время я тебе пригожусь». Идет дальше, попадается ему щука — на песке валяется. «Разве щуку съесть?» — «Не ешь меня, добрый мóлодец! — отвечает щука.— В некоторое время я тебе сама пригожусь». Подходит к реке, глядь — рак ключи несет, щука сундук тащит. Взял он ключи и сундук и отнес к царю.

Говорит тогда Царь-девица: «Сумели достать мое приданое, сумейте пригнать сюда семьдесят семь кобылиц моих, что в зеленых лугах промеж хрустальных гор пасутся». Царь приказал это дело своему молодому министру, а тот упал в ноги жеребенку и стал его просить. «Говорил я тебе: не бери пера — будет беда! — сказал жеребенок.— Ну да это еще не беда, а победка. Поди, скажи царю, чтобы велел конюшню построить — одни двери б отворялись,

а другие затворялись». Как сказано, так вскоре и сделано. Сел верхом добрый мо́лодец, поехал к тому же дереву, где прежде жеребенка добыл, и спрятался в траву. Прибежали кобылицы, напились-наелись и навалялись. «Ну,— говорит жеребенок,— садись скорей на меня да погоняй больше, чтобы я что есть силы скакал; не то кобылицы съедят нас!» Выскочил жеребенок с добрым молодцем и поскакал во весь дух; долго ли, коротко ли скакал и прямо в конюшню влетел, а кобылицы за ним. Только что успел жеребенок в другие двери выскочить — они и захлопнулись; кобылицы в конюшне остались.

Доложили царю, он пошел сказать Царь-девице, а та отвечала: «Тогда за тебя пойду, когда все семьдесят семь кобылиц будут выдоены». Царь приказывает своему министру, а он опять идет к жеребенку и слезно молит о помощи. «Поди, скажи царю, чтоб велел котел сделать, в который бы ровно семьдесят семь ведер входило». Сделали котел; жеребенок говорит своему хозяину: «Сними с меня уздечку, обойди кругом конюшни, потом смело садись под каждую кобылицу, дой по ведру и выливай в котел». Добрый мо́лодец так и сделал. Доложили царю, что кобылье молоко надоено; он к Царь-девице, а та отвечает: «Вели это молоко вскипятить, да в нем и выкупайся».

Царь позвал своего молодого министра и приказал ему то купанье наперед испробовать. Залился добрый мо́лодец горькими слезами, пришел к жеребенку, пал ему в ноги. «Теперь,— говорит,— мой конец настал!» А жеребенок в ответ: «Говорил я тебе: не тронь пера — будет беда! Вот она и пришла! Ну да делать нечего, надо тебя выручать; садись на меня, поезжай к озеру, нарви той самой травы, которую кобылицы едят, натопи ее да тем отваром с головы до ног и облейся». Добрый молодец сделал все, что ему жеребенок наказал, приехал, бросился в кипучее молоко, плавает в котле, купается — ничего ему не делается. Царь видит, что министр его совсем здоров, расхрабрился и сам туда ж бросился, да в ту ж минуту и сварился. Царь-девица выступила из терема, взяла доброго мо́лодца за руку и сказала: «Ведаю я все: не царь, а ты мои слова исполнял: я за тебя замуж иду!» И на другой же день сыграли они знатную свадьбу.

СКАЗКА О МОЛОДЦЕ-УДАЛЬЦЕ, МОЛОДИЛЬНЫХ ЯБЛОКАХ И ЖИВОЙ ВОДЕ

Один царь очень устарел и глазами обнищал, а слыхал он, что за девять девятин, в десятом царстве, есть сад с молодильными яблоками, а в нем колодец с живою водою; если съесть старику это

яблоко, то он помолодеет, а водой этой помазать глаза слепцу — он будет видеть. У царя этого было три сына. Вот он посылает старшего на коне верхом в этот сад за яблоком и водой: царю хочется и молодым быть и видеть. Сын сел на коня и отправился в далеко царство; ехал, ехал, приехал к одному столбу; на этом столбе написано три дороги: первая для коня сытна, а самому голодна, вторая — не быть самому живому, а третья коню голодна, самому сытна.

Вот он подумал-подумал и поехал по сытной для себя дороге; ехал, ехал, увидал в поле хороший-расхороший дом. Он подъехал к нему, поглядел-поглядел, растворил ворота, шапки не ломал, головы не склонял, на двор вскакал. Хозяйка этого двора, баба-вдова не больно стара, молодца к себе звала: «Добро пожалуй, гость дорогой!» В избу его ввела, за стол посадила, всякого яства накрошила и питья медового перевдоволь натащила. Вот молодец нагулялся и свалился спать на лавке. Хозяйка ему говорит: «Не честь молодцу, не хвала удальцу ложиться одному! Ляжь с моею дочкою, прекрасною Дунею». Он тому и рад. Дуня говорит ему: «Ляжь ко мне поплотней, будет нам теплей!» Он двинулся к ней и провалился сквозь кровать: там его заставили молоть сырой ржи, а вылезть оттуда не моги! Отец старшего сына ждал, ждал, и ожиданье потерял.

Царь второго сына отправил, чтоб яблоко и воды ему доставил. Он держал тот же путь и напал на ту же участь, как и старший его брат. От долгого жданья сыновьев царь больно-больно загоревался.

Младший сын начал просить у отца позволенья ехать в тот сад; а отец ни за что не хочет его отпустить и говорит ему: «Горе тебе, сынок! Когда старшие братья пропали, а ты молод, как вьюноша, ты скорее их пропадешь». Но он умоляет, отцу обещает, что он постарается для отца лучше всякого молодца. Отец думал, думал и благословил его на ту же дорогу. На пути до вдовина дома с ним случилось все то же, что и с старшими братьями. Подъехал он ко двору вдовину, слез с коня, постучал у ворот и спросился ночевать. Хозяйка обрадовалась ему, как и этим, просит его: «Добро пожалуй, гость наш нежданный!» Посадила его за стол, наставила всякого яства и питья, хоть завались! Вот он понаелся, хотел ложиться на лавке. Хозяйка и говорит: «Не честь молодцу, не хвала удальцу ложиться одному! Ляжь с моей прекрасною Дунею». А он говорит: «Нет, тетушка! Проезжему человеку не годится так, а надо в го́ловы кулак, а по́д бок так. Если б ты, тетушка, баньку мне истопила и с твоей дочерью в нее пустила».

Вот вдова баню жарко-разжарко натопила и его с прекрасною Дунею туда проводила. Дуня такая же, как мать, злоехидная была,

ввела его вперед и дверь в бане заперла, а сама в сенях покуда стала. Но молодец-удалец оттолкнул дверь и Дуню туда впер. У него было три прута: один железный, другой свинцовый, а третий чугунный, и начал этими прутьями Дуню хвостать. Она кричит, умоляет его; а он говорит: «Скажи, злая Дунька, куда девала моих братьев?» Она сказала, что у них в подполье мелют сырую рожь. Он пустил ее. Пришли в избу, навязали лестницу на лестницу и братьев оттуда вывели. Он их пустил домой; но им стыдно к отцу появиться — оттого, что с Дуней ложились и к черту не годились, и пошли они бродяжничать по полям и по лесам.

А молодец поехал дальше, ехал, ехал, подъехал к одному двору, вошел в избу: там сидит красна девица, ткет утирки. Он сказал: «Бог помочь тебе, красная девица!» А она ему: «Спасибо! Что, добрый молодец, от дела лытаешь или дело пытаешь?» — «Дело пытаю, красна девица! — сказал молодец.— Я еду за девять девятин, в десятое царство, в сад — за молодильными яблоками и за живой водой для своего старого и слепого батюшки». Она ему сказала: «Ну, мудро тебе, мудро-мудро добраться до этого сада; однако поезжай, на дороге живет другая моя сестра, заезжай к ней: она лучше меня знает и тебя научит, что делать». Вот он ехал, ехал, до другой сестры доехал; так же, как и с первой, поздоровался, рассказал ей об себе и куда едет. Она велела ему оставить своего коня у ней, а на ее двукрылом коне ехать к ее старшей сестре, которая научит, что делать: как побывать в саду и достать яблоко и воды. Вот он ехал, ехал, приехал к третьей сестре. Эта дала ему своего коня об четырех крыльях и приказала: «Смотри, в этом саду живет наша тетка, страшная ведьма; коли подъедешь к саду, не жалей моего коня, погоняй хорошенько, чтоб он сразу перелетел через стену; а если он зацепит за стену — на стене наведены струны с колокольчиками, струны заструнят, колокольчики зазвенят, она проснется, и ты от нее тогда не уедешь! У ней есть конь о шести крыльях; ты тому коню у крыльев подрежь жилки, чтоб она на нем тебя не догнала».

Он все так и сделал. Полетел через стену на своем коне, и конь хвостом зацепил не дюже за струну; струны заструнели, колокольчики зазвенели, но тихо: ведьма проснулась, да не разобрала хорошо голоса струн и колокольчиков, опять зевнула и уснула. А молодец-удалец с молодильным яблоком и живой водою ускакал; заезжая к сестрам, коней у них переменял и на своем опять помчался в свою землю. Поутру рано страшная ведьма заметила, что в саду у ней украдено яблоко и вода; она тут же села на своего шестикрылого коня, доскакала до первой племянницы, спрашивает ее: «Не проезжал ли тут кто?» Племянница сказала: «Проехал молодец-удалец, да уж давно!» Она поскакала дальше, спрашивает

у другой и у третьей; те то же ей сказали. Она еще поскакала и чуть-чуть не догнала, но уж молодец-удалец на свою землю пробрался и ее не опасался: сюда она скакать не смела, только на него посмотрела, от злости захрипела и так ему запела: «Ну, хорош ты, вор-воришка! Хороша твоя успешка! От меня успел ты ускакать, зато от братьев тебе непременно пропасть!» Так ему наворожила и домой поворотила.

Удалец наш приезжает в свою землю, видит — братья его, бродяги, в поле спят. Он пустил своего коня, не стал их будить, сам лег около и уснул. Братья проснулись, увидали, что брат их воротился в свою землю, легонько вынули у него сонного из пазухи молодильное яблоко, а его взяли да и бросили в пропасть. Он летел туда три дня, упал в подземельное темное царство, где люди все делают с огнем. Вот он куда ни пойдет — все люди такие кручинные и плачут. Он спрашивает об их кручине. Ему сказали, что у царя их одна и есть дочь — прекрасная царевна Полюша, и ее-то поведут завтра к змею на съедение; в этом царстве каждый месяц дают семиглавому змею по девице, так уж и ведется очередь девицам — уж такой у них закон! Ныне наступила очередь до царской дочери. Вот наш молодец узнал хорошенько об этом и пошел прямо к царю, говорит ему: «Я спасу, царь, твою дочь от змея, только ты сам сделай мне то, о чем буду тебя после просить». Царь обрадовался, обещал все для него сделать и выдать за него замуж свою дочь.

Вот пришел тот день: повели прекрасную царевну Полюшу к морю, в трехстенную крепость, а с нею пошел удалец. Он взял с собою железную палку в пять пудов. Остались там двое с царевной ждать змия; ждали, ждали, кой о чем покуда погутарили. Он ей рассказал о своем похождении и что у него есть живая вода. Вот молодец сказал прекрасной царевне Полюше: «Поищи покуда у меня в голове вши, а коли я усну и прилетит змей, то буди меня моей палкою, а так меня не добудишься!» — и лег к ней на колени. Она стала искать у него в голове; он уснул. Прилетел змей, начал виться над царевною. Она стала будить молодца, толкать его руками, а палкой ударить (как он велел) ей жалко: не добудилась и заплакала; слеза ее капнула ему на лицо — он проснулся и вскрикнул: «О, как ты меня чем-то гойно обожгла!» А змей стал уж спускаться на них. Молодец взял свою пятипудовую палку, махнул ею — и вдруг отшиб змею пять голов, в другой махнул наотмашь — и отшиб две последние; собрал все эти головы, положил их под стену, а туловище бросил в море.

Но какой-то баловня-детина видел все это и легонечко из-за стены подкрался, отсек молодцу голову и бросил его в море, а прекрасной царевне Полюше велел сказать отцу ее, царю, что он ее

устерег, а если она так не скажет, то он ее задушит. Делать нечего, Полюша поплакала-поплакала, и пошли они к отцу, царю. Царь их встрел. Она ему сказала, что этот детина ее уберег. Царь невесть как рад, тут же начал сбирать свадьбу. Гости наехались из иных земель: цари, короли да принцы, все пьют, гуляют и веселятся; одна царевна кручинна, зайдет где под сараем в уголок и заливается там горючими слезами о своем молодце-удальце.

Вот и вздумала она попросить своего батюшку, чтоб он послал ловить в море рыбу, и сама она пошла с рыболовами к морю: затянули невод, вытащили рыбы и бознать сколько! Она поглядела и сказала: «Нет, это не моя рыба!» Затянули в другой, вытащили голову и туловище молодца-удальца. Полюша скорей подбежала к нему, нашла у него в пазухе пузырек с живой водой, приставила к туловищу голову, примочила водой из пузырька — он и оживел. Она ему рассказала, как ее хочет взять постылый для нее детина. Удалец утешил ее и велел идти домой, а он сам придет и знает что делать.

Вот пришел удалец в царску палату, там все гости пьяные — играют да пляшут. Он сказался, что умеет играть песни на разные голоса. Ему все рады, заставили играть. Он заиграл им прежде веселую какую-то, прибасную — гости так и растаяли, что больно го́йно играет, дружка дружке расхвалили его; а там он заиграл кручинную такую, что все гости заплакали. Вот удалец спросил царя, кто уберег его дочь? Царь сказал, что этот детина. «Ну-ка, царь, пойдем к той крепости и со всеми гостями твоими; коли он достанет там змеиные головы, так я поверю, что он спас царевну Полюшу». Пришли все к крепости. Детина тянул, тянул и ни одной головы не вытянул, больно ему не под мочь. А молодец лишь взялся — и вытянул. Тут и царевна рассказала всю правду, кто ее устерег. Все признали, что удалец устерег цареву дочь; а детину привязали коню за хвост и размыкали по́ полю.

Царю хочется, чтоб молодец-удалец женился на его дочери; но удалец говорит: «Нет, царь, мне ничего не надо, а только вынеси меня на наш белый свет: я еще не докончил свой ответ батюшке, он меня теперь с живою водой ждет — ведь он слепым живет». Царь не может пригадать, как его на белый свет поднять; а дочь не хочет расстаться — захотела с ним подняться, говорит своему отцу, что у них есть птица-колпали́ца: она может их туда несть, только б было что ей в дороге есть.

Вот Полюша велела для птицы-колпали́цы целого быка убить и с собой его запасить. Потом простилась с подземельным царем, сели птице на хребет и понеслись на божий белый свет. Где больше птицу кормят, там она резче в вершки с ними поднималась; вот всего быка птице и стравили. Делать нечего, боятся, чтоб она не

опустила их опять вниз. Полюша взяла отрезала у себя кусок ляхи и птице отдала; а та их как раз на этот свет подняла и сказала: «Ну, всю дорогу вы меня хорошо кормили, но слаще последнего кусочка я отродясь не едала!» Полюша ей свою ляху развернула; птица ахнула и рыгнула: кусок еще цел. Молодец опять приставил его к ляхе, живой водицей примочил — и царевне ляху исцелил.

Тут пошли они домой. Отец, нашенский царь, их встрел, обрадовался невесть как! Удалец видит, что отец его от того яблока помолодел, но все еще слеп. Он тотчас помазал ему глаза живой водой. Царь стал видеть; тут он расцеловал своего сына-удальца и его невесту из темного царства. Удалец рассказал, как братья унесли у него яблоко и бросили его в подземелье. Братья так испугались — ино в реку покидались! А удалец на той царевне Полюше женился и раздиковинную пирушку сделал; я там обедал, мед пил, а уж какая у них капуста — ино теперь в роте пусто!

СИВКО-БУРКО

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак, ничего не делал, только на печи в углу сидел да сморкался. Отец стал умирать и говорит: «Дети! Как я умру, вы каждый поочередно ходите на могилу ко мне спать по три ночи»,— и умер. Старика схоронили. Приходит ночь; надо большому брату ночевать на могиле, а ему — коё лень, коё боится, он и говорит малому брату: «Иван-дурак! Поди-ка к отцу на могилу, ночуй за меня. Ты ничего же не делаешь!» Иван-дурак собрался, пришел на могилу, лежит; в полночь вдруг могила расступилась, старик выходит и спрашивает: «Кто тут? Ты, большой сын?» — «Нет, батюшка! Я, Иван-дурак». Старик узнал его и спрашивает: «Что же больш-от сын не пришел?» — «А он меня послал, батюшка!» — «Ну, твое счастье!» Старик свистнул-гайкнул богатырским посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Сивко бежит, только земля дрожит, из очей искры сыплются, из ноздрей дым столбом. «Вот тебе, сын мой, добрый конь; а ты, конь, служи ему, как мне служил». Проговорил это старик, лег в могилу. Иван-дурак погладил, поласкал сивка и отпустил, сам домой пошел. Дома спрашивают братья: «Что, Иван-дурак, ладно ли ночевал?» — «Очень ладно, братья!» Другая ночь приходит. Середний брат тоже не идет ночевать на могилу и говорит: «Иван-дурак! Поди на могилу-то к батюшке, ночуй и за меня». Иван-дурак, не говоря ни слова, собрался и покатил, пришел на

могилу, лег, дожидается полночи. В полночь также могила раскрылась, отец вышел, спрашивает: «Ты, середний сын?» — «Нет,— говорит Иван-дурак,— я же опять, батюшка!» Старик гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. «Ну, бурко, как мне служил, так служи и сыну моему. Ступай теперь!» Бурко убежал; старик лег в могилу, а Иван-дурак пошел домой. Братья опять спрашивают: «Каково, Иван-дурак, ночевал?» — «Очень, братья, ладно!» На третью ночь Иванова очередь; он не дожидается наряду, собрался и пошел. Лежит на могиле; в полночь опять старик вышел, уж знает, что тут Иван-дурак, гайкнул богатырским голосом, свистнул молодецким посвистом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. «Ну, воронко, как мне служил, так и сыну моему служи». Сказал это старик, простился с Иваном-дураком, лег в могилу. Иван-дурак погладил воронка, посмотрел и отпустил, сам пошел домой. Братья опять спрашивают: «Каково, Иван-дурак, ночевал?» — «Очень ладно, братья!»

Живут; двое братовей ро́бят, а Иван-дурак ничего. Вдруг от царя клич: ежели кто сорвет царевнин портрет с дому чрез сколько-то много бревен, за того ее и взамуж отдаст. Братья сбираются посмотреть, кто станет срывать портрет. Иван-дурак сидит на печи за трубой и бает: «Братья! Дайте мне каку лошадь, я поеду посмотрю же».— «Э! — взъелись братья на него.— Сиди, дурак, на печи; чего ты поедешь? Людей, что ли, смешить!» Нет, от Ивана-дурака отступу нету! Братья не могли отбиться: «Ну, ты возьми, дурак, вон трехногую кобыленку!»

Сами уехали. Иван-дурак за ними же поехал в чисто поле, в широко раздолье; слез с кобыленки, взял ее зарезал, кожу снял, повесил на поскотину, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Сивко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напился-наелся, в друго вылез — оделся, молодец такой стал, что и братьям не узнать! Сел на сивка и поехал срывать портрет. Народу было тут видимо-невидимо; завидели молодца, все начали смотреть. Иван-дурак с размаху нагнал, конь его скочил, и портрет не достал только через три бревна. Видели, откуда приехал, а не видали, куда уехал! Он коня отпустил, сам пришел домой, сел на печь. Вдруг братья приезжают и сказывают женам: «Ну, жены, какой молодец приезжал, так мы такого сроду не видали! Портрет не достал только через три бревна. Видели, откуль приехал; не видали, куды уехал. Еще опять приедет...» Иван-дурак сидит на печи

и говорит: «Братья, не я ли тут был?» — «Куда к черту тебе быть! Сиди, дурак, на печи да протирай нос-от».

Время идет. От царя тот же клич. Братья опять стали собираться, а Иван-дурак и говорит: «Братья! Дайте мне каку-нибудь лошадь». Они отвечают: «Сиди, дурак, дома! Другу́ лошадь ты станешь переводить!» Нет, отбиться не могли, велели опять взять хромую кобылешку. Иван-дурак и ту управил, заколол, кожу развесил на поскотине, а мясо бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Бурко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в право ухо залез — оделся, выскочил в лево — молодцом сделался, соскочил на коня, поехал; портрет не достал только за два бревна. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Бурка отпустил, а сам пошел домой, сел на печь, дожидается братовей. Братья приехали и сказывают: «Бабы! Тот же молодец опять приезжал, да не достал портрет только за два бревна». Иван-дурак и говорит им: «Братья, не я ли тут был?» — «Сиди, дурак! Где у черта был!»

Через немного время от царя опять клич. Братья начали сбираться, а Иван-дурак и просит: «Дайте, братья, каку-нибудь лошадь; я съезжу, посмотрю же».— «Сиди, дурак, дома! Докуда лошадей-то у нас станешь переводить?» Нет, отбиться не могли, бились, бились, велели взять худую кобылешку; сами уехали. Иван-дурак и ту управил, зарезал, бросил; сам свистнул молодецким посвистом, гайкнул богатырским голосом: «Сивко-бурко, вещий воронко!» Воронко бежит, только земля дрожит, из очей пламя пышет, а из ноздрей дым столбом. Иван-дурак в одно ушко залез — напился-наелся, в друго вылез — молодцом оделся, сел на коня и поехал. Как только доехал до царских чертогов, портрет и ширинку так и сорвал. Видели, откуда приехал, а не видели, куда уехал! Он так же воронка отпустил, пошел домой, сел на печь, ждет братовей. Братья приехали, сказывают: «Ну, хозяйки! Тот же молодец как нагнал сегодня, так портрет и сорвал». Иван-дурак сидит за трубой и бает: «Братья, не я ли тут был?» — «Сиди, дурак! Где ты у черта был!»

Чрез немного время царь сделал бал, созывает всех бояр, воевод, князей, думных, сенаторов, купцов, мещан и крестьян. И Ивановы братья поехали; Иван-дурак не отстал, сел где-то на печь за трубу, глядит, рот разинул. Царевна потчует гостей, каждому подносит пива и смотрит, не утрется ли кто ширинкой? — тот ее и жених. Только никто не утерся; а Ивана-дурака не видала, обошла. Гости разошлись. На другой день царь сделал другой бал; опыть виноватого не нашли, кто сорвал ширинку. На третий день царевна так же стала из своих рук подносить гостям пиво; всех

обошла, никто не утерся ширинкой. «Что это,— думает она себе,— нет моего суженого!» Взглянула за трубу и увидела там Ивана-дурака; платьишко на нем худое, весь в саже, волосы дыбом. Она налила стакан пива, подносит ему, а братья глядят да и думают: царевна-то и дураку-то подносит пиво! Иван-дурак выпил да и утерся ширинкой. Царевна обрадовалась, берет его за руку, ведет к отцу и говорит: «Батюшка! Вот мой суженый». Братовей тут ровно ножом по сердцу-то резнуло, думают: «Чего это царевна! Не с ума ли сошла? Дурака ведет в сужены». Разговоры тут коротки: веселым пирком да за свадебку. Наш Иван тут стал не Иван-дурак, а Иван царский зять; оправился, очистился, молодец молодцом стал, не стали люди узнавать! Тогда-то братья узнали, что значило ходить спать на могилу к отцу.

ПЕТУХ И ЖЕРНОВЦЫ

Жил да был себе старик со старухою, бедные-бедные! Хлеба-то у них не было; вот они поехали в лес, набрали желудей, привезли домой и начали есть. Долго ли, коротко ли они ели, только старуха уронила один желудь в подполье. Пустил желудь росток и в небольшое время дорос до полу. Старуха заприметила и говорит: «Старик! Надобно пол-то прорубить; пускай дуб растет выше; как вырастет, не станем в лес за желудями ездить, станем в избе рвать». Старик прорубил пол; деревцо росло, росло и выросло до потолка. Старик разобрал и потолок, а после и крышу снял; дерево все растет да растет и доросло до самого неба. Не стало у старика со старухой желудей, взял он мешок и полез на дуб.

Лез, лез и взобрался на небо. Ходил, ходил по небу, увидал: сидит кочеток золотой гребенек, масляна головка, и стоят жерновцы. Вот старик-от долго не думал, захватил с собою и кочетка и жерновцы и спустился в избу. Спустился и говорит: «Как нам, старуха, быть, что нам есть?» — «Постой,— молвила старуха,— я попробую жерновцы». Взяла жерновцы и стала молоть; ан блин да пирог, блин да пирог! Что ни повернет — все блин да пирог!.. И накормила старика.

Ехал мимо какой-то барин и заехал к старику со старушкой в хату. «Нет ли,— спрашивает,— чего-нибудь поесть?» Старуха говорит: «Чего тебе, родимый, дать поесть, разве блинков?» Взяла жерновцы и намолола: нападали блинки да пирожки. Приезжий поел и говорит: «Продай мне, бабушка, твои жерновцы».— «Нет,— говорит старушка,— продать нельзя». Он взял да и украл у ней жерновцы. Как уве́дали старик со старушкою, что украдены жер-

новцы, стали горе горевать. «Постой,— говорит кочеток золотой гребенек,— я полечу, догоню!» Прилетел он к боярским хоромам, сел на ворота и кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Как услыхал барин, сейчас приказывает: «Эй, малый! Возьми, брось его в воду». Поймали кочетка, бросили в колодезь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, пей воду! Ротик, ротик, пей воду!» — и выпил всю воду. Выпил всю воду и полетел к боярским хоромам; уселся на балкон и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Барин велел повару бросить его в горячую печь. Поймали кочетка, бросили в горячую печь — прямо в огонь; он и стал приговаривать: «Носик, носик, лей воду! Ротик, ротик, лей воду!» — и залил весь жар в печи. Вспорхнул, влетел в боярскую горницу и опять кричит: «Кукуреку! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые! Боярин, боярин, отдай наши жерновцы золотые, голубые!» Гости услыхали это и побегли из дому, а хозяин побег догонять их; кочеток золотой гребенек схватил жерновцы и улетел с ними к старику и старухе.

ВОЛШЕБНОЕ КОЛЬЦО

В этаких местах, в этаких больших деревнях, жил мужичок не скудно, не богато; у него был сынок, и оставляет он сынку триста рублей денег: «Вот тебе, сынок! Благословляю тремя стами рублями до твоего выросту». Вырос этот сынок, взошел в полный разум и говорит своей матушке: «Помню я — покойный батюшка благословлял меня тремя стами рублями; то дай мне хоть сотенку». Она ему дала сто рублей, он и пошел во путь во дороженьку, и попадается ему мужичок — ведет вислоухую собаку. Он и говорит: «Продай мне, мужичок, эту собаку». Мужик говорит: «Ну-ка дай сто рублей». Вот он дал за нее сто рублей, привел ее домой, поит и кормит. После того просит у матери еще сто рублей. Мать ему еще сто рублей дала; он пошел во путь во дороженьку, опять ему попадается мужик — ведет котка золотой хвостик. Он и говорит: «Продай мне, мужичок, этого котка». Мужик говорит: «Купи!» — «А что тебе за него?» Мужичок говорит: «Хочешь, так сто рублей». И отдал ему котка за сто рублей; он взял его, свел домой, поит и кормит. Ну, вот просит он у матери еще сто рублей. Мать ему говорит: «Милое ты мое дитятко! Куда ты деньги изводишь? Напрасные эти покупки».— «Э, мать моя родимая! Не тужи об

деньгах, они нам когда-нибудь возворотятся». Она ему и третью сотню дала; он опять пошел во путь во дороженьку.

Ну, хорошо; в этаких местах, в этаких городах, умерла царевна, а у ней на руке было золотое колечко; ему, доброму мóлодцу, очень хочется снять с руки это колечко. Вот он закупает караулов допустить его до царевны; подошел к ней, снял с руки колечко и пошел к своей матери; никто его не сдержал.

Живет долго ли, коротко ли — вышел на крылечко и перекинул это колечко с руки нá руку, выскочило из колечка триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают у него: «Что заставишь нас работать?» — «Вот что заставлю: первое — сшибите мою старую избу и поставьте на этом же месте каменный дом, и чтобы матушка моя про то не знала». Они сработали в одну ночь; мать его встает и удивляется: «Чей это дом такой?» Сын ей говорит: «Матушка моя родимая! Не удивляйся, а молись богу; дом этот наш». Вот живут они долго ли, коротко ли в этом доме — вышли ему совершенные годы, и захотелось ему жениться.

В этаком царстве, в этаком государстве, у такого-то царя была царевна, и ему хочется на ней посвататься: «Сватай-ка за меня, моя родная матушка! В этаком-то царстве, у такого-то царя есть дочь хороша». Мать ему и говорит: «Дитя ты мое милое! Гдè нам брать царевну!» А он ей в ответ: «Мать ты моя, родительница! Молись-ка спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее». Сам он, добрый мóлодец, вышел на крылечко, перекинул с руки нá руку колечко — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают у него: «Что прикажешь делать?» — «Сыщите мне таких дорогих вещей, которых бы у царя не было, и принесите на золотых подносах: надо царя с царевною одарить!» Тотчас принесли ему этакие вещи; он и посылает свою мать свататься к царю.

Вот мать пришла к царю, а царь удивляется: «Где ты, старушка, этакие вещи взяла?» Выходит царевна, глядит на эти вещи и говорит: «Ну, старушка, скажи своему сыну: пусть он поставит об одну ночь в царском заповедном лугу новый дворец лучше дворца моего батюшки, и чтобы провел он от дворца до дворца мост хрустальный, и был бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; в то время пойду за твоего сына замуж. А ежели да не совершит этого, то не будет ему прощения, и сложит он свою буйну голову на плаху!» Идет старуха домой, слезно плачет и говорит сыну: «Милое мое дитятко! Говорила я тебе, что не надобно на царевне свататься. Вот теперь царевна приказывает тебе сказать, что ежели хочешь на ней жениться, то построй об одну ночь новый дворец в заповедном лугу, и чтобы лучше был батюшкиного, и чтоб от дворца до дворца проведен был хрустальный мост, и был

бы тот хрустальный мост устлан разными шитыми коврами; а ежели этого не сделаешь, то сложишь свою буйну голову на плаху! Как теперь, дитятко, ты это дело рассудишь?» Отвечает он: «Мать ты моя, родительница! Не сумневайся, молись спасу, выпей квасу да ложись спать; утро вечера мудренее».

Сам добрый мо́лодец вышел на крылечко, перекинул с руки на́ руку колечко — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажешь работать?» Он им и говорит: «Друзья мои любезные! Постарайтесь мне об одну ночь построить в царском заповедном лугу новый дворец, и чтоб был он лучше царского, и чтоб был проведен от дворца до дворца хрустальный мост, а этот мост был бы устлан разными шитыми коврами». Вот эти мо́лодцы и богатыри об одну ночь все выстроили, что им было приказано. Царь утром встал, глядит в подзорную трубку на свои заповедные луга и удивляется, что выстроен дворец лучше его, и посылает посланного сказать, чтобы приходил добрый мо́лодец свататься на царевне, а царевна-де согласна выйти за него замуж. Вот он сосватался на царевне, честным пирком да и за свадебку; сыграли свадьбу, отпировали.

Живут долго ли, коротко ли, царевна своего мужа и спрашивает: «Скажи, пожалуйста, каким ты манером этакое дело совершаешь об одну ночь? Теперь станем с тобой заедино думать». Улещает его, уговаривает и подносит ему разных водок; напоила его мертвецки пьяным, он ей и сказал: «Вот я чем — колечком!» А она у пьяного колечко взяла, перекинула с руки на́ руку — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажете делать?» — «А вот что: возьмите этого пьяницу и выкиньте на батюшкин луг, а меня снесите со всем дворцом за тридевять три земли, за десятое царство, к такому-то королю». Они об одну ночь и приставили ее туда, куда приказала.

Царь встает утром, смотрит в подзорную трубку в свои заповедные луга — не стало ни дворца, ни хрустального моста, только валяется один человек; посылает царь посланных: «Узнайте, что там за человек лежит?» Сбегали посланные, приходят назад и говорят царю: «Ваш зять один валяется!» — «Подите, приведите его ко мне». Вот и приводят его, царь спрашивает: «Куда ты царевну дел и с дворцом?» Он отвечает: «Ваше царское величество! Не знаю, как будто во сне ее потерял». Царь говорит: «Даю тебе три месяца сроку, добирайся: где царевна? А там казнить стану». И посадил он его в крепкую тюрьму.

Вот и говорит кот собаке вислоухой: «Что ты знаешь? Ведь хозяин-то наш в засаженье. Обманула его царевна, сняла с руки колечко и ушла за тридевять земель, за десятое царство. Надо кольцо добывать; побежим-ка с тобой!» Побежали; где на пути озе-

ра плыть, где реки плыть, там кот садится на загривок к собаке вислоухой, собака и перевозит его на другую сторону. Долго ли, коротко ли — сбежали они за тридевять земель, за десятое царство. Говорит кот собаке: «Ежели из королевской кухни будут посылать за дровами, ты сейчас беги, а я на погребок пойду к ключнице; что она задумает — то я и подам».

Стали они жить на королевском дворе. Вот сказывает ключница королю: «Есть у меня на погребке котик золотой хвостик; что задумаю — то и подаст!» Повар говорит: «А у меня есть собака вислоухая; как стану посылать мальчика за дровами, она опрометью бежит и несет!» Король приказывает: «Приведите собаку вислоухую в мою спальню»; а царевна велит: «А ко мне приведите котка золотой хвостик». Привели кота и собаку; и день и ночь во дворце остаются. А царевна как спать ложится, колечко завсегда в рот берет. Вот бежит ночью мышь, а кот за загривок ее и цапнул; мышь говорит: «Не тронь меня, кот! Я знаю, зачем ты пришел; ты пришел за колечком — я тебе достану его». Кот ее выпустил; она вскочила на кровать и прямо к царевне, сунула свой хвостик ей в рот и зашевелила; царевна плюнула да колечко и выплюнула. Кот цап и кричит вислоухой собаке: «Не зевай!»

Бросились прямо в окошко, выскочили и побежали, сухим путем бегут, а реки и озера плывут; приходят в свое царство и прямо к тюрьме... Кот влез в тюрьму; хозяин увидал, стал его гладить, а кот песни петь и положил ему нá руку колечко; хозяин обрадовался, перекинул колечко с руки нá руку — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев: «Что работать прикажете?» Он и говорит: «Чтоб мне с горя на целые сутки была знатная музыка». Музыка заиграла. А царь посылает к нему посланника: «Обдумался ли?» Посланник пошел и заслушался; вот царь другого посылает, и другой заслушался; вот третьего посылает, и третий заслушался; вот приходит сам царь к зятю, он потемнил и царя этою музыкой. Как только перестала музыка, царь и начал у него выспрашивать. Зять говорит: «Ваше царское величество! Освободите меня на единую ночь, вмиг доставлю вашу царевну».

Вот вышел он на крылечко; перекинул с руки нá руку колечко — выскочило триста молодцев и сто семьдесят богатырев и спрашивают: «Что прикажете работать?» — «Принесите царевну назад со всем дворцом, и чтоб все было на старóм месте и об одну ночь сделано». Царевна встала поутру и видит, что она на старом месте, испугалась и не знает, что ей будет? А ее муж приходит к царю: «Ваше царское величество! Как будем царевну судить?» — «Зять ты мой милый! Усовестим мы ее словами, и живите себе, поживайте да добро наживайте!»

РОГА

Бывал-живал старик со старухой; у них был сын Мартышка, а работы никакой не работал, отец никуда его нарядить не может, и с того отдал он сына своего Мартышку в солдаты. Мартышке в солдатах ученье не далось: поставили один раз его на часы, а он ушел с часов домой и положил свое ружье на грядку; взял палку да шар и пошел на парадное место, сделал буй, стал играть шаром и щелкнул шариком федьфебелю в лоб. Говорит федьфебель: «Что ты, Мартышка, робишь?» — «Я ведь жил у своего батюшки и все шаром играл!» — «Где ж у тебя ружье?» — «У моего батюшки десять ружьев, и все на грядке; и я свое ружье на грядку снес!» Начали его за это розгами бить; после битья заснул он крепко, и привиделось Мартышке во сне: «Сбежи, Мартышка, в иное королевство — там тебе жира будет добрая! Дойдешь ты до этого королевства, и будет тут речка, через речку мост, а подле моста трехэтажный каменный дом; зайди в этот дом — в том дому никого нет, а стоит стол, на столе довольно всякого кушанья и разных напитков; наешься ты, напейся и в стол загляни; в том столе в ящике лежат карты однозолотные и кошелек с деньгами. Однозолотными картами хоть кого обыграешь, а из кошелька хоть полную гору насыпь золота — из него все не убудет!» Пробудился Мартышка от сна, наладил сухарей и сбежал из полку вон. Шел он дорогою, а больше стороною три месяца и пришел к иному королевству; вот и речка, через речку мост, подле моста трехэтажный каменный дом. Зашел в этот дом, в доме стоит стол, на столе всякого кушанья и питья довольно. Мартышка сел, напился-наелся, заглянул в ящик, взял однозолотные карты и кошелек с деньгами, положил к себе в карман, и опять в дорогу. Пришел в чужестранное королевство и забрался в трактир; встречает его маркитант, камзол на нем красный, колпак на голове красный и сапоги на ногах красные. Говорит Мартышка тому маркитанту: «А ну, подай мне с устатку крепкой водки рюмку». Глянул маркитант на солдата и налил рюмку воды. Мартышка покушал — в рюмке вода, осердился и стегнул его пó носу и расшиб до крови. Завопил маркитант: «Господа генералы! Вот этот солдат меня всего прибил». Тут прибежали генералы, говорят Мартышке: «Зачем в наш трактир пришел? Сюда простые люди не ходят, а ходят министры да генералы, да сам король приезжает». Отвечает солдат: «Я, братцы, вашего заведения не знаю: я — человек русский и зашел в ваш трактир с устатку выпить рюмку водки; попросил у маркитанта крепкой водки, а он подал мне рюмку воды. За это я осердился, ударил его в лицо, а попал пó носу».— «Экой ты! Весь в рямках... где тебе деньги взять? — говорит ему маркитант.— У меня рюмка водки рублем пахнет». Мар-

тышка вынул свой кошелек и насыпал из кошелька золота с сенную кучу. «Бери,— говорит,— сколько надобно за водку!» Все генералы тут обвинили маркитанта: зачем воду продает! Взяли этого солдата к себе и стали попаивать. И говорит им Мартышка: «Пейте, братцы, и мою водку! Денег моих вам не пропить... да не угодно ли вам со мной в карты поиграть?» И вынул из кармана свои однозолотные карты, что этаких карт господа и на веку не видали. Начали в карты играть. Мартышка у них все деньги выиграл, и лошадей, и повозки, и кучеров, и фалетуров; да опосля взать воротил, еще своих денег подарил им сколько-то.

Вот напился Мартышка допьяна; генералы видят, что он хмелён стал, и приказали постлать под него постелю, а маркитанта заставили с него мух опахивать. «Да смотри,— говорят ему,— если возьмешь кошелек у солдата или денег убавишь и он на тебя пожалится, то уж не прогневайся — быть тебе без головы». Приехали господа генералы к самому королю, объявили, что «есть в нашем трактире русский солдат Мартышка, и у него такой кошелек с золотом — полны твои палаты засыплет, а из кошелька все не убудет. Да есть еще у Мартышки однозолотные карты — на веку ты этаких не видывал».

Король приказал шестерку лошадей под карету заложить, взял кучера, фалетура и запятника и сам сел в карету и поехал в трактир. Как приехал — и скричал: «Что за человек спит?» Мартышка скочил и говорит: «Ваше королевское величество! Я — солдат Мартышка, а человек русский и сбежал из команды». Тут приказал король трактирщику принести графин водки, наливает рюмку и подает солдату: «Опохмелься, служивый!» — «Пейте сами, ваше величество! Мне своих денег не пропить будет». Король выпил сам рюмку, а ему подал другую. И говорит ему король: «Что, служивый, я слышал, ты мастер в карты играть?» Вынимает солдат однозолотные карты, и дивится король, что этаких карт на веку не видал. Стали играть в карты. Мартышка у короля все деньги выиграл, и платье, и лошадей с каретою, и кучера с фалетуром и запятником; опосля ему все взать отдал.

С того король возлюбил Мартышку, пожаловал его набольшим министром и состроил ему трехэтажный каменный дом; живет солдат министром управно. И спросили короля на три года в другую землю; то наместо себя оставляет король нового министра править его королевством. И повел Мартышка по-своему: приказал он шить на солдат шинели и мундиры из самого царского сукна, что и офицеры носят, да прибавил всем солдатам жалованья — кому по рублю, кому по два — и велел им перед каждою вытью пить по стакану вина и чтоб говядины и каши было вдоволь! А чтоб по всему королевству нищая братия не плакалась, приказал выдавать из казен-

ных магазинов по кулю и по два на человека муки. И так-то за его солдаты и нищая братия бога молят!

А у того короля осталась в дому дочь Настасья-королевна, и посылает она свою служанку позвать нового министра Мартышку к себе в гости. Приходит служанка к нему в дом: «Господин министр! Наша королевна Настасья зовет тебя в гости». Говорит Мартышка: «Хорошо, сейчас оденусь!» Пришел к королевне. Просит она: «Поиграй со мной в карты!» Вынул Мартышка из кармана однозолотные карты, что этаких карт королевна на веку не видала. Стали играть, выиграл он у королевны все деньги и уборы и говорит: «Убери-ка, Настасья-королевна, все свои деньги и уборы; у меня своих денег довольно — не прожить будет!» Настасья-королевна посадила его за стол и сама с ним села; пили, ели, веселилися. И приказала она тайно служанке поднести ему рюмку усыпающего зелья; Мартышка выпил рюмку и уснул, и спал трои сутки. Тогда отобрала она у него кошелек с золотом и карты однозолотные, сняла с него платье — в одной рубашке оставила — и приказала в навозную яму бросить. Мартышка спал трои сутки в навозной яме, пробудился и говорит: «Видно, я в добром месте сплю!» Вылез он на сходе солнца и пошел к речке, вымылся бело. «Куда же мне идти?» — думает. И нашел он старое солдатское платье, оделся и побрел вон из того королевства.

Шел он долгое время и похотелось ему есть; увидел яблоню, сорвал два яблока, съел, и с того заболела у него голова и выросли на голове рога, и такие большие, что еле носить может. Дошел до другой яблони, поел других яблоков, и с того отпали у него рога. Тут набрал он этих яблоков обоих сортов и воротился взать в королевство. «Ну,— думает,— доберусь же я до королевны, что меня в доброе место впястала». Увидел Мартышка — сидит в лавке старая старушка, вся трясется, и сказал: «На-ка, бабушка, съешь яблочек». Съела она яблочек хорошего сорта и стала молодая и толстая; спрашивает: «Где ты, дитятко, взял эти яблоки?» Говорит ей Мартышка: «Это мое дело! Нет ли у тебя, бабушка, хорошего маркитантского платья? Пойду я этих яблоков продавать».— «Ну, служивый, я для тебя хоть всю лавку отдам». И дала ему чистое платье и однозолотную тарелку.

Пошел Мартышка яблоков продавать, идет мимо королевского дома и громко кричит: «У меня сладкие яблочки! У меня сладкие яблочки!» Услышала Настасья-королевна, послала свою служанку: «Спроси, почем продает яблоки?» Прибежала служанка; Мартышка ей говорит: «Извольте, сударыня, покушайте моего яблочка». Она съела и сделалась молодая, красивая и толстая, даже королевна ее не опознала: «Да ты ли это?» — «Я самая!» — отвечает ей служанка. Настасья-королевна дала ей двести рублев: «Ступай

скорее, купи мне парочку!» Служанка сбегала, купила яблоков и подала королевне; она сейчас их съела, и в то время заболела у ней голова и выросли большие рога. Лежит она на кровати, а над кроватью поделаны грядки, а на тех грядках рога положены. А Мартышка побежал к той же старушке, отдал ей прежнее платье и срядился дохтуром. В тé поры приезжает король, объявили ему, что маркитант окормил Настасью-королевну, и приказал он собрать маркитантов со всего королевства и посадил их в тюрьму.

Между тем идет мимо государева двора дохтур и кричит: «Нет ли дохтуру работы?» Говорит король своим слугам: «Зовите его скорее!» Мартышка пришел в палаты: «Что прикажете, ваше величество?» — «Ты, видно, не нашего королевства; не знаешь ли, чем пособить моей дочери, Настасье-королевне? Окормил ее какой-то маркитант яблоками. Если пособишь, пожалую тебя первым министром и отдам за тебя дочь мою, королевну, в замужество, а при старости лет моих поставлю тебя на свое королевское место».— «Ваше величество,— говорит дохтур,— прикажите вытопить баню, а я в рынок пойду, искуплю снадобья».

Пошел Мартышка в рынок, купил три прута: первый — медный, другой — железный, третий — оловянный, и приказал королевну в баню вести. Как привели королевну в баню — едва в двери рога впихали. Мартышка отослал всю прислугу прочь, вынул медный прут, взял Настасью-королевну за рога и почал драть, приговаривая: «За грехи у тебя эти рога выросли! Повинись: не обманывала ли кого, не обирала ли кого?» — «Батюшка-дохтур! Я на веку никого не обманывала и чужого себе не присваивала». Взял он другой прут, железный, бил-бил — королевна все не признается. Изломал железный прут, вынул третий — оловянный, и начал потчевать. Тут Настасья-королевна и повинилася: «Виновата, батюшка-дохтур! Бросила я нового министра в навозную яму, содрала с него платье, забрала однозолотные карты и кошелек с деньгами».— «А где ты однозолотные карты с тем кошельком девала?» — «У меня в любимом ящичке».— «Отдай их мне!» Говорит ему королевна: «Я теперь вся твоя! Что хочешь, то и делай со мною». Мартышка дал ей хороших яблоков; съела она одно — один рог свалился, съела другое — и другой отпал, съела третье — и сделалась лучше и красивей прежнего. Пришли в королевский дом; королю это возлюбилось, пожаловал он Мартышку опять набольшим министром и отдал за него дочь свою Настасью-королевну в замужество. Стали они жить благополучно — в радости и спокойствии, и теперь живут да хлеб жуют.

СКАЗКА ПРО УТКУ С ЗОЛОТЫМИ ЯЙЦАМИ

Было-жило два брата: один богатый, другой бедный; у бедного — жена да дети, а богатый — один как перст. Пошел бедный к богатому и стал просить: «Накорми, братец, сегодня при бедности моих детей; нам и пообедать нечего!» — «Сегодня мне не до тебя,— говорит богатый,— сегодня у меня всё князья да бояре, так бедному не приходится тут быть!» Облился бедный брат слезами и пошел рыбу ловить: «Авось бог даст — поймаю! Хоть ухи дети похлебают». Только затянул тоню, и попал ему кувшин. «Вытащи меня да разбей на берегу,— отозвалось из кувшина,— так я тебе счастье укажу». Вытащил он кувшин, разбил на берегу, и вышел оттуда неведомый молодец и сказал: «Есть зеленый луг, на том лугу береза, у той березы под кореньями утка; отруби у березы коренья и возьми утку домой; она станет нести тебе яички — один день золотое, другой день серебряное». Бедный брат пошел к березе, достал утку и принес домой; стала утка нести яички — один день золотое, другой день серебряное; стал он продавать их купцам да боярам и куда как разбогател скоро! «Дети,— говорит он,— молитесь богу; господь нашел нас».

Богатый брат позавидовал, озлобился: «Отчего так разбогател мой брат? Теперь я нужнее, а он богаче стал! Верно, какой-нибудь грех за ним водится!» — и пошел в суд с жалобой. Дошло это дело до самого царя. Зовут того брата, что был беден да разбогател скоро, к царю. Куды девать утку? Дети малы, пришлось жене под присмотр отдать; начала она на базар ходить да яйца по дорогой цене продавать, а была собой красавица и слюбилась с барином. «Отчего, скажи, вы разбогатели?» — расспрашивает ее барин. «Да нам ведь бог дал!» А он приступает: «Нет, скажи правду; коли не скажешь, не стану тебя любить, не стану к тебе ходить». И таки не пришел к ней день-другой; она позвала его к себе и рассказала: «У нас есть утка — день несет золотое яичко, день серебряное».— «Принеси-ка эту утку да покажь, какова птица?» Оглядел утку и видит — на брюшке у ней золотыми буквами написано: кто съест ее голову, тот царем будет, а кто — сердце, тот станет золотом плевать.

Позарился барин на такое великое счастье, пристал к бабе: «Зарежь да и зарежь утку!» Отговаривалась она, отговаривалась, а покончила тем, что зарезала утку и поставила в печь жарить. День был праздничный; ушла она к обедне, а тем временем прибежали в избу два ее сына. Вздумалось им перекусить чего-нибудь, заглянули в печь и вытащили утку; старший съел голову, а меньшой сердце. Воротилась мать из церкви, пришел барин, сели за стол; смотрит он — нет ни сердца утиного, ни головы. «Кто

съел?» — спрашивает барин и таки дознался, что съели эти два мальчика. Вон он и пристает к матери: «Зарежь-де своих сыновей, из одного вынь мозги, из другого сердце; а коли не зарежешь — и дружба врозь!» Сказал и ушел от нее; вот она целую неделю томилась, а после не выдержала, посылает к барину: «Приходи! Так и быть, для тебя и детей не пожалею!» Сидит она и точит нож; старший сын увидал, заплакал горькими слезами и просится: «Отпусти нас, матушка, в сад погулять».— «Ну ступайте, да далеко не уходите». А мальчики не то что гулять, ударились в беги.

Бежали, бежали, уморились и оголодали. В чистом поле пастух коров пасет. «Пастушок, пастушок! Дай нам хлебца».— «Вот вам кусочек,— говорит пастух,— только всего и осталось! Кушайте на здоровье». Старший брат отдает меньшому: «Скушай ты, братец, ты малосильнее, а я подюжее — могу и так стерпеть».— «Нет, братец, ты все меня за ручку тащил, хуже моего утомился: съедим пополам!» Взяли, пополам разделили, съели и оба сыты стали.

Вот пошли они дальше; идут всё вперед да вперед дорогою широкою — и разбилась та дорога надвое; на распутии столб стоит, на столбе написано: кто в правую руку пойдет — царем сделается, кто в левую руку пойдет — богат будет. Малый брат и говорит большому: «Братец! Ступай ты в правую руку, ты больше меня знаешь, больше меня снести можешь». Больший брат пошел направо, меньшой — налево.

Вот первый-то шел, шел и пришел в иное царство; попросился к старушке ночь ночевать, переночевал, встал поутру, умылся, оделся, богу помолился. А в том государстве помер тогда царь, и собираются все люди в церковь со свечами: у кого прежде свеча сама собой загорится, тот царь будет. «Поди и ты, дитятко, в церковь! — говорит ему старушка.— Может, у тебя свеча прежде всех загорится». Дала ему свечку; он и пошел в церковь; только что входит туда — у него свеча и загорелась; другим князьям и боярам завидно стало, начали огонь тушить, самого мальчика вон гнать. А царевна сидит высоко на троне и говорит: «Не троньте его! Худ ли, хорош ли — видно, судьба моя!» Подхватили этого мальчика под руки, привели к ней; она сделала ему во лбу печать своим золотым перстнем, приняла его во дворец к себе, вырастила, объявила царем и вышла за него замуж.

Ни много, ни мало пожили они вместе, и говорит новый царь своей жене: «Позволь мне поехать-разыскивать моего малого брата!» — «Поезжай с богом!» Долго ездил он по разным землям и нашел малого брата; в великом богатстве живет, целые кучи золота в амбарах насыпаны; что ни плюнет он — то все золотом! Девать некуда! «Братец! — говорит меньшой старшему.— Поедем к отцу нашему да посмотрим: каково его житье-бытье?» — «Хоть сейчас

в дорогу!» Вот приезжают они к отцу, к матери, попросились к ним в избу роздых сделать, а не сказывают, кто они таковы! Сели за стол; старший брат и начал говорить про утку с золотыми яичками да про мать-лиходейку. А мать то и дело перебивает да речь заминает. Отец догадался: «Не вы ли — мои детки?» — «Мы, батюшка!» Пошло обниманье, целованье; что разговоров тут было! Старший брат взял отца в свое царство жить, меньшой поехал невесту искать, а мать одноё покинули.

ЧУДЕСНАЯ КУРИЦА

За тридевять земель, в тридесятом царстве, не в нашем государстве, жил старик со старухою в нужде и в бедности; у них было два сына — летами малы, на работу идти не сдюжают. Поднялся сам старик, пошел на заработки, ходил-ходил по людям, только и зашиб, что двугривенный. Идет домой, а навстречу ему горький пьяница — в руках курицу держит. «Купи, старичок, курочку!» — «А что стоит?» — «Давай полтину».— «Нет, брат, возьми двугривенный; с тебя и этого будет: выпьешь крючок, да и спать ложись!» Пьянчужка взял двугривенный и отдал старику курицу. Вернулся старик домой, а дома давно голодают: нет ни куска хлеба! «Вот тебе, старая, курочку купил!» Накинулась на него баба и давай ругать: «Ах ты, старый черт! Совсем из ума выжил! Дети без хлеба сидят, а он курицу купил; ведь ее кормить надо!» — «Молчи, дура баба! Много ли курица съест? А вот она нанесет нам яичек да цыплят высидит, мы цыплят-то продадим да хлеба и купим...»

Сделал старик гнездышко и посадил курочку под печкою. Наутро смотрит, а курочка самоцветный камушек снесла. Говорит старик жене: «Ну, старуха, у людей куры яйца несут, а у нас — камушки; что теперь делать?» — «Неси в город; может, кто и купит!» Пошел старик в город; ходит по гостиному ряду и показывает самоцветный камень. Со всех сторон сошлись к нему купцы, начали ценить этот камушек, ценили, ценили и купили за пятьсот рублев. С того дня зачал старик торговать самоцветными камнями, что несла ему курочка; живо разбогател, выписался в купечество, настроил лавок, нанял приказчиков и стал за море с кораблями ездить да и в иных землях торг вести. Уезжает он как-то в чужие страны и наказывает жене: «Смотри, старая, соблюдай курочку, пуще глаза храни; а коли она утратится, твоя голова с плеч свалится!»

Только уехал, а старуха сейчас же худое задумала — с молодым приказчиком связалась. «Где вы эти самоцветные камни берете?» — спрашивает ее приказчик. «Да нам курочка несет». Приказчик взял курочку, посмотрел, а у ней под правым крылышком

золотом написано: кто ее голову съест — тот королем будет, а кто потроха — тот будет золотом харкать. «Зажарь,— говорит,— эту курочку мне на обед!» — «Ах, любезный друг, как можно? Ведь муж воротится — казнит меня». Приказчик и слышать ничего не хочет: зажарь — да и только.

На другой день призвала старуха повара, приказала ему зарезать курочку и зажарить к обеду с головкой и с потрохами. Повар зарезал курочку и поставил в печь, а сам вышел куда-то. Тем временем прибежали из училища старухины дети, заглянули в печь, и захотелось им попробовать жареного: старший брат съел куриную голову, а меньший скушал потроха. Пришло время обедать, подают за стол курицу, приказчик как увидел, что нет ни головы, ни потрохов, рассердился, разругался со старухою и уехал домой. Старуха за ним — и так и сяк умасливает, а он знай на одном стоит: «Изведи своих детей,— говорит,— вынь из них потроха и мозги и сготовь мне к ужину; не то знать тебя не хочу!» Старуха уложила своих деток спать, а сама призвала повара и велела везти их сонных в лес; там загубить их до смерти, а потроха, мозги вынуть и сготовить к ужину.

Повар привез мальчиков в дремучий лес, остановился и принялся точить нож. Мальчики проснулись и спрашивают: «Зачем ты нож точишь?» — «А затем, что мать ваша приказала мне из вас потроха и мозги добыть да к ужину изготовить».— «Ах, дедушка-голубчик! Не убивай нас; сколько хочешь, дадим тебе золота, только пожалей нас — отпусти на волю». Младший брат нахаркал ему целую полу золота: повар и согласился отпустить их на вольный свет. Бросил мальчиков в лесу, вернулся назад, а на его счастье дома сука ощенилася: вот он взял — зарезал двух щенков, вынул из них потроха и мозги, зажарил и подал к ужину на стол. Приказчик так и кинулся на это кушанье, все сожрал — и сделался ни королем, ни королевичем, а напросто хамом!

Мальчики вышли из лесу на большую дорогу и пошли куда глаза глядят; долго ли, коротко ли шли они — только распадается дорога надвое, и стоит тут столб, а на столбе написано: кто пойдет направо, тот царство получит, а кто пойдет налево, тот много зла и горя примет, да зато женится на прекрасной царевне. Братья прочитали эту надпись и решились идти в разные стороны: старший пошел направо, младший — налево. Вот старший-то шел-шел, шел-шел и забрался в незнаемый столичный город; в городе народа видимо-невидимо! Только все в трауре, все печалятся. Попросился он к бедной старушке на квартиру. «Укрой,— говорит,— чужестранного человека от темной ночи».— «Рада бы пустить, да, право, некуды; и то тесно!» — «Пусти, бабушка! Я такой же человек мирской, как и ты; мне немного места надобно — где-нибудь в уголку ночую».

Старуха пустила его. Стали разговаривать. «Отчего, бабушка,— спрашивает странник,— у вас в городе теснота страшная, квартиры дороги, а народ весь в трауре да в печали?» — «Да вишь, король у нас помер; так бояре стали клич кликать, чтоб собирались все и старые и малые, и всякому дают по свече, и с теми свечами ходят в собор: у кого свеча сама собой загорится, тот и королем будет!» Наутро мальчик встал, умылся, богу помолился, поблагодарил хозяйку за хлеб, за соль, за мягкую постель и пошел в соборную церковь; приходит — народу в три года не сосчитать! Только взял свечу в руки — она тотчас и загорелася. Тут все на него бросились, стали свечу задувать, тушить, а огонь еще ярче горит. Нечего делать, признали его за короля, одели в золотую одежу и отвели во дворец.

А меньшой брат, что повернул налево, услыхал, что в некоем царстве есть прекрасная царевна — собой прелесть неописанная, только на казну больно завистная, и пустила-де она вести по всем землям: за того пойду замуж, кто сможет прокормить мое войско целые три года. Как не попытать счастья? Пошел туда мальчик; идет он дорогою, идет широкою, а сам в мешочек плюет да плюет чистым золотом. Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, приходит к прекрасной царевне и вызвался ее задачу исполнить. Золота ему не занимать стать: плюнет — и готово! Три года содержал он царевнино войско, кормил-поил, одевал. Пора бы веселым пирком да за свадебку, а царевна — на хитрости: расспросила-разведала, откуда ему такое богатство бог послал? Зазвала его в гости, угостила, употчевала и поднесла рвотного. Стошнило доброго мо́лодца, и выблевал он куриный потрох; а царевна подхватила — да в рот. С того же дня стала она золотом харкать, а жених ее ни при чем остался. «Что мне с этим невежею делать? — спрашивает царевна у своих бояр, у генералов.— Ведь зайдет же этакая блажь в голову — вздумал на мне жениться!» Бояре говорят: повесить; генералы говорят: надо его расстрелять; а царевна иное придумала — приказала бросить его в н...

Добрый мо́лодец еле оттуда вылез и снова отправился в путь-дорогу, а сам одно на уме держит: как бы умудриться да отсмеять царевне эту шутку недобрую. Шел, шел и зашел в дремучий лес; смотрит — три человека дерутся, друг дружку так кулаками и садят! «Что вы деретесь?» — «Да вот попались нам в лесу три находки, а разделить не умеем: всякий себе тащит!» — «А что за находки? Есть ли из-за чего ссориться?» — «Еще бы! Вот бочонок — только стукни, из него рота солдат выскочит; вот ковер-самолет — куда вздумал, туда и полетел; а вот кнут-самобой — хлысни девку да скажи: была девица, а будь кобылица! — сейчас кобылой и сделается».— «Находки важные — разделить трудно! А я так думаю:

давайте-ка сделаю стрелу да пущу в энту сторону, а вы вслед за ней припустите; кто первый добежит — тому бочонок, кто второй добежит — тому ковер-самолет, кто назади останется — тому кнут-самобой».— «Ладно! Пущай стрелу». Мо́лодец сделал стрелу и пустил далеко-далеко; трое бросились бежать наперегонки... бегут и назад не оглянутся! А добрый мо́лодец взял бочонок да кнут-самобой, сел на ковер-самолет, тряхнул за один конец — и поднялся выше леса стоячего, ниже облака ходячего и полетел, куда сам желал.

Опустился он на заповедных лугах прекрасной царевны и начал в бочонок поколачивать — и полезло оттуда войско несметное: и пехота, и конница, и артиллерия с пушками, с пороховыми ящиками. Сила так и валит, так и валит! Добрый мо́лодец спросил коня, сел верхом, объехал свою армию, поздоровался и скомандовал поход. Барабаны бьют, трубы трубят, войско с пальбою идет. Увидала царевна из своих теремов, страшно перепугалась и посылает своих бояр и генералов просить мира. Добрый мо́лодец велел схватить этих посланных; наказал их грозно и больно и отослал назад: «Пускай-де сама царевна приедет да попросит замирения». Нечего делать, приехала к нему царевна; вышла из кареты, подходит к доброму мо́лодцу, узнала его и обомлела, а он взял кнут-самобой, ударил ее по спине. «Была,— говорит,— девица, будь теперь кобылица!» В ту ж минуту обратилась царевна кобылицею; он накинул ей узду, оседлал, сел верхом и поскакал в королевство своего старшего брата. Скачет во всю прыть, шпорами в бока садит да тремя железными прутьями погоняет, а за ним идет войско — сила несметная.

Долго ли, коротко ли — вот и граница; остановился добрый мо́лодец, собрал свое войско в бочонок и поехал в столичный город. Едет мимо королевского дворца, увидал его сам король, засмотрелся на кобылицу: «Что за витязь едет! Этакой славной кобылицы в жизнь свою не видывал!» Посылает своих генералов торговать того коня. «Ишь,— говорит мо́лодец,— какой король у вас зоркий! Этак по вашему городу нельзя и с женой молодой погулять; коли на кобылу позарился, так жену и подавно отымет!» Входит во дворец: «Здорово, братец!» — «Ах, а я тебя не узнал!» Пошло обниманье-целованье. «Это что у тебя за бочонок?» — «Для питья, братец, держу; без воды в дороге нельзя».— «А ковер?» — «Садись, так узнаешь!» Сели они на ковер-самолет, младший брат тряхнул за один конец, и полетели выше леса стоячего, ниже облака ходячего — прямо в свое отечество.

Прилетели и наняли квартиру у родного отца; живут, а кто таковы — отцу с матерью не сказываются. Вот вздумали они задать пир на весь крещеный мир, собрали народу тьму-тьмущую, трое суток

кормили-поили всех безданно, беспошлинно, а после стали спрашивать: не знает ли кто какой дивной истории? Коли знает, пусть сказывает. Никто не вызвался: «Мы-де люди не бывалые!» — «Ну так я расскажу,— говорит младший брат,— только чур не перебивать! Кто три раза перебьет меня, того без пощады казнить». Все согласились; вот он и начал рассказывать, как жил старик со старухою, как была у них курочка да несла самоцветные камушки, как связалась старуха с приказчиком... «Что ты врешь!» — перебила хозяйка; а сын продолжает дальше. Стал рассказывать, как курочку зарезали; мать опять его перебила. Дошло дело до того, как старуха хотела детей извести; тут она снова не вытерпела. «Неправда! — говорит.— Может ли это случиться, чтобы мать да на своих родных детей восстала?» — «Видно, может! Узнай-ка нас, матушка; ведь мы твои дети...» Тут все открылось.

Отец приказал изрубить старуху на мелкие части; приказчика привязал к лошадиным хвостам: лошади бросились в разные стороны и разнесли его косточки по чисту полю. «Собаке собачья и смерть!» — сказал старик, роздал все свое имение нищим и поехал жить к старшему сыну в его королевство. А младший сын ударил свою кобылицу наотмашь кнутом-самобоем: «Была кобылица, будь теперь девица!» Кобылица обратилась прекрасною царевною; тут они помирились, поладили и повенчались. Свадьба была знатная, и я там был, мед пил, по бороде текло, да в рот не попало.

БЕЗНОГИЙ И СЛЕПОЙ БОГАТЫРИ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был грозный царь — славен во всех землях, страшен всем королям и королевичам. Задумал царь жениться и отдал такой указ по всем городам и селам: «Кто найдет ему невесту краснее солнца, яснее месяца и белее снегу, того наградит он несметным богатством». Пошла о том слава по всему царству; от малого до великого все судят, толкуют, а ни единый человек не вызывается отыскать такую красавицу. Недалеко от царского дворца стоял большой пивоваренный завод. Собрался как-то рабочий народ и завел разговор, что вот-де можно бы много денег от царя получить, да где этакую невесту достать! «Да, братцы,— говорит один мужик, по имени Никита Колтома,— без меня никому не найти для царя невесты; а коли я возьмусь, так наверно найду!» — «Что ты, дурень, расхвастался! Где тебе, к черту, это дело сделать? Есть люди знатные, богатые — не нам чета, да и те хвосты прижали! Тебе и во сне этого не приснится, а не то что наяву...» — «Да уж там как хотите, а я на себя надеюсь; сказал: достану — и достану!» — «Эх, Никита, не хвались!

Сам ведаешь, царь у нас грозный: за пустую похвальбу велит казнить тебя».— «Небось не казнит, а деньгами наградит».

Тотчас доложили эти речи самому царю; царь обрадовался и велел представить Никиту перед свои светлые очи. Набежали солдаты, схватили Никиту Колтому и потащили во дворец; а товарищи ему вслед кричат: «Что, брат, договорился? Ты думаешь с царем шутки шутить! Ну-ка ступай теперь на расправу!» Приводят Никиту в большие палаты; говорит ему грозный царь: «Ты, Никита, похваляешься, что можешь достать мне невесту краше солнца, ясней месяца и белее снегу?» — «Могу, ваше величество!» — «Хорошо, братец! Коли ты мне заслужишь — награжу тебя казною несметною и поставлю первым министром; а коли соврал — то мой меч, твоя голова с плеч!» — «Рад стараться, ваше величество! Прикажите наперед погулять мне один месяц». Царь на это был согласен и дал Никите открытый лист за своим подписом, чтобы во всех трактирах и харчевнях отпущали ему безденежно всякие напитки и кушанья.

Никита Колтома пошел по столице гулять: в какой трактир ни зайдет — только покажет открытый лист, тотчас несут ему все, чего душа требует. Гуляет он день, два и три, гуляет неделю, и другую, и третью; вот и срок вышел. Время к царю являться; попрощался Никита с своими приятелями, приходит во дворец и просит у царя собрать ему двенадцать добрых мо́лодцев — рост в рост, волос в волос и голос в голос, да приготовить еще тринадцать белотканых шатров с золотыми узорами. У царя живо готово: вмиг собраны мо́лодцы, и шатры поделаны. «Ну, ваше величество,— говорит Никита,— теперь собирайтесь да поедемте за невестою». Оседлали они своих добрых коней, навьючили шатры; после того отслужили напутственный молебен, простились с градскими жителями, сели на коней и поскакали — только пыль столбом!

Едут день, и два, и три — стоит в чистом поле кузница. Говорит Никита: «Поезжайте с богом прямо, а я пока забегу в кузницу да закурю трубку». Входит в кузницу, а в ней пятнадцать кузнецов железо куют, молотами постукивают. «Бог помочь, братцы!» — «Спасибо, добрый человек!» — «Сделайте мне прут в пятнадцать пуд».— «Сделать-то мы не прочь, да кто станет железо поворачивать? Пятнадцать пуд — не шутка!» — «Ничего, братцы! Вы бейте молотами, а я стану поворачивать». Кузнецы принялись за работу и сковали железный прут в пятнадцать пуд. Никита взял этот прут, вышел в поле, подбросил его вверх на пятнадцать сажо́н и подставил свою руку: железный прут упал ему на руку, богатырской крепости не выдержал — пополам переломился. Никита Колтома заплатил кузнецам за труды, бросил им изломанный прут и уехал.

Нагоняет своих товарищей; едут они еще три дня — опять

стоит в чистом поле кузница. «Поезжайте вперед, а я зайду в кузницу»,— говорит Никита. Вошел в кузницу, а в ней двадцать пять кузнецов железо куют, молотами постукивают. «Бог помочь, ребята!» — «Спасибо, добрый человек!» — «Скуйте мне прут в двадцать пять пуд».— «Сковать — неважное дело, да где тот силач, что столько железа ворочать будет?» — «Я сам буду ворочать». Взял он двадцать пять пуд железа, раскалил докрасна и стал на наковальне поворачивать, а кузнецы знай молотами бьют. Сделали прут в двадцать пять пуд. Никита взял тот железный прут, вышел в поле, подкинул его вверх на двадцать пять сажо́н и подставил свою руку. Прут ударился о богатырскую руку и разломился надвое. «Нет, не годится!» — сказал Никита, заплатил за работу, сел на коня и уехал. Нагоняет своих товарищей.

Едут они день, другой и третий — опять стоит в чистом поле кузница. Говорит Никита товарищам: «Поезжайте вперед, а я зайду в кузницу — трубку закурю». Вошел в кузницу, а в ней пятьдесят кузнецов старика мучают: на наковальне седой старик лежит, десять человек держат его клещами за бороду, а сорок молотами по бокам осаживают. «Братцы, помилуйте! — кричит старик во весь голос.— Отпустите душу на покаяние!» — «Бог помочь!» — говорит Никита. «Спасибо, добрый человек!» — отвечают кузнецы. «За что вы старика мучаете?» — «А вот за что: должен он нам всем по рублю, да не отдает; как же не бить его?» — «Экий несчастный,— думает Никита,— за пятьдесят рублев да этакую казнь принимает». И говорит кузнецам: «Послушайте, братцы, я вам за него плательщик, отпустите старика на волю».— «Изволь, добрый человек! Для нас все равно — с кого ни получить, лишь бы деньги были».

Никита Колтома вынул пятьдесят рублев; кузнецы взяли деньги и только выпустили старика из железных клещей — как он в ту же минуту с глаз пропал! Смотрит Никита: «Да куда же он девался?» — «Вона! Ищи его теперь,— говорят кузнецы,— ведь он — колдун!» Заказал Никита сковать железный прут в пятьдесят пуд; взял его, подбросил вверх на пятьдесят сажо́н и подставил свою руку: прут выдержал, не изломался. «Вот этот годится»,— сказал Никита и поехал догонять товарищей. Вдруг слышит позади себя голос: «Никита Колтома, постой!» Оглянулся назад и видит — бежит к нему тот самый старик, которого он от казни выкупил. «Спасибо тебе, добрый человек,— говорит старик,— что ты меня от злой муки избавил. Ведь я ровно тридцать лет терпел этакое горе! Вот тебе на память подарок: возьми — пригодится». И дает ему шапку-невидимку: «Только надень на́ голову — никто тебя не увидит!» Никита взял шапку-невидимку, поблагодарил старика и поскакал дальше. Нагнал своих товарищей, и поехали все вместе.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — подъезжают они к одному дворцу. Кругом тот дворец обнесен высокою железною оградою: ни войти на двор, ни въехать добрым мо́лодцам. Говорит грозный царь: «Ну, брат Никита, ведь дальше нам ходу нет». Отвечает Никита Колтома: «Как не быть ходу, ваше величество! Я всю вселенную изойду, а вам невесту найду. Этакая ограда нам не у́держа... Ну-ка, ребята, ломайте ограду, делайте ворота на широкий двор».

Добрые мо́лодцы послезали с коней, принялись за ограду, только что ни делали — не могли сломать: стоит ограда, не рушится. «Эх, братцы,— говорит Никита,— все-то вы мелко плаваете, нечего на вас мне надеяться, приходится самому хлопотать». Соскочил Никита с своего коня, подошел к ограде, ухватился богатырскими руками за решетку, дернул раз и повалил всю ограду наземь. Въехали грозный царь и добрые мо́лодцы на широкий двор и там на зеленом лугу разбили свои шатры белотканые с золотыми узорами; закусили чем бог послал, легли спать и с устатку заснули крепким сном. Всем по шатру досталося; только нет шатра Никите Колтоме. Отыскал он три рогожи дырявые, сделал себе шалаш, лег на голой земле, а спать не спит, дожидается, что будет.

На заре на утренней проснулась в своем тереме царевна Елена Прекрасная, выглянула в косящатое окошечко и усмотрела: стоят на зеленом лугу тринадцать белотканых шатров, золотыми цветами вышиты, а впереди всех стоит шалаш — из рогож сделан. «Что такое? — думает царевна.— Откудова эти гости понаехали?» Глядь — а железная ограда разломана; крепко разгневалась Елена Прекрасная, призывает к себе сильномогучего богатыря и приказывает: «Сейчас на коня садись, поезжай к этим шатрам и предай всех ослушников смерти; трупы за ограду повыбросай, а шатры ко мне представь».

Сильномогучий богатырь оседлал своего доброго коня, оделся в доспехи воинские и напущается на незваных гостей. Усмотрел его Никита Колтома, стал спрашивать: «Кто едет?» — «А ты что за невежа, спрашиваешь?» Те слова Никите не показалися, выскочил он из своего шалаша, ухватил богатыря за ногу и стащил с лошади на сырую землю, поднял железный прут в пятьдесят пуд, отвесил ему единый удар и говорит: «Теперь ступай к своей царевне обратно да скажи ей, чтобы долго не спесивилась, своего бы войска не тратила, а выходила бы замуж за нашего грозного царя». Богатырь поскакал назад — рад, что Никита живого его на свет пустил! Приехал во дворец и сказывает царевне: «Это на ваш двор заехали непомерные силачи, сватают вас за своего грозного царя и велели мне говорить, чтоб вы не спесивились, понапрасну войска не тратили, а выходили бы за того царя замуж».

Как услыхала Елена Прекрасная такие смелые речи, тотчас взволновалася, созвала всех своих сильномогучих богатырей и стала приказывать: «Слуги мои верные! Соберите войско несметное, разорите шатры белотканые, избейте незваных гостей, чтоб и праху ихнего не было!» Сильномогучие богатыри, долго не думавши, собрали войско несметное, сели на своих богатырских коней и понеслись на шатры белотканые с золотыми узорами. Только поравнялись с рогожаным шалашиком, выскочил перед ними Никита Колтома, взял свой железный прут в пятьдесят пуд и начал им в разные стороны помахивать; в короткое время перебил все войско и сильномогучих богатырей, только одного богатыря в живых оставил. «Поезжай,— говорит,— к своей царевне Елене Прекрасной да скажи ей, чтоб она больше войска не тратила: нас войском не испугаешь! Теперь я с вами один сражался: что же будет с вашим царством, как проснутся мои товарищи? Камня на камне не оставим, все по чисту полю разнесем!»

Богатырь воротился к царевне, рассказал, что войско побито, что на таких витязей никакой силы не хватит. Елена Прекрасная послала звать грозного царя во дворец, да тут же приказала каленую стрелу изготовить; а сама вышла встречать гостей с лаской, с честию. Идет царевна навстречу, а за ней пятьдесят человек лук и стрелу несут. Никита Колтома увидал богатырский лук, тотчас догадался, что тою стрелою хотят их потчевать, надел на голову шапку-невидимку, подскочил, натянул лук и направил стрелу в царевнины терема — в одну минуту весь верхний этаж сшиб! Нечего делать, берет Елена Прекрасная грозного царя за руку, ведет в белокаменные палаты, сажает за столы дубовые, за скатерти браные; стали пить, есть, веселиться. В палатах убранство чудное: весь свет обойти, такого нигде не найдешь.

После обеда говорит Никита грозному царю: «Нравится ли вашему величеству невеста? Аль за другою ехать?» — «Нет, Никита, нечего попусту ездить; лучше этой в белом свете нет!» — «Ну и женитесь; теперь она в ваших руках. Да смотрите, ваше величество, не плошайте: первые три ночи станет она вашу силу пытать, наложит свою руку и станет крепко-крепко давить; вам ни за что не стерпеть! В те поры уходите поскорей из комнаты, а я на ваше место приду и живо ее усмирю». Вот и принялись за свадьбу; у царей ни мед варить, ни вино курить — все готово. Сыграли свадьбу, и пошел грозный царь с Еленою Прекрасною опочив держать.

Лег на мягкую постель и притворился, будто спать хочет. Елена Прекрасная наложила ему на грудь свою руку и спрашивает: «Тяжела ли моя рука?» — «Так тяжела, как перо на воде!» — отвечает грозный царь, а сам еле дух переводит: так ему грудь сдавило! «Постой-ка, Елена Прекрасная: ведь я позабыл назавтра приказ

отдать, надо теперь пойти...» Вышел из спальни, а у дверей Никита стоит: «Ну, братец, правду ты сказал: чуть-чуть меня совсем не удушила».— «Ничего, ваше величество! Постойте здесь, я это дело сделаю»,— сказал Никита, пошел к царевне, лег на постель и захрапел.

Елена Прекрасная подумала, что то грозный царь воротился, наложила на него свою руку, давила-давила — нет толку! Наложила обе руки и ну давить пуще прежнего... А Никита Колтома ухватил ее, будто во сне, да как бросит об пол — все терема так и затряслись! Царевна поднялась, легла потихоньку и заснула. Тут Никита встал, вышел к царю и говорит: «Ну, теперь смело ступайте, до другой ночи ничего не будет!» Вот так-то, с помощью Никиты Колтомы, отбыл грозный царь три первые ночи и стал жить со своею царевною Еленою Прекрасною, как следует мужу с женой.

Ни много, ни мало прошло времени, узнала Елена Прекрасная, что грозный царь ее обманом взял, что сила у него не великая, что люди над нею насмехаются: Никита-де с царевною три ночи спал! Страшно она озлобилась и затаила на сердце жестокую месть. Вздумал царь в свое государство ехать, говорит Елене Прекрасной: «Полно нам здесь проживать, пора и домой побывать; собирайся-ка в дорогу». И собрались они морем ехать; нагрузили корабль разными драгоценными вещами, сели и пустились пó морю. Плывут день, и другой, и третий; царь весел, не нарадуется, что везет к себе царевну краше солнца, ясней месяца, белей снега: а Елена Прекрасная свою думу думает: как бы отплатить за обиду. На ту пору одолел Никиту богатырский сон, и уснул он на все на двенадцать суток. Как увидала Елена Прекрасная, что Никита богатырским сном спит, тотчас кликнула своих верных слуг, приказала отрубить ему ноги по колена, после положить его в шлюпку и пустить в открытое море. Тут же при ее глазах отрубили сонному Никите ноги по колена, положили в шлюпку и пустили в море. На тринадцатые сутки пробудился бедный Никита, смотрит — кругом вода, сам без ног лежит, а корабля и след простыл...

Между тем корабль плыл да плыл; вот и пристань. Загремели пушки, сбежались горожане, и купцы, и бояре, встречают царя хлебом-солью, поздравляют с законным браком. Царь начал пиры пировать, гостей созывать; а про Никиту и думать позабыл. Да недолго пришлось ему веселиться; Елена Прекрасная скоро лишила его царства, стала всем сама заправлять, а его заставила свиней пасти. Не уходилось и этим царевнино сердце: приказала по всем сторонам розыск учинить, не остались ли где у Никиты Колтомы родичи? Коли кто найдется, того во дворец представить. Поскакали гонцы, начали всюду разыскивать и нашли родного брата Никиты — Тимофея Колтому; взяли его, привезли во дворец.

Царевна Елена Прекрасная приказала выколоть ему глаза и потом выгнать вон из города. В ту ж минуту выкололи Тимофею глаза, вывели его за город и оставили в чистом поле. Потащился слепой ощупью: шел, шел и пришел на взморье; ступил еще шаг-другой и чует — под ногами вода; остановился, стоит на одном месте — ни взад, ни вперед — боится идти. Вдруг принесло к берегу шлюпку с Никитою. Увидал Никита человека, обрадовался и подает ему голос: «Эй, добрый человек! Помоги мне на землю выйти». Отвечает слепой: «Рад бы тебе пособить, да не могу; я сам без глаз — ничего не вижу».— «Да ты откудова, и как тебя по имени зовут?» — «Я — Тимофей Колтома; выколола мне глаза новая царица, Елена Прекрасная, и выгнала из своего царства».— «Ах, да ведь ты мне брат родной; я — Никита Колтома. Ступай же ты, Тимоша, в правую сторону — там растет высокий дуб; развороти этот дуб, притащи сюда и брось с берега на́ воду: я по нем к тебе вылезу».

Тимофей Колтома повернул направо, сделал несколько шагов, нащупал высокий старый дуб, обхватил его обеими руками и сразу выворотил с корнем, приволок тот дуб и бросил в воду; одним концом на земле легло дерево, а другим возле шлюпки угодило. Никита выкарабкался кое-как на берег, поцеловался с своим братом и говорит: «Как-то теперь наш грозный царь поживает?» — «Эх, брат,— отвечает Тимофей Колтома,— наш грозный царь теперь в великом бессчастье: пасет свиней в поле, каждое утро получает фунт хлеба, кружку воды да три розги в спину». После того стали они разговаривать, как им жить и чем кормиться?

Говорит Никита: «Слушай, брат, мой совет! Ты меня носить будешь, потому что я без ног; а я на тебе сидеть буду да сказывать, в какую сторону идти надо».— «Ладно! Быть по-твоему: хоть оба увечные, а двое за одного здорового сойдем».

Вот Никита Колтома сел своему брату на шею и стал дорогу показывать; Тимофей шел, шел и пришел в дремучий лес. В том лесу стоит избушка бабы-яги. Вошли братья в избушку — нет ни души. «А ну-ка, брат,— говорит Никита,— пощупай-ка в печке: нет ли еды какой?» Тимофей полез в печку, вытащил оттуда всяких кушаньев, поставил на стол, и начали они оба уписывать, с голоду все начисто приели. После того стал Никита избушку оглядывать; увидал на окошке небольшой свисток, взял его, приложил к губам и давай насвистывать. Смотрит: что за диво? Слепой брат пляшет, изба пляшет, и стол, и лавки, и посуда — все пляшет! Горшки вдребезги поразбивались! «Полно, Никита! Перестань играть,— просит слепой,— сил моих не хватает больше!» Никита перестал насвистывать, и в ту ж минуту все приутихло.

Вдруг отворяется дверь, входит баба-яга и кричит громким голосом: «Ах вы, бродяги бездомные! Доселева тут птица не проле-

тывала, зверь не прорыскивал, а вы забрались, все кушанья приели, все горшки перебили. Хорошо же, вот я с вами разделаюсь!» Отвечает Никита: «Молчи, старое стерво! Мы и сами сумеем разделаться. Эй, брат Тимоха, подержи ее, ведьму, да покрепче!» Тимофей схватил бабу-ягу в охапку, стиснул крепко-накрепко, а Никита сейчас ее за косы и давай по избе возить. «Батюшки! Не бейте,— просится баба-яга,— я вам сама в пригоде буду: что хотите, все вам достану».— «А ну, старая, говори: можешь ли достать нам целющей и живущей воды? Коли достанешь, пущу живую на белый свет; а нет, так лютой смерти предам».

Баба-яга согласилась и привела их к двум родникам: «Вот вам целющая, а вот и живущая вода!» Никита Колтома почерпнул целющей воды, облил себя — и выросли у него ноги: ноги совсем здоровые, а не двигаются. Почерпнул он живущей воды, помочил ноги — и стал владеть ими. То же было и с Тимофеем Колтомою; помазал он глазные ямки целющей водой — появились у него очи, совсем-таки невредимые, только ничего не видят; помазал их живущей водой — и стал видеть лучше прежнего. Поблагодарили братья старуху, отпустили ее домой и пошли выручать грозного царя из беды-напасти.

Приходят в столичный город и видят — грозный царь перед самым дворцом свиней пасет. Никита Колтома заиграл в свисток; и пастух и свиньи пошли плясать. Елена Прекрасная увидала это из окошечка, осердилась и тотчас приказала принести пуки розог и высечь и пастуха и музыканта. Прибежала стража, схватила их и повела во дворец угощать розгами. Никита Колтома как пришел во дворец к Елене Прекрасной, не захотел долго мешкать, схватил ее за белые руки и говорит: «Узнаешь ли меня, Елена Прекрасная? Ведь я — Никита Колтома. Теперь, грозный царь, она в твоей воле: что захочешь, то и сделаешь!» Грозный царь приказал ее расстрелять, а Никиту сделал своим первым министром, всегда его почитал и во всем слушался.

ПРИТВОРНАЯ БОЛЕЗНЬ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь с царицею, а детей у них не было; стали они со слезами бога молить, чтоб даровал им хоть единое детище,— и услышал господь их молитву: царица забеременела. В то самое время понадобилось царю нáдолго отлучиться из дому; простился с женой и отправился в дорогу. Много ли, мало ли прошло времени, родила царица сына Ивана-царевича — такого красавца, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать. Рос он не по годам, не по дням, а по часам, по

минутам — как тесто на опаре киснет; вырос такой сильномогучий богатырь, что всякий стул под ним ломается, и просит царицу, чтоб приказала сделать ему железный стул, и тот с подпорами.

Вот воротился царь домой; царица обрадовалась, встречает его и сказывает, какого она ему сына родила — сильного, могучего богатыря. Царь не хотел верить, чтоб мог такой сын от него народиться; сделал пир, созвал всех князей, и бояр, и думных людей; спрашивает их: «Научите, что мне делать с неверной женой — топором казнить ее или вешать?» Один думный сенатор отвечает ему: «Чем казнить да вешать, лучше сослать ее с сыном в дальние страны, чтоб об них и слуху не было». Царь согласился, и тотчас выслали их из того государства.

Вышла царица с Иваном-царевичем за городские ворота. «Любезная матушка! — говорит он.— Сядь — отдохни здесь, а я от отца моего пешком не пойду». Вернулся назад и просит у царя лошади. «Ступай в заповедные луга; там пасутся мои табуны — выбирай себе любого коня». Приходит Иван-царевич в заповедные луга, начал коня выбирать: на которого руку положит — тот и издохнет. Выбежал к нему пастух: «Э-эх, Иван-царевич! Ты здесь не выберешь по себе коня. Возьми-ка вот этого для матери, а для тебя есть добрый конь на острову́; там растут двенадцать дубов, под ними выход есть, в том выходе стоит конь на двенадцати цепях, за двенадцатью дверями и за столькими ж замками; каждый замок в пятьдесят пуд». Иван-царевич благодарствовал на том пастуху, брал одного коня и держал путь к матери; сажал ее на того коня, а сам возле пешком шел.

Много ли, мало ли ушло времени — увидали они двенадцать дубов. Побежал туда царевич, открыл выход и начал ломать и двери и замки; только что конь услыхал по себе богатыря — тотчас стал помогать, копытами цепи, двери разбивать. Подходит Иван-царевич к коню, надевает на него богатырский прибор и выводит в поле чистое; сел верхом и начал пытать своего коня. Мать ему говорит: «Сын мой любезный! Завел меня в такие пустые, безлюдные места, да и покинуть хочешь».— «Нет, матушка! Я тебя не покину; я коня пытаю». Раскинули они на острову́ палатку, жили и питались, чем бог послал.

Однажды говорит Иван-царевич: «Государыня моя матушка! Благослови меня в дальнюю дорогу. Чем тут жить, лучше поеду — отыщу себе державу». Поехал он и долами, и горами, и темными лесами; выезжает на ровное место и видит впереди — словно гора воздымается. «Дай подъеду!» Подскакал поближе, глядь — а то лежит богатырь убитый. «Эх,— думает царевич,— славный был богатырь, да какой-то злодей сгубил; может, сам-то и ногтя его не стоит!» Подивовался-подивовался и хотел было ехать дальше;

вдруг мертвый богатырь отзывается: «Что же ты, Иван-царевич, только посмотрел на меня, а ни слова не вымолвил? Ты бы спросил меня, я б тебе добро посоветовал. Вишь ты, младой юноша, и сам не ведаешь — куда едешь, а едешь ты прямо к Огненному царю: не доезжая до его царства верст тридцать — уж огнем жжет! Столкни-ка мое туловище да возьми мой щит и острый меч-кладенец. Как станешь подъезжать к огненному царству и начнет тебя огнем жечь — ты закройся моим щитом и не бойся жару, а приедешь к самому царю — он тебя встретит с обманом; смотри, в обман не давайся, бей его один раз, а убьешь — меня не забудь!»

Иван-царевич взял щит и меч-кладенец, поскакал-полетел к Огненному царю, на всем скаку ударил его раз; Огненный царь наземь пал и кричит: «Бей еще!» — «Русский богатырь не бьет два раза, а раз да горазд!» Убивши царя, бросился его осматривать и нашел у него мертвую и живую воду. Взял ту воду и поехал к мертвому богатырю; соскочил с своего доброго коня, поднял голову богатыря, приложил ее к туловищу и спрыснул мертвой и живой водою. Богатырь встал; назвались они братьями и пошли путем-дорогою. Говорит богатырь: «Давай изведаем силу — чья возьмет?» — «Эх, брат! Не надоело тебе лежать в чистом поле тридцать три года; а я не хочу пролежать и единого. Лучше разъедемся в разные стороны!» И поехали они по разным дорогам.

Иван-царевич приехал к своей матери, рассказал ей, как победил Огненного царя, и зовет ее с собой: «Поедем, государыня матушка, в его царство».— «Ах, Иван-царевич! На что ты убил его? Ведь Огненный царь мне сват». Поехали они в то царство; жили сколько-то времени, вздумалось царевичу на охоту ехать, а мать его достала мертвую и живую воду, нашла Огненного царя, подкатила его голову к туловищу и давай взбрызгивать. Огненный царь открыл глаза и говорит: «Ах, любезная свашенька, долго ж я спал».— «Спать бы тебе отныне и до́ веку! Мой сын-злодей тебя до́ смерти убил. Как бы нам его извести?» — «А вот как: только он вернется — ты сделайся больна и скажи ему, что в таком-то царстве, куда ворон костей не заносит, есть одномесячные яблоки и от тех яблоков всякая хворь проходит. Пусть-ка достанет».

Сын вернулся домой — мать больна лежит, посылает его за одномесячными яблоками. Иван-царевич оседлал своего доброго коня и стрелой полетел в то царство далекое, куда ворон костей не заносит. А там царствовала девица-красавица, и был у ней пир большой. Выглянул из окна один из гостей и говорит: «Приехал к вам младой юноша: конь под ним аки лютый зверь, сбруя и все приспехи богатырские словно жар горят». Встречала его царевна середи двора широкого, сама снимала с доброго коня; взялись они за белые руки и пошли во дворец. Села царевна на золотой стул,

а русский богатырь сам себе место найдет. «Не будешь ли гневаться? — говорит Иван-царевич.— Ведь я с просьбой приехал».— «Говори: что надобно? Все тебе в угоду сделаю». Он ей сказал свою нужду. Тут они долго пировали и забавлялись, после того обручились и дали слово крепкое, чтоб ей за другого замуж нейти, а ему на другой не жениться. Пора Ивану-царевичу и в путь отправляться; невеста-красавица навязала ему одномесячных яблочков, пошла провожать и говорит ему: «Я слышала — ты большой охотник; подарю тебе двух собак. Эй, Тяжелый и Легкий! Служите царевичу, как мне служили; коли что над ним приключится — лучше и назад не бывайте!»

Едет Иван-царевич домой; мать увидала и говорит свату: «Вон наш разлучник едет!» Тотчас заперла Огненного царя за кипарисные двери, а сама на постель легла. Входит Иван-царевич во дворец и отдает матери одномесячные яблоки. Вдруг собаки бросились к кипарисной двери и начали грызть; мать говорит: «Сын мой любезный! Какую привел ты охоту? Мне и без того мочи нет, а они дверь грызут». Царевич закричал на своих собак — и они улеглись возле него.

На другой день поехал он с своей охотой позабавиться, а мать кинулась свата отпирать и просит его извести как-нибудь сына. Пошел Огненный царь к озеру, на песчаные берега, злого змея караулить. Мало ли, много ли дожидался — выходит змей на́ берег, лег и заснул. Огненный царь одним взмахом отрубил ему голову, вынул зелье и понес к сватье; отдает ей: «На,— говорит,— напеки с этим зельем лепешек и покорми сына».

Иван-царевич вернулся домой и просит у матери: «Нет ли поесть чего?» Она отвечает: «Мочи моей нет, ничего не готовила, только лепешек напекла — возьми и кушай на здоровье!» Только он взял одну лепешку — собака из рук ее вырвала. «Ну, сынок, завел ты охоту — не дадут и куска съесть!» — «Я, матушка, другую возьму». Взял еще — другая собака и эту вырвала. Взял третью, откусил и тут же помер. Мать соскочила с постели, отперла кипарисную дверь и выпустила свата. «Ну,— кричит,— извели, наконец, нашего злодея!» Выковырнули у Ивана-царевича глаза и бросили его в колодец, а сами стали жить да веселиться.

Собаки бились-бились около колодца, вытащили Ивана-царевича и понесли к нареченной невесте; а ей уж сердце сказало, что нет его на свете; вышла она далеко к нему навстречу, взяла его на свои белые руки, понесла во дворец и написала к своей сестре, чтобы та прислала новые, лучшие глаза и воды живой и мертвой. Начали его лечить, живой водой вспрыскивать. Иван-царевич встал: «Ах, моя милая невеста! Как долго я спал».— «Спать бы

тебе вечным сном, кабы не я!» — отвечала невеста и рассказала все, что с ним мать сделала.

Пожил он у ней несколько времени и собирается домой. Говорит ему царевна-красавица: «Иван-царевич! Не давайся в обман матери». Он оседлал коня и едет домой. Мать узнала его и закричала: «Опять едет мой злодей, и две собаки впереди бегут!» Заперла своего свата за кипарисную дверь, сама села под окно и горючьими слезами обливается. Иван-царевич въехал на двор, соскочил с коня и пошел к матери; собаки за ним и бросились дверь грызть. «Матушка! — говорит царевич.— Подай мне ключ от этой двери». Она мялась-мялась, не хотела ключа отдавать, разные отговорки приводила: и ключ-то потерян, и отпирать-то незачем! Иван-царевич сам нашел ключ, отворил дверь — а за дверью сидит в креслах Огненный царь.

Закричал царевич своей охоте: «Тяжелый и Легкий! Возьмите Огненного царя, отнесите в чистое поле и разорвите на мелкие части!» Собаки схватили его и разорвали на мелкие части: не только человеку кусков не собрать, даже птице не сыскать! Потом Иван-царевич сделал тугой лук и кленовую стрелу и говорит матери: «Пойдем теперь в чистое поле!» Пришли они в чистое поле; царевич натянул свой тугой лук, положил о́даль: «Становись, матушка, рядом со мною; кто из нас виноват, того кленовая стрела убьет». Мать прижалась к нему близко-близко. Сорвалась стрела и попала ей прямо в сердце.

Иван-царевич поехал к своей невесте; пристигла его в пути-дороге темная ночь. Усмотрел он вдали огонек, поехал в ту сторону — стоит избушка, а в избушке старуха сидит. Завел с нею разговор о том о сем; старуха ему и сказывает: «Есть у нас в озере страшный змей о двенадцати головах, все людей пожирает. Нынешнюю ночь вывезут к нему на съедение самоё царевну: так вышло по жребию!» Иван-царевич не ложился спать, со полуночи пошел на то озеро. Царевна стоит на берегу и во слезах говорит таковы речи: «Лютый змей! Пожри меня скорее, кончи мои мучения». Распахнулось у ней покрывало, и узнал Иван-царевич свою невесту, и она его признала. «Ступай отсюдова,— говорит ему царевна,— не то лютый змей и тебя съест!» — «Не пойду,— отвечает Иван-царевич,— мы с тобой обручились, чтобы вместе жить, вместе и помереть». Вот лезет из озера змей о двенадцати головах: «Эх, красная девица! Да у тебя заступа есть. Ну что ж! В моем брюхе и заступе будет место».— «Ах ты, про́клятый змей! — сказал Иван-царевич.— Ты прежде пожри, тогда и хвались». Вынул свой острый меч, раз махнул — и снял с него шесть голов; в другой махнул — и остальные сбил. Потом Иван-царевич поехал с своей невестою в ее царство, обвенчались и жили долго и счастливо.

ЧУДЕСНАЯ РУБАШКА

Служил в полку бравый солдат, получил из дому сто рублей. Проведал про то фельдфебель, занял у него деньги; а когда пришло время рассчитываться, то вместо всякой уплаты дал ему сто палок в спину: «Я-де твоих денег не видал, а всклепал ты на меня затейкою!» Солдат осердился и бежал в темный лес; лег было отдохнуть под дерево, глядь — летит шестиглавый змей. Прилетел, расспросил солдата про его житье-бытье и говорит: «Чем тебе по́ лесу таскаться, наймись ко мне на три года».— «Изволь!» — отвечает солдат. «Ну, садись на меня». Солдат стал навьючивать на змея весь свой скарб. «Эх, служивый, зачем берешь с собою эту дрянь?» — «Что ты, змей! Солдата и за пуговицу больно бьют, так как же ему свой скарб покинуть?»

Змей принес солдата в свои палаты и наложил на него такую службу: «Сиди у котла три года, огонь разводи да кашу вари!» А сам улетел на все это время по свету странствовать. Работа нетрудная: подложит солдат дров под котел и сидит себе — водочку попивает да закусками заедает, а водка у змея не то что нашенская — из-под лодки, а куда забористая! Через три года прилетел змей. «Что, служивый, готова ли каша?» — «Должно быть, готова! Огонь у меня во все три года николи не погасал». Змей съел весь котел за единый раз, похвалил солдата за хорошую службу и нанял его на другие три года.

Прошло и это время; змей съел кашу и оставил солдата еще на три года. Два года варил солдат кашу, а на исходе третьего вздумал: «Что же я живу у змея девятое лето, все ему кашу варю, а какова она, и не попробовал. Дай отведаю!» Поднял крышку, а в котле фельдфебель сидит. «Хорошо же,— думает,— уж я тебя, дружок, потешу; удружу за твои палки!» И ну таскать дрова да под котел подкладывать как можно больше; такой огонь развел, что не только мясо, все косточки разварил! Змей прилетел, съел кашу и похвалил солдата: «Ну, служивый! Прежде была хороша каша, а теперь и того лучше уварилася! Выбирай себе в награду что полюбится». Солдат глянул туда-сюда и выбрал богатырского коня и рубаху из толстого холста. Рубаха была не простая, а волшебная; только надень ее — богатырь будешь.

Солдат едет к одному королю, помогает ему в тяжелой войне и женится на его прекрасной дочери. Только королевне было не по́ сердцу, что выдали ее замуж за простого солдата; свела она шашни с соседним королевичем и, чтобы дознаться, в чем заключается богатырская сила солдата, стала к нему подольщаться; выведала, улучила минуту, сняла с сонного мужа рубашку и отдала королевичу. Тот надел на себя волшебную рубаху, ухватил меч,

изрубил солдата на мелкие части, поклал их в кулек и приказал конюхам: «Возьмите вот этот кулек, прицепите к какой-нибудь кляче и гоните ее в чистое поле!» Конюхи пошли приказ выполнять, а солдатский богатырский конь обернулся клячею и сам к ним на глаза лезет. Взяли они — прицепили к нему кулек и погнали коня в чистое поле. Богатырский конь быстрей птицы пустился, прибежал к змею, остановился у его дворца и три дня, три ночи без устали ржал.

На ту пору змей крепко-крепко спал, насилу проснулся от конского ржанья и топота, вышел из палат, заглянул в кулек и ахнул! Взял изрубленные куски, сложил вместе, обмыл мертвою водою — солдатское тело срослося; взбрызнул живою водою — и солдат ожил. «Фу,— говорит,— как я долго спал!» — «Долго бы спать тебе, если б не добрый конь!» — отвечал змей и выучил солдата хитрой науке принимать на себя разные виды. Солдат обернулся голубем, полетел к королевичу, с которым его неверная жена стала вместе жить, и уселся на кухонное окошечко. Увидала его молодая стряпка. «Ах,— говорит,— какой хорошенький голубок!» Отворила окно и впустила его в кухню. Голубок ударился об пол и стал добрым молодцем: «Услужи мне, красная девица! Я тебя замуж возьму».— «Чем же тебе услужить?» — «Добудь с королевича толстого холста рубашку».— «Да ведь он ее никогда не сымает! Разве тогда сымает, когда в море купается».

Солдат расспросил, в которое время королевич купается, вышел на дорогу и сделался цветочком. Вот идут королевич с королевною нá море, а за ними стряпка с чистым бельем. Увидал королевич цветок и любуется, а королевна сейчас догадалася: «Ах, ведь это проклятый солдат перекинулся!» Сорвала цветок и давай его мять да листочки обрывать; цветок обернулся малою мушкою и спрятался незаметно у стряпки за пазуху. Как только королевич разделся да полез в воду, мушка вылетела и обернулась ясным соколом, сокол подхватил-унес рубашку, а сделавшись добрым молодцем, надел ее на себя. Тут солдат взялся за меч, предал смерти и жену-изменщицу и ее любовника, а сам женился на красной девице — молодой стряпке.

В некотором царстве жил богатый купец; помер купец и оставил трех сыновей на возрасте. Старшие два каждый день ходили охотничать. В одно время выпросили они у матери и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там — с тем чтобы все отцовское имение разделить меж собой

на две части, а его лишить наследства. Иван купеческий сын долгое время бродил по́ лесу, питаясь ягодами да кореньями; наконец выбрался на прекрасную равнину и на той равнине увидал дом. Вошел в комнаты, ходил-ходил — нет никого, везде пусто; только в одной комнате стол накрыт на три прибора, на тарелках лежат три хлеба, перед каждым прибором по бутылке с вином поставлено. Иван купеческий сын откусил от каждого хлеба по малому кусочку, съел и потом из всех трех бутылок отпил понемножку и спрятался за дверь.

Вдруг прилетает орел, ударился о землю и сделался мо́лодцем; за ним прилетает сокол, за соколом воробей — ударились о землю и оборотились тоже добрыми мо́лодцами. Сели за стол кушать. «А ведь хлеб да вино у нас початы!» — говорит орел. «И то правда,— отвечает сокол,— видно, кто-нибудь к нам в гости пожаловал». Стали гостя искать-вызывать. Говорит орел: «Покажись-ка нам! Коли ты старый старичок — будешь нам родной батюшка, коли добрый мо́лодец — будешь родной братец, коли ты старушка — будешь мать родная, а коли красная девица — назовем тебя родной сестрицею». Иван купеческий сын вышел из-за двери; они его ласково приняли и на́звали своим братцем.

На другой день стал орел просить Ивана купеческого сына: «Сослужи нам службу — останься здесь и ровно через год в этот самый день собери на стол».— «Хорошо,— отвечает купеческий сын,— будет исполнено». Отдал ему орел ключи, позволил везде ходить, на все смотреть, только одного ключа, что на стене висел, брать не велел. После того обратились добрые мо́лодцы птицами — орлом, соколом и воробьем — и улетели.

Иван купеческий сын ходил однажды по двору и усмотрел в земле дверь за крепким замком; захотелось туда заглянуть, стал ключи пробовать — ни один не приходится; побежал в комнаты, снял со стены запретный ключ, отпер замок и отворил дверь. В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла две сумки привешены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно до того самого дня, в который должны прилететь его названые братья. Как только проснулся, запер он дверь, ключ на старое место повесил и накрыл стол на три прибора.

Вот прилетели орел, сокол и воробей, ударились о землю и сделались добрыми мо́лодцами, поздоровались и сели обедать. На другой день начал просить Ивана купеческого сына сокол: сослужи-де службу еще один год! Иван купеческий сын согласился. Братья улетели, а он опять пошел по двору, увидал в земле другую

дверь, отпер ее тем же ключом. В подземелье богатырский конь стоит — во всем убранстве, по обеим сторонам седла сумки прицеплены: в одной — золото, в другой — самоцветные камни. Начал он коня гладить; богатырский конь ударил его копытом в грудь и вышиб из подземелья на целую сажень. От того Иван купеческий сын спал беспробудно столько же времени, как и прежде; проснулся в тот самый день, когда братья должны прилететь, запер дверь, ключ на стену повесил и приготовил стол.

Прилетают орел, сокол и воробей; ударились о землю, поздоровались и сели обедать. На другой день поутру начал воробей просить Ивана купеческого сына: сослужи-де службу еще один год! Он согласился. Братья обратились птицами и улетели. Иван купеческий сын прожил целый год один-одинешенек, и когда наступил урочный день — накрыл стол и дожидает братьев. Братья прилетели, ударились о землю и сделались добрыми мо́лодцами; вошли, поздоровались и пообедали. После обеда говорит старший брат, орел: «Спасибо тебе, купеческий сын, за твою службу; вот тебе богатырский конь — дарю со всею сбруею, и с золотом, и с камнями самоцветными». Середний брат, сокол, подарил ему другого богатырского коня, а меньший брат, воробей,— рубашку. «Возьми,— говорит,— эту рубашку пуля не берет; коли наденешь ее — никто тебя не осилит!»

Иван купеческий сын надел ту рубашку, сел на богатырского коня и поехал сватать за себя Елену Прекрасную; а об ней было по всему свету объявлено: кто победит Змея Горыныча, за того ей замуж идти. Иван купеческий сын напал на Змея Горыныча, победил его и уж собирался защемить его голову в дубовый пень, да Змей Горыныч начал слезно молить-просить: «Не бей меня до смерти, возьми к себе в услужение; буду тебе верный слуга!» Иван купеческий сын сжалился, взял его с собою, привез к Елене Прекрасной и немного погодя женился на ней, а Змея Горыныча сделал поваром.

Раз уехал купеческий сын на охоту, а Змей Горыныч обольстил Елену Прекрасную и приказал ей разведать, отчего Иван купеческий сын так мудр и силен? Змей Горыныч сварил крепкого зелья, а Елена Прекрасная напоила тем зельем своего мужа и стала выспрашивать: «Скажи, Иван купеческий сын, где твоя мудрость?» — «На кухне, в венике». Елена Прекрасная взяла этот веник, изукрасила разными цветами и положила на видное место. Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал веник и спрашивает: «Зачем этот веник изукрасила?» — «А затем,— говорит Елена Прекрасная,— что в нем твоя мудрость и сила скрываются».— «Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в венике?»

Елена Прекрасная опять напоила его крепким зельем и спрашивает: «Скажи, милый, где твоя мудрость?» — «У быка в рогах». Она приказала вызолотить быку рога. На другой день Иван купеческий сын, воротясь с охоты, увидал быка и спрашивает: «Что это значит? Зачем рога вызолочены?» — «А затем,— отвечает Елена Прекрасная,— что тут твоя сила и мудрость скрываются».— «Ах, как же ты глупа! Разве может моя сила и мудрость быть в рогах?» Елена Прекрасная напоила мужа крепким зельем и безотвязно стала его выспрашивать: «Скажи, милый, где твоя мудрость, где твоя сила?» Иван купеческий сын выдал ей тайну: «Моя сила и мудрость вот в этой рубашке». После того опьянел и уснул: Елена Прекрасная сняла с него рубашку, изрубила его в мелкие куски и приказала выбросить в чистое поле, а сама стала жить с Змеем Горынычем.

Трое суток лежало тело Ивана купеческого сына по чисту полю разбросано; уж вóроны слетелись клевать его. На ту пору пролетали мимо орел, сокол и воробей, увидали мертвого брата и решились помочь ему. Тотчас бросился сокол вниз, убил с налету вороненка и сказал старому ворону: «Принеси скорее мертвой и живой воды!» Вóрон полетел и принес мертвой и живой воды. Орел, сокол и воробей сложили тело Ивана купеческого сына, спрыснули сперва мертвою водою, а потом живою. Иван купеческий сын встал, поблагодарил их; они дали ему золотой перстень. Только что Иван купеческий сын надел перстень на руку, как тотчас оборотился конем и побежал на двор Елены Прекрасной. Змей Горыныч узнал его, приказал поймать этого коня, поставить в конюшню и на другой день поутру отрубить ему голову.

При Елене Прекрасной была служанка; жаль ей стало такого славного коня, пошла в конюшню, сама горько плачет и приговаривает: «Ах, бедный конь, тебя завтра казнить будут». Провещал ей конь человеческим голосом: «Приходи завтра, красная девица, на место казни, и как брызгнет кровь моя наземь — заступи ее своей ножкою; после собери эту кровь вместе с землею и разбросай кругом дворца». Поутру повели коня казнить; отрубили ему голову, кровь брызгнула — красная девица заступила ее своей ножкою, а после собрала вместе с землею и разбросала кругом дворца; в тот же день выросли кругом дворца славные садовые деревья. Змей Горыныч отдал приказ вырубить эти деревья и сжечь все до единого. Служанка заплакала и пошла в сад в последний раз погулять-полюбоваться. Провещало ей одно дерево человеческим голосом: «Послушай, красная девица! Как станут сад рубить, ты возьми одну щепочку и брось в озеро». Она так и сделала, бросила щепочку в озеро — щепочка оборотилась золотым селезнем и поплыла по воде.

Пришел на то озеро Змей Горыныч — вздумал поохотничать, увидал золотого селезня. «Дай,— думает,— живьем поймаю!» Снял с себя чудесную рубашку, что Ивану купеческому сыну воробей подарил, и бросился в озеро. А селезень все дальше, дальше, завел Змея Горыныча вглубь, вспорхнул — и на берег, оборотился добрым молодцем, надел рубашку и убил змея. После того пришел Иван купеческий сын во дворец, Елену Прекрасную расстрелял, а на ее служанке женился и стал с нею жить-поживать, добра наживать.

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛЬЦЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был купец-вдовец; у него были сын, да дочь, да родной брат... В одно время собирается этот купец в чужие земли ехать, разные товары закупать, берет с собой сына, а дома оставляет дочку; призывает он своего брата и говорит ему: «Препоручаю тебе, любезный братец, весь мой дом и хозяйство и усердно прошу: присматривай построже за моей дочкою, учи ее грамоте, а баловать не позволяй!» После того простился купец с братом и с дочерью и отправился в путь. А купеческая дочь была уж на возрасте и такой красоты неописанной, что хоть целый свет изойди, а другой подобной не сыщешь! Пришла дяде нечистая дума в голову, не дает ему ни днем, ни ночью покоя, стал он приставать к красной девице. «Или,— говорит,— грех со мной сотвори, или тебе на свете не жить; и сам пропаду и тебя убью!..»

Пошла как-то девица в баню, дядя за нею — только в дверь, она хвать полный таз кипятку и окатила его с головы до ног. Три недели провалялся он, еле выздоровел; страшная ненависть грызет ему сердце, и начал он думать: как бы отсмеять эту насмешку? Думал, думал, взял да и написал к своему брату письмо: твоя-де дочь худыми делами занимается, по чужим дворам таскается, дома не ночует и меня не слушает. Получил купец это письмо, прочитал и сильно разгневался; говорит сыну: «Вот твоя сестра весь дом опозорила! Не хочу ж ее миловать: поезжай сию минуту назад, изруби негодницу на мелкие части и на этом ноже привези ее сердце. Пусть добрые люди не смеются с нашего рода-племени!»

Сын взял острый нож и поехал домой; приехал в свой родной город потихоньку, никому не сказываясь, и начал по сторонам разведывать: как живет такая-то купеческая дочь? Все в один голос хвалят ее — не нахвалятся: и тиха-то, и скромна, и бога знает, и добрых людей слушается. Разузнавши все, пошел он к своей сестрице; та обрадовалась, кинулась к нему навстречу, обнимает,

целует: «Милый братец! Как тебя господь принес? Что наш родимый батюшка?» — «Ах, милая сестрица, не спеши радоваться. Не к добру мой приезд: меня прислал батюшка, приказал твое белое тело изрубить на мелкие части, сердце твое вынуть да на этом ноже к нему доставить».

Сестра заплакала. «Боже мой,— говорит,— за что такая немилость?» — «А вот за что!» — отвечал брат и рассказал ей о дядином письме. «Ах, братец, я ни в чем не виновна!» Купеческий сын выслушал, как и что случилося, и говорит: «Не плачь, сестрица! Я сам знаю, что ты не виновна, и хоть батюшка не велел принимать никаких оправданий, а все-таки казнить тебя не хочу. Лучше соберись ты и ступай из отцовского дома куды глаза глядят; бог тебя не оставит!» Купеческая дочь не стала долго думать, собралась в дорогу, простилась с братцем и пошла, куда — и сама не ведает. А ее брат убил дворовую собаку, вынул сердце, нацепил на острый нож и повез к отцу. Отдал ему собачье сердце: «Так и так,— говорит,— по твоему родительскому приказанию казнил сестрицу».— «А ну ее! Собаке собачья и смерть!» — отвечал отец.

Долго ли, коротко ли блуждала красная девица по белому свету, наконец зашла в частый, дремучий лес: из-за высоких деревьев чуть-чуть небо видно. Стала она ходить по этому лесу и случайно вышла на широкую поляну; на этой поляне — белокаменный дворец, кругом дворца железная решетка. «Дай-ка,— думает девица,— зайду я в этот дворец, не все же злые люди, авось худа не будет!» Входит она в палаты — в палатах нет ни души человеческой; хотела было назад поворотить — вдруг прискакали на двор два сильномогучие богатыря, вошли во дворец, увидали девицу и говорят: «Здравствуй, красавица!» — «Здравствуйте, честные витязи!» — «Вот, брат,— сказал один богатырь другому,— мы с тобой тужили, что у нас хозяйничать некому; а бог нам сестрицу послал». Оставили богатыри купеческую дочь у себя жить, назвали родною сестрицею, отдали ей ключи и сделали надо всем домом хозяйкою; потом вынули острые сабли, уперли друг дружке в грудь и положили такой уговор: «Если кто из нас посмеет на сестру посягнуть, то не щадя изрубить его этою самою саблею».

Вот живет красная девица у двух богатырей; а отец ее закупил заморских товаров, воротился домой и немного погодя женился на другой жене. Была эта купчиха красоты неописанной и имела у себя волшебное зеркальце; загляни в зеркальце — тотчас узнаешь, где что делается. Раз как-то собрались богатыри на охоту и наказывают своей сестрице: «Смотри же, до нашего приезду никого к себе не пущай!» Попрощались с нею и уехали. В это самое

время заглянула купчиха в зеркальце, любуется своей красотой и говорит: «Нет меня в свете прекраснее!» А зеркальце в ответ: «Ты хороша — спору нет! А есть у тебя падчерица, живет у двух богатырей в дремучем лесу — та еще прекраснее!»

Не полюбились эти речи мачехе, тотчас позвала к себе злую старушонку. «На,— говорит,— тебе колечко; ступай в дремучий лес, в том лесу есть белокаменный дворец, во дворце живет моя падчерица; поклонись ей и отдай это колечко — скажи: братец на память прислал!» Старуха взяла кольцо и отправилась, куда ей сказано; приходит к белокаменному дворцу, увидала ее красная девица, выбежала навстречу — захотелось, значит, вестей попытать с родной стороны. «Здравствуй, бабушка! Как тебя господь занес? Все ли живы-здоровы?» — «Живут, хлеб жуют! Вот братец просил меня про твое здоровье проведать да прислал в подарок колечко; на, красуйся!» Девица так рада, так рада, что и рассказать нельзя; привела старуху в комнаты, угостила всякими закусками да напитками и наказала своему брату родному низко кланяться. Через час времени старуха поплелась назад, а девица стала любоваться колечком и вздумала надеть его на пальчик; надела — и в ту ж минуту упала мертвая.

Приезжают два богатыря, входят в палаты — сестрица не встречает: что такое? Заглянули к ней в спальню; а она лежит мертвая, словечка не молвит. Взгоревались богатыри: что всего краше было, то нежданно-негаданно смерть взяла! «Надо,— говорят,— убрать ее в новые наряды да в гроб положить». Стали убирать, и заприметил один на руке у красной девицы колечко: «Неужели так ее и похоронить с этим колечком? Дай лучше сниму, на память оставлю». Только снял колечко — и красная девица тотчас открыла очи, вздохнула и ожила. «Что с тобой случилось, сестрица? Не заходил ли кто к тебе?» — спрашивают богатыри. «Заходила с родной стороны знакомая старушка и колечко принесла».— «Ах, какая же ты непослушная! Ведь мы недаром тебе наказывали, чтоб никого без нас в дом не пускала. Смотри, в другой раз того не сделай».

Спустя несколько времени заглянула купчиха в свое зеркальце и узнала, что ее падчерица по-прежнему жива и прекрасна; позвала старуху, дает ей ленточку и говорит: «Ступай к белокаменному дворцу, где живет моя падчерица, и отдай ей этот гостинец; скажи: братец прислал!» Опять пришла старуха к красной девице, наговорила ей с три короба разных разностей и отдала ленточку. Девица обрадовалась, повязала ленточку на шею — и в ту же минуту упала на постель мертвою. Приезжают богатыри с охоты, смотрят — сестрица лежит мертвая, стали убирать ее в новые наряды и только сняли ленточку — как она тут же открыла очи, вздохнула и ожила.

«Что с тобой, сестрица? Али опять старуха была?» — «Да,— говорит,— приходила старушка с родной стороны, мне ленточку принесла».— «Ах, какая ты! Ведь мы ж тебя просили: никого без нас не примай!» — «Простите, милые братцы! Не вытерпела, хотелось из дому вестей послушать».

Прошло еще несколько дней — заглянула купчиха в зеркальце: опять жива ее падчерица. Позвала старуху. «На,— говорит,— волосок! Ступай к падчерице, непременно умори ее!» Улучила старуха время, когда богатыри на охоту поехали, пришла к белокаменному дворцу; увидала ее в окошечко красная девица, не вытерпела, выскочила к ней навстречу: «Здравствуй, бабушка! Как тебя бог милует?» — «Покуда жива, голубушка! Вот таскалась по миру и сюда забрела тебя проведать». Привела ее красная девица в комнату, угостила всякими закусками и напитками, расспросила про родных и наказала кланяться брату. «Хорошо,— говорит старуха,— буду кланяться. А ведь тебе, голубушка, чай, и в голове поискать некому? Дай-ка я поищу».— «Поищи, бабушка!» Стала она искать в голове красной девицы и вплела в ее косу волшебный волосок; как скоро вплела этот волосок, девица в ту же минуту сделалась мертвою. Старуха зло усмехнулась и ушла поскорей, чтобы никто не застал ее, не увидел.

Приезжают богатыри, входят в комнаты — сестра лежит мертвая; долго они вглядывались-присматривались, нет ли на ней чего лишнего? Нет, ничего не видать! Вот сделали они хрустальный гроб — такой чудный, что ни вздумать, ни взгадать, только в сказке сказать; нарядили купеческую дочь в блестящее платье, словно невесту к венцу, и положили в хрустальный гроб; тот гроб поставили посеред большой палаты, а над ним устроили балдахин красного бархату с бриллиантовыми кистями, с золотыми бахромами и повесили на двенадцати хрустальных столбах двенадцать лампад. После того залились богатыри горючими слезами; обуяла их великая тоска. «На что,— говорят,— нам на белом свете жить? Пойдем, решим себя!» Обнялись, попрощались друг с дружкою, вышли на высокий балкон, взялись за руки и бросились вниз; ударились об острые камни и кончили свою жизнь.

Много-много годов прошло. Случилось одному царевичу на охоте быть; заехал он в дремучий лес, распустил своих собак в разные стороны, отделился от охотников и поехал один по заглохшей тропинке. Ехал-ехал, и вот перед ним поляна, на поляне белокаменный дворец. Царевич слез с коня, взошел по лестнице, стал покои осматривать; везде уборы богатые, роскошные, а хозяйской руки ни на чем не видно: все давным-давно покинуто, все запущено! В одной палате стоит хрустальный гроб, а в гробу лежит

мертвая девица красоты неописанной: на щеках румянец, на устах улыбка, точь-в-точь живая спит.

Подошел царевич, взглянул на девицу да так и остался на месте, словно невидимая сила его держит. Стоит он с утра до позднего вечера, глаз отвести не может, на сердце тревога: приковала его краса девичья — чудная, невиданная, какой во всем свете другой не сыскать! А охотники давно его ищут; уж они пó лесу рыскали, и в трубы трубили, и голоса подавали — царевич стоит у хрустального гроба, ничего не слышит. Солнце село, сгустился мрак, и тут только он опомнился — поцеловал мертвую девицу и поехал назад. «Ах, ваше высочество, где вы были?» — спрашивают охотники. «Гнался за зверем, да немного заплутал». На другой день чуть свет — царевич уж на охоту собирается: поскакал в лес, отделился от охотников и тою же тропинкою приехал к белокаменному дворцу. Опять целый день простоял у хрустального гроба, глаз не сводя с мертвой красавицы; только позднею ночью домой воротился. На третий день, на четвертый все то же, и так целая неделя прошла. «Что это с нашим царевичем подеялось? — говорят охотники.— Станемте, братцы, за ним следить, замечать, чтобы худа какого не случилося».

Вот поехал царевич на охоту, распустил собак пó лесу, отделился от свиты и направил путь к белокаменному дворцу; охотники тотчас же за ним, приезжают на поляну, входят во дворец — там в палате хрустальный гроб, в гробу мертвая девица лежит, перед девицей царевич стоит. «Ну, ваше высочество, недаром вы целую неделю пó лесу плутали! Теперь и нам не уйтить отсюда до вечера». Обступили кругом хрустальный гроб, смотрят на девицу, красотой ее любуются и простояли на одном месте с утра до позднего вечера. Когда потемнело совсем, обратился царевич к охотникам: «Сослужите мне, братцы, великую службу: возьмите гроб с мертвой девицей, привезите и поставьте в моей спальне да тихомолком, тайно сделайте, чтоб никто про то не узнал, не проведал. Награжу вас всячески, пожалую золотой казною, как никто вас не жаловал».— «Твоя воля жаловать; а мы, царевич, и так служить тебе рады!» — сказали охотники, подняли хрустальный гроб, вынесли на двор, устроили на лошадях и повезли в царский дворец; привезли и поставили у царевича в спальне.

С того самого дня перестал царевич и думать об охоте; сидит себе дома, никуда из своей комнаты не выходит — все на девицу любуется. «Что такое с нашим сыном приключилося? — думает царица.— Вот уж сколько времени, а он все дома сидит, из своей комнаты не выходит и к себе никого не пущает. Грусть-тоска, что ли, напала, али хворь какая прикинулась? Дай пойду посмотрю на него». Входит царица к нему в спальню и видит хрустальный

гроб. Как и что? Расспросила-разведала и тотчас же приказ отдала похоронить ту девицу, как следует по обычаю, в мать сырой земле.

Заплакал царевич, пошел в сад, нарвал чудесных цветов, принес и стал расчесывать мертвой красавице русую косу да цветами голову убирать. Вдруг выпал из ее косы волшебный волосок — красавица раскрыла очи, вздохнула, приподнялась из хрустального гроба и говорит: «Ах, как я долго спала!» Царевич несказанно обрадовался, взял ее за руку, повел к отцу, к матери. «Мне,— говорит,— бог ее дал! Не могу жить без нее ни единой минуты. Позволь, родимый батюшка, и ты, родная матушка, допусти жениться».— «Женись, сынок! Против бога не пойдем, да и такой красоты во всем свете поискать!» У царей ни за чем остановок не бывает: в тот же день честным пирком да и за свадебку.

Женился царевич на купеческой дочери, живет с нею — не нарадуется. Прошло сколько-то времени — вздумалось ей поехать в свою сторону, отца с братцем навестить; царевич не прочь, стал у отца проситься. «Хорошо,— говорит царь,— поезжайте, дети мои любезные! Ты, царевич, отправляйся сухим путем в объезд, осмотри этим случаем все наши земли и порядки узнай, а жена твоя пусть на корабле плывет прямым путем». Вот изготовили корабль к походу, нарядили матросов, назначили начального генерала; царевна села на корабль и вышла в открытое море, а царевич поехал сухим путем.

Начальный генерал, видючи прекрасную царевну, позавидовал ее красоте и начал к ней подольщаться: чего бояться, думает, ведь она теперь в моих руках, что хочу — то и делаю! «Полюби меня,— говорит он царевне,— коли не полюбишь — в море выброшу!» Царевна отвернулась, не дает ему ответу, только слезами заливается. Подслушал генеральские речи один матросик, пришел к царевне вечером и стал говорить: «Не плачь, царевна! Одевайся ты в мое платье, а я твое надену; ты ступай на палубу, а я в каюте останусь. Пусть генерал меня в море выбросит — я того не боюсь: авось справлюся, доплыву до пристани: благо теперь земля близко!» Поменялись они платьем; царевна пошла на палубу, а матрос лег на ее постель. Ночью явился в каюту начальный генерал, схватил матроса и выкинул в море. Матрос пустился вплавь и к утру добрался до берега. Корабль пришел к пристани, стали матросы сходить на землю; сошла и царевна, бросилась на рынок, купила себе поварскую одежду, нарядилась поваренком и нанялась к своему родному отцу на кухне прислуживать.

Немного спустя приезжает к купцу царевич. «Здравствуй,— говорит,— батюшка! Принимай-ка зятя, ведь я на твоей дочке женат. Да где ж она? Аль еще не бывала?» А тут начальный генерал с докладом является: «Так и так, ваше высочество! Несчастье

случилося: стояла царевна на палубе, поднялась буря, началась качка, голова у ней закружилась — и мигнуть не успели, как царевна свалилась в море и потонула!» Царевич потужил-поплакал, да ведь со дна моря не воротишь; видно, такова судьба ей назначена! Погостил царевич у своего тестя несколько времени и велел своей свите к отъезду готовиться; купец на прощанье задал большой пир; собрались к нему и купцы, и бояре, и все сродники: были тут и родной брат его, и злая старуха, и начальный генерал.

Пили, ели, прохлаждалися; один из гостей и говорит: «Послушайте, господа честные! Что все пить да пить — с того добру не быть; давайте-ка лучше сказывать сказки».— «Ладно, ладно! — закричали со всех сторон.— Кто же начнет?» Тот не умеет, другой не горазд, а третьему вино память отшибло. Как быть? Отозвался тут купеческий приказчик: «Есть у нас на кухне новый поваренок, много по чужим землям странствовал, много всяких див видывал и такой мастер сказки сказывать — что на́ поди!» Купец позвал того поваренка. «Потешь,— говорит,— моих гостей!» Отвечает ему поваренок-царевна: «Что рассказать-то вам: сказку аль бывальщину?» — «Сказывай бывальщину!» — «Пожалуй, можно и бывальщину, только с таким уговором: кто меня перебьет, того чумичкой в лоб».

Все на это согласились. И царевна начала рассказывать все, что с нею самой случилося. «Так и этак,— говорит,— была у купца дочь; поехал купец за́ море и поручил своему родному брату смотреть за девицей; дядя позарился на ее красоту и не дает ей ни минуты спокою...» А дядя слышит, что речь про него идет, и говорит: «Это, господа, неправда!» — «А, по-твоему, неправда? Вот же тебе чумичка в лоб!» После того дошло дело до мачехи, как она волшебное зеркальце допрашивала, и до злой старухи, как она к богатырям в белокаменный дворец приходила,— и старуха и мачеха в один голос закричали: «Вот вздор какой! Этого быть не может». Царевна ударила их по лбу чумичкой и стала рассказывать, как она лежала в хрустальном гробе, как нашел ее царевич, оживил и женился на ней и как она поехала отца навестить.

Генерал смекнул, что дело-то неладно, и просится у царевича: «Позвольте мне домой уйти; что-то голова разболелась!» — «Ничего, посиди немножко!» Стала царевна про генерала рассказывать; ну, и он не вытерпел. «Все это,— говорит,— неправда!» Царевна его чумичкою в лоб да сбросила с себя поварское платье и открылась царевичу: «Я-де не поваренок, я — твоя законная жена!» Царевич обрадовался, купец — тоже; бросились они обнимать, целовать ее; а потом принялись суд судить: злую старуху вместе с дядею на воротах расстреляли, мачеху-волшебницу к жеребцу за

хвост привязали, жеребец полетел в чистое поле и разнес ее кости по кустам, по яругам; генерала царевич сослал на каторгу, а на его место пожаловал матроса, что царевну от беды спас. С того времени жили царевич, его жена и купец вместе — долго и счастливо.

МУДРАЯ ЖЕНА

В некотором царстве, в некотором государстве жил в деревушке старик со старухою; у него было три сына: два — умных, а третий — дурак. Пришло время старику помирать, стал он деньги делить: старшему дал сто рублей и среднему — сто рублей, а дураку и давать не хочет: все равно даром пропадут! «Что ты, батька! — говорит дурак.— Дети все равны, что умные, что дурак: давай и мне долю». Старик дал и ему сто рублей. Умер отец, похоронили его. Вот умные братья собрались на базар ехать быков покупать; и дурак поднялся. Умные купили быков, а он кошку да собаку привел. Через несколько дней старшие братья запрягли своих быков, хотят в дорогу ехать; смотря на них, и меньшой собирается. «Что ты, дурак! Куда собираешься? Али людей смешить?» — «Про то я знаю! Умным — дорога, и дуракам — путь не заказан».

Взял дурак собаку да кошку, взвалил мешок на плеча и пошел из дому. Шел, шел, на пути большая река, а заплатить за перевоз нет ни гроша; вот дурак долго не думал, набрал хворосту, сделал на берегу шалаш и остался в нем жить. Начала его собака по сторонам промышлять, краюшки хлеба таскать, и себя не забывает, и хозяина с кошкой кормит. Плыл по той реке корабль с разными товарами. Дурак увидал и кричит: «Эй, господин корабельщик! Ты в торг едешь, возьми и мой товар из половины». И бросил на корабль свою кошку. «Куда нам этого зверя? — смеются корабельные работники.— Давайте, ребята, его в воду спустим».— «Эх вы какие,— говорит хозяин,— не трожьте, пускай эта кошка у нас мышей да крыс ловит».— «Что ж, это дело!»

Долго ли, коротко ли — приплыл корабль в иную землю, где кошек никто и не видывал, а крыс да мышей столько было, как травы в поле. Корабельщик разложил свои товары, стал продавать; нашелся и купец на них, закупил все сполна и позвал корабельщика. «Надо магарыч пить; пойдем,— говорит,— я тебя угощу!» Привел гостя в свой дом, напоил допьяна и приказал своим приказчикам стащить его в сарай: «Пусть-де его крысы съедят, все его богатство мы задаром возьмем!» Стащили корабельщика в темный сарай и бросили наземь; а с ним всюду кошка ходила, так привыкла к нему — ни на шаг не отстает. Забралась она в этот

сарай и давай крыс душить; душила-душила, этакую кучу накидала! Наутро приходит хозяин, смотрит — корабельщик ни в чем невредим, а кошка последних крыс добивает. «Продай,— говорит,— мне твоего зверя».— «Купи!» Торговаться-торговаться — и купил ее купец за шесть бочонков золота.

Воротился корабельщик в свое государство, увидал дурака и отдает ему три бочонка золота. «Экая пропасть золота! Куда мне с ним?» — подумал дурак и пошел по городам да по селам оделять нищую братию: роздал два бочонка, а на третий купил ладану, сложил в чистом поле и зажег: воскурилось благоухание и пошло к богу на небеса. Вдруг является ангел: «Господь приказал спросить, чего ты желаешь?» — «Не знаю»,— отвечает дурак. «Ну, ступай в эту сторону; там три мужика землю пашут, спроси у них — они тебе скажут». Дурак взял дубинку и пошел к пахарям. Приходит к первому: «Здравствуй, старик!» — «Здравствуй, добрый человек!» — «Научи меня, чего б пожелать мне от господа».— «А я почем знаю, что тебе надобно!» Дурак недолго думал, хватил старика дубинкою прямо по голове и убил до смерти.

Приходит к другому, опять спрашивает: «Скажи, старик, чего бы лучше пожелать мне от господа?» — «А мне почем знать!» Дурак ударил его дубинкою — и дохнуть не дал. Приходит к третьему пахарю, спрашивает у него: «Скажи ты, старче!» Старик отвечает: «Коли тебе богатство дать, ты, пожалуй, и бога забудешь; пожелай лучше жену мудрую». Воротился дурак к ангелу. «Ну, что тебе сказано?» — «Сказано: не желай богатства, пожелай жену мудрую».— «Хорошо! — говорит ангел.— Ступай к такой-то реке, сядь на мосту и смотри в воду; мимо тебя всякая рыба пройдет — и большая и малая; промеж той рыбы будет плотичка с золотым кольцом — ты ее подхвати и брось через себя о сырую землю».

Дурак так и сделал; пришел к реке, сел на мосту, смотрит в воду пристально — плывет мимо рыба всякая, и большая и малая, а вот и плотичка — на ней золотое кольцо вздето; он тотчас подхватил ее и бросил через себя о сырую землю — обратилась рыбка красной девицей: «Здравствуй, милый друг!» Взялись они за руки и пошли; шли, шли, стало солнце садиться — остановились ночевать в чистом поле. Дурак заснул крепким сном, а красная девица крикнула зычным голосом — тотчас явилось двенадцать работников. «Постройте мне богатый дворец под золотою крышею». Вмиг дворец поспел, и с зеркалами и с картинами. Спать легли в чистом поле, а проснулись в чудесных палатах. Увидал тот дворец под золотою крышею сам государь, удивился, позвал к себе дурака и говорит: «Еще вчера было тут место гладкое, а нынче дворец стоит! Видно, ты колдун какой!» — «Нет, ваше величество! Все сделалось по божьему повелению».—

«Ну, коли ты сумел за одну ночь дворец поставить, ты построй к завтрему от своего дворца до моих палат мост — одна мостина серебряная, а другая золотая; а не выстроишь, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Пошел дурак, заплакал. Встречает его жена у дверей: «О чем плачешь?» — «Как не плакать мне! Приказал мне государь мост состроить — одна мостина золотая, другая серебряная; а не будет готов к завтрему, хочет голову рубить».— «Ничего, душа моя! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее». Дурак лег и заснул; наутро встает — уж все сделано: мост такой, что в год не насмотришься! Король позвал дурака к себе: «Хороша твоя работа! Теперь сделай мне за единую ночь, чтоб по обе стороны моста росли яблони, на тех яблонях висели бы спелые яблочки, пели бы птицы райские да мяукали котики морские; а не будет готово, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Пошел дурак, заплакал; у дверей жена встречает: «О чем, душа, плачешь?» — «Как не плакать мне! Государь велел, чтоб к завтрему по обе стороны моста яблони росли, на тех яблонях спелые яблочки висели, птицы райские пели и котики морские мяукали; а не будет сделано — хочет рубить голову».— «Ничего, ложись-ка спать; утро вечера мудренее». Наутро встает дурак — уж все сделано: яблоки зреют, птицы распевают, котики мяукают. Нарвал он яблоков, понес на блюде к государю. Король съел одно-другое яблочко и говорит: «Можно похвалить! Этакой сласти я еще никогда не пробовал! Ну, братец, коли ты так хитер, то сходи на тот свет к моему отцу-покойнику и спроси, где его деньги запрятаны? А не сумеешь сходить туда, помни одно: мой меч — твоя голова с плеч!»

Опять идет дурак да плачет. «О чем, душа, слезы льешь?» — спрашивает его жена. «Как мне не плакать! Посылает меня государь на тот свет — спросить у его отца-покойника, где деньги спрятаны».— «Это еще не беда! Ступай к королю да выпроси себе в провожатые тех думных людей, что ему злые советы дают». Король дал ему двух бояр в провожатые; а жена достала клубочек. «На,— говорит,— куда клубочек покатится — туда смело иди».

Вот клубочек катился, катился — и прямо в море: море расступилося, дорога открылася; дурак ступил раз-другой и очутился с своими провожатыми на том свете. Смотрит, а на покойном королевском отце черти до пекла дрова везут да гоняют его железными прутьями. «Стой!» — закричал дурак. Черти подняли рогатые головы и спрашивают: «А тебе что надобно?» — «Да мне нужно слова два перекинуть вот с этим покойником, на котором вы дрова возите».— «Ишь что выдумал! Есть когда толковать! Этак, пожалуй, у нас в пекле огонь погаснет».— «Небось поспеете! Возьмите

на смену этих двух бояр, еще скорей довезут». Живой рукой отпрягли черти старого короля, а заместо его двух бояр заложили и повезли дрова в пекло. Говорит дурак государеву отцу: «Твой сын, а наш государь, прислал меня к твоей милости спросить, где прежняя казна спрятана?» — «Казна лежит в глубоких подвалах за каменными стенами; да сила не в том, а скажи-ка ты моему сыну: коли он будет королевством управлять так же не по правде, как я управлял, то и с ним то же будет! Сам видишь, как меня черти замучили, до костей спину и бока простегали. Возьми это кольцо и отдай сыну для большего уверения...» Только старый король покончил эти слова, как черти уж назад едут: «Но-но! Эх, какая пара славная! Дай нам еще разок на ней прокатиться». А бояре кричат дураку: «Смилуйся, не давай нас; возьми, пока живы!» Черти отпрягли их, и бояре воротились с дураком на белый свет.

Приходят к королю; он глянул и ужаснулся: у тех бояр лица осунулись, глаза выкатились, из спины, из боков железные прутья торчат. «Что с вами поделялось?» — спрашивает король. Дурак отвечает: «Были мы на том свете; увидал я, что на вашем покойном отце черти дрова везут, остановил их и дал этих двух бояр на смену; пока я с вашим отцом говорил, а черти на них дрова возили».— «Что ж с тобою отец наказал?» — «Да велел сказать: коли ваше величество будете управлять королевством так же не по правде, как он управлял, то и с вами то же будет. Вот и кольцо прислал для большего уверения».— «Не то говоришь! Где казна-то лежит?» — «А казна в глубоких подвалах, за каменными стенами спрятана». Тотчас призвали целую роту солдат, стали каменные стены ломать; разломали, а за теми стенами стоят бочки с серебром да с золотом — сумма несчетная! «Спасибо тебе, братец, за службу! — говорит король дураку.— Только уж не погневайся: коли ты сумел на тот свет сходить, так сумей достать мне гусли-самогуды; а не достанешь, то мой меч — твоя голова с плеч!»

Дурак пошел и заплакал. «О чем, душа, плачешь?» — спрашивает у него жена. «Как мне не плакать! Сколько ни служить, а все голову сложить! Посылает меня государь за гуслями-самогудами».— «Ничего, мой брат их делает». Дала ему клубочек, полотенце своей работы, наказала взять с собою двух прежних бояр, королевских советников, и говорит: «Теперь ты пойдешь на́долго-на́долго: как бы король чего злого не сделал, на мою красоту не польстился! Пойди-ка ты в сад да вырежь три прутика». Дурак вырезал в саду три прутика. «Ну, теперь ударь этими прутиками и дворец и меня самоё по три раза и ступай с богом!» Дурак ударил — жена обратилась в камень, а дворец в каменную гору. Взял у короля двух прежних бояр и пошел в путь-дорогу; куда клубочек катится, туда и он идет.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — прикатился клубочек в дремучий лес, прямо к избушке. Входит дурак в избушку, а там старуха сидит. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, добрый человек! Куда бог несет?» — «Иду, бабушка, поискать такого мастера, чтобы сделал мне гусли-самогуды: сами бы гусли играли, и под ихнюю музыку все бы волей-неволей плясали».— «Ах, да ведь этакие гусли мой сынок делает! Подожди немножко — он ужо домой придет». Немного погодя приходит старухин сын. «Господин мастер! — просит его дурак.— Сделай мне гусли-самогуды».— «У меня готовые есть; пожалуй, подарю тебе, только с тем уговором: как стану я гусли настраивать — чтоб никто не спал! А коли кто уснет да по моему оклику не встанет, с того голова долой!» — «Хорошо, господин мастер!»

Взялся мастер за работу, начал настраивать гусли-самогуды: вот один боярин заслушался и крепко уснул. «Ты спишь?» — окликает мастер. Тот не встает, не отвечает, и покатилась голова его по полу. Минуты две-три — и другой боярин заснул; отлетела и его голова с плеч долой. Еще минута — и дурак задремал. «Ты спишь?» — окликает мастер. «Нет, не сплю! С дороги глаза слипаются. Нет ли воды? Промыть надобно». Старуха подала воды. Дурак умылся, достал шитое полотенце и стал утираться. Старуха глянула на то полотенце, признала работу своей дочери и говорит: «Ах, зять любезный! Не чаяла с тобой видеться; здорова ли моя дочка?» Тут пошло у них обниманье-целованье: три дня гуляли, пили-ели, прохлаждалися, а там наступило время и прощаться. На прощанье мастер подарил своему зятю гусли-самогуды; дурак взял их под мышку и пустился домой.

Шел, шел, вышел из дремучего леса на большую дорогу и заставил играть гусли-самогуды: век бы слушал — не наслушался!.. Попадается ему навстречу разбойник. «Отдай,— говорит,— мне гусли-самогуды, а я тебе дубинку дам».— «А на что твоя дубинка?» — «Да ведь она не простая; только скажи ей: эй, дубинка, бей-колоти — хоть целую армию, и ту на месте положит». Дурак поменялся, взял дубинку и велел ей убить разбойника. Дубинка полетела на разбойника, раз-другой ударила и убила его до смерти. Дурак взял гусли-самогуды и дубинку и пошел дальше.

Приходит в свое государство. «Что,— думает,— мне к королю идти — еще успею! Лучше я наперед с женой повидаюсь». Ударил тремя прутиками в каменную гору — раз, другой, третий, и явился чудный дворец; ударил в камень — и жена перед ним. Обнялись, поздоровались, два-три слова перемолвили; после того взял дурак гусли, не забыл и дубинку и пошел к королю. Тот увидал. «Эх,— думает,— ничем его не уходишь, все исполняет!» Как закричит, как напустится на дурака: «Ах ты, такой-сякой! Вместо того

чтобы ко мне явиться, ты наперед вздумал с женой обниматься!» — «Виноват, ваше величество!» — «Мне из твоей вины не шубу шить! Уж теперь ни за что не прощу... Подайте-ка мой булатный меч!» Дурак видит, что дело к расплате идет, и крикнул: «Эй, дубинка, бей-колоти!» Дубинка бросилась, раз-другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королем и царствовал долго и милостиво.

МОРСКОЙ ЦАРЬ И ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ

Жил-был царь с царицею. Любил он ходить на охоту и стрелять дичь. Вот один раз пошел царь на охоту и увидел: сидит на дубу молодой орел; только хотел его застрелить, орел и просит: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь подумал-подумал и говорит: «Зачем ты мне нужен!» — и хочет опять стрелять. Говорит ему орел в другой раз: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе, в некое время я тебе пригожусь». Царь думал, думал и опять-таки не придумал, на что бы такое пригодился ему орел, и хочет уж совсем застрелить его. Орел и в третий раз провещал: «Не стреляй меня, царь-государь! Возьми лучше к себе да прокорми три года; в некое время я пригожусь тебе!»

Царь смиловался, взял орла к себе и кормил его год и два: орел так много поедал, что всю скотину приел; не стало у царя ни овцы, ни коровы. Говорит ему орел: «Пусти-ка меня на волю!» Царь выпустил его на волю; попробовал орел свои крылья — нет, не сможет еще летать! — и просит: «Ну, царь-государь, кормил ты меня два года; уж как хочешь, а прокорми еще год; хоть займи, да прокорми: внакладе не будешь!» Царь то и сделал: везде занимал скотину и целый год кормил орла, а после выпустил его на волю вольную. Орел поднялся высоко-высоко, летал, летал, спустился на землю и говорит: «Ну, царь-государь, садись теперь на меня; полетим вместе». Царь сел на птицу.

Вот и полетели они; ни много, ни мало прошло времени, прилетели на край моря синего. Тут орел скинул с себя царя, и упал он в море — по колени намок; только орел не дал ему потонуть, подхватил его на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался,— говорит царь,— думал, что совсем потону!» Опять летели-летели, прилетели к другому морю. Орел скинул с себя царя как раз посеред моря — ажно царь по пояс намок. Подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался,— говорит он,— да все думал: авось, бог даст, ты меня вытащишь». Опять-

таки летели, летели и прилетели к третьему морю. Скинул орел царя в великую глубь — ажно намок он по самую шею. И в третий раз подхватил его орел на крыло и спрашивает: «Что, царь-государь, небось испужался?» — «Испужался,— говорит царь,— да все думалось: авось ты меня вытащишь».— «Ну, царь-государь, теперь ты изведал, каков смертный страх! Это тебе за старое, за прошлое: помнишь ли, как я сидел на дубу, а ты хотел меня застрелить; три раза примался стрелять, а я все просил тебя да на мысли держал: авось не загубишь, авось смилуешься — к себе возьмешь!»

После полетели они за тридевять земель; долго-долго летели. Сказывает орел: «Посмотри-ка, царь-государь, что над нами и что под нами?» Посмотрел царь. «Над нами,— говорит,— небо, под нами земля».— «Посмотри-ка еще, что по правую сторону и что по левую?» — «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит».— «Полетим туда,— сказал орел,— там живет моя меньша́я сестра». Опустились прямо на двор; сестра выступила навстречу, примает своего брата, сажает за дубовый стол, а на царя и смотреть не хочет; оставила его на дворе, спустила борзых собак и давай травить. Крепко осерчал орел, выскочил из-за стола, подхватил царя и полетел с ним дальше.

Вот летели они, летели; говорит орел царю: «Погляди, что позади нас?» Обернулся царь, посмотрел: «Позади нас дом красный». А орел ему: «То горит дом меньшой моей сестры — зачем тебя не примала да борзыми собаками травила». Летели, летели, орел опять спрашивает: «Посмотри, царь-государь, что над нами и что под нами?» — «Над нами небо, под нами земля».— «Посмотри-ка, что будет по правую сторону и что по левую?» — «По правую сторону поле чистое, по левую дом стоит».— «Там живет моя середняя сестра; полетим к ней в гости». Опустились на широкий двор; середняя сестра примает своего брата, сажает его за дубовый стол, а царь на дворе остался; выпустила она борзых собак и притравила его. Орел осерчал, выскочил из-за стола, подхватил царя и улетел с ним еще дальше.

Летели они, летели; говорит орел: «Царь-государь! Посмотри, что позади нас?» Царь обернулся: «Стоит позади красный дом».— «То горит дом моей середней сестры! — сказал орел.— Теперь полетим туда, где живут мои мать и старша́я сестра». Вот прилетели туда; мать и старша́я сестра куда как им обрадовались и примали царя с честью, с ласко́ю. «Ну, царь-государь,— сказал орел,— отдохни у нас, а после дам тебе корабль, расплачусь с тобой за все, что поел у тебя, и ступай с богом домой». Дал он царю корабль и два сундучка: один — красный, другой — зеленый, и сказывает: «Смотри же, не отпирай сундучков, пока домой не

приедешь; красный сундучок отопри на заднем дворе, а зеленый сундучок на переднем дворе».

Взял царь сундучки, распростился с орлом и поехал по синему морю; доехал до какого-то острова, там его корабль остановился. Вышел он на́ берег, вспомянул про сундучки, стал придумывать, что бы такое в них было и зачем орел не велел открывать их; думал, думал, не утерпел — больно узнать ему захотелось: взял он красный сундучок, поставил наземь и открыл, а оттудова столько разного скота вышло, что глазом не окинешь,— едва на острове поместились.

Как увидел это царь, взгоревался, зачал плакать и приговаривать: «Что же мне теперь делать? Как опять соберу все стадо в такой маленький сундучок?» И видит он — вышел из воды человек, подходит к нему и спрашивает: «Чего ты, царь-государь, так горько плачешь?» — «Как же мне не плакать! — отвечает царь.— Как мне будет собрать все это стадо великое в такой маленький сундучок?» — «Пожалуй, я помогу твоему горю, соберу тебе все стадо, только с уговором: отдай мне — чего дома не знаешь». Задумался царь: «Чего бы это я дома не знал? Кажись, все знаю». Подумал и согласился. «Собери,— говорит,— отдам тебе — чего дома не знаю». Вот тот человек собрал ему в сундучок всю скотину; царь сел на корабль и поплыл восвояси.

Как приехал домой, тут только уведал, что родился у него сын-царевич; стал его целовать, миловать, а сам так слезами и разливается. «Царь-государь,— спрашивает царица,— скажи, о чем горьки слезы ронишь?» — «С радости»,— говорит; побоялся-то сказать ей правду, что надо отдавать царевича. Вышел он после на задний двор, открыл красный сундучок — и полезли оттуда быки да коровы, овцы да бараны, много-много набралось всякого скота, все сараи и варки стали полны. Вышел на передний двор, открыл зеленый сундучок — и появился перед ним большой да славный сад: каких-каких деревьев тут не было! Царь так обрадовался, что и забыл отдавать сына.

Прошло много лет. Раз как-то захотелось царю погулять, подошел он к реке; на ту пору показался из воды прежний человек и говорит: «Скоро же ты, царь-государь, забывчив стал! Вспомни, ведь ты должен мне!» Воротился царь домой с тоскою-кручиною и рассказал царице и царевичу всю правду истинную. Погоревали, поплакали все вместе и решили, что делать-то нечего, надо отдавать царевича; отвезли его на взморье и оставили одного.

Огляделся царевич кругом, увидал тропинку и пошел по ней: авось куда бог приведет. Шел, шел и очутился в дремучем лесу; стоит в лесу избушка, в избушке живет баба-яга. «Дай зайду»,— подумал царевич и вошел в избушку. «Здравствуй, царевич! —

молвила баба-яга.— Дело пытаешь или от дела лытаешь?» — «Эх, бабушка! Напой, накорми, да потом расспроси». Она его напоила-накормила, и царевич рассказал про все без утайки, куда и зачем идет. Говорит ему баба-яга: «Иди, дитятко, на море; прилетят туда двенадцать колпиц, обернутся красными девицами и станут купаться; ты подкрадься потихоньку и захвати у старшей девицы сорочку. Как поладишь с нею, ступай к морскому царю, и попадутся тебе навстречу Объедало да Опивало, попадется еще Мороз-Трескун — всех возьми с собою; они тебе к добру пригодятся».

Простился царевич с ягою, пошел на сказанное место нá море и спрятался за кусты. Тут прилетели двенадцать колпиц, ударились о сырую землю, обернулись красными девицами и стали купаться. Царевич украл у старшей сорочку, сидит за кустом — не ворохнется. Девицы выкупались и вышли на берег, одиннадцать подхватили свои сорочки, обернулись птицами и полетели домой; оставалась одна старшая, Василиса Премудрая. Стала молить, стала просить добра молодца. «Отдай,— говорит,— мою сорочку; придешь к батюшке, водяному царю,— в то времечко я тебе сама пригожусь». Царевич отдал ей сорочку, она сейчас обернулась колпицею и улетела вслед за подружками. Пустился царевич дальше; повстречались ему на пути три богатыря: Объедало, Опивало да Мороз-Трескун; взял их с собою и пришел к водяному царю.

Увидал его водяной царь и говорит: «Здорово, дружок! Что так долго ко мне не бывал? Я устал, тебя дожидаючи. Примайся-ка теперь за работу; вот тебе первая задача: построй за одну ночь большой хрустальный мост, чтоб к утру готов был! Не построишь — голова долой!» Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко в своем терему и спрашивает: «О чем, царевич, слезы ронишь?» — «Ах, Василиса Премудрая! Как же мне не плакать? Приказал твой батюшка за единую ночь построить хрустальный мост, а я топора не умею в руки взять».— «Ничего! Ложись-ка спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались плотники-работники: кто место ровняет, кто кирпичи таскает; скоро поставили хрустальный мост, вывели на нем узоры хитрые и разошлись по домам. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Мост готов, сейчас батюшка смотреть придет». Встал царевич, взял метлу; стоит себе на мосту — где подметет, где почистит. Похвалил его водяной царь. «Спасибо,— говорит,— сослужил мне единую службу, сослужи и другую; вот тебе задача: насади к завтрему зеленый сад — большой да ветвистый, в саду бы птицы певчие распевали, на деревьях бы цветы

расцветали, груши-яблоки спелые висели». Идет царевич от водяного, сам слезами заливается. Василиса Премудрая отворила окошечко и спрашивает: «О чем плачешь, царевич?» — «Как же мне не плакать? Велел твой батюшка за единую ночь сад насадить».— «Ничего! Ложись спать; утро вечера мудренее».

Уложила его спать, а сама вышла на крылечко, гаркнула-свистнула молодецким посвистом; со всех сторон сбежались садовники-огородники и насадили зеленый сад, в саду птицы певчие распевают, на деревьях цветы расцветают, груши-яблоки спелые висят. Поутру рано будит Василиса Премудрая царевича: «Вставай, царевич! Сад готов, батюшка смотреть идет». Царевич сейчас за метлу да в сад: где дорожку подметет, где веточку поправит. Похвалил его водяной царь: «Спасибо, царевич! Сослужил ты мне службу верой-правдою; выбирай себе за то невесту из двенадцати моих дочерей. Все они лицо в лицо, волос в волос, платье в платье; угадаешь до трех раз одну и ту же — будет она твоею женою, не угадаешь — велю тебя казнить». Узнала про то Василиса Премудрая, улучила время и говорит царевичу: «В первый раз я платком махну, в другой раз платье поправлю, в третий над моей головой станет муха летать». Так-то и угадал царевич Василису Премудрую до трех раз. Повенчали их и стали пир пировать.

Водяной царь наготовил много всякого кушанья — сотне человек не съесть! И велит зятю, чтоб все было поедено; коли что останется — худо будет. «Батюшка! — просит царевич.— Есть у нас старичок, дозволь и ему закусить с нами».— «Пускай придет!» Сейчас явился Объедало; все приел — еще мало стало. Водяной царь наставил всякого питья сорок бочек и велит зятю, чтоб дочиста было выпито. «Батюшка! — просит опять царевич.— Есть у нас другой старичок, дозволь и ему выпить про твое здоровье».— «Пускай придет!» Явился Опивало, зараз опростал все сорок бочек — еще опохмелиться просит.

Видит водяной царь, что ничто не берет, приказал истопить для молодых баню чугунную жарко-на́жарко; истопили баню чугунную, двадцать саже́н дров сожгли, докрасна печь и стены раскалили — за пять верст подойти нельзя. «Батюшка,— говорит царевич,— дозволь наперед нашему старичку попариться, баню опробовать».— «Пускай попарится!» Пришел в баню Мороз-Трескун: в один угол дунул, в другой дунул — уж сосульки висят. Вслед за ним и молодые в баню сходили, помылись-попарились и домой воротились. «Уйдем от батюшки водяного царя,— говорит царевичу Василиса Премудрая,— он на тебя больно сердит, не причинил бы зла какого!» — «Уйдем»,— говорит царевич. Сейчас оседлали коней и поскакали в чистое поле.

Ехали, ехали; много прошло времени. «Слезь-ка, царевич,

с коня да припади ухом к сырой земле,— сказала Василиса Премудрая,— не слыхать ли за нами погони?» Царевич припал ухом к сырой земле: ничего не слышно! Василиса Премудрая сошла сама с доброго коня, прилегла к сырой земле и говорит: «Ах, царевич! Слышу сильную за нами погоню». Оборотила она коней колодезем, себя — ковшиком, а царевича — старым старичком. Наехала погоня: «Эй, старик! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» — «Видал, родимые! Только давно: они еще в тѐ поры проехали, как я молод был». Погоня воротилась к водяному царю. «Нет,— говорит,— ни следов, ни вести, только и видели, что старика возле колодезя, по воде ковшик плавает».— «Что ж вы их нѐ брали?» — закричал водяной царь и тут же предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисой Премудрой послал другую смену. А тем временем они далеко-далеко уехали.

Услыхала Василиса Премудрая новую погоню; оборотила царевича старым попом, а сама сделалась ветхой церковью: еле стены держатся, кругом мохом обросли. Наехала погоня: «Эй, старичок! Не видал ли добра молодца с красной девицей?» — «Видел, родимые! Только давным-давно; они еще в тѐ поры проехали, как я молод был, эту церковь строил». И вторая погоня воротилась к водяному царю: «Нет, ваше царское величество, ни следов, ни вести; только и видели, что старца-попа да церковь ветхую».— «Что ж вы их нѐ брали?» — закричал пуще прежнего водяной царь; предал гонцов лютой смерти, а за царевичем и Василисою Премудрою сам поскакал. На этот раз Василиса Премудрая оборотила коней рекою медовою, берегами кисельными, царевича — селезнем, себя — серой утицею. Водяной царь бросился на кисель и сыту, ел-ел, пил-пил — до того, что лопнул! Тут и дух испустил.

Царевич с Василисою Премудрою поехали дальше; стали они подъезжать домой, к отцу, к матери царевича. Василиса Премудрая и говорит: «Ступай, царевич, вперед, доложись отцу с матерью, а я тебя здесь на дороге обожду; только помни мое слово: со всеми целуйся, не целуй сестрицы; не то меня позабудешь». Приехал царевич домой, стал со всеми здороваться, поцеловал и сестрицу, и только поцеловал — как в ту ж минуту забыл про свою жену, словно и в мыслях не была.

Три дня ждала его Василиса Премудрая; на четвертый нарядилась нищенкой, пошла в стольный город и пристала у одной старушки. А царевич собрался жениться на богатой королевне, и велено было кликнуть клич по всему царству, чтоб сколько ни есть народу православного — все бы шли поздравлять жениха с невестою и несли в дар по пирогу пшеничному. Вот и старуха, у которой пристала Василиса Премудрая, принялась муку сеять да пирог

готовить. «Для кого, бабушка, пирог готовишь?» — спрашивает ее Василиса Премудрая. «Как для кого? Разве ты не знаешь: наш царь сына женит на богатой королевне; надо во дворец идти, молодым на стол подавать».— «Дай и я испеку да во дворец снесу; может, меня царь чем пожалует».— «Пеки с богом!» Василиса Премудрая взяла муки, замесила тесто, положила творогу да голубя с голубкою и сделала пирог.

К самому обеду пошла старуха с Василисою Премудрою во дворец; а там пир идет на весь мир. Подали на стол пирог Василисы Премудрой, и только разрезали его пополам, как вылетели оттудова голубь и голубка. Голубка ухватила кусок творогу, а голубь говорит: «Голубушка, дай и мне творожку!» — «Не дам,— отвечает голубка,— а то ты меня позабудешь, как позабыл царевич свою Василису Премудрую». Тут вспомнил царевич про свою жену, выскочил из-за стола, брал ее за белые руки и сажал возле себя рядышком. С тех пор стали они жить вместе во всяком добре и в счастии.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

Один молодой промышленник остался зимовать на Груманте. Каждый вечер ложился он в своей гальете и играл в гусли, и как только заиграет — слышно было, что кто-то невидимкой перед ним пляшет, только платье шумит. Захотелось ему увидать, кто такой пляшет. Однако что ни делал, как ни ухитрялся — все даром! Рассказал про это диво своему товарищу. «Эх, приятель! — сказал ему товарищ.— Да ты возьми сальну свечку, зажги и накрой ее черепком, а сам ляг на койку и заиграй в гусли; коли опять невидимка плясать станет — ты в ту же минуту открой свечку; ну, тогда и увидишь, кто пляшет!» Парень поблагодарил товарища за совет, вечером пошел на гальету и как сказано — так и сделал: взял свечку, зажег и покрыл черепком, а сам заиграл в гусли. Прислушался — опять кто-то пляшет под его музыку, только платье шумит! Открыл огонь — а перед ним де́вица красоты неописанной. «Ну, добрый молодец,— сказала она,— догадался ты меня подсмотреть, буду ж я тебя любить по правде».

С той самой поры за́чала она приходить к нему ка́ждый вечер, и жили они в любви целых три года. Под конец третьего года говорит парню де́вица: «Ну, милый друг, недолго осталось нам с тобою в любви жить; приходит время совсем расставаться...» — «Отчего так?» — «Да, вишь, отдают меня замуж в Питер, под калиновый мост, за чё́рта».— «Как за черта! Тебе что за дело до нечистой силы, али ты сама такая ж чертовка?» — «Нет, я родилась в большом,

славном городе; отец у меня был богатый купец; а попала я к нечистым оттого, что отец меня проклял. Как была я малых лет, подавала ему в один жаркий день стакан меду, да нечаянно и уронила стакан на пол; отец осерчал, прикрикнул на меня: «Экая дурища безрукая! Хоть бы черт тебя взял!» Только вымолвил он это слово, в ту ж минуту очутилась я в морской глубине, в каменном доме, у чертей под началом».

Попрощалась красная де́вица с парнем и дает ему ширинку узорчатую. «Возьми,— говорит,— сама вышивала; когда станешь ты по мне скучать, найдет на тебя грусть-тоска великая, ты только взгляни на эту ширинку — тебе веселей будет!» Остался добрый мо́лодец один, и как только придет ему на мысли прежняя любовь,— тяжко ему сделается, хоть руки на себя наложи! — возьмет он ширинку, взглянет — и тоска пройдет. Протекло с год времени; сказал он про ту ширинку своему товарищу, а тот и украл ее. С этой самой поры начал парень тосковать да с горя запоем пить, и до того дошел, что совсем пропился. «Пойду,— говорит,— в Питер на калиновый мост и брошусь в воду; заодно пропадать!» Пришел на калиновый мост и бросился в воду.

В ту ж минуту очутился он в подводном царстве: кругом — зеленые поля, сады и рощи. Идет дальше — стоит большой каменный дом; в окно смотрит купеческая дочь, увидала его и кричит: «Эй, милый! Приворачивай сюда; я здесь живу». Выбежала к нему навстречу: «Здравствуй, голубчик! Давно тебя не видала; уж и видеть-то не чаяла!» Начала его целовать-миловать, всякими закусками и напитками угощать; а после спрятала его в особую горницу и говорит: «Скоро мой муж придет и громким голосом закричит: «Русак! Зачем пришел?» Ты раз промолчи и в другой промолчи, а как в третий раз вскричит, ты ему отвечай: «А что в зыбке у тебя, то мое!» Он станет тебе за ребенка давать сто рублев — ты молчи, станет давать двести — все молчи, а как закричит с сердца: «Что, русак, молчишь? Возьми триста рублев», — тут и скажи: «Кабы жару кулек — я бы взял!»

Только успели разговор покончить, как пришел нечистый и громко закричал: «Русак! Зачем пришел?» Парень молчит; нечистый в другой раз еще громче закричал — тот все молчит; а на третий спрос говорит: «Что в зыбке у тебя, то мое! Хочу с собой унести».— «Не уноси, брат; возьми сто рублев». Русак молчит. «Возьми двести!» Опять молчит. Нечистый осерчал: «Что ж ты молчишь? Хочешь триста рублев?» — «Нет, не хочу, кабы жару кулек — я бы взял, и то с таким уговором, чтоб ты меня с тем кульком на Русь вынес». Черт тотчас притащил кулек жару, посадил парня к себе на плечо и говорит ему: «Закрой глаза!» Парень закрыл глаза, и нечистый вихрем вынес его на святую Русь: очутил-

ся добрый мо́лодец опять на калиновом мосту, а подле него кулек с золотом. Вот так-то разбогател он, женился на хорошей де́вице и зажил себе счастливо; а кабы польстился он на деньги — черт, наверно, обманул бы его: вместо денег насыпал бы конского помету и всякой дряни.

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

В некотором царстве, в некотором государстве жил царь с царицею, у них был сын Василий-царевич, и был к нему дядька приставлен. Померла царица, остался царевич сиротою. Думает царь: не то сына женить, не то самому жениться? Вздумал сам жениться. Взял за себя молодую жену, и сделалась она в доме полной хозяйкою, Василью-царевичу злою мачехой. Пожил царь с нею несколько времени, заболел и помер; а царица связалась с дядькою. Раз зовет Василий-царевич своего дядьку: «Пойдем по городской стене погуляем».— «Пойдем, царевич!»

Пошли; гуляли-гуляли, стали с городской стены спускаться, вдруг из каменной башни окликают царевича три голоса — лев, змей и ворон: «Выпусти нас, Василий-царевич, из неволи! Мы тебя от трех смертей избавим». Спрашивает царевич дядьку: «Слышишь, что у нас на городской стене деется?» — «Нет, Василий-царевич! Ничего не слышу!» — «А коли не слышишь, чтоб тебе и вовек не слыхать!» Воротились они домой. Вечером рано ложится Василий-царевич спать, а дядьку от себя отсылает; дядька тому и рад, побежал с мачехой тешиться.

Вот царевич пережлал сколько-то времени, встал потихоньку, взял железный лом в двадцать пять пудов, вылез в окошко и пошел к городской стене. Ударил раз-другой и разбил башню; вышли оттуда лев, змей и ворон, обступили кругом царевича и стали ему наказывать: «Слушай, Василий-царевич, нашего наказу! Как были у тебя отец да мать родные, долго они искали тебе невесту и таки выискали — за тридевять земель, в тридесятом царстве высватали за тебя царь-девицу и такой уговор с нею сделали: тебе на иной не жениться, ей за иного замуж не выходить. Уж скоро двенадцать лет, как она ждет тебя — не дождется. Возьми-ка ты завтра гусли, сядь на корабль и ступай по́ морю погулять. Как только выедешь в море да заиграешь в гусли, царь-девица сейчас к тебе будет. Только смотри: станет тебя сон клонить, а ты спать не моги! Коли уснешь, она тебя не добудится и назад уедет. Да еще тебе скажем: берегись, Василий-царевич, заутро смерть тебя ожидает».— «Какая смерть?» — спрашивает царевич. «Твоя мачеха испечет на змеином сале три лепешки и велит тебе подать: не моги их кушать, лучше в карман положи — через малое время все зло уведаешь».

Как сказано, так и сделано: взял царевич лепешки, положил в карман и пошел за городскую стену; слышит — что-то в кармане ползает, сунул туда руку и вытащил ужа, сунул вдруго́рядь — вытащил змею, сунул в третий раз — вытащил лягушку. «Правду сказали лев, змей и ворон; съешь я лепешки — все бы это у меня в утробе народилося!» Ворочáется царевич домой, берет гусли и говорит дядьке: «Пойдем на корабль, поплывем, пó морю погуляем». Дядька побежал с докладом к мачехе: «Царевич-де хочет гулять пó морю и гусли с собою берет». Говорит ему царица: «Вот тебе медная булавка, воткни ее царевичу в ворот кафтана; тогда он заснет крепким сном, и кто б ни пришел, кто бы ни приехал — ни за что его не разбудит!»

Дядька взял булавку и пошел с царевичем на пристань, сели на корабль и поехали в открытое море. Василий-царевич заиграл на гуслях; услыхала ту игру царь-девица из-за тридевяти земель, подымала шесть полков, поспешала на свои корабли легкие и пускалась в путь — к Василью-царевичу. Царевич завидел паруса за три версты и возгласил дядьке: «Это чьи корабли плывут?» — «А мне почем знать!» — отвечал дядька да тем временем вынул булавку и воткнул царевичу в ворот кафтана. «Ах! Что-то мне спать хочется»,— проговорил царевич, лег и заснул крепким сном.

Вот наехала царь-девица, спустила с своего корабля сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, стала его будить-целовать, на полотнах качать, нежные речи приговаривать; нет, не могла добудиться. Говорит она дядьке: «Поклонись от меня Василью-царевичу да скажи ему, чтоб ложился спать с вечера, обо мне не печалился: завтра я опять приеду». Сказала и уехала; как только отплыла царь-девица на версту или две, дядька видит, что теперь до нее голосом кричать — не докричаться, рукою махать — не domахаться, взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и стал дядьке рассказывать: «Виделось мне во сне, будто какая пичужечка вокруг меня увивалася да так-то грустно щебетала, что у меня на душе и теперь тошно!» Отвечает дядька: «Не пичужечка то увивалася — увивалась прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, никак не могла добудиться; уезжая, она приказывала, чтобы ты, добрый молодец, ложился спать с вечера, поутру раненько вставал да опять сюда побывал».

Василий-царевич воротился домой и залег спать с вечера; только с горя, со кручины не мог уснуть крепким сном; поутру встал раным-рано и говорит дядьке: «Поедем на корабле прогуляться!» Дядька побежал к мачехе докладывать, что Василий-царевич опять нá море собирается и берет с собой гусли звонкие. «Нá тебе другую булавку,— говорит ему царица,— сделай нонче то же самое, что и вчера делал». Дядька взял булавку и пошел с царевичем на при-

стань; сели на корабль и поехали в море. Василий-царевич заиграл на гуслях, да так нежно, сладко, что и сказать нельзя. Услыхала его игру царь-девица, не могла усидеть на месте, быстро вскочила и закричала громким голосом: «Ай вы, корабельщики! Подымайте якори железные, распускайте паруса тонкие и готовьтесь скорехонько плыть к Василью-царевичу: надо его пораньше застать, пока не заснул непробудным сном».

Понеслись ее корабли по́ морю, словно птицы быстролетные; за три версты увидал Василий-царевич паруса белые и спросил у дядьки: «Это чьи корабли плывут?» — «А мне почем знать!» — отвечал дядька, вынул булавочку и воткнул царевичу в ворот кафтана. Начала дрема одолевать Василья-царевича, умылся он водою холодною — думал как-нибудь разгуляться! Нет-таки, не стерпел добрый мо́лодец, повалился на палубу и заснул мертвым сном. Приехала царь-девица, спустила сходни на корабль Василья-царевича, сошла к нему, начала его будить-целовать, на полотнах качать; царевич спит — не пробуждается. Принялась на него брызгать, обливать холодной водою: авось проснется! Нет, ничего не помогает. Царь-девица написала письмецо, положила царевичу на белую грудь, ушла на свой корабль и поехала назад; а в том письмеце было написано: «Прощай, Василий-царевич! Не ожидай меня в третий раз; кто меня любит, тот сам найдет!»

Как только отъехала царь-девица, а дядька увидел, что до нее криком не докричаться, рукою не домахаться, тотчас взял да и выдернул булавку. Василий-царевич проснулся и говорит: «Что б это значило? Во второй раз мне привиделось, будто какая пичужечка вокруг меня долго увивалася». Отвечает дядька: «Не пичужечка то увивалась, увивалася прекрасная царь-девица, целовала тебя, миловала, на полотнах качала, холодной водой обливала, никак не могла добудиться».— «А что у меня на груди за бумага?» — «Это она письмецо написала». Василий-царевич раскрыл письмецо, прочитал и слезно заплакал: «Правду говорили мне лев, змей и ворон, чтоб я от сна воздержался; да видно — чему быть, того не миновать!» Приходит он домой в сердцах великих, берет ружье в белые руки и идет в зеленый сад горе размыкать. На любимой его яблоне сидит черный ворон да каркает: «Кар-кар, Василий-царевич! Не послушался ты, не сумел от сна воздержаться — вот теперь и пеняй на себя!» — «Как,— думает царевич,— уж и птица надо мной смеяться стала!» Тотчас навел ружье, спустил курок и обломил ворону правое крыло.

Еще тошней у него на душе стало, вышел в чистое поле, шел-шел, и попался ему пастух с табуном лошадей. «Бог помочь тебе стадо пасти!» — говорит Василий-царевич. «Добро жаловать, Василий-царевич!» — «А ты как меня знаешь?» — «Как же мне не

знать тебя, коли я у твоего батюшки тридцать лет в пастухах служил. Зовут меня Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка; допрежде того был я первым воеводою, да отец твой разгневался и за провинок сослал меня в пастухи».— «Не ведаешь ли ты, Ивашка белая рубашка, коня по мне? Если выищешь мне доброго коня, я тебя по век не забуду и, коли буду во времени, опять первым воеводою сделаю». Говорит ему Ивашка: «Не посмотря твоей силы, нельзя тебе и коня указать. Вот стоит ракитовый куст, попробуй — выдерни его с корнем».

Василий-царевич ухватился за куст и выдернул его с корнем — под тем кустом лежит меч-кладенец, боевая палица и вся богатырская сбруя: узда в три пуда, седло в двадцать пять пудов, боевая палица в полтораста пудов. «Ну, царевич, дожидай меня здесь,— говорит Ивашка белая рубашка, сорочинская шапка,— поутру пригоню я стадо кониное, впереди всех кобылица будет, а вслед за ней жеребец; кинутся они в воду и поплывут далеко-далеко, а как солнышко с полудня своротит да свалит жар, станет тот жеребец выгонять кобылицу в зеленые луга. В те поры смотри не зевай: только ступит жеребец на берег, тотчас и бей его промежду ушей своей палицей».

Сказано — сделано. На другой день выждал Василий-царевич удобный час, ударил жеребца боевой палицей промежду ушей — жеребец на колени пал; зауздал его добрый молодец уздой трехпудовою, надел на него седельце черкасское и сел верхом. Как очнулся жеребец от удара богатырского, как понес Василья-царевича по долам, по лугам, по высоким горам! Трое суток носил без роздыху, и не пот с коня, алая кровь капает. Возгласил тут добрый конь человечьим голосом: «Гой еси, Василий-царевич! Отпусти меня погулять три зари утренние; в синем море я искупаюся, на росе поваляюся, и буду я твой верный слуга». Царевич отпустил коня; конь погулял три дня и воротился таким сильным и бодрым, что лучше того и не видано и не слыхано.

Сел Василий-царевич на коня и поехал за тридевять земель, в тридесятое государство; долго ли, коротко ли, приезжает он в царство львиное. Говорит царь-лев: «Эй, мои детки семеры! Берите вилы железные, подставляйте под мои очи старые, дайте мне посмотреть на доброго молодца!» Посмотрел, узнал его и обрадовался: «Добро жаловать, Василий-царевич! За твою услугу великую гости у меня, сколько надобно». Накормил его, напоил, спать положил, а наутро в путь-дорогу снарядил. Вот царевич ехал, ехал и приезжает в змеиное царство; царь-змей обрадовался, ласково гостя встретил и ласково проводил. Поехал царевич дальше — в вороново царство. Встречает его царь-ворон и говорит: «Хорош молодец, за что, про что обломил крыло у моего братца родимого? За

такой провинок надо б с тебя голову снять; да уж так и быть — смертным страхом отделайся». Взял — посадил царевича на крылья, полетел на сине море и сбросил его в самую глубь. Василий-царевич упал, окунулся в воду и как скоро вынырнул, царь-ворон подхватил его и вынес на сушу. «Поезжай теперь, куда ведаешь!»

Опять сел на коня Василий-царевич, собирается дальше путь держать. Говорит ему добрый конь: «Крепче держись, Василий-царевич! Надо в три часа, в три минуточки поспеть в тридесятое царство. Под то царство подступил Иван, русский богатырь, рожа шитая, нос плетеный, язык строченый, ноги телячьи, уши собачьи. Если не поспеем туда в три часа, три минуточки, то возьмет он царь-девицу за себя». Приехал Василий-царевич к тридесятому царству, мимо Ивана, русского богатыря, проскакал, словно мо́лоньей просветил; разъезжались они на двадцать верст, припускали коней навстречу, как ударились боевыми палицами — ажно гром загремел! Бились-бились, никто не осилеет; приустали добрые витязи и условились дать друг другу перемирье на три дня. Василий-царевич разбил шатер, лег на отдых и заснул крепким богатырским сном.

Третьи сутки на исходе, а он все спит. Стал его будить добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Не время спать, время вставать, с Иваном, русским богатырем, бой начинать». Разъезжались витязи на тридцать верст, разгоняли коней навстречу, бились-бились — ни тот, ни другой не осилеет; взяли перемирье еще на три дня. Царевич лег в шатре и опять уснул. Третьи сутки на исходе, будит его добрый конь: «Гой еси, Василий-царевич! Полно спать, время вставать, Ивану, русскому богатырю, голову сымать». Вскакивал Василий-царевич, седлал своего жеребца наскоро, подпруги подтягивал натуго — не для бодрости, а для крепости; едет он, под ним конь пляшет, а Иван, русский богатырь, едет, под ним конь слезно плачет.

Разъезжались они на пятьдесят верст, припускали коней навстречу, как ударились — земля задрожала! Иван, русский богатырь, промах дал, не сдержал в руке боевую палицу, пала она острием наземь и ушла в глубину на три сажени; а Василий-царевич угодил его коню прямо в грудь, посадил того коня задом на сырую землю, самому Ивану-богатырю снял буйную голову. «Теперь путь мне, доброму мо́лодцу, не заказан: возьму-ка я гусли звончатые да пойду в любимый сад царь-девицы». Взял гусли, пришел в сад и заиграл так нежно да сладко, что и сказать нельзя.

Услыхала ту игру царь-девица, зовет своих нянюшек-мамушек, дает им портрет Василья-царевича и посылает в свой любимый сад: «Бегом бегите, хорошенько разглядите, не приехал ли Ва-

силий-царевич? Не он ли в саду на гуслях играет?» Нянюшки-мамушки побежали, посмотрели, с портретом сличили, вернулись к царь-девице и докладывают: «Нет, то не Василий-царевич на гуслях играет: хоть и схож на него, а все не он: Василий-царевич куда прекраснее!» Отвечает им царь-девица: «Ах вы глупые-неразумные! Ведь царевич теперь от великих трудов изнурился, оттого и портрет не приходится». Бросилась сама в сад, тотчас узнала своего суженого, брала его за руки белые и вела в свои терема высокие. Обвенчались они, отпраздновали свадьбу и поехали в государство Василья-царевича. Мачеху и дядьку приказал царевич на воротах расстрелять, а сам с молодой женою стал жить-поживать, добра наживать.

ПЕРЫШКО ФИНИСТА ЯСНА СОКОЛА

Жил-был старик, у него было три дочери: большая и средняя — щеголихи, а меньшая только о хозяйстве радела. Сбирается отец в город и спрашивает у своих дочерей: которой что купить? Большая просит: «Купи мне на платье!» И середняя то ж говорит. «А тебе что, дочь моя любимая?» — спрашивает у меньшой. «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец простился с ними и уехал в город; большим дочерям купил на платье, а перышка Финиста ясна сокола нигде не нашел. Воротился домой, старшую и середнюю дочерей обновами обрадовал. «А тебе,— говорит меньшой,— не нашел перышка Финиста ясна сокола».— «Так и быть,— сказала она,— может, в другой раз посчастливится найти». Большие сестры кроят да обновы себе шьют, да над нею посмеиваются; а она знай отмалчивается. Опять собирается отец в город и спрашивает: «Ну, дочки, что вам купить?» Большая и середняя просят по платку купить, а меньшая говорит: «Купи мне, батюшка, перышко Финиста ясна сокола». Отец поехал в город, купил два платка, а перышка и в глаза не видал. Воротился назад и говорит: «Ах, дочка, ведь я опять не нашел перышка Финиста ясна сокола!» — «Ничего, батюшка; может, в иное время посчастливится».

Вот и в третий раз собирается отец в город и спрашивает: «Сказывайте, дочки, что вам купить?» Большие говорят: «Купи нам серьги», а меньшая опять свое: «Купи мне перышко Финиста ясна сокола». Отец искупил золотые серьги, бросился искать перышка — никто такого не ведает; опечалился и поехал из городу. Только за заставу, а навстречу ему старичок несет коробочку. «Что несешь, старина?» — «Перышко Финиста ясна сокола».— «Что за него просишь?» — «Давай тысячу». Отец заплатил деньги и по-

скакал домой с коробочкой. Встречают его дочери. «Ну, дочь моя любимая,— говорит он меньшой,— наконец и тебе купил подарок; на, возьми!» Меньшая дочь чуть не прыгнула от радости, взяла коробочку, стала ее целовать-миловать, крепко к сердцу прижимать.

После ужина разошлись все спать по своим светелкам; пришла и она в свою горницу, открыла коробочку — перышко Финиста ясна сокола тотчас вылетело, ударилось об пол, и явился перед девицей прекрасный царевич. Повели они меж собой речи сладкие, хорошие. Услыхали сестры и спрашивают: «С кем это, сестрица, ты разговариваешь?» — «Сама с собой»,— отвечает красна девица. «А ну, отопрись!» Царевич ударился об пол — и сделался перышком; она взяла, положила перышко в коробочку и отворила дверь. Сестры и туда смотрят, и сюда заглядывают — нет никого! Только они ушли, красная девица открыла окно, достала перышко и говорит: «Полетай, мое перышко, во чисто поле; погуляй до поры до времени!» Перышко обратилось ясным соколом и улетело в чистое поле.

На другую ночь прилетает Финист ясный сокол к своей девице; пошли у них разговоры веселые. Сестры услыхали и сейчас к отцу побежали: «Батюшка! У нашей сестры кто-то по ночам бывает; и теперь сидит да с нею разговаривает». Отец встал и пошел к меньшой дочери, входит в ее горницу, а царевич уж давно обратился перышком и лежит в коробочке. «Ах вы, негодные! — накинулся отец на своих больших дочерей.— Что вы на нее понапрасну взводите? Лучше бы за собой присматривали!»

На другой день сестры поднялись на хитрости: вечером, когда на дворе совсем стемнело, подставили лестницу, набрали острых ножей да иголок и натыкали на окне красной девицы.

Ночью прилетел Финист ясный сокол, бился-бился — не мог попасть в горницу, только крылышки себе обрезал. «Прощай, красна девица! — сказал он.— Если вздумаешь искать меня, то ищи за тридевять земель, в тридесятом царстве. Прежде три пары башмаков железных истопчешь, три посоха чугунных изломаешь, три просвиры каменных изгложешь, чем найдешь меня, добра мо́лодца!» А девица спит себе: хоть и слышит сквозь сон эти речи неприветливые, а встать-пробудиться не может.

Утром просыпается, смотрит — на окне ножи да иглы натыканы, а с них кровь так и капает. Всплеснула руками: «Ах, боже мой! Знать, сестрицы сгубили моего друга милого!» В тот же час собралась и ушла из дому. Побежала в кузницу, сковала себе три пары башмаков железных да три посоха чугунных, запаслась тремя каменными просвирами и пустилась в дорогу искать Финиста ясна сокола.

Шла-шла, пару башмаков истоптала, чугунный посох изломала и каменную просвиру изглодала; приходит к избушке и стучится: «Хозяин с хозяюшкой! Укройте от темныя ночи». Отвечает старушка: «Милости просим, красная девица! Куда идешь, голубушка?» — «Ах, бабушка! Ищу Финиста ясна сокола».— «Ну, красна девица, далеко ж тебе искать будет!» Наутро говорит старуха: «Ступай теперь к моей середней сестре, она тебя добру научит: а вот тебе мой подарок; серебряное донце, золотое веретенце; станешь кудель прясть — золотая нитка потянется». Потом взяла клубочек, покатила по дороге и наказала вслед за ним идти, куда клубочек покатится, туда и путь держи! Девица поблагодарила старуху и пошла за клубочком.

Долго ли, коротко ли, другая пара башмаков изношена, другой посох изломан, еще каменная просвира изглодана; наконец прикатился клубочек к избушке. Она постучалась: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу».— «Милости просим! — отвечает старушка.— Куда идешь, красная девица?» — «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола».— «Далеко ж тебе искать будет!» Поутру дает ей старушка серебряное блюдо и золотое яичко и посылает к своей старшей сестре: она-де знает, где найти Финиста ясна сокола!

Простилась красна девица со старухою и пошла в путь-дорогу; шла-шла, третья пара башмаков истоптана, третий посох изломан, и последняя просвира изглодана — прикатился клубочек к избушке. Стучится и говорит странница: «Добрые хозяева! Укройте от темной ночи красну девицу». Опять вышла старушка: «Поди, голубушка! Милости просим! Откудова идешь и куда путь держишь?» — «Ищу, бабушка, Финиста ясна сокола́».— «Ох, трудно, трудно отыскать его! Он живет теперь в этаком-то городе, на просвирниной дочери там женился». Наутро говорит старуха красной девице: «Вот тебе подарок: золотое пялечко да иголочка; ты только пялечко держи, а иголочка сама вышивать будет. Ну, теперь ступай с богом и наймись к просвирне в работницы».

Сказано — сделано. Пришла красная девица на просвирнин двор и нанялась в работницы; дело у ней так и кипит под руками: и печку топит, и воду носит, и обед готовит. Просвирня смотрит да радуется. «Слава богу! — говорит своей дочке.— Нажили себе работницу и услужливую и добрую: без наряду все делает!» А красная девица, покончив с хозяйскими работами, взяла серебряное донце, золотое веретенце и села прясть: прядет — из кудели нитка тянется, нитка не простая, а чистого золота. Увидала это просвирнина дочь: «Ах, красная девица! Не продашь ли мне свою забаву?» — «Пожалуй, продам!» — «А какая цена?» — «Позволь с твоим мужем ночь перебыть». Просвирнина дочь согласилась. «Не

беда! — думает.— Ведь мужа можно сонным зельем опоить, а чрез это веретенце мы с матушкой озолотимся!»

А Финиста ясна сокола дома не было; целый день гулял по поднебесью, только к вечеру воротился. Сели ужинать; красная девица подает на стол кушанья да все на него смотрит, а он, добрый молодец, и не узнает ее. Просвирнина дочь подмешала Финисту ясну соколу сонного зелья в питье, уложила его спать и говорит работнице: «Ступай к нему в горницу да мух отгоняй!» Вот красная девица отгоняет мух, а сама слезно плачет: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары башмаков железных истоптала, три просвиры каменных изглодала да все тебя, милого, искала!» А Финист спит, ничего не чует; так и ночь прошла.

На другой день работница взяла серебряное блюдечко и катает по нем золотым яичком: много золотых яиц накатала! Увидала просвирнина дочь. «Продай,— говорит,— мне свою забаву!» — «Пожалуй, купи».— «А как цена?» — «Позволь с твоим мужем еще единую ночь перебыть».— «Хорошо, я согласна!» А Финист ясный сокол опять целый день гулял по поднебесью, домой прилетел только к вечеру. Сели ужинать, красная девица подает кушанья да все на него смотрит, а он словно никогда и не знавал ее. Опять просвирнина дочь опоила его сонным зельем, уложила спать и послала работницу мух отгонять. И на этот раз, как ни плакала, как ни будила его красная девица, он проспал до утра и ничего не слышал.

На третий день сидит красная девица, держит в руках золотое пялечко, а иголочка сама вышивает — да такие узоры чудные! Загляделась просвирнина дочка. «Продай, красная девица, продай,— говорит,— мне свою забаву!» — «Пожалуй, купи!» — «А как цена?» — «Позволь с твоим мужем третью ночь перебыть».— «Хорошо, я согласна!» Вечером прилетел Финист ясный сокол; жена опоила его сонным зельем, уложила спать и посылает работницу мух отгонять. Вот красная девица мух отгоняет, а сама слезно причитывает: «Проснись-пробудись, Финист ясный сокол! Я, красна девица, к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя, милого, искала!» А Финист ясный сокол крепко спит, ничего не чует.

Долго она плакала, долго будила его; вдруг упала ему на щеку слеза красной девицы, и он в ту ж минуту проснулся: «Ах,— говорит,— что-то меня обожгло!» — «Финист ясный сокол! — отвечает ему девица.— Я к тебе пришла; три чугунных посоха изломала, три пары железных башмаков истоптала, три каменных просвиры изглодала — все тебя искала! Вот уж третью ночь над тобою стою,

а ты спишь — не пробуждаешься, на мои слова не отзываешься!» Тут только узнал Финист ясный сокол и так обрадовался, что сказать нельзя. Сговорились и ушли от просвирни. Поутру хватилась просвирнина дочь своего мужа: ни его нет, ни работницы! Стала жаловаться матери; просвирня приказала лошадей заложить и погналась в погоню. Ездила-ездила, и к трем старухам заезжала, а Финиста ясна сокола не догнала: его и следов давно не видать!

Очутился Финист ясный сокол со своею суженой возле ее дома родительского; ударился о сыру землю и сделался перышком: красная девица взяла его, спрятала за пазушку и пришла к отцу. «Ах, дочь моя любимая! Я думал, что тебя и на свете нет; где была так долго?» — «Богу ходила молиться». А случилось это как раз около святой недели. Вот отец с старшими дочерьми собираются к заутрене. «Что ж, дочка милая,— спрашивает он меньшую,— собирайся да поедем; нынче день такой радостный».— «Батюшка, мне надеть на себя нечего».— «Надень наши уборы»,— говорят старшие сестры. «Ах, сестрицы, мне ваши платья не по кости! Я лучше дома останусь».

Отец с двумя дочерьми уехал к заутрене; в тé поры красная девица вынула свое перышко. Оно ударилось об пол и сделалось прекрасным царевичем. Царевич свистнул в окошко — сейчас явились и платья, и уборы, и карета золотая. Нарядились, сели в карету и поехали. Входят они в церковь, становятся впереди всех; народ дивится: какой-такой царевич с царевною пожаловал? На исходе заутрени вышли они раньше всех и уехали домой; карета пропала, платьев и уборов как не бывало, а царевич обратился перышком. Воротилися и отец с дочерьми. «Ах, сестрица! Вот ты с нами не ездила, а в церкви был прекрасный царевич с ненаглядной царевною».— «Ничего, сестрицы! Вы мне рассказали — все равно что сама была».

На другой день опять то же; а на третий, как стал царевич с красной девицей в карету садиться, отец вышел из церкви и своими глазами видел, что карета к его дому подъехала и пропала. Воротился отец и стал меньшую дочку допрашивать; она и говорит: «Нечего делать, надо признаться!» Вынула перышко; перышко ударилось об пол и обернулось царевичем. Тут их и обвенчали, и свадьба была богатая! На той свадьбе и я был, винó пил, по усам текло, во рту не было. Надели на меня колпак да и ну толкать; надели на меня кузов: «Ты, детинушка, не гузай, убирайся-ка поскорей со двора».

ЦАРЕВНА, РАЗРЕШАЮЩАЯ ЗАГАДКИ

Жил-был старик; у него было три сына, третий-от Иван-дурак. Какой-то был тогда царь — это давно уж было; у него была дочь. Она и говорит отцу: «Позволь мне, батюшка, отгадывать загадки; если у кого отгадаю загадки, тому чтобы голову ссекли, а не отгадаю — за того пойду замуж». Тотчас сделали клич; многие являлись, всех казнили: царевна отгадывала загадки. Иван-дурак говорит отцу: «Благословляй, батюшка! Я пойду к царю загадывать загадки!» — «Куда ты, дурак! И лучше-то тебя, да казнят!» — «Благословишь — пойду, и не благословишь — пойду!» Отец благословил. Иван-дурак поехал, видит: на дороге хлеб, в хлебе лошадь; он выгнал ее кнутиком, чтоб не отаптывала, и говорит: «Вот загадка есть!» Едет дальше, видит змею, взял ее заколол копьем и думает: «Вот другая загадка!»

Приезжает к царю; его приняли и велят загадывать загадки. Он говорит: «Ехал я к вам, вижу на дороге добро, в добре-то добро же, я взял добро-то да добром из добра и выгнал; добро от добра и из добра убежало». Царевна хватила книжку, смотрит: нету этой загадки; не знает разгадать и говорит отцу: «Батюшка! У меня сегодня головушка болит, мысли помешались; я завтра разгадаю». Отложили до завтра. Ивану-дураку отвели комнату. Он вечером сидит, покуривает трубочку; а царевна выбрала верную горнишну, посылает ее к Ивану-дураку: «Поди,— говорит,— спроси у него, что это за загадка; сули ему злата и серебра, чего угодно».

Горнишна приходит, стучится; Иван-дурак отпер двери, она вошла и спрашивает загадку, сулит горы золота и серебра. Иван-дурак и говорит: «На что мне деньги! У меня своих много. Пусть царевна простоит всю ночь не спавши в моей горнице, дак скажу загадку». Царевна услышала это, согласилась, стояла всю ночь — не спала. Иван-дурак утром сказал загадку, что выгнал из хлеба лошадь. И царевна разгадала.

Иван-дурак стал другую загадывать: «Ехал я к вам, на дороге вижу зло, взял его да злом и ударил, зло от зла и умерло». Царевна опять хватила книжку, не может разгадать загадку и отпросилась до утра. Вечером посылает горнишну узнать у Ивана-дурака загадку: «Сули,— говорит,— ему денег!» — «На что мне деньги! У меня своих много,— отвечает Иван-дурак,— пусть царевна простоит ночь не спавши, тогда скажу загадку». Царевна согласилась, не спала ночь и загадку разгадала.

Третью загадку Иван-дурак так не стал загадывать, а велел собрать всех сенаторов и загадал, как царевна не умела отгадывать те загадки и посылала к нему горнишну подкупать на деньги. Царевна не могла догадаться и этой загадки; опять к нему спраши-

вать — сулила серебра и золота сколько угодно и хотела отправить домой на прогоне. Не тут-то было! Опять простояла ночь не спавши; он как сказал ей, о чем загадка,— ей разгадывать-то нельзя; о ней, значит, узнают, как и те загадки она выпытывала у Ивана-дурака. И ответила царевна: «Не знаю». Вот веселым пирком, да и за свадебку: Иван-дурак женился на ней; стали жить да быть, и теперь живут.

СОЛЬ

В некоем городе жил-был купец, у него было три сына: первый — Федор, другой — Василий, а третий — Иван-дурак. Жил тот купец богато, на своих кораблях ходил в чужие земли и торговал всякими товарами. В одно время нагрузил он два корабля дорогими товарами и отправил их за́ море с двумя старшими сыновьями. А меньшой сын Иван завсегда ходил по кабакам, по трактирам, и потому отец ничего не доверял ему по торговле; вот как узнал он, что его братья за́ море посланы, тотчас явился к отцу и стал у него проситься в иные земли — себя показать, людей посмотреть да своим умом барыши зашибить. Купец долго не соглашался: «Ты-де все пропьешь и головы домой не привезешь!» — да, видя неотступную его просьбу, дал ему корабль с самым дешевым грузом: с бревнами, тесом и досками.

Собрался Иван в путь-дорогу, отвалил от берега и скоро нагнал своих братьев; плывут они вместе по синему морю день, другой и третий, а на четвертый поднялись сильные ветры и забросили Иванов корабль в дальнее место, к одному неведомому острову. «Ну, ребята,— закричал Иван корабельным работникам,— приворачивайте к берегу». Пристали к берегу, он вылез на остров, приказал себя дожидаться, а сам пошел по тропинке; шел, шел и добрался до превеликой горы, смотрит — в той горе ни песок, ни камень, а чистая русская соль. Вернулся назад к берегу, приказал работникам все бревна и доски в воду покидать, а корабль нагрузить солью. Как скоро это сделано было, отвалил Иван от острова и поплыл дальше.

Долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли — приплыл корабль к большому богатому городу, остановился в пристани и якорь бросил. Иван купеческий сын сошел в город и отправился к тамошнему царю бить челом, чтобы позволил ему торговать по вольной цене; а для показу понес узелок своего товару — русской соли. Тотчас доложили про его приход государю; царь его позвал и спрашивает: «Говори, в чем дело — какая нужда?» — «Так и этак, ваше величество! Позволь мне торговать в твоем городе по вольной цене».— «А каким товаром торги ведешь?» — «Русской

солью, ваше величество!» А царь про соль и не слыхивал: во всем его царстве без соли ели. Удивился он, что́ такой за новый, небывалый товар? «А ну,— говорит,— покажь!» Иван купеческий сын развернул платок; царь взглянул и подумал про себя: «Да это просто-напросто белый песок!» И говорит Ивану с усмешкою: «Ну, брат, этого добра у нас и без денег дают!»

Вышел Иван из царских палат весьма печален, и вздумалось ему: «Дай пойду в царскую кухню да посмотрю, как там повара кушанья готовят — какую они соль кладут?» Пришел на кухню, попросился отдохнуть маленько, сел на стул и приглядывается. Повара то и дело взад-вперед бегают: кто варит, кто жарит, кто льет, а кто на чумичке вшей бьет. Видит Иван купеческий сын, что повара и не думают солить кушанья; улучил минутку, как они все из кухни повыбрались, взял да и всыпал соли, сколько надобно, во все ествы и приправы. Наступило время обед подавать; принесли первое кушанье. Царь отведал, и оно ему так вкусно показалося, как никогда прежде; подали другое кушанье — это еще больше понравилось.

Призвал царь поваров и говорит им: «Сколько лет я царствую, а никогда так вкусно вы не готовили. Как вы это сделали?» Отвечают повара: «Ваше величество! Мы готовили по-старому, ничего нового не прибавляли; а сидит на кухне тот купец, что приходил вольного торгу просить: уж не он ли подложил чего?» — «Позвать его сюда!» Привели Ивана купеческого сына к царю на допрос; он пал на колени и стал просить прощения: «Виноват, царь-государь! Я русскою солью все ествы и приправы сдобрил; так-де в нашей стороне водится».— «А почем соль продаешь?» Иван смекнул, что дело на лад идет, и отвечал: «Да не очень дорого: за две меры соли — мера серебра да мера золота». Царь согласился на эту цену и купил у него весь товар.

Иван насыпал полон корабль серебром да золотом и стал дожидаться попутного ветра; а у того царя была дочь — прекрасная царевна, захотелось ей посмотреть на русский корабль, и просится она у своего родителя на корабельную пристань. Царь отпустил ее. Вот она взяла с собой нянюшек, мамушек и красных девушек и поехала русский корабль смотреть. Иван купеческий сын стал ей показывать, как и что называется: где паруса, где снасти, где нос, где корма, и завел ее в каюту; а работникам приказал — живо якоря отсечь, паруса поднять и в море выходить. И как было им большое поветрие, то они скоро убежали от того города на далекое расстоянье. Царевна вышла на палубу, глянула — кругом море, и заплакала. Иван купеческий сын начал ее утешать, уговаривать, от слез останавливать; и как он собою красавец был, то царевна скоро улыбнулась и перестала печалиться.

Долго ли, коротко ли плыл Иван с царевною по морю; нагоняют его старшие братья, узнали про его удаль и счастье и крепко позавидовали; пришли к нему на корабль, схватили его за руки и бросили в море; а после кинули промеж себя жребий и поделились так: большой брат взял царевну, а середний — корабль с серебром и золотом. И случись на ту пору, как сбросили Ивана с корабля, плавало вблизи одно из тех бревен, которые он сам же покидал в море. Иван ухватился за то бревно и долго носился с ним по морским глубинам; наконец прибило его к неведомому острову.

Вышел он на землю и пошел по берегу — попадается ему навстречу великан с огромными усами, на усах вачеги висят — после дождя сушит. «Что тебе здесь надобно?» — спрашивает великан. Иван рассказал ему все, что случилося. «Хочешь, я тебя домой отнесу; завтра твой старший брат на царевне женится; садись-ка ко мне на спину». Взял его, посадил на спину и побежал через море; тут у Ивана с головы шапка упала. «Ах,— говорит,— ведь я шапку сронил!» — «Ну, брат, далеко твоя шапка — верст с пятьсот назади осталась»,— отвечал великан; принес его на родину, спустил наземь и говорит: «Смотри же, никому не хвались, что ты на мне верхом ездил; а похвалишься — раздавлю тебя!» Иван купеческий сын обещал не хвалиться, поблагодарил великана и пошел домой.

Приходит, а уж там все за свадебным столом сидят, собираются в церковь ехать. Как увидала его прекрасная царевна, тотчас выскочила из-за стола, бросилась на шею. «Вот,— говорит,— мой жених, а не тот, что за столом сидит!» — «Что такое?» — спрашивает отец; Иван ему рассказал про все, как он солью торговал, как царевну увез и как старшие братья его в море спихнули. Отец рассердился на больших сыновей, согнал их со двора долой, а Ивана обвенчал на царевне. Начался у них веселый пир; на пиру гости подпили и стали хвастаться: кто силою, кто богатством, кто молодой женою. А Иван сидел-сидел да спьяна и сам похвастался: «Это что за похвальбы! Вот я так могу похвалиться: на великане через все море верхом проехал!» Только вымолвил — в ту же минуту является у ворот великан: «А, Иван купеческий сын, я тебе приказывал не хвалиться мною, а ты что сделал?» — «Прости меня,— молит Иван купеческий сын.— То не я хвалился, то хмель хвалился».— «А ну, покажи: какой-такой хмель?»

Иван приказал привезть сороковую бочку вина да сороковую бочку пива; великан выпил и вино и пиво, опьянел и пошел все, что ни попалось под руку, ломать и крушить; много доброго натворил: сады повалял, хоромы разметал! После и сам свалился и спал без просыпу трое суток; а как пробудился, стали ему показывать,

сколько он бед наделал; великан страх как удивился и говорит: «Ну, Иван купеческий сын, узнал я, каков хмель; хвались же ты мною отныне и дó веку».

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

Жил старик со старухой. У них детей было двое: сынок Иванушка и дочка Аннушка. Старик начал своих детей посылать в лес за ягодами, наказывает им: «Детки! Который из вас нарвет больше ягодок, тому поясок куплю шелковый». Они возрадовались и немедля пошли. Иванушка был меньшее детище, нарвал больше Аннушкиного; Аннушка из досады, что отец не ей купит поясок, озлившись, убила своего брата и схоронила его в том лесу. Пришла домой и сказала отцу, что брат мой Иванушка неизвестно куда ушел.

Спустя несколько времени после того над могилой Иванушкиной выросла тростинка. Мимопроезжие купцы ее срезали, сделали дудку, и как начали играть в нее — изумились; из дудки выходил такой голос: «Подуди-ка, подуди-ка, дядюшка! Не ты меня убил, не ты меня сгубил; убила меня сестра моя — за красные ягодки, за шелковый поясок». Поехали те купцы в село, и случилось им ночевать у Иванушкиного отца; объявили ему про чудесную дудку и просили старика поиграть. Старик начал дудеть, а дудочка начала ему говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, батюшка! Не ты меня убил, не ты меня сгубил; убила меня сестра моя Аннушка — за красные ягодки, за шелковый поясок».

После того дали сестре поиграть; дудка стала говорить: «Подуди-ка, подуди-ка, сестрица моя Аннушка! Ты меня убила, в лесу сгубила — за красные ягодки, за шелковый поясок». Отец, осердясь на дочку Аннушку, которая тут же призналась, поставил ее на воротах и расстрелял из поганого ружья. На дворе у них была лужа, а в ней щука, а в щуке-то огонец; этой сказочке конец.

Жил да был старик и старуха. У старика, у старухи не было ни сына, ни дочери. Вышел старик на улицу, сжал комочек снегу и положил на печку под шубу — и стала девочка Снежевиночка. Пошла она с девушками в лес по ягодки; кто больше всех наберет — той красный сарафан отец с матерью сошьют, ту прежде других замуж отдадут. Снежевиночка побольше всех набрала ягодок; подружки взяли ее да убили, под сосенкой схоронили, катышком ука-

тали, блюдечком утрепали. Воротились в деревню; старик спрашивает: «Где же моя дочка?» — «Она пошла иной дорогой, мы ее искали-искали, кликали-кликали, не могли дозваться; уж солнце село, а ее все нет! Не ночевать же нам в лесу!..»

На могиле Снежевиночки вырос камыш; шли бурлаки да и срезали и сделали дудочку. Пришли к старику, отцу Снежевиночки, да и заиграли; дудочка и говорит: «Ду-ду, ду-ду, батюшка! Ду-ду, ду-ду, свет родной! Ты не знаешь моего горя великого: как меня девушки убили из-за блюдечка, из-за ягодок. Они меня убили, под сосенкой схоронили, катышком укатали, блюдечком утрепали». Старик говорит: «Что за диво, дудочка камышовая, а слова будто живой человек выговаривает». Вот он накормил-напоил бурлаков и просит: «Отдайте мне эту дудочку». Бурлаки отдали. Говорит старик старухе: «Давай-ка разломим дудочку да посмотрим, что там в середке есть?» Как разломили дудочку — так и выскочила оттуда девочка Снежевиночка. Старик и старуха обрадовались, стали с ней жить да быть да колпаки кроить. Тебе дали, мне послали; вот и сказка вся, больше и сказать нельзя.

ПТИЧИЙ ЯЗЫК

В одном городе жил купец с купчихою, и дал им господь сына не по годам смышленого, по имени Василия. Раз как-то обедали они втроем; а над столом висел в клетке соловей и так жалобно пел, что купец не вытерпел и проговорил: «Если б сыскался такой человек, который отгадал бы мне вправду, что соловей распевает и какую судьбу предвещает, кажись — при жизни бы отдал ему половину имения, да и по смерти отказал много добра». А мальчик — ему было лет шесть тогда — посмотрел отцу с матерью в глаза озойливо и сказал: «Я знаю, что́ соловей поет, да сказать боюсь».— «Говори без утайки!» — пристали к нему отец с матерью, и Вася со слезами вымолвил: «Соловей предвещает, что придет пора-время, будете вы мне служить: отец станет воду подавать, а мать полотенце — лицо, руки утирать». Слова эти больно огорчили купца с купчихою, и решились они сбыть свое детище; построили небольшую лодочку, в темную ночь положили в нее сонного мальчика и пустили в открытое море. На ту пору вылетел из клетки соловей-вещун, прилетел в лодку и сел мальчику на плечо.

Вот плывет лодка по́ морю, а навстречу ей корабль на всех парусах летит. Увидал корабельщик мальчика, жалко ему стало. взял его к себе, расспросил про все и обещал держать и любить его, как родного сына. На другой день говорит мальчик новому отцу: «Соловей-де напевает, что подымется буря, поломает мачты,

провет паруса; надо поворотить в становище». Но корабельщик не послушался. И впрямь поднялась буря, поломала мачты, оборвала паруса. Делать нечего, прошлого не воротишь; поставили новые мачты, поправили паруса и поплыли дальше. А Вася опять говорит: «Соловей-де напевает, что навстречу идут двенадцать кораблей, всё разбойничьих, во полон нас возьмут!» На тот раз корабельщик послушался, приворотил к острову и видел, как те двенадцать кораблей, всё разбойничьих, пробежали мимо.

Выждал корабельщик сколько надобно и поплыл дальше. Ни мало, ни много прошло времени, пристал корабль к городу Хвалынску; а у здешнего короля уже несколько годов перед дворцовыми окнами летают и кричат ворон с воронихою и вороненком, ни днем, ни ночью никому угомону не дают. Что ни делали, никакими хитростями не могут их от окошек отжить; даже дробь не берет! И приказано было от короля прибить на всех перекрестках и пристанях такову грамоту: ежели кто сможет отжить от дворцовых окошек ворона с воронихою, тому король отдаст в награду полцарства своего и меньшую королевну в жены; а кто возьмется за такое дело, а дела не сделает, тому отрублена будет голова. Много было охотников породниться с королем, да все головы свои под топор положили.

Узнал про то Вася, стал проситься у корабельщика: «Позволь пойти к королю — отогнать ворона с воронихою». Сколько ни уговаривал его корабельщик, никак не мог удержать. «Ну, ступай,— говорит,— да если что недоброе случится — на себя пеняй!» Пришел Вася во дворец, сказал королю и велел открыть то самое окно, возле которого воронье летало. Послушал птичьего крику и говорит королю: «Ваше величество, сами видите, что летают здесь трое: ворон, жена его ворониха и сын их вороненок; ворон с воронихою спорят, кому принадлежит сын — отцу или матери, и просят рассудить их. Ваше величество! Скажите, кому принадлежит сын?» Король говорит: «Отцу». Только изрек король это слово, ворон с вороненком полетели вправо, а ворониха — влево.

После того король взял мальчика к себе, и жил он при нем в большой милости и чести; вырос и стал молодец молодцом, женился на королевне и взял в приданое полцарства. Вздумалось ему как-то поездить по разным местам, по чужим землям, людей посмотреть и себя показать; собрался и поехал странствовать. В одном городе остановился он ночевать; переночевал, встал поутру и велит, чтоб подали ему умываться. Хозяин принес ему воду, а хозяйка подала полотенце; поразговорился с ними королевич и узнал, что то были отец его и мать, заплакал от радости и упал к их ногам родительским; а после взял их с собою в город Хвалынск, и стали они все вместе жить-поживать да добра наживать.

ХИТРАЯ НАУКА

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб с молоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души; да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам — авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег. Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда: «Что, старичок, пригорюнился?» — «Как мне не пригорюниться! — сказал дед.— Вот водил-водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!» — «Ну так отдай его мне,— говорит встречный,— я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь — придешь вовремя да узнаешь своего сына — возьмешь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня». Дед так обрадовался, и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

Вот прошли три года, а старик совсем позабыл, в какой день отдал сына в науку, и не знает, как ему быть. А сын за день до срока прилетел к нему малою птичкою, хлопнулся о завалинку и вошел в избу добрым молодцем, поклонился отцу и говорит: завтраде сравняется как раз три года, надо за ним приходить; и рассказал, куда за ним приходить и как его узнавать. «У хозяина моего не я один в науке; есть,— говорит,— еще одиннадцать работников, навсегда при нем остались — оттого, что родители не смогли их признать; и только ты меня не признаешь, так и я останусь при нем двенадцатым. Завтра, как придешь ты за мною, хозяин всех нас двенадцать выпустит белыми голубями — перо в перо, хвост в хвост и голова в голову ровны. Вот ты и смотри: все высоко станут летать, а я нет-нет да возьму повыше всех. Хозяин спросит: узнал ли своего сына? Ты и покажь на того голубя, что повыше всех. После выведет он к тебе двенадцать жеребцов — все одной масти, гривы на одну сторону, и собой ровны; как станешь проходить мимо тех жеребцов, хорошенько примечай: я нет-нет да правой ногою и топну. Хозяин опять спросит: узнал своего сына? Ты смело показывай на меня. После того выведет к тебе двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо и одежей ровны. Как станешь проходить мимо тех молодцев, примечай-ка: на правую щеку ко мне нет-нет да и сядет

малая мушка. Хозяин опять-таки спросит, узнал ли своего сына? Ты и покажь на меня».

Рассказал все это, распростился с отцом и пошел из дому, хлопнулся о завалинку, сделался птичкою и улетел к хозяину. Поутру дед встал, собрался и пошел за сыном. Приходит к колдуну. «Ну, старик,— говорит колдун,— выучил твоего сына всем хитростям. Только, если не признаешь его, оставаться ему при мне на веки вечные». После того выпустил он двенадцать белых голубей — перо в перо, хвост в хвост, голова в голову ровны, и говорит: «Узнавай, старик, своего сына!» Как узнавать-то, ишь все ровны! Смотрел, смотрел, да как поднялся один голубь повыше всех, указал на того голубя: «Кажись, это мой!» — «Узнал, узнал, дедушка!» — сказывает колдун.

В другой раз выпустил он двенадцать жеребцов — все как один, и гривы на одну сторону. Стал дед ходить вокруг жеребцов да приглядываться, а хозяин спрашивает: «Ну что, дедушка! Узнал своего сына?» — «Нет еще, погоди маленько»; да как увидал, что один жеребец топнул правою ногою, сейчас показал на него: «Кажись, это мой!» — «Узнал, узнал, дедушка!» В третий раз вышли двенадцать добрых молодцев — рост в рост, волос в волос, голос в голос, все на одно лицо, словно одна мать родила. Дед раз прошел мимо молодцев — ничего не заприметил, в другой прошел — тож ничего, а как проходил в третий раз — увидал у одного молодца на правой щеке муху и говорит: «Кажись, это мой!» — «Узнал, узнал, дедушка!» Вот, делать нечего, отдал колдун старику сына, и пошли они себе домой.

Шли, шли и видят: едет по дороге какой-то барин. «Батюшка,— говорит сын,— я сейчас сделаюсь собачкою; барин станет покупать меня, ты меня-то продай, а ошейника не продавай; не то я к тебе назад не ворочусь!» Сказал так-то да в ту ж минуту ударился оземь и оборотился собачкою. Барин увидал, что старик ведет собачку, зачал ее торговать: не так ему собачка показалася, как ошейник хорош. Барин дает за нее сто рублев, а дед просит триста; торговались, торговались, и купил барин собачку за двести рублев. Только стал было дед снимать ошейник,— куда! — барин и слышать про то не хочет, упирается. «Я ошейника не продавал,— говорит дед,— я продал одну собачку». А барин: «Нет, врешь! Кто купил собачку, тот купил и ошейник». Дед подумал-подумал (ведь и впрямь без ошейника нельзя купить собаку!) и отдал ее с ошейником. Барин взял и посадил собачку к себе, а дед забрал деньги и пошел домой.

Вот барин едет себе да едет, вдруг — откуда ни возьмись — бежит навстречу заяц. «Что,— думает барин,— али выпустить собачку за зайцем да посмотреть ее прыти?» Только выпустил,

смотрит: заяц бежит в одну сторону, собака в другую — и убежала в лес. Ждал, ждал ее барин, не дождался и поехал ни при чем. А собачка оборотилась добрым молодцем. Дед идет дорогою, идет широкою и думает: как домой глаза-то показать, как старухе сказать, куда сына девал? А сын уж нагнал его. «Эх, батюшка! — говорит.— Зачем с ошейником продавал? Ну, не повстречай мы зайца, я б не воротился, так бы и пропал ни за́ что!»

Воротились они домой и живут себе помаленьку. Много ли, мало ли прошло времени, в одно воскресенье говорит сын отцу: «Батюшка, я обернусь птичкою, понеси меня на базар и продай; только клетки не продавай, не то домой не ворочусь». Ударился оземь, сделался птичкою; старик посадил ее в клетку и понес продавать. Обступили старика люди, наперебой начали торговать птичку: так она всем показалася! Пришел и колдун, тотчас признал деда и догадался, что́ у него за птица в клетке сидит. Тот дает дорого, другой дает дорого, а он дороже всех; продал ему старик птичку, а клетки не отдает; колдун туда-сюда, бился с ним, бился, ничего не берет! Взял одну птичку, завернул в платок и понес домой. «Ну, дочка,— говорит дома,— я купил нашего шельмеца!» — «Где же он?» Колдун распахнул платок, а птички давно нет: улетела, сердешная!

Настал опять воскресный день. Говорит сын отцу: «Батюшка! Я обернусь нынче лошадью; смотри же, лошадь продавай, а уздечки не моги продавать; не то домой не ворочусь». Хлопнулся о сырую землю и сделался лошадью; повел ее дед на базар продавать. Обступили старика торговые люди, всё барышники: тот дает дорого, другой дает дорого, а колдун дороже всех. Дед продал ему сына, а уздечки не отдает. «Да как же я поведу лошадь-то? — спрашивает колдун.— Дай хоть до двора довести, а там, пожалуй, бери свою узду: мне она не в корысть!» Тут все барышники на деда накинулись: так-де не водится! Продал лошадь — продал и узду. Что с ними поделаешь? Отдал дед уздечку.

Колдун привел коня на свой двор, поставил в конюшню, накрепко привязал к кольцу и высоко притянул ему голову: стоит конь на одних задних ногах, передние до́ земли не хватают. «Ну, дочка,— сказывает опять колдун,— вот когда купил, так купил нашего шельмеца».— «Где же он?» — «На конюшне стоит». Дочь побежала смотреть; жалко ей стало до́бра молодца, захотела подлинней отпустить повод, стала распутывать да развязывать, а конь тем временем вырвался и пошел версты отсчитывать. Бросилась дочь к отцу. «Батюшка,— говорит,— прости! Грех меня попутал, конь убежал!»

Колдун хлопнулся о сырую землю, сделался серым волком и пустился в погоню: вот близко, вот нагонит! Конь прибежал к реке,

ударился оземь, оборотился ершом и бултых в воду, а волк за ним щукою. Ерш бежал, бежал водою, добрался к плотам, где красные девицы белье моют, перекинулся золотым кольцом и подкатился купеческой дочери под ноги. Купеческая дочь подхватила колечко и спрятала. А колдун сделался по-прежнему человеком. «Отдай,— пристает к ней,— мое золотое кольцо».— «Бери!» — говорит девица и бросила кольцо наземь. Как ударилось оно, в ту ж минуту рассыпалось мелкими зернами. Колдун обернулся петухом и бросился клевать; пока клевал — одно зерно обернулось ястребом, и плохо пришлось петуху: задрал его ястреб! Тем сказке конец, а мне водочки корец.

ДИВО

В некотором царстве, не в нашем государстве, жила-была старуха; у нее был сын, занимался охотою, бродил по разным местам да стрелял разных птиц и зверей — тем и себя и мать кормил. В одно время взял он ружье, надел сумку и пошел в поле. Недолго ходил, застрелил зайца, содрал с него шкурку и принес матери. Старуха разрубила зайца пополам, задок зажарила да на столе поставила, а передок под лавку припрятала. Вот пока они ели задок, передок-то заячий выскочил вон из избы да ну улепетывать! «Матушка, посмотри-ка,— говорит мужик,— экое чудо: мы с тобой задок едим, а передок в поле ушел!» — «Эх, дитятко! Такое ли чудо бывает? Ты поди-ка на село да спроси мужика Арефия, вот с ним было чудо, так чудо!»

Сын встал из-за стола и пошел искать мужика Арефия. Идет по дороге и видит — седой старик землю пашет. «Бог помочь, старичок!» — «Спасибо! Куда идешь, добрый человек?» — «Ищу мужика Арефия; с ним, сказывают, чудо было».— «Правда, добрый человек! Был я женат; была у меня баба собой красивая, да зато гульливая. Как-то я застал ее с милым дружком; а он был большой колдун, ухватил плеть, стегнул меня и говорит: «Был ты мужик, а будь пес поганый!» Обернул меня псом и выгнал на двор; наутро, слышу я, колдун сказывает моей жене: «Знаешь что, Аксинья? Зачем нам пса кормить? Лучше удушить его».— «И то правда!» — говорит баба. А у меня хоть вид собачий, да ум человечий; как почуял беду, сейчас улизнул со двора, и давай бог ноги!

Пристал я к одному барину, долго служил ему верою-правдою, всячески ему угождал и разные штуки выкидывал. Заставит, бывало, меня барин гостей вином угощать; а у меня хоть вид собачий, да ум человечий,— стану я на задние лапы, а в передние возьму поднос с чарками и стану гостей обносить, а сам-то кланяюсь. Что

тут смеху было! И любил же меня хозяин: завсегда в холе держал и с своего стола кормил. А все соскучилось. Вздумал на жену посмотреть. Убежал от барина и пустился в деревню. Три дня не ел, не пил — все домой спешил, и пришло мне невмоготу: так на еду и позывает. Глядь — а на кусте черный ворон сидит. Вот я подкрался, да и сцапал его. Говорит мне ворон человечьим голосом: «Не ешь меня, отпусти на волю; я сам тебе пригожуся!» Пожалел я ворона, пустил его на волю и побежал дальше.

Кое-как добрался до деревни, прихожу на свой двор, смотрю в избу: жена возле печки стоит да блины печет, а колдун на лавке сидит да так-то их уписывает. Увидал он меня, ухватил плеть. «Ишь,— говорит,— опять проклятый пес воротился; а уж я чаял — ты совсем пропал!» Да как стеганет меня плетью. «Был ты,— говорит,— псом, теперь стань черным вороном!» Обернулся я черным вороном, взвился и полетел в темный лес. «Ну,— думаю,— пришла на меня беда хуже первой; жил я собакою, завсегда сыт был; а теперь еще как-то бог пошлет! Чего доброго, еще охотник из ружья пристрелит!» Вдруг прилетел ко мне ворон и кричит: «Кар-кар! Ты меня пожалел, а я тебя добру научу: полетай назад в свою избу, заберись потихоньку под лавку и перекинь плеть через себя — опять человеком сделаешься; тогда возьми эту плеть и проучи колдуна и свою жену вот так-то и этак-то».

Тотчас снялся я с дерева и полетел в деревню; прилетел, ударился со всего размаху в окно, стекло разбилось, а я поскорей в избу. Время было послеобеденное, колдун с моею хозяйкою ушли в клеть и легли спать; вижу я — в избе пусто, залез под лавку, отыскал плеть, ухватил ее клювом за один конец и насилу-насилу через себя перекинул; в ту ж минуту обернулся я по-прежнему человеком. Взял плеть в руки и пошел расправляться. Колдун спит, жена храпит; вот я ударил сперва его и говорю: «Был ты добрый молодец, а теперь стань вороной жеребец!» Как сказал, так и сделалось. После того ударил бабу: «Была ты,— говорю,— молодицею, а теперь стань кобылицею!» Глядь — стоит передо мной славная пара лошадей: жеребец хорош, а кобыла и того лучше!.. С тех пор на этой паре я и землю пашу, и в извоз хожу. Вот оно какое чудо-то бывает!»

ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ

Жил-был богатый купец с купчихою; торговал дорогими и знатными товарами и кажный год ездил с ними по чужим государствам. В некое время снарядил он корабль; стал собираться в дорогу и спрашивает жену: «Скажи, радость моя, что тебе из иных зе-

мель в гостинец привезти?» Отвечает купчиха: «Я у тебя всем довольна; всего у меня много! А коли угодить да потешить хочешь, купи мне диво дивное, чудо чудное».— «Хорошо: коли найду — куплю».

Поплыл купец за тридевять земель в тридесятое царство, пристал к великому, богатому городу, распродал все свои товары, а новые закупил, корабль нагрузил; идет по городу и думает: «Где бы найти диво дивное, чудо чудное?» Попался ему навстречу незнакомый старичок, спрашивает его: «Что так призадумался-раскручинился, добрый молодец?» — «Как мне не кручиниться! — отвечает купец.— Ищу я купить своей жене диво дивное, чудо чудное, да не ведаю где».— «Эх ты, давно бы мне сказал. Пойдем со мной; у меня есть диво дивное, чудо чудное — так и быть, продам».

Пошли вместе; старичок привел купца в свой дом и говорит: «Видишь ли — вон на дворе у меня гусь ходит?» —«Вижу!» — «Так смотри же что с ним будет... Эй, гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. Старичок взял сковороду и опять приказывает: «Эй, гусь, ложись на сковороду!» Гусь лег на сковороду; старичок поставил ее в печь, изжарил гуся, вынул и поставил на стол. «Ну, купец, добрый молодец! Садись, закусим; только костей под стол не кидай, все в одну кучу собирай». Вот они за стол сели да вдвоем целого гуся и съели. Старичок взял оглоданные кости, завернул в скатерть, бросил на пол и молвил: «Гусь! Встань, встрепенись и поди на двор». Гусь встал, встрепенулся и пошел на двор, словно и в печи не бывал! «Подлинно, хозяин, у тебя диво дивное, чудо чудное!» — сказал купец, стал торговать у него гуся и сторговал за дорогие деньги. Взял с собой гуся на корабль и поплыл в свою землю.

Приехал домой, поздоровался с женой, отдает ей гуся и сказывает, что с той птицею хоть всякий день некупленное жаркое ешь! Зажарь ее — она опять оживет! На другой день купец пошел в лавки, а к купчихе полюбовник прибежал. Такому гостю, другу сердечному, она куды как рада! Вздумала угостить его жареным гусем, высунулась в окно и закричала: «Гусь, подь сюды!» Гусь пришел в горницу. «Гусь, ложись на сковороду!» Гусь не слушает, нейдет на сковороду; купчиха осердилась и ударила его сковородником — и в ту ж минуту одним концом сковородник прильнул к гусю, а другим к купцовой жене, и так плотно прильнул, что никак оторваться нельзя! «Ах, миленький дружок,— закричала купчиха,— оторви меня от сковородника, видно, этот проклятый гусь заворожен!» Полюбовник обхватил купчиху обеими руками, хотел было от сковородника оторвать, да и сам прильнул...

Гусь выбежал на двор, на улицу и потащил их к лавкам. Увида-

ли приказчики, бросились разнимать; только кто до них ни дотронется — так и прилипнет! Сбежался народ на то диво смотреть, вышел и купец из лавки, видит — дело-то неладно: что за друзья у жены проявились? «Признавайся,— говорит,— во всем; не то навек так — сольнувшись — останешься!» Нечего делать, повинилась купчиха; купец взял тогда — рознял их, полюбовнику шею накостылял, а жену домой отвел да изрядно поучил, приговаривая: «Вот тебе диво дивное! Вот тебе чудо чудное!»

КЛАД

В некоем царстве жил-был старик со старухою в великой бедности. Ни много, ни мало прошло времени — померла старуха. На дворе зима стояла лютая, морозная. Пошел старик по суседям да по знакомым, просит, чтоб пособили ему вырыть для старухи могилу; только и суседи и знакомые, знаючи его великую бедность, все начисто отказали. Пошел старик к попу, а у них на селе был поп куды жадный, несовестливый. «Потрудись,— говорит,— батюшка, старуху похоронить».— «А есть ли у тебя деньги, чем за похороны заплатить? Давай, свет, вперед!» — «Перед тобой нечего греха таить: нет у меня в доме ни единой копейки! Обожди маленько, заработаю — с лихвой заплачу, право слово — заплачу!»

Поп не захотел и речей стариковых слушать: «Коли нет денег, не смей и ходить сюда!» — «Что делать,— думает старик,— пойду на кладбище, вырою кое-как могилу и похороню сам старуху». Вот он захватил топор да лопату и пошел на кладбище; пришел и зачал могилу готовить: срубил сверху мерзлую землю топором, а там и за лопату взялся, копал-копал и выкопал котелок, глянул — а он полнехонько червонцами насыпан, как жар блестят! Крепко старик возрадовался: «Слава тебе господи! Будет на что и похоронить и помянуть старуху». Не стал больше могилу рыть, взял котелок с золотом и понес домой.

Ну, с деньгами знамое дело — все пошло как по маслу! Тотчас нашлись добрые люди: и могилу вырыли, и гроб смастерили; старик послал невестку купить вина и кушаньев и закусок разных — всего, как должно быть на поминках, а сам взял червонец в руку и потащился опять к попу. Только в двери, а поп на него: «Сказано тебе толком, старый хрен, чтоб без денег не приходил, а ты опять лезешь!» — «Не серчай, батюшка! — просит его старик.— Вот тебе золотой — похорони мою старуху, век не забуду твоей милости!» Поп взял деньги и не знает, как старика принять-то, где посадить, какими речами умилить: «Ну, старичок, будь в надёже, все будет сделано». Старик поклонился и пошел домой, а

поп с попадьею стал про него разговаривать: «Вишь, старый черт! Говорят: беден, беден! А он золотой отвалил. Много на своем веку схоронил я именитых покойников, а столько ни от кого не получал...»

Собрался поп со всем причетом и похоронил старуху как следует. После похорон просит его старик к себе помянуть покойницу. Вот пришли в избу, сели за стол, и откуда что явилось — и вино-то, и кушанья, и закуски разные, всего вдоволь! Гость сидит, за троих обжирается, на чужое добро зазирается. Отобедали гости и стали по своим домам раходиться, вот и поп поднялся. Пошел старик его провожать, и только вышли на двор — поп видит, что со стороны никого больше нету, и начал старика допрашивать: «Послушай, свет! Покайся мне, не оставляй на душе ни единого греха — все равно как перед богом, так и передо мною: отчего так скоро сумел ты поправиться? Был ты мужик скудный, а теперь на́ поди, откуда что взялось! Покайся-ка, свет! Чью загубил ты душу, кого обобрал?» — «Что ты, батюшка! Истинною правдою призна́юсь тебе: я не крал, не грабил, не убивал никого; клад сам в руки дался!» И рассказал, как все дело было.

Как услышал эти речи поп, ажно затрясся от жадности; воротился домой, ничего не делает — и день и ночь думает: «Такой ледащий мужичишка, и получил этакую силу денег. Как бы теперь ухитриться да отжилить у него котелок с золотом?» Сказал про то попадье; стали вдвоем совет держать и присоветали. «Слушай, матка! Ведь у нас козел есть?» — «Есть».— «Ну, ладно! Дождемся ночи и обработаем дело, как надо». Вечером поздно притащил поп в избу козла, зарезал и содрал с него шкуру — со всем, и с рогами и с бородой; тотчас натянул козлиную шкуру на себя и говорит попадье: «Бери, матка, иглу с ниткою; закрепи кругом шкуру, чтоб не свалилась». Попадья взяла толстую иглу да суровую нитку и обшила его козлиною шкурою.

Вот в самую глухую полночь пошел поп прямо к стариковой избе, подошел под окно и ну стучать да царапаться. Старик услыхал шум, вскочил и спрашивает: «Кто там?» — «Черт!..» — «Наше место свято!» — завопил мужик и начал крест творить да молитвы читать. «Слушай, старик! — говорит поп.— От меня хоть молись, хоть крестись, не избавишься; отдай-ка лучше мой котелок с деньгами; не то я с тобой разделаюсь! Ишь, я над твоим горем сжалился, клад тебе показал — думал: немного возьмешь на похороны, а ты все целиком и заграбил!» Глянул старик в окно — торчат козлиные рога с бородою: как есть нечистый! «Ну его совсем и с деньгами-то! — думает старик.— Наперед того без денег жил и опосля без них проживу!» Достал котелок с золотом, вынес на улицу, бросил наземь, а сам в избу поскорее. Поп подхватил котел с деньгами и

припустил домой. Воротился. «Ну,— говорит,— деньги в наших руках! На, матка, спрячь подальше да бери острый нож, режь нитки да снимай с меня козлиную шкуру, пока никто не видал».

Попадья взяла нож, стала было по шву нитки резать — как польется кровь, как заорет он: «Матка! Больно, не режь! Матка! Больно, не режь!» Начнет она пороть в ином месте — то же самое! Кругом к телу приросла козлиная шкура. Уж чего они ни делали, чего ни пробовали, и деньги старику назад отнесли — нет, ничего не помогло; так и осталась на попе козлиная шкура. Зна́мо, господь покарал за великую жадность!

СКОРЫЙ ГОНЕЦ

В некотором царстве, в некотором государстве были болота непроходимые, кругом их шла дорога окольная: скоро ехать тою дорогою — три года понадобится, а тихо ехать — и пяти мало! Возле самой дороги жил убогий старик; у него было три сына: первого звали Иван, второго — Василий, а третьего — Семен малый юныш. Вздумал убогий расчистить эти болота, проложить тут дорогу прямохожую-прямоезжую и намостить мосты калиновые, чтобы пешему можно было пройти в три недели, а конному в трое суток проехать. Принялся за работу вместе с своими детьми, и не по малом времени все было исправлено: намощены мосты калиновые и расчищена дорога прямохожая-прямоезжая.

Воротился убогий в свою избушку и говорит старшему сыну Ивану: «Поди-ка ты, мой любезный сын, сядь под мостом и послушай, что про нас будут добрые люди говорить — добро или худо?» По родительскому приказанию пошел Иван и сел в скрытном месте под мостом.

Идут по тому мосту калиновому два старца и говорят промеж себя: «Кто этот мост мостил да дорогу расчищал — чего бы он у господа ни попросил, то бы ему господь и даровал!» Иван, как скоро услыхал эти слова, тотчас вышел из-под моста калинового. «Этот мост,— говорит,— мостил я с отцом да с братьями».— «Чего ж ты просишь у господа?» — спрашивают старцы. «Вот кабы господь дал мне денег на век!» — «Хорошо, ступай в чистое поле: в чистом поле есть сырой дуб, под тем дубом глубокий погреб, в том погребе множество и злата, и серебра, и каменья драгоценного. Возьми лопату и рой — даст тебе господь денег на целый век!» Иван пошел в чистое поле, вырыл под дубом много и злата, и серебра, и каменья драгоценного и понес домой. «Ну, сынок,— спрашивает убогий,— видел ли кого, что бы шел али ехал по́ мосту, и что

про нас люди говорят?» Иван рассказал отцу, что видел двух старцев и чем они его наградили на целый век.

На другой день посылает убогий середнего сына Василия. Пошел Василий, сел под мостом калиновым и слушает. Идут по мосту два старца, поравнялись супротив того места, где он спрятался, и говорят: «Кто этот мост мостил — чего бы у господа ни попросил, то бы ему господь и дал!» Как скоро услыхал Василий эти слова, вышел к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями».— «Чего же ты у бога просишь?» — «Вот кабы господь дал мне хлеба на век!» — «Хорошо, поди домой, выруби новину и посей: даст тебе господь хлеба на целый век!» Василий пришел домой, рассказал про все отцу, вырубил новину и засеял хлебом.

На третий день посылает убогий меньшего сына. Семен малый юныш сел под мостом и слушает. Идут по́ мосту два старца; только поравнялись с ним и говорят: «Кто этот мост мостил — чего бы у господа ни попросил, то бы ему господь и дал!» Семен малый юныш услыхал эти слова, выступил к старцам и сказал: «Этот мост мостил я с батюшкой и с братьями».— «Чего же ты у бога просишь?» — «А прошу у бога милости: послужить великому государю в солдатах».— «Проси другого! Солдатская служба тяжелая; пойдешь в солдаты, к морскому царю в полон попадешь, и много будет твоих слез пролито!» — «Эх, люди вы старые, сами вы ведаете: кто на сем свете не плачет, тот будет плакать в будущем веке».— «Ну, коли уж ты похотел идти в царскую службу — мы тебя благословляем!» — сказали старцы Семену, наложили на него свои руки и обратили в оленя быстроногого.

Побежал олень к своему дому; усмотрели его из окошечка отец и братья, выскочили из избушки и хотели поймать. Олень повернул — и назад; прибежал к двум старцам, старцы обратили его в зайца. Заяц пустился к своему дому; усмотрели его отец и братья, выскочили из избушки и хотели было изловить, да он назад повернул. Прибежал заяц к двум старцам, старцы обратили его в маленькую птичку золотая головка. Птичка прилетела к своему дому, села у открытого окошечка; усмотрели ее отец и братья, бросились ловить — птичка вспорхнула, и назад. Прилетела к двум старцам, старцы сделали ее по-прежнему человеком и говорят: «Теперь, Семен малый юныш, иди на царскую службу. Если тебе понадобится сбегать куда наскоро, можешь ты обращаться оленем, зайцем и птичкою золотая головка: мы тебя научили».

Семен малый юныш пришел домой и стал у отца проситься на царскую службу. «Куда тебе идти,— отвечал убогий,— ты еще мал и глуп!» — «Нет, батюшка, отпусти; на то божья воля есть». Убогий отпустил, Семен малый юныш срядился, с отцом, с братьями простился и пошел в дорогу.

Долго ли, коротко ли — пришел он на царский двор, прямо к царю, и сказал: «Ваше царское величество! Не велите казнить, велите слово вымолвить».— «Говори, Семен малый юныш!» — «Ваше величество! Возьмите меня в военную службу».— «Что ты! Ведь ты мал и глуп; куда тебе идти в службу?» — «Хоть я мал и глуп, а служить буду не хуже других; в том уповаю на бога». Царь согласился, взял его в солдаты и велел быть при своем лице. Прошло несколько времени, вдруг объявил царю некоторый король жестокую войну. Царь начал в поход сряжаться; в урочное время собралось все войско в готовности. Семен малый юныш стал на войну проситься; царь не мог ему отказать, взял его с собою и выступил в поход.

Долго-долго шел царь с воинством, много-много земель за собой оставил, вот уж и неприятель близко — дня через три надо и бой зачинать. В те́ поры хватился царь своей боевой палицы и своего меча острого — нет ни той, ни другого, во дворце позабыл; нечем ему себе оборону дать, неприятельские силы побивать. Сделал он клич по всему войску: не возьмется ли кто сходить во дворец наскоро да принести ему боевую палицу и острый меч; кто сослужит эту службу, за того обещал отдать в супружество дочь свою Марью-царевну, в приданое пожаловать половину царства, а по смерти своей оставить тому и все царство. Начали выискиваться охотники: кто говорит: я могу в три года сходить; кто говорит: в два года, а кто — в один год; а Семен малый юныш доложил государю: «Я, ваше величество, могу сходить во дворец и принести боевую палицу и острый меч в три дня». Царь обрадовался, взял его за руку, поцеловал в уста и тотчас же написал к Марье-царевне грамотку, чтоб она гонцу тому поверила и выдала ему меч и палицу. Семен малый юныш принял от царя грамотку и пошел в путь-дорогу.

Отойдя с версту, обернулся он в оленя быстроногого и пустился словно стрела, из лука пущенная; бежал, бежал, устал и обернулся из оленя в зайца; припустил во всю заячью прыть. Бежал-бежал, все ноги прибил и обратился из зайца в маленькую птичку золотая головка; еще быстрей полетел, летел-летел и в полтора дня поспел в то царство, где Марья-царевна находилась. Обернулся человеком, вошел во дворец и подал царевне грамотку. Марья-царевна приняла ее, распечатала, прочитала и говорит: «Как же это сумел ты столько земель и так ско́ро пробежать?» — «А вот как»,— отвечал гонец — обратился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по царевниной палате, подошел к Марье-царевне и положил к ней на колени свою голову; она взяла ножницы и вырезала у оленя с головы клок шерсти. Олень обратился в зайца, заяц попрыгал немного по комнате и вскочил к царевне на колени; она вырезала у него клок шерсти.

Заяц обратился в маленькую птичку с золотой головкою, птичка полетала немного по комнате и села к царевне на руку; Марья-царевна срезала у ней с головы золотых перышков, и все это — и оленью шерсть, и заячью шерсть, и золотые перышки завязала в платок и спрятала к себе. Птичка золотая головка обратилась в гонца.

Царевна накормила его, напоила, в путь снарядила, отдала ему боевую палицу и острый меч; после они простились, на прощанье крепко поцеловались, и пошел Семен малый юныш обратно к царю. Опять побежал он оленем быстроногим, поскакал косым зайцем, полетел маленькой птичкою и к концу третьего дня усмотрел царский лагерь вблизи. Не доходя до войска шагов с триста, лег он на морском берегу, подле ракитова куста, отдохнуть с дороги; палицу боевую и острый меч около себя положил. От великой усталости он скоро и крепко уснул: в это время случилось одному генералу проходить мимо ракитова куста, увидал он гонца, тотчас столкнул его в море, взял боевую палицу и острый меч, принес к государю и сказал: «Ваше величество! Вот вам боевая палица и острый меч, я сам за ними ходил; а вот пустохвал, Семен малый юныш, верно, года три проходит!» Царь поблагодарил генерала, начал воевать с неприятелем и в короткое время одержал над ним славную победу.

А Семен малый юныш, как сказано, упал в море. В ту ж минуту подхватил его морской царь и унес в самую глубину. Жил он у того царя целый год, стало ему скучно, запечалился он и горько заплакал. Пришел к нему морской царь: «Что, Семен малый юныш, скучно тебе здесь?» — «Скучно, ваше величество!» — «Хошь на русский свет?» — «Хочу, если ваша царская милость будет». Морской царь вынес его в самую полночь, оставил на берегу, а сам ушел в море. Семен малый юныш начал богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Перед самым восходом красного солнца явился морской царь, ухватил его опять и унес в морскую глубину.

Прожил там Семен малый юныш еще целый год; сделалось ему скучно, и он горько-горько заплакал. Спрашивает морской царь: «Что, али тебе скучно?» — «Скучно!» — молвил Семен малый юныш. «Хошь на русский свет?» — «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его в полночь на́ берег, сам ушел в море. Начал Семен малый юныш со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Только чуть-чуть рассветать стало, пришел морской царь, ухватил его и унес в морскую глубину. Прожил Семен малый юныш третий год в море, стало ему скучно, и он горько, неутешно заплакал. «Что, Семен, скучно тебе?..— спрашивает морской царь.— Хошь на русский свет?» — «Хочу, ваше величество!» Морской царь вынес его на́ берег, сам ушел в море. Семен малый

юныш начал со слезами богу молиться: «Дай, господи, солнышка!» Вдруг солнце осияло своими лучами, и уж морской царь не смог больше взять его в полон.

Семен малый юныш отправился в свое государство; оборотился сперва оленем, потом зайцем, а потом маленькой птичкой золотая головка; в короткое время очутился у царского дворца. А покуда все это сделалось, царь успел с войны воротиться и засватал свою дочь Марью-царевну за генерала-обманщика. Семен малый юныш входит в ту самую палату, где за столом сидели жених да невеста. Увидала его Марья-царевна и говорит царю: «Государь-батюшка! Не вели казнить, позволь речь говорить».— «Говори, дочь моя милая! Что тебе надобно?» — «Государь-батюшка! Не тот мой жених, что за столом сидит, а вот он — сейчас пришел! Покажи-ка, Семен малый юныш, как в те́ поры ты наскоро сбегал за боевой палицей, за острым мечом». Семен малый юныш оборотился в оленя быстроногого, пробежал раз-другой по комнате и остановился возле царевны. Марья-царевна вынула из платочка срезанную оленью шерсть, показывает царю, в коем месте она ее срезала, и говорит: «Посмотри, батюшка! Вот мои приметочки». Олень оборотился в зайца: зайчик попрыгал-попрыгал по комнате и прискочил к царевне: Марья-царевна вынула из платочка заячью шерсть. Зайчик оборотился в маленькую птичку с золотой головкою; птичка полетала-полетала по комнате и села к царевне на колени; Марья-царевна развязала третий узелок в платке и показала золотые перышки. Тут царь узнал всю правду истинную, приказал генерала казнить, Марью-царевну выдал за Семена малого юнышу и сделал его своим наследником.

СЕСТРИЦА АЛЕНУШКА, БРАТЕЦ ИВАНУШКА

Жили-были себе царь и царица; у них были сын и дочь, сына звали Иванушкой, а дочь Аленушкой. Вот царь с царицею померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету. Шли, шли, шли... идут и видят пруд, а около пруда пасется стадо коров. «Я хочу пить»,— говорит Иванушка. «Не пей, братец, а то будешь теленочком»,— говорит Аленушка. Он послушался, и пошли они дальше: шли, шли и видят реку, а около ходит табун лошадей. «Ах, сестрица, если б ты знала, как мне пить хочется».— «Не пей, братец, а то сделаешься жеребеночком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят озеро, а около него гуляет стадо овец. «Ах, сестрица, мне страшно пить хочется».— «Не пей, братец, а то будешь баранчиком». Иванушка послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят ручей, а возле стерегут свиней.

«Ах, сестрица, я напьюся; мне ужасно пить хочется».— «Не пей, братец, а то будешь поросеночком». Иванушка опять послушался, и пошли они дальше; шли, шли и видят: пасется у воды стадо коз. «Ах, сестрица, я напьюся».— «Не пей, братец, а то будешь козленочком». Он не вытерпел и не послушался сестры, напился и стал козленочком, прыгает перед Аленушкой и кричит: «Ме-ке-ке! Ме-ке-ке!»

Аленушка обвязала его шелковым поясом и повела с собою, а сама-то плачет, горько плачет... Козленочек бегал, бегал и забежал раз в сад к одному царю. Люди увидали и тотчас доказывают царю: «У нас, ваше царское величество, в саду козленочек, и держит его на поясе девица, да такая из себя красавица». Царь приказал спросить, кто она такая. Вот люди и спрашивают ее: откуда она и чьего роду-племени? «Так и так,— говорит Аленушка,— был царь и царица, да померли; остались мы, дети: я — царевна, да вот братец мой, царевич; он не утерпел, напился водицы и стал козленочком». Люди доложили все это царю. Царь позвал Аленушку, расспросил обо всем; она ему приглянулась, и царь захотел на ней жениться. Скоро сделали свадьбу и стали жить себе, и козленочек с ними — гуляет себе по саду, а пьет и ест вместе с царем и царицею.

Вот поехал царь на охоту. Тем временем пришла колдунья и навела на царицу порчу: сделалась Аленушка больная, да такая худая да бледная. На царском дворе все приуныло; цветы в саду стали вянуть, деревья сохнуть, трава блекнуть. Царь воротился и спрашивает царицу: «Али ты чем нездорова?» — «Да, хвораю»,— говорит царица. На другой день царь опять поехал на охоту. Аленушка лежит больная; приходит к ней колдунья и говорит: «Хочешь, я тебя вылечу? Выходи к такому-то морю столько-то зорь и пей там воду». Царица послушалась и в сумерках пошла к морю, а колдунья уж дожидается, схватила ее, навязала ей на шею камень и бросила в море. Аленушка пошла на дно; козленочек прибежал и горько-горько заплакал. А колдунья оборотилась царицею и пошла во дворец.

Царь приехал и обрадовался, что царица опять стала здоро́ва. Собрали на стол и сели обедать. «А где же козленочек?» — спрашивает царь. «Не надо его,— говорит колдунья,— я не велела пускать; от него так и несет козлятиной!» На другой день только царь уехал на охоту, колдунья козленочка била-била, колотила-колотила и грозит ему: «Вот воротится царь, я попрошу тебя зарезать». Приехал царь; колдунья так и пристает к нему: «Прикажи да прикажи зарезать козленочка; он мне надоел, опротивел совсем!» Царю жалко было козленочка, да делать нечего — она так пристает, так упрашивает, что царь, наконец, согласился и позво-

лил его зарезать. Видит козленочек: уж начали точить на него ножи булатные, заплакал он, побежал к царю и просится: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю, стал на берегу и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет.
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился назад. Посеред дня опять просится он у царя: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь пустил его. Вот козленочек прибежал к морю и жалобно закричал:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек заплакал и воротился домой. Царь и думает: что бы это значило, козленочек все бегает на́ море? Вот попросился козленочек в третий раз: «Царь! Пусти меня на́ море сходить, водицы испить, кишочки всполоскать». Царь отпустил его и сам пошел за ним следом; приходит к морю и слышит — козленочек вызывает сестрицу:

Аленушка, сестрица моя!
Выплынь, выплынь на бе́режок.
Огни горят горючие,
Котлы кипят кипучие,
Ножи точат булатные,
Хотят меня зарезати!

Она ему отвечает:

Иванушка-братец!
Тяжел камень ко дну тянет,
Люта змея сердце высосала!

Козленочек опять зачал вызывать сестрицу. Аленушка всплыла кверху и показалась над водой. Царь ухватил ее, сорвал с шеи камень и вытащил Аленушку на берег, да и спрашивает: как это сталося? Она ему все рассказала. Царь обрадовался, козленочек тоже — так и прыгает, в саду все зазеленело и зацвело. А колдунью приказал царь казнить: разложили на дворе костер дров и сожгли ее. После того царь с царицей и с козленочком стали жить да поживать да добра наживать и по-прежнему вместе и пили и ели.

ЦАРЕВНА — СЕРА УТИЦА

Жил царь с царицею, у них были дети: сын да дочь; сына звали Дмитрий-царевич, а дочь — Марья-царевна. Были приставлены к царевне и няньки и мамки, и ни одна не могла ее укачать-убаюкать. Только брат и умел это сделать: бывало, придет к ее кроватке и начнет припевать: «Баю-баюшки, сестрица! Баю-баюшки, родная! Вырастешь большая, отдам тебя замуж за Ивана-царевича». Она закроет глазки и заснет. Прошло несколько лет, собрался Дмитрий-царевич и поехал в гости к Ивану-царевичу; прогостил там три месяца — много играли, много гуляли; стал уезжать и зовет к себе Ивана-царевича. «Хорошо,— говорит,— приеду!» Воротился домой, взял портрет своей сестры и повесил над своею постелью, и так хороша была царевна, что все бы смотрел на ее портрет: глаз оторвать невозможно!

Нежданно-негаданно приезжает Иван-царевич к Дмитрию-царевичу, входит в его комнату, а он спит себе крепким сном. Увидал Иван-царевич портрет Марьи-царевны — и в ту ж минуту влюбился в нее, выхватил свой меч и занес на ее брата. Бог не попустил греха, словно что толкнуло Дмитрия-царевича — вмиг проснулся и спрашивает: «Что ты делать хочешь?» — «Хочу тебя убить!» — «За что, Иван-царевич?» — «Ведь это портрет твоей невесты?» — «Нет, моей сестры Марьи-царевны».— «Ах, что же ты мне никогда об ней не сказывал! Я теперь жить без нее не могу».— «Ну что ж! Женись на сестре, будем братьями». Иван-царевич бросился обнимать Дмитрия-царевича. Тут они и поладили, по рукам ударили.

Иван-царевич домой уехал — к свадьбе готовиться, а Дмитрий-царевич стал собираться с своею сестрицею в путь-дорогу, к жениху в гости. Снарядили два корабля: в одном брат плывет, в другом

сестра плывет, а при ней нянька с дочкою. Вот как выехали корабли посеред моря синего, нянька и говорит Марье-царевне: «Скинь с себя драгоценное платье да ложись на перину — тебе спокойней будет!» Царевна скинула платье и только легла на перину — нянька ударила ее слегка по белому телу, и сделалась Марья-царевна серой утицею, взвилась-полетела с корабля на сине море. А нянька нарядила свою дочь в царевнино платье, сидят обе да величаются. Приехали в землю Ивана-царевича; он тотчас выбежал навстречу и портрет Марьи-царевны с собой захватил; смотрит, а невеста далеко на тот портрет не похожа! Разгневался на Дмитрия-царевича, велел посадить его в темницу, в день давать ему по куску черствого хлеба да по стакану воды; кругом были часовые приставлены, и наказано им настрого никого не пускать к заключеннику.

Приходит время к полуночи, стала сера утица с моря подыматься, полетала к родимому братцу — все царство собой осияла: крыльями машет, а с них словно жар сыпется! Подлетела к темнице да прямо в окошечко, крылышки на гвоздик повесила, а сама к брату пошла: «Родимый мой братец, Дмитрий-царевич! Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне, братец, тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку». Братец с сестрицею поплакали, погоревали вместе; ранним утром улетела сера утица на сине море. Докладывают Ивану-царевичу: «Так и так, прилетала к заключеннику сера утица — все царство собой осияла!» Приказал он, чтоб сейчас дали ему знать, как скоро та утица опять прилетит.

Вот подходит время к полуночи; вдруг море заколыхалося, поднялась с него сера утица, полетела — все царство собой осветила, крылышками машет, а с них словно жар сыпется. Прилетела к темнице, крылышки свои на окне оставила, а сама к брату пошла. Тотчас же разбудили Ивана-царевича; он побежал к темнице, смотрит: на окне лежат крылышки, взял и велел их на огне спалить, а сам приложил ухо да слушает — про что говорят братец с сестрицею. «Родимый мой братец! — говорит Марья-царевна.— Тебе тошно в темнице сидеть, по стакану воды пить, по куску хлеба есть; а мне тошнее того по синю морю плавать! Сгубила нас злая нянюшка, скинула с меня драгоценное платье — нарядила в него свою дочку... Ах, братец, что-то гарью пахнет!» — «Нет, сестрица! Я ничего не слышу».

Иван-царевич отворил темницу, входит туда — Марья-царевна в ту ж минуту бросилась к окошечку, видит: крылышки ее до половины обожжены; тут ухватил ее Иван-царевич за белые руки, а она стала оборачиваться разными гадами. Иван-царевич не пугается, из рук ее не пущает... Вот, наконец, она веретеном обра-

тилась; царевич переломил веретено надвое; один конец бросил вперед, а другой назад и говорит: «Стань передо мной красна девица, а за мной белая береза!» Стала позади его белая береза, а перед ним явилась Марья-царевна во всей своей красоте. Иван-царевич выпросил себе прощение у Дмитрия-царевича, и все трое во дворец пошли; а на другой день была свадьба: Иван-царевич женился на Марье-царевне; гости долго пировали, веселились, прохлаждались. А няньку с дочкою отослали в такое место, чтоб об них ни слуху ни духу не было!

БЕЛАЯ УТОЧКА

Один князь женился на прекрасной княжне и не успел еще на нее наглядеться, не успел с нею наговориться, не успел ее наслушаться, а уж надо было им расставаться, надо было ему ехать в дальний путь, покидать жену на чужих руках. Что делать! Говорят, век обнявшись не просидеть. Много плакала княгиня, много князь ее уговаривал, заповедовал не покидать высока терема, не ходить на беседу, с дурными людьми не ватажиться, худых речей не слушаться. Княгиня обещала все исполнить. Князь уехал; она заперлась в своем покое и не выходит.

Долго ли, коротко ли, пришла к ней женщинка, казалось — такая простая, сердечная! «Что,— говорит,— ты скучаешь? Хоть бы на божий свет поглядела, хоть бы по саду прошлась, тоску размыкала, голову простудила». Долго княгиня отговаривалась, не хотела, наконец подумала: по саду походить не беда, и пошла. В саду разливалась ключевая хрустальная вода. «Что,— говорит женщинка,— день такой жаркий, солнце палит, а водица студеная — так и плещет, не искупаться ли нам здесь?» — «Нет, нет, не хочу!» — а там подумала: ведь искупаться не беда! Скинула сарафанчик и прыгнула в воду. Только окунулась, женщинка ударила ее по спине: «Плыви ты,— говорит,— белою уточкой!» И поплыла княгиня белою уточкой. Ведьма тотчас нарядилась в ее платье, убралась, намалевалась и села ожидать князя. Только щенок вякнул, колокольчик звякнул, она уж бежит навстречу, бросилась к князю, целует, милует. Он обрадовался, сам руки протянул и не распознал ее.

А белая уточка нанесла яичек, вывела деточек, двух хороших, а третьего заморышка, и деточки ее вышли — ребяточки; она их вырастила, стали они по реченьке ходить, злату рыбку ловить, лоскутики сбирать, кафтаники сшивать, да выскакивать на бережок, да поглядывать на лужок. «Ох, не ходите туда, дети!» — говорила мать. Дети не слушали; нынче поиграют на травке, завтра

побегают по муравке, дальше, дальше, и забрались на княжий двор. Ведьма чутьем их узнала, зубами заскрипела; вот она позвала деточек, накормила-напоила и спать уложила, а там велела разложить огня, навесить котлы, наточить ножи. Легли два братца и заснули,— а заморышка, чтоб не застудить, приказала (им) мать в пазушке носить — заморышек-то и не спит, все слышит, все видит. Ночью пришла ведьма под дверь и спрашивает: «Спите вы, детки, иль нет?» Заморышек отвечает: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Не спят!»

Ведьма ушла, походила-походила, опять под дверь: «Спите, детки, или нет?» Заморышек опять говорит то же: «Мы спим — не спим, думу думаем, что хотят нас всех порезати; огни кладут калиновые, котлы высят кипучие, ножи точат булатные!» — «Что же это все один голос?» — подумала ведьма, отворила потихоньку дверь, видит: оба брата спят крепким сном, тотчас обвела их мертвой рукою — и они померли.

Поутру белая уточка зовет деток; детки нейдут. Зачуяло ее сердце, встрепенулась она и полетела на княжий двор. На княжьем дворе, белы как платочки, холодны как пласточки, лежали братцы рядышком. Кинулась она к ним, бросилась, крылышки распустила, деточек обхватила и материнским голосом завопила:

Кря, кря, мои деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Я нуждой вас ыхажиаала,
Я слезой аас выпаиаала,
Темну ночь недосыпала,
Сладок кус недоедала!

«Жена, слышишь небывалое? Утка приговаривает».— «Это тебе чудится! Велите утку со двора прогнать!» Ее прогонят, она облетит да опять к деткам:

Кря, кря, моя деточки!
Кря, кря, голубяточки!
Погубила аас ведьма старая,
Ведьма старая, змея лютая,
Змея лютая, подколодная;
Отняла у вас отца родного,
Отца родяого — моего мужа,
Потопила нас а быстрой реченьке,
Обратяла яас в белых уточек,
А сама живет — аелячается!

«Эге!» — подумал князь и закричал: «Поймайте мне белую уточку!» Бросились все, а белая уточка летает и никому не дается;

выбежал князь сам, она к нему на руки пала. Взял он ее за крылышко и говорит: «Стань белая береза у меня позади, а красная девица впереди!» Белая береза вытянулась у него позади, а красная девица стала впереди, и в красной девице князь узнал свою молодую княгиню. Тотчас поймали сороку, подвязали ей два пузырька, велели в один набрать воды живящей, в другой говорящей. Сорока слетала, принесла воды. Сбрызнули деток живящею водою — они встрепенулись, сбрызнули говорящею — они заговорили. И стала у князя целая семья, и стали все жить-поживать, добро наживать, худо забывать. А ведьму привязали к лошадиному хвосту, размыкали по полю: где оторвалась нога — там стала кочерга, где рука — там грабли, где голова — там куст да колода; налетели птицы — мясо поклевали, поднялися ветры — кости разметали, и не осталось от ней ни следа, ни памяти!

ЦАРЕВНА-ЛЯГУШКА

В стары годы, в старопрежни, у одного царя было три сына — все они на возрасте. Царь и говорит: «Дети! Сделайте себе по самострелу и стреляйте: кака женщина принесет стрелу, та и невеста; ежели никто не принесет, тому, значит, не жениться». Большой сын стрелил, принесла стрелу княжеска дочь; средний стрелил, стрелу принесла генеральска дочь; а малому Ивану-царевичу принесла стрелу из болота лягуша в зубах. Те братья были веселы и радостны, а Иван-царевич призадумался, заплакал: «Как я стану жить с лягушей? Век жить — не реку перебрести или не поле перейти!» Поплакал-поплакал, да нечего делать — взял в жены лягушу. Их всех обвенчали по ихнему там обряду; лягушу держали на блюде.

Вот живут они. Царь захотел одинождыі посмотреть от невесток дары, котора из них лучше мастерица. Отдал приказ. Иван-царевич опять призадумался, плачет: «Чего у меня сделат лягуша! Все станут смеяться». Лягуша ползат по полу, только квакат. Как уснул Иван-царевич, она вышла на улицу, сбросила кожух, сделалась красной де́вицей и крикнула: «Няньки-маньки! Сделайте то-то!» Няньки-маньки тотчас принесли рубашку самой лучшей работы. Она взяла ее, свернула и положила возле Ивана-царевича, а сама обернулась опять лягушей, будто ни в чем не бывала! Иван-царевич проснулся, обрадовался, взял рубашку и понес к царю. Царь принял ее, посмотрел: «Ну, вот это рубашка — во Христов день надевать!» Середний брат принес рубашку; царь сказал: «Только в баню в ней ходить!» А у большого брата взял рубашку и сказал: «В черной избе ее носить!» Разошлись царские дети; двое-то и судят между собой: «Нет, видно, мы напрасно смеялись

над женой Ивана-царевича, она не лягушка, а кака-нибудь хи́тра!»

Царь дает опять приказанье, чтоб снохи состряпали хлебы и принесли ему напоказ, котора лучше стряпат? Те невестки сперва смеялись над лягушей; а теперь, как пришло время, они и послали горнишну подсматривать, как она станет стряпать. Лягуша смекнула это, взяла, замесила квашню, скатала, печь сверху выдолбила да прямо туда квашню и опрокинула. Горнишна увидела, побежала, сказала своим барыням, царским невесткам, и те так же сделали. А лягуша хитрая только их провела, тотчас тесто из печи выгребла, все очистила, замазала, будто ни в чем не бывала, а сама вышла на крыльцо, вывернулась из кожуха и крикнула: «Няньки-маньки! Состряпайте сейчас же мне хлебов таких, каки мой батюшка по воскресеньям да по праздникам только ел». Няньки-маньки тотчас притащили хлеба. Она взяла его, положила возле Ивана-царевича, а сама сделалась лягушей. Иван-царевич проснулся, взял хлеб и понес к отцу. Отец в то время принимал хлебы от бо́льших братовей; их жены как поспускали в печь хлебы так же, как лягуша,— у них и вышло кули-мули. Царь наперво принял хлеб от большого сына, посмотрел и отослал на кухню; от середнего принял, туда же послал. Дошла очередь до Ивана-царевича; он подал свой хлеб. Отец принял, посмотрел и говорит: «Вот это хлеб — во Христов день есть! Не такой, как у бо́льших снох, с закалкой!»

После того вздумалось царю сделать бал, посмотреть своих сношек, котора лучше пляшет? Собрались все гости и снохи, кроме Ивана-царевича; он задумался: «Куда я с лягушей поеду?» И заплакал навзрыд наш Иван-царевич. Лягуша и говорит ему: «Не плачь, Иван-царевич! Ступай на бал. Я через час буду». Иван-царевич немного обрадовался, как услыхал, что́ лягуша бает; уехал, а лягуша пошла, сбросила с себя кожух, оделась чудо как! Приезжает на бал; Иван-царевич обрадовался, и все руками схлопали: кака красавица! Начали закусывать; царевна огложет коску, да и в рукав, выпьет чего — остатки в другой рукав. Те снохи видят, чего она делат, и они тоже кости кладут к себе в рукава, пьют чего — остатки льют в рукава. Дошла очередь танцевать; царь посылает бо́льших снох, а они ссылаются на лягушу. Та тотчас подхватила Ивана-царевича и пошла; уж она плясала-плясала, вертелась-вертелась — всем на диво! Махнула правой рукой — стали леса и воды, махнула левой — стали летать разные птицы. Все изумились. Отплясала — ничего не стало. Други снохи пошли плясать, так же хотели: котора правой рукой ни махнет, у той кости-та и полетят, да в людей, из левого рукава вода разбрызжет — тоже в людей. Царю не понравилось, закричал: «Будет, будет!» Снохи перестали.

Бал был на отходе. Иван-царевич поехал наперед, нашел там где-то женин кожух, взял его да сжег. Та приезжат, хватилась кожуха: нет! — сожжен. Легла спать с Иваном-царевичем; перед утром и говорит ему: «Ну, Иван-царевич, немного ты не потерпел; твоя бы я была, а теперь бог знат. Прощай! Ищи меня за тридевять земель, в тридесятом царстве». И не стало царевны.

Вот год прошел, Иван-царевич тоскует о жене; на другой год собрался, выпросил у отца, у матери благословенье и пошел. Идет долго уж, вдруг попадается ему избушка — к лесу передом, к нему задом. Он и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Вошел в избу; сидит старуха и говорит: «Фу, фу! Русской коски слыхом было не слыхать, видом не видать, нынче русска коска сама на двор пришла! Куда ты, Иван-царевич, пошел?» — «Прежде, старуха, напой-накорми, потом вести расспроси». Старуха напоила-накормила и спать положила. Иван-царевич говорит ей: «Баушка! Вот я пошел доставать Елену Прекрасну».— «Ой, дитятко, как ты долго (не бывал)! Она с первых-то годов часто тебя поминала, а теперь уж не помнит, да и у меня давно не бывала. Ступай вперед к середней сестре, та больше знат».

Иван-царевич поутру отправился, дошел до избушки и говорит: «Избушка, избушка! Стань по-старому, как мать поставила,— к лесу задом, а ко мне передом». Избушка перевернулась. Он вошел в нее, видит — сидит старуха и говорит: «Фу, фу! Русской коски слыхом было не слыхать и видом не видать, а нынче русска коска сама на двор пришла! Куда, Иван-царевич, пошел?» — «Да вот, баушка, доступать Елену Прекрасну».— «Ой, Иван-царевич,— сказала старуха,— как ты долго! Она уж стала забывать тебя, выходит взамуж за другого: скоро свадьба! Живет теперь у большой сестры, ступай туда да смотри ты: как станешь подходить — у нее узнают, Елена обернется веретешком, а платье на ней будет золотом. Моя сестра золото станет вить; как совьет веретешко, и положит в ящик, и ящик запрет, ты найди ключ, отвори ящик, веретешко переломи, кончик брось назад, а корешок перед себя: она и очутится перед тобой».

Пошел Иван-царевич, дошел до этой старухи, зашел в избу; та вьет золото, свила его веретешко и положила в ящик, заперла и ключ куда-то положила. Он взял ключ, отворил ящик, вынул веретешко и переломил по сказанному, как по писаному, кончик бросил за себя, а корешок перед себя. Вдруг и очутилась Елена Прекрасна, начала здороваться: «Ой, да как ты долго, Иван-царевич? Я чуть за другого не ушла». А тому жениху надо скоро быть. Елена Прекрасна взяла ковер-самолет у старухи, села на него, и понеслись, как птица полетели. Жених-от за ними вдруг

и приехал, узнал, что они уехали; был тоже хитрый! Он ступай-ка за ними в погоню, гнал, гнал, только сажо́н не догнал: они на ковре влетели в Русь, а ему нельзя как-то в Русь-то, воротился; а те прилетели домой, все обрадовались, стали жить да быть да животы наживать — на славу всем людям.

ЦАРЕВНА-ЗМЕЯ

Ехал казак путем-дорогою и заехал в дремучий лес; в том лесу на прогалинке стоит стог сена. Остановился казак отдохнуть немножко, лег около стога и закурил трубку; курил, курил и не видал, как заронил искру в сено. После отдыха сел на коня и тронулся в путь; не успел и десяти шагов сделать, как вспыхнуло пламя и весь лес осветило. Казак оглянулся, смотрит: стог сена горит, а в огне стоит красная де́вица и говорит громким голосом: «Казак, добрый человек! Избавь меня от смерти».— «Как же тебя избавить? Кругом пламя, нет к тебе подступу».— «Сунь в огонь свою пику; я по ней выберусь». Казак сунул пику в огонь, а сам от великого жару назад отвернулся.

Тотчас красная де́вица оборотилась змеею, влезла на пику, скользнула казаку на шею, обвилась вокруг шеи три раза и взяла свой хвост в зубы. Казак испугался, не придумает, что ему делать и как ему быть. Провещала змея человеческим голосом: «Не бойся, добрый мо́лодец! Носи меня на шее семь лет да разыскивай оловянное царство, а приедешь в то царство — останься и проживи там еще семь лет безвыходно. Сослужишь эту службу, счастлив будешь!

Поехал казак разыскивать оловянное царство, много ушло времени, много воды утекло, на исходе седьмого года добрался до крутой горы; на той горе стоит оловянный за́мок, кругом за́мка высокая белокаменная стена. Поскакал на́ гору, перед ним стена раздвинулась, и въехал он на широкий двор. В ту ж минуту сорвалась с его шеи змея, ударилась о сырую землю, обернулась душой-де́вицей и с глаз пропала — словно ее не было. Казак поставил своего доброго коня на конюшню, вошел во дворец и стал осматривать комнаты. Всюду зеркала, серебро да бархат, а нигде не видать ни одной души человеческой. «Эх,— думает казак,— куда я заехал? Кто меня кормить и поить будет? Видно, пришлось помирать голодною смертию!»

Только подумал, глядь — перед ним стол накрыт, на столе и пить и есть — всего вдоволь; он закусил и выпил, подкрепил свои силы и вздумал пойти на коня посмотреть. Приходит в конюшню — конь стоит в стойле да овес уплетает. «Ну, это дело хорошее: можно, значит, без нужды прожить».

Долго-долго оставался казак в оловянном за́мке, и взяла его скука смертная: шутка ли — завсегда один-одинешенек! Не с кем и словечка перекинуть. С горя напился он пьян, и вздумалось ему ехать на вольный свет: только куда ни бросится — везде стены высокие, нет ни входу, ни выходу. За досаду то ему показалося, схватил добрый мо́лодец палку, вошел во дворец и давай зеркала и стекла бить, бархат рвать, стулья ломать, серебро швырять: «Авось-де хозяин выйдет да на волю выпустит!» Нет, никто не является. Лег казак спать; на другой день проснулся, погулял-походил и вздумал закусить; туда-сюда смотрит — нет ему ничего! «Эх,— думает,— сама себя раба бьет, коль нечисто жнет! Вот набедокурил вчера, а теперь голодай!» Только покаялся, как сейчас и еда и питье — все готово!

Прошло дня три; проснувшись поутру, смотрит казак в окно — у крыльца стоит его добрый конь оседланный. Что бы такое значило? Умылся, оделся, богу помолился, взял свою длинную пику и вышел на широкий двор. Вдруг откуда ни взялась — явилась красная де́вица: «Здравствуй, добрый молодец! Семь лет окончилось — избавил ты меня от конечной погибели. Знай же: я королевская дочь; полюбил меня Кощей Бессмертный, унес от отца, от матери, хотел взять за себя замуж, да я над ним насмеялася; вот он озлобился и оборотил меня лютой змеею. Спасибо тебе за долгую службу! Теперь поедем к моему отцу; станет он награждать тебя золотой казной и камнями самоцветными, ты ничего не бери, а проси себе бочонок, что в подвале стоит».— «А что за корысть в нем?» — «Покатишь бочонок в правую сторону — тотчас дворец явится, покатишь в левую — дворец пропадет».— «Хорошо»,— сказал казак, сел на коня, посадил с собой и прекрасную королевну; высокие стены сами перед ним пораздвинулись, и поехал он в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли — приезжает в сказанное королевство. Король увидал свою дочь, возрадовался, начал благодарствовать и дает казаку полны мешки золота и жемчугу. Отвечает добрый мо́лодец: «Не надо мне ни злата, ни жемчугу; дай мне на память тот бочоночек, что в подвале стоит».— «Многого хочешь, брат! Ну, да делать нечего: дочь мне всего дороже! За нее и бочонка не жаль; бери с богом». Казак взял королевский подарок и отправился по белу свету странствовать.

Ехал, ехал, попадается ему навстречу древний старичок. Просит старик: «Накорми меня, добрый мо́лодец!» Казак соскочил с лошади, отвязал бочонок, покатил его вправо — в ту ж минуту чудный дворец явился. Взошли они оба в расписные палаты и сели за накрытый стол. «Эй, слуги мои верные! — закричал казак.— Накормите-напоите моего гостя». Не успел вымолвить — несут

слуги целого быка и три котла пива. Начал старик уписывать да похваливать; съел целого быка, выпил три котла пива, крякнул и говорит: «Маловато, да делать нечего! Спасибо за хлеб, за соль».

Вышли из дворца; казак покатил свой бочонок в левую сторону — и дворца как не бывало. «Давай поменяемся,— говорит старик казаку,— я тебе меч отдам, а ты мне бочонок».— «А что толку в мече?» — «Да ведь это меч-саморуб; только стоит махнуть — хоть какая будь сила несметная, всю побьет! Вон видишь — лес растет; хочешь — пробу сделаю?» Тут старик вынул свой меч, махнул им и говорит: «Ступай, меч-саморуб, поруби дремучий лес!» Меч полетел и ну деревья рубить да в сажени класть; порубил и назад к хозяину воротился. Казак не стал долго раздумывать, отдал старику бочонок, а себе взял меч-саморуб; махнул мечом и убил старика до смерти. После привязал бочонок к седлу, сел на коня и вздумал к королю вернуться. А под стольный город того короля подошел сильный неприятель; казак увидал рать-силу несметную, махнул на нее мечом: «Меч-саморуб! Сослужи-ка службу, поруби войско вражее». Полетели головы, полилася кровь, и часу не прошло, как все поле трупами покрылося.

Король выехал казаку навстречу, обнял его, поцеловал и тут же решил выдать за него замуж прекрасную королевну. Свадьба была богатая; на той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло, во рту не было.

ЗАКОЛДОВАННАЯ КОРОЛЕВНА

В некоем королевстве служил у короля солдат в конной гвардии, прослужил двадцать пять лет верою и правдою; за его честное поведение приказал король отпустить его в чистую отставку и отдать ему в награду ту самую лошадь, на которой в полку ездил, с седлом и со всею сбруею. Простился солдат с своими товарищами и поехал на родину; день едет, и другой, и третий... вот и вся неделя прошла, и другая, и третья — не хватает у солдата денег, нечем кормить ни себя, ни лошади, а до дому далеко-далеко! Видит, что дело-то больно плохо, сильно есть хочется; стал по сторонам глазеть и увидел в стороне большой за́мок. «Ну-ка,— думает,— не заехать ли туда; авось хоть на время в службу возьмут — что-нибудь да заработаю».

Поворотил к замку, взъехал на двор, лошадь на конюшню поставил и задал ей корму, а сам в палаты пошел. В палатах стол накрыт, на столе и вина и ества, чего только душа хочет! Солдат наелся-напился. «Теперь,— думает,— и соснуть можно!» Вдруг входит медведица: «Не бойся меня, добрый мо́лодец, ты на добро

сюда попал: я не лютая медведица, а красная де́вица — заколдованная королевна. Если ты устоишь да переночуешь здесь три ночи, то колдовство рушится — я сделаюсь по-прежнему королевною и выйду за тебя замуж».

Солдат согласился, медведица ушла, и остался он один. Тут напала на него такая тоска, что на свет бы не смотрел, а чем дальше — тем сильнее; если б не вино, кажись бы, одной ночи не выдержал! На третьи сутки до того дошло, что решился солдат бросить все и бежать из за́мка; только как ни бился, как ни старался — не нашел выхода. Нечего делать, поневоле пришлось оставаться. Переночевал и третью ночь; поутру является к нему королевна красоты неописанной, благодарит его за услугу и велит к венцу снаряжаться. Тотчас они свадьбу сыграли и стали вместе жить, ни о чем не тужить.

Через сколько-то времени вздумал солдат об своей родной стороне, захотел туда побывать; королевна стала его отговаривать: «Оставайся, друг, не езди; чего тебе здесь не хватает?» Нет, не могла отговорить. Прощается она с мужем, дает ему мешочек — сполна семечком насыпан, и говорит: «По какой дороге поедешь, по обеим сторонам кидай это семя: где оно упадет, там в ту же минуту деревья повырастут; на деревьях станут дорогие плоды красоваться, разные птицы песни петь, а заморские коты сказки сказывать». Сел добрый мо́лодец на своего заслуженного коня и поехал в дорогу; где ни едет, по обеим сторонам семя бросает, и следом за ним леса подымаются; так и ползут из сырой земли!

Едет день, другой, третий и увидал: в чистом поле караван стоит, на травке, на муравке купцы сидят, в карты поигрывают, а возле них котел висит; хоть огня и нет под котлом, а варево ключо́м кипит. «Экое диво! — подумал солдат.— Огня не видать, а варево в котле так и бьет ключом; дай поближе взгляну». Своротил коня в сторону, подъезжает к купцам: «Здравствуйте, господа честны́е!» А того и невдомек, что это не купцы, а всё нечистые. «Хороша ваша штука: котел без огня кипит! Да у меня лучше есть». Вынул из мешка одно зернышко и бросил наземь — в ту ж минуту выросло вековое дерево, на том дереве дорогие плоды красуются, разные птицы песни поют, заморские коты ска́зки сказывают. По той похвальбе узнали его нечистые. «Ах,— говорят меж собой,— да ведь это тот самый, что королевну избавил; давайте-ка, братцы, опоим его за то зельем, и пусть он полгода спит». Принялись его угощать и опоили волшебным зельем; солдат упал на траву и заснул крепким, беспробудным сном; а купцы, караван и котел вмиг исчезли.

Вскоре после того вышла королевна в сад погулять; смотрит — на всех деревьях стали верху́шки сохнуть. «Не к добру! — ду-

мает.— Видно, с мужем что худое приключилося! Три месяца прошло, пора бы ему и назад вернуться, а его нет как нету!» Собралась королевна и поехала его разыскивать. Едет по той дороге, по какой и солдат путь держал, по обеим сторонам леса растут, и птицы поют, и заморские коты сказки мурлыкают. Доезжает до того места, что деревьев не стало больше — извивается дорога по чистому полю, и думает: «Куда ж он девался? Не сквозь землю же провалился!» Глядь — стоит в сторонке такое же чудное дерево, и лежит под ним ее милый друг.

Подбежала к нему и ну толкать-будить — нет, не просыпается; принялась щипать его, колоть под бока булавками, колола, колола — он и боли не чувствует, точно мертвый лежит — не ворохнется. Рассердилась королевна и с сердцо́в проклятье промолвила: «Чтоб тебя, соню негодного, буйным ветром подхватило, в безвестные страны занесло!» Только успела вымолвить, как вдруг засвистали-зашумели ветры, и в один миг подхватило солдата буйным вихрем и унесло из глаз королевны. Поздно одумалась королевна, что сказала слово нехорошее, заплакала горькими слезами, воротилась домой и стала жить одна-одинехонька.

А бедного солдата занесло вихрем далеко-далеко, за тридевять земель, в тридесятое государство, и бросило на косе промеж двух морей; упал он на самый узенький клинышек; направо ли сонный оборотится, налево ли повернется — то́тчас в море свалится, и поминай как звали! Полгода проспал добрый мо́лодец, ни пальцем не шевельнул; а как проснулся — сразу вскочил прямо на ноги, смотрит — с обеих сторон волны подымаются, и конца не видать морю широкому; стоит да в раздумье сам себя спрашивает: «Каким чудом я сюда попал? Кто меня затащил?» Пошел по косе и вышел на остров; на том острове — гора высокая да крутая, верхушкою до облаков хватает, а на горе лежит большой камень.

Подходит к этой горе и видит — три черта дерутся, кровь с них так и льется, клочья так и летят! «Стойте, окаянные! За что вы деретесь?» — «Да, вишь, третьего дня помер у нас отец, и остались после него три чудные вещи: ковер-самолет, сапоги-скороходы да шапка-невидимка, так мы поделить не можем».— «Эх вы, проклятые! Из таких пустяков бой затеяли. Хотите, я вас разделю; все будете довольны, никого не обижу».— «А ну, земляк, раздели, пожалуйста!» — «Ладно! Бегите скорей по сосновым лесам, наберите смолы по сту пудов и несите сюда». Черти бросились по сосновым лесам, набрали смолы триста пудов и принесли к солдату. «Теперь притащите из пекла самый большой котел». Черти приволокли большущий котел — бочек сорок войдет! — и поклали в него всю смолу.

Солдат развел огонь и, как только смола растаяла, приказал

чертям тащить котел на́ гору и поливать ее сверху донизу. Черти мигом и это исполнили. «Ну-ка,— говорит солдат,— пихните теперь вон энтот камень; пусть он с горы катится, а вы трое за ним вдогонку приударьте: кто прежде всех догонит, тот выбирай себе любую из трех диковинок; кто второй догонит, тот из двух остальных бери — какая покажется; а затем последняя диковинка пусть достанется третьему». Черти пихнули камень, и покатился он с горы шибко-шибко; бросились все трое вдогонку; вот один черт нагнал, ухватился за камень — камень тотчас повернулся, подворотил его под себя и вогнал в смолу. Нагнал другой черт, а потом и третий, и с ними то же самое! Прилипли крепко-накрепко к смоле! Солдат взял под мышку сапоги-скороходы да шапку-невидимку, сел на ковер-самолет и полетел искать свое царство.

Долго ли, коротко ли — прилетает к избушке, входит — в избушке сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Скажи, как бы мне отыскать мою прекрасную королевну?» — «Не знаю, голубчик! Видом ее не видала, слыхом про нее не слыхала. Ступай ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя середняя сестра, она знает больше моего; может, она тебе скажет». Солдат сел на ковер-самолет и полетел; долго пришлось ему по белу свету странствовать. Захочется ли ему есть-пить, сейчас наденет на себя шапку-невидимку, спустится в какой-нибудь город, зайдет в лавки, наберет — чего только душа пожелает, на ковер — и летит дальше. Прилетает к другой избушке, входит — там сидит баба-яга костяная нога, старая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Не знаешь ли, где найти мне прекрасную королевну?» — «Нет, голубчик, не знаю; поезжай-ка ты за столько-то морей, за столько-то земель — там живет моя старшая сестра; может, она ведает».— «Эх ты, старая хрычовка! Сколько лет на свете живешь, все зубы повывалились, а доброго ничего не знаешь». Сел на ковер-самолет и полетел к старшей сестре.

Долго-долго странствовал, много земель и много морей видел, наконец прилетел на край света, стоит избушка, а дальше никакого ходу нет — одна тьма кромешная, ничего не видать! «Ну,— думает,— коли здесь не добьюсь толку, больше лететь некуда!» Входит в избушку — там сидит баба-яга костяная нога, седая, беззубая. «Здравствуй, бабушка! Скажи, где мне искать мою королевну?» — «Подожди немножко; вот я созову всех своих ветров и у них спрошу. Ведь они по всему свету дуют, так должны знать, где она теперь проживает». Вышла старуха на крыльцо, крикнула громким голосом, свистнула молодецким посвистом; вдруг со всех сторон поднялись-повеяли ветры буйные, только изба трясется! «Тише, тише!» — кричит баба-яга и, как только собрались ветры, начала их спрашивать: «Ветры мои буйные, по всему свету вы

дуете, не видали ль где прекрасную королевну?» — «Нет, нигде не видали!» — отвечают ветры в один голос. «Да все ли вы налицо?» — «Все, только южного ветра нет».

Немного погодя прилетает южный ветер. Спрашивает его старуха: «Где ты пропадал до сих пор? Еле дождалась тебя!» — «Виноват, бабушка! Я зашел в новое царство, где живет прекрасная королевна; муж у ней без вести пропал, так теперь сватают ее разные цари и царевичи, короли и королевичи».— «А сколь далеко до нового царства?» — «Пешему тридцать лет идти, на крыльях десять лет нестись; а я повею — в три часа доставлю». Солдат начал со слезами молить, чтобы южный ветер взял его и донес в новое царство. «Пожалуй,— говорит южный ветер,— я тебя донесу, коли дашь мне волю погулять в твоем царстве три дня и три ночи».— «Гуляй хоть три недели!» — «Ну, хорошо; вот я отдохну денька два-три, соберусь с силами, да тогда и в путь».

Отдохнул южный ветер, собрался с силами и говорит солдату: «Ну, брат, собирайся, сейчас отправимся; да смотри — не бойся: цел будешь!» Вдруг зашумел-засвистал сильный вихорь, подхватило солдата на воздух и понесло через горы и моря под самыми облаками, и ровно через три часа был он в новом царстве, где жила его прекрасная королевна. Говорит ему южный ветер: «Прощай, добрый мóлодец! Жалеючи тебя, не хочу гулять в твоем царстве».— «Что так?» — «Потому — если я загуляю, ни одного дома в городе, ни одного дерева в садах не останется: все вверх дном поставлю!» — «Ну, прощай! Спасибо тебе!» — сказал солдат, надел шапку-невидимку и пошел в белокаменные палаты.

Вот пока его не было в царстве, в саду все деревья стояли с сухими верхушками; а как он явился, тотчас ожили и начали цвесть. Входит он в большую комнату, там и сидят за столом разные цари и царевичи, короли и королевичи, что приехали за прекрасную королевну свататься; сидят да сладкими винами угощаются. Какой жених ни нальет стакан, только к губам поднесет — солдат тотчас хвать кулаком по стакану и сразу вышибет. Все гости тому удивляются, а прекрасная королевна в ту ж минуту догадалася. «Верно,— думает,— мой друг воротился!»

Посмотрела в окно — в саду на деревьях все верхушки ожили, и стала она своим гостям загадку загадывать: «Была у меня шкатулочка самодельная с золотым ключом; я тот ключ потеряла и найти не чаяла, а тёперь тот ключ сам нашелся. Кто отгадает эту загадку, за того замуж пойду». Цари и царевичи, короли и королевичи долго над тою загадкою ломали свои мудрые головы, а разгадать никак не могли. Говорит королевна: «Покажись, мой милый дрýг!» Солдат снял с себя шапку-невидимку, взял ее за белые руки и стал целовать в уста сахарные. «Вот вам и разгадка! — сказала

прекрасная королевна.— Самодельная шкатулочка — это я, а золотой ключик — это мой верный муж». Пришлось женихам оглобли поворачивать, разъехались они по своим дворам, а королевна стала с своим мужем жить-поживать да добра наживать.

ОКАМЕНЕЛОЕ ЦАРСТВО

Жил-был старик; у старика был сын — славный сын; вздумал чего идти в дорогу, простился-благословился и пошел. Шел долго ли, коротко ли, скоро сказка сказывается, не скоро дело делается: приходит в одно царство, видит — кругом камни! И скот и люди — где кто был, стоял или сидел, кто куда ехал, там все и окаменели; иной дрова рубил, руку с топором поднял, да так и остался! Враг пошутил над ними! Вот этот парень походил по городу — ни одного человека не нашел живого; вошел в царский чертог и думает: подожду, не будет ли кто? Вдруг прибегает царская дочь, увидела этого человека, поклонилась, расспросила его: откудова он, куда пошел и зачем, и говорит: «Вот бы надо крепкого человека, чтобы он по три ночи молился во дворце; тогда бы люди все стали опять людьми!»

Он согласился; уговорились, чтобы после (если бог велит воротить царя и людей по-прежнему) она вышла за него замуж, и положили на том записи. Она дала ему восковых свеч три снопухи — по снопухе на каждую ночь, сама уехала. Наступила ночь; крестьянский сын стал на молитву. В полночь вдруг и набежало дьяволов множество; кто дразнит его, кто говорит — надо заколоть, кто огня подпускает под него, кто — воду, чего-чего не было! Страшно! А он стоит да молится. Петух спел — дьяволов не стало. Он в ночь снопуху свеч изжег, утром лег спать. Царская дочь приезжает, спрашивает: «Что, жив ли ты?» — «Жив, слава богу».— «Ну, каково тебе было?» — «Страшно, да ничего, бог милостив!» — «Смотри, на эту ночь еще страшней будет!» Переговорила и уехала.

И точно, на другую ночь еще больше дьявола́ страшили; крестьянский сын промолился. На третью ночь и пуще того; он опять промолился, все свечи издержал. А царская дочь после третьей ночи велела ему залезти в печь и написать рукопись, как спасал царство. «А то,— говорит,— отец мой оживится, рассердится, забегает — беда тебе!» Он так и сделал. Утро настало — вдруг весь народ оживился, начали ходить, бегать, стали переезжать, только стук-от стоит! Царь также ожил, забегал, осердился. «Кто смел,— говорит,— шутить над моим царством?» — и увидел у печи рукопись, прочитал. Приехала дочь; она рукопись утвердила,

сказала отцу, что точно так было. Царю понравилось; тотчас свадьбу: крестьянский сын женился на царской дочери. Тесть по смерти своей благословил все свое царство милому зятю. Крестьянский сын то все из-под больших смотрел, а тут сам царем сделался. и теперь царствует — такой добрый для подданных, особливо для солдат!

БЕРЕЗА И ТРИ СОКОЛА

Отслужил солдат свой законный срок, получил отставку и пошел на родину. Идет путем-дорогою, а навстречу ему нечистый. «Стой, служивый! Куда идешь?» — «Домой иду».— «Что тебе дома! Ведь у тебя ни рода, ни племени. Наймись лучше ко мне в работники; я тебе большое жалованье положу».— «А в чем служба?» — «Служба самая легкая: мне надобно ехать за синие моря к дочери на свадьбу, а есть у меня три сокола; покарауль их до моего приезду». Солдат согласился. «Без денег,— думает,— плохое житье; хоть у черта, все что-нибудь да заработаю!» Нечистый привел его в свои палаты, а сам уехал за синие моря.

Вот солдат ходил, ходил по разным комнатам; сделалось ему скучно, и вздумал он пойтить в сад; вышел, смотрит — стоит береза. И говорит ему береза человеческим голосом: «Служивый! Сходи вот в такую-то деревню, скажи тамошнему священнику, чтобы дал тебе то самое, что ему нынче во сне привиделось». Солдат пошел, куда ему сказано; священник тотчас достал книгу: «Вот тебе — возьми!» Солдат взял; приходит назад. «Спасибо, добрый человек! — говорит береза.— Теперь становись да читай».

Начал он читать эту книгу; одну ночь читал — вышла из березы красная девица, красоты неописанной, по самые груди: другую ночь читал — вышла по пояс; третью ночь читал — совсем вышла. Поцеловала его и говорит: «Я — царская дочь; похитил меня нечистый и сделал березою. А три сокола — мои родные братья; хотели они меня выручить, да сами попались!» Только вымолвила царевна это слово, тотчас прилетели три сокола, ударились о сырую землю и обратились добрыми мо́лодцами. Тут все они собрались и поехали к отцу, к матери, и солдата с собой взяли. Царь и царица обрадовались, щедро наградили солдата, выдали за него замуж царевну и оставили жить при себе.

ЗАКЛЯТЫЙ ЦАРЕВИЧ

Жил-был купец, у него было три дочери. Пришлось ему ехать в чужие земли за товарами, спрашивает он у дочерей: «Что вам привезти из-за моря?» Старшая просит — обновку, середняя —

то ж, а младшая взяла лист бумаги, нарисовала цветок: «Мне,— говорит,— батюшка, привези вот этакий цветок». Долго разъезжал купец по разным государствам, а такого цветка нигде не видал.

Стал домой ворочаться и усмотрел на пути славный высокий дворец с теремами, башнями, с садом. Зашел погулять в саду: что тут всяких деревьев, что всяких цветов! Один цветок другого прекраснее! Смотрит, а вот и точно такой растет, какой ему дочь нарисовала. «Дай,— думает,— сорву да повезу любимой дочери; кажись, никого нет, никто не увидит!» Нагнулся и сорвал, и только сделал это — как в ту ж минуту поднялся буйный ветер, загремел гром и явилось перед ним страшное чудище — безобразный крылатый змей с тремя головами. «Как ты смел в моем саду хозяйничать? — закричал змей на купца.— Зачем цветок сорвал?» Купец испугался, пал на колени и стал просить прощения. «Хорошо,— говорит змей,— пожалуй, я тебя прощу, только с тем условием: кто тебя первый по приезде домой встретит, того мне на весь век отдай. А если обманешь, то не забудь, что от меня нигде не спрячешься; везде тебя найду!»

Купец согласился; подъезжает к своему дворцу, а меньшая дочь усмотрела его в окошечко и выбежала навстречу. Купец и голову повесил; смотрит на свою любимую дочь и горькими слезами плачет. «Что с тобой? О чем плачешь, батюшка?» Он отдал ей цветок и рассказал, что́ с ним случилося. «Не печалься, батюшка! — говорит меньшая дочь.— Бог даст, мне и там хорошо будет! Вези меня к змею». Отец отвез ее, оставил во дворце, попрощался и уехал домой.

Вот красная девица, дочь купеческая, ходит по разным комнатам — везде золото да бархат, а никого не видать, ни единой души человеческой! А время идет да идет; проголодалась красавица и думает: «Ах, как бы я теперь покушала!» Не успела подумать, а уж перед нею стол стоит, а на столе и кушанья, и напитки, и сласти; разве только птичьего молока нет! Села она за стол — напилась, наелась; встала — и все исчезло! Вот и смерклось; купеческая дочь вошла в спальню, хочет спать ложиться. Вдруг зашумел буйный ветер, и явился перед нею трехглавый змей. «Здравствуй, красная девица! Постели-ка мне постель возле этой двери». Красная девица постлала ему постель возле двери, а сама легла на кроватке.

Проснулась поутру, опять во всем доме не видать ни души; одно хорошо: чего бы ни пожелала она — все тотчас и явится! Вечером прилетает змей и приказывает: «Теперь, красная девица, постели мне постель рядом с твоею кроваткою». Она постлала ему рядом с своею кроваткою. Ночь прошла, девица прос-

нулась — опять во дворце ни души! В третий раз прилетает змей вечером и говорит: «Ну, красная девица, теперь я с тобой на одной кровати лягу». Страшно было купеческой дочери спать на одной постели с таким безобразным чудищем, а делать нечего — скрепила свое сердце, легла с ним.

Наутро говорит змей: «Если скучно тебе, красная девица, поезжай к отцу, к сестрам, побудь с ними день, а к вечеру назад приезжай, да смотри — не опоздай: если хоть минуту опоздаешь — я с горя помру!» — «Нет, не опоздаю!» — говорит купеческая дочь. Вышла на крыльцо, а уж коляска давно готова: села и в ту ж минуту очутилась на батюшкином дворе. Отец увидал, обнимает, целует ее, расспрашивает: «Как тебя бог милует, дочка моя любимая? Хорошо ли тебе?» — «Хорошо, батюшка!» Стала рассказывать, какое во дворце богатство, как ее змей любит, как все, что только она задумает, тотчас исполняется.

Сестры слушают и не знают, что делать от зависти. День на исходе; красная девица назад собирается, с отцом, с сестрами прощается: «Так и так,— говорит,— домой пора! Велено к сроку быть». Завистливые сестры натерли себе глаза луком и будто плачут: «Не уезжай, сестрица! Останься до завтрева». Жалко ей стало сестер, осталась до другого дня. Поутру простилась со всеми и уехала во дворец. Приезжает — во дворце пусто по-прежнему; пошла в сад, смотрит, а змей мертвый в пруде лежит: с горя в воду бросился. «Ах, боже мой, что я сделала!» — вскрикнула красная девица и залилась слезами, прибежала к пруду, вытащила змея из воды, обняла одну голову и поцеловала крепко-крепко — змей встрепенулся и вмиг обратился в доброго мóлодца. «Спасибо тебе, красная девица! — говорит ей мóлодец.— Ты меня избавила от великого несчастия; я не змей, а заклятый царевич!» Тотчас поехали они к купцу, перевенчались и стали жить-поживать да добра наживать.

КОСОРУЧКА

В некотором царстве, не в нашем государстве, жил купец богатый; у него двое детей, сын и дочь. И померли отец с матерью. Братец и говорит сестрице: «Пойдем, сестрица, с эстого города вон; вот я займусь в лавочке — будем торговать, тебе найму фатерку — будешь жить». Ну, вот они пошли в другую губерню. Пришли в другую губерню. Вот брат определился, нанял лавочку с красным товаром. Вздумалось братцу жениться: вот он женился, взял таку себе жену — волшебницу. Собиратся брат в лавочку торговать и приказыват сестрице: «Смотри,

сестрица, в доме». Жене ненавистно стало, что он приказыват сестре. Только она фтрафила — как мужу возвратиться, взяла перебила всю небель и ожидает мужа. Она встречает его и говорит: «Вот какая у тебя сестра, перебила у нас в кладовой всю небель!» — «Что же, это наживное дело»,— отвечает муж.

Вот на другой день отправляется в лавку, прощается с женою и сестрой и приказыват сестре: «Смотри, сестрица, пожаласта, в доме как можно лучше». Вот жена это узнала время, в какое быть мужу, входит в конюшню и мужниному любимому коню голову снесла саблей. Стоит на крыльце и ждет его. «Вот,— говорит,— какая сестра твоя! Любимому коню твоему,— говорит,— голову снесла!» — «Эх, собачье собакам есть»,— отвечает муж.

На третий день опять идет муж в лавки, прощается и говорит сестре: «Смотри, пожаласта, за хозяйкой, чтоб она сама над собой что не сделала али над младенцем, паче чаяния она родит». Она как родила младенца, взяла и голову срубила. Сидит и плачет над младенцем. Вот приходит это муж. «Вот какая твоя сестрица! Не успела я родить младенца, она взяла и саблей ему голову снесла». Вот муж ничего не сказал, залился слезьми и пошел от них прочь.

Проходит ночь. В самую полночь он подымается и говорит: «Сестрица милая! Собирайся, поедем мы с тобой к обедне». Она и говорит: «Братец родимый! Нынче, кажется, праздника никакого нет».— «Нет, сестрица, есть праздник, поедем».— «Еще рано,— говорит,— нам ехать, братец!» — «Нет, ваше (дело) девичье, скоро ли,— говорит,— вы уберетесь!» Сестрица милая стала убираться: убирается — не убирается она, руки у ней всё отваливаются. Подходит братец и говорит: «Ну, проворней, сестрица, одевайся».— «Вот,— говорит,— еще рано, братец!» — «Нет, сестрица, не рано — время».

Собралась сестрица. Сели и поехали к обедне. Ехали долго ли, не мало; подъезжают к лесу. Сестра говорит: «Что это за лес?» Он отвечает: «Это ограда вокруг церкви». Вот за кустик зацепились дрожечки. Братец говорит: «Встань, сестрица, отцепи дрожечки».— «Ах, братец мой милый, я не могу, я платье замараю».— «Я, сестрица, тебе новое платье куплю, лучше этого». Вот она встала с дрожек, стала отцепливать, братец ей по локоть ручки отрубил, сам вдарил по лошади и уехал от нее.

Осталась сестрица, залилась слезьми и пошла по лесу. Вот она сколько ни шла, долго ли, коротко ли ходила по лесу, вся ощипалась, а следу не найдет, как выйти из лесу. Вот тропиночка вышла и вывела ее из лесу уже через несколько годов. Вышла она с эстого лесу, и приходит в купеческий город, и подходит к богатищему купцу под окна милостину просить. У этого

купца сын был, единый, как глаз во лбу, и влюбился он в нищенку. Говорит: «Папенька с маменькой, жените мене».— «На кого же тебе женить?» — «На этой нищенке».— «Ах, друг мой, разве в городе у купцов нет дочерей хороших?» — «Да жените; ежели вы мене не жените, я что-нибудь,— говорит,— над собой сделаю». Вот им это обидно, что один сын, как глаз во лбу; собрали всех купцов, все священство и спрашивают: что присудят, женить ли на нищенке или нет? Вот священники сказали: «Стало, его судьба такая, что его бог благословляет на нищенке жениться».

Вот он с нею пожил год и другой и отправляется в другую губерню, где ее брат, значит, сидит в лавочке. Вот он прощается и просит: «Папенька с маменькой! Не оставьте вы мою жену: не равно она родит, вы пишите ко мне тот раз и тот час». Как уехал сын, так через два ли, три ли месяца жена его родила: по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, против сердца красно солнце. Как отец с матерью обрадовались, так тотчас сыну своему любимому письмо стали писать. Посылают старичка с запиской с эстою поскоряючи. А невестка уж, значит, узнала об этом, зазывает старичка: «Поди, батюшка, сюда, отдохни».— «Нет, мне некогда, на скорую руку посылают».— «Да поди, батюшка, отдохни, пообедаешь».

Вот посадила его обедать, а сумочку его унесла, вынула записочку, прочитала, изорвала ее на мелкие клочья и написала другую, что твоя, говорит, жена родила — половина собачьего, половина ведмежачьего; прижила в лесу с зверями. Приходит старичок к купеческому сыну, подает записку; он прочитал да слезьми и залился. Написал письмо, что до мово приезду не трогать; сам приеду и узнаю, какой младенец народился. Вот потом эта волшебница опять зазывает старичка: «Поди посиди, отдохни»,— говорит. Вот он зашел, она кой-как опять заговорила его, вытащила у него записку, прочитала, изорвала и написала, что как записка на двор, так чтоб ее со двора согнать. Принес старик эту записку; прочитали и огорчились отец и мать. «Что ж это,— говорят,— он нас в изъян ввел? Женили мы его, стало, ему жена не надобна стала!» Жаль им не так жену, как жаль младенца. Взяли благословили ее и младенца, привязали младенца к ее грудям и отпустили со двора.

Вот она пошла, залилась горькими слезьми, шла долго ли. коротко ли — все чистое поле, нет ни лесу, ни деревни нигде. Подходит она к лощине, и так ей напиться захотелось. Глянула в правую сторону — стоит колодезь. Вот ей напиться-то хочется, а наклониться боится, чтоб не уронить ребенка. Вот поглазилось ей, что будто бы вода ближе стала. Она наклонилась, ребенок и выпал и упал в колодезь. И ходит она вокруг колодезя и плачет,

как младенца достать из воды? Подходит старичок и говорит: «Что ты, раба, плачешь?» — «Как мне не плакать! Я наклонилась к колодцу воды напиться, младенец мой упал в воду».— «Поди нагнись, возьми его».— «Нет, батюшка, у меня рук нет — одни локоточки».— «Да поди нагнись, возьми ребенка!» Вот она подошла к колодезю, стала протягивать руки, ей господь и пожаловал — очутились целые руки. Она нагнулась, достала ребенка и стала богу молиться на все четыре стороны.

Помолилась богу, пошла и пришла ко двору, где ее брат и муж, и просится ночевать. Вот муж говорит: «Брат, пусти нищенку; нищенки умеют и сказки, и присказки, и правды умеют сказывать». Вот невестка говорит: «У нас негде ночевать, тесно».— «Нет, брат, пусти, пожаласта; смерть люблю, как нищенки сказывают сказки и присказки». Вот пустили ее. Она и села на печку с младенцем своим. Муж и говорит: «Ну, душенька, скажи-ка нам сказочку... ну, хоть какую сторьицу скажи».

Она и говорит: «Сказки я не умею сказывать и присказки, а умею правду сказывать. Слушайте,— говорит,— господа, как я вам буду правду сказывать». И начала рассказывать: «В некотором царстве, не в нашем государстве, жил купец богатый; у него двое детей, сын и дочь. И померли отец с матерью. Братец и говорит сестрице: пойдем, сестрица, с эстого города. И пришли они в другую губерню. Брат определился, нанял лавочку с красным товаром. Вот вздумалось ему жениться; он женился — взял себе жену волшебницу...» Тут невестка заворчала: «Вот пошла вякать, б.... этакая!» А муж говорит: «Сказывай, сказывай, матушка; смерть люблю такие стории!» — «Вот,— говорит нищенка,— собирается брат в лавочку торговать и приказывает сестрице: смотри, сестрица, в доме! Жена обижается, что он всё сестре приказывает; вот она по злости всю небель переколотила...» И как она все рассказала, как он ее к обедне повез, ручки отрезал, как она родила, как невестка заманула старичка,— невестка наизнова кричит: «Вот начала чепуху городить!» Муж говорит: «Брат, вели своей жене замолчать; ведь стория-то славная!» Вот она досказала, как муж писал, чтоб оставить робенка до приезда, а невестка ворчит: «Вот чушь какую порет!» Вот она досказала, как она пришла к дому этому; а невестка заворчала: «Вот б..... начала орать!» Муж говорит: «Брат, вели ей замолчать; что она все перебивает?» Вот досказала, как ее пустили в избу и как начала она им правды сказывать... Тут она указывает на них и говорит: «Вот мой муж, вот мой брат, а это моя невестка!» Тут муж вскочил к ней на печку и говорит: «Ну, мой друг, покажи же мне младенца, правду ли писали отец и мать». Взяли робеночка, развили — так всю комнату и осветило! «Вот правда-

истина, что не сказки-то говорила; вот моя жена, вот мой сын — по локти в золоте, по бокам часты звезды, во лбу светел месяц, а против сердца красно солнце!»

Вот брат взял из конюшни самую что ни лучшую кобылицу, привязал к хвосту жену свою и пустил ее по чисту́ полю. Потель она ее мыкала, покель принесла одну косу ее, а самоё растрепала по полю. Тогда запрягли тройку лошадей и поехали домой к отцу, к матери; стали жить да поживать, добра наживать; я там была и мед-вино пила, по усам текло и в рот не попало.

ПО КОЛЕНА НОГИ В ЗОЛОТЕ, ПО ЛОКОТЬ РУКИ В СЕРЕБРЕ

Не в каком царстве, не в каком государстве был-жил царь и царица; у царя, у царицы было три дочери, три родные сестрицы. Бо́льшая сестра говорит: «Сестрицы! Пойдемте к бабушке-задворенке на вечеринки; там поговорим да посоветуем». Согласились и пошли. «Здоро́во, бабушка-задворенка! Мы пришли к тебе на беседушку».— «Милости просим!» Бо́льшая сестра стала говорить: «Кабы меня взял Иван-царевич замуж, я бы вышила ему ковер-самолет; куда похочешь — туда и лети!» А Иван-то царевич стоит под окошечком, слушает да про себя думает: «Это не заслуга мне! Ковер-самолет я и сам могу добыть». Другая сестра говорит: «Кабы меня взял Иван-царевич, я бы с собой привезла кота-баюна: кот-баюн сказки сказывает — за три версты слышно». Иван-царевич стоит, слушает: «Это не заслуга мне! Кота-баюна я и сам могу купить». Меньша́я сестра говорит: «Кабы меня взял Иван-царевич, я бы родила ему девять сыновей — по колена ноги в золоте, по локти руки в се́ребре, по косицам часты мелки звездочки».

Иван-царевич выслушал девичьи речи и поехал домой к отцу, к матери; приехал и сказал: «Батюшка и матушка! Я хочу жениться, возьму себе малую царевну из тридесятого царства». Отец и мать его благословили и за невестой проводили. Приезжает он в дальние кра́и и бьет царю челом: «Отдай,— говорит,— малую дочь за меня, за Ивана-царевича». Царь свадьбу заводил, дубовы столы становил, Ивана-царевича с невестой за стол садил; пили, ели, веселилися, и свадьба отошла.

Жил Иван-царевич у тестя своего год или два, и вдруг приносят ему письмо и челобитье, что батюшка и матушка его умерли, пора ему на царство ехать. Поехал Иван-царевич с молодою женою, Марфою-царевною, в свою землю и стал царствовать. Долго ли, коротко ли — Марфа-царевна обеременела, а Иван-

царевич поехал на охоту в чистое поле гулять, бить гусей да лебедей, и проездил долгое время. Без него царевна родила трех сыновей — по колена ноги в золоте, по локоть руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки: насмотреться невозможно! Послали сейчас гонца за бабкою-повитушкою; попалась ему навстречу баба-яга, спрашивает: «Куда идешь?» Гонец отвечает: «Недалеко».— «Скажи: куда? Не скажешь — сейчас съем тебя!» — «Иду за бабкою-повитушкою; царевна Марфа Прекрасная родила трех сыновей — таких, как сама сказывала». Яга-баба говорит: «Возьми меня в бабки».— «Нет, яга-баба! Не смею тебя звать; Иван-царевич мне голову срубит».— «Не возьмешь — сейчас тебя съем!» — «Ну, делать нечего — пойдем».

Яга-баба пришла и начала свое дело справлять: отобрала у Марфы Прекрасной трех сыновей, а на замен оставила трех поганых щенят; после ушла в лес и спрятала деток в подземелье, возле старого дуба. Приезжает Иван-царевич домой; ему тотчас объявили, что твоя-де царевна родила трех щенят. Он страшно рассердился, щенят приказал бросить в море, а ей хотел за то голову срубить, да потом одумался: «Ну,— сказал,— первая вина прощается; подожду до другого брюха».

Вот долго ли, коротко ли — жена его опять стала беременна, а Иван-царевич на охоту поехал; Марфа Прекрасная долго его не пускала и горько-горько плакала, но царевич не послушался, сел на коня и поскакал в чистое поле. Немного погодя родила Марфа Прекрасная шесть сыновей — по колена ноги в золоте, по локоть руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки: насмотреться невозможно! И послала гонца за бабушкою. «Не зови только ягу-бабу!» — приказывает ему со слезами в очах. Посланный пошел за бабушкою; попалась ему навстречу яга-баба и спрашивает: «Куда пошел?» — «Так, недалеко!» — «Скажи: куда? Если не скажешь — сейчас тебя съем!» — «Эх, баба-яга! Иду за бубушкой-повитушкою; у нас Марфа Прекрасная шесть сыновей родила».— «Возьми меня».— «Нет, не возьму; боюсь Ивана-царевича: он убьет меня, голову срубит». Баба-яга грозит гонцу: «Не возьмешь — сейчас тебя съем, и с косточками!» — «Ну, пойдем».

Баба-яга пошла во дворец и взяла с собой на обмен шесть поганых щенят: царевна Марфа Прекрасная, как скоро увидела, что баба-яга идет, схватила одного сына и спрятала в рукав. Яга положила к ней на постель поганых щенят, а пять малых деточек унесла в темный лес; шестого искала-искала, так и не доискалась.

Приезжает Иван-царевич домой; ему тотчас доложили, что твоя-де жена родила шесть щенят. Он страшно рассердился, при-

казал посадить ее в бочку; на ту бочку железные обручи навести, кругом заколотить, засмолить и в океан-море спустить. Приказ в ту ж минуту исполнен. Посадили царевну вместе с сыном в бочку, заколотили, засмолили и бросили в океан-море широкое. Долго носило бочку пó морю, наконец прибило к берегу; стала бочка на мель. А сын Марфы-царевны рос не по дням, а по часам; вырос большой и говорит: «Матушка! Я потянусь».— «Потянись, дитя!» Как он потянулся — вмиг бочку рóзорвало.

Вышли мать и сын на высокую гору. Сын огляделся на все стороны и вымолвил: «Кабы здесь, матушка, дом да зеленый сад — вот бы пожили!» Она говорит: «Дай бог!» Того часу устроилось великое царство: явились славные палаты — белокаменные, зеленые сады — прохладные: к тем палатам тянется дорога широкая, гладкая, утоптанная. По той по дороге идут нищие, люди убогие, просят святую милостыньку. Марфа Прекрасная позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила, в путь-дорожку проводила.

Нищие, люди убогие, пришли к Ивану-царевичу и рассказали, что в этаком-то месте, где прежде были гóры высоки, ручьи глубоки, леса непроходимы, там стоит царство великое; в том царстве живет вдова, а у ней сын есть — красоты невиданной и неслыханной: по колена ноги в золоте, по локоть руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки — насмотреться невозможно! «Мать с сыном нас, убогих людей, накормили-напоили, на дорогу хлебом наделили и в путь с честью проводили». Иван-царевич говорит: «Разве поехать мне посмотреть, что там за царство устроилось?» А яга-баба — живет тут у царевича — услыхала эти речи и стала сказывать: «Вот невидаль! У меня в лесу у старого дуба восемь таких молодцов: у всех по колена ноги в золоте, по локти руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки!»

Иван-царевич остался дома, не поехал в новое царство; а нищие, люди убогие, опять туда побрели просить святой милостыньки. Марфа Прекрасная позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила и спать повалила; назавтрее стала их спрашивать: «Калики вы голосисты! Где вы были-побывали и что вы слыхали?» Отвечают калики: «А мы как от вас пошли, так прямым путем и направились к Ивану-царевичу; он подсел к нам, начал спрашивать: где что слыхали, где что видали? Мы всё ему рассказали, что видели твое новое царство, как живешь ты вдовою и что есть у тебя сын, краше которого в белом свете нет. Иван-царевич хотел было сюда ехать — посмотреть, да баба-яга не пустила; вот, молвила, невидаль! У меня в лесу у старого дуба восемь таких молодцов: у всех по колена ноги в золоте, по локти руки в сéребре, по косицам часты мелки звездочки».

Как скоро ушли нищие, люди убогие, говорит Марфа Прекрасная сыну: «Это мои детки, а твои братцы, в лесу у старого дуба сидят!» — «Матушка,— отвечает он,— дай мне хлеба, я пойду — их достану, домой приведу».— «Ступай, дитя, с богом!» Нацедила она из своей груди молока, на том молоке спекла восемь хлебов, отдала ему и отправила в путь-дорогу.

Долго ли, коротко ли шел добрый мо́лодец; скоро сказка сказывается, да тихо дело делается; пришел к старому дубу — у того дерева лежит большой камень; отвалил камень, глянул и увидал своих братьев: сидят вокруг стола в подземелье. Он спустил им по единому хлебцу; братья съели и заплакали. «Эти хлебцы кабыть на молоке нашей матушки!» Он спустил им ременья и вытащил всех на вольный свет. Поцеловались, поздоровались и пошли домой к матери. Марфа Прекрасная выбежала встречать их, стала миловать-целовать, крепко к сердцу прижимать.

Живут они вместе. Опять зашли туда нищие, люди убогие, милостыньки просить. Марфа Прекрасная позвала их в палаты белокаменные, накормила-напоила, спать уложила, назавтрее хлебом в дорогу наградила, с честью в путь проводила. Приходят нищие к Ивану-царевичу. Он начал выспрашивать: «Гой еси, калики голосистые! Где вы были-побывали и что видели?» — «Были мы побывали, ночь ночевали в новом царстве; молодая вдова нас накормила-напоила, на дорогу хлебом наградила; есть у ней девять сыновей — краше в свете нет! У всех по колена ноги в золоте, по локти руки в се́ребре, по косицам часты мелки звездочки». Иван-царевич приказал лошадей закладывать; а бабе-яге нечем больше похвастать, сидит да молчит.

Поехал царевич в новое царство; долго ли, коротко ли — увидал град великий; остановился у палат белокаменных. Марфа Прекрасная и девять сыновей вышли навстречу; обнималися-целовалися, много сладких слез пролили, пошли в палаты и сделали пир на весь крещеный мир. Я там был, пиво и вино пил, по усу текло, а в рот не попало.

В некотором государстве был один купец, имел двух дочерей; разослал он афишки по всему государству: кто из царевичей возьмет замуж его меньшую дочь, тому она родит троих сыновей — по колена в се́ребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды. Приискался из оного государства Иван-королевич и женился на купеческой дочери; пожил с нею год, она забеременела и родила сына — по колена в се́ребре, по грудь

в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды. Старшая сестра позавидовала, подкупила бабку; а та взяла ребенка — обратила голубем и пустила в чистое поле; пришла к королевичу и говорит: «Твоя жена родила котенка!» Королевич рассердился да оставил до другого сына.

На другой год родила ему купеческая дочь такого же славного сына; бабка обратила его голубем, пустила в чистое поле и сказала королевичу, что его жена родила щенка. Немало королевич гневался, да рассудил дожидаться третьего сына. Но и в третий раз случилось то же самое; бабка обратила мальчика голубем, а королевичу доложила, что у него не сын родился, а обрубок дерева. Все три брата-голубя собралися вместе и улетели за тридевять земель, в тридесятое царство. Королевич рассудил подождать четвертого сына; а четвертый сын простой родился — ни в золоте, ни в сéребре, без звезд, без месяца. Как узнал о том королевич, тотчас созвал своих вельмож и князей; судили-рядили и все заодно положили: посадить королевну с ее детищем в бочку, засмолить и пустить пó морю.

Вот посадили их в бочку и пустили пó морю; бочка все дальше и дальше плывет, а у королевны сын не по часам, по минутам растет. Прибило волной бочку к острову и разбило ее о край берега. Сын с матерью вышли на остров, стали кругом осматривать, для жилья место выискивать. Заходят они в темный лес, и увидал сын: лежит на дорожке кошелек; поднял его и обрадовался — в кошельке кремень и огниво, будет чем огонь высекать. Вот он ударил огнивом о кремень — тотчас выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Постройте нам дворец, да чтоб было что поесть-попить!» Топор принялся рубить, а дубинка сваи вбивать, и вмиг построили такой славный дворец, какого ни в одном государстве не бывало — ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать! А во дворце всего вдоволь; чего только душа запросит — все есть!

Проезжали мимо острова купцы-торговцы, тому дворцу дивовалися; приплывали они в государство Ивана-королевича, а уж Иван-королевич успел жениться на другой жене. Как только привалили корабли с товарами к берегу, тотчас пошли купцы к королевичу с докладом, с гостинцами. «Гой, купцы-торговцы! — говорит им Иван-королевич.— Вы много морей изъездили, во многих землях побывали; не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают купцы, что на море-океане, на таком-то острове доселева рос дремучий лес да разбой стоял: нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать, а теперь стоит там такой дворец, какого лучше во всем свете нет! А живет в том дворце прекрасная королевна с сыном.

Иван-королевич стал собираться на остров; хочется ему поехать, самому на то диво посмотреть. А старшая сестра-лиходейка давай его останавливать: «Это,— говорит,— что за диво! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть зеленый сад; в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет и пыль на сто верст мечет, возле мельницы золотой столб стоит, на нем золотая клетка висит, и ходит по тому столбу ученый кот: вниз идет — песни поет, вверх поднимается — сказки сказывает».

Поехали купцы назад и заехали к королевне на остров; она встречает их с честию, угощает с радостью. То, другое — стали промеж себя разговаривать; купцы и рассказали: как были они у Ивана-королевича, как Иван-королевич хотел было на остров ехать дворец смотреть и как старшая сестра остановила его. Сын королевны все это выслушал и, только купеческие корабли отплыли, вынул свой кошелек, ударил огнивом о кремень — тотчас выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Чтоб заутро около нашего дворца был зеленый сад, а в том саду была мельница — сама бы веяла и пыль на сто верст метала; чтоб возле мельницы золотой столб стоял, на нем бы золотая клетка висела и ходил бы по тому столбу ученый кот!» На другой день проснулась королевна с сыном, а уж все исполнено: около дворца сад растет, в саду мельница, возле мельницы золотой столб стоит и ученый кот песни поет, сказки сказывает. Много ли, мало прошло времени — проезжают мимо острова купцы-торговцы, тому чуду дивуются; увидал белые паруса королевнин сын, обернулся мухою, полетел и сел на корабль.

Приплывают корабли в государство Ивана-королевича, привалили к берегу, стали на якорях, и пошли купцы во дворец с докладом, с гостинцами; вслед за ними и муха полетела. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! — говорит Иван-королевич.— Вы много морей изъездили, много разных земель видели, не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают купцы: «На море-океане, на таком-то острове доселева рос дремучий лес да разбой стоял: нельзя было ни пешему пройти, ни конному проехать; а теперь там такой дворец, какого лучше во всем свете нет! Живет во дворце прекрасная королевна с сыном. Около дворца зеленый сад раскинулся, в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет, на сто верст пыль мечет; а возле мельницы золотой столб стоит, на нем золотая клетка висит, и ходит по тому столбу ученый кот: вниз идет — песни поет, вверх поднимается — сказки сказывает». Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка стала его удерживать-останавливать: «Это,— говорит,— что за чудо! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве

есть золотая сосна, на ней сидят птицы райские, поют песни царские!» Тут муха озлилася, укусила тетку за нос — и в окно!

Прилетел королевнин сын домой мухою, обернулся добрым молодцем, вынул кремень и огниво, ударил — выскочили топорок и дубинка: «Что делать прикажете?» — «Чтоб заутро стояла в саду золотая сосна, на ней сидели бы птицы райские, распевали бы песни царские!» На другой день проснулась королевна с сыном — а сосна уж в саду растет. Опять проезжали мимо острова купцы-торговцы, тому диву дивовалися; приехали в царство Ивана-королевича, а королевнин сын комаром обернулся да с ними ж на корабле приплыл. «Гой, купцы-торговцы, люди бывалые! — говорит Иван-королевич.— Вы много морей изъездили, много разных земель видели; не слыхали ль где каких новостей?» Отвечают ему купцы: «На море-океане, на таком-то острове живет во дворце прекрасная королевна с сыном; около дворца зеленый сад раскинулся, в том саду есть мельница — сама мелет, сама веет, на сто верст пыль мечет; возле золотой столб стоит с золотою клеткою, и ходит по тому столбу ученый кот; вниз идет — песни поет, вверх поднимается — сказки сказывает. Да растет в саду золотая сосна, на ней сидят птицы райские, поют песни царские!» Иван-королевич стал собираться на остров, хочется ему на те дива посмотреть; а старшая сестра-лиходейка его удерживает: «Это что за чудо! Вот диво — так диво: за тридевять земель, в тридесятом царстве есть три братца родные — по колена в сёребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды!» Тут комар озлился, больней прежнего укусил тетку за нос, зажужжал — и в окно! Прилетел домой, обернулся добрым молодцем и рассказал про все матери. «Ах,— говорит королевна,— то мои сыновья, а твои братья!» — «Я пойду их отыскивать!»

Долго ли, коротко ли — пришел королевнин сын в тридесятое царство; смотрит — дом на поляне. «Дай зайду, отдохну!» Входит в горницу — там стол накрыт, на столе три просвиры лежат, три бутылки с вином стоят; а нет ни души! Взял он, отломил и съел от каждой просвиры по кусочку, отпил из каждой бутылки по глоточку и спрятался за печку. Вдруг прилетают три голубя, ударились оземь и сделались добрыми мóлодцами — по колена в сёребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды. Подошли к столу, глядь — просвиры надъедены, вино надпито, и говорят промеж собой: «Если б вор забрался, он бы все унес; а этот только попробовал... видно, добрый человек к нам в гости зашел!» Меньшой брат услыхал эти речи, вылез из-за печки и говорит: «Здравствуйте, родные братцы! Матушка велела вам кланяться да к себе звать». Что тут было радости! Что веселья!

После того ударились они четверо оземь, поделались голубками и полетели к своей матушке.

В короткое время проходили мимо острова купеческие корабли. Купцы-торговцы смотрят на тот остров да дивуются... Вот приплыли они в государство Ивана-королевича, пошли к нему с докладом, с гостинцами. Он спросил их: «Не слыхали ль где каких новостей?» Купцы рассказали ему про чудный остров: «А на том острове живет прекрасная королевна с четырьмя сыновьями; три сына красоты неописанной — по колена в сéребре, по грудь в золоте, во лбу светел месяц, по бокам часты звезды! Ходят-гуляют пó саду — весь сад освещают!» Иван-королевич не стал больше откладывать, сел на корабль и поплыл к острову; а там встречают его жена и четыре сына. Целовались, обнимались, про былое расспрашивали. Как узнал Иван-королевич всю подноготную, тотчас же отдал приказ расстрелять старшую сестру-лиходейку; вторую жену покинул, а стал жить с первою, и жили они долго и счастливо.

ПОЮЩЕЕ ДЕРЕВО И ПТИЦА-ГОВОРУНЬЯ

Жил царь очень любопытен, все под окнами слушал; а было у купца три дочери, и говорят как-то эти дочери отцу; одна говорит: «Если б меня взял царский хлебодар!» А другая говорит: «Если б меня царский слуга взял за себя замуж!» А третья говорит: «А я желала бы за самого царя выйти; я бы принесла ему два сына и одну дочку!» Царь весь этот разговор слышал; спустя несколько времени царь сделал точно так, как они желали: старшая дочь вышла за хлебодара, средняя дочь вышла за слугу царского, а меньшая за самого царя. Царь хорошо жил со своею супругой, и стала она беременна; потом стала родить. Вот царь посылает за городской бабкой; а сестры царской жене и говорят: «Для чего посылать? Мы и сами можем быть у тебя бабками». Как родила царица сына, то эти бабки взяли да и сказали царю, что ваша супруга родила щенка, а младенца новорожденного положили в коробочку и пустили в царском саду в пруд. Царь разгневался на свою супругу, хотел было ее в пушки расстрелять; да отговорили приезжие короли — на первый-де раз надобно простить. Ну, царь и простил; до другого разу оставил.

Через год стала царица другим ребенком беременна и родила сына; сестры опять сказали царю, что ваша супруга родила котенка. Царь еще больше того рассердился и хотел было свою супругу совсем казнить, да опять упросили-уговорили его. Он

одумался и оставил ее до третьего разу. А сестры и другого младенца положили в коробочку и пустили в пруд. Вот еще царица стала беременна третьим и родила прекрасную дочь; сестры опять доложили царю, что ваша супруга родила неведомо что. Царь больше того рассердился, поставил виселицу и хотел было свою жену повесить; да приезжие из других земель короли сказали ему: «Лучше возьми да поставь около церкви часовню и посади ее туда: кто будет идти к обедне, всякий будет ей в глаза плевать!»

Царь так и сделал; а ей не только что плевать в глаза, всякий несет кто калачей, кто пирогов. А которых царица родила детей, а бабки в пруд попущали, царский садовник взял их к себе и стал воспитывать.

Эти царские дети росли не по годам, а по месяцам, не по дням, а по часам; царевичи выросли такие молодцы, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать; а царевна такая красавица — просто ужасть! И вошли они в пору и стали просить садовника, чтобы позволил им поставить дом за городом. Садовник позволил; они поставили большой отличный дом и начали хорошо жить. Братья любили ходить за зайцами; раз они пошли на охоту, а сестра одна осталась дома. И приходит к ней в дом старая старушка и говорит этой девушке: «Хорошо у вас в доме и красиво; только нет у вас трех вещей». Царевна спрашивает у старушки: «Чего же нет у нас? Кажется, у нас все есть!» Старушка говорит: «Вот чего у вас нет: птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды». Вот приезжают братья с охоты, сестра их встречает и говорит: «Братцы! Все у нас есть, только трех вещей нету!» Братья спрашивают: «Чего уж у нас, сестрица, нету?» Она говорит: «Нету у нас птицы-говоруньи, дерева певучего и живой воды». Старший брат и просит: «Сестрица, благослови меня, я пойду доставать эти диковины. А если я помру или меня убьют, так вы меня вот по чему узнавайте: поторкну я в стену ножичек; если с ножичка капнет кровь — это будет знак, что я помер».

Вот он и пошел; шел, шел и пришел в лес. Сидит на дереве старый старичок; он его и спрашивает: «Как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?» Старик дал ему каточек: «Куда этот каточек покатится, туда и ступай за ним!» Каточек покатился, а царевич за ним; прикатился каточек к высокой горе и пропал; царевич пошел в гору, дошел до половины горы, да вдруг и пропал. В доме его тотчас же капнула с ножичка кровь; сестра и говорит среднему брату, что помер наш большой брат: вот капнула с его ножичка кровь! Отвечает ей средний брат: «Теперь я пойду, сестрица, доставать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды». Она его благословила; он и пошел; шел, шел, много ли мало́ ли верст, и пришел в лес. Сидит на дереве

старый старичок; царевич его и спрашивает: «Что, дедушка, как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?» Старичок говорит: «На вот тебе каточек — куда он покатится, туда и ступай». Старик бросил — каточек покатился, а царевич за ним пошел; прикатился каточек к крутой высокой горе и скрылся; полез он в гору, дошел до половины, да вдруг и пропал.

Вот сестра дожидалася его много, много годов, а его все нет! — и говорит: «Должно быть, и другой мой братец помер!» Пошла сама доставать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды; шла она много ли, мало ли времени и пришла в лес. Сидит на дереве старый старичок; спрашивает его: «Дедушка! Как бы мне достать птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды?» Отвечает старичок: «Где тебе достать! Здесь похитрее тебя ходили, да все пропали». Девушка просит: «Скажи, пожалуйста!» И говорит ей старичок: «На́ вот тебе каточек, ступай за ним!» Каточек покатился, девушка за ним пошла. Долго ли, коротко ли — прикатился этот каточек к крутой высокой горе; девушка полезла в гору, и зачали на нее кричать: «Куда ты идешь! Мы тебя убьем! Мы тебя съедим!» Она знай себе идет да идет; взошла на гору, а там сидит птица-говорунья.

Девушка взяла эту птицу и спрашивает у ней: «Скажи мне, где достать дерево певучее и живой воды?» Птица говорит: «Вот туда ступай!» Пришла она к певучему дереву, на том дереве разные птицы поют; отломила от него ветку и пустилась дальше; пришла к живой воде, почерпнула кувшинчик и понесла домой. Стала под гору спускаться, взяла да и прыснула живою водой: вдруг ее братья и говорят: «Ах, сестрица, как мы долго спали!» — «Да, братцы, если б не я, вы бы век здесь спали!» И говорит им сестра: «Вот, братцы, достала я птицу-говорунью, дерево певучее и живой воды». Братья возрадовались. Пришли они домой и посадили певучее дерево в своем саду, оно во весь сад распустилось, и поют на нем птицы разными голосами.

Раз как-то поехали братья на охоту, и попадается им навстречу царь. Полюбились царю эти охотники, стал их просить к себе в гости. Они и говорят: «Мы попросим у сестрицы позволения; если она позволит, то непременно будем!» Вот приезжают они с охоты, сестра их встречает, рада за ними ухаживать; говорят ей братья: «Позволь нам, сестрица, к царю в гости сходить; он нас честью просил». Царевна им позволила; они и поехали в гости. Приехали; царь их отлично принял и на славу угостил; стали они царю докладывать и просить, чтобы и он навестил их. Вот спустя некое время приезжает к ним царь, они его так же хорошо приняли-угостили и показали ему дерево певучее и птицу-говорунью. Царь удивился и говорит: «Я царь, да у меня этого

нет!» Тут сестра и братья говорят царю: «Мы-де ваши дети!» Царь узнал про все, обрадовался, и остался у них навсегда жить, и супругу свою из часовни взял; и жили они все вместе много лет во всяком счастии.

ЗОЛОТОЙ БАШМАЧОК

Жил-был старик со старухой. У старика, у старухи было две дочери. Старик однажды поехал на посад и купил там одной сестре рыбку и другой тоже рыбку. Старшая скушала свою рыбку, а младшая пошла на колодец и говорит: «Матушка рыбка! Скушать ли тебя или нет?» — «Не кушай меня,— говорит рыбка,— а пусти в воду; я тебе пригожусь». Она спустила рыбку в колодец и пошла домой. Старуха очень не любила своей младшей дочери. Она нарядила сестру ее в самолучшее лопотье и пошла с ней в церковь к обедне, а младшей оставила две меры ржи и велела ей вышестать до прихода из церкви.

Девушка пошла за водой, сидит у колодца и плачет: рыбка выплыла наверх и спрашивает ее: «Об чем ты, красная девица, плачешь?» — «Как же не плакать мне? — отвечает ей красная девица.— Мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотье, ушла с ней к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить две меры ржи до прихода своего из церкви!» Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай в церковь: будет рожь вычищена!» Она нарядилась, приехала к обедне. Мати не могла ее опознать. Обедня зачала отходить, девушка уезжает домой: мати тоже приходит домой и спрашивает: «Что ты, дура, вычистила ли рожь?» — «Вычистила»,— отвечает она. «Что у обедни была за красавица! — говорит мати.— Поп не поет, не читает — все на ей глядит; а ты, дура, взгляни-ка на себя, в чем в эком ходишь!» — «Хоть не была, да знаю!» — говорит девица. «Где тебе знать?» — сказала ей мати.

На другой раз мати нарядила старшую дочь свою в самолучшее лопотье, пошла с ей к обедне, а младшей оставила три меры жита и говорит: «Покамест я молюсь богу, ты вышестай жито». Вот она и пошла к обедне, а дочь пошла по воду на колодец; сидит у колодца и плачет. Рыбка выплыла наверх и спрашивает: «О чем, красна девица, плачешь?» — «Как же не плакать,— отвечает ей красна девица,— мати нарядила сестру мою в самолучшее лопотье, пошла с ей к обедне, а меня оставила дома и велела вычистить три меры жита до прихода своего из церкви». Рыбка говорит: «Не плачь, ступай наряжайся да поезжай за ей в церковь; жито вычистится!»

Она нарядилась, приехала в церковь, стала богу молиться. Поп не поет, не читает — все на ей глядит! Обедня зачала отходить. Был в то время у обедни той стороны царевич; красна девица наша больно ему поглянулась; он захотел узнать: чья этакая? Взял да и бросил ей под башмак смолы. Башмак остался, а она уехала домой. «Чей башмак,— говорит царевич,— ту замуж возьму!» Башмак-то был весь вышит золотом. Вот и старуха пришла домой. «Что там была за красавица! — говорит она.— Поп не поет, не читает — все на ей смотрит; а ты, дура, посмотри-ка на себя: что эка за оборванка!»

А в те поры царевич по всем волостям искал девицы, что потеряла башмак; никак он не мог найти, чтоб башмачок был впору. Он пришел к старухе и говорит: «Покажи-ка ты свою девку, ладен ли будет башмак ей?» — «Дочь моя замарает башмак»,— отвечает старуха. Пришла красна девица: царевич примерил ей башмак — башмак ей ладен. Он взял ее замуж; стали они жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по губам текло, в рот не попало. Дали мне синь кафтан. ворона летит да кричит: «Синь кафтан! Синь кафтан!» Я думаю: «Скинь кафтан!» — взял да и скинул. Дали мне колпак, стали в шею толкать. Дали мне красные башмачки, ворона летит да кричит: «Красные башмачки! Красные башмачки!» Я думаю: «Украл башмачки!» — взял да и бросил.

ЧЕРНУШКА

Жил-был барин; у него была жена добрая, а дочь красавица — звали ее Машею. Только жена-то померла, а он на другой женился — на вдове; у той своих было две дочери, да такие злые, недобрые! Всячески они угнетали бедную Машу, заставляли ее на себя работать, а когда работы не было — заставляли ее сидеть у печки да выгребать золу; оттого Маша всегда и грязна и черна, и прозвали они ее девкой Чернушкой. Вот как-то заговорили люди, что ихний князь жениться хочет, что будет у него большой праздник и что на том празднике выберет он себе невесту. Так и было. Созвал князь всех в гости; стали собираться и мачеха с дочерьми, а Машу не хочет брать; сколько та ни просилась — нет да нет! Вот уехала мачеха с дочерьми на княжий праздник, а падчерице оставила целую меру ячменя, муки и сажи: все вместе перемешано,— и приказала до ее приезда разобрать все по зернышку, по крупинке.

Маша вышла на крыльцо и горько заплакала; прилетели два голубка, разобра́ли ей ячмень, и муку, и сажу, потом сели ей

на плечи — и вдруг очутилось на девушке прекрасное новое платье. «Ступай,— говорят голубки, на праздник, только не оставайся там долее полуночи». Только взошла Маша во дворец, так все на нее и загляделись; самому князю она больше всех понравилась, а мачеха и сестры ее совсем не узнали. Погуляла, повеселилась с другими девушками; видит, что скоро и полночь; вспомнила, что ей голубки наказывали, и убежала поскорей домой. Князь за нею; хотел было допытаться, кто она такова, а ее и след простыл!

На другой день опять у князя праздник; мачехины дочери о нарядах хлопочут да на Машу то и дело кричат да ругаются: «Эй, девка Чернушка! Переодень нас, платье вычисти, обед приготовь!» Маша все сделала, вечером повеселилась на празднике и ушла домой до полуночи; князь за нею — нет, не догнал. На третий день у него опять пир горою; вечером голубки обули-одели Машу лучше прежнего. Пошла она во дворец, загулялась, завеселилась и забыла про время — вдруг ударила полночь; Маша бросилась скорей домой бежать, а князь загодя приказал всю лестницу улить смолою и дегтем. Один башмачок ее прилип к смоле и остался на лестнице; князь взял его и на другой же день велел разыскать, кому башмачок впору.

Весь город обошли — никому башмачок по ноге не приходится; наконец пришли к мачехе. Взяла она башмачок и стала примерять старшей дочери — нет, не лезет, велика нога! «Отрежь большой палец! — говорит мать дочери.— Как будешь княгинею — не надо и пешком ходить!» Дочь отрезала палец и надела башмачок; княжие посланные хотят во дворец ее везти, а голубки прилетели и стали ворковать: «Кровь на ноге! Кровь на ноге!» Посланные глянули — у девицы из башмачка кровь течет. «Нет,— говорят,— не годится!» Мачеха пошла примерять башмачок середней дочери, и с этой то же самое было.

Посланные увидали Машу, приказали ей примерить; она надела башмачок — и в ту же минуту очутилось на ней прекрасное блестящее платье. Мачехины дочери только ахнули! Вот привезли Машу в княжие терема, а на другой день была свадьба. Когда пошла она с князем к венцу, то прилетели два голубка и сели к ней один на одно плечо, другой на другое; а как воротились из церкви, голубки вспорхнули, кинулись на мачехиных дочерей и выклевали у них по глазу. Свадьба была веселая, и я там был, мед-пиво пил, по усам текло, в рот не попало.

НЕЗНАЙКО

В некотором селе, не далеко, не близко, не высоко, не низко — жил-был старик, имел у себя три сына: Гришка да Мишка, третий Ванюшка. Ванюшка не хитер, не мудер, а куды смыслова́т! Работа́л не работа́л, все на пе́чке лежал; отлежал бока и говорит братьям: «Эх вы, тетери! Отпирайте-ка двери; хочу идти туда — сам не знаю куда». И пристал он к отцу, к матери: «Выделите меня совсем, а что за выделом останется, в тот братнин живот я вступаться не буду». Старик выделил, дал ему триста рублев. Ванюшка взял денежки, дому поклон, из села бегом, пришел в столицу и начал по городу бродить, по трактирам ходить, по кабакам гулять да пьяниц созывать. Спроша́ли его пьяницы: «Как тебя по имени зовут?» А он в ответ: «Право, братцы, не знаю! Когда поп крестил да имя нарекал — в те́ поры я был глуп и мал». С того самого и прозвали его Незнайкою.

Прогулял Незнайко все свои деньги с теми пьяницами и стал думать, как ему, горемыке, жить да как бы пущей беды не нажить. Пошел наниматься к прасолам. «А что возьмешь?» — спрашивают прасолы. Незнайко подумал, что хлеб-то годом, а деньги переходом, и отвечал: «Не прошу с вас за работу деньгами, только кормите меня досыта да поите допьяна; мне на вас не просить, вам с меня не спрашивать!» Прасолы на то согласились — любо им, что работник безденежный; тотчас договором утвердили, судом закрепили. А Незнайко рад вину-хлебу даровому; начал жить — не тужить, порядком ежеден напиваться, без памяти валяться; чуть проспится — опять за вино, и много время так провождал, никогда не работал. Стали его наряжать, на работу посылать, а он в ответ: «Ну вас к богу! Чего пристали? Ведь у нас ряжено: кормить меня досыта, поить допьяна; мне на вас не просить, вам с меня не спрашивать!» Рады прасолы от него отстать: «Пропадай наши и хлеб и вино, только б по суду не сыскивал!»

Пошел Незнайко от них к царским садовникам, нанимается сады караулить; садовники живо его порядили и на том же договор учинили: за работу ничего не платить, а кормить его досыта и поить допьяна. Принялся Незнайко сады караулить, и днем и ночью гуляет, трезвый николи не бывает. Случилось по одну ночь — садовников дома не было, и удумал Незнайко яблони, винограды и прочие древеса пересадить. А у царя было три дочери; две на спокое были, а меньшая за цветами сидела, во всю ночь не сыпала и видела, как Незнайко сады пустошил, свою силу объявил: старые деревья с корня вырывал да за тын метал. Утром пришли садовники, закричали-заругалися: «Что

ты за дурак такой! Ни за чем усмотреть не сможешь! Говори, кто это сделал?» — «Не знаю!» Тотчас его нечестно брали, перед царя поставляли. Очутился Незнайко в царских палатах, крест клал по-писаному, поклон вел по-ученому, приступил близко, поклонился низко, стал прямо, говорил смело: «Ваше величество! Твои сады не порядком были высажены; не беда, коли деревья повырваны, за тын побросаны! Позволь, я все поправлю, а меня со всякое дело станет!»

Царь позволил; по другую ночь взялся Незнайко сады ровнять, цветы-деревья рассаживать; которого дерева двадцать человек не поднимут, то он единой рукою подхватывает! К утру все сады готовы, по порядку высажены. Царь Незнайку к себе призывает, чару зелена вина ему наливает; а Незнайко правой рукой чару принимает, за единый дух выпивает. После того вынул Незнайко три яблочка и подносит царевнам: старшей дает перезрелое, середней — спелое, а меньшой — зеленое. Царь смотрит да умом смекает, что царевны его на возрасте: старшей давно время быть замужем, и середней пора пришла, да и самой меньшой недолго ждать. В тот же день собрал он князей, и бояр, и думных советников; начали они думу думать, как тех царевен замуж отдать. Вот и придумали — напечатали именные указы, разослали во все державы: такой-то де царь хочет своих дочерей замуж выдавать, дак на тот случай чтобы женихи со всего свету съезжалися.

Вот и собрались на царский двор царевичи, королевичи и сильномогучие богатыри; за́дал им царь великий пир, все на пиру наедалися, все на пиру напивалися и сидели пьяны и веселы. Царь приказал своим дочерям снарядиться в платья разноцветные, выступить из теремов и выбирать себе суженых по душе, по нраву. Царевны снарядились в платья разноцветные, выступали на посмотрение, подошли к гостям близко, поклонились низко: собой они статны, умом сверстны, очи ясные, как у сокола, брови черные, как у соболя; наливали чаши зелена вина и пошли по́ ряду избирать себе супружников. Большая подавала чашу царевичу, середняя королевичу, а малая сестра носила, носила, на стол постановила и говорил отцу: «Государь-батюшка! Здесь мне жениха нет».— «Ах, дочь моя милая! Этакие молодцы сидят, а тебе не по нраву!» После пира гости разъехались.

Во второй раз собрал царь княжеских, боярских и богатых купеческих детей, приказал своей малой дочери снарядиться в цветное платье и идти — себе жениха выбирать. Снарядясь, она выступила, наливала чашу зелена вина, ходила, ходила, чашу на стол постановила, отдала отцу поклон и сказала: «Государь-батюшка! Здесь нет по мне жениха». Отвечал на то отец: «Ах ты,

дочь моя разборчивая! Из каких же людей тебе жениха надобно? Коли так, соберу теперь мещан да крестьян, дураков — голь кабацкую, скоморохов, плясунов да песельников: хочешь не хочешь — выбирай себе мужа!»

Разослал царь свое повеление по всем городам, деревням и селам; собралось на царский двор мещан и крестьян, дураков — пьяниц кабацких, плясунов и песельников многое множество: в том числе и Незнайко был. Снарядилась царевна в цветное платье, выступила на красное крыльцо, наливала чашу зелена вина и смотрела на тот простой народ. Увидала Незнайку: ростом он всех больше, туловом толще, кудри словно золото по плечам рассыпаются; подошла к нему близко, поклонилась низко, подала ему чашу заздравную и таково слово молвила: «Пей, мой суженый! Тебя со всякое дело станет». Незнайко принимал чашу правой рукой, выпивал за единый дух, брал царевну за руки белые, целовал в уста сахарные, и пошли они к самому царю. Царь приказал всем троим зятьям свадьбы играть; свадьбы сыграли, пиры отпировали, и стали царевны с мужьями жить — ни о чем не тужить.

За теми свадьбами захлопотался царь и позабыл воротить назад своих посланников, что поехали с его указами — из чужих стран женихов сзывать. А посланники в те поры успели до срацынского королевства добраться; кликнули клич по торгам, по рынкам и повесили царский указ. Вот и собралось трое братьев; были то храбрые борцы, сильные богатыри, много земель на своем веку изъездили, много держав покорили. Сперва отправился в путь меньшой брат, а за ним пошло войско несчетное. Подошел он к столице этого царя и узнал, что царевны уже замужем: очень рассердился и послал к царю грозное письмо: «Приехал-де я от срацынского королевства с добрым делом — сватовством, проезжал для того многие земли и области, а ты дочерей замуж отдал, своих посланников не закликнул: заплати мне теперь за протори, за убытки. Ежели не заплатишь, весь город пожгу, весь народ прибью и тебя самого при старости лютой смерти предам!»

Говорит тогда царь: «Зятья мои милые! Как нам быть, что делать?» Отвечали королевич с царевичем: «Мы той грозы не боимся, сами с богатырем сразимся! Собирай-ка, батюшка, силу-армию и конную гвардию». По тем словам собиралось войско немалое: царевич устроил пехотные полки, королевич — конные, выехали оба в чистое поле далеким-далеко, увидали храброго борца, сильного богатыря, убоялись и уезжали в господские дачи, за леса дремучи, за болота зыбучи: не найти их, не сыскать! Оставались полки без начальства; что делать — не ведают, страш-

ного суда ждут. А Незнайко на печке лежит, его богатырское сердце кипит; говорит своей жене: «Жена моя милая! Пойдем-ка в деревню; того и смотри, что город сожгут, людей прибьют, отца твоего в полон возьмут, а мы этому делу не виновны, этой беде не причинны».— «Нет,— отвечала царевна,— я лучше умру, от отца, от матери не уйду». Простилась она с Незнайкою и пошла к отцу на балкон; царь на балконе стоит, во чистое поле в подзорную трубку глядит.

Незнайко срядился по-деревенски — надел шляпу, кафтан, рукавицы, вышел за город никому не видимо, никому не знаемо, пришел на высокий холм и скричал тут богатырским голосом, молодецким посвистом. На тот его крик да бежит из чиста поля добрый конь со всеми доспехами: изо рта у него огонь-пламя пышет, из ушей дым кудряв валит, из ноздрей искры сыплются; хвост у коня в три сажени, грива до копыт легла. Незнайко-дурак подошел поближе, накладывал на коня потники, войлоки, седельце черкасское; подтянул двенадцать подпруг, тринадцатую нагрудную; подпруги были белошелковые, пряжицы красного золота, спенки (шпеньки) были булатные — то не для басы их, для крепости богатырския, что шелк не рвется, булат не гнется, красно золото в земле не ржавеет. На себя накладывал все доспехи военные: латы железные, щит булатный, копье долгомерное, меч-палицу боевую и саблю вострую; садился да на добра коня, бил коня по крутым бедрам, просекал мясо до белых костей. Его добрый конь возъяряется, от сырой земли кверху подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; начал скакать — по мерной версте за единый скок; ископыть коня богатырского — целые печи земли выворачивались, подземные ключи воздымалися, во озерах вода колебалася, с желтым песком помешалася, во лесах деревья пошаталися, к земле приклонялися.

Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом — звери на цепях заревели, соловьи в садах запели, ужи-змеи зашипели. Такова была поездка Незнайкина! Ехал он мимо дворца государева, мимо крыльца красного, говорил: «Здравствуй, великий государь, со всей свитой царскою!» Перескочил через те стены белокаменные, через те башни наугольные да во чисто́ поле, где стояла сила-армия и конная гвардия; скричал: «Здравствуйте, ребята! Где ваши начальники?» Увидал да во чистом поле храброго борца, сильного богатыря: на добре коне разъезжает, как орел воспархивает, силу-армию устрашает; закричал Незнайко зычным голосом, аки трубою громкою, и начали они в одно место съезжатися, подняли палицы железные в пятьдесят пудов.

И как съехались — словно горы скатилися, палицами ударились — палицы поломалися, одни чивья в руках их осталися. Расскочились еще надвое далеким-далеко да по чистому полю, добрых коней обворачивали, в одно место съезжалися; копьями ткнулися — их копья до рук погнулися, а лат проколоть не смогли; срацынский богатырь во седле пошатнулся. Еще расскочилися да по чистому полю; как в третий раз съехались — ударились мечами вострыми, и вышиб Незнайко срацынского рыцаря из седла на сыру землю; во глазах ему свет сменился, изо рта, из носу кровь потекла! Соскочил Незнайко да со своего коня, прижал богатыря да к сырой земле, выхватил из кармана чинбалишшо — булатный нож в полтора пуда, распорол у срацынского рыцаря платье его цветное, вскрыл его груди белые, досмотрел его сердце ретивое, пролил его кровь горячую, выпустил его силу богатырскую; отрубил потом ему буйну голову, подымал на то копье долгомерное и скричал по-богатырскому: «Ай, вы, други мои милые! Выезжайте, зятья, из дубровы да забирайте войска — все живы, здоровы».

Потом обворачивал Незнайко своего доброго коня; его конь как ясен сокол летит, до земли не дотыкается; скоро подъезжает он к городу. Государь, и вся свита, и жена его, Незнайкина,— все с балкона бегут, навстречу спешат; а Незнайко лицо закрывает свое: «Пусть-де никто меня не признает!» Говорит ему государь таково слово: «Храбрый молодой рыцарь! Коих ты родов, какого отца-матери и кто тебя из каких городов послал в помочь нам? Чем тебя дарить — не знаю, чем наградить — не ведаю; милости просим к нам во дворец!» Отвечал на то добрый молодец: «Не ваш хлеб кушаю, не вас и слушаю!» Уезжал за город в зелену дуброву, расседлал своего коня, отпускал на волю; сымал с себя латы булатные, кольчуги железные, прибирал доспехи богатырские в свое место до времени, сам домой пошел. Как пришел в свою хату — в старое платье снарядился, на печку спать повалился.

Прибежала его жена молодая, говорила таково слово: «Ах, муж ты мой Незнаюшко! Ничего ты не знаешь, не ведаешь. Выезжал из дубровы молодой боец, кричал зычным голосом — аж граждане все убоялися; перескочил через те стены белокаменные, через те башни наугольные, да во чисто поле, где стояла сила-армия и конная гвардия,— едва устранилися! Затрубил он в трубу громкую; услыхал то срацынский рыцарь, скоро своего коня обворачивал. Стали они во единое место съезжаться, словно тучи грозные скататься; съехались, палицами ударились — их палицы поломалися, только чивья в руках оставалися; во второй раз съехались, копьями ткнулися — их копья до рук погнулися;

в третий раз еще съехались, мечами сразилися, и упал срацынский рыцарь на сырую землю, а молодой боец выпрянул из своего седла, наскочил ему на груди на богатырские, вспорол у него тело белое, досмотрел у него сердце ретивое, снял со плеч голову буйную, поднял на то копье долгомерное и уезжал во чисто поле».— «Ах ты, глупая женщина! Не видала ты на миру людей, в темном лесе зверей; этакие ли богатыри на белом свете водятся!»

Тем временем царские зятья из лесов, из дубровы воздымалися, в чистом поле собиралися, забирали свою силу-армию и конную гвардию и погнали в город; в городе звоны зазвонили, в полках в барабаны забили, в трубы заиграли и песни запели. Государь на радостях скоро им ворота отпирает, силу-армию в город запускает, во всех трактирах и кабаках солдат вином угощает, а на весь честной народ задает великий пир. Целые шесть недель пировали, все у царя да напивалися, все у него да наедалися, все в городе были пьяны и веселы; только малый зять его Незнайко мало здоров с таковых ударов: никто про то дело не ведает, сколько плечи его вынесли! Говорит он жене своей: «Жена моя милая, отцу своему постылая! Поди-ка, попроси у царя чашу зелена вина выпить да свиной окорок на закуску».

Пошла царевна к отцу, подходила к нему близко, поклонялась низко, смотрела прямо, говорила смело: «Государь ты мой батюшка! Прошу твоей милости — дай мужу моему, а твоему зятю, Незнайку-дураку, чашу зелена вина выпить да свиной окорок на закуску». Отвечал ей царь: «Под лежачий камень и вода нейдет! Вот твой муж, а наш зять, когда было скучно-печально, так он — всем людям на посмех — в деревню убежал, а теперь, как мы победили, назад воротился да на печку повалился. Кабы, дочь моя милая, вышла ты за такого молодца, что на брань выезжал да вражью силу побивал, и нам бы любо, и тебе не подло было! Ну, так и быть: как со стола понесут, тогда и вам остаточки подадут». Говорила на то царевна: «Не всем таковым быть, как твои старшие зятья, что в боевое время в заповедных лесах пролежали, а теперь на пир прибежали — пьют да веселятся! А нам с мужем после их блюдолизничать — статошное ль дело?»

Еще пир не скончался, а курьер уже догнал во срацынское королевство; скоро к сильным богатырям приезжал, скорее того несчастие объявлял: «Наезжал-де молодой боец, убил брата вашего, на поле трупло его валяется, горячая кровь проливается, сила-армия и конная гвардия вся в плен ушла». Тут братья-богатыри рассердилися, скорехонько на коней садилися, накла-

дывали на себя латы булатные, кольчуги железные, прибирали оружие военное: мечи-кладенцы, боевые палицы, сабли вострые, копья долгомерные, и отправлялись во путь, во дорогу; наперед себя посылали к царю посланника с таковым письмом: «Отдайде того молодца, что пролил кровь нашего брата; ежели не отдашь, то всю силу твою мечом побьем, стольный город на огонь пустим, народ в плен возьмем, а тебя самого при старости горькой смерти предадим». Приезжает посланник в царский дворец и подает то письмо государю; царь взял, распечатал и как стал читать — его резвые ножки подломилися, его белые ручки подрогнули, ясные очи смотреть не могут — катятся слезы горючие...

Здумал царь, велел послать во все стороны курьеров, собирать думных людей, генералов и начальных офицеров; от малого до великого начал выспрашивать, кто из них ведает про того молодца, что срацынского рыцаря на бою победил? Никто не знает, не ведает; большие чины за средних хоронятся, средние за малых прячутся, а от малых ответу нет. Так ни с чем и отпустил царь посланника. Подступили срацынские богатыри, начали города-села разбивать, огню предавать. Незнайко на печке лежит, его ретивое сердце кипит; говорит он жене таковую речь: «Жена моя милая, у отца постылая! Пойдем со мной в деревню, здесь жить тесно стало». Отвечает царевна: «Я в деревню нейду, лучше здесь помру!» Сошел Незнайко с печки, воздохнул тяжело: «Прощай,— говорит,— жена моя милая! Коли отца твоего побьют, и тебе живой не остаться». Брал на плечи деревенское платье, на голову шляпу, в руки батог, вышел — сам осматривается: не увидал бы кто. Заприметил его царь с балкона — богоданный батюшка: «Что это за дурак такой! Убежать хочет, а того не ведает: коли что случится, всех найдут...» Старшие зятья возле стоят, думают — как бы честь свою показать: «Государь наш батюшка! Собирай-ка силу-армию и конную гвардию: мы тебе в беде помога!»

Начал царь силу собирать, полки устраивать; зятья свои рати прибавили и пошли на брань. Напустились срацынские богатыри на те передовые полки, страшно мечами бьют, вдвое конями мнут; потекла кровь ручьями, раздались стоны раненых. Незнайко услыхал, на помочь поспешил, пришел на высокий холм и скричал богатырским голосом, молодецким посвистом. На тот его крик бежит из чиста поля добрый конь, бежит-спотыкается. «Ах ты, волчья сыть, травяной мешок! Что бежишь-спотыкаешься? Аль несчастье слышишь?» Отвечает добрый конь: «Будет кровь на обоих — на коне и на хозяине!» Накладывал Незнайко на своего коня узду тесмянную, потники, войлоки, седельце немецкое, под-

тягивал двенадцать подпруг, тринадцатую нагрудную: подпруги все были белошелковые — того шелку чистого, пряжицы были красного золота — того золота аравицкого, спенки были булатные — того булата заморского, и то не для басы добра молодца, а для крепости богатырския, потому — шелк не рвется, булат не гнется, красное золото не ржавеет. Снарядил коня, начал себя снаряжать: накладывал платье рыцарское, латы булатные, в руки брал железный щит, боевую палицу, к ногам прицеплял копье крепкое, долгомерное, на бедре саблю вострую, позади себя меч-кладенец.

Садился Незнайко на добра коня, вкладывал ноги резвые в стремена немецкие, еще брал плеточку шелковую, бил коня по крутым бедрам, рассекал кожу лошадиную. Его конь возъярился, от сырой земли подымается, что повыше лесу стоячего, пониже облака ходячего; скакал с горы на гору, реки-озера промеж ног пропускал, зыбучие болота хвостом устилал; изо рта коня огонь-пламя пышет, из ноздрей искры сыплются, из ушей дым кудряв валит; ископыть того коня — целые печи земли выворачивались, подземные ключи воздымались. Скричал Незнайко богатырским голосом, сосвистал молодецким посвистом — в озерах вода сколебалася, с желтым песком помешалася, старые дубы пошаталися, верхушками до земли догибалися. В чистом поле — срацынский богатырь на коне как копна сидит; его конь как сокол летит, до сырой земли не дотыкается, сам богатырь похваляется — хочет Незнайку целком проглотить.

Как скоро они съехались, проговорил Незнайкин конь: «Ну, хозяин! Преклони свою голову на мою гриву — может быть, спасешься». Только Незнайко головой прикорнул, как срацынский богатырь мечом махнул, левую руку с плеча ему повредил, у коня ухо срубил; а Незнайко тем часом угодил ему копьем в самую пельку и обворотил его, как ржаного снопа. Упал срацынец на сырую землю, и лежало тут трупло богатырское — валялося, горячая кровь проливалася. Скоро сила-армия надвигала, конная гвардия наскакала, а Незнайко уезжал на своем добром коне к царским палатам и кричал зычным голосом: «Люди добрые! Не предайте меня смерти напрасныя, захватите мою кровь горячую!» Побежала с балкону вся свита царская, впереди всех царевна — жена Незнайкина, именным платком левую руку ему завязала, а своего мужа не признала; он пот с лица утирал, себя, добра молодца, укрывал.

Поехал Незнайко к своей хате, бросил коня без привязи, вошел в сени, на пол свалился и покрыл лицо свое рукою. А царь ничего не ведает, стоит на балконе да смотрит, как зятья его управляются. Вот жена Незнайкина подошла к хате, глядь — у

крыльца стоит лошадь богатырская со всеми доспехами, а в сенях богатырь лежит; наскоро побежала, про все отцу рассказала. В тот час государь поспешил туда со всей свитою, дверь отворяет, на колени припадает, говорит речь умильно: «Ты скажись, добрый мóлодец, ты какого роду-племени? Как тебя по имени будет звать, по отчеству величать?» Отвечает Незнайко: «Ах ты, богоданный мой государь-батюшка; аль меня не признаешь? Ты ж меня завсегда дураком называешь». Тут все его признали, за сильномогучего богатыря почитали; а старшие зятья как прослышали про то дело, тотчас с женами своими сряжались да по своим домам убирались. Незнайко скоро поправился, зелена вина напивался, заводил пир на весь мир; а по смерти царя начал сам царствовать, и житие его было долгое и счастливое.

НЕСМЕЯНА-ЦАРЕВНА

Как подумаешь, куда велик божий свет! Живут в нем люди богатые и бедные, и всем им просторно, и всех их призирает и рассуждает господь. Живут роскошные — и празднуют; живут горемычные — и трудятся; каждому своя доля!

В царских палатах, в княжьих чертогах, в высоком терему красовалась Несмеяна-царевна. Какое ей было житье, какое привольe, какое роскошье! Всего много, все есть, чего душа хочет; а никогда она не улыбалась, никогда не смеялась, словно сердце ее ничему не радовалось.

Горько было царю-отцу глядеть на печальную дочь. Открывает он свои царские палаты для всех, кто пожелает быть его гостем. «Пускай,— говорит,— пытаются развеселить Несмеяну-царевну; кому удастся, тому она будет женою». Только это вымолвил, как закипел народ у княжьих ворот! Со всех сторон едут, идут — и царевичи и княжевичи, и бояре и дворяне, полковые и простые; начались пиры, полились меды — царевна все не смеется.

На другом конце в своем уголке жил честный работник; по утрам он двор убирал, вечерами скот пасал, в беспрестанных был трудах. Хозяин его — человек богатый, правдивый, платою не обижал. Только покончился год, он ему мешок денег на стол: «Бери,— говорит,— сколько хочешь!», а сам в двери и вышел вон. Работник подошел к столу и думает: как бы перед богом не согрешить, за труды лишнего не положить? Выбрал одну только денежку, зажал ее в горсть да вздумал водицы напиться, нагнулся в колодезь — денежка у него выкатилась и потонула на дно.

Остался бедняк ни при чем. Другой бы на его месте запла-

кал, затужил и с досады б руки сложил, а он нет. «Все,— говорит,— бог посылает; господь знает, кому что давать: кого деньгами наделяет, у кого последнее отнимает. Видно, я худо рачил, мало трудился, теперь стану усердней!» И снова за работу — каждое дело в его руках огнем горит! Кончился срок, минул еще год, хозяин ему мешок денег на стол: «Бери,— говорит,— сколько душа хочет!», а сам в двери и вышел вон. Работник опять думает, чтоб бога не прогневить, за труд лишнего не положить; взял денежку, пошел напиться и выпустил невзначай из рук — денежка в колодезь и потонула. Еще усерднее принялся он за работу: ночь недосыпает, день недоедает. Поглядишь: у кого хлеб сохнет, желтеет, а у его хозяина все бутеет; чья скотина ноги завивает, а его по улице брыкает; чьих коней пóд гору тащит, а его и в поводу не сдержать. Хозяин разумел, кого благодарить, кому спасибо говорить. Кончился срок, миновал третий год, он кучу денег на стол: «Бери, работничек, сколько душа хочет; твой труд, твоя и деньга!» — а сам вышел вон.

Берет работник опять одну денежку, идет к колодезю воды испить — глядь: последняя деньга цела, и прежние две наверх выплыли. Подобрал он их, догадался, что бог за его труды наградил; обрадовался и думает: «Пора мне бел свет поглядеть, людей распознать!» Подумал и пошел куда глаза глядят. Идет он полем, бежит мышь: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сама пригожусь!» Дал ей денежку. Идет лесом, ползет жук: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» Дал и ему денежку. Поплыл рекой, встрелся сом: «Ковалек, дорогой куманек! Дай денежку; я тебе сам пригожусь!» От и тому не отказал, последнюю отдал.

Сам пришел в город, там людей, там дверей! Загляделся, завертелся работник на все стороны, куда идти — не знает. А перед ним стоят царские палаты, сребром-золотом убраты, у окна Несмеяна-царевна сидит и прямо на него глядит. Куда деваться? Затуманилось у него в глазах, нашел на него сон, и упал он прямо в грязь. Откуда ни взялся сом с большим усом, за ним жучок-старичок, мышка-стрижка; все прибежали. Ухаживают, ублаживают: мышка платьице снимает, жук сапожки очищает, сом мух отгоняет. Глядела, глядела на их услуги Несмеяна-царевна и засмеялась. «Кто, кто развеселил мою дочь?» — спрашивает царь. Тот говорит: «Я»; другой: «Я».— «Нет! — сказала Несмеяна-царевна.— Вот этот человек!» — и указала на работника. Тотчас его во дворец, и стал работник перед царским лицом молодец-молодцом! Царь свое царское слово сдержал; что обещал, то и даровал. Я говорю: не во сне ли это работнику снилось? Заверяют, что нет, истинная правда была,— так надо верить.

МАЛЬЧИК С ПАЛЬЧИК

Жил себе старик со старухою. Раз старуха рубила капусту на пироги, задела нечаянно по руке и отрубила мизинный палец; отрубила и бросила за печку. Вдруг послышалось старухе, кто-то говорит за печкой человеческим голосом: «Матушка! Сними меня отсюда». Изумилась она, сотворила честной крест и спрашивает: «Ты кто таков?» — «Я твой сынок, народился из твоего мизинчика». Сняла его старуха, смотрит — мальчик крохотный-крохотный, еле от земли видно! И назвала его Мальчик с пальчик. «А где мой батюшка?» — спрашивает Мальчик с пальчик. «Поехал на пашню».— «Я к нему пойду, помогать стану».— «Ступай, дитятко».

Пришел он на пашню: «Бог в помочь, батюшка!» Осмотрелся старик кругом. «Что за чудо! — говорит.— Глас человеческий слышу, а никого не вижу. Кто таков говорит со мною!» — «Я — твой сынок».— «Да у меня и детей сроду не бывало!» — «Я только что народился на белый свет: рубила матушка капусту на пироги, отрубила себе мизинный палец с руки, бросила за печку — вот я и стал Мальчик с пальчик! Пришел тебе помогать — землю пахать. Садись, батюшка, закуси, чем бог послал, да отдохни маленько!» Обрадовался старик, сел обедать, а Мальчик с пальчик залез лошади в ухо и стал пахать землю, а напред отцу наказал: «Коли кто будет торговать меня, продавай смело; небось — не пропаду, назад домой приду».

Вот едет мимо барин, смотрит и дивуется: конь идет, соха орет (пашет), а человека нет! «Этого,— говорит,— еще видом не видано, слыхом не слыхано, чтобы лошадь сама собой пахала!» — «Что ты, разве ослеп! — отозвался ему старик.— То у меня сын пашет».— «Продай его мне!» — «Нет, не продам; нам только и радости со старухой, только и утехи, что он!» — «Продай, дедушка!» — пристает барин. «Ну, давай тысячу рублев — твой будет!» — «Что так дорого?» — «Сам видишь: мальчик мал, да удал, на ногу скор, на посылку легок!» Барин заплатил тысячу, взял мальчика, посадил в карман и поехал домой. А Мальчик с пальчик напаскудил ему в карман, прогрыз дыру и ушел.

Шел, шел, и пристигла его темная ночь; спрятался он под былинку подле самой дороги, лежит себе, спать собирается. Идут мимо три вора. «Здравствуйте, добрые мо́лодцы!» — говорит Мальчик с пальчик. «Здорово!» — «Куда идете?» — «К попу».— «Зачем?» — «Быков воровать».— «Возьмите и меня с собой!» — «Куда ты годишься? Нам надо такого молодца, чтоб раз дал — и дух вон!» — «Пригожусь и я; в подворотню пролезу да вам ворота отопру».— «И то дело! Пойдем с нами».

Вот пришли вчетвером к богатому попу; Мальчик с пальчик пролез в подворотню, отворил ворота и говорит: «Вы, братцы, здесь на дворе постойте, а я заберусь в сарай да выберу быка получше и выведу к вам».— «Ладно!» Забрался он в сарай и кричит оттуда во всю глотку: «Какого быка тащить — бурого али черного?» — «Не шуми,— говорят ему воры,— тащи, какой под руку попадется». Мальчик с пальчик вывел им быка что ни есть самого лучшего; воры пригнали быка в лес, зарезали, сняли шкуру и стали делить мясо. «Ну, братцы,— говорит Мальчик с пальчик,— я возьму себе требуху: с меня и того будет». Взял требуху и тут же залез в нее спать, ночь коротать, а воры поделили мясо и пошли по домам.

Набежал голодный волк и проглотил требуху вместе с мальчиком; сидит он в волчьем брюхе живой, и горя ему мало! Плохо пришлось серому! Увидит он стадо, овцы пасутся, пастух спит, и только что подкрадется овцу унести — как Мальчик с пальчик и закричит во все горло: «Пастух, пастух, овечий дух! Ты спишь, а волк овцу тащит!» Пастух проснется, бросится на волка с дубиною да и травит его собаками, а собаки ну его рвать — только клочья летят! Еле-еле уйдет сердешный!

Совсем отощал волк, пришлось пропадать с голоду: «Вылези!» — просит волк. «Довези меня домой к отцу, к матери, так вылезу»,— говорит Мальчик с пальчик. Побежал волк в деревню, вскочил прямо к старику в избу; Мальчик с пальчик тотчас вылез из волчьего брюха задом, схватил волка за хвост и кричит: «Бейте волка, бейте серого!» Старик схватил дубинку, старуха другую и давай бить волка; тут его и порешили, сняли кожу да сынку тулуп сделали. И стали они жить-поживать, век доживать.

ВЕРЛИОКА

Жили-были дед да баба, а у них были две внучки-сиротки — такие хорошенькие да смирные, что дед с бабушкой не могли ими нарадоваться. Вот раз дед вздумал посеять горох; посеял — вырос горох, зацвел. Дед глядит на него да и думает: «Теперь буду целую зиму есть пироги с горохом». Как назло деду, воробьи и напали на горох. Дед видит, что худо, и послал младшую внучку прогонять воробьев. Внучка села возле гороха, машет хворостиной да приговаривает: «Кишь, кишь, воробьи! Не ешьте дедова гороху!» Только слышит, в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода клочком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмы-

ляется. У Верлиоки была уже такая натура: завидит человека, да еще смирного, не утерпит, чтобы дружбу не показать, бока не поломать; не было спуску от него ни старому, ни малому, ни тихому, ни удалому. Увидел Верлиока дедову внучку — такая хорошенькая, ну как не затрогать ее? Да той, видно, не понравились его игрушки: может быть, и обругала его — не знаю; только Верлиока сразу убил ее костылем.

Дед ждал, ждал — нет внучки, послал за нею старшую. Верлиока и ту прибрал. Дед ждет-пождет — и той нет! — и говорит жене: «Да что они там опозднились? Пожалуй, с парубками развозились, как трещотки трещат, а воробьи горох лущат. Иди-ка ты, старуха, да скорей тащи их за ухо». Старуха с печки сползла, в углу палочку взяла, за порог перевалилась да и домой не воротилась. Вестимо, как увидела внучек да потом Верлиоку, догадалась, что это его работа; с жалости так и вцепилась ему в волосы. А нашему забияке то и на руку...

Дед ждет внучек да старуху — не дождется; нет как нет! Дед и говорит сам себе: «Да что за лукавый! Не приглянулся ли и жене парень чернявый? Сказано: от нашего ребра не ждать нам добра; а баба все баба, хоть и стара!» Вот так мудро размысливши, встал он из-за стола, надел шубку, закурил трубку, помолился богу, да и поплелся в дорогу. Приходит к гороху, глядит: лежат его ненаглядные внучки — точно спят; только у одной кровь, как та алая лента, полосой на лбу видна, а у другой на белой шейке пять синих пальцев так и оттиснулись. А старуха так изувечена, что и узнать нельзя. Дед зарыдал не на шутку, целовал их, миловал да слезно приговаривал.

И долго бы проплакал, да слышит: в лесу шумит, трещит — идет Верлиока, ростом высокий, об одном глазе, нос крючком, борода торчком, усы в пол-аршина, на голове щетина, на одной ноге — в деревянном сапоге, костылем подпирается, сам страшно ухмыляется. Схватил деда и давай бить; насилу бедный вырвался да убежал домой. Прибежал, сел на лавку, отдохнул и говорит: «Эге, над нами строить штуки! Постой, брат, у самих есть руки... Языком хоть что рассуждай, а рукам воли не давай. Мы и сами с усами! Задел рукой, поплатишься головой. Видно, тебя, Верлиока, не учили сызмала пословице: делай добро — не кайся, а делай зло — сподевайся! Взял лычко, отдай ремешок!» Долго рассуждал дед сам с собою, а, наконец, наговорившись досыта, взял железный костыль и отправился бить Верлиоку.

Идет, идет и видит ставок, а на ставке сидит куцый селезень. Увидал деда и кричит: «Так, так, так! Ведь я угадал, что сюда тебя поджидал. Здоров, дед, на сто лет!» — «Здорово, селезень! Отчего же ты меня поджидал?» — «Да знал, что ты за ста-

руху да за внучек пойдешь к Верлиоке на расправу».— «А тебе кто сказал?» — «Кума сказала».— «А кума почем знает?» — «Кума все знает, что на свете делается; да другой раз еще дело и не сделалось, а кума куме уж о том на ухо шепчет, а нашепчутся две кумы — весь мир узнает».— «Смотри, какое диво!» — говорит дед. «Не диво, а правда! Да такая правда, что бывает не только с нашим братом, а водится и промеж старшими».— «Вот что!» — молвил дед и рот разинул; а потом, опомнившись, снял шапку, поклонился куцему селезню и говорит: «А вы, добродею, знаете Верлиоку?» — «Как, как, как не знать! Знаю я его, кривого».

Селезень поворотил голову на сторону (сбоку они лучше видят), прищурил глаз, поглядел на деда да и говорит: «Эге! С кем не случается беда? Век живи, век учись, а все дурнем умрешь. Так, так, так!» Поправил крылья, повертел задом и стал учить деда: «Слушай, дедушка, да учись, как на свете жить! Раз как-то вот тут на берегу начал Верлиока бить какого-то горемыку. А в те поры была у меня за каждым словом поговорка: ах, ах, ах! Верлиока потешается, а я сижу в воде да так себе и кричу: ах, ах, ах!.. Вот он, управившись по-своему с горемыкою, подбежал ко мне, да, не говоря худого слова, хвать меня за хвост! Да не на таковского напал, только хвост у него в руках остался. Оно хоть хвост и невелик, а все-таки жаль его... Кому свое добро не дорого? Говорят же: всякой птице свой хвост ближе к телу. Верлиока пошел домой да и говорит дорогою: «Постой же! Научу я тебя, как за других заступаться». Вот я и взялся за ум и с той поры — кто бы что ни делал, не кричу: ах, ах, ах! а все припакиваю: так, так, так! Что же! И житье стало лучше, и почету от людей больше. Все говорят: «Вот селезень — хоть куцый, да умный!» — «Так не можешь ли ты, добродею, показать мне, где живет Верлиока?» — «Так, так, так!» Селезень вылез из воды и, переваливаясь с боку на бок, словно купчиха, пошел по берегу, а дед за ним.

Идут, идут, а на дороге лежит бечевочка и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная головушка!» — «Здравствуй, бечевочка!» — «Как живешь? Куда идешь?» — «Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу; старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были такие хорошие — на славу!» — «Я твоих внучек знала, старуху поважала; возьми и меня на подмогу!» Дед подумал: «Может, пригодится связать Верлиоку!» — и отвечал: «Полезай, когда знаешь дорогу». Веревочка и поползла за ними, словно змея.

Идут, идут, на дороге лежит колотушка да и говорит: «Здравствуй, дедушка, умная головушка!» — «Здравствуй, колотуш-

ка!» — «Как живешь? Куда идешь?» — «Живу и так и сяк; а иду к Верлиоке на расправу. Подумай: старуху задушил, двух внучек убил, а внучки были на славу».— «Возьми меня на подмогу!» — «Ступай, когда знаешь дорогу». А сам думает: «Колотушка и впрямь поможет». Колотушка поднялась, уперлась ручкой о землю и прыгнула.

Пошли опять. Идут, идут, а на дороге лежит желудь и пищит: «Здравствуй, дед долгоногий!» — «Здравствуй, желудь дубовый!» — «Куда это так шагаешь?» — «Иду Верлиоку бить, когда его знаешь».— «Как не знать! Пора уж с ним расплатиться: возьми и меня на подмогу».— «Да чем ты поможешь?» — «Не плюй, дед, в колодезь — достанется водицы напиться: синица не велика птица, да все поле спалила. А еще говорят: мал золотник, да дорог: велика Федора, да дура!» Дед подумал: «А пускай его! Чем больше народу, тем лучше», и говорит: «Плетись позади!» Какое — плетись! Желудь так и скачет впереди всех.

Вот и пришли они в густой, дремучий лес, а в том лесу стоит избушка. Глядят — в избушке никого нет. Огонь давно погас, а на шестке стоит кулиш. Желудь не промах — вскочил в кулиш, веревочка растянулась на пороге, колотушку положил дед на полку, селезня посадил на печку, а сам стал за дверью. Пришел Верлиока, кинул дрова на землю и стал поправлять в печке. Желудь, сидя в кулише, затянул песню: «Пи-пи-пи! Пришли Верлиоку бить!» — «Цыц, кулиш! В ведро вылью!» — крикнул Верлиока. А желудь не слушает его, знай свое пищит. Верлиока рассердился, схватил горшок да бух кулиш в ведро. Желудь как выскочит из ведра, щелк Верлиоку прямо в глаз, выбил и последний. Верлиока кинулся было наутек, да не тут-то было — веревочка перецепила его, и Верлиока упал, колотушка с полки, а дед из-за дверей, и давай его потчевать; а селезень за печкой сидит да приговаривает: «Так, так, так!» Не помогли Верлиоке ни его сила, ни его отвага. Вот вам сказка, а мне бубликов вязка.

ЛИХО ОДНОГЛАЗОЕ

Жил один кузнец. «Что,— говорит,— я горя никакого не видал. Говорят, лихо на свете есть: пойду поищу себе лихо». Взял и пошел, выпил хорошенько и пошел искать лихо. Навстречу ему портной. «Здравствуй!» — «Здравствуй!» — «Куда идешь?» — «Что, брат, все говорят: лихо на свете есть; я никакого лиха не видал, иду искать».— «Пойдем вместе. И я хорошо живу и не видал лиха; пойдем поищем». Вот они шли, шли, зашли

в лес, в густый, темный, нашли маленькую дорожку, пошли по ней — по узенькой дорожке. Шли, шли по этой дорожке, видят: изба стоит большая. Ночь: некуда идти. «Сём,— говорят,— зайдем в эту избу». Вошли: никого там нету, пусто, нехорошо. Сели себе и сидят. Вот и идет высокая женщина, худощавая, кривая, одноокая. «А! — говорит.— У меня гости. Здравствуйте».— «Здравствуй, бабушка! Мы пришли ночевать к тебе».— «Ну, хорошо: будет что поужинать мне!» Они перепугались. Вот она пошла, беремя дров большое принесла: принесла беремя дров, поклала в печку, затопила. Подошла к ним, взяла одного, портного, и зарезала, посадила в печку и убрала.

Кузнец сидит и думает: что делать, как быть? Она взяла — поужинала. Кузнец смотрит в печку и говорит: «Бабушка, я кузнец». — «Что умеешь делать-ковать?» — «Да я все умею».— «Скуй мне глаз».— «Хорошо,— говорит,— да есть ли у тебя веревка? Надо тебя связать, а то ты не дашься: я бы тебе вковал глаз». Она пошла, принесла две веревки, одну потоньше, а другую толще. Вот он связал ее одною, которая была потоньше. «Ну-ка, бабушка, повернися!» Она повернулась и разорвала веревку. «Ну,— говорит,— нет, бабушка! Эта не годится». Взял он толстую веревку да этою веревкою скрутил ее хорошенько. «Повернись-ка, бабушка!» Вот она повернулась — не порвала. Вот он взял шило, разжег его, наставил на глаз-то ей на здоровый, взял топор да обухом как вдарил по шилу. Она как повернется — и разорвала веревку, да и села на пороге. «А, злодей, теперича не уйдешь от меня!» Он видит, что опять лихо ему, сидит, думает: что делать? Потом пришли с поля овцы: она загнала овец в свою избу ночевать. Вот кузнец ночевал ночь. Поутру стала она овец выпускать. Он взял шубу, да вывернул шерстью вверх, да в рукава-то надел и подполз к ней, как овечка. Она все по одной выпускала: как хватит за спину, так и выкинет ее. И он подполз: она и его хватила за спинку и выкинула. Выкинула его, он встал и говорит: «Прощай, Лихо! Натерпелся я от тебя лиха: теперь ничего не сделаешь». Она говорит: «Постой, еще натерпишься, ты не ушел!»

И пошел кузнец опять в лес по узенькой тропинке. Смотрит: в дереве топорик с золотой ручкой: захотел себе взять. Вот он взялся за этот топорик, рука и пристала к нему. Что делать? Никак не оторвешь. Оглянулся назад: идет к нему Лихо и кричит: «Вот ты, злодей, и не ушел!» Кузнец вынул ножичек, в кармане у него был, и давай эту руку пилить: отрезал ее и ушел. Пришел в свою деревню и начал показывать руку, что теперь видел лихо. «Вот,— говорит,— посмотрите — каково оно: я,— говорит,— без руки, а товарища моего совсем съела». Тут и сказке конец.

ГОРЕ

В одной деревушке жили два мужика, два родные брата: один был бедный, другой богатый. Богач переехал на житье в город, выстроил себе большой дом и записался в купцы; а у бедного иной раз нет и куска хлеба, а ребятишки — мал мала меньше — плачут да есть просят. С утра до вечера бьется мужик как рыба об лед, а все ничего нет. Говорит он однова́ своей жене: «Дай-ка пойду в город, попрошу у брата: не поможет ли чем?» Пришел к богатому: «Ах, братец родимый! Помоги сколько-нибудь моему горю; жена и дети без хлеба сидят, по целым дням голодают».— «Проработай у меня эту неделю, тогда и помогу!» Что делать? Принялся бедный за работу: и двор чистит, и лошадей холит, и воду возит, и дрова рубит. Через неделю дает ему богатый одну ковригу хлеба: «Вот тебе за труды!» — «И за то спасибо!» — сказал бедный, поклонился и хотел было домой идти. «Постой! Приходи-ка завтра ко мне в гости и жену приводи: ведь завтра — мои именины».— «Эх, братец; куда мне? Сам знаешь: к тебе придут купцы в сапогах да в шубах, а я в лаптях хожу да в худеньком сером кафтанишке».— «Ничего, приходи! И тебе будет место».— «Хорошо, братец, приду».

Воротился бедный домой, отдал жене ковригу и говорит: «Слушай, жена! Назавтрее нас с тобой в гости звали».— «Как в гости? Кто звал?» — «Брат; он завтра именинник».— «Ну что ж, пойдем». Наутро встали и пошли в город, пришли к богатому, поздравили его и уселись на лавку. За столом уж много именитых гостей сидело; всех их угощает хозяин на славу, а про бедного брата и его жену и думать забыл — ничего им не дает; они сидят да только посматривают, как другие пьют да едят. Кончился обед; стали гости из-за стола вылазить да хозяина с хозяюшкой благодарить, и бедный тож — поднялся с лавки и кланяется брату в пояс. Гости поехали домой пьяные, веселые, шумят, песни поют.

А бедный идет назад с пустым брюхом. «Давай-ка,— говорит жене,— и мы запоем песню!» — «Эх ты, дурак! Люди поют оттого, что сладко поели да много выпили; а ты с чего петь вздумал?» — «Ну, все-таки у брата на именинах был; без песен мне стыдно идти. Как я запою, так всякий подумает, что и меня угостили...» — «Ну, пой, коли хочешь, а я не стану!» Мужик запел песню, и послышалось ему два голоса; он перестал и спрашивает жену: «Это ты мне подсобляла петь тоненьким голоском?» — «Что с тобой? Я вовсе и не думала».— «Так кто же?» — «Не знаю! — сказала баба.— А ну, запой, я послушаю». Он опять запел; поет-то один, а слышно два голоса; остановился и спрашивает: «Это ты, Горе, мне петь пособляешь?» Горе отозвалось: «Да.

хозяин! Это я пособляю».— «Ну, Горе, пойдем с нами вместе».— «Пойдем, хозяин! Я теперь от тебя не отстану».

Пришел мужик, а Горе зовет его в кабак. Тот говорит: «У меня денег нет!» — «Ох ты, мужичок! Да на что тебе деньги? Вишь, на тебе полушубок надет, а на что он? Скоро лето будет, все равно носить не станешь! Пойдем в кабак, да полушубок по боку...» Мужик и Горе пошли в кабак и пропили полушубок. На другой день Горе заохало, с похмелья голова болит, и опять зовет хозяина винца испить. «Денег нет»,— говорит мужик. «Да на что нам деньги? Возьми сани да телегу — с нас и довольно!» Нечего делать, не отбиться мужику от Горя; взял он сани и телегу, потащил в кабак и пропил вместе с Горем. Наутро Горе еще больше заохало, зовет хозяина опохмелиться; мужик пропил и борону и соху. Месяца не прошло, как он все спустил; даже избу свою соседу заложил, а деньги в кабак снес. Горе опять пристает к нему: «Пойдем да пойдем в кабак!» — «Нет, Горе! Воля твоя, а больше тащить нечего».— «Как нечего? У твоей жены два сарафана: один оставь, а другой пропить надобно». Мужик взял сарафан, пропил и думает: «Вот когда чист! Ни кола, ни двора, ни на себе, ни на жене!»

Поутру проснулось Горе, видит, что у мужика нечего больше взять, и говорит: «Хозяин!» — «Что, Горе?» — «А вот что: ступай к соседу, попроси у него пару волов с телегою». Пошел мужик к соседу: «Дай,— просит,— на времечко пару волов с телегою: я на тебя хоть неделю за то проработаю».— «На что тебе?» — «В лес за дровами съездить».— «Ну, возьми; только не велик воз накладывай».— «И, что ты, кормилец!» Привел пару волов, сел вместе с Горем на телегу и поехал в чистое поле. «Хозяин! — спрашивает Горе.— Знаешь ли ты на этом поле большой камень?» — «Как не знать!» — «А когда знаешь, поезжай прямо к нему». Приехали они на то место, остановились и вылезли из телеги. Горе велит мужику поднимать камень; мужик поднимает, Горе пособляет; вот подняли, а под камнем яма — полна золотом насыпана. «Ну, что глядишь? — сказывает Горе мужику.— Таскай скорей в телегу».

Мужик принялся за работу и насыпал телегу золотом, все из ямы повыбрал до последнего червонца; видит, что уж больше ничего не осталось, и говорит: «Посмотри-ка, Горе, никак там еще деньги остались?» Горе наклонилось: «Где? Я что-то не вижу!» — «Да вон в углу светятся!» — «Нет, не вижу».— «Полезай в яму, так и увидишь». Горе полезло в яму; только что опустилось туда, а мужик и накрыл его камнем. «Вот этак-то лучше будет! — сказал мужик.— Не то коли взять тебя с собою, так ты, Горе горемычное, хоть не скоро, а все же пропьешь и эти деньги!»

Приехал мужик домой, свалил деньги в подвал, волов отвел к соседу и стал думать, как бы себя устроить; купил лесу, выстроил большие хоромы и зажил вдвое богаче своего брата.

Долго ли, коротко ли — поехал он в город просить своего брата с женой к себе на именины. «Вот что выдумал! — сказал ему богатый брат.— У самого есть нечего, а ты еще именины справляешь!» — «Ну, когда-то было нечего есть, а теперь, слава богу, имею не меньше твоего; приезжай — увидишь».— «Ладно, приеду!» На другой день богатый брат собрался с женою, и поехали на именины; смотрят, а у бедного-то голыша хоромы новые, высокие, не у всякого купца такие есть! Мужик угостил их, употчевал всякими наедками, напоил всякими медами и винами. Спрашивает богатый у брата: «Скажи, пожалуй, какими судьбами разбогател ты?» Мужик рассказал ему по чистой совести, как привязалось к нему Горе горемычное, как пропил он с Горем в кабаке все свое добро до последней нитки: только и осталось, что душа в теле; как Горе указало ему клад в чистом поле, как он забрал этот клад да от Горя избавился.

Завистно стало богатому: «Дай,— думает,— поеду в чистое поле, подниму камень да выпущу Горе — пусть оно дотла разорит брата, чтоб не смел передо мной своим богатством чваниться». Отпустил свою жену домой, а сам в поле погнал; подъехал к большому камню, своротил его в сторону и наклоняется посмотреть, что́ там под камнем? Не успел порядком головы нагнуть — а уж Горе выскочило и уселось ему на шею. «А,— кричит,— ты хотел меня здесь уморить! Нет, теперь я от тебя ни за что не отстану».— «Послушай, Горе! — сказал купец.— Вовсе не я засадил тебя под камень...» — «А кто же, как не ты?» — «Это мой брат тебя засадил, а я нарочно пришел, чтобы тебя выпустить».— «Нет, врешь! Один раз обманул, в другой не обманешь!» Крепко насело Горе богатому купцу на шею; привез он его домой, и пошло у него все хозяйство вкривь и вкось. Горе уж с утра за свое принимается; каждый день зовет купца опохмелиться; много добра в кабак ушло. «Этак несходно жить! — думает про себя купец.— Кажись, довольно потешил я Горе; пора б и расстаться с ним, да как?»

Думал, думал и выдумал: пошел на широкий двор, обтесал два дубовых клина, взял новое колесо и накрепко вбил клин с одного конца в втулку. Приходит к Горю: «Что ты, Горе, все на боку лежишь?» — «А что же мне больше делать?» — «Что делать! Пойдем на двор в гулючки играть». А Горе и радо; вышли на двор. Сперва купец спрятался — Горе сейчас его нашло, после того черед Горю прятаться. «Ну,— говорит,— меня не скоро найдешь! Я хоть в какую щель забьюсь!» — «Куда тебе! — отве-

чает купец.— Ты в это колесо не влезешь, а то — в щель!» — «В колесо не влезу? Смотри-ка, еще как спрячусь!» Влезло Горе в колесо; купец взял да и с другого конца забил в втулку дубовый клин, поднял колесо и забросил его вместе с Горем в реку. Горе потонуло, а купец стал жить по-старому, по-прежнему.

МАРКО БОГАТЫЙ И ВАСИЛИЙ БЕССЧАСТНЫЙ

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был богатейший купец; у него была одна дочь Анастасия Прекрасная, и было ей всего лет пять от роду. Купца звали Марко, по прозванию Богатый. Марко терпеть не мог нищих: только подойдут к окошку, сейчас велит слугам своим гнать их и травить собаками.

В одно время подходят к окошку два седеньких старичка. Марко увидал и велел их травить собаками. Услыхала то Анастасия Прекрасная и стала просить: «Родимый мой батюшка! Хоть для меня пусти их в скотную избу». Отец согласился и велел пустить нищих в скотную избу. Вот как все в доме заснули, Анастасия встала и пошла в скотную, залезла на полати и глядит на нищих. Пришло время быть заутрене, у икон сама свеча затеплилась; старички встали, вынули из мешочков ризы, надели и стали служить заутреню. Прилетает ангел божий: «Господи! В таком-то селе у такого-то крестьянина родился сын; как ему велишь нарещи имя и каким наделить его счастием?» Один старичок сказал: «Имя нарицаю ему — Василий, прозвание — Бессчастный, а награждаю его богатством Марка Богатого, у которого мы ночуем». Анастасия все это слышала. Рассвело. Старички снарядились в дорогу и вышли из избы. Анастасия пришла к отцу и сказывает ему все, что в скотной видела и слышала.

Отец усумнился, как бы не сбылось сказанное, и захотел испытать, точно ли родился на селе младенец; велел запрячь карету и поехал туда; приехал прямо к священнику и спросил: «Родился ли у вас такого-то дня младенец?» — «Родился,— сказал священник,— у самого бедного крестьянина; я ему нарек имя Василий и прозвал Бессчастным, да еще не крестил, потому что к бедному никто в кумовья нейдет». Марко вызвался быть крестным, попадью попросил быть кумою и велел изготовить богатый стол; принесли младенца, окрестили и пировали, как им было угодно. На другой день Марко Богатый призвал к себе бедняка крестьянина, обласкал его и стал ему говорить: «Куманек! Ты человек бедный, воспитать сына не сможешь; отдай-ка мне его, я его выведу в люди, а тебе на прожитие дам тысячу рублей». Старик

подумал-подумал и согласился. Марко наградил кума, взял ребенка, окутал его в лисьи шубы, положил в карету и поехал. Дело было зимою. Проехав несколько верст, Марко Богатый велел остановиться, отдал крестника своему приказчику и приказал: «Возьми его за ноги и выбрось в овраг!» Приказчик взял и бросил его в крутой овраг. А Марко сказал: «Вот там и владей моим имением!»

На третий день по той же дороге, где проехал Марко, случилось ехать купцам: везли они Марку Богатому двенадцать тысяч рублей долгу; поравнялись купцы против оврага, и послышался им детский плач. Остановились, стали вслушиваться и послали приказчика узнать, что там такое? Приказчик сошел в овраг, видит там зеленый луг, а на том лугу сидит ребенок и играет цветами. Приказчик рассказал про все хозяину; хозяин вышел сам, взял ребенка, завернул в шубу, сел в повозку, и поехали. Приезжают к Марку Богатому. Вот Марко их и спрашивает, где они взяли этого ребенка. Купцы рассказали, и он тотчас догадался, что это Василий Бесчастный, его крестник; взял его на руки, подержал и отдал дочери: «Вот тебе, дочка, нянчай!» — а сам стал угощать купцов разными напитками и просит, чтобы они отдали ему мальчика. Купцы было не соглашались, да как Марко сказал: «Я вас прощаю всем долгом!» — то отдали ему ребенка и уехали. Анастасия так была этому рада, что сейчас нашла люльку, повесила занавесы, и стала ухаживать за мальчиком, и не расставалась с ним ни день, ни ночь. Прошел день и другой; на третий Марко воротился домой попозже, когда Анастасия спала, взял младенца, посадил его в бочонок, засмолил и бросил с пристани в воду.

Бочонок плыл да плыл и приплыл к монастырю. На ту пору вышел монах за водою. Послышался ему детский крик; осмотрелся он и увидал бочонок; тотчас сел в лодку, поймал бочонок, разбил его, а в бочонке — дитя; взял его и принес в монастырь к игумну. Игумен назвал ребенка Васильем и прозвал Бесчастным; с тех пор Василий Бесчастный жил в монастыре шестнадцать лет и выучился грамоте — читать и писать. Игумен его полюбил и сделал ключарем.

Марку Богатому случилось ехать в иное государство за получением долгов — на годичное время, и заехал он по пути в монастырь. Здесь его встретили как человека богатого. Игумен велел ключарю идти в церковь; ключарь идет, зажигает свечи, поет и читает. Марко Богатый спрашивает игумна: «Давно ли он поступил к ним в монастырь?» Игумен рассказал все, как вынули его из бочонка и сколько тому было лет назад. Марко рассчел и узнал, что это его крестник. Вот он и говорит игумну: «Как бы у меня

был такой расторопный человек, как ваш ключарь, я бы его сделал главным приказчиком и всю казну поручил бы ему под смотренье; нельзя ли вам отдать его мне?» Игумен долго отговаривался. Марко посулил за него монастырю двадцать пять тысяч рублей. Игумен посоветовался с братией; удумали и согласились отпустить Василия Бессчастного.

Марко послал Василия домой и написал с ним к жене такое письмо: «Жена! Как получишь мое письмо, сейчас же отправься с этим посланным на мыльный завод и как пойдешь возле большого кипучего котла, толкни его туда; да непременно исполни! А не исполнишь, я на тебе взыщу строго: этот малый — мне злодей!» Василий получил письмо и пошел путем-дорогою; попадается ему навстречу старичок и сказал: «Куда ты, Василий Бессчастный, идешь?» Василий сказал: «В дом Марка Богатого к жене с письмом».— «Покажи письмо». Василий вынул письмо и дал старичку; старичок сломил печать, дал Василью прочитать. Василий прочитал и прослезился: «Что я этому человеку сделал, что послал меня на погубление!» Старичок ему сказал: «Не печалься, бог тебя не оставит!», дунул на письмо, печать и письмо сделались такие ж, как и были. «Ступай теперь и отдай письмо жене Марка Богатого».

Василий пришел в дом Марка Богатого, отдал письмо его жене. Жена прочитала, задумалась, позвала свою дочь Анастасию и прочитала ей отцово письмо, а в письме написано: «Жена! Как получишь мое письмо, на другой же день обвенчай Анастасию с этим посланным; да непременно исполни! А не исполнишь, будешь мне отвечать». У богатых людей не пиво варить, не вино курить — все готово, веселым пирком, да и за свадебку. Василья нарядили в хорошее платье, показали Анастасии, и Василий ей полюбился. Вот и обвенчали их.

В один день жене Марка Богатого повестили, что прибыл к пристани ее муж, и она с зятем и дочерью отправилась встречать его. Марко увидел зятя, рассердился и говорит своей жене: «Как ты осмелилась обвенчать с ним дочь нашу?» — «По твоему приказанию»,— отвечала жена. Марко спросил свое письмо, прочитал и уверился, что точно он сам то написал.

Пожил Марко с зятем месяц, другой и третий; в один день позвал он зятя к себе и говорит ему: «Вот тебе письмо, иди с ним за тридевять земель, в тридесятое царство, к другу моему царю Змию, получи от него дань за двенадцать лет за то, что построил он дворец на моей земле, и узнай там о двенадцати моих кораблях, что пропадают целые три года. Завтра же поутру отправляйся!» Василий взял письмо, пошел к жене своей и рассказал все, что

ему Марко приказывал. Анастасия горько заплакала, а упрашивать отца не посмела.

Василий поутру рано, помолясь богу, взял с собой в котомочку сухариков и пошел. Шел он путем-дорогою, долго ли, коротко ли, близко ли, далеко ли, только слышится в стороне голос: «Василий Бессчастный, куда ты идешь?» Он оглядывается на все стороны и говорит: «Кто меня кличет?» — «Я — дуб, тебя спрашиваю, куда ты идешь?» — «Я иду к царю Змию за двенадцать лет взять с него дань». Дуб сказал: «Как будешь во времени — обо мне вспомни: что стоит дуб триста лет, долго ли еще ему стоять?» Василий выслушал и отправился в путь-дорогу. Пришел Василий к реке, на которой перевозит перевозчик. Василий сел на паром, перевозчик его спрашивает: «Куда ты, мой друг, идешь?» Василий ему отвечал то же, что и дубу. И перевозчик просит его напомянуть царю, что перевозит он тридцать лет; долго ли еще ему перевозить? «Хорошо,— сказал Василий,— скажу!» — и пошел. Приходит к морю, через море лежит кит-рыба, по ней идут и едут. Как пошел по ней Василий, кит-рыба заговорила: «Василий Бессчастный, куда ты идешь?» Василий сказал ей то же, что и перевозчику, и кит его просит: «Когда будешь во времени, обо мне вспомяни: что лежит кит-рыба через море, конные и пешие пробили у нее тело до ребер; долго ли ей еще лежать?»

Василий обещался и пошел. Приходит он на зеленый луг; на лугу стоит большой дворец. Василий взошел во дворец, ходит по комнатам; комната комнаты лучше убрана. Приходит он в последнюю и видит: на постели сидит девица-красавица и горько плачет. Как увидала Василья, встала она, подошла к нему и спрашивает: «Что ты за человек и как зашел в этакое проклятое место?» Василий показал ей письмо и сказал, что Марко Богатый велел взять с царя Змия дань за двенадцать лет. Девица бросила письмо в печь, а Василью сказала: «Ты не за данью сюда прислан, а Змию на съедение. Да какими путями ты шел? Не случилось ли тебе дорогою что видеть и слышать?» Василий рассказал ей про дуб, перевозчика и кит-рыбу. Только успели они переговорить, затряслась земля и дворец; девица тотчас заперла Василья в сундук под кроватью и сказала ему: «Слушай же, что мы с Змием будем говорить».

А сама стала встречать Змия. Как взошел он в комнату, сказал: «Что здесь русским духом пахнет?» Девица отвечала: «Как сюда может зайти русский дух? Ты по Руси летал, русского духу наймался!» Змий сказал: «Я сильно устал, поищи-ка у меня в голове!» — и лег на постелю. Девица сказала ему: «Царь, какой я без тебя сон видела! Будто я иду по дороге, кричит мне дуб: «Скажи царю-то, долго ли мне еще стоять?» — «Ему стоять до

тех пор,— сказал царь,— как подойдет к нему кто да толкнет его ногою, тогда он выворотится с корнем и упадет, а под ним злата и серебра многое множество — столько нет у Марка Богатого!» — «А еще пришла я к реке, на которой перевозит перевозчик; он спрашивал, долго ли ему перевозить?» — «Пусть он первого, кто придет к нему, посадит на паром и толкнет паром от берегу — тот и будет вечно перевозить, а он пойдет домой».— «Еще будто я шла по морю через кит-рыбу, и она мне говорила. долго ли ей лежать?» — «Ей лежать до тех пор, покуда вырыгнет двенадцать кораблей Марка Богатого: тогда пойдет в воду. и тело ее нарастет». Сказал царь Змий и заснул крепким сном.

Девица выпустила из сундука Василья Бессчастного и дала ему наставление: «По эту сторону кит-рыбе не сказывай, чтобы она вырыгнула двенадцать кораблей Марка Богатого, а перейди на ту сторону и скажи. Равно́ придешь к перевозчику, на этой стороне не говори ему того, что слышал: а к дубу придешь — толкни его ногою на восход, и тут увидишь несчетное богатство». Василий Бессчастный поблагодарил девицу и пошел.

Приходит к киту-рыбе; она его спрашивает: «Говорил ли обо мне?» — «Говорил; вот перейду и скажу». Как перешел, и сказал: «Вырыгни двенадцать кораблей Марка Богатого». Кит-рыба рыгнула, и корабли пошли на парусах — ни в чем не вредимы: а Василий Бессчастный очутился от того в воде по колена. Пришел Василий к перевозчику. Перевозчик спрашивает: «Говорил ли царю Змию обо мне?» — «Говорил,— сказал ему Василий.— Наперед перевези меня». Как переехал на другой берег, и сказал перевозчику: «Кто к тебе придет первый, посади его на паром и толкни паром от берегу; тот вечно и будет перевозить, а ты отправляйся в свой дом». Пришел Василий Бессчастный к дубу, толкнул его ногою, дуб свалился; под ним злата, и серебра, и каменья драгоценного что ни есть числа! Оглянулся Василий назад, видит — плывут прямо к берегу двенадцать кораблей, что вырыгнула кит-рыба. Кораблями управляет тот самый старичок, что попался Василью навстречу, когда он шел к жене Марка Богатого с письмом. Старичок сказал Василью: «Вот, Василий, чем тебя господь благословил!» — а сам сошел с корабля и пошел своей дорогою.

Матросы переносили злато и серебро на корабли и как совсем исправились — пустились в путь, а с ними и Василий Бессчастный. Дали знать Марку Богатому, что плывет его зять с двенадцатью кораблями и что наградил его царь Змий несчетным богатством.

Марко рассердился, что не сбылось по его желанию, велел запрячь повозку и поехал сам к царю Змию попенять ему. Приехал к перевозчику, сел на паром; перевозчик отпихнул паром — и Марко остался вечно перевозить. А Василий Бессчастный при-

был к жене и теще, стал жить да поживать да добра наживать, бедным помогать, нищих награждать, поить и кормить, и завладел всем имением Марка Богатого.

ИСТОРИЯ О СЛАВНОМ И ХРАБРОМ БОГАТЫРЕ ИЛЬЕ МУРОМЦЕ И О СОЛОВЬЕ-РАЗБОЙНИКЕ

В славном было городе Муроме, в селе Карачарове — жил крестьянин Иван Тимофеевич. У него было любимое детище Илья Муромец; сидел он сиднем тридцать лет, и как минуло тридцать лет, то стал он ходить на ногах крепко, и ощутил в себе силу великую, и сделал себе сбрую ратную и копье булатное, и оседлал коня доброго, богатырского. Приходит к отцу и матери и стал у них просить благословения: «Государи мои, батюшка и матушка! Отпустите меня в славный город Киев богу помолиться, а князю киевскому поклониться». Отец и мать его дают ему благословение, кладут на него заклятие великое и говорят такие речи: «Поезжай ты прямо в Киев-град, прямо на Чернигов-град и на пути своем не делай никакой обиды, не проливай напрасно крови христианской». Илья Муромец принял у отца и матери благословение, богу молится, с отцом и с матерью прощается, и поехал в путь свой.

И так далеко заехал во темны леса, что наехал на таборы разбойничьи; и те разбойники увидели Илью Муромца, и разгорелись у них сердца разбойнические на коня богатырского, и стали между себя разговаривать, чтобы лошадь отнять, что такой лошади ни в которых местах не видывали, а ныне едет на таком добром коне незнамо какой человек. И стали на Илью Муромца напущать человек по десяти и по двадцати; и стал Илья Муромец остановлять коня своего богатырского, и вынимает из колчана калену стрелу, и накладывает на тугой лук. Пустил он калену стрелу по-над землёю, калена стрела стала рвать на косую сажéнь. И, видя то, разбойники испужались и собирались во един круг, пали на колени и стали говорить: «Государь ты наш батюшка, удал добрый мóлодец! Виноваты мы перед тобою, и за такую вину нашу бери казны, сколько надобно, и платья цветного, и табуны лошадей, сколько угодно». Илья, усмехнувшись, сказал: «Некуды мне девать!.. А если хотите живы быть, так вперед не отважьтесь!» — и поехал в путь свой к славному граду Киеву.

Подъезжает он ко граду Чернигову, и под тем градом Черниговом стоят войска басурманские, что и сметы нет, и Чернигов-

град осадили, и хотят его вырубить и божии церкви на дым пустить, а самого князя и воеводу черниговского живых в полон взять. И той великой силе Илья Муромец ужаснулся; однако положился на волю создателя своего господа бога и вздумал положить главу свою за веру христианскую. И стал Илья Муромец побивать силу басурманскую копием булатным, и всю силу поганую побил, и царевича басурманского в полон взял и ведет во град Чернигов. Встречают его из града Чернигова граждане с честию, идет сам князь и воевода черниговский, принимают доброго мóлодца с честию, благодарение господу богу воссылают, что господь прислал нечаянно граду очищение и не дал всем напрасно погибнути от такой силы басурманския; взяли его в палаты свои, и сотвориша великий пир, и отпустиша его в путь.

Илья Муромец поехал ко граду Киеву прямою дорогою от Чернигова, которую заложил Соловей-разбойник ровно тридцать лет, не пропущал ни конного, ни пешего, а убивал не оружием, но своим свистом разбойничьим. Выехал Илья Муромец в чисто поле и увидел попрыски богатырские, и по них поехал и приехал на те леса Брянские, на те грязи топучие, на те мосты калиновы и к той реке Смородинке. Соловей-разбойник послышал себе кончину и бессчастие великое и, не допуская Илью Муромца за двадцать верст, засвистал своим свистом разбойническим крепко; но богатырское сердце не устрашилось. И, не допуская еще за десять верст, засвистал он громче того, и с того свисту под Ильею Муромцем конь спотыкнулся. Приехал Илья Муромец под самое гнездо, которое свито на двенадцати дубах; и Соловей-разбойник, на гнезде сидя, увидел святорусского богатыря, и засвистал во весь свист, и хотел Илью Муромца убить до смерти.

Илья Муромец снимает с себя тугой лук, накладывает калену стрелу и пускает на то гнездо Соловьиное, и попал ему в правый глаз и вышиб вон; Соловей-разбойник свалился с гнезда, что овсяный сноп. Илья Муромец берет Соловья-разбойника; привязал его крепко к стремени булатному и поехал к славному граду Киеву. На пути стоят палаты Соловья-разбойника, и как поравнялся Илья Муромец против палат разбойнических, у которых окна была растворены и в те окна смотрели разбойничьи три дочери,— увидела его меньшая дочь и закричала своим сестрам: «Вон наш батюшка едет с добычею и везет к нам мужика, привязанного у стремени булатного». А большая дочь посмотрела и горько заплакала: «Это не батюшка наш едет; это едет незнамо какой человек и везет нашего батюшку». И закричали они мужьям своим: «Мужья наши милые! Поезжайте к мужику навстречу и отбейте у него нашего батюшку, не кладите наш род в таком позоре».

Мужья их, сильные богатыри, поехали против святорусского богатыря; кони у них добрые, копья острые, и хотят они Илью на копьях поднять. И увидел Соловей-разбойник и стал говорить: «Зятья мои милые! Не позорьтесь вы и не дразните такого сильного богатыря, чтобы всем вам не принять от него смерти; лучше с покорностию попросите его в дом мой выпить чару зелена вина». По просьбе зятей поворотил Илья в дом, не ведая их злобы. Большая дочь подняла железную на цепях подворотню, чтоб его пришибить. Но Илья усмотрел ее на воротах, ударил копием и ушиб до смерти.

И как приехал Илья Муромец в Киев-град, въезжает прямо на княженецкий двор и входит в палаты белокаменные, богу молится и князю кланяется. Князь киевский спрашивает: «Скажи, добрый мо́лодец, как тебя зовут и из которого города ты уроженец?» Ответ держит Илья Муромец: «Меня, государь, зовут Ильюшкою, а по отчеству Иванов, уроженец города Мурома, села Карачарова». Князь спрашивает: «Которою дорогою ехал ты из Мурома?» — «На Чернигов-град, и под Черниговом побил войска басурманские, что и сметы нет, и очистил Чернигов-град; и оттуда поехал прямою дорогою, и взял сильного богатыря Соловья-разбойника, и привел его с собою у стремени булатного».

Князь, осердясь, сказал: «Что ты обманываешь!»

Как услышали это богатыри Алеша Попович и Добрыня Никитич, они бросились смотреть и, увидев, князя уверили, что справедливо так. И приказал князь поднести чару зелена вина доброму мо́лодцу. Захотелось князю разбойнического свисту послушать. Илья князя со княгинею обернул в шубу соболью и, поставя их под мышки, призвал Соловья и приказал в полсвиста засвистать соловьем. А Соловей-разбойник засвистал во весь разбойнический свист и оглушил богатырей так, что они упали на пол; и за то убил его Илья Муромец.

Илья Муромец назвался с Добрынею Никитичем братьями. И оседлали они своих добрых коней, и поехали в чистые поля гулять, и ездили ровно три месяца, не нашли себе супротивника. Только наехали в чистом поле: идет калечище прохожий; гуня на нем в пятьдесят пуд, шляпа в девять пуд, костыль в десять сажо́н. Илья Муромец стал на него коня напущать и хочет отведать с ним своей силы богатырския. И увидел калечище прохожий Илью Муромца и говорит: «Ой ты еси, Илья Муро́мец! Помнишь ли, мы с тобою в одной школе грамоте учились, а ныне ты на меня, такого калику, напускаешь коня, как на некоего неприятеля; а того ты не ведаешь, что во славном городе Киеве великая невзгодушка учинилась: приехал неверный сильный богатырь Идолище нечестивый, голова у него с пивной котел, а в плечах сажень,

промеж бровьми пядь, промеж ушей калена стрела, а ест он по быку, а пьет он по котлу; и князь киевский вельми о тебе соболезнует, что ты его в этакой печали оставил».

Нарядясь в калечищино платье, едет Илья Муромец прямо на княженецкий двор и закричал богатырским голосом: «Ой еси ты, князь киевский! Сошли мне, калечищу прохожему, милостыню». И увидел его князь и говорит такову речь: «Поди ко мне в палаты, калечище! Я тебя накормлю-напою и золотой казны на дорогу дам». И вошел калечище в палаты и стал у печи — поглядывает. Идолище просит есть. Принесли ему быка целого жареного, а он его и с костями съел. Идолище просит пить. Принесли котел пива, а несли двадцать человек; и он взял его за уши и выпил весь. Илья Муромец говорит: «Была у моего батюшки кобыла обжорлива, обожралась и издохла!» Идолище не утерпел и говорит: «Ой еси ты, калечище прохожий! Что ты меня замаешь? Мне тебя нечего и в руки взять! Не то что ты,— каков был у вас Илья Муромец, я бы и с тем стычку дал».— «Да вот каков он!» — сказал Илья Муромец, и схватил с себя шляпу, и ударил его в голову тихонько — только прошиб стену палат, и взял туловище (Идолищино) — туда ж выкинул. И за то князь Илью Муромца почтил великими похвалами и причел в сильные, могучие богатыри.

ВАСИЛИЙ БУСЛАВИЧ

Жил-был Буслав девяносто годов, живучи Буслав переставился. Остается его любима молода жена Ванилфа Тимофеевна, остается у нее млад сын Василий Буславич. И стал этот сын Василий Буславич с малыми ребятками поигрывати: у кого руку оторвет, у кого голову роско́лет. Отдала Ванилфа Тимофеевна своего сына любимого старику Угрумищу учить — во ли́сты писать; а выучился Василий Буславич не во ли́сты писать, а выучился соколом летать. Вот однажды у старика Угрумища сделались пир и беседа; он не позвал на него своего любимца Василья Буславича.

Пришел сам Василий Буславич на пир на беседу, из переднего угла гостей повыхватал, со скамеечки повыдергал, проводил на новы сени черным вязом. Старша́ Угрумища осерчал на него, на своего любимца, и сказал ему: «Ты не секчи́, молодой сектун! Тебе не выпить из Оби воды, не выбить из граду людей; выпьешь из Оби воду, выбьешь из граду людей — вот тебе пятьсот рублей!» Пришел наш Василий Буславич домой к своей матери и говорит: «Ах, матушка родимая! Я в молодых летах расхвастался, с старшо́м Угрумищей рассорился». Мать взяла его пьяного напоила и в темную темницу заложила.

Вот народ собрался с ним воевать, а он в темнице спит да спит, ничего не знат. Женщина по воду ходила и ему в окошко закричала: «Что,— говорит,— Василий Буславич, спишь, ничего не знашь; я,— говорит,— по воду ходила, сколько людей коромыслом прибила!» Василий Буславич, услыхав эти слова, вышиб каменную стену у темницы и пошел народ-силу бить. Старшá Угрумища и возмóлился ему: «Гой ли ты, Василий Буславич! Уходи,— говорит,— свое сердце ретивое, утоли плеча богатырские: я тебе пятьсот сулил, а теперь отдам всю тысячу!» Вот Василий Буславич смиловался и пошел к своей матери: «Ах,— говорит,— матушка родимая! Я сегодня много крови пролил, много народу побил!»

Вот мать на него осерчала, сделала ему корабль, набрала людей и отправила пó морю; сказала ему, чтоб ехал он куды хочет и рукой вслед махнула. Василий Буславич приплыл на зеленые луга. Тут лежит морская пучина — вокругóм глаза. Он вокруг нее похаживает, сапожком ее попинывает, а она ему и говорит: «Василий Буславич! Не пинай меня, и сам тут будешь». Вот после этого рабочие его расшутились меж собой и стали скакать через морскую пучину. Все перескочили, а он скакнул напоследке и задел ее только пальцем правой ноги, да тут и помер.

АЛЕША ПОПОВИЧ

На небесах зародился млад-светел месяц, на земле-то у старого соборного у Леонтья-попа зародился сын — могучий богатырь; а имя нарекли ему млад Алеша Попович — имечко хорошенькое. Стали Алешу кормить-поить: у кого недельный, он денной такой; у новых годовой, Алеша недельный такой. Стал Алеша по улочке похаживати, стал с малыми ребятками поигрывати: кого возьмет за ручку — ручка прочь, кого за ножку — ножка прочь; игра-то у него некорыстно пошла! Кого за середку возьмет — живота лишит. И стал Алеша на возрасте; учал у отца-матери просить благословеньица: ехать-гулять во чистó поле. Отец говорит: «Алеша Попович! Поезжаешь ты во чистó поле; есть у нас и посильней тебя; ты возьми себе в слуги верные Марышка Паранова сына». И садились добры мóлодцы на добрых коней; как поехали они во чистó поле — пыль столбом закурилася: только добрых молодцев и видели!

Приезжали добры мóлодцы ко князю ко Владимиру; тут Алеша Попович прямью идет в белокаменные палаты ко князю ко Владимиру, крест кладет по-писаному, поклоняется по-ученому на все на четыре стороны, а князю Владимиру на особицу. И встре-

чает добрых молодцев Владимир-князь и сажает их за дубовый стол: хорошо добрых молодцев попоить-покормить и втапор вестей поспросить; учали добры молодцы есть пряники печатные, запивать винами крепкими. Тут спросил добрых молодцев Владимир-князь: «Кто вы, добры молодцы? Сильные ли богатыри удалые или путники перехожие — сумки переметные? Не знаю я вам ни имени, ни отчины». Ответ держит Алеша Попович: «Я сын старого соборного Леонтья-попа Алеша Попович млад, а в товарищах слуга Марышко Паранов сын». Как поел да попил Алеша Попович, учал прáвиться на кирпичну печь, лег полудновать, а Марышко за столом сидит.

В тé поры да в то времечко наезжал Змеевич-богатырь и облатынил все царство князя Владимира. Идет Тугарин Змеевич в палаты белокаменные ко князю Владимиру: он левой ногой на порог ступил, а правой ногой за дубовый стол; он пьет и ест и с княгиней обнимается, а над князем Владимиром играется и ругается: он кладет ковригу за щеку, а другую за другую кладет; на язык кладет целого лебедя, пирогом попихнул — все вдруг проглотнул.

Лежит Алеша Попович на кирпичной печи и говорит такие речи Тугарину Змеевичу: «Было у нашего батюшки у старого у Леонтья-попа — было коровище, было обжорище, ходило по пивоварням и съедало целые кадцы пивоварные с гущею; дошло коровище, дошло обжорище до озера, всю воду из озера выпило — взяло его тут и разорвало, а и тебя бы Тугарина так за столом-то всего прирвало!» Рассердился Тугарин на Алешу Поповича, бросил в него булатным ножом: Алеша Попович увертлив был, увернулся от его за дубовый столб. Говорит Алеша таково слово: «Спасибо тебе, Змеевич Тугарин-богатырь, подал ты мне булатный нож: распорю я тебе груди белые, застелю я тебе очи ясные, засмотрю я твоего ретивá сердца».

В тé поры выскакал Марышко Паранов сын из-за стола из-за дубового на резвы ноги и хватил Тугарина за нáвороть, выхватил из-за стóлья и брóсил о палату белокаменну — и посыпались оконницы стекольчатые. Как возговорит Алеша Попович с кирпичной печи: «Ой ты, Марышко, Марышко Паранов сын, ты верная слуга неизменная!» Отвечает Марышко Паранов сын: «Подай-ка ты мне, Алеша Попович, булатный нож; распорю я Тугарину Змеевичу груди белые, застелю я ему очи ясные, засмотрю его ретивá сердца». Ответ держит Алеша с кирпичной печи: «Ох ты, Марышко Паранов сын! Не рýди ты палат-то белокаменных, отпусти его во чистó поле; некудá он там девается; съедемся с ним заутра во чистом поле».

Поутру раным-ранешенько подымался вместях с солнышком

Марышко Паранов сын, выводил он резвых коней пить воды на быстру реку. Летает Тугарин Змеевич по поднебесью и просит Алешу Поповича во чисто́ поле. И приезжал Марышко Паранов сын к Алеше Поповичу: «Бог тебе судья, Алеша Попович! Не дал ты мне булатного ножа; распорол бы я поганцу груди белые, застлал бы я его очи ясные, высмотрел бы я его ретива́ сердца: тепере что возьмешь у него, у Тугарина? Летает он по поднебесью». Говорит Алеша таково слово: «Не замена моя, все измена!»

Выводил Алеша своего добра коня, обседлал во черкасское седло, подтянул двенадцатью подпругами шелковыми — не ради басы, ради крепости, поехал Алеша во чисто́ поле. Едет Алеша по чисту полю и видит Тугарина Змеевича: он летает по поднебесью. И взмолился Алеша Попович: «Пресвятая мати богородица! Накажи-ка ты тучу черную; дай бог из тучи черной часта дождичка крупенистого, смочило бы у Тугарина крыльица бумажные». У Алеши была мольба доходная: накатилася туча черная; из той тучи грозной дал бог дождичка частого, частого да крупенистого, и смочило у Тугарина крыльица бумажные: пал он на сыру землю и поехал по чисту полю.

Не две горы вместе скатаются, то Тугарин с Алешей съезжалися, палицами ударились — палицы по чи́вьям поломалися, копьями соткнулися — копья чи́вьями извернулися, саблями махнулися — сабли исщербилися. Тут-то Алеша Попович валился с седла, как овсяный сноп; и тут Тугарин Змеевич учал бить Алешу Поповича, а тот ли Алеша увертлив был, увернулся Алеша под конное черево, с другой стороны вывернулся из-под черева, и ударил Тугарина булатным ножом под правую пазуху, и спихнул Тугарина со добра коня, и учал Алеша Попович кричать Тугарину: «Спасибо тебе, Тугарин Змеевич, за булатный нож; распорю я тебе груди белые, застелю я твои очи ясные, засмотрю я твоего ретива́ сердца».

Отрубил ему Алеша буйну голову, и повез он буйну голову ко князю ко Владимиру; едет да головушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Тут Владимир ополо́хнулся: «Везет-де Тугарин буйну голову Алеши Поповича! Попленит он теперь наше царство христианское!» Ответ держит Марышко Паранов сын: «Не тужи ты, красно солнышко Владимир стольный, киевский! Если едет по́ земле, а не летает по поднебесью поганый Тугарин, сложит он свою буйну голову на мое копье булатное; не печалуйся, князь Владимир: какова пора — я с им побра́таюся!»

Посмотрел тут Марышко Паранов сын в трубочку подзорную, опознал он Алешу Поповича: «Вижу я ухватку богатырскую, поступку молодецкую: накруто Алеша коня поворачивает, голо-

вушкой поигрывает, высоко головушку выметывает, на востро копье головушку подхватывает. Едет это не Тугарин поганый, а Алеша Попович, сын Леонтья-попа старого соборного; везет он головушку поганого Тугарина Змеевича».

ПРО МАМАЯ БЕЗБОЖНОГО

На Русе было на православной, княжил князь тут Дмитрий Иванович. Засылал он с даньёй русского посла Захарья Тютрина к Мамаю безбожному, псу смердящему. Пра́вится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пришел он к Мамаю безбожному, псу смердящему. «Давай-примай,— говорит,— дань от русского князя Дмитрия Ивановича!» Отвечает Мамай безбожный: «Покуль не омоешь ног моих и не поцелуешь бахил, не приму я дани князя Дмитрия Ивановича». Взадь отвечает русский посол Захарко Тютрин: «Чем бы с дороги мо́лодца напоить-накормить, в бане выпарить, втё́пор вестей попросить, а ты, Мамай безбожный, пес смердящий (за эвти-то слова раздуй твою утробу толще угольной ямы!), того-пе́рво велишь мыть твои басурманские ноги и целовать бахилы; не след мыть ноги и целовать бахилы русскому послу Захарью Тютрину! Пусть поганый татарин, Мамай безбожный, буде есть вера, целует ноги русского посла Захарья Тютрина!»

Разъярился собака-татарин, рвал свои черные кудри, метал их наземь — по застолью, княжеские бумаги при́драл и писал свои ярлыки скорописчатые: «Когда будет овес кудряв, баран мохнат, у коня под копытом трава и вода, втё́пор Мамай безбожный будет с святой Русью воевать: втё́пор мне ни воды, ни хлеба не надо!» Набрал он из татар сильных, могучих богатырей тридцать человек без одного, посылает их на нечестное побоище: «Пошли,— говорит,— слуги мои верные, попервее русского посла Захара Тютрина; дорогой уходи́те его в темных лесах, в крутых угорах, а тело вздымите на леси́ну в откормку птицам».

Пра́вится путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин; пристигала его темна ночь на бору; не оснащается ночевать — одно идет вперед. Поутру, на всхожем на солнышке, видит русский посол Захарий Тютрин: выходят из лесу тридцать без одного сильных, могучих богатырей. Не у́робил Захарий Тютрин поганых татаровей, захватил оберуч корзоватую уразину и ждет незваных гостей. Ударили татаровья на Захарья Тютрина, поставили на округ доброго мо́лодца. Учал Захарко поворачиваться, учал он уразиной гостей чествовать: кого раз ударит — грязьёй сделает. Нев-

моготу стало поганым татаровьям супротив русского послу Захарью Тютрину, учали они конаться ему хорошими речьми: «Отпусти ты нас живьем, русский посол Захарий Тютрин, не посмеем больше перечить тебе!» Глядит Захарко на сильных, могучих богатырей: из тридцати голов без одной остались живы только пять голов, да и те уразиной испроломаны, кушаками головы завязаны; сжалялся он над погаными нехристями, отпустил их к Мамаю безбожному. «Правьтесь,— говорит,— скажите, каково обидеть русского посла Захарья Тютрина».

Ударил он своего доброго коня по крутым бедрам: конь по первый ускок сделал сто саженей печатных, вторым ускоком версту промеж ногами проложил, третьего ускока на земле опятнать не могли. Смекнул дело путем-дорогой русский посол Захарий Тютрин: наимал он двенадцать ясных соколов да тридцать белых кречетов; первее того испридрал ярлыки Мамая поганого и писал свои листы скорописчаты; написавши, привязал к птичьим хвостам и примолвил: «Ясные соколы и белые кречеты! Полетите вы ко князю ко Дмитрию Ивановичу в каменну Москву, накажите, чтоб Задонский князь Дмитрий Иванович собирал по городам и селам и по дальним деревням рать-силу несметную; оставлял бы по домам только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков — их печаловать. А я пойду, накажите, в свое место, стану собирать мохначей, бородачей — донских казаков».

Поутру было, на всхожем на солнышке, пошли морока по ясну небу, понесли с собой частый, мелкий дождь со буйным ветром со вихорем. Во шуму, во грому ничего не чуть стало, только чуть громкий зык от терема княжеского; Задонский князь Дмитрий Иванович наказал клич кликать по всей Москве белокаменной: «Собирайтесь все князья и бояра, и сильные, могучие богатыри, и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу». Собирались со всех концов Москвы белокаменной все князи и бояра, сильные, могучие богатыри и все поленицы удалые ко князю во светлый терем на трапезу — послушать его разумных речей, а и того пуще — посмотреть его очи ясные. Как матерый дуб промеж тонкими кустами вересовыми, что вершиною в небо взвивается,— значит великий князь промеж своими князьями и боярами.

Не золота трубочка вострубила, Задонский князь Дмитрий Иванович стал речь держать: «Воины мои любимые! Не на попойку призывал я вас, не на радостный пир вы ко мне собиралися; собиралися вы ко мне за печальной весточкой: Мамай безбожный, пес смердящий, со всеми своими ордами некрещеными, идет святую Русь воевать; будет нам от Мамая-собаки пить горькая чаша! Пойдемте, мои любимые воины, к океан-морю, изладим лег-

кие струги, и побежим мы из океан-моря в море Хвалынское к соловецким чудотворцам: запремся там — и нечего с нас будет взять Мамаю безбожному, псу смердящему; в другую сторону он нас полонит, очи выкопает и злой смерти предаст».

Отвечают князи и бояре, буйны головы понуривши: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Одно солнышко катится по́ небу — один князь княжит над Русью православною: не перечить мы пришли твоему слову крепкому; позволь нас заставить речь-ответ держать, как надоть ладить с Мамаем безбожным, псом смердящим. Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойдем мы к океан-морю, прирубим легкие струги, скалёпки смечем в океан-море, сами соберем рать-силу великую и будем драться с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови — и будет на Мамая безбожного победа!» — «Что за слых, что за гром грянул по трапезе?» — говорит Задонский князь Дмитрий Иванович. Отвечает калика перехожая — сумка переметная: «Это, Задонский князь Дмитрий Иванович, нечистая, неприятная сила (что тебе под ухо шептала, чтоб шел ты к океан-морю строить легкие струги, из океан-моря в море Хвалынское), когда ты бога прославил, из терема побежала».

Задонский князь Дмитрий Иванович чинил крепкие наказы, чтоб собирали рать-силу несметную по городам с пригородками, по селам с приселками и по всем дальним печи́щам, оставляли б дома только слепых, да хромых, да малых ребят-недоростков им в печальники. Собрали со всех концов Руси православной рать-силу великую, утвердили силу по-за Москве белокаменной, расклали силу по жеребьям: Семену Тупику, Ивану Квашнину, русскому послу Захарью Тютрину и семи братьям Белозерцам. Пошла сила на поле на Куликово, Москвы не хватаючи. На поле на Куликове учали думу думать, как надо силу сметить? Русский посол Захарий Тютрин садился на своего доброго коня, объезжал окру́г силы три дня и три часа — не мог силы сметить: на сколько верст стоит?

Задонский князь Дмитрий Иванович проговорил таково слово: разойтись силе по чисту полю и взять силе по камушку, по злаченой пуговке, и приказал дубы заметывать теми камушками. Заметала сила семь дубов: с комля и до вершины дубов не видно! Разделили ту силу несметную на три полка: первый полк взял Задонский князь Дмитрий Иванович, другой — русский посол Захарий Тютрин, третий полк взяли: Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев. Учали они кидать жеребьи; кому первому на татаровей поганых идти? Первый жеребий выпал русскому послу Захарью Тютрину, с мохначами, бородачами — донскими казаками; другой — Семену Тупику, Ивану Квашнину и

семи братьям Белозерцам, третий жребий выпал Задонскому князю Дмитрию Ивановичу.

Втéпор заслышал шведский король про великое побоище, нáбрал силы сорок тысяч: «Подите, воины мои любимые, на поле на Куликово, Москвы не хватаючи; станьте, мои воины, на бугры на высокие: станет Задонский князь Дмитрий Иванович побивать Мамая безбожного — по Дмитрию Ивановичу пристаньте; буде Мамай безбожный побивать Дмитрия Ивановича — по Мамаю пристаньте». Лукав был шведский король, велел по правой силе приставать! Турецкий король заслышал про великое побоище, приказал набрать силы сорок тысяч и посылал их на поле на Куликово — сам наказывал: «Воины мои любимые! Какую силу побивать будут, по той пристаньте». Прост был турецкий король, по виноватой силе велел приставать!

Засряжалась рать-сила могучая на поле на Куликове на кровавое побоище; перéд держал русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками. Палась им встрету сила Мамая безбожного: когда сила с силою сходилась, мать сыра земля подгибалась, вода подступалась. Втéпор выскочил из земли Кроволин-татарин — вышина семь сажень; скричал татарин зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Давай мне-ка поединщика; буде не поставишь мне поединщика, я твою силу один побью-вырублю, грязьёй сделаю!»

Говорит Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться; самому пришло идти супротивником-поединщиком на Кроволина-татарина!» Оболокает он свои латы крепкие, застегает пуговицы воальянские; обседлали ему добра коня во седло черкасское, берет он с собой палицу боевую, поезжает к Кроволину-татарину. Пал ему встрету незнамый воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Пойду я на Кроволина-татарина, отрублю ему по плеч басурманскую голову!» Седлал он своего доброго коня, подтягивал двенадцатима подпругúма шелкóвыми не ради басы́, ради крепости. «Обороню я тебя, Задонский князь Дмитрий Иванович, от первыя смерти! Буде я побью Кроволина-татарина, то бейся и дерись ты с окаянным врагом, с Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и будет на Мамая безбожного победа!»

Задонский князь Дмитрий Иванович с незнамым воином обменялись конями, простились, и благословил его князь Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Палицами ударились — палицы по чи́вья поломались; копьями соткнулись — копья извернулись; саблями махнулись — сабли исщербились; скакали они со добрых коней, и бились

они рукопашным боем, и бились они три дня, три ночи, три часа не пиваючи, бились не едаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: незнамый воин правую руку на тулово Кроволина-татарина накинул. Князь своего воина срядил, похоронил, над ним крест поставил и вызолотил.

У Мамая безбожного, пса смердящего, выскочил из земли другой воин и звопил своим зычным голосом: «Задонский князь Дмитрий Иванович! Подавай мне-ка супротивника; в другую сторону я твою силу побью, и тебе, князю, глаза выкопаю — свет отниму!» Понурил буйну голову Задонский князь Дмитрий Иванович: «Не на кого мне-ка надеяться, самому пришло идти на Кроволина-татарина». Садился он на своего добра коня, поезжал на Кроволина-татарина. Пал ему встрету другой воин: «Осади лошадь, Задонский князь Дмитрий Иванович! Избавлю я тебя от скорыя смерти. Буде я побью собаку-татарина, бейся и дерись со Мамаем безбожным, псом смердящим, до последней капли крови: и буде на Мамая безбожного победа! А буде Квашнино́к-богатырек побьет меня, садись на моего доброго коня: увезет он тебя от смерти от скорыя».

Князь Дмитрий Иванович и незнамый воин обменялись конями, простились, и благословил его Дмитрий Иванович на дело великое, на побоище смертное. Съехались два сильные, могучие богатыря на чистом поле на Куликове в бою-драке переведаться. Впервые палицами они ударились — палицы по чи́вья поломались, копьями кололись — копья извернулись, вострыми саблями рубились — сабли исщербились; скочили они со добрых коней, бились-дрались рукопашным боем, бились-дрались три дня, три ночи и три часа, не пиваючи, не едаючи и ясных глаз не смыкаючи; на четвертый день оба тут и упокоились. И учал князь Дмитрий Иванович досматривать: у воина князева права пола́ на поганого татарина накинулась. Князь своего воина честно срядил, похоронил и на могиле крест поставил и вызолотил.

Вте́пор русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками напущался на силу Мамая безбожного. Светлый день идет ко вечеру, а бой-драка еще не кончилась; когда кончилась драка, учали смечать: у кого сколько силы пало? У русского посла Захарья Тютрина на одного мохнача, бородача — донского казака по две тысячи по двести татаровей выпало. Стал попущаться другой по́лок, Семена Тупика, Ивана Квашнина и семи братьев Белозерцев. Красное солнышко из-за леса привздымается, бой-драка не умаляется; красное солнышко на́ покать пошло, нашу силу побивать стали.

Вте́пор стал попускаться Задонский князь Дмитрий Иванович.

Живет он в силе Мамая безбожного, как острая коса в сеностав в мягкой траве: куда проедет на коне — там улица, поворотится — переулочек, оборота на коне даст — площадью силу сделает. Невмогу́ту стало биться Задонскому князю Дмитрию Ивановичу: забрызгал он свои о́чи ясные поганою татарскою кровью, тут у него и свет выбрало — отемнел. Законался он своему коню доброму: «Увези ты меня, конь, от скорыя смерти!» Бил он коня по крутым бедрам; подымался конь — только топ стоит! Привозил его конь в поле чистое к кудрявой березе, а опричь тоё кудрявой березы на поле нет ни леси́нки. Слезал он со добра коня: «Побега́й, мой добрый конь, в чистые поля, в широкие луга, ешь шелкову траву, пей свежую воду; не достанься, мой добрый конь, поганому Мамаю безбожному, псу смердящему».

Сел Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявую березу. Летит по небу через поле чистое стадо белых лебедей. Поглядел на стадо Дмитрий Иванович, сам прого́ворил: «За грехи мои окаянные попущает господь бог на землю русскую Мамая безбожного; не по нас птицы летят: будет на Русь православную победа!» Обсиделся Задонский князь Дмитрий Иванович; мало — бежит по чисту полю стадо серых волков. «Господи, истинный Христе! Смилуйся над Русью православною, не отдай нас в лихо к некрещеному поганому татарину; не по нас звери бежат: пить нам от Мамая безбожного, пса смердящего, горькая чаша!» За́спал Задонский князь Дмитрий Иванович на кудрявой березе.

Вте́пор сила Мамая безбожного, пса смердящего, нашу силу побивать стала. Русский посол Захарий Тютрин с мохначами, бородачами — донскими казаками, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев и вся Дмитрия Ивановича сила-рать могучая господу богу возмо́лились: «Господи Иисусе, истинный Христос, Дон-мать пресвятая богородица! Не попустите некрещеному татарину наругаться над храмами вашими пречистыми, пошлите нам заступника Георгия Храброго». Из-за тех ли темных лесов, зеленых дубрав выезжает сильное воинство; ударилось оно на силу Мамая безбожного. Побежали поганые татары по чисту полю, прибега́ли поганые татары в зыбкую о́рду, в этой о́рде поганые татары и живот скончали.

Спохватилась рать-сила могучая Задонского князя Дмитрия Ивановича. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев учали силу спрашивать: не помётил ли кто пути-дороги Задонского князя Дмитрия Ивановича? Молчит рать-сила могучая: ни от кого ответа нет. Русский посол Захарий Тютрин, Семен Тупик, Иван Квашнин и семь братьев Белозерцев понурили свои буйны головы; положили они на скопе: погиб Задонский князь Дмитрий Иванович в бою-драке от

поганых татаровей. Взадь пошла рать-сила могучая по чистому полю. Увидел русский посол Захарий Тютрин в чистом поле кудрявую березу, а на той кудрявой березе черни́зину; походил Захарко на черни́зину, признавал он Задонского князя Дмитрия Ивановича. В ноги пал он князю Дмитрию Ивановичу: «Возрадуйся, Задонский князь Дмитрий Иванович! Постояли мы за матушку Русь православную, победили Мамая безбожного, пса смердящего!» Соходит князь Дмитрий Иванович с кудрявой березы; на восток он три раза земно кланяется. Настигали они рать-силу могучую, находили в том радость-веселие.

СКАЗАНИЕ ОБ АЛЕКСАНДРЕ МАКЕДОНСКОМ

Жил на свете царь; имя его было Александр Македонский. Это было в старину, давно-давно, так что ни деды, ни прадеды, ни прапрадеды, ни пращуры наши не запомнят. Царь этот был из богатырей богатырь. Никакой силач в свете не мог победить его. Он любил воевать, и войско у него было все начисто богатыри. На кого ни пойдет войною царь Александр Македонский — все победит. И покорил он под свою власть все царства земные. И зашел он на край света и нашел такие народы, что сам, как ни был храбр, ужаснулся их: свирепы пуще лютых зверей и едят живых людей; у иного из них один глаз — и тот во лбу, а у иного три глаза; у иного одна только нога, а у иного три, и бегают они так быстро, как летит из лука стрела. Имя этих народов было: Гоги и Магоги.

Однако ж царь Александр Македонский от этих дивиих народов не струсил; начал он с ними воевать. Долго ли, коротко ли он с ними вел войну — это неведомо; только дивии народы струсили и пустились от него бежать. Он за ними, гнать-гнать, и загнал их в такие трущобы, пропасти и горы, что ни в сказке сказать, ни пером написать. Там-то они и скрылись от царя Александра Македонского. Что же сделал с ними царь Александр? Он свел над ними одну гору с другою сводом, и поставил на своде трубы, и ушел назад в свою землю. Подуют ветры в трубы, и подымется страшный вой; они, сидя там, кричат: «О, видно еще жив Александр Македонский!» Эти Гоги и Магоги до сих пор еще живы и трепещут Александра, а выйдут оттудова перед самою кончиною света.

ГОРШЕНЯ

Горшеня едет-дремлет с горшками. Догнал его государь Иван Васильевич. «Мир по дороге!» Горшеня оглянулся. «Благодарим, просим со смиреньем».— «Знать, вздремал?» — «Вздремал, вели-

кий государь! Не бойся того, кто песни поет, а бойся того, кто дремлет».— «Экой ты смелый, горшеня! Люблю этаких. Ямщик, поезжай тише. А что, горшенюшка, давно ты этим ремеслом кормишься?» — «Сызмолоду, да вот и середовой стал».— «Кормишь детей?» — «Кормлю, наше царское величество! И не пашу, и не кошу, и не жну, и морозом не бьет».— «Хорошо, горшеня, но все-таки на свете не без худа».— «Да, ваше царское величество. На свете есть три худа».— «А какие три худа, горшенюшка?» — «Первое худо: худой шабер, а второе худо: худая жена, а третье худо: худой разум».— «А скажи мне, которое худо всех хуже?» — «От худого шабра уйду, от худой жены тоже можно, как будет с детьми жить; а от худого разума не уйдешь,— все с тобой».— «Так, верно, горшеня! Ты мозголов. Слушай! Ты для меня — а я для тебя. Прилетят гуси с Руси, перышки ощиплешь, а по-прави́льному покинешь!» — «Годится, так покину — как придет, а то и наголо».— «Ну, горшеня, постой на час! Я погляжу твою посуду».

Горшеня остановился, начал раскладывать товар. Государь стал глядеть, и показались ему три тарелочки глиняны. «Ты наделаешь мне этаких?» — «Сколько угодно вашему царскому величеству?» — «Возов десяток надо».— «На много ли дашь время?» — «Месяц».— «Можно и две недели представить, и в город. Я для тебя, ты для меня».— «Спасибо, горшенюшка!» — «А ты, государь, где будешь в то время, как я представлю товар в город?» — «Буду в дому у купца в гостях». Государь приехал в город и приказал, чтобы на всех угощениях не было посуды ни серебряной, ни оловянной, ни медной, ни деревянной, а была бы все глиняная.

Горшеня кончил заказ царский и привез товар в город. Один боярин выехал на торжище к горшене и говорит ему: «Бог за товаром, горшеня!» — «Просим покорно».— «Продай мне весь товар».— «Нельзя, по заказу».— «А что тебе, ты бери деньги — не повинят из этого, коли не взял задатку под работу. Ну, что возьмешь?» — «А вот что: каждую посудину насыпать полну денег».— «Полно, горшенюшка, много!» — «Ну, хорошо, одну насыпать, а две отдать — хочешь?» И сладили. «Ты для меня, а я для тебя». Насыпают да высыпают, сыпали, сыпали... денег не стало, а товару еще много. Боярин, видя худо, съездил домой, привез еще денег. Опять сыплют да сыплют — товару все много. «Как быть, горшенюшка?» — «Ну что, не жадал? Нечего делать, я тебя уважу — только знаешь что: свези меня на себе до этого двора, отдам и товар, и все деньги».

Боярин мялся, мялся — жаль и денег, жаль и себя; но делать нечего — сладили. Выпрягли лошадь — сел мужик, повез боярин; в споре́ дело. Горшеня запел песню, боярин везет да везет. «До коих

же мест везти тебя?» — «Вот до этого двора и до этого дому». Весело поет горшеня, против дому он высоко поднял. Государь услыхал, выбег на крыльцо — признал горшеню. «Ба! Здравствуй, горшенюшка, с приездом!» — «Благодарю, ваше царское величество». — «Да на чем ты едешь?» — «На худом-то разуме, государь».— «Ну, мозголов, горшеня, умел товар продать! Боярин! Скидай строевую одежду и сапоги, а ты, горшеня, кафтан, и разувай лапти; ты их обувай, боярин, а ты, горшеня, надевай его строевую одежду. Умел товар продать! Не много послужил, да много услужил — а ты не умел владеть боярством. Ну, горшеня, прилетали гуси с Руси?» — «Прилетали».— «Перышки ощипал, а по-правильному покинул?» — «Нет, наголо, великий государь,— всего ощипал».

МУДРЫЕ ОТВЕТЫ

Служил солдат в полку целые двадцать пять лет, а царя в лицо не видел. Пришел домой: стали его спрашивать про царя, а он не знает, что и сказать-то. Вот и зачали его корить родичи да знакомцы: «Вишь,— говорят,— двадцать пять лет прослужил, а царя в глаза не видал!» Обидно это ему показалось: собрался и пошел царя смотреть. Пришел во дворец. Царь спрашивает: «Зачем, солдат?» — «Так и так, ваше царское величество, служил я тебе да богу целые двадцать пять лет, а тебя в лицо не видал; пришел посмотреть!» — «Ну, смотри». Солдат три раза обошел кругом царя, все оглядывал. Царь спрашивает: «Хорош ли я?» — «Хорош»,— отвечает солдат. «Ну теперь, служивый, скажи: высоко ли небо от земли?» — «Столь высоко, что там стукнет, а здесь слышно».— «А широка ли земля?»— «Вон там солнце всходит, а там заходит — столь широка!» — «А глубока ли земля?» — «Да был у меня дед, умер тому назад с девяносто лет, зарыли в землю, с тех пор и домой не бывал: верно, глубока!» Потом отослал царь солдата в темницу и сказал ему: «Не плошай, служба! Я пошлю к тебе тридцать гусей; умей по перу выдернуть».— «Ладно!»

Призвал царь тридцать богатых купцов и загадал им те же загадки, что и солдату загадывал; они думали, думали, не смогли ответу дать, и велел их царь посадить за то в темницу. Спрашивает их солдат: «Купцы-молодцы, вас за что посадили?» — «Да вишь, государь нас допрашивал: далеко ли небо от земли, и сколь земля широка, и сколь она глубока; а мы — люди темные, не смогли ответу дать».— «Дайте мне каждый по тысяче рублев — я вам правду скажу».— «Изволь, брат; только научи». Взял с них солдат

по тысяче и научил, как отгадать царские загадки. Дня через два призвал царь к себе и купцов и солдата; задал купцам те же самые загадки, и как скоро они отгадали — отпустил их по своим местам. «Ну, служба, сумел по перу сдернуть?» — «Сумел, царь-государь, да еще по золотому!» — «А далеко ль тебе до дому?» — «Отсюда не видно — далеко, стало быть!» — «Вот тебе тысяча рублев; ступай с богом!» Воротился солдат домой и зажил себе привольно, богато.

СОСВАТАННЫЕ ДЕТИ

Жили-были два богатых купца: один в Москве, другой в Киеве; часто они съезжались по торговым делам, вместе дружбу водили и хлеб-соль делили. В некое время приехал киевский купец в Москву, свиделся с своим приятелем и говорит ему: «А мне бог радость дал — жена сына родила!» — «А у меня дочь родилась!» — отвечает московский купец. «Ну-ка, давай по рукам ударим! У меня — сын, у тебя — дочь, чего лучше — жених и невеста! Как вырастут, обвенчаем их и породнимся».— «Ладно, только это дело нельзя просто делать. Пожалуй, еще твой сын отступится от невесты; давай мне двадцать тысяч залогу!» — «А если твоя дочь да помрет?» — «Ну, тогда и деньги назад». Киевский купец вынул двадцать тысяч и отдал московскому; тот взял, приезжает домой и говорит жене: «Знаешь ли, что скажу? Ведь я свою дочь просватал!» Купчиха изумилась: «Что ты! Али с ума сошел? Она еще в люльке лежит!» — «Ну что ж, что в люльке? Я все-таки ее просватал: вот двадцать тысяч залогу взял».

Вот хорошо. Живут купцы всякий в своем городе, а друг друга не навещают — далеко, да и дела так пошли, что надо дома оставаться. А дети их растут да растут: сын хорошо, а дочь еще лучше. Прошло осьмнадцать лет; московский купец видит, что от старого его знакомца нет ни вести, ни слуху, и просватал дочь свою за полковника. В то самое время призывает киевский купец своего сына и говорит ему: «Поезжай-ка ты в Москву; там есть озеро, на том озере я поставил пленку; если в эту пленку попалась утка — то утку вези, а ежели нет утки — то пленку назад». Купеческий сын собрался и поехал в Москву; ехал, ехал, вот уж близко, всего один перегон остался. Надо ему через реку переправляться, а на реке мост: половина замощена, а другая нет.

Тою же самою дорогою случилось ехать и полковнику; подъехал к мосту и не знает, как ему перебраться на ту сторону? Увидал он купеческого сына и спрашивает: «Ты куда едешь?» — «В Москву».— «Зачем?» — «Там есть озеро, в том озере — лет осьмнадцать прошло, как поставил мой отец пленку, а теперь

послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а если утки нет — то пленку назад!» — «Вот задача! — думает полковник.— Разве может простоять пленка осьмнадцать лет? Ну, пожалуй, пленка еще простоит; а как же утка-то проживет столько времени?» Думал-думал, гадал-гадал, ничего не разгадал. «Как же,— говорит,— нам через реку переехать?» — «Я поеду задом наперед!» — сказал купеческий сын; погнал лошадей, доехал до половины моста и давай задние доски наперед перемащивать; намостил и перебрался на другую сторону, а вместе с ним и полковник переехал. Вот приехали они в город. «Ты где остановишься?» — спрашивает купеческого сына полковник. «А в том доме, где весна с зимой на воротах». Распрощались и повернули всякий в свою сторону.

Купеческий сын пристал у одной бедной старухи; а полковник погнал к невесте. Там его стали поить, угощать, о дороге спрашивать. Он и рассказывает: «Повстречался я с каким-то купеческим сыном; спросил его: зачем в Москву едет? А он в ответ: есть-де в Москве озеро, на том озере — лет осьмнадцать прошло, как мой отец пленку поставил, а теперь послал меня с таким приказом: если попалась в пленку утка — то утку возьми, а ежели утки нет — то пленку назад! Тут пришлось нам через реку переправляться; на той реке мост, половина замощена, а другая нет. Раздумался я, как на другую сторону переехать? А купеческий сын сейчас смекнул, задом наперед переехал и меня перевез».— «Где же он на квартире стал?» — спрашивает невеста. «А в том доме, где весна с зимой на воротах».

Вот купеческая дочь побежала в свою комнату, позвала служанку и приказывает: «Возьми кринку молока, ковригу хлеба да лукошко яиц; из кринки отпей, ковригу почни, из лукошка яйцо скушай. Потом ступай в тот дом, где на воротах трава с сеном привязаны; разыщи там купеческого сына, отдай ему хлеб, молоко и яйца да спроси: в своих ли берегах море или упало? Полон ли месяц или в ущербе? Все ли звезды в небе или скатились?» Пришла служанка к купеческому сыну, отдала гостинцы и спрашивает: «Что море — в своих ли берегах или упало?» — «Упало».— «Что месяц — полон или в ущербе?» — «В ущербе».— «Что звезды — все ли на небе?» — «Нет, одна скатилась». Вот служанка воротилась домой и рассказала эти ответы купеческой дочери. «Ну, батюшка,— говорит отцу купеческая дочь,— ваш жених мне не годится; у меня есть свой давнишний — с его отцом по рукам ударено, договором скреплено». Сейчас послали за настоящим женихом, стали свадьбу справлять да пир пировать, а полковнику отказали. На той свадьбе и я был, мед-вино пил, по усам текло. в рот не попало.

ДОБРОЕ СЛОВО

Жил-был Иван Несчастный: куда ни пойдет работа́ть — другим дают по рублю да по два, а ему все двугривенный. «Ах,— говорит он,— али я не так уродился, как другие люди? Пойду-ка я к царю да спрошу: отчего мне счастья нет». Вот приходит к царю. «Зачем, брат, пришел?» — «Так и так, рассудите: отчего мне ни в чем счастья нет?» Царь созвал своих бояр и генералов, стал их спрашивать: они думали-думали, ломали-ломали свои головы, ничего не придумали. А царевна выступила да и говорит отцу: «А я так думаю, батюшка: коли его женить, то, может, и ему господь пошлет иную долю». Царь разгневался, закричал на дочь: «Когда ты лучше нас рассудила, так ступай за него замуж!» Тотчас взяли Ивана Несчастного, обвенчали с царевною и выгнали обоих вон из города, чтоб об них и помину не было.

Пошли они на взморье. Говорит царевна своему мужу: «Ну, Иван Несчастный, нам не царевать, не торговать, надо о себе промышлять. Сделай-ка ты на этом месте пустыньку, станем жить с тобой, богу молиться да на людей трудиться». Иван Несчастный сделал пустыньку и остался в ней жить с молодой женою. На другой день дает ему царевна копеечку: «Поди, купи шелку!» Из того шелку она важный ковер вышила и послала мужа продавать. Идет Иван Несчастный с ковром в руках, а навстречу ему старик: «Что, продаешь ковер?» — «Продаю».— «Что просишь?» — «Сто рублев».— «Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; лучше отдай ковер за доброе слово».— «Нет, старичок! Я человек бедный, деньги надобны». Старик заплатил сто рублей; а Иван Несчастный пошел домой, приходит, хвать — денег нету, дорогою выронил.

Царевна другой ковер сделала: понес Иван Несчастный продавать его и опять повстречал старика. «Что за ковер просишь?» — «Двести рублев».— «Ну, что тебе деньги! Возьмешь — потеряешь; отдай лучше за доброе слово». Иван Несчастный подумал-подумал: «Так и быть, сказывай!» — «Подними руку, да не опусти, а сердце скрепи!» — сказал старик, взял ковер и ушел. «Что же мне делать теперь с этим добрым словом? Как покажусь к жене с пустыми руками? — думает Иван Несчастный.— Лучше пойду куда глаза глядят!»

Шел, шел, далеко зашел и услышал, что в той земле двенадцатиглавый змей людей пожирает; сел Иван Несчастный на дороге — отдохнуть вздумал, и говорит сам с собой вслух: «Эхма! Будь у меня деньги, сумел бы я с этим змеем справиться, а теперь что? Без денег и разума нет». Шел мимо купец, услыхал эти речи, что без денег и разума нет. «А что,— думает,— ведь и правда! Дай-ка я ему помогу».— «Сколько тебе,— спрашивает,— денег надобно?» —

«Дай пятьсот рублев». Купец дал ему взаймы пятьсот рублев, а Иван Несчастный бросился на пристань, нанял работников и начал корабль строить. Издержал все деньги, а дело еще в начале: как быть? Пошел к купцу: «Давай,— говорит,— еще пятьсот: не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!» Купец дал ему другие пятьсот рублев; он и те в корабль всадил, а дело еще на половине. Опять приходит Иван Несчастный к купцу: «Давай,— говорит,— еще тысячу; не то работа остановится, и твои деньги задарма пропадут!» Купец хоть не рад, а дал ему тысячу. Иван Несчастный выстроил корабль, нагрузил его углем, забрал с собой кирки, лопатки, меха, рабочих людей и поплыл в открытое море.

Долго ли, коротко ли — приплывает он к тому острову, где было змеиное логовище. Змей только что нажрался и залег в своей норе спать. Иван Несчастный засыпал его кругом угольем, развел огонь и давай раздувать мехами: пошел великий смрад по всему морю! Змей лопнул... Иван Несчастный взял тогда острый меч, отрубил ему все двенадцать голов и в каждой змеиной голове нашел по драгоценному камушку. Вернулся из похода, продал эти камушки за несчетные суммы — так разбогател, что и сказать не можно! Заплатил купцу свой долг и поехал к жене. Вот приезжает Иван Несчастный в пустыньку и видит: жена его живет с двумя мо́лодцами, а то были его законные сыновья-близнецы (без него родились). Пришла ему в голову худая мысль, схватил он острый меч и поднял на жену руку... Вмиг припомнилось ему доброе слово: подними руку, да не опусти, а сердце скрепи! Иван Несчастный скрепил свое сердце, спросил царевну про тех молодцев, и начался у них пир-веселье. На том пиру и я был, мед-вино пил, калачами заедал.

ОКЛЕВЕТАННАЯ КУПЕЧЕСКАЯ ДОЧЬ

Был-жил купец, имел у себя двух детей: дочь да сына. Стал купец помирать (а купчиху-то прежде его на погост свезли) и приказывает: «Дети мои! Живите хорошо — в любви и совете, так, как мы с покойницей жили». Вот и помер: схоронили его и помянули как следует. Немного погодя задумал купеческий сын за морем торговать; снарядил три корабля, нагрузил их разными товарами и стал сестре наказывать: «Ну, милая сестрица, еду я в дальнюю дорогу, оставляю тебя одну-одинешеньку дома; смотри же, веди себя скромно, в худые дела не вдавайся, по чужим людям не таскайся». После того поменялись они своими портретами: сестра взяла братнин портрет, а брат — сестрин; поплакали на расставанье и простились.

Купеческий сын снялся с я́корей, отвалил от берега, поднял

паруса и вышел в открытое море; плывет год, плывет другой, а на третий год приезжает к некоему богатому, стольному городу и останавливает свои корабли в гавани. Как скоро приехал, сейчас набрал блюдечко драгоценных каменьев да сверток лучшего бархату, камки и атласу и понес к тамошнему царю на поклон. Приходит во дворец, подает царю гостинец и просит позволения торговать в его стольном городе. Полюбился царю дорогой гостинец, говорит он купеческому сыну: «Хорош твой дар! Сколько лет я на свете живу, никто так меня не учествовал; даю тебе за то первое место по торгу. Продавай-покупай, никого не бойся, а коли обида будет — прямо ко мне приходи; завтра я сам к тебе на корабль побываю».

На другой день приехал царь к купеческому сыну, стал по кораблю похаживать, товары осматривать и увидел в хозяйской каюте — портрет висит; спрашивает купеческого сына: «Чей это портрет?» — «Моей сестрицы, ваше величество!» — «Ну, господин купец, такой красоты я еще отродясь не видывал; а скажи по правде: какова она нравом и обычаем?» — «И тиха и чиста, как голубка!» — «Ну, коли так, быть ей царицею: возьму за себя замуж». А в тé поры был при царе генерал, да такой злющий, завистный: чужое счастье ему поперек в горле становилося. Услыхал он царские речи и страшно озлобился: этак, пожалуй, придется нашим женам купчихе кланяться! Не выдержал и говорит царю: «Ваше величество! Не прикажите казнить, прикажите слово вымолвить».— «Сказывай!» — «Эта купеческая дочь вам вовсе не пàра; я сам ее давно знаю, не раз с нею на постели леживал, в любовные игры поигрывал; совсем девка распутная!» — «Как же ты, иноземный купец, говоришь, что она тиха и чиста, как голубка, худыми делами не занимается?» — «Ваше величество! Коли генерал не врет, пусть достанет от моей сестры именной перстень да узнает, какова у ней тайная примета есть».— «Хорошо,— говорит царь и дает тому генералу отпуск,— коли в срок не достанешь перстня да приметы не скажешь — то мой меч, твоя голова с плеч!»

Собрался генерал и поехал в тот город, где жила купеческая дочь; приехал и не знает, как ему быть? Ходит по улицам взад и вперед, такой кручинный, задумчивый. Попадается ему навстречу старушонка, просит милостыни; он ей подал. Спрашивает старуха: «О чем, господин, призадумался?» — «Что тебе сказывать? Ведь ты моему горю не пособишь».— «Кто знает — может, и пособлю!» — «Знаешь ты, где живет такая-то купеческая дочь?» — «Как не знать!» — «Ну так достань у нее именной перстень да разузнай, какова у ней тайная примета есть; сделаешь это дело, награжу тебя золотом». Старушонка потащилась к купеческой

дочери, постучалась в ворота, взошла в горницу, помолилась и стала рассказывать, что идет ко святым местам: не будет ли какого подаяния? Повела такие хитрые речи, что красная девица совсем заслушалась и не заметила, как проговорилась о своей тайной примете; пока то да се, старушонка стибрила со столика именной перстень и в рукав запрятала. После того попрощалась с хозяйкою и бегом к генералу, отдает ему перстень и говорит: «А тайная примета у купеческой дочери — золотой волосок под левою мышкою».

Генерал наградил ее щедрой рукою и отправился в обратный путь; приезжает в свое государство и является во дворец; и купеческий сын тут же. «Ну что,— спрашивает царь,— достал именной перстень?» — «Вот он, ваше величество!» — «А какова у купеческой дочери тайная примета?» — «Золотой волосок под левою мышкою».— «Так ли?» — спрашивает царь купеческого сына. «Точно так, государь!» — «Как же смел ты передо мною лгать? За твою вину велю казнить тебя».— «Царь-государь! Не откажи в последней милости, позволь написать к сестре письмо; пусть приедет, со мной попрощается».— «Хорошо,— отвечал царь.— пиши; только я долго ждать не стану!» Отложил казнь на срок, а до того времени приказал заковать его в железа и посадить в темницу.

Вот купеческая дочь, как получила от брата письмо да прочитала, тотчас пустилась в дорогу; едет да золотую перчатку вяжет, а сама горько плачет: слезы падают бриллиантами; она те бриллианты подбирает да на перчатку сажает. Приехала в стольный город наскоро, наняла у бедной вдовы квартиру и спрашивает: «Что у вас в городе нового?» — «У нас новостей нет никаких, окромя́ того, что один иноземный купец через свою сестру стра́ждает: завтрашний день его вешать будут». Поутру встала купеческая дочь, наняла карету, нарядилась в богатое платье и поехала на площадь; там уж виселица готова, войска расставлены, и народу набралось многое множество; вон уж и брата ее ведут. Она вышла из кареты и прямо к царю, подает ему ту перчатку, что доро́гой связала, и говорит: «Ваше величество! Оцените, что́ такая перчатка стоит?» Царь посмотрел. «Ей,— говорит,— и цены нету!» — «Ну так ваш генерал был у меня в дому́ и точно такую перчатку украл — дружку этой самой; прикажите розыск сделать».

Царь позвал генерала: «Вот на тебя жалоба, будто ты дорогую перчатку украл». Генерал начал божиться: ничего знать не знаю и ведать не ведаю. «Как же ты не знаешь? — говорит ему купеческая дочь.— Сколько раз бывал в моем доме, со мной на постели леживал, в любовные игры поигрывал...» — «Да я тебя впервой вижу! Никогда у тебя не бывал, и теперь — хоть умереть — не

знаю: кто ты и откуда приехала».— «Так за что же, ваше величество, мой брат стра́ждает?» — «Который брат?» — спрашивает царь. «А вон которого на виселицу привели!» Тут все дело начистоту открылося; царь приказал купеческого сына освободить, а генерала повесить; а сам сел с красной девицей, купеческой дочерью, в карету и поехал в церковь. Там они обвенчались, сделали большой пир и стали жить-поживать, добра наживать, и теперь живут.

МУДРАЯ ДЕВИЦА И СЕМЬ РАЗБОЙНИКОВ

Жил-был крестьянин, у него было два сына: меньшой был в дороге, старшо́й при доме. Стал отец помирать и оставил сыну при доме все наследство, а другому ничего не дал; думал, что брат брата не изобидит. Как отец-то помер, старшо́й сын его похоронил и все наследство у себя удержал. Вот приезжает другой сын и горько плачет, что не застал отца в живых. Старшо́й ему и говорит: «Отец мне все одному оставил!» И детей-то у него не было, а у меньшего был сын родной да дочь-приемыш.

Вот старшо́й получил все наследство, разбогател и стал торговать дорогими товарами; а меньшой был беден, рубил в лесу дрова да возил на рынок. Соседи, жалея его бедность, собрались и дают ему денег, чтобы он хоть мелочью торговал. Бедняк боится, говорит им: «Нет, добрые люди, не возьму я ваши деньги; неравно проторгуюсь — чем я вам долг заплачу?» И уговорились двое соседей как-нибудь ухитриться да дать ему денег. Вот как поехал бедный за дровами, один из них настиг его окольной дорогой и говорит: «Поехал я, братец, в дальний путь; на дороге отдал мне должник триста рублей — не знаю, куда их девать! Домой ворочаться не хочется; возьми, пожалуй, мои деньги, похрани у себя, а лучше-ка торгуй на них; я приеду не скоро; после выплатишь мне понемножку».

Бедный взял деньги, привез домой и боится, как бы их не отерять, как бы жена не нашла да не издержала заместо своих. Думал, думал и спрятал в маленку с золой, а сам ушел со двора. Приехали без него меновщики — вот что скупают золу да меняют ее на товар. Баба взяла и отдала им эту маленку с золой. Вернулся домой муж, видит, что маленки нет, спрашивает: «Где зола?» Жена отвечает: «Я ее продала меновщикам». Вот он испугался, тоскует и горюет, а только все молчит. Видит жена, что он печален; приступила к нему: «Что за напасть с тобой случилась? Отчего так печален?» Он и признался, что в золе были спрятаны у него чужие деньги; рассердилась баба — и рвет, и мечет, и слезами заливается:

«Зачем ты мне не поверил? Я б получше твоего припрятала!»

Опять поехал мужик по дрова, чтобы потом на рынке продать да хлеба купить. Настигает его другой сосед, говорит ему те же самые речи и дает под сохрану пятьсот рублей. Бедняк не берет, отказывается, а тот ему насильно всунул деньги в руку и поскакал по дороге. Деньги-то были бумажками; думал, думал: куда их положить? Взял да промеж подкладки и спрятал в шапку. Приехал в лес, шапку повесил на елку и начал рубить дрова. На его беду прилетел ворон и унес шапку с деньгами. Мужик потужил, погоревал, да, видно, так тому и быть! Живет себе по-прежнему, торгует дровишками да мелочью, кое-как перебивается. Видят соседи, что времени прошло довольно, а у бедного торг не прибывает, спрашивают его: «Что ж ты, братец, худо торгуешь? Али наши деньги затратить боишься? Коли так, лучше отдай наше добро назад». Бедный заплакал и рассказал, как пропали у него ихние деньги. Соседи не поверили и пошли просить на него в суд. «Как рассудить это дело? — думает судья.— Мужик — человек смирный, неимущий, взять с него нечего; коли в тюрьму посадить — с голоду помрет!»

Сидит судья, пригорюнясь, под окошком, и взяло его большое раздумье. На то время как нарочно играли на улице мальчишки. И говорит один — такой бойкий: «Я бурмистр буду: стану вас, ребята, судить, а вы приходите ко мне с просьбами». Сел на камень; а к нему подходит другой мальчишка, кланяется и просит: «Я-де вот этому мужичку дал денег взаймы, а он мне не платит; пришел к твоей милости суда на него просить».— «Ты брал взаймы?» — спрашивает бурмистр у виноватого. «Брал».— «Почему ж не платишь?» — «Нечем, батюшка!» — «Слушай, челобитчик: ведь он не отпирается, что брал у тебя деньги, а заплатить ему невмоготу, так ты отсрочь ему долг лет на пять — на шесть, авось он поправится и отдаст тебе с лихвою. Согласны?» Мальчишки оба поклонились бурмистру: «Спасибо, батюшка! Согласны». Судья все это слышал, обрадовался и говорит: «Этот мальчик ума мне дал! Скажу и я своим челобитчикам, чтоб отсрочили они бедному». По его словам согласились богатые соседи обождать года два-три; авось тем временем мужик поправится!

Вот бедный опять поехал в лес за дровами, полвоза нарубил — и сделалось темно. Остался он на ночь в лесу: «Утром-де с полным возом ворочусь домой». И думает: где ему ночевать? Место было глухое, зверей много; подле лошади лечь — пожалуй, звери съедят. Пошел он дальше в чащу и взлез на большую ель. Ночью приехали на это самое место разбойники — семь человек, и говорят: «Дверцы, дверцы, отворитеся!» Тотчас отворились дверцы в подземелье; разбойники давай носить туда свою добычу, снесли всю и прика-

зывают: «Дверцы, дверцы, затворитеся!» Дверцы затворились, а разбойники поехали снова на добычу. Мужик все это видел, и когда кругом его стихло — спустился с дерева: «А ну-тка я попробую — не отворятся ль и мне эти дверцы?» И только сказал: «Дверцы, дверцы, отворитеся!» — они в ту же минуту и отворилися. Вошел он в подземелье, смотрит — лежат кучи золота, серебра и всякой всячины. Возрадовался бедный и на рассвете принялся таскать мешки с деньгами; дрова долой сбросил, нагрузил воз серебром да золотом и поскорей домой.

Встречает его жена: «Ох ты, муж-муженек! А я уж с горя пропадала; все думала: где ты? Либо деревом задавило, либо зверь съел!» А мужик веселехонек: «Не кручинься, жена! Бог дал счастья, я клад нашел; пособляй-ка мешки носить». Кончили работу, и пошел он к богатому брату; рассказал все, как было, и зовет с собой ехать по счастье. Тот согласился. Приехали вместе в лес, отыскали ель, крикнули: «Дверцы, дверцы, отворитеся!» Дверцы отворились. Начали они таскать мешки с деньгами; бедный брат наложил воз — и доволен стал, а богатому все мало. «Ну ты, братец, поезжай,— говорит богатый,— а я за тобой скоро буду».— «Ладно! Не забудь же сказать: «Дверцы, дверцы, затворитеся!» — «Нет, не забуду». Бедный уехал, а богатый никак не может расстаться: всего вдруг не увезешь, а покинуть жаль! Тут его и ночь застигла. Приехали разбойники, нашли его в подземелье и отрубили ему голову; поснимали свои мешки с возу, заместо того положили убитого, настегали лошадь и пустили на волю. Лошадь бросилась и́з лесу и привезла его домой. Вот атаман разбойничий и бранит того разбойника, что убил богатого брата: «Зачем ты убил его рано? Надо было наперед расспросить, где он живет? Ведь у нас много добра убыло: видно, он же повытаскал! Где теперь найдем?» Есаул говорит: «Ну, пускай тот и доискивается, кто его убил!»

Недолго спустя стал тот убийца разведывать: не отыщется ли где их золото? Приходит как есть к бедному брату в лавочку; то-другое поторговал, заприметил, что хозяин скучен, задумывается, и спрашивает: «Что так приуныл?» А тот и говорит: «Был у меня старшо́й брат, да беда стряслась: кто-то убил его, третьего́ дни лошадь на двор привезла с отрубленной головою, а сегодня похоронили». Разбойник видит, что на след попал, и давай расспрашивать; притворился, будто очень жалеет. Узнал, что после убитого вдова осталась, и спрашивает: «Хоть есть ли у сироты свой-то уголок?» — «Есть — дом важный!» — «А где? Укажи мне». Мужик пошел, указал ему братнин дом; разбойник взял кусок красной краски и положил на воротах заметку. «Это для чего?» — спрашивает его мужик. А тот отвечает: «Я-де хочу помочь сироте, а чтоб легче дом найти — нарочно заметку сделал».— «Э, брат! Моя

невестка ни в чем не нуждается; слава богу, у нее всего довольно».— «Ну, а ты где живешь?» — «А вот и моя избушка». Разбойник и у него на воротах положил такую ж заметку. «А зто для чего?» — «Ты,— говорит,— мне очень понравился; стану к тебе на ночлег заезжать; поверь, брат, для твоей же пользы!» Вернулся разбойник к своей шайке, рассказал все по порядку, и уговорились они ехать ночью — ограбить и убить всех в обоих домах да воротить свое золото.

А бедный пришел ко двору и сказывает: «Сейчас спознался со мной молодец, запятнал мои ворота — стану, говорит, к тебе завсегда на постой заезжать. Такой добрый! А как о брате сожалел, как хотел невестке помочь!» Жена и сын слушают, а дочь-приемыш говорит ему: «Батюшка, не ошибся ли ты? Ладно ли зтак будет? Не разбойники ль это убили дядюшку, а теперь хватились своего добра да нас разыскивают? Пожалуй, наедут, разграбят, и от смерти не уйдешь!» Мужик испугался: «А что дивить? Ведь я его допрежде того никогда не видывал. Вот беда! Что же делать-то станем?» А дочь говорит: «Поди же ты, батюшка, возьми краски да по всему околотку и запятнай ворота такими же метками». Мужик пошел и запятнал ворота во всем околотке. Приехали разбойники и не могли ничего разыскать; воротились назад и приколотили разведчика: зачем неладно пятнал? Наконец рассудили: «Видно, мы на хитрого напали!» и погодя немного приготовили семь бочек; в шесть бочек посадили по разбойнику, а в седьмую масла налили.

Поехал прежний разведчик с этими бочками прямо к бедному брату, приехал под вечер и попросился ночевать. Тот и пустил его, как знакомого. Дочь вышла на двор, стала осматривать бочки, одну открыла — в ней масло, другую попробовала открыть — нет, не сможет; припала ухом и слушает, а в бочке кто-то шевелится и дышит. «Э,— думает,— да тут недобрая хитрость!» Пришла в избу и говорит: «Батюшка! Чем будем гостя потчевать? Сем-ка я пойду затоплю печку в задней избе да изготовлю чего-нибудь поужинать».— «Ну что ж, ступай!» Дочь ушла, затопила печь, да между стряпней все воду греет, кипяток носит да в бочки льет; всех разбойников заварила. Отец с гостем поужинали; а дочь сидит в задней избе да караулит: что-то будет? Вот когда хозяева уснули, гость вышел на двор, свистнул — никто не откликается; подходит к бочкам, кличет товарищей — нет ответу; открывает бочки — оттуда пар валит. Догадался разбойник, запряг лошадей и убрался со двора с бочками.

Дочь заперла ворота, пошла будить своих домашних и рассказала все, что сделалось. Отец и говорит: «Ну, дочка, ты нам жизнь спасла, будь же законной женой моему сыну». Веселым пирком и свадьбу сыграли. Молодая одно отцу твердит, чтобы продал свой

старый дом да другой купил: крепко боялась разбойников! Не ровен час — опять пожалуют. Так и случилось. Чрез некое время тот самый разбойник, что приезжал с бочками, снарядился офицером, приехал к мужику и просится ночевать; его пустили. Никому невдомек, только молодая признала и говорит: «Батюшка! Ведь это прежний разбойник!» — «Нет, дочка, не тот!» Она замолчала; да как стала спать ложиться — принесла вострый топор и положила подле себя; всю ночь глаз не смыкала, все караулила. Ночью офицер встал, берет свою саблю и хочет ее мужу голову отсечь: она не сробела, махнула топором — и отрубила ему правую руку, махнула еще раз — и голову снесла. Тут отец уверился, что дочка его подлинно премудрая; послушался, продал дом и купил себе гостиницу. Перешел на новоселье, начал жить, богатеть, расторговываться.

Заезжают к нему соседи — те самые, что давали ему денег да после на него в суде просили. «Ба! Ты как здесь?» — «Это мой дом, недавно купил».— «Важный дом! Видно, у тебя деньга́ водится. Что ж ты долгу не платишь?» Хозяин кланяется и говорит: «Слава богу! Мне господь дал, я клад нашел и готов заплатить вам хоть втрое».— «Хорошо, брат! Давай же теперь новоселье праздновать».— «Милости просим!» Вот погуляли, попраздновали; а при доме сад куда хорош! «Можно сад посмотреть?» — «Извольте, честные господа! Я и сам с вами пойду». Ходили, ходили по́ саду и нашли в дальнем углу малёнку золы. Хозяин как увидал, так и ахнул: «Честны́е господа! Ведь это та самая малёнка, которую моя жена продала».— «А ну-тка, нет ли в золе денег?» Вытряхнули, а они тут и есть. Тогда соседи поверили, что мужик им правду сказывал. «Станем,— говорят,— деревья осматривать; ведь шапку-то ворон унес — верно, в ней гнездо свил». Ходили, ходили, увидали гнездо, стащили баграми — как есть та самая шапка! Выбросили гнездо и нашли деньги. Заплатил им хозяин долг свой и стал жить богато и счастливо.

РАССКАЗЫ О МЕРТВЕЦАХ

В одном селе была девка — лежа́ка, лентяйка, не любила работать, абы как погуторить да побалакать! И вздумала она собрать к себе девок на попрядухи. А в деревнях вестимо уж лежа́ки собирают на попрядухи, а лакомогузки ходят. Вот она собрала на ночь попрядух; они ей прядут, а она их кормит, потчует. То, сё, и разговорились: кто из них смелее? Лежа́ка говорит: «Я ничего не боюсь!» — «Ну, ежели не боишься,— говорят попрядухи,— дак поди мимо погосту к церкви, сними с дверей образ да принеси».—

«Хорошо, принесу; только каждая напряди мне по початку». А это чувство-то в ней есть, чтоб ей ничего самой не делать, а чтоб другие за нее делали. Вот она пошла, сняла образ и принесла. Ну, те видят — точно образ от церкви. Надо теперь несть образ назад, а время уж к полночи. Кому несть? Лежáка говорит: «Вы, девки, прядите; я сама отнесу, я ничего не боюсь!»

Пошла, поставила образ на место. Только идет назад мимо погосту и видит: мертвец в белом савáне сидит на могиле. Ночь-то месячная, все видно. Она подходит к мертвецу, стащила с него саван; мертвец ничего не говорит, молчит — знать, время не пришло еще ему говорить-то. Вот она взяла саван, приходит домой. «Ну,— говорит,— образ отнесла, поставила на место, да вот еще с мертвеца саван стащила!» Девки — которые спужались, которые не верят, смеются. Только поужинали, легли спать, вдруг мертвец стучится в окна и говорит: «Отдай мой саван! Отдай мой саван!» Девки перепугались — ни живы ни мертвы; а лежáка берет саван, идет к окну, отворила: «На,— говорит,— возьми!» — «Нет,— отвечает мертвец,— неси туда, где взяла!» Только вдруг петухи запели — и мертвец исчез.

На другую ночь уж попрядухи все по домам разошлись; в тот же самый час опять мертвец приходит, стучится в окно: «Отдай мой саван!» Вот отец и мать лежáки отворяют окно, отдают ему саван. «Нет,— говорит,— пущай она отнесет туда, где взяла!» Ну, как идти с мертвецом на погост? Страшно! Только петухи пропели — исчез мертвец. На другой день отец и мать послали за священником; рассказали ему: так и так — и просят пособить их горю. «Нельзя ли,— говорят,— обедню отслужить?» Священник подумал: «Ну, пожалуй! Велите ей завтра к обедне выходить». Назавтра пошла лежáка к обедне; началась служба, народу много нашло! Только как стали херувимскую петь, вдруг откуда поднялся страшный вихрь, ажно все ниц попадали! Ухватил ее, да óземь. Девки не стало, только одна коса от нее осталась.

УПЫРЬ

В некотором царстве, в некотором государстве был-жил старик со старухою; у них была дочь Маруся. В их деревне был обычай справлять праздник Андрея Первозванного: соберутся девки в одну избу, напекут пампушек и гуляют целую неделю, а то и больше. Вот дождались этого праздника, собрались девки, напекли-наварили, что надо; вечером пришли парубки с сопелкою, принесли вина, и началась пляска, гульба — дым коромыслом! Все девки хорошо пляшут, а Маруся лучше всех. Немного погодя входит в избу такой

молодец — что нá поди! Кровь с молоком! Одет богато, чисто. «Здравствуйте,— говорит,— красные девицы!» — «Здравствуй, добрый молодец!» — «Гулянье вам!» — «Милости просим гулять к нам!» Сейчас вынул он кошель полон золота, послал за вином, за орехами, пряниками — разом все готово; начал угощать и девок и ребят, всех оделил. А пошел плясать — любо-дорого посмотреть! Больше всех полюбилась ему Маруся; так к ней и пристает.

Наступило время по домам расходиться. Говорит этот молодец: «Маруся! Поди, проводи меня». Она вышла провожать его; он и говорит: «Маруся, сердце! Хочешь ли, я тебя замуж возьму?» — «Коли бы взял, я бы с радостью пошла. Да ты отколя?» — «А вот из такого-то места, живу у купца за приказчика». Тут они попрощались и пошли всякий своей дорогою. Воротилась Маруся домой, мать ее спрашивает: «Хорошо ли погуляла, дочка?» — «Хорошо, матушка! Да еще скажу тебе радость: был там со стороны добрый мóлодец, собой красавец, и денег много; обещал взять меня замуж».— «Слушай, Маруся, как пойдешь завтра к девкам, возьми с собой клубок ниток; станешь провожать его, в тé поры накинь ему петельку на пуговицу и распускай потихоньку клубок, а после по этой нитке сведаешь, где он живет».

На другой день пошла Маруся на вечерницу и захватила с собой клубок ниток. Опять пришел добрый мóлодец: «Здравствуй, Маруся!» — «Здравствуй!» Начались игры, пляски; он пуще прежнего льнет к Марусе, ни на шаг не отходит. Уж время и домой идти. «Маруся,— говорит гость,— проводи меня». Она вышла на улицу, стала с ним прощаться и тихонько накинула петельку на пуговицу; пошел он своею дорогою, а она стоит да клубок распускает; весь распустила и побежала узнавать, где живет ее названый жених? Сначала нитка по дороге шла, после потянулась через заборы, через канавы и вывела Марусю прямо к церкви, к главным дверям. Маруся попробовала — двери заперты; пошла кругом церкви, отыскала лестницу, подставила к окну и полезла посмотреть, что там деется? Влезла, глянула — а названый жених стоит у гроба да упокойника ест; в церкви тогда ночевало мертвое тело. Хотела было потихоньку соскочить с лестницы, да с испугу не остереглась и стукнула; бежит домой — себя не помнит, все ей погоня чудится; еле жива прибежала!

Поутру мать спрашивает: «Что, Маруся, видела того мóлодца?» — «Видела, матушка!» — а чтó видела, того не рассказывает. Вечером сидит Маруся в раздумье: идти или нет на вечерницу? «Ступай,— говорит мать,— поиграй, пока молода!» Приходит она на вечерницу, а нечистый уже там. Опять начались игры, смехи, пляска; девки ничего не ведают! Стали по домам расходиться;

говорит нечистый: «Маруся! поди, проводи меня». Она нейдет, боится. Тут все девки на нее накинулись: «Что с тобой? Или застыдилася? Ступай, проводи добра мóлодца!» Нечего делать, пошла — что бог даст! Только вышли на улицу, он ее и спрашивает: «Ты вчера к церкви ходила?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра твой отец помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой грустна и невесела; поутру проснулась — отец мертвый лежит. Поплакали над ним и в гроб положили; вечером мать к попу поехала, а Маруся осталась: страшно ей одной дома. «Дай,— думает,— пойду к подругам». Приходит, а нечистый там. «Здравствуй, Маруся! Что не весела?» — спрашивают ее девки. «Какое веселье? Отец помер».— «Ах, бедная!» Все тужат об ней; тужит и он, проклятый, будто не его дело. Стали прощаться, по домам расходиться. «Маруся,— говорит он,— проводи меня». Она не хочет. «Что ты — маленькая, что ли? Чего боишься? Проводи его!» — пристают девки. Пошла провожать; вышли на улицу. «Скажи, Маруся, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра мать твоя помрет!» Сказал и исчез.

Вернулась Маруся домой еще печальнее; переночевала ночь, поутру проснулась — мать лежит мертвая. Целый день она проплакала, вот солнце село, кругом темнеть стало — боится Маруся одна оставаться; пошла к подругам. «Здравствуй! Что с тобой? На тебе лица не видать!» — говорят девки. «Уж какое мое веселье! Вчера отец помер, а сегодня мать».— «Бедная, несчастная!» — сожалеют ее все. Вот пришло время прощаться. «Маруся! Проводи меня»,— говорит нечистый. Вышла провожать его. «Скажи, была ты у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра ввечеру сама помрешь!» Маруся переночевала с подругами, поутру встала и думает: что ей делать? Вспомнила, что у ней есть бабка — старая-престарая, уж ослепла от долгих лет. «Пойду-ка я к ней, посоветуюсь».

Отправилась к бабке. «Здравствуй, бабушка!» — «Здравствуй, внучка! Как бог милует? Что отец с матерью?» — «Померли, бабушка!» И рассказала ей все, что с нею случилося. Старуха выслушала и говорит: «Ох, горемычная ты моя! Ступай скорее к попу, попроси его: коли ты помрешь, чтоб вырыли под порогом яму, да несли бы тебя из избы не в двери, а протащили б сквозь то отверстье; да еще попроси, чтоб похоронили тебя на перекрестке — там, где две дороги пересекаются». Пришла Маруся к попу, слезно заплакала и упросила его сделать все так, как бабушка научила; воротилась домой, купила гроб, легла в него — и тотчас же померла. Вот дали знать священнику; похоронил он сначала отца и мать

Маруси, а потом и ее. Вынесли Марусю под порогом, схоронили на раздорожье.

В скором времени случилось одному боярскому сыну проезжать мимо Марусиной могилы; смотрит — а на той могиле растет чудный цветок, какого он никогда не видывал. Говорит барич своему слуге: «Поди, вырой мне тот цветок с корнем; привезем домой и посадим в горшок: пусть у нас цветет!» Вот вырыли цветок, привезли домой, посадили в муравленый горшок и поставили на окно. Начал цветок расти, красоваться. Раз как-то не поспалось слуге ночью; смотрит он на окно и видит — чудо совершилося: вдруг цветок зашатался, упал с ветки наземь — и обратился красной девицей; цветок был хорош, а девица лучше! Пошла она по комнатам, достала себе разных напитков и кушаньев, напилась-наелась, ударилась об пол — сделалась по-прежнему цветком, поднялась на окно и села на веточку.

На другой день рассказал слуга баричу, какое чудо ему в ночи привиделось. «Ах, братец, что ж ты меня не разбудил? Нынешнюю ночь станем вдвоем караулить». Пришла ночь — они не спят, дожидаются. Ровно в двенадцать часов цветок начал шевелиться, с места на место перелетать, после упал наземь — и явилась красная девица; достала себе напитков и кушаньев и села ужинать. Барич выбежал, схватил ее за белы руки и повел в свою горницу; не может вдоволь на нее насмотреться, на красоту ее наглядеться. Наутро говорит отцу, матери: «Позвольте мне жениться: я нашел себе невесту». Родители позволили. Маруся говорит: «Я пойду за тебя только с тем уговором, чтобы четыре года в церковь не ходить».— «Хорошо!»

Вот обвенчались, живут себе год и два, и прижили сына. Один раз наехали к ним гости; подгуляли, выпили и стали хвалиться своими женами: у того хороша, у другого еще лучше. «Ну, как хотите,— говорит хозяин,— а лучше моей жены во всем свете нету!» — «Хороша, да некрещена!» — отвечают гости. «Как так?» — «Да в церковь не ходит». Те речи показались мужу обидны; дождался воскресенья и велел жене наряжаться к обедне. «Знать ничего не хочу! Будь сейчас готова!» Собрались они и поехали в церковь; муж входит — ничего не видит, а она глянула — сидит на окне нечистый. «А, так ты вот она! Вспомни-ка старое: была ты ночью у церкви?» — «Нет!» — «А видела, что я там делал?» — «Нет!» — «Ну, завтра у тебя и муж и сын помрут!»

Маруся прямо из церкви бросилась к своей старой бабушке. Та ей дала в одном пузырьке святой воды, а в другом живущей и сказала, как и что делать. На другой день померли у Маруси и муж и сын; а нечистый прилетел и спрашивает: «Скажи, была у церкви?» — «Была».— «А видела, что я делал?» — «Мертвого жрал!»

Сказала да как плеснет на него святой водою — он так прахом и рассыпался. После взбрызнула живущей водой мужа и сына — они тотчас ожили и с той поры не знали ни горя, ни разлуки. а жили все вместе долго и счастливо.

СКРИПАЧ В АДУ

Был-жил мужик, у него было три сына. Жил он богато, сóбрал два котла денег — один закопал в овине, другой в воротах. Вот помер этот мужик, а про деньги никому не сказал. Однажды был на деревне праздник; шел скрипач на гулянку и вдруг провалился сквозь землю; провалился и попал в ад, прямо в то место, где богатый мужик мучился. «Здравствуй, знакомый!» — говорит скрипач. Отвечает ему мужик: «Ты неладно попал сюда! Здесь ад, и я в аду сижу».— «За что же ты, дядя, сюда угодил?» — «За деньги! Было у меня денег много, нищим не давал, два котла в землю закопал. Вот сейчас станут меня мучить, палками бить, когтями терзать».— «Как же мне-то быть? Пожалуй, и меня замучают!» — «А ты поди, сядь за трубой на печке да три года не ешь — так уцелеешь!» Скрипач спрятался за трубой; пришли ненаши, стали богатого мужика бить да приговаривать: «Вот тебе, богач! Тьму денег накопил, а спрятать не сумел; туда закопал их, что нам сторожить невмоготу! В воротах бесперечь ездят, лошади нам головы подковами поразбивали, а в овине цепами нас молотят».

Только ушли ненаши, мужик и говорит скрипачу: «Если выйдешь отсюдова, скажи моим детям, чтобы они взяли деньги: один котел у ворот закопан, а другой — в овине, и чтобы роздали их на нищую братию». Потом еще набежала целая изба ненаших и спрашивают у богатого мужика: «Что у тебя русским духом пахнет?» Мужик говорит: «Это вы по Руси ходили, русского духу набрались!» — «Как бы не так!» Стали искать, нашли скрипача и закричали: «Ха-ха-ха, скрипач здесь!» Стащили его с печки и заставили играть на скрипке. Он три года играл, а ему за три дня показалось; уморился и говорит: «Что за диво! Бывало, играл я — в один вечер все струны изорву, а теперь третий день играю — и всё целы. Господи благослови!» Только вымолвил — все струны и лопнули. «Ну, братцы,— говорит скрипач,— сами видите: струны лопнули, не на чем играть!» — «Постой,— сказал один нечистый,— у меня есть два бунта струн, я тебе принесу». Сбегал и принес: скрипач взял струны, потянул и опять только вымолвил: «Господи благослови!» — оба бунта лопнули. «Нет, братцы, ваши струны мне не годятся; у меня свои дóма есть, дайте — схожу!» Ненаши его не пущают: «Ты уйдешь!» — говорят. «Если вы не верите, то

пошлите со мной кого-нибудь в провожатых». Ненаши выбрали одного и послали с скрипачом.

Скрипач пришел в деревню; слышит: в крайней избе свадьбу справляют: «Пойдем на свадьбу!» — «Пойдем!» Вошли в избу, тут все скрипача узнали, спрашивают: «Где это ты, братец, три года пропадал?» — «На том свете был!» Посидели, погуляли; ненаш зовет скрипача: «Пора идти!» А тот: «Погоди еще немножко; дай мне на скрипке поиграть, молодых повеселить». До тех пор просидели, пока петухи запели: тут ненаш пропал, а скрипач стал говорить сыновьям богатого мужика: «Ваш батюшка приказал вам взять деньги: один котел у ворот зарыт, а другой — в овине, и велел все эти деньги нищим раздать». Вот откопали оба котла, стали раздавать деньги по нищей братии: чем больше их раздают, тем больше их прибавляется.

Вывезли эти котлы на перекресток: кто ни едет мимо, всякий берет оттуда, сколько рукой захватит, а деньги всё не сбывают. Подали челобитную государю; он и приказал: в некотором городе шла дорога в объезд — верст пятьдесят будет, а если прямо проложить, то всего пять верст, и приказал государь выстроить прямоезжий мост. Вот и выстроили мост на пять верст, и на то дело оба котла опорожнили.

В те времена некая девица родила сына и покинула его с малолетства; этот младенец три года не ел, не пил, и все с ним божий ангел ходил. Пришел младенец на мост и говорит: «Ах, какой славный мост! Дай бог тому царство небесное, на чьи деньги его построили». Услышал господь эту молитву и велел своим ангелам выпустить богатого мужика из аду кромешного.

ГОРШЕЧНИК

Едет дорогою горшечник; навстречу ему прохожий: «Найми,— говорит,— меня в работники!» — «Да умеешь ли ты горшки делать?» — «Еще как умею-то!» Вот порядились, ударили по рукам и поехали вместе. Приезжают домой, работник и говорит: «Ну, хозяин, приготовь сорок возов глины, завтра я за работу примусь!» Хозяин приготовил сорок возов глины; а работник-то был — самый нечистый, и наказывает он горшечнику: «Я стану по ночам работать, а ты ко мне в сарай не ходи!» — «Отчего так?» — «Ну да уж так! Придешь — беды наживешь!» Наступила темная ночь; как раз в двенадцать часов закричал нечистый громким голосом, и собралось к нему чертенят видимо-невидимо, начали горшки лепить, пошел гром, стук, хохот по всему двору. Хозяин не вытерпел: «Дай пойду — посмотрю!» Приходит к сараю, заглянул в ще-

лочку — сидят черти на корточках да горшки лепят: только один хромой не работает, по сторонам смотрит, увидал хозяина, схватил ком глины да как пустит — и попал ему прямо в глаз! Окривел хозяин на один глаз и вернулся в избу, а в сарае-то гам да хохот пуще прежнего!

Наутро говорит работник: «Эй, хозяин! Ступай горшки считать, сколько за одну ночь наработано». Хозяин сосчитал — сорок тысяч наработано. «Ну, теперь готовь мне десять сажен дров; а эту ночь стану обжигать горшки». Ровно в полночь опять закричал нечистый громким голосом; сбежались к нему со всех концов чертенята, перебили все горшки, покидали черепье в печь и давай обжигать. А хозяин закрестил щелочку и смотрит. «Ну,— думает,— пропала работа!» На другой день зовет его работник: «Погляди, хорошо ли сделал?» Хозяин приходит смотреть — все сорок тысяч горшков стоят целы, один одного лучше! На третью ночь созвал нечистый чертенят, раскрасил горшки разными цветами и все до последнего на один воз уклал.

Дождался хозяин базарного дня и повез горшки в город на продажу; а нечистый приказал своим чертенятам бегать по всем домам, по всем улицам да народ скликать — горшки покупать. Сейчас повалил народ на базар: обступили со всех сторон горшечника и в полчаса весь товар разобрали. Приехал мужик домой и полон мешок денег привез. «Ну,— говорит ему нечистый,— давай барыши делить». Поделили пополам. Черт взял свою часть, распрощался с хозяином и пропал. Через неделю поехал мужик с горшками в город; сколько ни стоял он на базаре, никто не покупает: все обходят его мимо да еще всячески ругают: «Знаем мы твои горшки, старый хрен! С виду казисты, а нальешь воды — сейчас и развалятся! Нет, брат, теперь не надуешь». Перестали брать у него горшки; совсем обеднял мужик, запил с горя и стал по кабакам валяться.

ВДОВА И БЕС

Жил-был мужик, была у него жена-красавица; крепко они любили друг дружку и жили в ладу и согласии. Ни много, ни мало прошло времени, помер муж. Похоронила его бедная вдова и стала задумываться, плакать, тосковать. Три дня, три ночи беспеуречь слезами обливалась; на четвертые сутки, ровно в полночь, приходит к ней бес в образе ее мужа. Она возрадовалась, бросилась ему на шею и спрашивает: «Как ты пришел?» — «Да слышу,— говорит,— что ты, бедная, по мне горько плачешь, жалко тебя стало, отпросился и пришел». Лег он с нею спать; а к утру, только

петухи запели, как дым исчез. Ходит бес к ней месяц и другой: она никому про то не сказывает, а сама все больше да больше сохнет, словно свечка на огне тает!

В одно время приходит ко вдове мать-старуха, стала ее спрашивать: «Отчего, ты, дочка, такая худая?» — «От радости, матушка!» — «От какой радости?» — «Ко мне покойный муж по ночам ходит».— «Ах ты, дура! Какой это муж — это нечистый!» Дочь не верит. «Ну, слушай же, что я тебе скажу: как придет он к тебе в гости и сядет за стол, ты урони нарочно ложку, да как станешь подымать — посмотри ему на нóги». Послушалась вдова матери; в первую же ночь, как пришел к ней нечистый, уронила под стол ложку, полезла доставать, глянула ему нá ноги — и увидала, что он с хвостом. На другой день побежала к матери. «Ну что, дочка? Правда моя?» — «Правда, матушка! Что мне делать, несчастной?» — «Пойдем к попу». Пошли, рассказали все, как было: поп начал вдову отчитывать, три недели отчитывал — насилу отстал от нее злой бес!

ЛЕШИЙ

Одна поповна, не спросясь ни отца, ни матери, пошла в лес гулять и пропала без вести. Прошло три года. В этом самом селе, где жили ее родители, был смелый охотник: каждый божий день ходил с собакой да с ружьем по дремучим лесам. Раз идет он пó лесу; вдруг собака его залаяла, и песья шерсть на ней щетиною встала. Смотрит охотник, а перед ним на лесной тропинке лежит колода, на колоде мужик сидит, лапоть ковыряет; подковырнет лапоть да на месяц и погрозит: «Свети, свети, ясен месяц!» Дивно стало охотнику: отчего так, думает, собою мужик — еще молодец, а волосом как лунь сед? Только подумал это, а он словно мысль его угадал: «Оттого,— говорит,— я и сед, что чертов дед!» Тут охотник и смекнул, что перед ним не простой мужик, а леший; нацелился ружьем — бац! и угодил ему в самое брюхо. Леший застонал, повалился было через колоду, да тотчас же привстал и потащился в чащу. Следом за ним побежала собака, а за собакою охотник пошел.

Шел, шел и добрел до горы; в той горе расщелина, в расщелине избушка стоит. Входит в избушку, смотрит: леший на лавке валяется — совсем издох, а возле него сидит дéвица да горько плачет: «Кто теперь меня поить-кормить будет!» — «Здравствуй, красная дéвица,— говорит ей охотник,— скажи: чья ты и откудова?» — «Ах, добрый мóлодец! Я и сама не ведаю, словно я и вольного света не видала и отца с матерью не знавала».— «Ну, собирайся

скорей! Я тебя выведу на святую Русь». Взял ее с собою и повел из лесу; идет да по деревьям всё метки кладет. А эта девица была лешим унесена, прожила у него целые три года, вся-то обносилась, оборвалась — как есть совсем голая! А стыда не ведает.

Пришли на село; охотник стал выспрашивать: не пропадала ли у кого девка? Выискался поп. «Это,— говорит,— моя дочка!» Прибежала попадья: «Дитятко ты мое милое! Где ты была столько времени? Не чаяла тебя и видеть больше!» А дочь смотрит, только глазами хлопает — ничего не понимает; да уж после стала помаленьку приходить в себя... Поп с попадьей выдали ее замуж за того охотника и наградили его всяким добром. Стали было искать избушку, в которой она проживала у лешего; долго плутали пó лесу, только не нашли.

МОРОКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был матрос; служил царю верно, вел себя честно, потому и начальство его знало. Отпросился он раз с корабля походить по городу, надел свой парусинник и пошел в трактир; сел за стол и потребовал себе и вина и закусок: ест, пьет, прохлаждается! Уж рублей на десять забрал, а все не унимается: то того, то другого спрашивает. «Послушай, служба,— говорит ему половой,— забираешь ты много, а есть ли у тебя чем рассчитаться?» — «Эх, братец, о деньгах, что ли, сумневаешься? Да у меня денег куры не клюют». Тотчас вынул из кармана золотой, бросил на стол и говорит: «На, получай!» Половой взял золотой, высчитал все, как следует, и приносит сдачу; а матрос ему: «Что там за сдача, братец! Возьми себе на водку».

На другой день опять отпросился матрос, зашел в тот же трактир и прогулял еще золотой; на третий день тоже, и стал он ходить туда, почитай, каждый день и все платит золотыми, а сдачи не берет, дарит половому на водку. Стал замечать за ним сам трактирщик, и пришло ему в сумнение: «Что бы это значило? Матросишка — так себе, а поди как сорит деньгами! Полную шкатулку золота натаскал!.. Жалованье мне ихнее известно, небось — не раскутишься! Верно, он где ни на есть казну обобрал; надо начальству про то донести; не ровён час — еще в такую беду попадешь, что после и не разделаешься, а пожалуй, и в Сибирь угодишь». Вот и доложил трактирщик офицеру, а тот дóвел до самого генерала. Генерал потребовал к себе матроса. «Признавайся,— говорит,— по совести, отколь золото брал?» — «Да этого золото во всякой помойной яме много!» — «Что ты врешь?» —

«Никак нет, ваше превосходительство! Не я вру, а трактирщик: пусть покажет он то золото, что от меня получил».

Сейчас принесли шкатулку, открыли, а она полнехонька костяшек. «Как же, братец: ты платил золотом, а очутились костяшки? Покажи, как ты сделал это?» — «Ах, ваше превосходительство! Ведь нам смерть приходит...» Глядят, а в окна и в двери так вода и хлынула: все выше да выше, уж под горло подступает. «Господи! Что же теперь делать? Куда деваться?» — спрашивает с испугу генерал. А матрос в ответ: «Коли не хотите тонуть, ваше превосходительство, так полезайте за мною в трубу». Вот и полезли, взобрались на крышу, стоят и смотрят во все стороны: целый город затопило! Такое наводнение, что в низких местах совсем домов не видать: а вода прибывает да прибывает. «Ну, братец,— говорит генерал,— верно, и нам с тобой не уцелеть!» — «Не знаю: что будет — то будет!» — «Смерть моя приходит!» — думает генерал, стоит сам не свой да богу молится.

Вдруг откуда нé взялся — плывет мимо ялик, зацепился за крышу и остановился на том месте. «Ваше превосходительство,— говорит матрос,— садитесь скорее в ялик, да поплывем; может, и уцелеем, авось вода сбудет». Сели оба в ялик, и понесло их ветром по воде; день плывут, и другой плывут, а на третий стала вода сбывать, и так скоро — куда только она делась? Кругом сухо стало; вышли они из ялика, спросили у добрых людей, как слывет та сторона и далеко ль занесло их? А занесло-то их за тридевять земель, в тридесятое царство; народ все чужой, незнаемый. Как тут быть, как попасть в свою землю? Денег при себе ни гроша не имеют, подняться не на что. Матрос говорит: «Надо наняться в работники да зашибить деньжонок; без того и думать нечего — домой не воротишься».— «Хорошо тебе, братец! Ты давно к работе привычен; а мне каково? Сам знаешь, что я генерал, работать не умею».— «Ничего, я такую работу найду, что и уменья не надо».

Побрели в деревню и стали в пастухи наниматься; обществó согласилось и порядило их на целое лето; матрос пошел за старшего пастуха, а генерал за подпаска. Так-таки до самой осени и пасли они деревенскую скотину; после того сóбрали с мужиков деньги и стали делиться. Матрос разделил деньги поровну: сколько себе, столько и генералу. Вот генерал видит, что матрос равняет его с собою, стал на это обижаться и говорит: «Что ж ты меня с собою равняешь? Ведь я — генерал, а ты — все-таки простой матрос!» — «Как бы не так! Мне бы разделить на трое: две части себе взять, а с вас и одной довольно: ведь я настоящим пастухом был, а вы — подпаском». Генерал осерчал и принялся всячески ругать матроса; а матрос крепился, крепился, размахнул рукой, как толкнет его в бок: «Очнитесь, ваше превосходительство!» Генерал очнул-

ся, смотрит — все по-старому; как был в своей комнате, так и не выходил из ней! Не захотел он больше судить матроса, отпустил его от себя; так трактирщик ни при чем и остался.

СЛЕПЦЫ

В Москве белокаменной жил один парень в работниках; задумал на лето в деревню идти и стал просить у хозяина расчета. Только не много пришлось ему получать денег, всего-навсего один полтинник. Взял он этот полтинник и пошел за Калужскую заставу; смотрит — сидит на валу слепой нищий и просит Христовым именем подаяния. Мужик подумал-подумал и сжалился; подал ему полтинник и сказывает: «Это, старичок, полтинник; прими из него Христа ради семитку, а сорок восемь копеек дай мне сдачи». Слепой положил полтинник в свою мошну и снова затянул: «Православные христиане, подайте Христа ради слепому-невидущему!» — «Что ж ты, старик? Подавай мне сдачу». А он будто не слышит: «Ничего, родимый! Еще солнышко высоко, успею до двора помаленьку добрести».— «Оглох, что ли? Мне самому идти добрых сорок верст, деньги в дороге-то надобны!» Взяло мужика горе пуще острого ножа: «Эй,— говорит,— старый черт! Подавай сдачу; не то я с тобой разделаюсь по-своему!» И начал его поворачивать на все стороны. Слепой во всю глотку закричал: «Батюшки, грабят! Караул, караул!»

Побоялся мужик беды нажить, бросил слепого; лучше, думает про себя, от греха уйти, а то не ровён час — прибегут караульные, да еще в город поведут! Отошел шагов с десяток али больше, остановился на дороге и все глядит на нищего: жалко, вишь, своих трудовых денег! А тот слепой на двух костылях ходил, и оба костыля при нем лежали: один с правого боку, другой с левого. Разгорелось у мужика сердце, рад всякое зло ему сделать: «Постой же, хоть костыль унесу да посмотрю, как-то ты домой поплетешься!» Вот подобрался потихонечку и утащил костыль; а слепой посидел немного времени, вылупил свои бельмы на солнце и говорит: «Ну, солнышко не больно высоко; чай, время и домой собираться. Эй, вы, костылики, мои батюшки! Не пора ли ко двору идти?» Стал он шарить с обеих сторон: слева-то костыль тут, а справа-то нету: «Уж этот мне костыль давно опостыл! Никогда его сразу не ощупаю». Пошарил-пошарил и говорит сам с собой: «Знать, кто-нибудь надо мною шутку сшутил! Да ничего: и на одном добреду». Встал и поплелся на одном костыле; следом за ним пошел и мужик.

Шли, шли; недалече от деревни, у самого-таки перелеска, стоят

две старых избушки. Подошел слепой к одной избушке, распоясался, снял с пояса ключ и отпер свою келью; только он отворил дверь настежь — а мужик поскорей туда, забрался наперед его, сел на лавку и дух притаил. «Посмотрю,— думает,— что дальше будет?» Вот слепой пошел в избушку, наложил на дверь изнутри крючок, оборотился к переднему углу и помолился на святые иконы; опосля бросил кушак с шапкою на прилавок и полез под печку — так и загремели сковородни да ухваты. Маленько погодя тащит оттудова бочонок; вытащил, поставил на стол и начал вытряхать из мошны набранные деньги да в бочонок класть; у того бочонка сбоку горлышко было малое — так, чтобы медному пятаку пролезть. Покидал туда деньги, а сам таково слово вымолвил: «Слава богу! Насилу пятьсот доровнял; да спасибо и тому молодцу, что полтинник дал; кабы не он под руку попался, еще три дня просидел бы на дороге».

Усмехнулся слепой, сел на пол, раскорячился и ну покатывать бочонок с деньгами: покатит его от себя, а он ударится об стенку да назад к нему. «Дай подсоблю ему,— думает мужик,— полно ему, старому черту, куражиться!» — и тотчас к рукам прибрал бочонок с деньгами. «Ишь, зацепил за лавку!» — говорит слепой и пошел щупать; щупал, щупал — нет нигде; испугался сердечный, отворил немного дверь, просунул голову и закричал: «Пантелей, а Пантелей! подь-ка, брат, сюда!»

Пришел Пантелей — такой же слепец; рядом с этим в другой келье жил. «Что такое?» — спрашивает он. «Да вишь какая притча вышла! Катал я по полу бочонок с деньгами, а куда он теперь девался — сам не ведаю; шутка ли — пятьсот рублев денег! Уж не стибрил ли кто? Кажись, в избе никого не было».— «Поделом вору и мука! — сказал Пантелей.— Вишь ты, старый, совсем из ума выжил! Словно малый ребенок, задумал деньгами играть; вот теперь и плачь от своей игры! А ты бы сделал по-моему; у меня своих, почитай, с пятьсот рублев, вот я разменял их на ассигнации и зашил в эту старую шапчонку; небось на нее никто не польстится!»

Мужик услыхал эти речи и думает: «Ладно! Ведь шапка у тебя к голове не гвоздем прибита». Стал Пантелей входить в избу, только за порог переступил, а мужик цап-царап с него шапку, да в дверь, и побежал домой без оглядки. А Пантелей подумал, что шапку-то подцепил у него сосед, хвать его по рылу: «У нас, брат, так не делают! Свои деньги потерял да на чужие заришься!» Ухватили друг друга за честные волосы, и пошла у них драка великая. Пока они дрались, мужик далеко ушел; на те деньги он знатно поправился и зажил себе припеваючи.

ВОР

Жил-был старик со старухою; у них был сын по имени Иван. Кормили они его, пока большой вырос, а потом и говорят: «Ну, сынок, доселева мы тебя кормили, а нынче корми ты нас до самой смерти». Отвечал им Иван: «Когда кормили меня до возраста лет, то кормите и до уса». Выкормили его до уса и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до уса, теперь ты корми нас до самой смерти».— «Эх, батюшка, и ты, матушка,— отвечает сын,— когда кормили меня до уса, то кормите и до бороды». Нечего делать, кормили-поили его старики до бороды, а после и говорят: «Ну, сынок, мы кормили тебя до бороды, нынче ты нас корми до самой смерти».— «А коли кормили до бороды, так кормите и до старости!» Тут старик не выдержал, пошел к барину бить челом на сына.

Призывает господин Ивана: «Что ж ты, дармоед, отца с матерью не кормишь?» — «Да чем кормить-то? Разве воровать прикажете? Работать я не учился, а теперь и учиться поздно».— «А по мне как знаешь,— говорит ему барин,— хоть воровством, да корми отца с матерью, чтоб на тебя жалоб не было!» Тем временем доложили барину, что баня готова, и пошел он париться; а дело-то шло к вечеру. Вымылся барин, воротился назад и стал спрашивать: «Эй, кто там есть? Подать босовики!» А Иван тут как тут, стащил ему сапоги с ног, подал босовики; сапоги тотчас под мышку и унес домой. «На, батюшка,— говорит отцу,— снимай лапти, обувай господские сапоги».

Наутро хватился барин — нет сапогов; послал за Иваном: «Ты унес мои сапоги?» — «Знать не знаю, ведать не ведаю, а дело мое!» — «Ах ты, плут, мошенник! Как же ты смел воровать?» — «Да разве ты, барин, не сам сказал: хоть воровством, да корми отца с матерью? Я твоего господского приказу не хотел ослушаться».— «Коли так,— говорит барин,— вот тебе мой приказ: украдь у меня черного быка из-под плуга; уворуешь — дам тебе сто рублей, не уворуешь — влеплю сто плетей».— «Слушаю-с!» — отвечает Иван.

Тотчас бросился он на деревню, стащил где-то петуха, ощипал ему перья, и скорей на пашню; подполз к крайней борозде, приподнял глыбу земли, подложил под нее петуха, а сам за кусты спрятался. Стали плугатари вести новую борозду, зацепили ту глыбу земли и своротили на́ сторону; ощипанный петух выскочил и что сил было побежал по кочкам, по рытвинам. «Что за чудо из земли выкопали!» — закричали плугатари и пустились вдогонку за петухом. Иван увидал, что они побежали как угорелые, бросился сейчас к плугу, отрубил у одного быка хвост да воткнул другому в рот, а третьего отпряг и увел домой.

Плугатари гонялись, гонялись за петухом, так и не поймали,

воротились назад: черного быка нет, а пестрый без хвоста. «Ну, братцы, пока мы за чудом бегали, бык быка съел; черного-то совсем сожрал, а пестрому хвост откусил!» Пошли к барину с повинною головою: «Помилуй, отец, бык быка съел».— «Ах вы, дурачье безмозглое,— закричал на них барин,— ну где это видано, где это слыхано, чтоб бык да быка съел? Позвать ко мне Ивана!» Позвали. «Ты быка украл?» — «Я, барин».— «Куда ж ты девал его?» — «Зарезал; кожу на базар снес, а мясом стану отца да мать кормить».— «Молодец,— говорит барин,— вот тебе сто рублей. Но украдь же теперь моего любимого жеребца, что стоит за тремя дверями, за шестью замками; уведешь — плачу двести рублей, не уведешь — влеплю двести плетей!» — «Изволь, барин, украду».

Вечером поздно забрался Иван в барский дом; входит в переднюю — нет ни души, смотрит — висит на вешалке господская одежа; взял барскую шинель да фуражку, надел на себя, выскочил на крыльцо и закричал громко кучерам и конюхам: «Эй, ребята! Оседлать поскорей моего любимого жеребца да подать к крыльцу». Кучера и конюхи признали его за барина, побежали в конюшню, отперли шесть замков, отворили трое дверей, вмиг все дело исправили и подвели к крыльцу оседланного жеребца. Вор сел на него верхом, ударил хлыстиком — только и видели!

На другой день спрашивает барин: «Ну, что мой любимый жеребец?» А он еще с вечера выкраден. Пришлось посылать за Иваном. «Ты украл жеребца?» — «Я, барин».— «Где ж он?» — «Купцам продал».— «Счастлив твой бог, что я сам украсть велел! Возьми свои двести рублей. Ну, украдь же теперь керженского наставника».— «А что, барин, за труды положишь?» — «Хочешь триста рублей?» — «Изволь, украду!» — «А если не украдешь?» — «Твоя воля; делай, что сам знаешь».

Призвал барин наставника. «Берегись,— говорит,— стой на молитве всю ночь, спать не моги! Ванька-вор на тебя похваляется». Перепугался старец, не до сна ему, сидит в келье да молитву твердит. В самую полночь пришел Иван-вор с рогозиным кошелем и стучится в окно. «Кто ты, человече?» — «Ангел с небеси, послан за тобою унести живого в рай; полезай в кошель». Наставник сдуру и влез в кошель; вор завязал его, поднял на спину и понес на колокольню. Тащил, тащил. «Скоро ли?» — спрашивает наставник. «А вот увидишь! Сначала дорога хоть долга, да гладка, а под конец коротка, да колотлива».

Втащил его наверх и спустил вниз по лестнице; больно пришлось наставнику, пересчитал все ступеньки! «Ох,— говорит,— правду сказывал ангел; передняя дорога хоть долга, да гладка, а последняя коротка, да колотлива! И на том свете такой беды не знавал!» — «Терпи, спасен будешь!» — отвечал Иван, поднял

кошель и повесил у ворот на ограду, положил подле два березовых прута толщиною в палец и написал на воротах: «Кто мимо пройдет да не ударит по кошелю три раза — да будет анафема проклят!» Вот всякий, кто ни проходит мимо,— непременно стегнет три раза. Идет барин: «Что за кошель висит?» Приказал снять его и развязать. Развязали, а оттуда лезет керженский наставник. «Ты как сюда попал? Ведь говорил тебе: берегись, так нет! Не жалко мне, что тебя прутьями били, а жалко мне, что из-за тебя триста рублей даром пропали!»

В некотором царстве стояла небольшая деревня; в этой деревне жили два брата; один помер, и остался после него сын — записной вор Сенька Малый. Уж куда-куда ни отдавал его отец в науку — все не вышло толку. «Что ж ты не учишься? — спрашивают, бывало, у него отец с матерью.— Али целый век хочешь дураком изжить?» А Сенька так и брякнет в ответ: «Коли хотите вы от меня хлеб-соль видеть, отдайте воровству учиться; другой науки и знать не хочу!» Вот как помер отец, Сенька Малый не стал долго думать, пришел к дяде и говорит: «Пойдем, дядя, на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать».— «Ладно, пойдем!»

Вот и пошли; идут мимо болота, глядь — дикая утка в камышах гнездо свила и сидит себе на яйцах. «Давай-ка утку изловим!» — говорит дядя и стал подкрáдываться; только птицы не поймал, понапрасну с гнезда согнал. А Сенька Малый шел позади и вырезал из дядиных сапогов подметки. «Ну, Сенька,— сказал дядя,— я хитер, а ты хитрее меня!» Идут они дальше; а навстречу им три мужика, ведут на базар быка продавать. «Как бы нам, дядюшка, этого быка достать?» — спрашивает Сенька. «Эх ты; ведь теперь не ночь; серед бела дня не украдешь».— «Небось украду!» — «Что ж ты, али и взаправду мудреней дяди хочешь быть?» — «А вот увидишь!»

Сенька Малый снял с правой ноги сапог, бросил на дорогу и укрылся с дядей в сторонке. Мужики дошли до этого места. «Стой, ребята,— закричал один,— вишь какой славный сапог валяется».— «Хорошо, да что с ним делать-то? Кабы пара нашлась, можно бы взять; а теперь что? Одна нога в сапоге, а другая в лапте!» Посудили, подумали и, не взяв сапога, пошли прочь. Сенька тотчас надел правый сапог, а левый снял; забежал вперед, кинул его на дорогу и спрятался в канаву. «Стой, ребята,— закричал тот же мужик,— вот и другой сапог. Знать, какой-нибудь Разувай Федулыч растерялся. Ну-тко, братцы, вперегонки за тем сапогом!

Ведь годятся на вечеринки к девкам ходить». Бросили быка и пустились вперегонки назад; а Сенька Малый того и добивался, подхватил сапог и погнал быка в сторону; загнал его в болото, отрубил голову и приставил ее опять на прежнее место.

Мужики пробегались попусту; воротились — нет быка; пошли искать, искали-искали, ходили-ходили и набрели на болото. «Ишь куда нелегкая его угораздила! Прямо в тину затесался! Надо,— говорят,— вытаскивать...» Достали веревку, сделали петлю, набросили с размаху и зацепили за рога, понатужились да как дернут — так все наземь и попáдали. «Ахти, какое горе! Ведь совсем быка загубили, как есть голову оторвали!» Делать нечего, пошли мужики домой с пустыми руками; а Сенька Малый позвал дядю, вытащили вдвоем быка, содрали кожу, разрубили мясо на части и стали делиться. Дядя говорит: «Неужли ж делить поровну? Я старше, мне следует больше!»

Сенька обиделся, схватил бычью кожу и ушел от дяди; забрался в кусты, вырезал два березовых прута и принялся хлестать по коже. Хлещет да во все горло выкрикивает: «Батюшки! Не я один крал, дядя помогал!» Дядя услыхал это. «Ну,— думает,— попался Сенька!» — и приударил с испугу домой; а Сенька сбегал за лошадью, поклал всю говядину на воз, отвез ее в город и продал за чистые денежки.

На другой день пришел Сенька Малый к дяде, зовет государеву казну воровать. «Пойдем,— говорит,— на работу; ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли ночью к царскому дворцу; у ворот стоят часовые — как тут ухитриться? Сенька Малый подкопался под угол, залез с дядей в кладовую и ну набивать карманы. Что тут золота, что серебра они утащили! Полюбилось им это дело, и повадился Сенька каждую ночь ходить в царскую кладовую да забирать деньги.

Захотел царь посмотреть свою казну, видит — что-то неладно, много добра распропало; созвал совет и стал спрашивать: как бы умудриться да вора поймать? И придумали сообща: у той самой дыры, куда вор лазит, поставить большой чан со смолою. Как сказано, так и сделано; целый день смолу топили да все в чан лили. Вечером поздно зовет Сенька Малый дядю на промысел. «Пойдем,— говорит,— ты будешь воровать, а я тебе помогать». Вот пришли к царской кладовой. Сенька Малый стал посылать дядю: «Ты полезай наперед, а я за тобою!» Дядя полез — и прямо в чан угодил; как закричит благим матом: «Ох, смерть моя! В смолу попал». Сенька думал было его вытащить, возился с ним, возился, нет — ничего не поделаешь! «Пожалуй,— думает,— по нем и меня дознаются!» Взял отвернул ему голову и понес к тетке: так и так, сказывает ей, пропал дядя ни за грош!

Наутро доложили царю: который-де вор казну воровал — нынче в смолу попал, только головы нету. Царь приказал заложить тройку лошадей с колокольчиком и везти мертвое тело по всем селам, по всем городам: не найдутся ли сродники? Коли станет кто по нем плакать, сейчас того хватать да в кандалы ковать. «Тетушка,— спрашивает Сенька,— хочешь поплакать по своем муже?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» — «Слушай же: возьми новый кувшин, налей молока и ступай навстречу: как увидишь, что везут твоего покойника, спотыкнись нарочно, разбей кувшин и плачь себе вволю». Тетка взяла новый кувшин, налила молоком и пошла навстречу.

Вот везут мертвое тело, и как только поравнялись с нею — она вдруг будто споткнулась, разбила кувшин, разлила молоко и начала громко плакать да причитывать: «Свет ты мой! Как мне жить без тебя?» Сейчас набежали со всех сторон солдаты, окружили бабу и стали допрашивать: «Говори, старая, о чем голосишь? Не признала ли покойника? Что он — муж тебе, брат али сват?» — «Батюшки мои ро́дные! Как же не плакать мне? Сами видите, какая беда надо мною стряслась: разбила кувшин с молоком!» — и опять принялась выть. «Экая дура, нашла о чем плакать!» — говорят солдаты и поехали дальше.

На другой день докладывают царю: где-где ни возили покойника, никто не сказался из сродников, никто по нем не поплакал; только и слез видели, что одна старуха кувшин разбила да над черепьём голосила. «Что ж вы ее не хватали? — говорит царь.— Кто другой, а уж она наверно знает про вора!» — и опять-таки приказал возить мертвое тело по всем селам, по всем городам. «Тетушка,— говорит Сенька Малый,— хочешь похоронить дядю?» — «Как же не хотеть, родимый? Все-таки муж был!» Сенька запряг лошадь в телегу, приехал в ту саму деревню, где с мертвым телом ночевать пристали, и просится на постоялый двор. «Куда тебе? — сказывает хозяин.— Вишь сколько народу наехало».— «Пусти, добрый человек! Ведро вина куплю». Услыхали солдаты. «Пусти!» — говорят. Сенька купил ведро вина и напоил всех допьяна; крепко заснули и хозяин и сторожа, а Сенька Малый отпер ворота и увез покойника.

Поутру проснулись солдаты, собираются ехать и сами не знают: как быть, что делать? Воротились к царю; доложили, что мертвое тело ночью выкрадено, а кем и как — неведомо. Царь созвал совет и опять спрашивает: нельзя ли как умудриться — изловить вора? Совет и придумал поставить на таком-то лугу целую бочку вина, при ней кучу денег рассыпать, а в стороне часового спрятать; известное дело: вор не утерпит, придет воровать, напьется пьян — тут его и хватай! Сказано — сделано. Сень-

ка Малый выбрал темную ночь и пошел воровать; приходит на луг, стал было деньги огребать, да почуял, что вином пахнет: «Дай винца попробую!» Попробовал — славное вино, сроду такого не пивал! «Ну-ка еще!» Пил, пил и напился пьян как стелька; и с места не сошел: где воровал, тут и уснул.

А часовой давно его заприметил. «Ага,— думает,— попался, любезный! Теперь полно по свету гулять; насидишься в сибирке!» Подошел к Сеньке Малому и обрезал ему половину бороды: коли и уйдет, так было б признать по чем. «Пойду теперь — доложу по начальству». Пока добрался часовой до начальства, уж светать стало; Сенька проснулся, опохмелился, хвать рукой за бороду — половины как не бывало. Что делать? Думал, думал и надумался; пошел на большую дорогу и давай всякого встречного-поперечного таскать за бороду: кого ни ухватит — так половина бороды и прочь! Как тут вора узнать? Выпутался Сенька из беды, отрастил снова бороду и стал себе жить-поживать, в чужое добро лапы запускать; и долго бы жил, да вот недавно повесили.

СОЛДАТСКАЯ ЗАГАДКА

Шли солдаты прохожие, остановились у старушки на отдых. Попросили они попить да поесть, а старуха отзывается: «Детоньки, чем же я вас буду потчевать? У меня ничего нету». А у ней в печи был вареный петух — в горшке, под сковородой. Солдаты это дело смекнули; один — вороватый был! — вышел на двор, раздергал воз со снопами, воротился в избу и говорит: «Бабушка, а бабушка! Посмотри-ка, скот-ат у тебя хлеб ест». Старуха на двор, а солдаты тем времечком заглянули в печь, вынули из горшка петуха, наместо его положили туда ошмёток, а петуха в суму спрятали. Пришла старуха: «Детоньки, миленьки! Не вы ли скота-то пустили? Почто же, детоньки, пакостите? Не надо, миленьки!» Солдаты помолчали-помолчали да опять попросили: «Дай же, бабушка, поесть нам!» — «Возьмите, детоньки, кваску да хлебца; будет с вас!»

И вздумала старуха похвалиться, что провела их, и загануло им загадку: «А что, детоньки, вы люди-то бывалые, всего видали; скажите-ка мне: ныне в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович?» — «Нет, бабушка!» — «А кто же, детоньки, вместо его?» — «Да Липан Липанович».— «А где же Курухан Куруханович?» — «Да в Сумин город переведен, бабушка». После того ушли солдаты. Приезжает сын с поля, просит есть у старухи, а она ему: «Поди-ка, сынок! Были у меня солдаты да просили закусить, а я им, дитятко, загануло

загадочку про петуха, что у меня в печи; они не сумели отгадать-то».— «Да какую ты, матушка, загануля им загадку?» — «А вот какую: в Пенском, Черепенском, под Сковородным, здравствует ли Курухан Куруханович? Они не отганули. «Нет, бают, бабушка!» — «Где же он, родимые?» — «Да в Сумин город переведен». А того и не знают... что́ у меня в горшке-то есть!» Заглянула в печь, ан петух-то улетел; только лапоть вытащила. «Ахти, дитятко, обманули меня проклятые!» — «То-то, матушка! Солдата не проведешь, он — человек бывалый».

ИВАНУШКА-ДУРАЧОК

Был-жил старик со старухою; у них было три сына: двое умные, третий — Иванушка-дурачок. Умные-то овец в поле пасли, а дурак ничего не делал, все на печке сидел да мух ловил. В одно время наварила старуха аржаных клецок и говорит дураку: «На-ка, снеси эти клецки братьям; пусть поедят». Налила полный горшок и дала ему в руки; побрел он к братьям. День был солнечный; только вышел Иванушка за околицу, увидал свою тень сбоку и думает: «Что это за человек со мной рядом идет, ни на шаг не отстает? Верно, клецок захотел?» И начал он бросать на свою тень клецки, так все до единой и повыкидал; смотрит, а тень все сбоку идет. «Эка ненасытная утроба!» — сказал дурачок с сердцем и пустил в нее горшком — разлетелись черепки в разные стороны.

Вот приходит с пустыми руками к братьям; те его спрашивают: «Ты, дурак, зачем?» — «Вам обед принес».— «Где же обед? Давай живее».— «Да вишь, братцы, привязался ко мне дорогою незнамо какой человек, да все и поел!» — «Какой-такой человек?» — «Вот он! И теперь рядом стоит!» Братья ну его ругать, бить, колотить; отколотили и заставили овец пасти, а сами ушли на деревню обедать.

Принялся дурачок пасти: видит, что овцы разбрелись по полю, давай их ловить да глаза выдирать; всех переловил, всем глаза выдолбил, собрал стадо в одну кучу и сидит себе радехонек, словно дело сделал. Братья пообедали, воротились в поле. «Что ты, дурак, натворил? Отчего стадо слепое?» — «Да пошто им глаза-то? Как ушли вы, братцы, овцы-то врозь рассыпались; я и придумал: стал их ловить, в кучу сбирать, глаза выдирать; во как умаялся!» — «Постой, еще не так умаешься!» — говорят братья и давай угощать его кулаками; порядком-таки досталось дураку на орехи!

Ни много, ни мало прошло времени; послали старики Ива-

пушку-дурачка в город к празднику по хозяйству закупать. Всего закупил Иванушка: и стол купил, и ложек, и чашек, и соли: целый воз навалил всякой всячины. Едет домой, а лошаденка была такая, знать, неудáлая, везет — не везет! «А что,— думает себе Иванушка,— ведь у лошади четыре ноги, и у стола тож четыре; так стол-от и сам добежит». Взял стол и выставил на дорогу. Едет, едет, близко ли, далеко ли, а ворóны так и вьются над ним да всё каркают. «Знать, сестрицам поесть-покушать охота; что так раскричались!» — подумал дурачок; выставил блюда с ествами наземь и начал потчевать: «Сестрицы-голубушки, кушайте на здоровье!» А сам все вперед да вперед подвигается.

Едет Иванушка перелеском; по дороге всё пни обгорелые. «Эх,— думает,— ребята-то без шапок; ведь озябнут, сердечные!» Взял понадевал на них горшки да корчаги. Вот доехал Иванушка до реки, давай лошадь поить, а она не пьет. «Знать, без соли не хочет!» — и ну солить воду. Высыпал полон мешок соли, лошадь все не пьет. «Что ж ты не пьешь, волчье мясо! Разве задаром я мешок соли высыпал?» Хватил ее поленом, да прямо в голову, и убил наповал. Остался у Иванушки один кошель с ложками, да и тот на себе понес. Идет: ложки назади так и брякают: бряк, бряк, бряк! А он думает, что ложки-то говорят: «Иванушка-дурак!» — бросил их и ну топтать да приговаривать: «Вот вам Иванушка-дурак! Вот вам Иванушка-дурак! Еще вздумали дразнить, негодные!»

Воротился домой и говорит братьям: «Все искупил, братики!» — «Спасибо, дурак, да где ж у тебя закупки-то?» — «А стол-от бежит, да, знать, отстал, из блюд сестрицы кушают, горшки да корчаги ребятам в лесу на головы понадевал, солью-то пиво лошади посолил, а ложки дразнятся — так я их на дороге покинул».— «Ступай, дурак, поскорее, собери все, что разбросал по дороге». Иванушка пошел в лес, снял с обгорелых пней корчаги, повышибал днища и надел на батог корчаг с дюжину — всяких: и больших и малых. Несет домой. Отколотили его братья; поехали сами в город за покупками, а дурака оставили домовничать. Слушает дурак, а пиво в кадке так и бродит, так и бродит. «Пиво, не броди, дурака не дразни!» — говорит Иванушка. Нет, пиво не слушается; взял да и выпустил все из кадки, сам сел в корыто, по избе разъезжает да песенки распевает.

Приехали братья, крепко осерчали, взяли Иванушку, зашили в куль и потащили к реке. Положили куль на берегу, а сами пошли прорубь осматривать. На ту пору ехал какой-то барин мимо на тройке бурых: Иванушка и ну кричать: «Садят меня на воеводство судить да рядить, а я ни судить, ни рядить не умею!» — «Постой, дурак,— сказал барин,— я умею и судить и рядить;

вылезай из куля!» Иванушка вылез из куля, зашил туда барина, а сам сел в его повозку и уехал из виду. Пришли братья, спустили куль под лед и слушают, а в воде так и буркает. «Знать, бурка ловит!» — проговорили братья и побрели домой. Навстречу им откуда ни возьмись едет на тройке Иванушка, едет да прихвастывает: «Вот-ста каких поймал я лошадушек! А еще остался там сивко-такой славный!» Завидно стало братьям; говорят дураку: «Зашивай теперь нас в куль да спускай поскорей в прорубь! Не уйдет от нас сивко...» Опустил их Иванушка-дурачок в прорубь и погнал домой пиво допивать да братьев поминать. Был у Иванушки колодец, в колодце рыба елец, а моей сказке конец.

НАБИТЫЙ ДУРАК

Жил-был старик со старухою, имели при себе одного сына, и то дурака. Говорит ему мать: «Ты бы, сынок, пошел, около людей потерся да ума набрался».— «Постой, мама: сейчас пойду». Пошел по деревне, видит — два мужика горох молотят, сейчас подбежал к ним; то около одного потрется, то около другого. «Не дури,— говорят ему мужики,— ступай, откуда пришел»; а он знай себе потирается.

Вот мужики озлобились и принялись его цепами потчевать: так ошарашили, что едва домой приполз. «Что ты, дитятко, плачешь?» — спрашивает его старуха. Дурак рассказал ей свое горе. «Ах, сынок, куда ты глупешенек! Ты бы сказал им: бог помочь, добрые люди! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить! Они б тебе дали гороху; вот бы мы сварили да и скушали».

На другой день идет дурак по деревне; навстречу несут покойника. Увидал и давай кричать: «Бог помочь! Носить бы вам — не переносить, возить бы — не перевозить!» Опять его прибили; воротился он домой и стал жаловаться. «Вот, мама, ты научила, а меня прибили!» — «Ах ты, дитятко! Ты бы сказал: «Канун да свеча!» — да снял бы шапку, начал бы слезно плакать да поклоны бить; они б тебя накормили-напоили досыта».

Пошел дурак по деревне, слышит — в одной избе шум, веселье, свадьбу празднуют; он снял шапку, а сам таки разливается, горько-горько плачет. «Что это за невежа пришел,— говорят пьяные гости,— мы все гуляем да веселимся, а он словно по мертвому плачет!» Выскочили и порядком ему бока помяли...

ЛУТОНЮШКА

Жил-был старик со старухой; был у них сынок Лутоня. Вот однажды старик с Лутонею занялись чем-то на дворе, а старуха была в избе. Стала она снимать с гряд полено, уронила его на загнетку и тут превеликим голосом закричала и завопила. Вот старик услыхал крик, прибежал поспешно в избу и спрашивает старуху: о чем она кричит? Старуха сквозь слезы стала говорить ему: «Да вот если бы мы женили своего Лутонюшку, да если бы у него был сыночек, да если бы он тут сидел на загнетке — я бы его ведь ушибла поленом-то!» Ну и старик начал вместе с нею кричать о том, говоря: «И то ведь, старуха! Ты ушибла бы его!..» Кричат оба что ни есть мочи!

Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: «О чем вы кричите?» Они сказали о чем: «Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если б он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом: оно упало прямо сюда, да таково резко!» — «Ну,— сказал Лутоня,— исполать вам!» Потом взял свою шапку в охапку и говорит: «Прощайте! Если я найду кого глупее вас, то приду к вам опять, а не найду — и не ждите меня!» — и ушел.

Шел, шел и видит: мужики на избу тащат корову. «Зачем вы тащите корову?» — спросил Лутоня. Они сказали ему: «Да вот видишь, сколько выросло там травы-то!» — «Ах, дураки набитые!» — сказал Лутоня, взял залез на избу, сорвал траву и бросил корове. Мужики ужасно тому удивились и стали просить Лутоню, чтобы он у них пожил да поучил их. «Нет,— сказал Лутоня,— у меня таких дураков еще много по белу свету!» — и пошел дальше.

Вот в одном селе увидал он толпу мужиков у избы: привязали они в воротах хомут и палками вгоняют в этот хомут лошадь, умаяли ее до полусмерти. «Что вы делаете?» — спросил Лутоня. «Да вот, батюшка, хотим запрячь лошадку».— «Ах вы, дураки набитые! Пустите-ка, я вам сделаю». Взял и надел хомут на лошадь. И эти мужики с дива дались ему, стали останавливать его и усердно просить, чтоб остался он у них хоть на недельку. Нет, Лутоня пошел дальше.

Шел, шел, устал и зашел на постоялый двор. Тут увидал он: хозяйка-старушка сварила саламату, постановила на стол своим ребятам, а сама то и дело ходит с ложкою в погреб за сметаной. «Зачем ты, старушка, понапрасну топчешь лапти?» — сказал Лутоня. «Как зачем,— возразила старуха охриплым голосом,— ты видишь, батюшка, саламата-то на столе, а сметана-то в погребе».— «Да ты бы, старушка, взяла и принесла сюда сме-

тану-то; у тебя дело пошло бы по масличку!» — «И то, родимый!» Принесла в избу сметану, посадила с собою Лутоню. Лутоня наелся донельзя, залез на полатки и уснул. Когда он проснется, тогда и сказка моя дале начнется, а теперь пока вся.

МЕНА

Чистил мужик навоз и нашел овсяное зерно; приходит к жене, у жены изба топится. Он говорит: «Ну-ка ты, хозяйка, поворачивайся, загребай-ка ты жар, сыпь это зерно в печь; выгреби из печи, истолки его и смели, киселю навари, отлей в блюдо; вот я и пойду к царю, понесу блюдо киселю; ну, хозяйка, не пожалует ли нас царь чем-нибудь?»

Вот он и пришел к царю, принес блюдо киселю; царь его пожаловал золотой тетеркой. Пошел от царя домой; идет полем; берегут табун коней. Пастух его спрашивает: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотой тетеркою».— «Променяй нам тетерку на коня». Ну, променял, сел на коня и поехал.

Вот он едет; берегут стадо коров. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где у тебя тетерка?» — «Я ее променял на коня».— «Променяй нам коня на корову».

Променял, ведет коровку за рога; берегут стадо овец. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня».— «Где конь?» — «Променял на коровку».— «Променяй нам коровку на овечку».

Променял, гонит овцу; берегут стадо свиней. Пастух говорит: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Променял на коня».— «Где конь?» — «Променял на коровку».— «Где коровка?» — «Променял на овечку».— «Променяй нам овечку на свинью».

Променял, гонит свинью; берегут стадо гусей. Пастух спрашивает: «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где у тебя золотая тетерка?» — «Я променял на коня».— «Где конь?» — «Я променял на коровку».— «Где коровка?» — «Я променял на овечку».— «Где овечка?» — «Я променял на свинью».— «Променяй нам свинью на гуська».

Променял, несет гуська; берегут уток. Пастух говорит: «Мужичок, где ты был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня».— «Где конь?» — «Я променял на коровку».— «Где коровка?» — «Я променял на овечку».— «Где овечка?» — «Я променял на свинью».— «Где свинья?» — «Я променял на гуська».— «Променяй нам гуська на уточку».

Променял, несет уточку; ребята играют в клюшки. «Где ты, мужичок, был?» — «Ходил к царю, носил блюдо киселю».— «Чем тебя царь пожаловал?» — «Золотою тетеркою».— «Где золотая тетерка?» — «Я променял на коня».— «Где конь?» — «Я променял на коровку».— «Где коровка?» — «Я променял на овечку».— «Где овечка?» — «Я променял на свинью».— «Где свинья?» — «Я променял на гуська».— «Где гусек?» — «Я променял на утку».— «Променяй нам утку на клюшку».

Променял, идет; пришел домой, клюшку поставил у ворот, а сам пошел в избу. Жена стала спрашивать; он рассказал все до клюшки. «Где клюшка?» — «У ворот». Она пошла, взяла клюшку да клюшкой-то возила-возила его: «Не меняй, не меняй, старый черт! Ты хоть бы утку принес домой!»

СКАЗКА ПРО БРАТЬЕВ ФОМУ И ЕРЕМУ

Ах, да Ерема да Фома были два братейка:
Они волосом однаки и умом равны,
У них бороды, как бороды, и усы, как усы.
Вот задумали братаны в божью церковь идти;
В божью церковь идти, богу молиться.
Вот Ерема зашел в церковь, а Фома в алтарь,
Вот Ерема взял книгу, а Фома псалтырь;
Ох, Ерема-то запел, а Фома заговорил.
То заслышали попы со высокия горы,
Попы грамотные, люди надобные...
Вот Ерему взяли в шею, а Фому в толчки.
. . . .
Ерема-то из двери, а Фома из окна.
Ох, Ерема пошел в ельник, а Фома в сосняк;
Они оба испугались, оба вместе соходились,
Вот задумали братаны серых зайков промышлять.
Серых зайков, побегошков: ничего не нашли!
Вот пошли они, братаны, по крутому бережку,
По крутому бережку, по жёлтому по песку.

Вот увидели братаны, что две уточки плывут;
Одна уточка белешенька, а другая-то что снег.
Ох, Ерема схватил палку, а Фома косарь:
Как Ерема недокинул, Фома через перекинул.
Вот задумали братаны себе рыбу промышлять,
Себе рыбу промышлять, красну семужку.
Ох, Ерема сел да в лодку, а Фома в ботню:
У них лодка без набоев и ботня безо дна.
Они три года тонули — не могли потонуть,
Их три черта давили — не могли задавить!
Вот задумали братаны свои головы кормить,
Свои головы кормить, себе хлеб наживать,
И поло́жили ребята себе пашню пахать;
Вот Ерема пошел в рынок, а Фома на базар,
Вот Ерема купил мерина, Фома жеребца —
Он у них, мерин-то, не тянет, и соха-то не валит;
Они мерина колом, сами с пашенки бегом!

Было два брата, Хома да Ерема, сдумали-сгадали честные братаны рыбу ловить. Лодка была у них розна, ботник безо дна; три дня тонули, а потонуть не могли, добрые люди повытащили. Сели братаны на бережок, понюхивают табачок. Вздумали они торговать; накупили холстов, съехали в Ростов и променяли холсты на свиные хвосты, и тут неудача! Вздумали землю пахать; посеяли рожь и овес; рожь-то не выникла, а овес-то не взошел, с того они соху и борону в огонь, лошадь по горлу ножом, а сами с пашни бегом!

ХОРОШО, ДА ХУДО

Ехали барин и мужик. «Мужик, откуда ты?» — «Издалеча, бачка».— «А откуда?» — «Из города Ростова, а барина Толстова».— «А велик ли город?» — «Не мерил».— «А силен?».— «Не боролся».— «А за чем ехал?» — «За покупкой дорого́ю: за мерою гороха».— «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Ехал пьяный, да рассыпал».— «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Рассыпал-то меру, а подгреб-то две!» — «А вот это-то хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «Да что ж?» — «Посеял, да редок».— «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Хоть редок, да стручист!» — «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не совсем!» — «А что ж?» —

«Поповы свиньи повадились горох топтать, топтать — да и вытоптали».— «Этак худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я поповых свиней убил да два чана свежины насолил».— «Вот это хорошо!» — «Хорошо, да не дюже!» — «А что ж?» — Поповы собаки повадились свежину таскать, таскать — да повытаскали».— «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я тех собак убил да жене шубу сшил!» — «Вот это хорошо!» — «Хорошо да не дюже!» — «А что ж?» — «Пошла моя шельма жена мимо попова двора; поп-то узнал да шубку снял».— «Вот это худо!» — «Худо, да не дюже!» — «А что ж?» — «Я с попом судился, судился, сивого мерина да рыжую корову цапцарап! Мое-то дело и выгорело!»

Жил-был барин в городе; приехал к нему из деревни староста. «Это ты, Василий Петров?» — спрашивает барин. «Я, батюшка-барин!» — «Не привез ли ты от матушки письма?» — «Письмеца нет, только одна грамотка».— «Что же в ней прописано?» — «Да, вишь, прогневили господа бога, ваш перочинный ножичек изломали».— «Как же вы его изломали?» — «С вашего иноходца кожу снимали; ножичек-то мал, я его и сломал».— «Да разве мой конь помер?» — «Нет, подох».— «Как же он издох?» — «Не он наперед подох, а ваша матушка, батюшка-барин!» — «Ужли и матушка померла?» — «Да как у Фомки овин горел, она в тѐ поры сидела в каменном дому в верхнем этажу, а форточка пóла была: искорка ей на ногу скакнула, барыня упала, да ногуто и свихнула».— «А ты, дурак, чего не поддержал?» — «Батюшка-барин! Она хлебом-солью откормлена. В кое место падет, меня убьет!» — «Ты бы таковской и был! Отчего ж у Фомки овин загорелся?» — «Не он наперед загорелся, а ваша новая конюшня».— «Что от нее осталося?» — «Три столба воротных да с вороного коня подуздочек».— «Как же она загорелася?» — «Да не она, батюшка-барин, загорелася, а ваша новая мельница».— «Как, и новая мельница сгорела?» — «Да, батюшка-барин, сгорела! Прогневили мы господа бога».— «Что ж от нее осталось?» — «Вода да камень остались: камень-то нáчетверо разорвало, а все уцелел; да в дымном окошке кошка сидела, так у ней глаза лопнули, а сама как есть живая!» — «Как же новая мельница загорелася?» — «Не она, батюшка-барин, наперед загорелась, а ваша кладовая».— «Как — и кладовая?» — «Да, сгорела, батюшка-барин! Прогневили мы господа бога».— «Что ж от нее осталось?» — «Четырнадцать бутылок осталось; я у всех горлышки пообломал

да отведывал; в иной кисло, в иной горько, а в иной и пить нельзя».— «Ты, дурак, пьян!» — «Батюшка-барин! Ведь немножко отведал».

«Ты старостой называешься, а собрал ли с крестьян деньги?» — «Собрал, батюшка-барин, собрал».— «С кого сколько?» — «С Фомки грош, с Еремки грош, а с Варфоломейка одна копейка».— «А что же с него мало?» — «Он вдовый, половину тягла платит».— «Где же деньги?» — «Да шел, я батюшка-барин, по улице; стоит новый кабак, я на грош выпил да трехкопеечным калачиком закусил».— «Ты, дурак, пропил!» — «Нет, батюшка, и пропил и проел».— «А собрал ли с крестьян муку?» — «Собрал, собрал, батюшка-барин!» — «Куда ж ты ее девал?» — «Вам да свиньям пятьдесят четвертей; черному псу да твоему родимому отцу сорок четвертей; суке Галяме да матери Ульяне тридцать четвертей; уткам да курам, сестрам твоим дурам двадцать четвертей».— «Что ты, дурак, ругаешься?» — «Батюшка-барин, пословица така!» — «Был ли ты на рынке?» — «Был, батюшка-барин, был».— «Велик ли торг?» — «Я с ним не мерился».— «Силен ли он?» — «Я с ним не боролся».— «Почем там мука?» — «По кулям да по мешкам».— «Ты, говорят, Фомку женил?» — «Женил, батюшка-барин, женил».— «А богата невеста?» — «Богата, батюшка-барин, дюже богата!» — «Что богатства?» — «Чепчик с клиньем, да колпак с рукавами, чугунна коробка, железный замок».— «Богата, богата! А из божества что у ней есть?» — «Картина в лицах, другá в тряпицах...»

НЕ ЛЮБО — НЕ СЛУШАЙ

Жили два брата умных, а третий дурак. Вот однажды поехали они на чащу, и захотелось им там пообедать; насыпали они круп в горшок, налили воды холодной (так командовал дурак), а огня не знали где добыть. Неподалеку от них был пчельник. Вот большой брат и говорит: «Пойти мне за огнем на пчельник». Приходит и говорит старику: «Дедушка, дай мне огоньку». А дед говорит: «Сыграй прежде песенку мне».— «Да я, дедушка, не умею».— «Ну, попляши».— «Я, дедушка, не горазд».— «А, не горазд, так нет тебе и огня!» К тому ж за провинку взял вынул у него из спины ремень. И приходит этот большой брат без огня к своим братьям. Тут средний брат закроптался на него, говоря: «Экой ты, брат! Не принес нам огню! Да-ка я пойду».— и пошел. Пришел на пчельник и кричит: «Дедушка, пожалуй мне огоньку!» — «Ну-ка, свет, сыграй мне песенку!» — «Я не умею».— «Ну, сказку скажи».— «Да я, дедушка, ничего не умею». Ста-

рик взял и у этого брата вырезал из спины ремень. Приходит и этот без огню к своим братьям. Вот умные братья и поглядывают друг на друга.

Дурак все смотрел на них и проговорил: «Эх вы, умные братцы, не взяли вы огню!» — и пошел сам за огнем. Приходит и говорит: «Дедушка, нет ли у тебя огоньку?» А дед говорит: «Попляши прежде!» — «Я не умею»,— отвечал дурак. «Ну, сказку скажи».— «Вот это так мое дело,— сказал дурак, присаживаясь на лежачий плетень,— да смотри,— продолжает дурак,— садись-ка насупротив меня, слушай, да не перебивай, а если перебьешь, то из спины твоей три ремня». Вот старик сел напротив его — к солнцу лысиной, а лысина была большая. Дурак откашлялся и начал сказку: «Ну, слушай же, дед!» — «Слушаю, свет!» — отвечал старик.

«Была у меня, дедушка, пегонькая лошаденка; я на ней езжал в лес сечь дрова. Вот однажды сидел я на ней верхом, а топор у меня был за поясом; лошадь-то бежит — трюк, трюк, а топор-то ей по спине — стук, стук; вот стукал, стукал да и отсек ей зад. Ну, слушай, дед!» — говорит дурак, а сам его голицею по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот я на передке этом еще три года ездил, да потом как-то нечаянно в лугах увидал задок моей лошади; ходит он и траву щиплет. Я взял поймал его и пришил к передку, пришил, да еще три года ездил. Слушай, дед!» А сам опять голицею его по лысине щелк! «Слушаю, свет!» — «Ездил, ездил, приехал я в лес и увидал тут высокий дуб; начал по нем лезть и залез на небо. Вот увидал я там, что скотина дешева, только комары да мухи дороги, взял и слез на землю, наловил я мух и комарей два куля, взвалил их на спину и вскарабкался опять на небо. Сложил кули и стал раздавать грешным людям: отдаю я муху с комаренком, а беру с них на обмен корову с теленком,— и набрал столько скотины, что и сметы нет. Вот и погнал я скотину, пригнал я к тому месту, где взлезал,— хватился: дуб-то подсекли. Тут я пригорюнился и думал, как мне с неба слезть, и вздумал, наконец, сделать веревку до земли: для этого перерезал я всю скотину, сделал долгий ремень и начал спускаться. Вот спускался, спускался, и не хватило у меня ремнев вышиною поболее твоего шалаша, дедушка, а спрыгнуть побоялся. Слушай, дед!» А сам голицею по лысине его щелк! «Слушаю, свет!» — «Вот мужик на мое счастье веет овес: полова-то летит вверх, а я хватаю да веревку мотаю. Вдруг поднялся сильный ветер и начал меня качать туда и сюда, то в Москву, то в Питер; оторвалась у меня веревка из половы, и забросило меня ветром в тину. Весь я ушел в тину, одна голова лишь осталась; вылезть мне хочется, а нельзя. На моей голове свила утка гнездо. Вот повадился бирюк ходить

на болото и есть яйца. Я как-нибудь вытянул из тины руку и ухватился за хвост бирюку, как стоял он подле меня, ухватился и закричал громко: тю-лю-лю-лю! Он меня и вытащил из тины. Слушаешь, дед?» А сам голицею его по лбу щелк! «Слушаю, свет!»

Видит дурак, что дело-то плохо: сказка вся, а дед сдержал свое слово, не перебивал его; чтобы раздразнить старика, начал дурак иную побаску: «Мой дедушка на твоем дедушке верхом езжал...» — «Нет, мой на твоем езжал верхом!» — перебил сказку старик. Дурак тому и рад, того и добивался, свалил старика и вырезал у него из спины три ремня; взял огня и пришел к своим братьям. Тут разложили они огонь, постановили горшок с крупами на таган и начали варить кашу. Когда каша сварйтся, тогда и сказка продлится, а теперь пока вся.

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был мужик; у него три сына: два умных, третий дурак. Послал их отец землю пахать. Вот они пахали, пахали — до самого вечера, пришлось ночевать в поле; надо на ужин кашу варить, да за огнем куда идтить? Старший брат взлез на дерево, туда-сюда поглазел и увидел: в одной стороне как будто огонь горит; слез наземь и пошел огня добывать.

Идет себе да идет — стоит на пути избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке сидит седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку».— «Скажи сказочку».— «Не умею».— «Скажи присказку».— «Не смею».— «Коли так, отвечай спиной!» Выдрал у него из спины ремень, посыпал то место золой и пустил без огня домой.

Воротился парень к братьям и сказывает, что не мог найти. «Экой ты гусь! Разве мне пойти»,— говорит середний брат. Пошел, и с ним случилось то же самое. «Ну, дурак, ступай теперь ты». Поплелся дурак — стоит избушка на курьих ножках, на собачьих пятках, а в избушке — седой старик. «Здорово, дедушка!» — «Здорово, соседушка!» — «Дай огоньку».— «Скажи сказочку».— «Сказал бы, да ты поперечить будешь».— «Нет, не буду; я люблю, коли мне сказки сказывают».— «Ну так сделаем уговор; кто поперечить станет — у того из спины ремень».— «Ладно!» Вот и начал дурак:

«Было нас, дедушка, три брата, поехали мы траву косить, приезжаем — хвать: нет ни одной косы, дома забыли! Что де-

лать, чем косить? Только мы догадливы были, давай косить дугами; махали, махали, три стога наметали. Стали домой ворочаться: едем мимо лесу и слышим крик-гам великий. Что такое? Медведь со шмелем дерется. Шмель кричит: «Мне пособите!» Медведь кричит: «Мне пособите!» Как тут быть, кому пособить? Если шмелю, так он вырвется да улетит. Пособили медведю; убили шмеля и надавили вощин семь лощин, а меду с сенную копну набрали. Из тех вощин я слепил себе кобылку да три года на ней ездил. Раз как-то поехал я на зеленя; еду, ничего не ведаю, глядь назад — половины лошади нет: на передке сижу, а задок по зеленям бегает. Я ловил его, ловил, насилу поймал: взял да лычком обе половины сшил да еще три года ездил.

В некое время случилось мне ехать возле озера: на том озере утка гнездо свила. Я сейчас вырубил три полена: одно — липовое, другое — лутоховое, а третье — с чего лыки дерут: одним бросил — недошвырнул, другим бросил — перешвырнул, а третьим как раз в утку угодил; утка полетела, а я, дедушка, гнездо потащил, полну лодку яиц навалил: в целый год не съесть! Захотелось мне напиться; влез я в озеро по самую глотку, а почерпнуть воды нечем; вот я снял с головы череп да тем и напился. Оглянулся назад: лошадь моя далеко ушла; побежал за нею, да череп и позабыл. Пока изловил я лошадь, тем временем череп уплыл; прилетела утка, нанесла в нем яичек и вывела деток. Захватил я все гнездо; череп на себя надел, а птиц зажарил да поел.

Еду после того по́ лесу; мужик на дубу горох молотит: гороховина наземь валится, а горох по сучкам садится. Полез я, дедушка, горох собирать, сижу на дереве, собираю, ничего не знаю. А дуб рос, рос, до небес дорос. Взлез я на небеса посмотреть-посудить, что там деется. Только у нашего попа завистные глаза: взял он этот дуб срубил, к себе на двор стащил. Как быть? Спасибо, там коровы дешевы: телушка по мушке, за быка слепня дают. Вот я целый кошель мух наловил да телушек накупил: стал их резать, кожи драть, ремни вязать. Зацепил ремень за край неба и давай вниз спускаться; спускался, спускался: гляжу — ремень-то весь, а до земли далеко; коли прянуть — убьешься! На мое счастье мужик овес веял: я все мякину ловил да веревку вил. Только та веревка оборвалась; я упал, чуть не убился, на тот свет провалился; видел там всех покойников: как мой-то батюшка на твоем дедушке воду возит...» — «Что ты, дурак! Будто и правда?» — перебил старик. Дурак тотчас его повалил, вырезал из спины ремень, взял огню и воротился к братьям: «Вот вам огонь, варите-ка кашу!»

Жил я с дедушкой, а батька мой тогда еще не родился: по тому са́мому, как начался свет,— было мне семь лет. Жили мы куда богато! Был у нас большой дом из одного кирпичика; глазом не окинешь, а взглянуть не на что; светом обгорожен, небом покрыт. Лошадей было много: шесть кошек езжалых, двенадцать котов стоялых; один жеребец бойкий — кот сибирский был на цепь прикован возле печки к столбу. Земли у нас с дедом было видимо-невидимо; пол да лавки сами засевали, а печь да полати внаймы отдавали. Родилось хлеба много; стали убирать — девать некуда. Дед был умен, а я догадлив; склали скирду на печном столбу; велика скирда — глазом не окинешь, хоть взглянуть не на что! И завелись в ней мыши, стали хлеб точить; жеребец наш бойкий — кот сибирский прыг на столб — мышей не изловил, скирду в лохань уронил. Дед голосом завыл, а я заголосил: «Чем теперь кормиться-то будем?» Только дед был умен, а я догадлив; вытащили хлеб из лохани, пересушили и обмолотили.

Время было к празднику, стали мы солод готовить да пиво варить; как в ложке затерли, в корце развели — вышло пива с целую бочку. Что гостей-то к нам привалило — и в дом и на двор, по улице пройтить нельзя от народу! Дед выставил бочку с пивом, принес большущий ковш и давай всех поить-угощать. Стали к нему гости подходить; а дед был очень прост — всякому по полному ковшу: как кому поднесет, да за волосы потрясет, да четвертным поленом по затылку оплетет, так и с ног долой! Сколько тут пьяных набралось — по двору, по улице, как шмели ползают! Перепоили мы с дедом всю деревню, да так перепоили — который и проспится, так опохмелиться не хочет; а пива все-таки осталось немало — целую неделю мы с дедом пили, насилу выпили.

После того смотрю я — дров в дому ни полена, а топить надобно. Была у нас лошадь серая; упряжь чудесная, да запрячь не во что. «Ступай,— говорит мне дедушка,— запрягай лошадь, поезжай в лес за дровами». Я надел кафтанишко худенький, заткнул топор за пояс, сел верхом и поехал в путь. Еду рысью скорою, а топор тяп да ляп, и перерубил мою лошадь пополам. Оглянулся назад — ан на одном передке еду; задок далеко отстал. Я кликать, я звать — прибежал задок. Что долго думать, составил обе половинки, смазал глиною, дал шпоры под бока — и откуда прыть взялась! Приехал в лес, нарубил дров, наклал большущий воз и привязал веревкою за хвост. Как крикну — лошадь сгоряча хватила, по уши в грязь угодила. Я за дедом; тот был умен, а я догадлив; взялись оба за хвост и ну тянуть; тащили, тащили да шкуру долой и стащили! Дед голосом завыл,

я заголосил. Не на чем было ехать; приходим домой и горюем. Только глядь в окно, а лошадь наша стоит у ворот, сама пришла. Дед засмеялся, я захохотал: лошадь-то дома, а шкура в барышах досталась.

У нас на дворе рос высокий дуб; усмотрел я, что на том дубу много птицы водится, и полез добывать дичинки. Я лезу, а дуб все растет да растет и упер верхушкою в небо. Пришло мне на мысль: дай пощупаю, крепко ли небо? Только рукой за край взялся, дуб подо мной и свалился; повис было на одной руке, да потом ухитрился и взобрался на небо. День хожу, и два, и три хожу; совсем отощал-исхудал: есть-то нечего! С той худобы завелися вши немалые; а я догадлив был, принялся их ловить, шкурки драть да ремешки кроить; свил веревочку, привязал за край неба и начал спускаться. На беду не хватило веревочки. Пришлось бы мне долго висеть промеж неба и земли, да мужик вышел овес веять; нанес ветерком ко мне полову, а я-то ловлю да веревку вью. Ни много, ни мало прошло времени, перестал мужик овес сеять, а веревки все не хватает. Что тут делать? Была не была, прыгнул наземь и попал в трясину; по самые уши утонул.

Сижу день, и два, и три; волоса ветром разбило. Прилетела утка, свила себе на моей голове гнездышко и снесла яичко. Я хотел было взять яйцо да съесть, уж и руку протянул, да одумался: пусть еще снесет, тогда за один раз наемся. На другой день снесла утка второе яичко; а я себе на уме: подожду еще денек, авось снесет третье. Наутро слышу я — шум шумит: идет волк болотом; подошел и поел яйца; поел и хочет назад идти, а я тем временем намотал хвост его на руку и крикнул во все горло. Волк с испугу бросился в сторону и вытащил меня из трясины. Воротился я домой; дед засмеялся, я захохотал: тут и батька мой родился.

Как у нас на селе заспорил Лука с Петром, сомутилася вода с песком, у невестки с золовками был бой большой: на том на бою кашу-горюху поранили, киселя-горюна во полон полонили, репу с морковью подкопом взяли, капусту под меч приклонили. А я на бой не поспел, на лавочке просидел. В то время жили мы шесть братьев — все Агафоны, батюшка был Тарас, а матушка — не помню, как звалась; да что до названья? Пусть будет Маланья. Я-то родом был меньшой, да разумом большой. Вот поехали люди землю пахать, а мы шесть братьев руками махать.

Люди-то думают: мы пашем да на лошадей руками машем, а мы промеж себя управляемся. А батюшка навязал на кнут зерно гречихи, махнул раз-другой и забросил далеко.

Уродилась у нас гречиха предобрая. Люди вышли в поле жать, а мы в бороздах лежать; до обеда пролежали, после обеда проспали, и наставили много хлеба: скирда от скирды, как от Казани до Москвы. Стали молотить — вышла целая горсть гречихи. На другой год батюшка спрашивает: «Сынки мои возлюбленные, где нам нынче гречиху сеять?» Я — брат меньшой, да разумом большой, говорю батюшке: «Посеем на печке, потому что земля та порожняя; все равно круглый год гуляет!» Посеяли на печке, а изба у нас была большая; на первом венце порог, на другом потолок, окна и двери буравом наверчены. Хоть сидеть в избе нельзя, да глядеть гожа.

Батюшка был тогда больно заботлив, рано утром вставал чуть заря занимается, и все на улицу глазел. Мороз-то и заберись к нам в окно да на печку; вся гречиха позябла. Вот шесть братьев стали горевать, как гречиху с печи собирать? А я — родом хоть меньшой, да разумом большой. «Надобно,— говорю,— гречиху скосить, в омет свозить».— «Где же нам омет метать?» — «Как где? На печном столбе: место порожнее». Сметали большой омет.

Была у нас в дому кошка лыса: почуй она, что в гречихе крыса, бросилась ловить и прямо-таки о печной столб лбом пришлась; омет упал да в лохань попал. Шесть братьев горевать, как из лохани омет убирать? На ту пору пришла кобыла сера, омет из лохани съела; стала вон из избы бежать, да в дверях и завязла: таково-то с гречихи у ней брюхо расперло! Задние ноги в избе, а передние на улице. Зачала она скакать, избу по улице таскать; а мы сидим да глядим: что-то будет! Вот как брюхо-то у кобылы-то опало, я сейчас в гриву ей вцепился, верхом на нее ввалился и поехал в кабак. Выпил винца, разгулялся добрый молодец; попалось мне в глаза у целовальника ружье славное. «Что,— спрашиваю,— заветное аль продажное?» — «Продажное». Ну, хоть полтину и заплатил, да ружье купил.

Поехал в дубовую рощу за дичью; гляжу: сидит тетерев на дубу. Я прицелился, а кремня-то нет! Коли в город за кремнем ехать — будет десять верст; далеко; пожалуй, птица улетит. Думаючи этак сам с собою, задел невзначай полушубком за дубовый сук; кобыла моя рванула с испугу да как треснет меня башкой о дерево — так искры из глаз и посыпались! Одна искра упала на полку, ружье выстрелило и убило тетерева; тетерев вниз упал да на зайца попал; а заяц сгоряча вскочил, да что про меня дичины набил! Тут я обозом в Саратов отправился; торговал-

продавал, на пятьсот рублев дичины сбывал. На те деньги я женился, взял себе славную хозяйку: коли вдоль улицы пройдет, всю подолом заметет; малые ребятишки встречают, поленьями кидают. Не надо покупать ни дров, ни лучины; живу себе без кручины.

Уродился я ни мал, ни велик — всего-то с игольное ушко. не то с приворотную надолбу. Пошел я в лес, самое дремучее дерево рубить — крапиву. Раз тяпнул — дерево качается, в другой тяпнул — ничего не слышно, в третий тяпнул — выскочил кусок мне, добру мо́лодцу, в лобок. Тут я, добрый мо́лодец, трои сутки пролежал; никто меня не знал, не видал, только знала-видала меня рогатая скотина — таракан да жужелица. Встал я. добрый мо́лодец, отряхнулся, на все четыре стороны оглянулся, побрел по берегу, по берегу все не нашему. Стоит река — вся из молока, берега из киселя. Вот я, добрый мо́лодец, киселя наелся, молока нахлебался... Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: стоит церковь — из пирогов складена, оладьями повершена, блином накрыта. Вступил я на паперть, вижу двери — калачом двери заперты, кишкою бараньей задернуты. Тут я, добрый мо́лодец, догадался, калач переломил да съел, кишку собакам отдал. Вошел я в церковь, в ней все не по-нашему: паникадило-то репяное, свечи морковные, образа пряничные. Выскочил поп толоконный лоб, присел — я его и съел. Пошел я по берегу, по берегу все не нашему: ходит тут бык печеный, в боку нож точеный. Кому надо закусить, изволь резать да кроить.

СКАЗКА О ЗЛОЙ ЖЕНЕ

Зла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит: «Не стоишь, вор, блинов!» Муж говорит: «Не пеки, жена, блинов, коли не стою»; она выпечет кринку в два ведра и говорит: «Ешь, вор, чтоб съедено было!» — «Ну,— говорит,— жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!» А она говорит: «Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!»

Только он побился с ней, помаялся, пошел с горя в лес по ягоды. и нашел куст смородины. и увидел в этом кусту бездонную яму; поглазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не

могу ли я ее в эту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришел в избу и говорит: «Не ходи, жена, в лес за ягодами!» — «Нет, шишморник, пойду!» — «Я нашел куст смородины, не бери!» — «Нет, сама пойду, оберу, тебе не дам смородины!» Муж пошел, жена с ним; пришел к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит: «Не ходи, вор, в куст, убью!» — и сама полезла в средину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошел и прожил трои сутки, на четвертые пошел проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертенка; испугавшись, и хочет чертенка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: «Крестьянин, не обрати назад, пусти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусила, прищипала — тошно нам! Я тебе добро сделаю!» Крестьянин отпустил его на божью волю — на святую Русь. Чертенок и говорит: «Ну, крестьянин, пойдем со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты — лечить».

Но вот пошел чертенок по купеческим женам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин — где заболеют — придет в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, а смекают все, что этот крестьянин — лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертенок и говорит: «Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пойду в боярскую дочь; мотри не ходи ее лечить; не то съем я тебя!» Боярышня заболела и так задурела, что требует людей ести.

Приказал боярин крестьянина найти — такого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоромы и велит боярину, чтоб все горожане и кареты с кучерами стояли в этой улице противу дому боярского; потом дает приказ, чтоб все кучера щелкали в арапельники и матом кричали: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» — и сам пошел в комнаты. Пришел он в комнаты: чертенок возлился на него и говорит: «Что ты, русский, зачем пришел? Я тебя съем!» Он говорит: «Что ты! Я пришел тебя не выживать, а пришел, тебя жалея, сказать: зла-то жена сюда пришла!» Черт на окошко вскочил, вытаращил зенки да и чует: все одним матом орут: «Злая жена!» — «Крестьянин,— взговорил черт,— мне-то куды деваться?» — «Ступай опять в ямищу: она туды больше не пойдет». Черт туды и ушел к злой жене. За это боярин пожаловал милость, дочку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именья подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в тартарары.

У Антипки была распрезлющая жена да детей куча. Антипка — слово, баба — за рычаг да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмет кнут, а баба разорется-раскричится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребенка за ногу и давай им отмахиваться; глаза вытаращит, пена у рта, черт чертом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже. Стал он задумывать, как бы жену сбыть? И придумал.

Воротился однажды из лесу такой развеселый и гуторит жене ласково: «Послушай-ка, моя женушка! Заживем мы с тобой по-боярскому, разряжу тебя павою,— ведь я нашел казны гибель страшную, несметную».— «Где, пострел? Покажи-ка мне! Не во сне ли тебе, чучелу, пригрезилось?» — «Нет, моя ластушка, нет, моя любушка! Хоть очми не досмотрел, а ушми дослышал, как злато-серебро перезвякивало».— «Да где?» — «Там, в лесу, в провале, что над самым крутояром, подле дуба-то тройчатого».— «Ну пойдем,— говорит баба ласковее,— да смотри: коли сбрехал, задам вытаску! Как же ты слышал? Расскажи-ка мне».— «Вот видишь, захотелось мне швырнуть камень в еван-то ямище; швырнул, а целковики да, кажись, лобанчики так и зазвякали. Я в другой раз, ан еще дюжей! Я и в третий — право слово, звякают!» Пришли к ямищу — черно, глубоко! «Ну, жена, вот булыга — брось сама, коли мне веры не даешь!»

Баба взяла камень да, наклонясь, бросила, а Антип тем часом потрафил ей в шею: баба кувырк, полетела в ямище и не пикнула. Только пришел Антип ко двору, детишки — все девчура мелкая — с визгом его встретили: «Батя, каши, батя, хлеба, батя, молока!» А тут сам корову дой, сам на речку беги — пеленки стирай, лошадей убирай да ночь не спи — малолеток качай. «Ай-ай! — вскричал Антип, почесываясь в затылке.— С бабой была беда, а без бабы десять бед, и работать некогда!» Обнищал Антип и вздумал думу новую: «Дай пойду жену вытащу!» Начал собирать обрывки да веревки, от лаптей оборки, связал все вместе, наставил и надвил, на конце клепец в аршин присадил; пришел к ямищу, опустил веревку с клепцом да потряхивает. И вот мудреное дело — на веревке что-то потяжелело, а не с бабу весом; стал наверх тащить, тащил, тащил, глядь — на конце чертенок сидит, вершков шести, весь в шерсти. Антип закричал: «Прочь! Знаю, ты мал, да шибко удал! Отцепись, проклятый, да ступай туда, где прежде был; на белый свет я тебя не пущу; слышь, как раз перекрещу».

Взмолился бесенок: «Антипушка! Я добрый черт, я тебе богатство дам: стану по чужим домам вселяться, а ты меня словом

гони да деньги греби. Только, слышь, до двух раз! Выберу тебе богачей на заказ. Как злая баба в ямище упала, нам просто житья не стало!.. Вытащи, Антипушка! Я свое обещание сдержу, на корень твой двор посажу; будут у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за детьми ходить, будешь с господами хлеб-соль водить». Соблазнился Антип, вытащил беса наружу — на канате вдруг полегче стало, бесенка словно ветром унесло.

Не прошло и недели, как слышит Антип, что у богача-подрядчика в больших каменных палатах поднялась громотня, стукотня, по ночам хохот, беготня, жильцам житья не стало! Идет Антип к подрядчику, поклонился и говорит: «У вас, батюшка, в доме нечисто, поселился презлой бесенок; ты ничем его не выживешь, разве мне приказать изволишь».— «Гони, гони, Антипушка! — говорит подрядчик.— Во как поклонюсь».— «Добро! — отвечает Антип.— Из поклона ведь шубы не тачают, а я мужик бедный, семьянистый; у меня семь дочерей — старшой лишь осьмой годок пошел, а баба-то сбежала, так за всем сам присмотри! Дай мне на каждую дочь по тысяче, я твой дом обойду, свистну да слово скажу — и не будет чертей».

Подрядчик не стал спорить, достал мошну, отсчитал семь тысяч и повел Антипа по своим упокоям. Антип что войдет в упокой, свистнет и закричит: «Вон!» В ответ ему из-за печки пищит: «Уйду!» Обошел весь дом — и везде сделалось и тихо и смирно. Поздравил хозяина с благодатью в дому; ну, хозяин подносит ему и вина заморского, и травнику, и наливки, а на стол закусок наставил: яйца вкрутую да щуку обливную, разные колбасы и всякие припасы. Подгулял Антип, на целую неделю наелся — аж подпояску долой! Простился с подрядчиком и поплелся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные, и всякого добра много. Молва об Антипе далеко бежит, что Антип — мастак ворожить, и хоть не бабка он, а большой чертогон!

Вот через месяц, через два, шлет из города откупщик гонца за Антипом. «Помоги, Антипушка, у нас несчастье»,— сказывает гонец. «Что, ай дом горит?» — «Нет! Хоть не горит, а пуще того: нечистая сила откупом вертит; в дому и шум и гам, паутина да грязь по чанам. Откупщик за плату не постоит, только возьмись, брат, от беса полечить».— «Хорошо!» — промолвил Антип, заложил в беговые дрожки рысака и поехал к откупщику на двор. Откупщик берет его за руку, с честью в дом ведет, вперед ему ход отдает, что слово — почтенным величает, на мягки диваны сажает. «Родимый, помоги!» А Антип бородку гладит, на десять тысяч ладит; деньги в карман кладет и, свистнув, по палатам идет: прогнал беса, везде и тихо и смирно! «Спасибо,— сказал

откупщик,— за твою послугу прикажу тебе бочку вина отвезти в дом».

Поехал Антип от него мимо гостиных рядов: на черепенники и калачи уж и не глядит. «Подавай сластей!» — говорит. Приезжает домой, глядь — на дороге приказчик стоит: «Эй, Антип! Собирайся скорей на боярский двор».— «Зачем?» — «Да, вишь, черт поселился, бедами качает, боярыня слезно рыдает, дети ревмя ревут...» — «Родимый Иваныч! Помилуй, я в третий раз не смогу черта прогнать».— «Поди-ка изволь с барином толковать! Коли, говорит, к ночи не выгонит беса вон, так я его на конюшне с головы до пят испорю, на поселенье сошлю, а дочек на барщину возьму, на тальках-то заморю!» — «Нечего делать,— отвечает Антип,— сейчас прибегу; дай только лошадь отпрягу».

Антип был мужик из десятка не простого, навострился людей надувать, захотел обмануть и духа злого. Отпряг рысака, долой новую одежу, сыскал старую и ту в клочки изорвал, волосы овином встрепал, переоделся в старье, сапоги на осметки сменил да исцарапал в кровь лицо и побежал в село на боярский двор. «Ты зачем,— говорит бесенок,— разве забыл уговор?» — «Знаю,— отвечает Антип,— я гнать тебя не хочу, сам у боярина защиты ищу; ведь моя баба из ямы выдралась, следом за мною бежит, хочет со свету изжить!» — «Как? — закричал бесенок.— Из ямы выдралась, за тобою бежит! Нет, лучше я к братьям в ямище уйду; теперь, чай, без бабы пирушки в аду!» Убежал бесенок в ямище — и стихло в боярских хоромах. Тут боярин Антипу на милость принял, от барщины ему совсем отказал.

Воротился Антипка домой, глядь — на дворе бочка с вином стоит; не обманул откупщик! Созвал он соседей — и давай угощаться; на другой день надо опохмелиться, опохмелился, да не в меру — опять пьян напился... С той самой поры начал он и по дням, и по ночам к бочке прикладываться: все ему жена грезится! Заснет — а она на грудь коленом станет да за горло давит; проснется — а она в углу стоит да кулаком грозит. Страшно и жутко! Поневоле за чарку возьмешься. Умер Антип от запою; отнесли его на погост, девчонок на барщину взяли, а добро и казну по рукам растащили.

ЖЕНА-СПОРЩИЦА

У одного мужика была жена сварлива и упряма; уж что, бывало, захочет, дак муж дай ей, и уж непременно муж соглашайся с ней. Да больно она льстива была на чужую скотину; как, бывало, зайдет на двор чужая скотина, дак уж муж и говори, что

это ее. Страшно надоела жена мужу. Вот однажды и зашли к ней на двор барские гуси. Жена спрашивает: «Муж, чьи это гуси?» — «Барские».— «Как барские!» — Вспылила со злости, пала на пол. «Я умру,— говорит,— сказывай: чьи гуси?» — «Барские». Жена охает, стонет. Муж наклонился к ней: «Что ты стонешь?» — «Да чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, умираю, беги скорей за попом».

Вот муж послал за попом; уж и поп едет. «Ну,— говорит муж,— вот и священник едет». Жена спрашивает: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, пущай священник идет, умираю!» Вот исповедали ее, приобщили, поп ушел. Муж опять: «Что с тобой, жена?» — «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, совсем умираю, готовь домовище!» Изготовили домовище. Муж подошел: «Ну, жена, уж и домовище готово».— «А чьи гуси?» — «Барские».— «Ну. совсем умерла, клади в домовище».

Положили в домовище и послали за попом. Муж наклонился к жене, шепчет: «Уж домовище подымают, нести хотят отпевать в церковь». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, несите!» Вот вынесли домовище, поставили в церкви, отпели панихиду. Муж подходит прощаться: «Уж и панихиду,— говорит,— отпели; выносить хотят на кладбище». Жена шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Несите на кладбище!»

Вот и вынесли; подняли домовище опущать в могилу, муж нагинается к ней: «Ну, жена, уж тебя в могилу опущают и землей засыпают». А она шепчет: «Чьи гуси?» — «Барские».— «Ну, опущайте и засыпайте!» Домовище опустили и засыпали землею. Так уходили бабу барские гуси!

Была у одного мужа жена, да только такая задорная. что все ему наперекор говорила. Бывало, он скажет: «Бритое», а уж она непременно кричит: «Стриженое!» Всякий день бранились! Надоела жена мужу; вот он и стал думать, как бы от нее отделаться. Идут они раз к реке, а вместо моста на плотине лежит перекладинка: «Постой,— думает он,— вот теперь-то я ее изведу». Как стала она переходить по перекладинке, он и говорит: «Смотри же, жена, не трясись, не то как раз утонешь!» — «Так вот же нарочно буду!» Тряслась, тряслась да и бултых в воду. Жалко ему стало жены; вот он влез в воду, стал ее искать и идет по воде в гору. «Что ты тут ищешь?» — говорят ему прохожие мужики. «А вот жена утонула, вон с энтой перекладинки упала!» — «Дурак,

дурак! Ты бы шел вниз по реке, а не в гору; ее теперь, чай, снесло».— «Эх, братцы, молчите! Она все делала наперекор, так уж и теперь, верно, пошла против воды».

Мужик обрил бороду и говорит: «Смотри, жена, как я чисто выбрился».— «Да разве это брито? Это так только — стрижено!» — «Врешь, каналья! Говори: брито».— «Нет, стрижено!» — «Я тебя изобью; говори: брито».— «Нет, стрижено». Муж побил жену и нудит: «Говори: брито, не то утоплю!» — «Что хочешь делай, а стрижено!» Повел ее топить: «Говори: брито!» — «Нет, стрижено!» Ввел ее в глубину по самую шею и толкает в голову; скажи да скажи: брито! Жена и говорить не может, подняла руку из воды и двумя пальцами показывает, что стрижено.

ГОЛОВИХА

Одна баба бойка была; пришел муж с совету, она и спрашивает его: «Чего вы там судили?» — «Чего судили-то! Голову выбирали».— «А кого выбрали?» — «Никого еще».— «Выберите меня»,— бает баба. Дак что муж пошел на совет (она зла была, ему хотелось ее проучить), сказал это старикам; те тотчас бабу выбрали в головы. Живет баба, судит и рядит, и вино с мужиков пьет, и взятки берет.

Пришло время подушно сбирать. Голова не успел, не мог собрать вовремя; приехал казак, стал спрашивать голову, а баба прятаться: узнала, что приехал казак, бежит скорей домой. «Да куда же я, да куда же я спрятаюсь? — говорит мужу.— Завяжи-ка меня, батюшка-муженек, в мешок да поставь вон к мешкам с хлебом-то». Тут стояло с ярицей мешков пять. Муж завязал голову, поставил в середку мешков. Казак пришел да говорит: «Э, голова-то спряталася!» Давай-ка по мешку-то плетью хлестать. Баба во все горло заревела: «Ой, батюшки, не пойду в головы, не пойду в головы!» Казак отхлестал, ушел, баба полно головить и стала после того мужа слушать.

КАК МУЖ ОТУЧИЛ ЖЕНУ ОТ СКАЗОК

Жил себе дворник. Он имел у себя жену, которая страсть как любила сказки, и запретила она пущать к себе в постойщики тех, кто не умел сказки сказывать. Ну, разумеется, мужу то убыточно,

он и думает: «Как бы мне жену отучить от сказок!» Вот однажды в зимнюю пору, поздно ночью, идет себе старичок, весь иззяб, и просится переночевать. Муж выбегает к нему: «А что,— говорит,— умеешь ты сказки сказывать? Жена не велит пущать никого, кто не умеет сказки сказывать». Мужик видит — дело плохо, от холода чуть не мерзнет. «Умею»,— говорит. «А долго будешь сказывать?» — «Да всю ночь».

Ну, вот хорошо. Впустили мужика. Муж говорит: «Ну, жена, вот мужик посулился всю ночь сказывать сказки, да только с тем, чтоб поперечки ему не делать и не перебивать». Мужик говорит: «Да, поперечки не делать, а то сказывать не буду». Вот поужинали, легли спать; мужик и начал: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду; летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» и пошел твердить все одно и то же: «Летела сова мимо сада, села на колоду, выпила воду...» Хозяйка слушала, слушала, слушала да и говорит:

«Что ж это за сказка, все одно и то же твердит!» — «Так для чего же ты меня перебиваешь? Ведь я говорил, чтобы мне поперечки не делать; ведь это так уж сказка сказывается вначале, а там пойдет другое». Вот муж, услыхамши это, а ему то и нужно было, скочил с лавки и давай жену колотить: «Тебе сказано, чтоб ты не поперечила! И сказку не дала кончить!» Уж он бил-бил, бил-бил, так что жена возненавидела сказки и с тех пор зареклась сказки слушать.

КРЕСТ — ПОРУКА

В одном было городе — жили два купца по самый край речки: один русский, а другой татарин; оба были богатые люди. Только русский по каким-то торговым делам обанкрутился, так что у него не осталось ничего из пожитков; всё описали и обобрали. Нечего было делать русскому купцу — остался гол как сокол; пошел к своему приятелю татарину и просит у него взаймы денег. Татарин говорит: «Давай поручителя!» — «А кого ж я тебе дам, когда у меня нет никого? Ну да постой, вот тебе порука — на церкви животворящий крест!» — «Хорошо, друг! — говорит татарин.— Я кресту вашему поверю; для меня все равно, что ваша вера, то и наша». И дал русскому купцу пятьдесят тысяч рублей. Русский взял деньги, распростился с татарином и отправился опять торговать по разным местам.

Через два года на эти пятьдесят он нажил сто пятьдесят тысяч рублей, и случилось ему с товаром плыть по Дунай-реке из одного места в другое; вдруг поднялась буря, так и хочет судно

потопить. Тут купец и вспомнил, что брал деньги и давал в поручители животворящий крест, а долгу не заплатил: так, верно, оттого и буря поднялась! Только подумал это, как стала буря утихать. Купец взял бочонок, отсчитал пятьдесят тысяч рублей, написал к татарину записку, положил ее вместе с деньгами в бочонок и бросил тот бочонок в воду, думая про себя: «Когда я давал в поручители крест, так он и доставит!»

Бочонок тотчас же на дно пошел: все так и думали, что деньги потеряются. Что же сталося? Жила у татарина русская стряпка. Вот однажды случилось ей идти на́ реку за водой; приходит и видит — плавает бочонок; побрела по воде и давай его хватать — не тут-то было! Она к бочонку, а бочонок от нее; она от бочонка к берегу, а бочонок за ней плывет. Так она билась, билась немалое время, пошла домой и рассказала про то своему хозяину. Он сначала было ей не поверил, а потом сам решился идти на́ реку и посмотреть, что за бочонок такой там плавает. Приходит туда — бочонок, точно, плавает, и недалеко от берега. Татарин снял с себя одежду, зашел в воду, и только что побрел, как бочонок сам к нему подплывает; взял татарин бочонок, припес домой и раскупорил; заглянул, а в бочонке деньги лежат, наверху денег записка виднеется. Взял он — прочитал записку, а в ней вот что говорилось: «Любезный друг! Возвращаю тебе пятьдесят тысяч рублей, которые когда у тебя занимал, то давал тебе в поручители животворящий крест».

Татарин прочитал и удивился силе животворящего креста; пересчитал деньги: все ли налицо? Деньги оказались все сполна. Меж тем русский купец, поторговавши лет с пяток, нажил порядочный капиталец; приезжает в свое место и, думая, что бочонок его пропал, за первый долг поставил рассчитаться с татарином; приходит он к нему и отдает занятые деньги. Тогда татарин рассказал купцу все, что было, и как он поймал на реке бочонок с деньгами и с запиской; показал ему эту записку и спросил: «Точно ли это твоей руки?» Тот отвечал: «Точно, моей». Все подивились чудному явлению, и татарин сказал: «Так мне, брат, не нужно с тебя других денег получать; неси-ка их назад». Русский купец отслужил богу благодарственный молебен; а татарин на другой же день крестился со всем своим семейством. Русский купец был у него крестным отцом, а стряпка — крестною матерью. После того жили они оба долго и счастливо; прожили до глубокой старости и скончались в мире.

1

Старуха-мать ругала мальчишку, чтоб он не ходил на реку купаться: «Ну... смотри, коль утонешь, так и домой не ходи!»

2

Раз зимою ехали по Волге извозчики. Одна лошадь заартачилась и бросилась с дороги в сторону; извозчик тотчас погнался за нею и только хотел ударить кнутом, как она попала в майну и пошла под лед со всем возом. «Ну, моли бога, что ушла,— закричал мужик,— а то я бы нахлестал тебе бока-то!»

3

Поехал молодой мужик на промысел, а жена пошла его провожать; прошла с версту и заплакала. «Не плачь, жена, я скоро приеду».— «Да разве я о том плачу? У меня ноги озябли!»

4

Прибили одного дурня ночью, и стали ему на другой день смеяться. «Ну,— говорит он,— молите бога, что ночь была светлая; а то я выкинул бы вам штуку!» — «Какую, скажи, пожалуй!» — «Я бы спрятался!»

5

Трое прохожих пообедали на постоялом дворе и отправились в путь. «А что, ребята, ведь мы, кажется, дорого за обед заплатили?» — «Ну, я хоть и дорого заплатил,— сказал один,— зато недаром!» — «А что?» — «А разве вы не приметили? Только хозяин засмотрится, я сейчас схвачу из солоницы горсть соли, да в рот, да в рот!»

6

Какой-то мужик купил полуштоф вина, выпил зараз — ничего; купил еще косушку — все не пьян; выпил еще шкалик — и опьянел. И начал тужить: «Зачем покупал я полуштоф да косушку? Лучше б прямо купил шкалик — с него б меня и так разобрало!»

7

Мужик позвал соседа на обед и поставил на стол щи с говядиною. Гость захватил себе весь кусок говядины и говорит: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!» А хозяин похлебал, похлебал щей, да потом ухватил гостя за волосы и давай таскать: «Ну, брат, что зацепил — то и бог дал!»

8

Жил-был барин; вышел однажды на базар и купил себе канарейку за пятьдесят рублей. Случилось быть при этом мужику; пришел мужик домой и говорит своей бабе: «Знаешь ли что, жена?» — «А что?» — «Ходил я сегодня на базар; там был и барин, и купил он себе малую пташку — пятьдесят рублей заплатил. Дай-ка я понесу к нему своего гусака: не купит ли?» — «Понеси!» Вот взял мужик гусака и понес к барину. Приносит: «Купи, барин, гусака».— «А что стоит?» — спросил барин. «Сто рублей».— «Ах ты, болван!» — «Да коли ты за малую пташку не пожалел пятидесяти, так за эту и сотня дешево!» Барин рассердился, прибил мужика и отобрал у него гуся даром. «Ну, ладно,— сказал мужик,— попомнишь ты этого гусака!» Воротился домой, снарядился плотником, взял в руки пилу и топор и опять пошел; идет мимо барского дома и кричит: «Кому теплы сени работать?» Барин услыхал, зовет его к себе: «Да сумеешь ли ты сделать?» — «Отчего

не сделать; вот тут неподалечку растет теплый лес: коли из того лесу да выстроить сени, то и зимой топить не надо».— «Ах, братец,— сказал барин,— покажи мне этот лес поскорее».— «Изволь, покажу». Поехали они вдвоем в лес. В лесу мужик срубил огромную сосну и стал ее пластать на две половины; расколол дерево с одного конца и ну клин вбивать, а барин смотрел, смотрел, да спроста и положил руку в щель. Только он это сделал, как мужик вытащил клин назад и накрепко защемил ему руку. Потом взял ременную плетку и начал его дуть да приговаривать: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» Уж он его дул, дул! Вволю натешился и сказал: «Ну, барин, бил я тебя раз, прибью и в другой, коли не отдашь гусака да сотню рублей в придачу». Сказал и ушел, а барин так и пробыл до вечера: дома-то поздно хватились его, да пока нашли да из тисков высвободили — времени и многонько ушло!

Вот барин захворал, лежит на постели да охает; а мужик нарвал трав, цветов, обтыкался ими кругом, обрядился дохтуром и опять идет мимо барского двора и кричит: «Кого полечить?» Барин услыхал, зовет его: «Ты что за человек?» — «Я дохтур; всякую болезнь снимаю».— «Ах, братец, пожалуйста, вылечи меня!» — «Отчего не вылечить? Прикажи истопить баню». Тотчас вытопили баню. «Ну,— говорит мужик барину,— пойдем лечиться; только никого не бери с собой в баню, бойся дурного глаза». Пошли они вдвоем в баню; барин разделся. «А что, сударь,— спрашивает дохтур,— стерпишь ли, коли в этаком жару начну тебя мазью пачкать?» — «Нет, не стерпеть мне!» — говорит барин. «Как же быть? Не велишь связать тебя?» — «Пожалуй, свяжи». Мужик связал его бечевою, взял нагайку и давай валять на обе корки. Уж он валял-валял, а сам приговаривал: «Не бей мужика, не бери гусака! Не бей мужика, не бери гусака!» После, уходя, сказал: «Ну, барин, бил я тебя два раза; прибью и третий, коли не отдашь гусака да двух сотен рублей на придачу». Барин еле жив из бани вылез, не захотел ожидать третьего раза и отослал мужику и гусака и двести рублей.

9

Жил-был купец; у него был сын. Вот однажды посылает он сына в нижние города товары закупать и на прощанье наказывает: «Смотри же, сынок, будь умен да рассудлив, с рыжим да с красным не связывайся!» Поехал купеческий сын в путь-дорогу. День-то был морозный; вот он прозяб и заехал в кабак обогреться; входит — за стойкою сидит рыжий целовальник. «Налей-ка мне,—

говорит ему купеческий сын,— стакан доброй наливки». Выпил стакан наливки, и больно пришлась она ему по вкусу: «Вот наливка, так наливка! Сто рублев стоит! Налей-ка еще». Выпил в другой раз — еще лучше показалась: «Ну, брат, этот стакан двух сот стоит».— А целовальник себе на уме: какую цену сказывал купеческий сын, ту и на стенку записывал. Пришло дело до расчета. «Сколько тебе?» — спрашивает купеческий сын. «Триста рублев».— «Что ты, белены объелся? Экую цену заломил!» — «Не я заломил, ты же сам назначил, да теперь назад пятишься. Только, брат, от меня не отвертишься; коли не заплатишь — с двора не спущу!» Нечего делать, заплатил купеческий сын триста рублев, поехал дальше и думает сам с собою: «Вот она правда-то! Водись после того с рыжими да с красными! Недаром отец наказывал: родительское слово пустяшное не бывает!»

На ту самую пору попадается навстречу рыжий мужик с возом. Как увидал его купеческий сын, тотчас выскочил из кибитки и сунулся ничком в снег, ажно дрожит с испугу! «Что с ним сталося? Не попритчилось ли?» — подумал встречный мужик, подошел к купеческому сыну и стал подымать его на ноги: «Вставай, брат!» — «Отвяжись от меня! Уж один рыжий надул меня, и ты надуешь».— «Полно, брат! Рыжий да красный всякий бывает: бывает плут, бывает и добрый человек. Да кто тебя обманул-то?» — «Так и так, рыжий целовальник из соседнего села».— «Воротись со мной; я с ним сделаюсь». Вот приехали они в кабак; мужик тотчас окинул глазом всю избу, увидал: под матицей баранья лопатка висит, подошел к целовальнику, спросил рюмку водки, да тут же бьет его по плечу и говорит: «Продай-ка мне эту лопаточку!» — «Купи».— «Что возьмешь?» — «Рубль серебра». Мужик выкинул целковый; после вынул из-за пазухи широкий нож и дает купеческому сыну в руки: «На, брат, вырежь у него лопатку — мне на закуску».— «Что ты! — говорит целовальник.— Я тебе баранью лопатку продал, а не эту».— «Рассказывай! Меня, брат, не проведешь, как этого купеческого сына; не на таковского напал!» Целовальник просить да молить, чуть не в ноги кланяется. «Ну, так и быть! — сказал мужик.— Отпущу тебя, коли воротишь купеческому сыну все деньги сполна». Целовальник отдал назад триста рублев; а мужик того и добивался. «Вот видишь,— говорит купеческому сыну,— рыжий да красный всякий бывает: бывает и плут, бывает и добрый человек. Поезжай теперь с богом!» А купеческий сын только и думает, как бы скорее убраться; сел в кибитку, погоняет лошадей и говорит сам с собой об мужике: «Слава богу, вырвался! Целовальник рыжий плутоват, а этот еще плутоватей; коли б с ним связался, кажись, он с меня с живого бы кожу снял!»

10

Жил-был бедный мужик: детей много, а добра — всего один гусь. Долго берег он этого гуся, да голод не тетка: до того дошло, что есть нечего: вот мужик и зарезал гуся; зарезал, зажарил и на стол поставил. Все бы хорошо, да хлеба нет, а соли не бывало. Говорит хозяин своей жене: «Как станем мы есть без хлеба, без соли? Лучше я отнесу гуся-то к барину на поклон да попрошу у него хлеба».— «Ну что ж, с богом!» Приходит к барину: «Принес вашей милости гуська на поклон; чем богат, тем и рад. Не побрезгуй, родимый!» — «Спасибо, мужичок, спасибо! Раздели же ты гуся промеж нас без обиды!» А у того барина была жена, да два сына, да две дочери — всего было шестеро. Подали мужику нож: стал он кроить, гуся делить. Отрезал голову и дает барину: «Ты,— говорит,— всему в доме голова, так тебе голова и следует». Отрезал гузку, дает барыне: «Тебе дома сидеть, за домом смотреть; вот тебе гузка!» Отрезал ноги, дает сыновьям: «А вам по ножке, топтать отцовские дорожки!» Дочерям дал по крылышку: «Вам с отцом, с матерью недолго жить; вырастете — прочь улетите. А я,— говорит,— мужик глуп, мне глодать хлуп!» Так всего гуся и выгадал себе. Барин засмеялся, напоил мужика вином, наградил хлебом и отпустил домой.

Услыхал про то богатый мужик, позавидовал бедному, взял — зажарил целых пять гусей и понес к барину. «Что тебе, мужичок?» — спрашивает барин. «Да вот принес вашей милости на поклон пять гуськов».— «Спасибо, братец! Ну-ка раздели промеж нас без обиды». Мужик и так и сяк; нет, не разделишь поровну! Стоит да в затылке почесывает. Послал барин за бедным мужиком, велел ему делить. Тот взял одного гуся, отдал барину с барыней и говорит: «Вы теперь, сударь, сам-третей!» Отдал другого гуся двум сыновьям, а третьего — двум дочерям: «И вы теперь сам-третей!» Остальную пару гусей взял себе: «Вот и я сам-третей!» Барин говорит: «Вот молодец, так молодец! Сумел всем поровну разделить и себя не забыл». Тут наградил он бедного мужика своею казною, а богатого выгнал вон.

11

Шли проселком нищие — старик да старуха; стали подходить к деревне. Старик говорит: «Я здесь молока попрошу!» Старуха в ответ: «А я в молоко хлеба накрошу!» Старик ухватил старуху и давай бить да приговаривать: «Не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет, не кроши в молоко хлеба, не то прокиснет!» Пришли в деревню, а молока никто не дал.

12

Повезла баба в город кринку масла продавать: время-то шло к масленой. Нагоняют ее два солдата: один позади остался. а другой впереди забежал и просит бабу: «Эй, тетка, подпояшь меня, пожалуйста!» Баба слезла с воза и принялась подпоясывать. «Да покрепче подтяни!» Баба подтянула покрепче. «Нет. это туго: ослабь маленько». Отпустила послабже. «Уж это больно слабо будет: закрепи потуже». Пока завязывала баба пояс то крепче. то слабже. другой солдат успел утащить кринку с маслом и убрался себе подобру-поздорову. «Ну, спасибо тебе, тетка! Подпоясала ты меня на всю масленицу»,— говорит солдат. «На здоровье. служба!» Приехала баба в город. хвать — а масла как не бывало!

13

Пришел солдат с походу на квартиру и говорит хозяйке: «Здравствуй. божья старушка! Дай-ка мне чего-нибудь поесть». А старуха в ответ: «Вот там на гвоздике повесь».— «Аль ты совсем глуха, что не чуешь?» — «Где хошь, там и заночуешь».— «Ах ты. старая ведьма, я те глухоту-то вылечу!» И полез было с кулаками: «Подавай на стол!» — «Да нечего, родимый!» — «Вари кашицу!» — «Да не из чего, родимый!» — «Давай топор; я из топора сварю».— «Что за диво! — думает баба.— Дай посмотрю. как из топора солдат кашицу сварит». Принесла ему топор; солдат взял, положил его в горшок, налил воды и давай варить. Варил. варил. попробовал и говорит: «Всем бы кашица взяла, только б малую толику круп подсыпать!» Баба принесла ему круп. Опять варил, варил, попробовал и говорит: «Совсем бы готово, только б маслом сдобрить!» Баба принесла ему масла. Солдат сварил кашицу: «Ну, старуха, теперь подавай хлеба да соли. да принимайся за ложку; станем кашицу есть». Похлебали вдвоем кашицу. Старуха спрашивает: «Служивый! Когда же топор будем есть?» — «Да вишь. он еще не уварился,— отвечал солдат,— где-нибудь на дороге доварю да позавтракаю». Тотчас припрятал топор в ранец, распростился с хозяйкою и пошел в иную деревню. Вот так-то солдат и кашицы поел, и топор унес!

14

Дело было весною. Вынесли бабы холсты белить. «Ну,— говорят,— теперь надо смотреть да смотреть, как бы кто холстов не стибрил!» — «У меня все будет цело! — стала похваляться одна

старушка.— Кто к моим холстам только руку протянет, тот с места не встанет!» Похвальные речи завсегда гнилы: старуха-то выдавала себя за колдунью, а какая колдунья! Бывало, у людей кровь заговаривает, а у себя и соплей утереть не сможет. Вот разостлала она по полю холсты и уселась сторожить. Проходили мимо двое солдат и вздумали поживиться чужим добром. «Слушай, товарищ! — говорит один.— Ты залезь в кусты, да смотри не зевай, а я пойду, стану с бабой лясы точить». Сказано — сделано. Подошел солдат к старухе: «Здравствуй, баушка!» — «Здорово, батюшка! Куда тебя господь несет?» — «Иду к начальству за тем, за сем, больше незачем».— «И-и, родимый, служба-то ваша куды мудрена!» — «А я, баушка, к тебе с запросом; вижу: ты — человек бывалый! Разреши-ка наш солдатский спор. Товарищи мои говорят, что в вашей стороне совсем не так звонят, как у нас; а я говорю, что все равно».— «Вестимо, все равно; небось и у вас колокола-то медные!» — «То-то! Прозвони-ка, баушка, по-вашему».— «По-нашему: тинь-тинь-тинь! дон-дон! тинь-тинь-тинь! дон-дон!» — «Не много разницы! У нас, баушка, звонят пореже». Тут солдат махнул своему товарищу рукою и зазвонил: «Тинитини, потягивай, тини-тини, потягивай!» Старуха и рот разинула; пока она слушала, другой солдат стянул холст — и был таков! «Ну, служивый,— говорит старуха, а сама так и заливается со смеху,— звоны-то ваши куда чудны! Досыта насмеешься!» — «А вот ужо — так досыта наплачешься! Прощай, баушка!» — «С богом, родимый!» Вечером стали бабы холсты считать: у старухи нет одного. Заплакала она горькими слезами, и наплакалась досыта: правду сказал солдат!

15

Пошел солдат в отпуск: шел, шел, много верст ногами измерил и добрался к вечеру до одной деревушки. Время было осеннее: то дождем поливало, а тут изморозь пошла. Солдат крепко измочился и весь иззяб; остановился у одной избы, постучался в окно и просится ночевать! «Кто там?» — спрашивает хозяин. «Солдат».— «Откуда тебя черти принесли? Ступай туда, откуда пришел». Постучался солдат у другой и у третьей избы, всю деревню обошел — нигде не пускают; приходится на улице мерзнуть! Увидал он — на другом краю стоит еще избушка, пошел туда и говорит: «Эй, хозяин, пусти на ночь кости обогреть!» — «Пожалуй, пущу, только с тем уговором, чтобы ты всю ночь сказывал нам сказки».— «Хорошо,— говорит солдат,— я стану сказывать, только чтоб никто мне не поперечил; а коли кто хоть едино слово

промолвит, так уж не погневись — тому и сказки рассказывать до белого дня».— «Ладно, ладно, служивый!» Вот поужинали и улеглись на ночь: хозяин с солдатом на лавках, хозяйка на печке, а работник под печкою. «Ну,— сказал солдат,— теперь слушайте, начинается моя сказка: как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки! Как у вас, хозяин, на деревне мужики всё живут дураки!» И пошел твердить одно и то же, разов сто уж повторил! Мужик слушал, слушал, разобиделся и не вытерпел: «Послушай, служивый! Ведь ты и меня заодно ругаешь, не я ль тебя в избу пустил?» Солдат вскочил с лавки, хлоп хозяина по уху: «Мое дело было сказывать, твое — слушать да молчать!» Пристал к нему вплотную; ничем не отвяжешься! «Полно, служивый! — говорит хозяин.— Ложись с богом. Я сам тебе стану сказку сказывать». Солдат улегся, а мужик начал: «Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу! Дурак будет тот, кто тебя, служивый, вперед пустит к себе ночевать; а я больше никогда не пущу!» Разов сто повторил он эти речи; на ту пору проснулась на печи хозяйка, слышит, что в избе все еще бормочут, и говорит: «Полно вам болтать, скоро свет, а вы всё не спите!» Мужик с солдатом вскочили и пристали к старухе: «Как ты смела перебить нашу сказку? Теперь сама рассказывай!» Нечего делать, начала старуха: «Какой,— говорит,— хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил! Какой хозяин подлец, такого ж подлеца и ночлежника пустил!» Твердила, твердила; вот услыхал работник и отозвался под печкою: «Будет вам толковать; из пустого в порожнее переливать; добрые люди давно спят!» Тут все трое, и солдат и хозяин с хозяйкою, уцепились за работника: говори-де нам сказку! Работник начал: «Как не спали мы с вечера, так и не спать нам и до свету; скоро надо на работу идти!» И говорил он эти речи до самого света. Поутру собрался солдат в дорогу: «Прощай, хозяин!» — «Ну те к бесу!»

16

Сидели старик со старухою на печи. Старуха смотрит в окошечко на поле и говорит: «Что, старик, кабы был у нас сынок Иванушка, да была дочка Аленушка, вот бы сынок вспахал тут да посеял хлеба, хлеб-то бы вырос, а дочка сжала; нарастила бы я солоду, наварила бы пива, всю родню свою созвала бы, а твоих не позвала б!» — «Нет, моих позови, а твоих не надо!» Старик вскочил и ну таскать старуху за косу; таскал-таскал и с печи столкнул.

Старик поехал в лес за дровами, а старуха бежать собралась;

напекла пирогов да хлебов, уложила в большой мешок и пошла к соседке прощаться. Узнал как-то про это старик, воротился домой, повынул из мешка все, что баба на дорогу заготовила, отнес пироги да хлебы в клеть, а сам сел в мешок. Старуха пришла домой, подняла мешок на спину и ударилась в беги. Сделала верст пять или шесть, остановилась и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» А старик из мешка кричит: «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — «Ах, проклятый, он, пожалуй, догонит!» — думает старуха и пустилась дальше. Опять верст шесть отошла и говорит: «Сесть было на пенек, съесть было пирожок!» — «Вижу-вижу, слышу-слышу!» — кричит старик. Она опять бежать; много верст отсчитала и так-то приустала, не пивши, не евши, что и сил больше не хватает. «Что будет — не будет, остановлюся здесь,— думает старуха,— отдохну маленько да закушу». Глядь — а в мешке-то муж. Взмолилась старуха старику: «Батюшка, помилуй! Николи вперед не стану бегать». Старик ее простил, и пошли вместе домой.

17

Бедный мужик, идучи по чистому полю, увидал под кустом зайца, обрадовался и говорит: «Вот когда заживу домком-то! Возьму этого зайца, убью плетью да продам за четыре алтына. на те деньги куплю свинушку, она принесет мне двенадцать поросеночков; поросятки вырастут, принесут еще по двенадцати; я всех приколю, амбар мясо накоплю; мясо продам, а на денежки дом заведу да сам оженюсь; жена-то родит мне двух сыновей Ваську да Ваньку. Детки станут пашню пахать, а я буду под окном сидеть да порядки давать: эй вы, ребятки, крикну, Васька да Ванька, шибко людей на работу не туганьте, видно, сами бедно не живали!» Да так-то громко крикнул мужик, что заяц испугался и убежал, а дом со всем богатством, с женой и детьми пропал!

18

Мужик стащил в лавке куль пшеничной муки; захотелось к празднику гостей зазвать, пирогами попотчевать. Принес домой муку, да и задумался. «Жена! — говорит он своей бабке.— Муки-то я украл, да боюсь — узнают, спросят: отколь ты взял такую белую муку?» — «Не кручинься, мой кормилец, я испеку из нее такие пироги, что гости ни за что не отличат от аржаных».

19

«Куда, добрый человек, идешь?» — «Да вон в соседнюю деревню».— «Что ж, там родня у тебя?» — «Да из нашей деревни отдана туда девка замуж».— «Так зачем же ты идешь?» — «Да либо пива напиться, либо подраться».

20

Пришла в кабак баба и спрашивает о своем муже: «Не был ли здесь мой пьяница?» — «Был».— «Ах, подлец, ах, разбойник! На сколько он выпил?» — «На пятак».— «Ну так давай мне на гривну».

21

Выдали девку замуж; она сидит и воет: «Свет-то моя крашенина, у матушки на печи осталась!» — «Какая крашенина? Много ли аршин?» — «Да я в квасу хлеба накрошила густо-нáгусто, и с лучком и с маслицем!»

22

У одной бабы был муж глухой. Раз как-то вздумалось ей приласкаться к мужу. Вот она и говорит ему: «Ох ты, моя защита и оборона!» — «Как, я ощипана ворона? Ах ты, такая-сякая!» — и отколотил жену. «Что ты, глухой черт! — закричала баба.— Разбойник, обидчик этакой!» — «Вот давно бы так!» — сказал муж.

23

Давно было. Не стало на селе попа. Согласились мужики избрать попа миром, выбрали и пошли к дяде Пахому. «Пахом,— говорят ему,— а Пахом! Будь ты у нас на селе попом». Пахом и стал попом, да то беда: ни службы не знает, ни петь, ни читать не умеет. Вот однажды собрались миряне в церковь, а в тот день был большой у бога праздник. Пахóм выносит книгу и спрашивает: «Православные! Знаете ли вы эту книгу?» — «Знаем, батька, знаем. Еще покойный поп все, бывало, ее читал».— «Ну, коли

знаете, нечего вам ее и читать». Выносит другую: «Православные! А эту книгу знаете?» — «Нет, батька, этакой не знаем».— «Ну, так что ж, вам ее и читать!»

24

Повез мужик в город три четверти ржи продавать. Подъезжает к заставе. Обступили его мошенники: «Стой! Как тебя зовут?» — «Егором, родимые!» — «Эх, брат! Недавно у нас четыре Егора церковь обокрали; троих-то нашли, а четвертого все ищут! Смотри ж, коли где тебя спросят: как зовут? — говори: без четверти Егор; а не то свяжут да в тюрьму посадят».— «Спасибо, родимые, спасибо, что научили!» Приехал мужик на подворье, хватился, а четверти ржи как не бывало! На заставе стащили.

25

Жил-был мужик Иван да жена Арина. Послал он ее в поле рожь жать. Вот Арина пришла на полосу, выжала такое местечко, чтоб можно было одной улечься; улеглась, выспалась хорошенько и отправилась домой, будто и впрямь потрудилась-поработала. «Что, жена,— спрашивает муж,— много ли сегодня выжала?» — «Слава тебе господи, одно местечко выжала».— «Ну, это хорошо! — думает мужик.— Одна полоса, значит, покончена». На другой день опять пошла Арина в поле, выжала местечко и проспала до вечера; и на третий день — то же самое, и на четвертый — то же самое; так всю неделю и проволочила. Пора, думает мужик, за снопами в поле ехать; приезжает — а рожь стоит вся нежатая; кое-где, кое-где выжато местечками, да и то такими, что только человеку улечься. Стал жену искать и видит: лежит она на одном местечке да так-то храпит! Мужик сейчас домой, захватил ножницы, патоки и пуху; воротился на жниву, остриг свою бабу наголо, вымазал ей голову патокой и осыпал пухом; сделал все это и воротился на деревню. Вот Арина спала-спала, да, наконец, и проснулась; хватилась рукой за голову и говорит сама себе: «Чтой-то попритчилось! Кажись, я — Арина, а голова не моя! Пойду домой; коли собака залает, так я, значит, не Арина». Пришла на деревню прямо к своей избе и спрашивает под окошком: «Что, ваша Арина дома?» Муж смекнул и говорит ей: «Дома!» Тут вылезла из-под ворот собака, не признала хозяйки и бросилась на нее словно на чужую; так за полы и хватает. Арина

бегом да бегом, как бы только живой от своего дома уйти! И пошла она бродить по полю; целые сутки ничего не пила, не ела. После того мужик сжалился, простил ее, и с той поры стала Арина жать бесхитростно.

26

Доселева одинокий был Мартынко, задумал жениться и пошел свататься к попу; вот и сватает девку Устинью. Поп ему и бает: «Ой, Мартынко, отдал бы, да как станешь жить-то? Ведь Устя уросливая такая!» Мартынко отвечает ему: «Батюшка! Я один, а с ней будем двое, не на кого будет сердиться, не с кем будет браниться». Поп согласился отдать Устю за Мартынка. Вот они и свенчались. Мартынко увез Устю к себе домой; она спрашивает: «Коли ты осердишься, что делаешь?» Он сказал: «Когда осержусь, с воды пьян бываю!» Потом спросил Устю: «А ты, Устя, когда осердишься, что делаешь?» — «Коли я сердита, тогда стану сидеть на печи к углу лицом и у кокошника козырек назад сделаю». На другой день утром уехал наш Мартынко на своей пегой кобыле пахать под вешну. Устя после его настряпала шанег, понесла к нему, кричит: «Мужик, иди есть!» Он как будто не слышит, пашет себе. Устя рассердилась, ушла домой, стряпню свою съела и села на печь к углу лицом. Мартынко как приехал домой, выпил два ковша воды, взял ягненка и порвал; начал полезать на печь к жене, оборвался, пал к дверям избы на пол и захрапел. Жена тихонько слезла с печи, дверей отпереть не посмела, в окошко дров натаскала, истопила печку и настряпала для Мартынка. Он проснулся, она его напотчевала и созвала в гости к отцу. Вот Мартынко запряг свою пегую кобылу в сани — нужды нет, что весной! Поехали; дорогою кобыла-то у них не пошла. Мартынко отсек ей голову и запряг свою Устю. Подъезжает к дому тестя; увидела попадья с дочерьми, что Устя Мартынка везет, выскочила встречать, взяли кто за гужи, кто за оглобли, пособляют Усте; а поп благодарит Мартынка, что так учит уросливых. Пришли в избу, Устя заказывает своим, чтобы воды нигде не было, а поили бы вином да пивом; сказывала: когда Мартынко воды напьется — беда сердит! На другой день как-то одна стряпка оставила в сенях ведро с водою; он и напился воды, задурел как пьяный, приказывает Усте запрягаться, а она дрожит да все попа просит, чтобы дал им своего бурка. Поп подарил им лошадь; Мартынко уехал с Устей домой, и теперь они живут да хлеб жуют, а Устя поди-кось какая послушная стала!

27

В одном селе жил-был старик, да такой скупой, прижимистый! Как сядет за стол, нарежет хлеба, сидит да на снох посматривает: то на ту, то на другую, а сам ничего не ест. Вот, глядя на него, и снохи тоже поглазеют-поглазеют, да и полезут вон из-за стола голодные. А старик опосля, только что уйдут они по работам, втихомолку наестся, напьется и разляжется на печи сытехонек. Вот однова отпросилась меньшая сноха и пошла к своему отцу, к матери и стала жаловаться на свекра: «Такой-де лютый, ненавистный! Жить нельзя! Совсем есть не дает, все ругается; ненаеды вы этакие!» — «Хорошо,— говорит ей отец,— я приду к вам в гости, сам посмотрю ваши порядки». И погодя денек-другой пришел он к старику вечером. «Здорово, сват!» — «Здорово!» — «Я к тебе в гости: рад ли мне?» — «Рад не рад, делать нечего; садись, так и гость будешь!» — «Как моя дочушка живет, хорошо ли хлеб жует?» — «Ништо, живет себе!» — «Ну-ка, сватушка, соловья баснями не кормят; давай-ка поужинаем, легче говорить будет». Сели за стол; старик нарезал хлеба, сам не ест — сидит; все на снох глядит. «Эх, сват! — говорит гость.— Это не по-нашему, у нас нарезал хлеба да поел, еще нарезал — и то поел. Ну вы, бабы молодые, больше хлеба ешьте, здоровее будете!» После ужина стали спать укладываться. «Ты, сват, где ляжешь?» — спрашивает хозяин. «Я лягу на кутничке».— «Что ты! Я тут завсегда сплю»,— говорит старик; вишь, в куте́ у него спрятаны были яйца, хлеб и молоко; ночью, как заснут в избе, он украдкою встанет и наестся вдоволь. Сват это дело заприметил. «Как хочешь,— говорит,— а я лягу на кутничке». Вот улеглись все спать. В самую как есть полночь старик ползком-ползком да прямо в залавок — скрип! А гость еще с вечера припас для него большой ремённый кнут; как вытянет свата раз, другой, третий — сам бьет да приговаривает: «Брысь, окаянная, брысь!» Пришлось старику не евши спать. Вот так-то прогостил сват у свата целых три дня и заставил на́долго себя помнить. Проводил его старик и с тех пор полно — перестал у снох во рту куски считать.

28

Шел солдат домой на побывку и забрел к одному мужику ночь ночевать. «Здравствуй, хозяин! Накорми и обогрей прохожего!» — «Ну что ж, садись за стол, гость будешь!» Солдат снял тесак да ранец, помолился образам и уселся за стол; а хозяин налил

стакан горького и говорит: «Отгадай, служба, загадку — стакан вина поднесу; не отгадаешь — оплеуха тебе!» — «Изволь, сказывай загадку».— «А что значит *чистота*?» Солдат подумал-подумал и вымолвил: «Хлеб чист, значит, он и чистота». Мужик хлоп его по щеке. «Что ж ты дерешься? Нас бьют да вину сказывают».— «Чистота, брат, кошка: завсегда умывается! А что значит *благодать*?» Солдат опять подумал-подумал и говорит: «Знамое дело, хлеб — благодать!» Мужик хлоп его в другой раз: «Врешь, брат, служба! Благодать — вода. Ну, вот тебе последняя загадка: что такое *красота*?» Солдат опять свое: «Хлеб,— говорит,— красота!» — «Врешь, служба; красота — огонь; вот тебе и еще оплеуха! Теперь полно, давай ужинать». Солдат ест да про себя думает: «Сроду таких оплеух не видал, и на службе царской того не было; постой же, я тебе и сам удружу; будешь меня помнить!»

Поужинали и легли спать. Солдат выждал ни много, ни мало времечка; видит, что хозяева заснули, слез с полатей, поймал кошку, навязал ей на хвост пакли, паклю-то зажег да кошку на чердак погнал: бросилась она туда со всех четырех ног и заронила огонь в солому; вмиг загорелась изба, и пошло драть! Солдат наскоро оделся, подошел к хозяину и давай в спину толкать. «Что ты, служивый?» — «Прощай, хозяин! Иду в поход».— «Ступай с богом!» — «Дак вот тебе на прощанье загадка: взяла чистота красоту, понесла на высоту; коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати! Отгадывай!» — сказал солдат и пошел со двора. Пока мужик ломал себе голову, что бы такое значили солдатские речи, загорелся потолок. «Воды! Воды!» — кричит хозяин, а воды-то в доме ни капли нет; так все и сгинуло. «Ну, правду солдат загадал: коли не ухватишь благодати, не будешь жить в хати!» Отольются кошке мышиные слезки!

29

Одна глупая баба приехала на ярмарку купить образ Временной Пятницы [1]. Приходит в балаган к разносчику: «Дядюшка, покажи-ка мне образ Временной Пятницы!» Вместо того показывает он ей Егория Храброго. «Дядюшка! Да отчего же она, ма-

[1] «Пятница именуется Временною, потому что день св. Параскевы, 28 октября, временно приходится в пятое» («Русские простонародные праздники» И. Снегирева, I, 188).

тушка, на коне?» — «Экая ты, баба, дура! Оттого она и называется Временною, что иной раз пешком ходит, а временем на коне ездит. Вишь, конь-то копытища и задирает!»

30

Одна баба, ставя по праздникам свечку перед образом Георгия Победоносца, завсегда показывала змию кукиш: «Вот тебе, Егорий, свечка; а тебе шиш, окаянному!»

Этим она так рассердила нечистого, что он не вытерпел; явился к ней во сне и стал стращать: «Ну уж попадись ты только ко мне в ад, натерпишься муки!»

После того баба ставила по свечке и Егорию и змию. Люди и спрашивают, зачем она это делает? «Да как же, родимые! ведь незнамо еще куда попадешь: либо в рай, либо в ад!»

31

В некоем царстве поехал король по столичному городу покататься и в то время обронил с своей руки именной перстень. Тотчас же приказал он публиковать в газетах: кто найдет и доставит к нему перстень, тому будет большая награда деньгами. И посчастливилось найти тот перстень одному простому солдату. «Как теперь быть? — думает солдат.— Коли в полку объявить, то дело пойдет по начальству — от фельдфебеля к ротному, от ротного к батальонному, от батальонного командира к полковнику, а тот к бригадному; этак не скоро конца дождешься! Дай-ка я лучше пойду прямо к королю». Приходит во дворец; увидел его дежурный. «Ты зачем?» — «Я,— говорит,— королевский перстень нашел».— «Хорошо, братец! Я об тебе доложу королю, только с тем уговором: какую тебе даст король награду, из той награды половину мне». Солдат задумался: «Вот в кои-то веки счастье попалось, да и тем поделись! — Хорошо,— говорит дежурному,— только дайте расписку, что вам половина и мне половина». Дежурный дал расписку и доложил про него королю. Король похвалил солдата за находку: «Спасибо тебе, молодец! Я тебе пожалую за это две тысячи!» — «Нет, ваше королевское величество, это не солдатская награда; солдатская награда — двести палок».— «Дурак же ты!» — сказал король и велел принести палок. Стал солдат раздеваться, расстегнул пуговицы и выпала у него расписка. «Это что за бумага?» — спросил король. «А это государь, расписка, что из теперешней награды только половина моя, а другая следует

дежурному». Король засмеялся, позвал дежурного и велел отсчитать ему сто палок. Вот по тому приказу и принялись угощать его палками; как скоро начали отсчитывать последний десяток, солдат подошел к королю и сказал: «Ваше величество, когда он такой жадный, что ему много надобно, то и, так и быть, жертвую ему и свою половину».— «Вишь какой добрый!» — сказал король и велел дать дежурному и другую сотню. С той награды дежурный еле на карачках домой дополз; а солдата отпустил король в чистую отставку и при отпуске пожаловал ему на житье-бытье три тысячи рублей.

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

*

Жили-были два братца, два братца — кулик да журавль. Накосили они стожок сенца́, поставили среди польца́. Не сказать ли сказку опять с конца?

*

Жил-был старик, у старика был колодец, а в колодце-то елец, тут и сказке конец.

*

Жил-был царь, у царя был двор, на дворе был кол, на колу мочало; не сказать ли с начала?

*

«Сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи».— «Ты скажи, да я скажи, да сказать ли тебе сказку про белого бычка?» — «Скажи».— «Ты скажи, да я скажи, да чего у нас будет, да покуль это будет! Сказать ли тебе сказку про белого бычка?»

*

«Рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Расскажи».— «Ты говоришь: расскажи, я говорю: расскажи; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — «Не надо».— «Ты говоришь: не надо, я говорю: не надо; рассказать ли тебе докучную сказочку?» — и т. д.

*

«Государь ты наш Сидор Карпович, много ли тебе от роду лет?» — «Семьдесят, бабушка, семьдесят, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ты умирать будешь?» — «В среду, бабушка, в среду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, когда ж тебя хоронить будут?» — «В пятницу, бабушка, в пятницу, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем тебя поминать будут?» — «Блинами, бабушка, блинами, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, во что после тебя позвонить будет?» — «В сковороду, бабушка, в сковороду, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, много ли у тебя детушек?» — «Семеро, бабушка, семеро, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, чем после тебя поить-кормить будет?» — «По миру, бабушка, по миру, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — зима студена!» — «В лапотках, бабушка, в лапотках, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — собаки съедят!» — «С палочкой, бабушка, с палочкой, Пахомовна!» — «Государь ты наш Сидор Карпович, по миру ходить — не во что милостыню класть!» — «В сумочку, бабушка, в сумочку, Пахомовна!»

*

«Куда, миленький, снаряжаешься?» — «Не скажу».— «Скажи, мой дорогой, куда снаряжаешься?» — «В город на ярманку».— «Миленький, возьми меня с собой!» — «Не возьму».— «Возьми, мой дорогой, меня с собой».— «Садись на самый краешек».— «Что у тебя, миленький, в возу?» — «Не скажу».— «Что, мой дорогой, в возу?» — «Яблоки».— «Дай мне, миленький, яблочко».— «Не дам».— «Дай, дорогой, яблочко».— «Возьми одно».— «Где мы, миленький, ночуем с тобой?» — «Не скажу».— «Скажи, мой дорогой, где ночуем с тобой?» — «В большой деревне, у попа в пелевне».

*

«Коза, коза, лубяные глаза, где ты была?» — «Коней пасла».— «А кони-то где?» — «Николка увел».— «А Николка-то где?» — «В клеть ушел».— «А клеть-то где?» — «Водой унесло».— «А вода-то где?» — «Быки выпили».— «А быки-то где?» — «В гору ушли».— «А гора-то где?» — «Черви сточили».— «А черви-то где?» — «Гуси выклевали».— «А гуси-то где?» — «В вересняк ушли».— «А вересняк-то где?» — «Девки выломали».— «А девки-то где?» — «Замуж выскакали».— «А мужья-то где?» — «Все примерли».

*

Гуси-лебеди летели, в чисто поле залетели, в поле банюшку доспели. Воробей дрова колол, таракан баню топил, мышка водушку носила, вошка парилася, приушмарилася; бела гнида подхватила, на рогожку повалила; сера блошка подскочила, ножку подломила, в передбанок вошку выносила...

*

Кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку шьет, свинья в огороде овес толчет, курочка в сапожках избушку метет; вымела избушку, положила голичок под порожичок.

*

Ходит курочка в сапожках, выронила перышко, из перышка-то ядрышко; укатилось оно на Иваново село. На Ивановом селе-то собачка на лычке потявкивает, медведь на цепочке порывается, господин на печке обувается, госпожа за печкой оладьи печет, сухари толчет.

*

Слеталися птицы стадами, садилися малыми рядами, пели они — воспевали, жалобно причитали: кто у нас на море бо́льшим? Кто на синем-то меньше? На море орел царем, на море орлица царица, его голубушка перепелка, русский гусь торговый, сера утка попадья, воробышек дьячок, малы чирята крылошане, дикие гуси дворяне, на море филин водовозом, на море журавль перевозом: то-то ли долгие ноги, то-то ли короткое платье! Журавль по бережку ходит, людей перевозит, цветно платье не мочит; галочки черноваты, малиновки штуковаты, синички молодицы, касаточки красны девицы; малая птица синица сенушко косить не смогает, по корму скотинушку пускает; жаворон воспевает, слышит весну красну, слышит лето тепло; стала мать-рожь на колос метаться, скотинушка в лес убираться; ворона-то вшивая, понаплетка фальшивая, летом ворона по суслонам, зимой ворона по дороге, каждого следу перегребает, каждого братом называет; сорока-то гостиная жена, хочет щепотко ходити, с денежки на денежку ступать, рублем ворота отпирать, полтиною замечать, без калача исть не сядет, без водки не изопьет.

*

Лежит зайка под кустом; охотники за ним взорят, зверя малого ловят. Скочил зайка на ноги: «Вы, охотнички, идите — на мой хвостик посмотрите!»

«Заинька серенький, где ты был-спобывал?» — «Был я, побывал в огороде-ельничке, в амбарчике-спальничке».— «Кого видел-сповидал?» — «Видел я, повидал три девчины хороши, три любчины пригожи; Анюшенька черноброва, черноглаза лучше всех».— «Заинька серенький, они звали ли тебя?» — «Звали-звали, позывали: Катюша на часок, Марьюша на денек; Анюшенька удала́ на недельку позвала».— «Заинька серенький, кормили ли тебя?» — «Катюша-то блинами, Марьюша-то пирогами; Анюшенька удала́ кашу с маслом поднесла».— «Заинька серенький, поили ли тебя?» — «Катюшка-то пивцом, Марьюша-то винцом; Анюшенька удала́ стакан меду налила».— «Заинька серенький, положили ли тебя?» — «Катюша-то на лавку, а Марьюша на другую; Анюшенька удала́ подушечку подала».— «Заинька серенький, не били ли тебя?» — «Катюша-то клюкой, а Марьюша кочергой; Анюшенька удала́ за ушеньки подрала».— «Заинька серенький, провожали ли тебя?» — «Катюша-то на сенец, а Марьюша на крылец; Анюшенька удала́ за ворота провела».

*

Тень-потетень, выше города плетень; на полице трубица гороховая, на печи калачи, как огонь горячи, с печки упали, в горшочек попали. Кушайте, бояре, повáрных щей. Тетка-божатка. сошей-ка рубашку, тонéньку, белéньку, косой вороток. Поеду я жениться, на сивке, на бурке, на соловой кобылке. Кобылка, кобылка, не сдерни овина; в овине Арина ткет полотно, перетыки-то кладет, да недотыкивает. Шапка-татарка поехала по лавкам; бей в доскý да поминай Москву. Как на Вологде вино по три денежки ведро, хоть пей, хоть лей, хоть окачивайся! Куколка, куколка, для ча долго не жила? Я боялась типуна. А типун-то не судья, а судья-то лодыга. Лодыгины дети хотят улетети за Иванов город. Они по грамотке пишут, на девицу дышут. Девица, девица, поди по водицу! На дороге-то волки горох молотили, поповы ребята попуто сказали, попадья-то с печи обломала плечи. Сём-пересём на лопатке испечен; мужик песню спел, на капустник сел, съел три короба блинов, три костра пирогов, заулок рогулек, заход калачей, макúнницу сулою, овин киселя, поваренку щей!

*

Ну-тка, дядюшка Корнило, запрягай-ка ты кобылу, у Макарья на песку приразмычь горе-тоску: стоит бражка в туеску, бражка пьяная-пьяна, весела хмельная голова! Бражку порняй выпивай!..

*

Пошел полковник погулять, поймал птичку-перепелочку; птичка-перепелочка пить похотела, поднялась-полетела, палапропала, под лед попала, попа поймала, попа-поповича, Петра-Петровича.

*

Однажды говорила о себе репа: «Я, репа, с медом хороша!» — «Поди прочь, хвастунья! — отвечал ей мед.— Я и без тебя хорош».

*

Была репа важная, дивилась старуха кажная; одним днем кругом не обойдешь; у той репы половину мы с семьей целую неделю ели, а другую половину другую неделю; корку навалили

да кобылу надсадили и телегу обломили. Вот какая была мудрость недавно утресь!

*

Стоит град пуст, а во граде куст; в кусте сидит старец да варит изварец; и прибежал к нему косой заяц и просит изварец. И приказал старец безногому бежать, а безрукому хватать, а голому в пазуху класть.

*

Теща про зятя пирог пекла, творила да вмесила три осьмины муки, соли да крупы на четыре рубли, масла да яиц на́ восемь рублей, окорок свиной да поросенок годовой. Этого пирожка семерым не снесть, а хоть семеро подымут, так десятком не съесть. А зятек сел, в присядку все съел. Теща по полу похаживает, ско́са на зятя поглядывает: «Милый зять, не одуло ли тебя?» — «Ласкова теща, не прибавишь ли еще хоть сито блинов, решето пирогов?» — «Что тебя, зятюшка, не ро́зорвало?» Вот зять идет дорогой, а брюшина стороной; навстречу ему прохожий — спрашивает: «Что это за диво? Где я ни бывал, нигде не видал!» — «Какое это диво — зятева брюшина!»

*

«Бабушка Арина, куда ты ходила?» — «В новую деревню».— «Ну что в новой деревне?» — «Утка в юбке, селезень в кафтане, корова в рогоже — нет ее дороже». Это присказка, сказка будет впереди. Кудель, кудель, куда ты летела, на кусточек села, на кусточек села — соловьем запела? У нас не так, как у вас: и кудель поет соловьем!

*

Наташка, Наташка, сладенька кулажка, сладка медовая, в печи не бывала, жару не видала. Заиграли утки в дудки, журавли пошли плясать, долги ноги выставлять, долги шеи протягать.

*

Меж долами, меж горами сидит баба с пирогами, недорого продает, все по денежке пирог. Она век-то свой торгует, ходит босиком: чулки новы, пяты голы, носки выпадали. Призакаялась молодка пирогами торговать, пироги печи, на базар везти.

*

Курошинским-то ребятам ныне по́жилось, прибогатилось; они с торгу муку брали, муку на́ солод меняли, часто пивушко варили, бражку пьяненькую, бражку хмельненькую. Они пили-пировали, сами все проистощали, кошелечки нашивали и пестери наплели, по дворам побрели.

*

Не белая березонька в поле шатается, шелудивый с плешивым считается: «Хороши твои кудри, хороши твои русы, да не выросли!»

СКАЗКИ ИЗ ПРИМЕЧАНИЙ АФАНАСЬЕВА

ДЕВУШКА И МЕДВЕДЬ

Было три сестры, младшая — дурочка. Летом собирали они в лесу ягоды; старшая сестра заблудилась, шла, шла и пришла к хатке на куриной лапке. Вошла в хатку и стала сестер закликать: «Кто в лесу, кто в бору, приди ко мне ночевать!» — «Я в лесу, я в бору, приду к тебе ночевать,— отвечал огромный медведь, входя в дверь,— не бойся меня, влезь в правое мое ушко, вылезь в левое — у нас всего будет!» Де́вица влезла медведю в правое ухо, вылезла в левое и нашла у себя за пазухой ключи. «Теперь приготовь ужин!» Она приготовила ужин. Сели за стол; мышь подбегает и просит у де́вицы кашки. «Кто с тобой разговаривает?» — спрашивает медведь. «Мышка каши просит».— «Вдарь ее по лбу!» Она ударила. «Теперь стели мне постель — ряд поленьев да ряд каменьев, ступу в головы, а жерновом накрыться». Постель приготовлена; медведь лег, а де́вице велел целую ночь бегать по комнате да звенеть ключами. Она бегает, ключами побрякивает, а медведь лежал, лежал и бросил в нее жернов. «Жива еще!» — закричала мышка; медведь бросил ступу. «Жива еще!» — опять отозвалась мышка, и вслед за ступой полетело полено. Убил медведь красную де́вицу и высосал из нее кровь. В другой раз заблудилась середняя сестра, и с нею случилась та же самая беда. Вздумала меньшая — дурочка — пойти поискать своих

сестер и попала в ту же хатку. Медведь велел ей приготовить ужин и постелить постель. Сели они за стол, прибежала мышка и стала просить каши. Де́вица дала ей. «Кто с тобой разговаривает?» — спросил медведь. «Никто!» Вот когда медведь улегся, мышка сказала красной де́вице: «Дай мне ключики, я стану за тебя бегать!» Медведь бросил жернов, мышка закричала: «Не жива!» Медведь вскочил, стал искать убитую, не нашел и побежал в лес. Тогда мышка рассказала де́вице про старших сестер, дала ей ключики, у которых что ни попроси — всё дадут, и проводила ее домой.

ТРИ СЕСТРЫ

В одной деревне жили три замужние сестры. Раз мужья их куда-то уехали. В это время приходит к старшей сестре ведьма попросить заступа, но когда та пошла за заступом и воротилась. то не нашла в избе ни ведьмы, ни ребенка своего. Побежала она по дороге и спрашивает у рябины: «Рябинка, рябинка, не видала ль ты ведьмы с ребенком?» — «Очисти меня, подбери меня, тогда скажу».— «Нету времени!» — с досадой сказала крестьянка и пустилась дальше. То же случилось и при расспросах, обращенных к яблоне, груше. корове. колодцу и квашне. Яблоня и груша просили очистить их, корова — выдоить ее, колодец — накрыть его. квашня — замесить в ней тесто; крестьянка всем отказала и прибежала, наконец, к маленькой избушке; входит в нее. а там сидит старая ведьма, в печи на огне кипит смола, а на припечке лежит ребенок. «Зачем кипит смола?» — спрашивает несчастная мать. «Хочу сварить твое дитя»,— отвечает ведьма. Мать стала молить и просить. «Почеши мне голову»,— сказала ведьма. Крестьянка повиновалась, но только расправила ей волосы, как смола побежала через край горшка. «Отставь горшок!» — говорит ведьма; мать схватывает горшок со смолою, бросает его на ведьму, потом берет своего ребенка и убегает. Кот продрал ведьме глаза, и она пустилась в погоню, квашня, колодец, корова, груша, яблоня и рябина указали ей дорогу, ведьма догнала и разорвала ребенка на части. На другой день то же несчастье постигло среднюю сестру, а на третий день ведьма посетила младшую сестру-дурочку и похитила у нее ребенка. Сестра-дурочка исполнила требования рябины, груши, яблони, коровы, колодца и квашни; от деревьев получила за то плоды, от коровы кринку молока, от колодца бутыль воды, от квашни хлеб. Она залила ведьму смолою, но, убегая, бросила коту все полученные ею припасы. «Кот, продери очи!» — кричала ведьма. «Постой, съем хлеб!» Съел хлеб; ведьма опять кричит:

«Кот, продери очи!» — «Подожди, съем молоко»,— и так далее. Когда он собрался продирать ведьме очи, мать с ребенком была уже дома.

СКАЗКА О СИЛЬНОМ И ХРАБРОМ НЕПОБЕДИМОМ БОГАТЫРЕ ИВАНЕ-ЦАРЕВИЧЕ И О ПРЕКРАСНОЙ ЕГО СУПРУЖНИЦЕ ЦАРЬ-ДЕВИЦЕ

В некоем царстве, в некоем государстве жил-был царь по имени Ахридей, и тот царь жил с своею супругою Дарьею много лет, а детей не имел. Уже приходили они к старости и начали богу молиться, чтобы даровал им детище. Скоро после того царица Дарья обеременела и чрез обыкновенное время родила прекрасную дочь, которую назвали Луною; через год родила она другую дочь — еще краше и лучше первой: назвали ее Звездою. Царевны выросли, и когда большая сестра была по пятнадцатому году, а меньшая по четырнадцатому, то в некое время пошли они в зеленый сад гулять с своими нянюшками и мамушками и гуляли там долгое время. Вдруг поднялся превеликий вихрь и унес обеих царевен. Нянюшки и мамушки испугались, побежали к царице Дарье и сказали ей про ту беду. Царица Дарья чуть не умерла с той горькой ведомости, а царь Ахридей начал клич кликать: кто сыщет царевен, за того отдам любую из них замуж. Ни один богатырь не вызвался. Царь собрал волхвов, стал у них выспрашивать: не знают ли, где его дочери? Но и те отреклись от этого дела.

Вот царь Ахридей потужил немалое время и напоследок начал опять просить бога, чтобы даровал ему при старости наследника, и роздал великие и щедрые милостыни на бедных и по церквам и по монастырям. Бог услышал молитву, даровал ему сына, Ивана-царевича. Иван-царевич рос не по годам, а по часам, так, как пшеничное тесто на опаре киснет, и когда пришли его совершенные лета, то обучился разным наукам. И проведал Иван-царевич, что были у него две сестры родные, да без вести пропали, и вздумал проситься у отца своего, у матери, чтоб позволили ему идти в дальние государства и проведать о сестрах; пришел к своему родителю, и поклонился до земли, и стал говорить: «Милостивый батюшка! Я пришел к тебе не пир пировать, не совет советовать, не крепкую думу думать, а пришел просить у тебя благословения; хочу я идти в дальние государства и проведать о моих любезных сестрицах, что без вести пропали!» — «Ох ты гой еси, младой юноша Иван-царевич! — сказал ему

царь Ахридей.— Куда тебя бог несет и в какую пойдешь ты сторону? Ведь ты еще млад и к дорожным трудам непривычен». Но Иван-царевич просил так неотступно и со слезами, что отец не выдержал — отпустил его. Царевич богу помолился, на все на четыре стороны поклонился, с отцом, с матерью попрощался и пошел один, как перст, без провожатого.

Идет царевич путем-дорогою несколько месяцев, и случилось ему в некое время идти через густой, дремучий лес. Услыхал он в стороне большой шум, направился на тот шум с великим торопом и увидел, что дерутся промеж себя два лешие. Подошел к ним. «Послушайте,— спрашивает,— за что вы деретесь? Скажите-ка мне, я вас помирю». Отвечал ему один леший: «Добрый человек! Рассуди, пожалуй, нашу ссору: вот посмотри, шли мы двое дорогою и нашли шляпу-невидимку, сапоги-самоходы и скатерть-самобранку: стоит только развернуть скатерть, тотчас выпрыгнут из нее двенадцать добрых молодцев да двенадцать красных девиц, принесут разных кушаньев и напитков и начнут потчевать. Из этой находки сапоги да шляпу беру я себе, а скатерть отдаю моему товарищу, а он хочет всем овладеть и для того вступил со мной в драку».— «Хорошо,— сказал Иван-царевич,— я ваше дело разберу, только дайте и мне долю». Лешие согласились. Тогда Иван-царевич сказал им: «Бегите по этой дороге изо всей мочи, и кто кого на трех верстах опередит, тому и достанется вся находка». Оба лешие с радостью побежали по указанной дороге и скоро совсем из виду скрылись; Иван-царевич надел на себя сапоги-самоходы и шляпу-невидимку, скатерть-самобранку взял под мышку и пошел дальше. Когда лешие воротились, то не нашли ни Ивана-царевича, ни своих находок и бросились искать его по лесу. Однако хотя и находили на царевича, но не могли его видеть, потому что на нем была надета шляпа-невидимка.

Избегавши попусту весь лес, они напоследок разошлись по своим местам; а Иван-царевич шел несколько дней и увидел: стоит на дороге малая избушка к лесу передом, а к нему задом; подошел к ней и молвил: «Избушка, избушка, стань к лесу задом, а ко мне передом». Вдруг избушка обернулась к лесу задом, а к нему передом. Царевич вошел в избушку; там на полу сидела баба-яга, ноги в потолок уперши, и пряла шерсть. Увидя Ивана-царевича, баба-яга сказала: «Фу-фу-фу! Как доселева русского духу слыхом не слыхано, а нынче русский дух воочью совершается. Зачем ты, добрый молодец Иван-царевич, сюда зашел, волею или неволею? Я здесь живу уже сорок лет, а никакой человек мимо меня не прохаживал, не проезживал, ни зверь не прорыскивал, ни птица не пролетывала; а ты как сюда забрел?» —

«Ох ты, глупая старая баба! — в ответ сказал Иван-царевич.— Ты прежде меня, доброго мóлодца, напой-накорми, да тогда и спрашивай». Яга-баба тотчас вскочила, собрала на стол, напоила, накормила царевича и в бане выпарила и стала опять спрашивать: «Как ты сюда зашел, добрый мóлодец, волею или неволею?» Ответ держал Иван-царевич: «Сколько волею, а вдвое того неволею. Иду я искать моих родных сестриц Луну и Звезду; а где их сыскать — сам не ведаю».— «Добро, Иван-царевич! — молвила баба-яга.— Молись богу и ложись спать: утро вечера мудренее». Царевич лег спать и от дорожного труда заснул крепко. Поутру, чуть только на дворе рассветать стало, яга-баба начала его будить: «Добрый мóлодец! Пора тебе в путь идти». Встал царевич, умылся, оделся, помолился, на все четыре стороны поклонился и начал с ягою прощаться. Тогда яга-баба ему сказала: «Что ж ты, царевич, со мною прощаешься, а не спросишь, куда тебе надобно — в какую сторонушку? Ступай-ка ты, добрый мóлодец, вот по этой дороженьке и увидишь в чистом поле палаты белокаменные; в тех палатах живет твоя большая сестра Луна. Только трудно тебе взять ее, потому что живет с нею нечистый дух; приходит он в палаты медведем, а как войдет — тотчас оборачивается человеком».

Царевич простился с ягою, надел на себя сапоги-самоходы и пошел в путь. На третий день увидел он в чистом поле белокаменные палаты, покрылся шляпою-невидимкою и вступил в спальню к любезной своей сестрице, прекрасной царевне Луне. В то время царевна Луна лежала на кровати и опочивала крепким сном. Царевич подошел к кровати, начал ее будить и скинул с себя шляпу-невидимку; царевна пробудилась: «Кто ты таков и зачем сюда пришел?» — «Любезная моя сестрица, прекрасная царевна Луна! — отвечал царевич.— Я твой брат единоутробный Иван-царевич; принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей Дарьи: они вельми по тебе и по сестрице Звезде сокрушаются». Прекрасная царевна Луна тотчас вскочила с постели и во слезах начала обнимать царевича; долгое время они целовалися, миловалися, а после того царевна сказала: «Любезный мой братец! Я несказанно рада, что вижу тебя; но опасаюсь, чтоб не пришел Медведь и не съел бы тебя».— «Не крушись о том.— молвил ей царевич.— я этого не боюсь!»

Скоро поднялся сильный вихрь. Тогда прекрасная царевна сказала царевичу в великом страхе: «Любезный братец Иван-царевич! Скоро Медведь прибежит; спрячься куда-нибудь, не то съест тебя».— «Не бойся!» — сказал ей царевич, потом надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Медведь вошел в комнату и закричал человечьим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского

духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет».— «Ах, мой свет,— сказала Луна,— тебе стыдно о том и говорить; откуда здесь быть русскому духу? Ты по Руси бегаешь и там русского духу набрался; так тебе и здесь то же чудится».— «Да не пришел ли брат твой Иван-царевич? — спросил Медведь.— Ведь он давно уж родился».— «Я сроду брата не видела и того, есть ли у меня брат, не ведаю. А что, если бы брат пришел, ведь ты бы съел его?» — «Нет,— отвечал Медведь,— я никогда того не сделаю. Ведь я знаю, что он тебе мил; а по тебе и мне мил».— «Поклянись прежде!» — «Изволь, клянусь тебе, чем сама хочешь».— «Когда так,— сказала царевна Луна,— то брат мой здесь и сидит возле тебя».— «Что ты! Как же я его не вижу?» — сказал Медведь, встал, ударился о сырую землю и сделался такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и молвил: «Иван-царевич! Не прячься от меня; я для тебя не злодей, ничего тебе худого не сделаю».

Тут царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Медведю. Медведь разговаривал с царевичем ласково, потчевал его всякими кушаньями и напитками. Иван-царевич попробовал того-другого и говорит Медведю: «Не хочешь ли моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича, царевну Луну и Медведя потчевать. Медведь удивился такому чудному делу и спрашивал у Ивана-царевича, откуда он взял такую скатерть? Он про все ему рассказал. Вот таким-то образом жил царевич у Медведя три месяца, а потом собрался в путь и стал спрашивать про меньшую свою сестру, царевну Звезду, где она проживает. «Она живет не очень далеко,— сказала царевна Луна,— только, братец, не чаю, чтобы ты ее увидал, потому что живет она с Морским Чудовищем в медном замке, а вокруг того замка стоит стража великая — всё водяные черти; они тебя убьют до смерти».— «Что делать! Хоть сам помру, а сестрицу увижу». Простился Иван-царевич с прекрасною царевною Луною и с Медведем и пошел в путь.

На другой день увидел он медный замок, подошел к воротам; у ворот стоят два водяных черта, на плечах пушки держат, никого в замок не пропускают. «Пропустите меня,— сказал царевич,— ведь я нарочно пришел всех вас с караула сменить».— «Нет, брат, обманываешь! Если хочешь, полезай через каменную стену, а в ворота ходить не приказано. Да смотри, полезай осторожнее: по ту сторону стены подведены струны: если чуть-чуть до струны дотронешься, то пойдет гром по всему замку и по́ морю. Морское Чудовище услышит, выйдет из моря и тебя жива

не оставит!» Царевич ничего не устрашился и полез в сапогах-самоходах чрез каменную стену; не задел за струны ни рукою, ни ногою, только платьем слегка зацепил — и в ту ж минуту раздался великий гром по всему замку. Царевич вошел с тóропом в палаты, нашел прекрасную царевну Звезду в постели и разбудил ее от крепкого сна. Она проснулась и закричала: «Кто ты и зачем пришел?» — «Любезная сестрица, прекрасная царевна Звезда! — отвечал царевич.— Я твой брат родной Иван-царевич, принес тебе челобитье от батюшки твоего царя Ахридея и от матушки твоей царицы Дарьи; они вельми по тебе сокрушаются».

Прекрасная царевна Звезда вскочила с постели, начала его целовать, миловать и потом говорит: «Любезный братец, спрячься куда-нибудь! Скоро придет сюда Морское Чудовище и как тебя увидит — тотчас съест».— «Не крушись,— молвил царевич,— я не боюся!» Надел на себя шляпу-невидимку и сел на стул. Вошел Морское Чудовище и закричал человеческим голосом: «Фу-фу-фу! Доселева русского духу слыхом не слыхано, видом не видано, а нынче и здесь русским духом пахнет. Кто у тебя, царевна, в гостях?» — «Ах, мой свет,— отвечала царевна Звезда,— кому у меня быть? Да русский и зайти сюда не может. Сам ты по Руси бегаешь, набрался там русского духу, так он тебе и здесь чудится!» — «Полно, не пришел ли брат твой Иван-царевич? Ведь он давно уж родился».— «Я сроду никакого брата не видала, и есть ли у меня брат — и того не ведаю. А что, если б Ивану-царевичу случилось зайти сюда, ведь ты бы съел его?» — «Нет,— отвечал Чудовище,— я никогда того не сделаю. За что я его съем? Ведь он мне ничего худого не сделал. Знаю и то, что он тебе мил; а по тебе и мне мил».— «Нет, я по тех пор не поверю, покуда ты клятвы не дашь».— «Изволь! Клянусь тебе всем, чем сама хочешь».— «Когда так,— молвила царевна Звезда,— то брат мой здесь и сидит против тебя».— «Что ты врешь? — сказал Морское Чудо.— Как же я его не вижу?» — «Он, право, здесь!» — отвечала Звезда. Тогда Чудовище ударился о сырую землю и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни пером написать, ни в сказке сказать, и закричал: «Иван-царевич, не прячься! Я тебе не злодей, ничего худого не сделаю и завсегда рад тебя гостем видеть».

Царевич скинул с себя шляпу-невидимку и показался Чудовищу. Чудовище разговаривал с ним ласково, потчевал всякими питьями и кушаньями. Царевич попробовал того-другого и говорит Чудовищу: «Не хочешь ли ты моего дорожного кушанья и моих напитков отведать?» Развернул скатерть-самобранку — и тотчас двенадцать молодцев и двенадцать девиц наставили на ту скатерть разных кушаньев и напитков и начали Ивана-царевича,

царевну Звезду и Морское Чудо потчевать. Чудо подивился той скатерти и спрашивал у Ивана-царевича, где он взял ее. Иван-царевич обо всем ему рассказал, и когда они напились и наелись, то царевич свернул свою скатерть, и стали они веселиться, всякими забавами потешаться. Прожил царевич у меньшой сестры своей близ года. Когда Чудовища не было дома, стал он говорить царевне Звезде, чтоб она ушла с ним к отцу, к матери. «Что ты, братец! — отвечала она.— Морское Чудо нагонит нас, лютой смерти предаст».— «Как же мне тебя и сестру нашу выручить?» — «Ежели хочешь меня и сестру нашу выручить, то ступай за тридевять земель, в тридесятое государство. Там есть широкая река, через реку калиновый мост, под тем мостом живет двенадцатиглавый змей; не пропускает он ни конного, ни пешего, всех пожирает. Кому удастся убить двенадцатиглавого змея, за того Царь-девица замуж выйдет; а с ее помощью можно и меня и сестру выручить». Царевич выслушал эти речи, простился с сестрою и пошел за тридевять земель.

Он надел сапоги-самоходы и в три дня поспел к калиновому мосту. Зашел в кузницу и велел сковать себе меч-кладенец и палицу боевую в сорок пуд; кузнецы сковали ему и меч и палицу. Царевич заплатил за работу и пошел к мосту со змеем биться. Змей тотчас выбежал, бросился на царевича — хочет совсем проглотить его; но царевич приостерегся, махнул палицей и за один раз отсек змею три головы. Змей опять на него бросился, царевич вторично ударил его палицею и сшиб шесть голов. Тут змей испустил из себя пламя огненное — хочет сжечь царевича; царевич быстро увернулся, ударил змея мечом и рассек его надвое, потом наклал костер дров, зажег и положил все змеиные головы и туловище на огонь, а сам пошел через мост на другую сторону.

Видит он — вылетело из градских ворот двенадцать голубиц; прилетели они к калиновому мосту, ударились о сырую землю и сделались красными девицами. Разделись красные девицы донага и стали купаться; а царевич надел шляпу-невидимку, любуется на их красоту и ждет, что после будет. Девицы выкупались и оделись; Иван-царевич скинул с себя шляпу, подошел к ним, поклонился и сказал: «Честные де́вицы, скажите мне, кто этим царством владеет?» — «Этим царством владеет прекрасная Царь-девица; а ты, добрый мо́лодец, как сюда зашел?» — «Я пришел чрез калиновый мост,— отвечал царевич,— и по ту сторону убил змея о двенадцати головах». Только выговорил он эти слова, как двенадцать девиц подхватили его под руки и сказали: «Если ты убил двенадцатиглавого змея, то должен быть нашим государем!» И повели его к Царь-девице. Царь-девица вышла встречать царевича, принимала его за белые руки, сажала за столы дубовые, за ска-

терти браные и разговаривала полюбовно; в тот же день царевич на ней и женился.

Прошло несколько дней после свадьбы, начал царевич просить свою супругу, чтоб освободила его сестер, царевен Луну и Звезду. Царь-девица закричала громким голосом: «Приведите ко мне проклятого духа, что сидит в темном погребе». Приводят к ней того заключенника — ростом превеликий, собой страшный! Говорит ему Царь-девица: «Достань и принеси сюда царевну Луну да царевну Звезду; если сослужишь мне эту службу — на волю тебя выпущу, а не сослужишь — навек тебя заключу в темном погребе». Проклятый дух тотчас помчался буйным вихрем и в скором времени принес обеих царевен; Царь-девица отпустила его на волю, царевну Луну и царевну Звезду отправила к отцу, к матери, а сама стала жить с Иваном-царевичем в любви и совете.

ОБ ИВАНУШКЕ-ДУРАЧКЕ

Был-жил старик, у него было три сына: двое умных, а третий Иванушка-дурачок. Умирая, отец приказал им три ночи сряду ходить по очереди на его могилу и ночевать там. Когда умер старик и его похоронили, большому брату не захотелось идти на отцовскую могилу. «Дай дураку пирог,— сказал он своей жене,— пусть пойдет за меня, ночует на могиле». Дурак взял пирог, положил на плечо дубину и пошел на отцовскую могилу. В самую полночь вдруг свалился с могилы камень, земля раскрылась, встал старик (он был колдун) и спросил: «Кто пришел ночевать?» — «Я, батюшка, твой сын дурак».— «Ну, дурак, коли ты пришел, подарю тебе за то подарок».

После того старик свистнул-гаркнул богатырским посвистом, молодецким покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой!» Конь бежит, земля дрожит, из ушей дым столбом, а из ноздрей пламя пышет; и как прибежал, то и стал перед стариком как вкопанный. «Вот тебе конь,— сказал отец,— владей по смерть свою»; потом показал ему весь прибор: копье, палицу боевую и меч-кладенец, и как скоро пропели петухи — свалился в могилу. Поутру пошел дурак домой. «Что тебе привиделось ночью?» — спрашивали его братья. «Ничего,— отвечал он,— я проспал до рассвета». На другую и на третью ночь опять ходил дурак на отцовскую могилу, и оба раза случилось то же.

В это время один царь велел отвесть лобное место и на том поставить двенадцать венцов и кликать клич: кто перескочит

на коне все двенадцать венцов, тот получит в жены прекрасную царевну. Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные, могучие богатыри; поехали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня с собою!» — сказал Иванушка-дурачок. «Куда тебя, дурака, нелегкая несет! — закричали братья.— Оставайся дома да лежи на печи». Только они уехали, дурак слез с печи и говорит своим невесткам: «Дайте мне лукошко, я хоть в лес пойду да грибов наберу». Невестки дали ему лукошко; дурак пошел в чистое поле, положил лукошко под кустик, а сам свистнул молодецким посвистом, гаркнул богатырским покриком: «Сивка-бурка, вещая каурка! Стань передо мной, как лист перед травой». Прибежал конь и стал как вкопанный.

Дурак в одно ушко коню влез, напился там, наелся, хорошенько нарядился, а в другое вылез, и стал такой молодец, что ни вздумать, ни взгадать, ни в сказке сказать, ни пером написать. Сел на коня и поехал прямо к городу; нагнал своих братьев, поравнялся и начал их бить плетью, чтоб посторонились и дали ему дорогу. И как приехал к лобному месту, ударил коня по крутым бедрам. Его конь осержается, от земли отделяется, выше лесу стоячего, ниже облака ходячего, и перепрыгнул шесть венцов. Тут закричали: «Держи, держи!» Но Иванушка поворотил назад, ускакал в чистое поле, влез своему коню в одно ушко, разрядился, вылез в другое и стал по-прежнему дурак дураком. Взял свое лукошко, пошел по лесу, набрал мухоморов и всяких грибов, что никуды не годятся, и принес домой. Невестки рассердились. «Что ты, дурак! — говорили они.— Разве тебе одному есть эти грибы!» А дурак сказал: «Вот еще! Поди набери грибов, да и то не угодишь».

Воротились домой братья и стали рассказывать о молодце, что нагнал их дорогою, да такой озорник — больно прибил за то, что они не посторонились. Дурак, сидя на печи, говорил: «Полно, не я ли вас бил, братцы?» — «Что ты врешь, дурак!» — закричали на него братья. В другой раз Иванушка-дурачок перепрыгнул на своем коне десять венцов, а в третий раз и все двенадцать венцов; царевна в ту ж минуту влепила ему в лоб алмазную звезду, а сама закричала: «Держи, лови, лови его!» Но дурак ускакал. Завязал себе голову тряпицею и засел на печи. Царь велел всем собираться к себе на пир, и как собрались, стала царевна обносить всех напитками; подошла к дураку и спросила: «Что у тебя лоб-то завязан?» — «Ходил я,— говорит дурак,— в лес за грибами, упал да зашибся». Царевна развязала тряпицу, и вдруг осветилась вся палата. Дурак женился на царевне.

После того услышал царь, что в его заповедных лугах бегает

олень золоторогий, и приказывает зятьям своим поймать его. Иванушка-дурачок взял вместо доброго коня коростовую кобылу, сел на нее задом к голове, а передом к хвосту, взялся за хвост и поехал с царского двора; выехал в чистое поле, содрал с лошади кожу, повесил на шест, а сам закричал: «Сбегайтесь, серые волки! Слетайтесь, сороки, вороны! Вот вам гостинец от царя». Свистнул и призвал сивку-бурку, клал на коня седельце черкасское, двенадцать подпруг шелку шемаханского: шелк не рвется, булат не трется, аравитское золото в грязи не ржавеет; поскакал, как птица, и добыл оленя золоторогого. После того добыл дурак свинку золотую щетинку с двенадцатью поросятами и ветку с золотой сосны, что растет за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, а ветки на ней серебряные, и на тех ветках сидят птицы райские, поют песни царские; да подле сосны стоят два колодца с живою водою и мертвою.

СКАЗКА О БЕССЧАСТНОМ СТРЕЛКЕ

Жил-был стрелок. Когда ни случилось, что в лес он пойдет стрелять птиц, все не было удачи, возвращался в свой дом с пустым мешком и прозван был Бессчастным стрелком. Дошло до того у стрелка, что не осталось ни хлеба в суме, ни гроша в котоме. Бедный Бессчастный трое суток не ел, по лесу бродя; дрожал от холода, и пришло ему хоть умирать с голода. Лег он на траве, сбираясь нацелить ружье себе в лоб; но перекрестился, остановился, отбросил ружье, и вдруг он услышал шорох при ветерке, шепот невдалеке. Шепот выходил, казалось, из густой лесной травы. Встал стрелок и, подойдя к тому месту, наклонился; увидел, что трава закрывала глубокую пропасть, из той пропасти высунулся камень, а на камне кубышечка лежала. Тут стрелок услышал слабый голос: «Добрый человек прохожий! Освободи меня».

Тот голос выходил из кубышечки, и стрелок, неустрашимо с камня на камень ступая, над пропастью сам очутился; взял он кубышечку тихо и слышит — в кубышечке голос, словно кузнечик, стрекочет: «Освободи ты меня! Я тебе послужу».— «Кто ты, дружок?» — спросил Бессчастный стрелок и слышит шепот в ответ: «Мне имени нет, и меня глаза не видят, а кличь, если хочешь: Мурза! Чудодей-чародей посадил меня в эту кубышку и, запечатав Соломоновым перстнем, бросил сюда, и лежал я здесь семьдесят лет, пока ты не пришел».— «Хорошо,— сказал Бессчастный стрелок,— выпущу тебя на волю: посмотрю, как

исполняешь, что ты обещаешь». Стрелок сорвал печать и раскрыл кубышку, но в ней ничего не видал. «Эй, где ж ты, приятель?» — спросил Бессчастный стрелок. «Возле тебя»,— кто-то ему отвечал. Стрелок оглянулся вокруг, но возле него нет никого! «Эй, Мурза!» — «Что прикажешь? Я слуга тебе на три дня и все, чего хочешь, доставлю; молви только: поди туда — не знаю куда и принеси то — не знаю что!» — «Хорошо,— сказал стрелок,— видно, ты лучше знаешь, что надобно: поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!»

Лишь только молвил Бессчастный стрелок, как глядит — откуда ни взялся стол на лугу, тарелки и блюда из травы налетели, всяким кушаньем по края полны, как будто бы с царского пира. Стрелок сесть за стол спешил, голод утолил, встал, помолился, на обе стороны поклонился и молвил: «Спасибо!» Стол исчез, как не бывало; а стрелок свой путь продолжал. Дорогою стрелок приустал, а на ту пору шел через лес плутоватый цыган и коня продавал. «Вот если бы деньги, купил бы я лошадь,— подумал Бессчастный стрелок,— хорошо бы, когда б не был тощ кошелек. Дай скажу приятелю... Мурза!» — «Что угодно?» — «Поди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что!» Не прошло минуты, как стрелок послышал бренчанье денег в суме своей; невидимо откуда в нее золото сыпалось. «Спасибо на слове без обмана!» — сказал стрелок и стал торговать коня у цыгана. Купив коня, начал отсчитывать деньги; а цыган, разинув рот, дивовался, сколько в суме у стрелка было золота.

Отъехав от стрелка, плутоватый цыган зашел в лес и свистнул. На свист не отвечали. «Видно, спят!» — подумал цыган и вошел в пещеру, в которой разбойники отдыхали, на разостланных кожах лежали. «Что, братцы, спите? Шевелитесь, встряхнитесь,— крикнул он,— а не то прозеваете сокола; сам-один в лесу, а сума набита золотом. Вставайте скорей!» Разбойники на коней и за стрелком поскакали. Слышит топот Бессчастный стрелок, видит он, что скачут на него со всех сторон, и крикнул: «Мурза!» — «Я здесь!» — услышал он возле себя. «Поди туда — не знаю куда!» И вот смотрит стрелок — в лесу зашумело и на разбойников что-то налетело из-за деревьев: одного взбросит, другого вскинет; а кто нападает — никого не видать! Разбойники попадали с коней, не могли и подняться с земли; а стрелок дальше поехал, песню напевая да присвистывая, из темного леса в чистое поле и добрался полем до города.

Под городом шатры раскинуты, стоит в шатрах дружина ратная. На вопрос стрелку отвечали, что под город тогда подступала татарского хана несметная сила; сватался хан за царевну Миловзору Прекрасную; рассердясь за отказ, пришел под царство

с татарами. Бывало, Бессчастный стрелок на охоте видал Миловзору; царевна на статном коне скакала с копьем золотым; колчан, полный стрел, за плечами блестел; а откинет с лица покрывало, то солнышком вешним сияла — очам светло и душе тепло! Стрелок призадумался, кликнул: «Мурза!» И вмиг очутился в наряде богатом, сукно стало бархат, кафтан облит златом, с плеча епанча, колпак — шишаком, с шишака развеваются перья страуса-птицы, а прикреплены запонкой, в той запонке яхонты, вкруг яхонтов жемчуги. И стрелок во дворец, стоит пред царем и сам весть подает, что пришел отразить силу вражескую, если царь согласится выдать за него царевну Миловзору Прекрасную.

Царь удивился, отказать не решился и спросил незнакомца об имени, роде и владеньях его. «Я называюсь Бессчастный стрелок, повелитель Мурзы невидимого». Царь подумал: не рехнулся ль молодец, хоть и с виду удалец? Но придворные видали Бессчастного и сказали царю, что пришелец незнакомый походит лицом на Бессчастного стрелка, но неведомо, откуда дался ему клад. Тогда царь сказал стрелку: «Слышишь, что говорят? Если лгал предо мною, то простись с головою. Посмотрю я, как с невидимкой Мурзой ты начнешь с неприятелем бой».— «Царь-надежа! — стрелок отвечал.— Я лишь слово скажу — все готово!» — «Поглядим,— молвил царь,— если правду сказал, отдам тебе дочь, или голову прочь». А стрелок себе гадал: либо пан, либо пропал, и шепнул: «Мурза! Поди туда — не знаю куда, сделай то — не знаю что».

Прошло несколько минут, ничего не было ни слышно, ни видно. Стрелок побледнел, гневный царь повелел заковать стрелка в цепи, как вдруг раздались перед дворцом и пальба и стрельба; царь и придворные на крыльцо побежали. Не четыре реки вытекали, а с правой и с левой руки шли полки со знаменами строем, отдавали честь боем; все красой удивляло, войска такого и у царя не бывало. Царь не верил глазам. «Нет тут ошибки, это полки невидимки!» — молвил Бессчастный стрелок. «Пусть же прогонят врагов, чтоб силы противной не осталось следов!» Стрелок махнул платком, воины налево кругом; марш походный заиграл; поднялся туман, полки вскачь летят, а очистился туман — как и не было их! Позвали стрелка к обеду, в царскую беседу, и расспрашивал царь о Мурзе-невидимке. Лишь обед начался, за второй сменой блюд весть пришла, что неприятель бежит, наголову разбит; татары от города, как птицы от холода, в страхе летели, шатры опустели. Царь стрелка благодарил, дочери объявил, что нашел ей жениха. Миловзора, услышав, смутилась, покраснела, в лице изменилась, слезки из глаз побежали, жемчугом падали, алмазом сверкали; стрелок, сам не свой, что-то

шептал про себя... Бросились придворные слезки подбирать — всё алмазы да жемчуги! Миловзора рассмеялась и руку стрелку подала; сама она — радость, в глазах ее — ласка. Тут пир начался, и кончилась сказка.

НЕОСТОРОЖНОЕ СЛОВО

Жил в Заонежье старик со старухою; кормился охотою, и была у него собака — цены ей нет! Раз попался ему навстречу хорошо одетый человек. «Продай,— говорит,— собаку, а за расчетом приходи завтра вечером на Мянь-гору». Старик отдал собаку, а на другой день пошел нá гору. Поднялся на верх горы — стоит большой город, где живут лембои; пришел в дом того, что купил собаку; тут гостя накормили, напоили, в бане выпарили. Парил его мóлодец и, покончив дело, пал ему в ноги: «Не бери, дедушка, за собаку денег, а выпроси меня!» Дед послушался. «Отдай,— говорит,— мне добра мóлодца; заместо сына у меня будет».— «Много просишь, старик, да делать нечего, надо дать». Пришли домой, и сказывает мóлодец старику: «Ступай ты в Новгород, отыщи на улице Рогатице такого-то купца». Старик пошел в Новгород, попросился к купцу ночевать и стал его спрашивать: «Были ль у тебя дети?» — «Был один сын, да мать в сердцах крикнула на него: «Лембой те возьми!» Лембой и унес его».— «А что дашь, я тебе ворочу его?» Добрый мóлодец, которого вывел старик от лембоев, и был тот самый купеческий сын. Купец обрадовался и принял старика со старухою к себе в дом.

СКАЗКА О СЕРЕБРЯНОМ БЛЮДЕЧКЕ И НАЛИВНОМ ЯБЛОЧКЕ

Жил мужик с женою, и у них были три дочери: две — нарядницы, затейницы, а третья — простоватая, и зовут ее сестры, а за ними и отец и мать, дурочкой. Дурочку везде толкают, во всё промыкают, работать заставляют; она не молвит и слова, на все готова: и траву полет, и лучину колет, коровушек доит, уточек кормит. Кто что ни спросит, все дура приносит: «Дура, поди! За всем, дура, гляди!» Едет мужик с сеном на ярмарку, обещает дочерям гостинцев купить. Одна дочь просит: «Купи мне, батюшка, кумачу на сарафан»; другая дочь просит: «Купи мне алой китайки»; а дура молчит да глядит. Хоть дура, да дочь;

жаль отцу — и ее спросил: «Чего тебе, дура, купить?» Дура усмехнулась и говорит: «Купи мне, свет-батюшка, серебряное блюдечко да наливное яблочко». — «Да на что тебе?» — сестры спросили. «Стану я катать яблочком по блюдечку да слова приговаривать, которым научила меня старушка — за то, что я ей калач подала». Мужик обещал и поехал.

Близко ли, далеко ли, мало ли, долго ли был он на ярмарке, сено продал, гостинцев купил; одной дочери алой китайки, другой кумачу на сарафан, а дуре серебряное блюдечко да наливное яблочко; возвратился домой и показывает. Сестры рады были, сарафаны пошили, а на дуру смеются да ждут, что она будет делать с серебряным блюдечком, с наливным яблочком. Дура не ест яблочко, а села в углу — приговаривает: «Катись-катись, яблочко, по серебряному блюдечку, показывай мне города и поля, леса и моря, и гор высоту и небес красоту!» Катится яблочко по блюдечку, наливное по серебряному, а на блюдечке все города один за другим видны, корабли на морях и полки на полях, и гор высота и небес красота; солнышко за солнышком катится, звезды в хоровод собираются — так все красиво, на диво — что ни в сказке сказать, ни пером написать. Загляделись сестры, а самих зависть берет, как бы выманить у дуры блюдечко; но она свое блюдечко ни на что не променяет.

Злые сестры похаживают, зовут, подговаривают: «Душенька сестрица! В лес по ягоды пойдем, земляничку сберем». Дурочка блюдечко отцу отдала, встала да в лес пошла; с сестрами бродит, ягоды сбирает и видит, что на траве заступ лежит. Вдруг злые сестры заступ схватили, дурочку убили, под березкой схоронили, а к отцу поздно пришли, говорят: «Дурочка от нас убежала, без вести пропала; мы лес обошли, ее не нашли, видно, волки съели!» Жалко отцу — хоть дура, да дочь! Плачет мужик по дочери; взял он блюдечко и яблочко, положил в ларец да замкнул; а сестры слезами обливаются.

Водит стадо пастушок, трубит в трубу на заре и идет по леску овечку отыскивать, видит он бугорок под березкой в стороне, а на нем вокруг цветы алые, лазоревые, над цветами тростинка. Пастушок молодой срезал тростинку, сделал дудочку, и — диво дивное, чудо чудное — дудочка сама поет-выговаривает: «Играй, играй, дудочка! Потешай света-батюшку, мою родимую матушку и голубушек сестриц моих. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко». Люди слышат — сбежались, вся деревня за пастухом оборотилась; пристают к пастуху, выспрашивают, кого загубили? От расспросов отбою нет. «Люди добрые! — пастух говорит. — Ничего я не ведаю, а искал в лесу овечку и увидал бугорок, на бугорке цветочки,

над цветочками тростинка; срезал я тростинку, сделал себе дудочку, сама дудочка играет-выговаривает».

Случился тут отец дурочки, слышит пастуховы слова, схватил дудочку, а дудочка сама поет: «Играй, играй, дудочка, родимому батюшке, потешай его с матушкой. Меня, бедную, загубили, со свету сбыли за серебряное блюдечко, за наливное яблочко».— «Веди нас, пастух,— говорит отец,— туда, где срезал ты тростинку». Пошел за пастухом он в лесок на бугорок и дивится на цветы прекрасивые, цветы алые, лазоревые. Вот начали разрывать бугорок и мертвое тело отрыли. Отец всплеснул руками, застонал, дочь несчастную узнал, и лежит она убитая, неведомо кем загубленная, неведомо кем зарытая. Добрые люди спрашивают, кто убил-загубил ее? А дудочка сама играет-выговаривает: «Свет мой батюшка родимый! Меня сестры в лес зазвали, меня, бедную, загубили за серебряное блюдечко, за наливное яблочко; не пробудишь ты меня от сна тяжкого, пока не достанешь воды из колодезя царского». Две сестры-завистницы затряслись, побледнели, а душа как в огне, и признались в вине; их схватили, связали, в темный погреб замкнули до царского указа, высокого повеленья; а отец в путь собрался в город престольный.

Скоро ли, долго ли — прибыл в тот город. К дворцу он приходит; вот с крыльца золотого царь-солнышко вышел, старик в землю кланяется, царской милости просит. Возговорит царь-надежа: «Возьми, старик, живой воды из царского колодезя: когда дочь оживет, представь ее нам с блюдечком, яблочком, с лиходейками-сестрами». Старик радуется, в землю кланяется и домой везет скляницу с живою водою; бежит он в лесок на цветной бугорок, отрывает там тело. Лишь он спрыснул водой — встала дочь перед ним живой и припала голубкой на шею отцу. Люди сбежались, наплакались.

Поехал старик в престольный город; привели его в царские палаты. Вышел царь-солнышко, видит старика с тремя дочерьми: две за руки связаны, а третья дочь — как весенний цвет, очи — райский свет, по лицу заря, из очей слезы катятся, будто жемчуг падают. Царь глядит, удивляется; на злых сестер прогневался, а красавицу спрашивает: «Где ж твое блюдечко и наливное яблочко?» Тут взяла она ларчик из рук отца, вынула яблочко с блюдечком, а сама царя спрашивает: «Что ты, царь-государь, хочешь видеть: города ль твои крепкие, полки́ ль твои храбрые, корабли ли на́ море, чудные ль звезды на́ небе?»

Покатила наливным яблочком по серебряному блюдечку, а на блюдечке-то один за одним города выставляются, в них полки́ собираются со знаменами, со пищалями, в боевой строй становятся; воеводы перед строями, головы перед взводами, десят-

ники перед десятнями; и пальба, и стрельба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: на блюдечке море волнуется, корабли как лебеди плавают, флаги развеваются, с кормы стреляют; и стрельба, и пальба, дым облако свил, все из глаз закрыл! Яблочко по блюдечку катится, наливное по серебряному: в блюдечке все небо красуется, солнышко за солнышком кружится, звезды в хоровод собираются. Царь удивлен чудесами, а красавица льется слезами, перед царем в ноги падает, просит помиловать. «Царь-государь! — говорит она.— Возьми мое серебряное блюдечко и наливное яблочко, лишь прости ты сестер моих, за меня не губи ты их». Царь на слезы ее сжалился, по прошенью помиловал; она в радости вскрикнула, обнимать сестер бросилась.

Царь глядит, изумляется; взял красавицу за руки, говорит ей приветливо: «Я почту доброту твою, отличу красоту твою; хочешь ли быть мне супругою, царству доброй царицею?» — «Царь-государь! — отвечает красавица.— Твоя воля царская, а над дочерью воля отцовская, благословенье родной матери; как отец велит, как мать благословит, так и я скажу». Отец в землю поклонился, послали за матерью — мать благословила. «Еще к тебе слово,— сказала царю красавица,— не отлучай родных от меня; пусть со мною будут и мать, и отец, и сестры мои». Тут сестры ей в ноги кланяются. «Недостойны мы!» — говорят они. «Все забыто, сестры любезные! — говорит она им.— Вы родные мне, не с чужих сторон, а кто старое зло помнит, тому глаз вон!» Так сказала она, улыбнулась и сестер поднимала; а сестры в раскаянье плачут, как река льются, встать с земли не хотят. Тогда царь им встать приказал, кротко на них посмотрел, во дворце остаться велел. Пир во дворце! Крыльцо все в огнях, как солнце в лучах; царь с царицею сели в колесницу, земля дрожит, народ бежит: «Здравствуй,— кричат,— на многие века!»

СКАЗКА О ЛЯГУШКЕ И О БОГАТЫРЕ

В некотором царстве, в некотором государстве жил король: у него было три сына. Раз он призвал к себе сыновей и сказал: «Любезные дети! Вы теперь на возрасте, время вам подумать о невестах. Сделайте себе по стрелке, ступайте в заповедные луга и выстрелите в разные стороны. В какой дом попадет чья стрела, в том и возьмет себе невесту». Королевичи сделали себе по стрелке, вышли в заповедные луга и выстрелили: большой брат в правую сторону, средний в левую, а меньшой, что назывался Иван-богатырь, пустил свою стрелу прямо. После того по-

шли они в разные стороны искать свои стрелки. Большой брат нашел свою стрелку у министра, а середний у генерала; королевичи и поженились на их дочерях-красавицах.

А Иван-богатырь долго не мог найти своей стрелки и был весьма печален; целые два дня ходил он по лесам и по горам. а на третий день зашел в болото и увидал большую лягушку. которая держала во рту пущенную им стрелу. Иван-богатырь хотел было бежать и отступиться от своей находки, но лягушка закричала: «Ква-ква, Иван-богатырь! Поди ко мне, возьми свою стрелу; не то вечно не выйдешь из болота». Промолвив эти слова. лягушка перекувырнулась — и в ту ж минуту явилась раскрашенная беседка; Иван-богатырь вошел в беседку. «Я знаю,— сказала лягушка,— что ты третий день ничего не ел; не хочешь ли поесть?» Тут лягушка снова перекувырнулась — и тотчас явился стол со всяким кушаньем и напитками. Иван-богатырь сел за стол, наелся, напился. «Слушай,— сказала ему лягушка.— стрела твоя попала ко мне, ты должен взять меня замуж; а не возьмешь за себя — не выйдешь из этого болота!» Иван-богатырь опечалился и не знал, что делать; подумал и взял с собой лягушку и принес ее в свое государство. Братья и невестки стали над ним смеяться.

Наступил день, в который Иван-богатырь должен был жениться; он поехал в карете, а лягушку понесли во дворец на золотом блюде. Когда настала ночь и жених с невестою пошли в свои комнаты, лягушка сняла с себя лягушечью кожурину и сделалась красавицею, а днем опять стала лягушкою. Иван-богатырь жил с нею благополучно и счастливо. Чрез несколько времени приказал как-то король призвать к себе сыновей и сказал им: «Любезные дети! Вы теперь все трое женаты; желалось бы мне износить от ваших жен, а моих невесток, по рубашке». Дал им по куску полотна и говорил, чтобы рубашки поспели к завтрему. Большие братья принесли полотно к своим женам; а те стали кликать нянюшек, мамушек и сенных красных девушек, чтоб помогли им сшить по рубашке. Тотчас нянюшки их и мамушки прибежали и принялись за работу: которая кроила. которая шила.

Меж тем послали невестки девку-чернавку посмотреть, как лягушка станет шить рубашку. И как девка-чернавка пришла к Ивану-богатырю в комнаты. в то время принес он полотно и с опечаленным видом положил его на стол. «Что ты, Иван-богатырь, так печален?» — говорила лягушка. А он ей отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал из этого полотна сшить себе к завтрему рубашку».— «Не плачь, не тужи,— сказала лягушка,— ложись да засни, утро вечера мудренее,— все будет исправно!» Схватила ножницы, изрезала все полотно на мелкие

лоскутки, потом отворила окно, бросила их на ветер и сказала: «Буйные ветры! Разнесите лоскуточки и сшейте свекору рубашку». Девка-чернавка пошла и рассказала королевнам, что лягушка все полотно изрезала на маленькие лоскуточки и кинула за окошко. Они смеялись над лягушкою и говорили: «Что-то завтра принесет ее муж к королю?»

На другой день Иван-богатырь проснулся, лягушка подала ему сорочку: «Вот, любезный Иван-богатырь, отнеси-ка эту сорочку своему батюшке». Иван-богатырь взял сорочку и понес к своему отцу; принесли свои сорочки и старшие братья. Сперва поднес королю большой брат; король посмотрел и сказал: «Эта рубашка сшита так, как обыкновенно шьют». Посмотрел у другого сына и сказал, что и эта рубашка сшита не лучше. А как подал ему меньшой сын сорочку, то король не мог довольно надивиться: в сорочке нельзя было приметить ни одного шва,— и сказал: «Эту рубашку подавайте мне в самые большие праздники».

В другой раз призвал король сыновей и говорил им: «Любезные дети! Мне хочется знать, умеют ли ваши жены шить золотом и серебром; возьмите себе шелку, серебра и золота, и чтобы к завтрему было сделано по ковру». Жены старших королевичей начали кликать нянюшек, мамушек и сенных девушек, чтоб пособили им вышивать ковры. Тотчас нянюшки, мамушки и сенные красные девушки пришли и начали вышивать ковры — кто серебром, кто золотом, а кто шелком. Девку-чернавку опять послали посмотреть, что станет делать лягушка. Иван-богатырь принес к себе золото, серебро и шелк и был весьма печален. Лягушка, сидя на стуле, говорила: «Ква-ква-ква! Что ты, Иван-богатырь, так запечалился?» — «Как мне не печалиться? — отвечал он.— Батюшка велел к завтрему вышить из этого серебра, золота и шелку ковер».— «Не плачь и не тужи,— сказала лягушка,— ложись-ка спать, утро вечера мудренее!» А сама взяла ножницы, весь шелк изрезала, серебро и золото изорвала, бросила за окошко и сказала: «Буйные ветры! Принесите тот ковер, которым мой батюшка окошки закрывал». Невестки, выслушав все это от девки-чернавки, вздумали и сами так сделать. Долго ожидали они, но, видя, что ветры ковров им не приносят, послали купить серебра, золота и шелку и стали вышивать ковры попрежнему.

Поутру, как только встал Иван-богатырь, лягушка подала ему ковер. Вот все три брата принесли свои ковры к отцу; он взял прежде от старшего, посмотрел и промолвил: «Этот ковер годится от дождя лошадей покрывать». Посмотрел у середнего и сказал: «Этот ковер можно в передней комнате постилать, чтоб

обтирали об него ноги». Потом принял ковер от меньшого сына, вздивовался и сказал: «А этот ковер в самые торжественные дни постилать ко мне на стол». Ковер Ивана-богатыря приказано спрятать и беречь, а другим сыновьям отдал король ковры назад. «Отнесите их,— сказал король,— к своим женам и скажите, чтоб берегли для себя!»

В третий раз говорил король своим сыновьям: «Теперь, любезные дети, хочу я иметь по хлебу, испеченному руками ваших жен». Как услышали о том от своих мужей королевны, они тотчас послали девку-чернавку посмотреть, как будет делать лягушка. В то время Иван-богатырь пришел в свои комнаты весьма печален. «Ква-ква-ква! Что ты запечалился?» — спросила его лягушка. «Как мне не печалиться? Батюшка приказал, чтоб ты испекла хлеб».— «Не плачь, не тужи, все сделаю!» — и велела принести квашню, муки и воды; всыпала муку в квашню, влила воду, растворила раствор, вылила в холодную печь, и заслонила заслонкой, и сказала: «Испекись, хлеб, чист, рыхл и бел, как снег!» Девка-чернавка воротилась к невесткам и сказала: «Не знаю, за что король так хвалит лягушку; она ничего не умеет делать!» Выслушав все, невестки вздумали и сами так же сделать, как лягушка, растворили муку на холодной воде и вылили в холодные печи; но, видя, что растворы их расплылись, они приказали принесть еще муки, замесили свои хлебы на горячей воде и посадили в топленные печи. Они боялись не поспеть и так спешили, что у одной хлеб пригорел, а у другой вышел совсем сырой; лягушка же вынула свой хлеб из печи и чист, и рыхл, и бел, как снег.

Пришли братья к отцу и принесли свои хлебы. Король принял от большого сына хлеб, посмотрел и сказал: «Такой хлеб можно есть только от нужды!» Принял от середнего сына и промолвил: «Этот хлеб не лучше!» Потом взял от меньшого сына и велел, чтобы этот хлеб подавали ему за стол, когда будут у него гости. «Любезные дети! — продолжал король.— Жены ваши сделали для меня все, что я приказывал, и потому прошу вас вместе с женами приехать завтра во дворец на обед». Королевичи пошли к женам.

Иван-богатырь очень печалился и думал: «Как повезу я с собой лягушку?» А лягушка, сидя на стуле, спрашивает: «Ква-ква-ква! О чем, Иван-богатырь, ты так запечалился?» Иван-богатырь отвечал: «Как мне не печалиться? Батюшка приказал всем нам завтрашний день приехать к нему во дворец с женами; как я тебя повезу?» — «Не плачь, не тужи,— сказала лягушка.— утро вечера мудренее, ложись да спи!»

На другой день Иван-богатырь собрался и поехал во дво-

рец; а невестки послали опять девку-чернавку смотреть, в чем поедет лягушка. В то время лягушка открыла окно и кликнула громким голосом: «Ох вы, буйные ветры! Полетите в мое государство и скажите, чтобы приехала богатая карета со всем прибором, с лакеями, гайдуками, скороходами и вершниками». После того она хлопнула окошком и села на стул. Все уж съехались во дворец, дожидались только лягушки — и вдруг увидели, что бегут скороходы, скачут вершники и едет пребогатая карета. Король подумал, что едет к нему какой-нибудь иной король или королевич, и пошел встречать. «Не трудитесь, батюшка! — говорит Иван-богатырь.— Это, знать, моя лягушонка тащится в коробчонке».

Подъехала карета, и вышла из нее жена Ивана-богатыря такою красавицей, что все дивиться стали. Сели за стол; лягушка чего не допьет, то за рукав льет, а кости за другой кладет. Другие невестки увидали и стали то же делать: чего не допивали, то за рукав лили; чего не доедали, то за другой клали. Как встали из-за стола, заиграла музыка, и лягушка пошла танцевать: махнула одним рукавом — вдруг на аршин высоты стала вода, махнула другим рукавом — поплыли по воде гуси и лебеди, что видя, все не могли надивиться ее хитрости; а как перестала она танцевать — все исчезло: и вода, и гуси, и лебеди. Тогда пошли танцевать другие невестки и как махнули своими рукавами — то всех облили, обрызгали и костями чуть глаз не выбили! Тут Иван-богатырь пошел домой, схватил лягушечью кожу и тотчас сжег ее. Приехала его жена и бросилась искать своей кожуринки, не нашла и говорит: «Ну, Иван-богатырь, коли ты не мог потерпеть малое время, то ищи теперь меня за тридевять земель, в тридесятом царстве, в подсолнечном государстве, и знай, что зовут меня Василиса Премудрая». Сказала и вмиг исчезла.

Иван-богатырь заплакал неутешно и пошел искать Василису Премудрую; шел он долго ли, близко ли, далеко ли, скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается, и пришел к избушке, которая стояла на курьих ножках и сама повертывалась. Иван-богатырь сказал: «Избушка, избушка! Стань к лесу задом, а ко мне передом!» — и по его речам избушка остановилась. Иван-богатырь вошел в избушку и увидел, что в переднем углу сидела баба-яга; говорит она сердитым голосом: «Доселево русского духу слыхом не слыхивано и видом не видывано, а нынеча русский дух в очах проявляется! Что ты, Иван-богатырь, волею али неволею?» Иван-богатырь отвечал, что сколько волею, а вдвое того неволею, и рассказал все, как было. «Жаль мне тебя,— сказала баба-яга.— изволь, я тебе услужу, покажу тебе Василису Премудрую: она каждый день прилетает ко мне отдыхать. Как при-

летит она, ты старайся поймать ее за́ голову, и как поймаешь — она начнет превращаться лягушкой, жабой, змеею и прочими гадами, а после всего превратится в стрелу. Ты возьми эту стрелу и переломи надвое: тогда она будет вечно твоя. Только смотри, как поймаешь свою жену — не выпускай ее!»

Потом баба-яга спрятала королевича, и только успела его спрятать, как прилетела Василиса Премудрая. Иван-богатырь подошел к ней тихонько и схватил ее за́ голову; она стала оборачиваться лягушкою, жабою и, наконец, змеею. Иван-богатырь испугался и отпустил руку; Василиса Премудрая в ту же минуту пропала. А баба-яга сказала ему: «Когда не умел ты удержать, то больше никогда не увидишь ее здесь; а коли хочешь, ступай к моей сестре; к ней Василиса Премудрая также летает отдыхать». Иван-богатырь отправился к другой бабе-яге, и тут не удержал он Василисы Премудрой; пошел он к третьей сестре, бабе-яге. «Если теперь упустишь Василису Премудрую,— сказала она,— то уже больше никогда ее не найдешь». Как ни оборачивалась Василиса Премудрая, Иван-богатырь не выпускал ее из рук; наконец оборотилась она стрелою, Иван-богатырь взял стрелу и переломил надвое. В ту же минуту явилась перед ним Василиса Премудрая и сказала: «Ну, Иван-богатырь, теперь отдаюсь я в твою волю!» Баба-яга подарила им ковер-самолет, и они полетели на ковре-самолете в свое государство; через три дня на четвертый опустился ковер прямо во дворец. Король встретил своего сына и невестку с великою радостию, сделал большой пир, а после сделал вместо себя королем Ивана-богатыря.

О ГОРЕ-ГОРЯНИНЕ, ДАНИЛЕ-ДВОРЯНИНЕ

Горе-горянин, Данило-дворянин — жил он у семи попов по семи годов, не выжил он ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил; и пошел он в новое царство лучшего места искать. И палася ему навстречу бабка голубая шапка: «Куды,— говорит,— Горе-горянин, Данило-дворянин, путь-дорогу держишь?» Отвечает ей Горе-горянин, Данило-дворянин: «Жил я у семи попов по семи годов, да у дядюшки князя Владимира девять лет; не выжил я ни слова гладкого, ни хлеба мягкого, не то за работу получил».— «Что дашь от добра? — говорит ему бабка голубая шапка.— Доведу тебя до места хорошего. Будешь ли,— говорит,— поить-кормить, при смерти в зыбке качать?» — «Буду,— говорит Данило-дворянин,— кормить-поить, при смерти в зыбке качать». И пошли они вместях, и довела она его до

места хорошего; вот и дошли они до двора: двор как город, изба как терем, комли не отрублены, вершины на сарай загибаны.

Вот она и поставила его под окошечко, а сама в палаты вошла. В палатах живет одна себе Настасья-царевна; вот наша бабка голубая шапка вошла, помолилась, на все четыре стороны поклонилась, а Настасье-царевне в особицу. «Эка, Настасья-царевна! Какая ты,— говорит,— хоро́ша-пригожа, а живешь ты одна!» — «Как быть, бабушка! — говорит Настасья-царевна.— Уж так привелось; нет никого, так живешь и одна; что делать?» — «Вот,— говорит бабка голубая шапка,— я тебе привела мо́лодца; поглянется ли?» Сейчас в оконленку брякнула, он и бежит в покои. Прибежал он в покои, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, Настасье-царевне в особицу. Вот он Настасье-царевне и приглянулся, и стала она с ним жить да поживать.

Вот она с ним живет долго ли, коротко ли, и посылает его к дядюшке князю Владимиру: «Зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть,— говорит,— нам с тобой обвенчаться». Вот он сейчас обувался-одевался и прибежал к дядюшке князю Владимиру. Прибежал он к дядюшке князю Владимиру в терем, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу. Вот он и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи, надоть нам с ней обвенчаться». У дядюшки князя Владимира сидят в это время гости енаралы за столом и говорят ему: «Дядюшка князь Владимир! За экого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его такую службу, чтоб ему ввек не сделать».— «А какую же,— говорит,— накину я на него службу?» — «А такую,— говорят,— чтобы к утру выстроил церковь».

Вот он и пошел домой кручинен-невесел, головушку повесил. Вот Настасья-царевна встречает его и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Разве тебя,— говорит,— дядюшка князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет,— говорит Горе-горянин, Данило-дворянин,— и бранным словом не нашел, и питьем царским не обошел; а енаралы на меня службу накинули».— «А какую,— говорит,— службу?» — «А такую службу: приказали к утру церковь изготовить».— «Не твоя печаль, не тебе и качать! — говорит Настасья-царевна.— Молися спасу, ложися спать; утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился, а Настасья-царевна вышла на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто дереви́ны вези, кто строй станови, чтоб к утру церковь поспела». Вот как

словом, так и делом; сейчас церковь готова. Вот она и встает утром ранешенько: «Ставай,— говорит,— Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора тебе идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; нам надоть с тобой обвенчаться: церковь готова».

Вот он и ставал утром ранешенько, умывался, обувался, одевался скорешенько и побежал к дядюшке князю Владимиру. Вот он и прибежал туда; богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне, тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться: церковь готова». Гости енаралы опять говорят дядюшке князю Владимиру: «За экого чужестранного человека ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь,— говорят,— на его службу такую, чтобы ему ввек не сделать». Вот он и говорит: «А какую-такую я на него службу накину? Совсем я никакой не знаю».— «А такую,— говорят,— службу накинь, чтобы к утру, к свету, мост он состроил: мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьем прибитые, по края были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на кажной головушке сидели бы птицы-пташечки и разными голосами пели».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Настасья-царевна его встречает и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, очення кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка, князь Владимир царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет,— говорит,— и бранным словом не нашел, и питьем царским не обошел; а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы».— «Какую же службу накинули на тебя?» — спрашивает его Настасья-царевна. «А такую,— говорит он,— велели мост к утру, к свету. построить — мостовины на три стороны, тесом на четыре, гвоздьем прибитые, по краям были бы перилы то́чены, головушки позолочены; на кажной бы головушке сидели птицы-пташечки, разными голосами пели». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися: не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он спасу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на круто́ красно крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Сбегайтесь, сряжайтесь со всех четырех сторон; кто мостовины вези, кто теши́, кто перила точи, золоти, кто птиц имай и на головушки сади». Вот и сделался такой шум, гром, визгото́к, что дядюшка князь Владимир и окошко затворил, по-

думал, что преставление свету будет. Вот как словом, так и делом состроили мост. Вот и будит Настасья-царевна и говорит: «Ставай, Горе-горянин, Данило-дворянин! Пора идти к дядюшке князю Владимиру, зови его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи; надоть нам с тобой обвенчаться, а мост готов — хоть царю по нем кататься, так не стыдно!»

Вот он ставал ранешенько, одевался скорешенько, умывался, обувался и побежал. Вот он и прибежал туда, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю на особицу, и говорит: «Дядюшка князь Владимир! Милости просим к Настасье-царевне; тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; надоть нам с ней обвенчаться, а мост готов — хоть царю кататься по нем, так не стыдно!» Гости енаралы опять говорят: «За зкого чужестранного ладишь ты отдать Настасью-царевну; нет ли у нас людей хороших? Накинь на его службу такую, чтоб ему не сделать и ввек». — «А какую же я накину на его службу?» — «А такую, — говорят, — вели ему шубу сшить из сóрока сóроков черных соболей; соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита».

Вот Горе-горянин, Данило-дворянин пошел опять к своей Настасье-царевне кручинен-невесел, головушку повесил. Вот и встречает его Настасья-царевна и говорит: «Что ты, Горе-горянин, Данило-дворянин, кручинен-невесел, головушку повесил? Али тебя дядюшка царским питьем обошел или бранным словом нашел?» — «Нет, — говорит, — и царским питьем не обошел, и бранным словом не нашел, а как же мне веселу быть? Великую службу накинули на меня енаралы». — «А какую же?» — говорит Настасья-царевна. «А такую, — говорит, — велели сшить шубу из сóрока сóроков черных соболей, соболи не чинены, шелки не виты, золото не лито, а шуба была бы сошита». Вот она и говорит: «Спасу молися и спать ложися, не твоя печаль, не тебе и качать! Утро вечера мудренее». Вот он богу помолился и спать повалился. Вот Настасья-царевна выходит на красно крутó крыльцо, скричала богатырским голосом, засвистала молодецким посвистом: «Служки, няньки, верны служанки! Кто соболи чини, кто шелки вей, кто золото лей, кто шубу шей, чтобы шуба к утру была сошита». Вот сейчас служки, няньки, верные служанки только тряхнули — шуба готова! Вот Настасья-царевна и будит его. «Ставай, — говорит, — Горе-горянин, Данило-дворянин, в божью церковь к заутрене!» — и подала ему три золотые яичка: первым с попом похристосоваться, вторым с дядюшкой князем Владимиром. «А третье береги, — говорит, — чем жить!»

Вот он и приходит в божью церковь к заутрене о Христовом дне; людно народу в церкви, не пущают его. «Бодёр очень!» —

говорят. Вот он сейчас рукой пихнул, другой толкнул — народу лежит две улицы; он прошел наперед, стоит да молится. Вот это дядюшка князь Владимир усмотрел, посылает енарала. «Поди,— говорит,— спроси: что это за человек, из чьих родов, из каких городов, зачем приехал, что ему надоть?» Вот енарал пришел перед его, поклон отдал и стал его спрашивать. Он отворотился да и рассмеялся. «Вот,— говорит,— брюханьё! Не узнали же — службу-то прежде накидывали». Вот приходит время христосоваться; он с попом похристосовался, с дядюшкой князем Владимиром тоже, а третье яичко в пазухе держит. Вот вышли из церкви. Бежит по бу́еву Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький, на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца. Вот он Горе-горянин, Данило-дворянин третье яичко выхватил, годи́л в лоб, угодил в грудь, сшиб его с ног, бил, топтал, волочил, как барана в крови сделал.

Вот он приходит домой к жене; та его спрашивает, где яичко девал? «Первым яичком,— говорит он,— с попом похристосовался, вторым с дядюшкой князем Владимиром, а третье... Есть у вас здесь какой-то мошенник Гришка фурлатильный, черненький, маленький, хроменький: на одной ножке поскакивает, ищет борца против себя молодца; я шиб его в лоб, угодил в грудь, бил-топтал, волочил, как барана в крови сделал».— «Ну и черт с ним! Так ему и надоть!» — говорит Настасья-царевна. Вот она сходила в горенку, вынесла оттуда два золотые яичка, себе взяла, ему дала — похристосовались. Опять его посылает к дядюшке князю Владимиру — звать его в тысяцкие, жену его Оброксу в сватьи: «Надоть нам с тобой обвенчаться».

Вот он побежал. Вот и приходит, богу помолился, на все четыре стороны поклонился, а князю Владимиру на особицу: «Милости просим,— говорит,— к Настасье-царевне — тебя в тысяцкие, жену твою Оброксу в сватьи; а енаралам твоим ничем меня не загони́ть». Вот он и сказал: «Сейчас пару коней вороных запрягу да и еду; ступай,— говорит,— домой, сряжайся да обряжайся». Вот он приходит домой, с Настасьей-царевной сряжались да обряжались. Дядюшка князь Владимир приехал, пива варить, ни вина курить — все готово! Веселым пирком да и за свадебку; обвенчались, стали жить да поживать да добра наживать. Я там был, пиво пил, по усам текло, в рот не попало; дали мне колпак — стали в шею толкать, дали мне шлык — я в подворотню и шмыг!

РАССКАЗ О МЕРТВЕЦЕ

Ехал мужик по́ полю мимо кладбища, а уж стемнело. Нагоняет его незнакомый в хорошем полушубке и в красной рубахе. «Остановись! — говорит.— Возьми меня в попутчики».— «Изволь, садись!» Приезжают они в село, подходят к тому, к другому дому; хоть ворота и настежь, а незнакомый говорит: «Заперто!» Вишь, на тех-то воротах были кресты выжжены. Подходит к крайнему дому, ворота на запоре, и замок в полпуда висит; но креста нету — и ворота сами собой отворилися. Вошли в избу; там на лавке сидят двое: старик да молодой парень. Незнакомый взял ведро, поставил позади парня, ударил его по спине — и тотчас полилась из него алая кровь; нацедил полное ведро крови и выпил. То же самое сделал и с стариком и говорит мужику: «Уж светает, пойдем-ка теперь ко мне». В один миг очутились они на кладбище. Упырь обхватил было мужика руками, да на его счастье петухи запели — и мертвец сгинул. Наутро смотрят: и молодой парень и старик — оба померли; тотчас разыскали могилу, разрыли — а упырь весь в крови лежит! Взяли осиновый кол, да и всадили в него.

СКАЗКА О БОГАТЫРЕ ГОЛЕ ВОЯНСКОМ

Мужичок-простачок пахал пашню; лошаденка его была худенькая, хромоногая, и ту облепили слепни с комарами. Вот простачок взял свой кнут да взмахнул так счастливо, на диво, что разом убил тридцать трех слепней, а комаров без счета. Простачок-мужичок думать стал. «Мал, да удал, в богатыри я попал; тридцать трех молодцов сразу положил, а мелкой силы и сметы нет!» Голем мужичок назывался; смотришь — и Голь взвеличился, выпряг свою лошаденку, взобрался на нее полегоньку, сел верхом, выехал на большую дорогу, срубил дерево стояростовое и поставил столб с надписью: «Здесь проехал богатырь Голь Воянской, встретился с силой бусурманской, тридцать трех богатырей сразу положил, а мелкой силы и сметы нет. Если какой богатырь навстречу едет, у столба поджидай, а позади, так меня догоняй».

Голь взобрался на клячу и в путь поплелся наудачу. Немного спустя едет мимо столба Чурила Пленкович, надпись прочитал — подивился, Голя нагнать торопился; такого имени не слыхивал, а видно, могуч богатырь, так надобно с ним подружиться. Чурила скачет во весь опор, нагоняет Голя и спрашивает: «Не проезжал ли богатырь Голь Воянской?» — «Я,— сказал Голь,— а ты

кто?» — «Чурила Пленкович»,— отвечал молодой богатырь, поклонясь, а сам думает: «Что за чудеса? Мужичонка невидный, и ехать с ним стыдно; сам он шарашится, а кляча чуть тащится».— «Ступай в науку, поезжай по левую руку!» — сказал Голь, и Чурила в раздумье поехал возле него, на Воянского богатыря посматривая и на клячу поглядывая. Между тем едет Еруслан Лазаревич мимо столба с надписью, прочитал и ну гнать коня за Голем Воянским. Догнал и, увидя знакомого Чурилу, спросил, не видал ли он Голя? Чурила указал на товарища. Еруслан Лазаревич поклонился, а сам подивился. «Погоняй в ряду по правую руку!» — сказал ему Голь. На ту пору нагоняет их еще богатырь Бова королевин сын; надпись на столбе прочитал и коня погонял отыскивать Голя Воянского, победителя бусурманского; видит мужичка на клячонке, тащится потихоньку, а по сторонам его едут два славные богатыря Еруслан Лазаревич и Чурила Пленкович, говорят с ним почтительно, а тот отвечает: «Рад вам, товарищам!» Поклонился Бова королевин сын Голю да об имени спрашивал. «Голь Воянский, сам себе большой,— отвечал простачок.— а ты кто?» — «Я Бова королевин сын»,— отвечает богатырь. «Милости просим на подвиги,— сказал Голь,— ни поздно, ни рано; поезжай возле Еруслана!»

Едут богатыри, куда Голь едет, и подъехали к заповедным лугам царь-девицы богатырки. «Тут заказан путь»,— сказал Еруслан. «Не беда! — молвил Голь.— Много Русь обижала, путь не нам заказала. Пускайте коней на луга!» — «Голь Воянской! — сказал Еруслан.— У королевны сила великая: двадцать два богатыря да Зилант Змеуланович, Тугаринов брат».— «С меня мало,— сказал Голь,— будет ли на долю твою? Я всех как мух перебью».— «Ну, ин быть так! — сказал Еруслан.— Поедем в заповедные луга тешиться, силами богатырскими переведаться». Въезжают богатыри, топчут цветные луга, видят белый пустой шатер, пустили коней на траву, а сами вошли в шатер, сели да поглядывают; один Голь лег отдыхать и, чтоб не было жарко, снял с себя кафтан, занавесил шатер от солнышка, а сам захрапел. «Голь надеется на себя!» — сказал Бова королевин сын.

Между тем во дворце королевны поднялась тревога: в колокола звонят, в трубы трубят, и выехала из города дружина воинов да три богатыря в латах. Чурила будит Голя: «Вставай! Силы много на нас». Голь встал и, спросонья зевая, сказал: «Что это? Три богатыря — три слепня, а сила вся — комары: не дадут уснуть до поры. Ступай, Чурила, переведайся с ними, оставь одного и пошли к богатырке да вели ей сказать: за меня шла бы замуж!» Чурила поехал, долго бился-рубился и перерубил всех, одного послал к королевне. Но вместо ответа выслали из города шесть

богатырей с тремя дружинами. Опять разбудили заснувшего Голя. «Эге! — сказал Голь.— Что за сила? Одной рукой махнуть — пришибу! Королевин сын! Поди справься один, да оставь одного послать к королевне». Сказав, пошел спать. Посчастливилось королевину сыну высланных богатырей победить, одного за другим перебить, а дружины их разбежались. Но королевна высылает еще более силы: двенадцать богатырей, с ними шесть дружин. Скачут, трубят и мечами машут. «Ого, сколько высыпало! — сказал Голь, вставая.— Туча лихая! Двенадцать слепней, а комаров без счета. Еруслан! Будет с тебя? А не то — мы пособим». Еруслан сел на коня, пустился соколом, мечом-кладенцом наотмашь рубит — вправо и влево, богатырей разметал, дружины погнал.

Королевна видит беду неминучую, высылает Зиланта Змеулановича. Загремел Зилант, выходя из железного гнезда, а висело оно на двенадцати дубах, на двенадцати цепях. Несется Зилант как стрела на орла, зовет как трубой переведаться в бой. «Видно, мне очередь!» — сказал Голь. «Нечего делать,— подумал он,— ехать на смерть; тут мне и конец, зато богатырская честь, а делу венец!» Перекрестился Голь, сел на клячонку, едет потихоньку, зажмурил глаза, а сам топором что есть силы машет. Зилант заревел, увидя издалека Голя, и думает: не на смех ли послали? А Голь шепчет про себя: «Отцы и братия, поминай как звали!» — и, ожидая смерти, опустил голову на шею своей лошаденки, которая бежала на трех ногах, а четвертой прихрамывала. У Зиланта запрыгали глаза во лбу. «Нет ли тут умысла? — думал он.— Мужичонка прилег к лошаденке,— что за богатырь? Пальцем щелкнуть — на сажень отлетит». Зилант оглядывается, нет ли тут хитрости, и к седлу наклонился, а Голь приподнял голову и вдруг приободрился, с топором наскочил да так оглушил, что Зилант на песок повалился. Тут Голь, не дав Зиланту опомниться, стал рубить его, как сосну в щепы, машет да рубит топором, сдернул шелом и поехал к товарищам.

Тогда королевне забота, принуждена приказать отпереть городские ворота, просить богатырей на пир, заключить с ними мир. Увидела Голя, дивится, в ком богатырская сила, и сама подошла к нему, руку на плечо наложила и так придавила, что Голь едва повернулся, выбился из-под руки, отшатнулся, а королевна ему говорит: «Рада я витязю славному, храбрость всегда почитала». Тут она Голю руку пожала; Голь вспрыгнул, и зубы он стиснул, боясь их разжать, закричать. «Защищай мое царство! — королевна сказала.— Тебе нас стеречь». А Голь поклонился и думал, как бы голову свою уберечь. Королевна велела в беседу принесть крепкого меду, думала, гостей испытать, но Голь не хотел пировать, за кубок не брался, а молвил: «Кончив труды, ничего я не пью,

кроме богатырской воды!» — «У нас есть в запас вода богатырская».— сказала королевна. «А много ль ее?» — спросил Голь. «Бутыль полна».— отвечала королевна. «Да такая ль она, как у нас? — спросил Голь.— Иная бутыль склянки не стоит».— «Отведай»,— сказала королевна и велела принести бутыль с богатырской водой и ковш золотой. Голь налил ковш, выпил, сила в нем прибывала, а королевна знать желала, какова вода. «Еще вкуса не доберусь»,— сказал Голь; налил другой ковш, и разом он выпил еще три ковша. «Полно, полно! — закричала королевна.— Ты и мне воды не оставишь».— «Славная водица! — молвил Голь, расходясь, руками размахивая.— Какова-то теперь сила моя?» Тут велел он принесть большой корабельный канат, завязать крепко-накрепко петлею, из конюшни королевниной вывесть коня богатырского. Сел на него, разъехался, вскочил в петлю головою и порвал канат.

С той поры Голь богатырствовал, приосанился, на королевне женился; от ней у него были две дочери: Смета да Удача. Голь, на них глядя, величался, и никто не сомневался, чтобы он не одолел тридцать трех богатырей одним разом.

СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ

СКАЗКА О ТОМ, КАК ПОП ТЕЛЕНКА РОДИЛ

Был-жил поп да попадья. У них был казак, по имени Ванька; только житье у них казаку было не очень-то хорошее: больно скупа попадья была. Вот однажды поехал поп с казаком по сено, верст за десять. Приехали, наклали воза два. Вдруг пришло к сену стадо коров. Поп схватил хворостину и давай за ними бегать; прогнал коров и воротился к казаку весь в поту. Тотчас вместе докончили работу и поехали домой. Было темно. «Ванька,— сказал поп,— не лучше ли нам ночевать в деревне хоть у Гвоздя: он — мужик добрый, да у него и двор-то крытый».— «Хорошо, батюшко»,— отвечал Ванька.

Приехали в деревню, выпросились ночевать у того мужика. Казак вошел в избу, помолился богу, поклонился хозяину и сказал: «Смотри, хозяин, когда станешь садиться ужинать, то скажи: садитесь, все крещеные; а если скажешь попу: садись, отец духовный, то он рассердится на тебя и не сядет ужинать; он не любит, когда его так называют». Поп выпряг лошадей и пришел в избу, тут хозяин велел жене собрать на стол и, когда все было готово, сказал: «Садитесь, все крещеные, ужинать». Все сели, кроме попа; он сидел на лавочке да подумывал, что его хозяин особенно просить станет, ан то и не сбылось. Отужинали. Хозяин и спросил попа: «Что, отец

Михаил, не садился с нами ужинать?» А поп отвечал: «Мне не хочется есть».

Стали ложиться спать. Хозяин отвел попа и его казака в скотницу, потому что в ней было потеплее, чем в избе. Поп лег на печь, а казак на полати. Ванька сейчас уснул, а поп все думает, как бы найти что-нибудь поесть. А в скотной ничего не было, окромя квашни с раствором. Поп стал будить казака. «Что, батюшка, надобно?» — «Казак, мне есть хочется».— «Ну, так что не ешь? В квашне тот же хлеб, что и на столе.— сказал Ванька и сам сошел с полатей, наклонил квашню и говорит: — Будет с тебя». Поп начал лакать из квашни, а Ванька как будто невзначай толкнул ее и облил попа раствором. Поп, налакавшись досыта, лег опять и скоро заснул.

В это время отелилась на дворе корова и стала мычать. Хозяйка услыхала, вышла на двор, взяла теленка, принесла в скотную и пихнула его на печь к попу; а сама ушла. Поп проснулся ночью, слышит: кто-то лижет его языком; схватил рукою теленка и стал будить казака. «Что опять понадобилось?» — сказал Ванька. А поп: «Ванька! Ведь у меня на печи-то теленок, и не знаю: откуда он явился?» — «Вот еще что выдумал, сам родил теленка да и говорит: не знаю, откуда взялся».— «Да как же это так могло статься?» — спрашивает поп.— «А вот как: помнишь, батюшка, как мы сено клали, мало ли ты бегал за коровами! Вот теперь и родил теленка!» — «Ванька, как бы сделать, чтобы попадья не узнала?» — «Давай триста рублев, все сделаю, никто не узнает». Поп согласился. «Смотри же,— говорит казак попу,— ступай теперь тихонько домой да надень вместо сапогов мои лаповики».

Только что ушел поп, казак к хозяину: «Ах вы, ослы! Ведь не знаете того, что теленок попа съел, оставил только одни сапоги. Ступайте посмотрите». Напуганный мужик обещал казаку триста рублей, чтоб обделать дело так, чтоб никто про это не узнал. Ванька все обещался сделать, взял деньги, сел на лошадь и поскакал за попом. Нагнал его и говорит: «Батюшка, теленка-то хозяин хочет привести к попадье да сказать, что ты его родил». Поп еще больше испугался и набавил Ваньке сотнягу: только обделай все тихонько. «Ступай себе, все сделаю»,— сказал казак и поехал опять к мужику: «Ведь попадья сойдет с ума без попа, тебе худо будет». Этот простофиля дал казаку еще сотнягу: «Только обмани попадью, да никому не сказывай».— «Хорошо, хорошо!» — сказал казак; приехал на погост, содрал с попа денежки, отошел от него, женился и стал себе поживать да добра наживать.

В-ЧЕМ-Я?

Жил-был старик со старухою; у них был сын Иван-дурак. Пришло время — старик со старухой умерли. Иван-дурак и говорит: «Что мне жить одному дома, лучше идти на божий путь бурлачить». Вот он и пошел. Ему навстречу попал поп. Поп говорит Ивану-дураку: «Ты куда пошел?» Иван-дурак отвечает: «Да вот отец и мать у меня умерли, так я пошел бурлачить».— «Наймись ко мне в строшны».— «Пожалуй».— «Тебя как зовут?» — «Зовут меня: «В-чем-я».

Вот поп нанял строшного. После и спрашивает у него: «Ты учен грамоте?» — «Учен» — «Ну, пойдем,— говорит поп,— обедню со мной служить».— «Пожалуй, пойдем». Они зашли в церковь. Поп надевает на себя ризу, а Иван-дурак спрашивает: «А мне чего надеть-то?» — «Где-то был куль рогожный,— сказывает поп,— надень хоть его». Иван-дурак принес куль, спрашивает: «Как же надевать его? Куда голову запихать-то?» Поп говорит: «Где-то был нож?»,— принес его, перерезал в куле дыру: «Пихай вот сюда».

Иван надел куль и стал служить за дьякона. Поп учит его: «Говори: благослови, владыко». А Иван ему: «А тебя, батько, можно повесить на лыко». Поп взял и выгнал его из церкви. Иван-дурак побежал к попадье: «Давай, попадья, четыреста рублев, поп деревню купил». Она и отдала ему четыреста рублей. В поповой избе стояла квашня с раствором; Иван взял да и вылил раствор попу в шляпу, поставил его на стол и закрыл платком, а сам убежал.

Приходит поп от обедни домой. Попадья спрашивает: «На какую деревню просил ты четыреста рублев денег?» — «Что ты, вздурела? Когда я просил?» — «Да строшной приходил за ними, говорит: батько деревню купил; я ему сама отдала».— «Что ты, подлая, наделала? Ведь он обманул тебя!»

Схватил поп шляпу с раствором-то, надел на себя: «Побегу,— говорит,— нагоню его». Вот и побежал догонять; бежит себе, а мужик навстречу дрова везет. Поп спрашивает у него: «Не видал ли, свет, В-чем-я?» — «Да, кажись, в растворе, батюшка». Поп побежал дальше, увидал другого мужика, спросил и этого; он то же сказал. Поп пустился еще дальше, увидел третьего мужика, рубит в лесу дрова. «Дядюшка,— спрашивает его,— скажи, не видал ли ты В-чем-я?» — «Да ты, батько, весь в растворе. Оглянись на себя — сам увидишь».

Поп осмотрелся, а по нем из шляпы так и ползет раствор-то. Поп вернулся домой, весь морщится. «Что, поп, морщишься? Али гриб с корешком съел?» — спрашивает попадья. Поп осерчал, выбил попадью и пошел с горя в кабак, да пропил себе рясу.

ЖАДНЫЙ ПОП

Жил-был поп, имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал; если кто не принесет гривенника, того и на исповедь не пустит, а зачнет страмить: «Экая ты рогатая скотина! За целый год не мог набрать гривенника, чтоб духовному отцу за исповедь дать, ведь он за вас, окаянных богу молится».

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на столик всего медный пятак. Поп просто взбесился. «Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?» — «Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю!» — «По... кабакам носить небось деньги есть, а духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про эдакий случай хоть украдь что да продай, а священнику принеси, что подобает; заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал; так он все тебе грехи отпустит». И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди. «И не приходи ко мне без гривенника».

Солдат пошел прочь и думает: «Что мне с попом делать?» Глядит, а около крылоса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка. «Дай-ка,— говорит сам себе,— попробую эту шапку утащить». Унес шапку и потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак; тут солдат продал ее за двадцать рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу. «Ну, что, принес гривенник?» — спросил поп. «Принес, батюшка».— «А где взял, свет?» — «Грешен, батюшка, украл шапку да продал за гривенник». Поп взял этот гривенник и говорит: «Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю».

Солдат ушел, а поп, покончивши исповедывать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к крылосу взять свою шапку, а шапки-то нету: так простоволосый и домой пришел. Пришел и сейчас послал за солдатом. Солдат спрашивает: «Что угодно, батюшка?» — «Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?» — «Не знаю, батюшка, вашу ли украл я шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит».— «А из которого места ты ее стащил?» — «Да в нашей церкви висела она на поповской палке у самого крылоса».— «Ах ты, сукин сын, такой-сякой! Как смел ты уворовать шапку у своего духовного отца? Ведь это смертный грех!» — «Да вы, батюшка, сами меня от этого греха разрешили и простили».

ДОБРЫЙ ПОП

Жил-был поп; нанял себе работника, привел его домой: «Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю». Пожил работник с неделю, настал сенокос. «Ну, свет,— говорит поп,— бог даст, переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено».— «Хорошо, батюшка».

Дождались они утра; встали рано. Поп и говорит попадье: «Давай-ка нам, матка, завтракать; мы пойдем на поле, косить сено». Попадья собрала на стол, сели они вдвоем и позавтракали порядком. Поп говорит работнику: «Давай, свет, мы и пообедаем за один раз, и будем косить до самого полдня без роздыху».— «Как вам угодно, батюшка. Пожалуй, и пообедаем».— «Подавай, матка, на стол обедать!» — приказал поп жене. Она подала им и обед. Они по ложке, по другой хлебнули и сыты. Поп говорит работнику: «Давай, свет, за одним столом и пополуднуем; и будем косить до самого ужина».— «Как вам угодно, батюшка, полудновать так полудновать». Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой и сыты. «Все равно, свет,— говорит поп работнику,— давай заодно и поужинаем, и заночуем в поле — завтра раньше на работу поспеем».— «Давай, батюшка!»

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола. Работник схватил свой армяк и собирается вон. «Куда ты, свет?» — спрашивает поп. «Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться». Пошел в сарай и проспал до света. С тех пор перестал поп угощать работника зараз завтраком, обедом, полдником и ужином.

ПАХОМ

Помер в селе поп, оставался один дьякон; худо ему стало без попа, доходу нет ни копейки, а жить надо; и задумал он поставить какого-нибудь мужика за попа. В одно время пошел он искать, не согласится ли кто на селе быть попом. Идет дорогою, повстречался с ним мужик.

«Здравствуй, мужичок!» — «Здорово, дьячок!» — «Как тебя звать?» — «Пахом».— «Ну, ты будешь у нас попом».— «Да я грамоте не умею».— «Ничего, я тебя научу, что говорить надобно».

Мужик согласился. Пришли они в село; дьячок объявил его прихожанам: «Вот-де вам поп новый поставлен». Дождались праздника, зазвонили к обедне. Мужик оделся в поповские ризы

и затянул в алтаре нараспев: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок.— Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь у нас ты попом!» А дьячок знай подхватывает: «Господи, помилуй!» Православные слушают да поклоны бьют.

Вот так-то и пошло дело у них на лад. Только через год, через два случилось в то село заехать архиерею; приказал он попу служить обедню и певчих своих на крылосе поставил. Пахом оделся в ризу и затянул по-прежнему: «Во время оно шел дьячок, навстречу ему мужичок.— Здравствуй, мужичок! — Здравствуй, дьячок! — Как тебя звать? — Меня зовут Пахом! — Ну, будь ты попом! — Я грамоте не учен! — Не в грамоте дело; говори: архиерею будет четверня лошадей, а певчим пятьсот рублей». Архиерей услыхал, что ему сулят лошадей, да всю обедню и прослушал молча; а как отошла обедня, взял четверню и пятьсот рублей на певчих и уехал куда надо, а мужика Пахома похвалил за усердие: он и теперь еще служит.

ПОХОРОНЫ КОБЕЛЯ

Жил-был мужик, у него был кобель. Рассердился мужик на кобеля, взял — повез его в лес и привязал около дуба. Вот кобель начал лапами копать землю, подкопался под самый дуб, так что его ветром свалило. На другой день пошел мужик в лес и вздумал посмотреть на своего кобеля, пришел на то место, где привязал его, смотрит: дуб свалился, а под ним большой котел золота. Мужик обрадовался, побежал домой, запряг лошадь да опять в лес, забрал все деньги и кобеля посадил на воз. Воротился домой и говорит бабам: «Смотрите, угождайте у меня кобелю всячески; коли не станете за ним ходить да не будете его кормить — я с вами по-своему разделаюсь». Ну, бабы стали кормить кобеля на убой, сделали ему мягкую постель, холят его всячески. А хозяин никому, кроме кобеля, и не верит: куда ни поедет, а ключи завсегда повесит кобелю на шею.

Жил, жил кобель, заболел да околел. Вздумалось мужику похоронить кобеля со всей церемонией; взял он пять тысяч и пошел к попу: «Батюшка, у меня помер кобель и отказал тебе пять тысяч денег с тем, чтобы ты похоронил его по христианскому обряду».— «Ну, это хорошо, свет, только в церковь носить не надо, а похоронить можно! Приготовляйся, завтра приду к выносу». Мужик изготовился, сделал гроб, положил в него кобеля, а наутро пришел поп с дьяконом и дьячками, в ризах, пропели что надо и понесли кобеля на кладбище, да и закопали в могилу.

Дошло у попа до дележа с причтом; он и обидел дьячков, мало им дал; вот они просьбу на него к архиерею: так и так, дескать, похоронили кобеля по-христиански. Архиерей позвал к себе попа на суд: «Как ты смел,— говорит,— хоронить нечистого пса?» —и посадил его под арест. А мужик взял десять тысяч и пошел к архиерею попа выручать. «Ты зачем?» — спрашивает архиерей. Так и так, отвечает мужик: «Помер у меня кобель, отказал вашему пресвященству десять тысяч денег да попу пять».— «Да, братец, я слышал про то и посадил попа под арест, зачем он, безбожник, как нес кобеля мимо церкви — не отслужил по нем панихиды». Взял архиерей отказанные кобелем десять тысяч, выпустил попа и пожаловал его благочинным, а дьячков сдал в солдаты.

ПОП УГОДИЛ В СОЛДАТЫ

Попадья попу говорила: «Поп, что нам Северная пчела принесет?» — «Вестимо, не смолу, а мед: к нам не прильнет — размешаем мы с кутьей да съедим с тобой, любезною попадьею».— «Да нет, поп! Я тебе говорю на задор». Поп рассердился, попадье в шею сунул, пошел полосьмушки клюнул. Не проспится поп ни ночью, ни днем; повезли попа на прием. Поп возопил: «Прощай, моя питательная кутья; оставайся, моя горемышная попадья! Будешь теперь ты ни матушкой, ни маткой, а навеки солдаткой!» Попал поп в солдаты, говорит себе: «Наполню теперь водою манерку, забуду до веку пить горелку; насыплю в ранец сухарей — я солдат, не иерей. Может, заслужу чин генерала, а покамест хоть дойти до капрала».

ПОП, ПОПАДЬЯ, ДЬЯКОН И РАБОТНИК

Жил себе поп. Нанимается к нему в батраки дурак. «Что же с меня,— говорит поп,— возьмешь?» Батрак отвечает: «День работать, а ночь на улицу гулять». Поп тому и рад. Вот он день работал с попом в поле; ночь приходит — батрак на улицу пошел. Вернулся домой, стучит в воротах; встречает его попадья. «Что ты, батрак, зачем?» — говорит. «Да вот день паши, а ночью опять работай на вас,— говорит батрак,— поп велел под печь колья класть — сушить». Приносит батрак колья и начал под печку пхать; а под печкой-та сидит любовник попадьи — дьякон; все ему бока исколол. Дьякон жался, жался, невмочь стало — лезет из-под печки. «Батрак, молчи, пожалуйста, не сказывай, что был у попадьи».

Батрак смолчал; приходит он опять к попу в поле работать. «Ну, что, батрак, хороша ли улица была?» — «Эх, батюшка, славная!» Настает вечер, поп опять отпускает его на улицу. Приходит батрак домой, слушает под окном, что попадья разговаривает с дьяконом. «Ну как дурак опять придет? куда тебе спрятаться?» — «Да куда! В закуту к овцам». Вот батрак стучится: «Отворитя ворота!» — «Что ты?» — спрашивает попадья. «То-та, у вас день-то паши, а ночью иди скотину пой!» — «Сама поила».— «Да не знаю: не то поила, не то нет; батька велел напоить».

Батрак выгнал скотину, а дьякон с овцами на четвереньках ползет; боится, чтоб как его не признал. Скотина пьет, а дьякон уперся — не идет в реку. Вот батрак его раз десять дубиной огрел. «Что ж ты, скотина, нейдешь?» Дьякон жался, жался, да домой бежать. Батрак вернулся в избу и давай сажу обметать. «На что это, батрак!» — спрашивает попадья. «Я не знаю; так попу захотелось». Намел кошву большую сажи, поставил на полати, а сам пошел к попу в поле пахать.

Вот опять настал вечер — батрак на улицу идет. Слушает опять под окном: дьякон тут али нет? Дякон спрашивает: «Куды-то мне спрятаться будет?» — «Лезь в кошву с сажею — на полатях стоит; авось дурак не догадается»,— отвечает попадья. Батрак застучал в ворота. Попадья спрашивает: «Кто это?» — «Это я, матушка!» — «Зачем ты, батрак?» — «Вот тогда увидишь зачем». Схватил веретье, идет в избу, накрыл кошелку с сажею, где дьякон сидел, увязал-упутал, вынес на телегу и повез со двора. «Куда ты? погоди, не езди, поужинай». — «Некогда».

Вот едет он мимо одной мельницы, а навстречу ему помещик. «Что ты, мужик, везешь?» — «Черта везу».— «Покажи, пожалуйста, чтой-то за черт? Я сроду не видал!» Отвечает батрак: «Нет, он уйдет; показать нельзя».— «Что же он тебе стоит?» — «Сто рублев».— «Покажи».— «Да ведь уйдет!» — «Я тебе плачу сто рублев за это». Батрак развязал и говорит дьякону: «Смотри же, беги прямо в речку». Как выскочит дьякон, как бросится — бултых в воду! Барин ужаснулся: «Эх, жаль,— говорит,— ведь взаправду ушел». Отдает барин батраку деньги, а он, получимши сто рублев, поехал к попу в поле. «Что ж, батрак, хороша ли улица была?» — «Еще какая знатная!..»

Целый день они работали; настает ночь, батрак опять на улицу просится. Приходит, слушает под окном, дьякон опять говорит попадье: «Экая шельма! Как он меня осрамил. Ну,— говорит,— завтра я сам в поле поеду — пахать стану».— «А я тебе,— отвечает попадья,— наварю каши, нажарю поросятинки, лепешек наделаю, полуштоф вина припасу да все и принесу.

Да как тебя найтить?» — «Я буду по дороге стружки стругать; по тем стружкам прямо ко мне придешь. А лошадь у меня, сама знаешь, пегая — не то, что у попа, вороная».

Вот поутру встает попадья и принимается обед готовить, а батрак давно к попу воротился. Стали пахать. Пахали, пахали. «Что, батрак,— говорит поп,— а не пора ли обедать?» — «Нет, ище рано. Погоди маленько, нам попадья принесет славной обед».— «Эх, батрак, она сродясь не нашивала».— «Небось батюшка, принесет». Тут батрак взял — скинул с себя белые портки и навязал на свою лошадь, а стружки уж он давно перетаскал к себе на дорогу. Вот попадья несет обед по стружкам. «Батька! Смотри-ка, вон попадья идет, обед несет».— «И то никак она». Попадья увидала, что не туда попала, хотела было назад воротиться, а батрак во все горло кричит: «Сюда, сюда неси, матушка». Нечего делать, пошла прямо; поп обрадовался, бежит к ней, гриву растрепав: «Ай да мать! Право слово умница». А батрак стоит без портков. «Прости,— говорит,— матушка, что без порток пахал, вишь, какая жара».

Вот сели они обедать; попадья глядь-глядь по сторонам: «Это кто там пашет?» — «Отец дьякон»,— говорит поп. «Позови, поп, дьякона, а то скажет: вишь, не позвал». «Батрак, поди позови». Батрак пришел к дьякону и говорит: «Ну, отец дьякон, поп узнал, что ты с его попадьею живешь, хочет топором тебя срубить. Нарочно затем и зовет тебя». Дьякон не пошел. Батрак приходит и говорит попу: «Нейдет — не хочет». Попадья говорит: «Эй, поп, поди сам, позови». Поп пошел. Батрак и кричит ему: «Захвати, батюшка, топор, у него собаки злые». Поп захватил топор.

Вот дьякон увидел, что поп идет с топором, да скорее бежать с пашни; поп за ним. «Что ты, дьякон, постой, постой!» Нет, тот все улепетывает. Попадья за ними вслед. Батрак подобрал все съестное-та, вышел на большую дорогу, сел, поедает да водочку попивает.

Наезжает на него помещик с борзыми и гончими собаками. «Не видал ли ты, мужик, каких зверей тут?» — «Э, да вон тут побежал в яругу волк, за волком медведь, за медведем лисица». Помещик кинулся в яругу, распустил всех гончих и видит: поп бежит за дьяконом, попадья за попом... Плюнул и поехал куда ему надобно.

ПОП РЖЕТ КАК ЖЕРЕБЕЦ

В некотором селе жил-был поп, великий охотник до молодых баб: как только увидит, бывало, в окне, что мимо двора его идет молодка — сейчас высунет голову и заржет по-жеребячьи. На том же селе жил один мужик, у которого жена была оченно хороша собой. И ходила она кажный день за водою мимо поповского двора; а поп только усмотрит ее — сейчас высунет в окно голову и заржет. Вот баба пришла домой и спрашивает у мужика: «Муженек, скажи, пожалуй, отчего это; иду я за водой мимо попова двора, а поп на всю улицу ржет по-жеребячьи».— «Эх, дура баба! Это он тебя любить хочет. А ты смотри, как пойдешь за водой и станет поп ржать по-жеребячьи: иго-го! — ты ему и сама заржи тонким голосом: иги́-ги! Он к тебе сейчас выскочит и попросится ночевать с тобой; ты его и замани; вот мы попа-то и обработаем: пусть не ржет по-жеребячьи».

Взяла баба ведра и пошла за водой. Поп увидел ее из окошка и заржал на всю улицу: «иго-го!» А баба в ответ ему заржала: «иги-ги, иги-ги». Поп выскочил, надел подрясник, выбежал из избы к бабе: «Что, Марьюшка, нельзя ли того...» — «Можно, батюшка! Вот муж сбирается в город на ярманку, только лошадей нигде не добудет».— «Ты давно бы сказала! Присылай его ко мне — я дам свою пару лошадей и с повозкой: пусть себе едет». Воротилась баба домой и говорит мужику: так и так, бери у попа лошадей.

Мужик сейчас собрался и прямо к попу, а поп давно его ждет. «Сделайте милость, батюшка, дайте пару лошадей на ярманку съездить».— «Изволь, изволь, свет!» Запряг мужик поповых лошадей в повозку, приехал домой и говорит жене: «Ну, хозяйка, я выеду за деревню, постою немножко, да и назад. Пусть поп приходит к тебе гулять, а как я ворочусь да застучу в ворота, он испугается и станет спрашивать: где бы спрятаться? Ты и спрячь его в энтот сундук, что с голанской сажей стоит; слышишь?» — «Ладно!»

Сел мужик в повозку и поехал за деревню. Поп увидел и сейчас бросился к бабе: «Здравствуй, Марьюшка!» — «Здравствуй, батюшка, теперь нам своя воля — погуляем! Садись-ка за стол да выпей водочки». Поп выпил рюмку и не терпится ему: поскидал с себя рясу и сапоги... Вдруг как застучат у ворот. Поп испугался и спрашивает: «Кто это, Марьюшка, стучится?» — «Ах, батюшка, ведь это мой муж домой приехал, кажись, что-то позабыл».— «Куда ж мне-то, свет, спрятаться?» — «А вон порожний сундук стоит в углу, полезай туда». Поп полез в сундук и прямо попал в сажу: улегся там, еле дышит; баба сейчас закрыла его крышкой и заперла на замок.

Вошел мужик в избу. Жена и спрашивает: «Что воротился?» — «Да позабыл захватить сундук с сажею; авось на ярманке-то купят. Пособи-ка на повозку снести». Подняли они вдвоем сундук с попом и потащили из избы. «Отчего он такой тяжелый,— говорит хозяин,— кажись, совсем порожний, а тяжел?» А сам тащит-тащит, да нарочно об стенку или об дверь и стукнет. Поп катается в сундуке и думает: «Ну, попал в добрый капкан». Втащили на повозку; мужик сел на сундук и поехал на поповых лошадях в город; выехал на дорогу, как стал кнутом помахивать да коней постегивать, помчались они во весь дух.

Вот едет ему навстречу барин и говорит лакею: «Поди останови этого мужика да спроси — куда так шибко гонит?» Лакей побежал и кричит: «Эй, мужичок, постой, постой!» Мужик остановился. «Барин велел спросить, что так шибко гонишь?» — «Да чертей ловлю, оттого шибко и гоню».— «Что же, мужичок, поймал хоть одного?» — «Одного-то поймал, а за другим гнался, а вот ты помешал. Теперь за ним не угонишься». Лакей рассказал про то барину: так и так, одного черта мужик поймал. Барин сейчас к мужику: «Покажи, братец, мне черта; я сроду их не видывал».— «Дашь, барин, сто рублей — покажу».— «Хорошо»,— сказал барин.

Взял мужик с барина сто рублей, открыл сундук и показывает, а в сундуке сидит поп весь избитый да вымазанный сажею, с растрепанными патлами. «Ах, какой страшный,— сказал барин,— как есть черт! Волосы длинные, рожа черная, глазища так и вылупил». Потом мужик запер своего черта и опять поскакал в город. Приехал на площадь, где была ярманка, и остановился. «Что, мужик, продаешь?» — спрашивают его. «Черта»,— отвечает он. «А что просишь?» — «Тысячу рублей».— «А меньше как?» — «Ничего меньше. Одно слово тысячу рублей». Тут собралось около мужика столько народу, что яблочку упасть негде. Пришли двое богатых купцов, протолкались кое-как к повозке. «Мужик, продай черта!» — «Купите».— «Ну что цена будет?» — «Тысяча рублей, да и то за одного черта без сундука, сундук-то мне нужен: коли еще поймаю черта, чтоб было куда посадить».

Купцы сложились и дали ему тысячу. «Извольте получить!» — говорит мужик; открыл сундук. Поп как выскочит — да бежать! Прямо в толпу бросился, а народ как шарахнется от него в разные стороны... Так поп и убежал. «Экой черт! К эдакому коли попадешься, совсем пропадешь!» — говорят купцы промеж себя. А мужик воротился домой, отвел к попу лошадей. «Спасибо,— говорит,— батюшка, за повозку; славно торговал, тысячу рубликов зашиб!»

После того баба его пошла за водой мимо попова двора, уви-

дала попа, и ну ржать: иги-иги-иги! «Ну,— сказал поп,— муж твой славно меня угигикал!» С тех пор перестал поп ржать по-жеребячьи.

МУЖ ДА ЖЕНА

Жил мужик да баба; она была больно востра, не любила мужика, полюбила попа; сама не работала да и мужу не давала, все больной прикидывалась да посылала в разные места за лекарствами: хочется как-нибудь да извести мужа. Вот посылает его раз в Ревель за лекарем. Муж пошел, повстречался с мужиком. Тот спрашивает: «Куда идешь?» — «Да жена больна, иду приискать лекаря».— «Давай, я вылечу».— «Пойдем, батюшка! Помоги Христа ради, замучилась бедная».

Вот вернулись, стали подходить к избе; лекарь и говорит: «Погоди-ко на дворе, дай я наперед посмотрю, что с ней деется?» Заглянул в окно — она с попом гуляет, харчей, вина и браги — всего вдоволь. Он и просится: «Хозяюшка, пусти ночевать». Она было не хотела, да поп говорит: «Пусти, ведь он не знает: ни кто ты, ни кто я».

Пустила его в избу и накормила-напоила, мужик говорит: «Хозяюшка, мне бы соломки надобно».— «Пойди в пелевню, возьми сколько надобно». Он пошел, завернул хозяина в солому и принес в избу. После ужина баба с попом заплясала. «Мужичок,— говорит,— спой песенку».— «Прежде ты спой, а потом я спою». Она пляшет и поет: «Пошел мужик до Ревеля, пошел мужик до лекаря; ему дома не бывать, жены не видать». А мужик запел: «Слышишь ли, солома, что деется дома? Кнут висит на стене, быть ему на спине». Мужик выскочил из соломы и ну дуть попа да хозяйку. Важно отдул. Перестала хворать.

НИКОЛА ДУПЛЯНСКИЙ

Жил-был старик, у него была жена молодая. Повадился к ней в гости ходить парень, Тереха Гладкий. Опознал про то старик и говорит жене: «Хозяйка, я был в лесу, Миколу Дуплянского нашел: о чем его ни попросишь — то и дает тебе». А сам наутро побежал в лес, нашел старую сосну и залез к ней в дупло.

Вот баба напекла пирогов, колобов да масляных блинков и пошла в лес молиться Миколе Дуплянскому. Пришла к сосне, увидала старика и думает: «Вот он, батюшка, Микола Дуплянский-то!» Давай ему молиться: «Ослепи, батюшка Микола, моего

старика». А старик отвечает: «Ступай, женка, домой, и будет твой старик слеп; а зобенку с пирогами оставь здесь». Баба оставила зобенку с пирогами у сосны и воротилась домой.

Старик сейчас вылез из дупла, наелся пирогов, колобов и блинков, высек себе дубинку и пошел домой. Идет ощупью, будто слепой. «Чего ты, старичок,— спрашивает его жена,— так тихо ползешь? Разве не видишь?» — «Ох, женушка, беда моя пришла, ничего-таки не вижу». Жена подхватила его под руки, привела в избу и уложила на печку. В вечеру того ж дня пришел к ней дружок, Тереха Гладкий. «Ты теперича ничего не бойся,— говорит ему баба,— ходи ко мне в гости, когда хочешь. Я нынче ходила в лес, молилась Миколе Дуплянскому, чтобы мой старик ослеп; вот он воротился намедни домой и уж ничего не видит».

Напекла баба блинов, поставила на стол, а Тереха принялся их уписывать на обе щеки. «Смотри, Тереха,— говорит хозяйка,— не подавись блинами, я схожу, масла принесу». Только вышла она из избы по масло, старик взял самострел, зарядил и выстрелил в Тереху Гладкого; так и убил его насмерть. Тут соскочил старик с печки, свернул блин комом, будто он сам подавился; сделал так и влез на печь. Пришла жена с маслом, смотрит: сидит Тереха мертвый. «Говорила тебе, не ешь без масла, а то подавишься, так не послушал: вот теперь и помер». Взяла его, сволокла под мост и легла одна спать.

Не спится ей одной-то, и ну звать к себе старика; а старик говорит: «Мне и здесь хорошо». Полежал-полежал старик и закричал ровно во сне: «Жена, вставай! У нас под мостом Тереха лежит мертвый».— «Что ты, старик? Тебе во сне привиделось». Старик слез с печки, вытащил Тереху Гладкого и поволок к богатому мужику, увидал у него бадью с медом, поставил около бадьи Тереху и дал ему в руки лопаточку, будто мед колупает. Смотрит мужик, кто-то мед ворует, подбежал, да как ударит Тереху по голове, тот на землю и повалился, аки мертв. А старик выскочил из-за угла, схватил мужика за ворот: «За что ты парня убил?» — «Возьми сто рублей, только никому не сказывай!» — говорит мужик. «Давай пятьсот, а то в суд поволоку». Дал мужик пятьсот рублей. Старик подхватил мертвеца и поволок на погост; вывел из поповой конюшни жеребца, посадил на него Тереху, привязал вожжи к рукам и пустил по погосту. Поп выбежал, ругает Тереху и хочет его изловить; жеребец от попа да прямо в конюшню, да как ударит Тереху Гладкого об перекладину, он упал и покатился наземь. А старик выскочил из-за угла и ухватил попа за бороду: «За что убил парня? Пойдем-ка в суд». Делать нечего, дал ему поп триста рублей, только отпусти да никому не сказывай, а Тереху похоронил.

СОЛДАТ И ЧАСЫ

Был на свете царь, у него была любимая дочь Анна-царевна, на возрасте, красоты неописанной, и сидела она в белокаменных палатах, в высоких теремах за двенадцатью дверями; и у каждых дверей стояла на карауле стража великая, никого, кроме царя да придворных нянюшек-матушек, к ней не пускала. Не токмо человек, муха туды не пролетит.

Случилось в некое время стоять во дворе на часах одному бравому солдату, стоит он и вслух сам с собой разговаривает: «Если б у меня было столько денег, сколько у нашего царя, я бы и сам не глупей его был». Услыхал эти речи царь, осерчал и говорит: «Слушай ты, умная голова, коли ты не хвастаешь, то вот тебе сроку три месяца, бери себе денег сколько надобно, гуляй сколько хочешь, только ухитрись — сотвори грех с моей дочерью. Если это не сделаешь, велю тебя за твою похвальбу словно пса повесить!»

Вот солдат месяц гуляет и другой гуляет; а как сотворить грех с царевною — не ведает, даже к теремам ее подойти боится. Уж и третий месяц на исходе, пошел он в кабак, спросил штоф водки, пьет, а сам слезно плачет: «Пропадай,— говорит,— моя жизнь молодецкая!» Подошел к нему горький пьяница, ярыга кабацкая: «О чем, брат, плачешь?» — «Эх, лучше не спрашивай. Пропадаю за свою похвальбу!» — «Поднеси мне стакан, я твое горе рассужу». Солдат поднес ему стакан водки и рассказал, как было дело. «Это еще не беда,— говорит горький пьяница,— есть у тебя деньги?» — «Еще бы не быть: мне царская казна не заказана, сколько хошь — бери».— «Ну, пойдем на взморье; там приехали чужестранные купцы, привезли с собой штуки разные, затейливые».

Побежали на взморье, зашли на купеческий корабль. Стали разные товары высматривать и выбрали славные стенные часы, в большой футляр вделаны; с музыкой, с барабанами и всякими немецкими хитростями. Тотчас солдат сторговался, заплатил за те часы чистым золотом; сам в футляр залез и приказывает: «Ну, купцы-торговцы, отнесите часы во дворец да бейте царю челом, чтоб на двор принял». Купцы принесли часы во дворец и били челом государю; царь принял подарок, как увидел он, что часы-то с музыкой и с барабанами, тотчас велел иноземным гостям торговать безданно-беспошлинно, а часы поставить в спальню к царевне, пускай-де тешится.

Ну, солдату того и надобно. Царевна сильно возрадовалась, заставила часы играть, а сама в танцы пустилась; весь день проплясала. Приходит ночь. Легла она усталая и крепко-крепко уснула. [*Солдат приходит ночью к царевне, называет себя ангелом*

с небес и получает от нее перстень]. Солдат взял перстень, спрятался опять в футляр и нарочно испортил музыку. Наутро стала царевна заводить часы — нет, не играют, испорчены. Как тут быть? Сейчас послала за иноземными купцами, приказали взять часы и исправить музыку. Купцы увезли часы в починку, отворили футляр и выпустили солдата. А уж срок совсем вышел; царские слуги бегают да ищут того солдата, увидали и повели: «Пойдем,— говорят,— Варвара, на расправу!» Вот привели его к царю. «Здравия желаю, ваше величество».— «Здорово, умная голова! Ну, что, сделал свое дело?» — «Сделал, ваше величество!» — «Врешь ты, каналья?» — «Извольте сами спросить у царевны: прилетал ли к ней ангел и что она пожаловала ему на память?» — «Позвать царевну!» — закричал царь.

Позвали. «Говори, дочка, кто у тебя был сегодняшнюю ночь?» [*Царевна говорит, что прилетел ангел с небес, и она ему именной перстень пожаловала*]. Солдат вынул царевнин перстень и подал государю. «Ну, хитер же ты, служивый,— сказал царь,— ступай домой с богом, денег сколько знаешь возьми, только помни, никому не хвались, что с моею дочерью сделал, не то прикажу казнить». С той поры стал солдат при деньгах. Живет себе да служит, ни о чем не тужит.

СОЛДАТ И БАРИН

Вышел солдат в отпуск, нанялся служить к скупому барину, в год — за сто рублей; помещик велел ему и лошадей чистить, и навоз возить, и воду таскать, и дрова рубить, и сад мести, словом сказать — не дает ему отдыху ни на минуту, совсем измучил работой. Отслужил солдат год и просит расчета. Помещику жалко отдавать деньги, стал доставать, а сам ревмя ревет. «О чем вы, сударь, плачете?» — «Да денег жалко!» — «Экой ты барин! Ведь я тебе целый год прослужил; если бы ты мне прослужил три дня, так я б тебе отдал сто рублей и слова не сказал».— «Три дня — немного»,— думает барин.

Пошел советоваться с барыней. Она говорит: «Что ж, отслужи три дня!» А сама думает: «Ведь не мне служить, а мужу; ему — не мне плохо будет». Барин согласился. Солдат поужинал, лег спать в сарае, разулся, один сапог забросил в один угол, другой — в другой угол. Поутру проснулся, кричит: «Эй!» Помещик входит. «Подавай сапоги; я хочу одеваться!» Помещик хвать — сапогов нету, и запорол горячку. Спрашивает солдата: «Где твои сапоги?» — «Ах ты, сукин сын, каналья, ты у барина спрашиваешь о сапогах? Верно, и не чистил их!» — да хвать его по уху.

да по другому. Барин туда-сюда, насилу один сапог отыскал, а другого нет. «Подайте палок!» — закричал солдат и давай дуть помещика, до того промял, что он не рад и деньгам. «Не хочу,— говорит,— тебе служить, возьми свои деньги, черт с тобой!»

ЧУДЕСНАЯ ДУДКА

В некотором царстве, в некотором государстве жил барин, да еще был мужик, такой бедный, что и сказать нельзя! Призвал его барин и говорит: «Послушай, мужичок! Долгу своего ты не платишь и взять с тебя нечего. Ступай ко мне и живи за долг три года».

Прожил у него мужик год, и другой, и третий. Барин видит, что мужику скоро срок отходит, и думает: какую бы сыскать вину, чтоб еще оставить мужика при себе на три года. Позвал его барин и стал говорить: «Послушай, мужичок! Вот тебе десять зайцев, гони их пастись в поле да смотри, чтобы все были целы! А то опять оставлю при себе на три года». Только погнал мужик зайцев в поле — они все у него разбежались в разные стороны. «Что делать,— думает он,— теперь пропал я!» Сел и плачет. Откудова ни возьмись — явился старик и спрашивает: «О чем, мужичок, плачешь?» — «Как мне, старик, не плакать! Дал мне барин пасти зайцев, они все и разбежались. Теперь беда мне неминучая!» Старик дал ему дудочку и говорит: «На тебе дудочку. Когда заиграешь в нее, они все к тебе прибегут».

Мужик сказал спасибо, взял дудочку и только заиграл в нее — как тотчас все зайцы к нему прибежали. Он погнал их домой. Барин пересчитал зайцев и говорит: «Все целы!» — «Ну что нам делать? — сказал барин своей барыне.— Какую вину на мужике сыскать?» — «А вот что, душенька: когда он завтра погонит зайцев, я переоденусь в другое платье, пойду к нему и куплю одного зайца».— «Ну, хорошо!»

Наутро погнал мужик зайцев в поле, и только подошел к лесу — они тотчас все разбежались в разные стороны. А мужик сел на траву и начал плести лапти. Вдруг едет барыня. Остановилась — подошла к нему и спрашивает: «Что, мужичок, здесь делаешь?» — «Скотину пасу».— «Какую скотину?» Мужик взял дудочку и заиграл — все зайцы сбежались к нему. «А, мужичок! — сказала барыня.— Продай мне одного зайчика».— «Никак нельзя, ведь это господские зайцы, а барин у меня оченно строг. Он, пожалуй, меня совсем заест!» Барыня стала к нему приставать: «Пожалуйста, продай!» Мужик видит, что ей очень хочется зайчика, и говорит: «У меня, барыня, завет положен».— «Какой завет?» —

«Кто даст... что потребую, тому и зайца уступлю».— «Возьми лучше деньгами, мужичок!» — «Нет, мне больше ничего не надо!» Барыня — делать нечего — согласилась... Подал ей зайца: «Только, барыня, держи его потихоньку, а то раздавишь».

Она взяла зайца, села в коляску и поехала. А мужик как заиграл в свою дудочку — этот заяц услыхал, выпрыгнул из рук барыни и ушел назад к мужику. Приехала барыня домой. «Ну, что, купила зайца?» — «Купила-то купила, только, как мужик заиграл в свою дудочку, заяц выпрыгнул от меня и ушел».

На другой день опять поехала барыня к мужику. Подходит к нему и спрашивает: «Что делаешь, мужичок?» — «Лапти плету да господскую скотину пасу».— «Где ж твоя скотина?» Мужик заиграл в дудочку, и сейчас сбежались к нему все зайцы. Барыня стала торговать зайца. «У меня положен завет».— «Какой?» — «Дай...» Барыня опять согласилась... и получила за то зайца. А как мужик заиграл — заяц выскочил и ушел от нее.

На третий день переоделся и поехал сам барин. «Что, мужичок, делаешь?» — «Скотину пасу».— «Да где ж твоя скотина?» Заиграл мужик в дудочку — сбежались к нему зайцы. «Продай мне одного!» — «За деньги не продам. У меня положен завет».— «Какой завет?» — «Кто захочет на кобылу влезть... тому и зайца отдам». Барин влез на кобылу... Мужик подал ему зайца и говорит: «Держи его, барин, потихоньку, а то задавишь». Барин взял зайца и поехал домой, а мужик заиграл в дудочку — заяц услышал и ушел от него к мужику. Видит барин, что ничего не возьмешь, и отпустил мужика жить на волю.

СНЫ

Жил-был бедный мужик, с женой и детьми; в одну ночь приснился ему такой сон: будто под печкою в ихней избе лежит большой медведь. Поутру стал рассказывать свой сон жене; она говорит: «Ах, хозяин, ведь и мне такой же сон был». Дети говорят: «Ах, батюшка, ведь и мы то же самое во сне видели». Задумался мужик: «Недаром всем одно приснилось — сон вещий, да что он пророчит: к беде али к счастью?» Думал, думал и решил ехать к колдуну Асону, который один на все царство сны судит.

Едет он деревнею, а навстречу ему мальчик: «Дяденька, покатай меня».— «Проваливай! не до тебя!» — «Дяденька, покатай, я тебе доброе слово скажу. Ведь я знаю, куда ты едешь. Ты едешь к Асону посудить сону». Мужик удивился. «Вишь,— говорит,— какой хитрый народился. Садись на телегу!» Посадил мальчика на телегу, прокатил его по деревне, выехал за околицу

и спустил наземь. «Спасибо, дядюшка! — сказывает мальчик.— Смотри же: будет у тебя Асон торговать твой сон, не продавай ему дешево: бери сто тысяч. А спросит: кто тебя научил — ты молчи, на меня не показывай».

Вот приехал мужик к Асону: «Так и этак,— говорит,— приснилось мне ночью, будто под печкою лежит большущий медведь, рассуди, что этот сон значит?» Колдун бросился смотреть по своим книжкам, посмотрел и затрясся от радости: «Послушай, мужичок, продай мне этот сон!» — «Пожалуй, отчего не продать?» — «Что тебе дать за него?» — «Давай сто тысяч».— «Ах ты, сукин сын,— закричал на мужика Асон и ногами затопал,— что мне в твоем сне — много ли корысти? Хочу пособить тебе при бедности; а он, дуралей, вишь, какую цену заломил!» — «Как знаешь, а меньше ни единой копейки не возьму».

Спорили-спорили, ругались-ругались; нечего делать, видит колдун, что мужика не переспоришь да и цена-то средняя: хоть и сто тысяч заплатить, все другое сто в барышах останется. Насыпал мужику два больших воза деньгами, а наутро приехал к нему в деревню с четырьмя возами. Разломал печь, а там серебра да золота видимо-невидимо. Еле-еле на четырех подводах уложил. Стал в путь собираться и говорит хозяевам: «Послушай, мужичок, скажи, кто тебя научил запросить за твой сон так дорого? Ведь сам ты ни за что б не догадался?» — «Нет, брат, этого не скажу».— «Скажи, вот тебе пять тысяч на прибавку». Мужик тотчас польстился на деньгу и выдал мальчика. После попрощались; колдун домой поехал, а мужик разбогател и зажил себе припеваючи — по-купечески.

На другой день Асон нарядился словно барин, запряг заводских лошадей, сел в коляску и катит прямо на двор к родителям того мальчика, что мужика научил. Приезжает и говорит: «Нельзя ли отдохнуть маленько?» — «Отчего нельзя, отдыхай». Вошел в избу, пошли те, другие разговоры. «Это чей мальчик спит?» — «Мой сын»,— говорит старик. «Послушай, старик, мне твой сынок полюбился. Вижу я — ты живешь при бедности, а у меня и золота, и всякого имения, чего только душа просит — всего вдоволь. Только детей бог не дал. Отдай мне мальчика, я ему вместо отца буду, в люди выведу и тебя со старухой награжу деньгами и хлебом». Старик со старухой помялись, помялись и согласились, продали сына за десять тысяч.

Асон взял его сонного, положил в повозку и повез к себе. Приехал домой; мальчик проснулся, смотрит, где это он очутился? «Что глаза-то вылупил? Чай, знаешь, зачем привез тебя...» — «Как не знать,— отвечает мальчик,— затем, чтобы с молодой женой твоей спать».— «Вот, брат, не угадал!» — сказал колдун,

зло улыбнулся и крикнул: «Позвать ко мне повара». Повар пришел; он и говорит ему на ухо: «Возьми этого мальчишку, зарежь, вынь из него сердце, изжарь и принеси ко мне». Повар привел мальчика на кухню, достал широкий нож и принялся точить на камне. «Эх, дядя,— говорит мальчик,— ведь я знаю для чего ты нож точишь».— «А для чего?» — «Да хочешь меня зарезать».— «Правда твоя!» — «Послушай, дядя, пожалей меня — отпусти на волю: тебя бог наградит».— «Я б отпустил тебя, да ведь хозяин у меня хитер; сейчас узнает».— «Не бойся, не узнает. Есть у вас на дворе супоросая свинья, поди-ка, спроси у хозяина, сколько она поросят принесет? Он и этого не разгадает».

Повар пошел к Асону, спросил про свинью, воротился и говорит: «Хозяин сказывает, что двенадцать поросят будет».— «Вот и не узнал: ваша свинья уже опоросилась — принесла тринадцать». Повар побежал, справился: как раз тринадцать. «Правда твоя»,— говорит мальчику. «Ну, так отпусти ж меня на вольный свет, а тринадцатого поросенка зарежь, вынь из него сердце, зажарь и снеси хозяину». Повар так и сделал. Понес поросячье сердце, только переступил порог — и уронил блюдо. Кобель подхватил и съел сердце. «Ну, пес его бери!» — сказал колдун.

А мальчик вышел на большую дорогу и, долго ли, коротко ли, пришел в столичный город. Остановился у гостиных рядов да на знатные заморские товары любуется. Увидал его купец и взял к себе за приказчика. С того самого времени пошла у купца торговля широкая, покупатели так и валят в лавку, просто отбою нет. Успевай только деньги брать. Время идет, мальчик растет да растет, вырос и сделался таким молодцем да красавцем, что ни в сказке сказать, ни пером написать.

В один день поехала молодая Асонова жена в гостиные ряды за покупками; зашла в самую богатую лавку, увидела этого приказчика и сразу влюбилась в него. Набрала целый ворох всяких товаров и говорит: «Послушай, добрый молодец. Со мной денег не случилось; потрудись сегодня вечером ко мне в дом побывать, я там-то живу».— «Извольте, сударыня». Вечером приехал к ней за деньгами; она тотчас ухватила его за белые руки, повела в свою спальню, стала целовать-миловать, нежно к сердцу прижимать; уложила его на мягкую постель вместе с собой. «Ну,— говорит,— придвинься ко мне плотней, будет нам теплей!» Тут они и слюбилися, и стали часто друг к другу наезжать, вместе ночи коротать.

Прошло с год времени, приснился царю этой земли такой сон: будто стоит в его палатах драгоценная золотая чарка, а в той чарке один край выломился. Встал царь поутру и думает: что бы этот сон значил? Сейчас посылает он за колдуном Асоном. «Ну-ка,

Асон, рассуди мой сон!» Колдун бросился смотреть по своим книгам, искал-искал — нет, не может разгадать царского сна. Царь рассердился и назначил ему три дня сроку: «Коли не разгадаешь, прикажу тебя казнить». Три дня прошло, повели Асона на площадь и повесили на виселице.

После того разослал царь указы по всей земле: «Коли кто разгадает этот сон, тому пожалует половину своего царства». Услыхал про то молодой приказчик, явился к царю поздним вечером и говорит: «Ваше величество! я могу ваш сон разгадать».— «Ну разгадай. Скажешь правду — половину царства пожалую, а совреешь — то мой меч, твоя голова с плеч».— «Есть,— говорит,— у вашего величества три дочери: скажите, которую царевну вы больше любите, больше жалуете?» — «Все три,— отвечает царь,— мне дороги, а больше всех люблю и жалую меньшую царевну: нет ее на свете дороже».— «Ну, так пойдемте к ней в спальню — там будет разгадка». Пришли к царской спальне, смотрят: дверь заперта. Царь постучался: «Отопри-ка, дочка».— «Ах, батюшка! Я уж спать легла».— «Ничего, отопри».— «Да я не одета».— «Отопри, не то велю дверь выломать!»

Царевна отперлася: входит царь с приказчиком в спальню. Приказчик тотчас подбежал к мамке. Оказывается, мамка — мужчина. Царь отдал этому приказчику половину своего царства, царевну наказал, мамку казнил, а о том, что было, велел в тайне хранить, лишнего никому не говорить. Приказчик сделался сам царем, женился на Асоновой вдове, разбогател и стал жить-поживать, добра наживать, лиха избывать.

ДВЕ ЖЕНЫ

Жили-были два купца, оба женатые, и жили они промеж себя дружно и любовно. Вот один купец говорит другому: «Послушай, брат! Давай сделаем пробу, чья жена лучше мужа любит».— «Давай. Да как пробу-то сделать?» — «А вот как: соберемся-ка да поедем на Макарьевскую ярмарку, и которая жена пуще станет плакать, та больше и мужа любит». Вот собрались в путь, стали их провожать жены. Одна плачет, так и разливается, а другая прощается и сама смеется.

Поехали купцы на ярмарку, отъехали эдак верст пятьдесят и разговорились между собой... «Ишь как тебя жена любит,— говорит один,— как она плакала на прощанье, а моя стала прощаться, а сама смеется!» А другой говорит: «Вот что, брат! Теперь жены нас проводили, воротимся-ка назад, таким образом да посмотрим, что наши жены без нас делают».— «Хорошо!»

Воротились к ночи и вошли в город пешие. Подходят наперед к избе того купца, у которого жена на прощанье горько плакала. Смотрят в окошко. Она сидит с любовником и гуляет. Любовник наливает стакан водки, сам выпивает и ей подносит: «На, милая, выпей!» Она выпила и говорит: «Друг ты мой любезный! Теперь я твоя».— «Вот какие пустяки: вся моя! Что-нибудь есть и мужнино!» Она оборотилась к нему задом и говорит: «Вот ему...— один зад!» Потом пошли купцы к той жене, которая не плакала, а смеялась. Пришли под окошко и смотрят: перед иконами горит лампадка, а она стоит на коленях, усердно молится да приговаривает: «Подаждь, господи, моему сожителю в пути всякого возвращения!» — «Ну вот,— говорит один купец другому,— теперь поедем торговать».

Поехали на ярмарку и торговали очень хорошо: такая задача в торговле была, какой никогда не бывало! Пора уж домой. Стали собираться и вздумали купить своим женам по гостинцу. Один купец, у которого жена богу молилась, купил ей славной парчи на шубку, а другой купил жене парчи только на ее зад: «Вить мой только зад! Так мне только пол-аршина и надобно — я свою жену не хочу паскудить!» Приехали и отдали женам гостинцы. «Что же ты купил эдакой лоскут?» — говорит жена с сердцем.— «А ты вспомни... как сидела ты с любовником и говорила, что мой у тебя только зад,— ну, я свою часть и снарядил. Нашей парчу на него да и носи».

ЖЕНА ХИМКА

Жил муж Филя, у него жена была Хима — беспечная, сонливая, нерадивая. Раз в летний день пошла она рожь жать: жать не жала, легла в поле и заснула... Приходит Филя, взял ей остриг голову, обмазал тестом, обсыпал пухом и ушел домой. Вот Хима проснулась, схватилась за голову и говорит: «Что б это значило? По уму-то я Хима, а по голове, кажется, нет. Постой, пойду в деревню; узнаю ли свой двор?»

Идет она по деревне, считает дворы, подходит к своему двору и говорит: «Вот наш двор!» Спрашивает хозяина: «Филя, а Филя! Дома ли твоя Хима?» — «Дома». Вот она и пошла прочь от окна. «Постой,— думает,— суну-ка я в подворотню голову; если узнает меня собака, так я Хима, а не узнает — значит, не Хима». Сунула голову в подворотню: собака залаяла.

Тут бедная баба совсем поверила, что она не Хима, и пошла к вечеру на большую дорогу. Попадаются ей навстречу воры. Она и просит: «Возьмите меня с собой; я знаю богатого мужика, обво-

руем его».— «Пойдем». Пошли воровать. Проломали в клети крышу и опустили туда Химу: «Подавай, а мы брать станем». Она набрала себе орехов, а им подала мешок с золою. Воры осерчали. «Черт с ней,— говорят,— бросим ее, пусть сидит там!» Хима услыхала это, навязалась сама на веревку и кричит им: «Тащите, вот добро, так добро». Воры ее и вытащили.

Пошли искать иного места; идут мимо кладбища. «Ну, Химушка, ты посиди пока тут, а мы пойдем к дьякону баранов красть». Воры ушли, а Хима села на могиле, сидит да орехи щелкает. Вышел дьякон помочиться и видит на могиле эдакое чудище. Побежал к попу: «Вставай, батюшка, покойник из могилы вылез, зубами щелкает!» Поп был нездоров, позвал еще дьячка и велел нести себя на носилках. «Пойду,— говорит,— мертвеца отчитывать». Вот дьякон с дьячком несут попа, а Хима думает, что то воры, и закричала: «Что, несете?» Дьякон говорит: «Несем!» — «Жирного?» — «Жирного!» — «Ну, скорей давайте, я есть хочу». Дьякон думает: «Что ж, я-то жирнее попа, пожалуй, за меня хватится!» Испугался, бросил попа наземь да бежать: дьячок за ним, а поп так головой о могильный камень пришелся, что еле-еле к рассвету опомнился. Поутру шел народ на работу, увидел Химу и отвел к мужу.

ФОМКА-ДУРАК И ЕГО ЖЕНА

Жил мужик с бабою, звали его Фомкою, был он большой дурак и трус. Только смеркается, то и на двор побоится выйти. А баба — известное дело, как при таком муже не завести любовника — и таки завела. Один раз Фомка пришел домой пьяный да веселый; еще никогда таким не бывал. Поужинал, снял портки и лег с женой спать. А ночь была темная-темная, дождь как из ведра поливает.

На ту пору постучался к бабе любовник, собака и залаяла. Фомка услыхал, что собака на дворе лает, и давай тюкать: «Тю-тю, тю-тю».— «Молчи,— говорит жена,— а то волки по деревне ходят, овец режут, пожалуй, к нам зайдут».— «Невжли ты боишься?» — «А ты разве не боишься?» — «Я-то? Да ты знаешь, какой я смельчак? Хочешь, сейчас окно отворю да начну тюкать?» — «А ну, Фомушка, отвори да потюкай». Фомка отворил окно и кричит спьяна: «Тю-тю».— «Ах, Фомушка, затвори окно, не то волки в избу залезут да нас поедят».— «Я ничего не боюсь».— «Экой ты смелый!» — «Э, ты еще меня не знаешь! Хочешь, я выйду в сени да в сенях начну тюкать?» — «А ну, выйди да потюкай в сенях»,— говорит жена, а сама на уме держит, как бы поскорей его на двор выпихнуть.

Фомка вышел в сени и опять: «Тю-тю, тю-тю!» Баба идет сзади да подхваливает: «Ох, Фомушка, какой ты небоязливый! А я думала, что ты побоишься».— «Э, дура, разве не знаешь, какой я хватюга? Я еще отворю двери на двор да еще громче начну тюкать!» — «А ну, попробуй, попробуй, Фомушка!» Фомка отворил двери, высунул на двор голову и снова кричит: «Тю-тю!» Тут баба как толкнет его в шею, выпихнула на двор и заперла двери засовом, а любовника в окно впустила и легла с ним на постель.

Фомка ходит без порток вокруг избы, намок весь, стучится в окно да просится со слезами в избу. «Какой леший там стучится?» — спрашивает хозяйка. «Это я»,— говорит Фомка. «А ты кто?» — «Фома!» — «Какой Фома? Ты — Мора, а не Фома. Мой Фома со мной на постели лежит». А сама шепчет любовнику: «Откликнись ему». Любовник и закричал: «Кой черт там около избы бродит? Вот только выйду на двор, так дам себя знать: так шею накостыляю, что долго не забудешь!»

Бедный Фомка не знает, что и делать. «Видно,— думает,— я пьяной к чужой избе подошел». И начал себя поверять — считает избы. «Вот эта — кумова изба, а это — братова, а эта — Кондратова, а четвертая — моя». Постучал опять в окно, а его все не пускают, беда да и только. Пошел к куму, постучался. «Кто там?» — «Это я, кум».— «Чего тебе?» — «Да видишь, кум, я немножко выпивши, не могу до своей избы дойти; проводи меня, пожалуйста». Кум оделся, вышел, смотрит — Фомка без порток в одной рубахе стоит, перезяб, трясется. Провел его до двора и стучится: «Кумушка, ты спишь?» — «Нет, кум, еще не сплю, а что там?» — «Да вот возьми своего Фому, он совсем пьяный».— «Какой там Фома? Это Мора — всю ночь около избы таскается, не дает нам спокою; мой муж давно дома». На ее речи и любовник отозвался. «Что ты, кум, я давно дома; это у тебя Мора. Брось ее к черту!»

Кум испугался, бросил Фому и убежал домой. Что делать Фомке? На дворе холодно, а в избу не попадешь. Принужден был забраться к свиньям в хлев, там и переночевал до утра. На другой день приносит баба свиньям корм, увидала мужа и говорит: «Это ты, Фомушка? Каким манером сюда попал? А я тебя всю ночь проискала».— «Молчи, жена, я и сам себя с похмелья не помню. Видно, меня пьяного черти таскали».— «То-то, Фомушка, говорю тебе, не напивайся».

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

Сборник «Диво дивное, чудо чудное» представляет читателю избранные сказки А. Н. Афанасьева. В настоящем издании в соответствии с широким жанровым диапазоном полного собрания сказки о животных, волшебно-фантастические, бытовые (новеллистические) объединены с былинными, лубочными и легендарными сюжетами, чудесными преданиями, народными анекдотами, докучными сказками, прибаутками.

Собирательскую и составительскую деятельность Афанасьев рассматривал в единстве с исследовательской. Прижизненные и последующие научные издания сказок содержат его теоретические предисловия и пространные текстологические примечания. Поэтому наш однотомник знакомит также и с фольклорными текстами, включавшимися Афанасьевым в примечания и сохранившимися в рукописях.

Выбранные, хотя и в небольшом объеме, «Русские заветные сказки» позволяют составить суждение о той стороне творчества Афанасьева-собирателя, которая известна, главным образом, специалистам.

Научная задача фольклористики, как понимал ее Афанасьев, предполагает выявление богатства фантазии народа, его обычаев и речений. Сопоставление текстов, по-разному развивающих тот или иной мотив, позволяет раскрыть особенности национального характера сказки, духовного содержания народной жизни, ее поэтического осмысления. Именно этой целью руководствовался составитель, приводя варианты подчас хорошо известных сказочных сюжетов.

«Народные русские сказки» раскрывают перед нами обширный мир» — это слова Афанасьева. Открытию мира, овеянного неподдельной красотой народного слова, и посвящен сборник «Диво дивное, чудо чудное».

СЛОВАРЬ МАЛОУПОТРЕБИТЕЛЬНЫХ И ОБЛАСТНЫХ СЛОВ

Аред — нечнстый дух

Балагта — от слоаа *балахтина* — болото, здесь: болтунья
Баса — красота
Батог — палка
Бежнт по буеау — адоль церкоаной ограды
Бердо — род гребня а домашнем ткацком станке
Беремя — ноша. здесь: аязанка
Бесперечь — беспрестанно
Бирюк — аолк
Божатка — крестная мать
Босоанкн — домашняя обуаь
Ботня. ботянк — челнок. долбленая лодка
Брызнуть — поспешно убежать
Буй — черта. проаеденная на земле для нгры
Буят — связка
Бутеть — богатеть, здесь: тучнеть

Варкн — загон для скота
Ватажнться — знаться, аоднться
Вачеги — рукаанцы. обшнтые кожей
В гору — ааерх
В другую сторону — здесь: иначе
Ведмежачнй — медаежнй
Верес — можжеаельннк
Вершннкн — аерховые
Веретье — полотннще яз грубой ткани
Верея — столб. на который подаешнаалнсь аорота
Вертеп — здесь: пещера, подземелье
Взадь — яаоборот, здесь: затем
Взать — назад, обратно
Взгольцыть, голчнть — громко гоаорить
Внд — здесь: паспорт
В околенку — намеком
Вороаей — быстрее
Ворогуша — враг

Впястать — отпрааить, засадять
Враг — яечястая сила
Вызнялась яа угор — поднялась на гору
Выть — время еды, перед аытью — перед едой
Выход — здесь: погреб, подаал
Вышестать — аычистить

Гайкнуть — крнкнуть
Гальета — малая галера
Гойно — прнятно
Голнк — аеиик
Голица — рукааица
Голнчком — чистого масла
Горшеня — горшечник
Гремячнй — журчащий
Громада — сходка
Грядка, гряда — полка; жерди а избе у печи для сушкн дроа
Гузать — мешкать
Гуня — худая одежда. рубище

Да кой храняця — ругательстао
Добало — аероятно, *бок*, брюхо
Добродей — сударь
Домоаяще. домоанна — гроб
Дроаяншкн — санкн

Еаан-то — указательная частнца

Жадать — ждать
Жерноакн. жерноацы — небольшне жерноаа. здесь: ручная мельннца
Живот — здесь: жнаотнна. скот
Жнра — хорошее жнтье

Загнетка — шесток у русской печн. ямка, куда сгребается жар

Зааивать ноги — плестись еле-еле
Замать — трогать
Запростаиы — здесь: заполиеиы
Запятннк — слуга яа запятках
Засаженье — тюрьма
За середку — поперек
Затейкою — зря, иапрасио
Заутóры, уторы — нарезы, пазы, куда вставляется дяо посуды
Захватил оберуч корзовую уразяиу — двумя рукамя суковатую дубииу
Здышут — вздыхают
Зобеяка — корзияа

Ископыть — грязь нз-под копыт
Испакостять — извести, здесь: съесть
Исподка — яижняя рубашка
Исполать — хвала, слава
Испрядрать — разорвать

Кабыть — как будто
Казак — здесь: работиик, слуга, батрак
Калечнще, калúка перехожая — иищий, собирающий подаяиие пеяием псалмов и духовиых песея
Камка — китайская шелковая ткаиь
Каиун — мед, пнао, брага, сваренные к праздику или в память усопшего
Кержеяскяй яастааяик — глава сообщества раскольяякоа а Ннжнегородской округе
Клепец — капкаи
Кнач — помазок, кисть
Кожурияка — шкурка
Кокора — бревяо, коряга
Кокот — кочет (петух)
Колобок — сдобиая или пресиая лепешка
Колпица — птица семейстаа ибисов
Коиаться — прóсить, умолять
Коинк — лавка с коробом для вещей
Корец — ковш
Кочок — кочка
Кошаа — телега для перевозки дров и т. п.
Кропачншко — здесь: суматошиый. беспокойный
Кроптать — роптать, брииться
Крючок — чарка
Кулага — смесь ржаиой муки с ржаным солодом. сварениым в печи
Кулиш — пшенная каша
Кургузый — бесхвостый

Курухаи, липан — от слов: кур — петух и липа — лапти плетутся из липового лыка
Кут — угол в нзбе против печи

Лакомогузка — лакомка, сластеиа
Лапоаикн — обноски лаптей
Ледащий — худой, дурион
Лобаичик — чераояец
Лопотьё — одежда
Лытать — отлыянвать

Майиа — полыиья
Малаиья́ — молния
Малёнка — дереаииая мериая кадочка
Мало — через иекоторое аремя
Мерёжкн — сети, здесь: паутияа
Мязгирь — паук
Морока — облако, тучн
Мянды — верхиие ветви сосиы

Набои — борта лодки
Навороть — воротиик
Наимать — поймать
Найматься — иабраться
Нарохтиться — собираться
Нарушать — здесь: нарезать
Небель — мебель
Неяаши — чертн
Не подло — здесь: ие обидио
Ниже — ни даже, н не, иисколько
Новых, иовый — иных, иной
Нóга — по-видимому ног. т. е. гриф. орел
Нужиее — бедиее

Обед — здесь: полдеиь
Облатынить — обратнть в латинскую веру
Обряды таорнть — шить одежду и уборы
Обшарнть — здесь: вытереть
Однова — одиаждьи, как-то
Одиозолотные — из чистого золота
Озойливо — прнстальио
Опахало шубное — покрывало
Ополохнуться — нспугаться
Оползщииа — помои
Опятиать — яайти след коня
Орать — пахать
Орда — здесь: болото
Отжить — здесь отогнать
Ошметок, осметок — здесь: изношеиный лапоть

Паляиица — карвввй белого хлеба
Пвсать — пвсти
Пелевия — сврвй для соломы, мякины (пелевы)
Пе́лька — верхияя часть одежды (у горла)
Перепечи — сдобное печеяье из белой муки
Переставвиться — преставиться, умереть
Перетыка — нить в полотие
Печи́ще — деревия
Плачея́ — плакальщица
Плеика — силок
Победка — малая беда
Поважать — уважать
Поглазиться — показаться
Под вешяу — под яроаую
Полдоака — чердак
Полеиицв — богатырша
По́лок — отряд, полк
Полудиовать — отдыхать после полудня
Попихиваться — грести
По́прыск — след (коия)
Порио — быстро
Посад — торгово-промышлеииое поселеиие, сиачала зв городскями стенамя, затем ставщее частью города; поздиее яебольшой поселок городского типа
Ско́тииа — ограда вокруг скотяого выгона
Постааить на округ — окружить
Потель-покель — до тех пор пока
Початок — здесь: мера пряжи
Пошевии, пошевёики — широкие саии, обшитые тесом или лубом
Пра́виться — собираться
Пра́сол — скупщик рыбы, мясв, скота
Прикориать — изаести, погубить
Приушмариться — устать
Простудить — здесь: освежить
Пряжёяый — жареный
Пудо́вки — гири весом в пуд
Пу́стыиька — здесь: одииокое жилище
Пухлина — больиое. опухшее место

Разаить — сиять свиввльники, раскрыть
Расквилить — раздразнить
Рачить — стараться (отсюда — рачительиый)
Ревель — официвльиое назваиие Таллияа а 1219—1917 гг.
Рели — здесь: поручяи. аеревки
Рогозия кошель — кошель из рогожи
Розна, розиая — аетхая
Ротиться — клясться
Рудить — от слова руда — кровь; пачквть кровью
Рундук — ларь, здесь: в зяачеиии крыльца
Рухлеив — иегодяая, дуриая
Рыпить — сердиться
Рычаг — ухаат
Рямки — лохмотья

Саламата — жидкий кисель, мучиая болтушка
Сверстны — одяиакоаы, равиы
Седала — насест
Сем-кв — а ну-ка!
Сибирка — арестаитская при полиции
Скалепки — обломки, щепки
Скоп — сход
Скорвада — дикий лук
Смета — счет, число
Снадобье — здесь: припрааа к кушаиью
Соморота — срамота
Сорога — плотаа
Спеяки — шпеиькя
Сподеавться — ждать рвсплаты
Срвцынский (сарацинский) рыцврь — восточяый воин
Сряда — нарядное платье
Стааок — пруд
Стайка — хлеа
Сиопуха — саязка
Стро́ка — овод, слепеиь; строка не́кошна — иечиствя, арвжья, дьявольская
Строшио́й — работиик, батрак
Суло́й — квас или сусло для ржаиого киселя
Сусека — закром
Сусло́н — снопы, сложеяные аместе

Талька — мера пряжи
Творить — готовить тесто, растворять муку в теплой воде
Трессе́я — лихорадкв
Тугаиить — от словв «туга» — печаль, скорбь
Туды да и́нуды — туда и сюда
Тысяцкий — здесь: почетяый рвспорядитель свадебной церемонии

Убрвть — здесь: съесть
Уразиа — дубиия

Уробить — испугатьсн
Уросливан — капрнзная
Утрепать — сгладить
Утресь — утром

Фалéтуры — форéйторы
Фатерка — квартирка
Фтрафить — потрафить, угодить
Фурлатнльный — дурашлнвый

Хвалынское море — Каспийское
Хлун — туловнще птнцы
Хмыстень — несколько толкованнй: от слова «хи́мистеть» — красть, здесь: о мыши — быстрая
Хорт — собака (борзая)
Хусточка — кусок холста

Цыгаянить — здесь: насмехаться

Челпая — каравай хлеба, пирог без начннки

Черепенник — гречяеван лепешка
Чéрнеть — простой, «черный» люд
Черни́знна — предмет, чернеющий в отдаленни
Чивье — рукоятка
Чинбалишшо — чинѓалнще, от слова «чннгал» — кинжал

Шабер — сосед
Шалóвая — глупая
Шаньга, шанежка — ватрушка, лепешка
Ширинка — плат
Шишморннк, шишимора — бранное слово
Штуковат — хнтер

Щепотко — чисто, богато

Яр — крутой берег, обрыв
Ярнца — яровой хлеб
Яруга — овраг
Ярыга — нназший прнказной служитель; беспутный человек, пьнница

ПРИМЕЧАНИЯ

Одинм из иапраалеиий изучеиня иародного литературиого творчества является сравиительиая филология. В сопоставлении фольклорного материала аыявляются иационвльиые истоки и внутреииие связи мироаой культуры.

Исследоваине сказочиых сюжетоа приаело к их снстематнзацни по тематическому принципу. Трудами фниского ученого Анттн Аврие в 1910 году сказкн ивродоа мира, среди которых самым знвчнтельным стало собрание Афанасьева, были типологически классифицнрованы и каждому тнпу прнсвоен определеяный номер.

В последующие годы этот перечень, дополнеиный н усовершенстаоваиный, ствл нормативным международнм указателем (АТ). Кроме того, а научном обороте существует и восточнославянский сравнительный указатель (СУС).

При подготоаке второго, последяего прижизнениого издання «Народных русских сказок», Афаивсьеа тематнчески расположил сюжеты, обознвчна иазвання сказок и их порядковый иомер. В сборниках, предиазначенных для массоаого читателя, иомер сказки, так же, как и шифры междунвродных каталогоа, обычно опускают, однако сохраняют типологнческую последоаательиость.

В прнводимых ииже примечаниях сообщаются краткие саедения, позволяющие проследить исторнческие корни сказок, их взанмоалияние, услоаня бытоаания. Соапвдение содержання и мотивоа в сказках разных народов является предметом специальиых исследоваиий. Здесь же отметим глааиое — самобытность русской сказкн, аобравшей исторнческий опыт поколеиий, сформироваашей иациоиальиый харвктер. Сюжеты, бытующие в мировом фольклоре, а русских сквзках заучат истиино по-русскн и, по словам Белинского, отмечены русским азглядом иа аещи, русскими понятиями н русскями выражениямн.

Обстоятельиый, иаучно вргумеитированный анализ «Народных русских сказок» чнтатель иайдет а такнх сборииках, как издаине а трех томвх, подготовленяое В. Я. Проппом (Гослнтиздат, 1957), н трехтомное наданне, аышедшее в серии «Литературные памятники»,— состаантелн, авторы статьи н примечаиий Л. Г. Бараг и Н. В. Новикоа (Наука, 1984—1985 гг.).

Лисичка-сестричка и волк. Кроме русских имеются миогочисленые аосточнославяиские аариваиты. Сюжеты саязаны с басией Федра «Лнсица и волк», переложеяной в IV а. латиской прозой. В XI—XII вв. басия переведеиа на аиглийский и фраицузский языки. Сказки о лисе яашли место в «Древнееврейских басиях» XIII в., ао французском «Ромаие о Лисе», а других средиевековых западяоевропейских поэмах. В русской литературе — обработки В. И. Даля, Г. П. Даиилеа-

ского, А. Н. Толстого. Известны басня Эзопа «Лнсица и козел», рассказ о лисице и аолке а сборнике средневековых арабских сказок «Тысяча и одиа иочь».

Лиса-исповедиица. Первоначальиый русский варизнт XVII в. нзвестен под изааннем «Слог аиршевой о куре с лисицею».

Лиса-исповедиица. Перепечатано Афанасьеаым из «Пермского сборника». Притча. аключеиная а текст, известна из Евангелия от Луки. Фреска на даиый сюжет сохраннлась в московской церкви Троицы Грузинской богоматери а Никитниках.

Лиса-плачея. Сюжет известен во всех частях света. Прослеживается от басни Эзопа «Лисица и дроаосек», латинских сборннков XII в. и средиевековых позм.

Старая хлеб-соль забывается. Различные аарианты распространеиы а ряде стран Европы и Азии, а том числе у восточиых славин. К тому же типу принадлежат басии Эзопа «Путиик и гадюка» и ее переложении, а частиости, голландская поэма о Лисе и басия Лафонтеиа «Поселянии н змея». Сюжет обрабатывался европейскими писателями, в частности, А. Дыгасииьским (Польша).

Звери в яме. Традициоиное дли восточноевропейских сказок соедииение иескольких сюжетов, отмечеииое также в прибалтийском, западноевропейском, азиатском и африканском фольклоре.

Лиса и журавль. Подобиые русскому фольклорные тексты записаны в Еаропе, Америке и Африке, восточнославинскне ааривиты немногочислениы. Письменное рвспространеиие сюжета берет иачало от баснн Эзопа «Лиса и журавль» а пересказе Плутарха. Переложеиа на латииский язык, обрабатыаалась средиевекоаыми авторами.

Лиса и рак. Изаестиы несколько аосточнослааянскнх аариантоа. Наиболее раннее литературное воплощеине — в баснях Эзопа «Черепаха и заяц», средневекоаого арминского писателя Оломпиана «Черепаха и конь» н др.

Колобок. Сказки этого типа, построениые на поаторяющихся эпизодах, помимо русских учтены в фольклоре славяиских, прибалтийских, германских народоа и а тюркоязычном фольклорном материале.

Напугаииые медведь и волки. Наибольшее количество разиовндностей сюжета встречается в русских сказках.

Волк. Имеются русские, белорусские, украинские варианты, латышские тексты.

Волк.Вариаит. Отаетвление известного сюжета.

Волк и коза. Изначальный сюжет изаестеи во всем мире. Литературиаи традиция связана со средневековыми повествованиями, итальянскими новеллами. Из авторских обработок известна басия Лафонтеиа «Волк, коза и козлеиок».

Волк-дурень. Сюжет прослежен а скандииавско-балтийском, восточно-, западно- и южнославянском, европейском, американском и индийском фольклоре. Слииние христиаиской легенды со сказкой произошло иа общеслааинской культурной основе.

Медведь. Сюжет характерен для русского, украинского, белорусского, латышского фольклора.

Медведь, собака и кошка. Соединение сюжетов, традиционное для восточнославянского фольклора. Сюжет восходит к басне Эзопа «Собака, волк и скупец».

Сказка о козе лупленой. Имеется значительное количество вариантов на восточнославянских языках, встречается в записях на европейских языках, известно татарское переложение сюжета.

Зимовье зверей. Сюжет традиционен для славянских и балтийских народов, встречается также в мордовском и башкирском языках.

Медведь и петух. Для сказок этого типа необычен мотив женитьбы дурака.

Кочет и курица. Сказки этого типа учтены в латышском, литовском, турецком и русском фольклорных источниках. Существуют украинские и белорусские варианты.

Курочка. Известны русские, восточнославянские, румынские, литовские варианты.

Журавль и цапля. Единственная опубликованная русская народная сказка этого типа. Есть единичные записи на литовском, латышском, украинском и белорусском языках. Сказка обрабатывалась К. Д. Ушинским, Иваном Франко, Максимом Танком и другими писателями.

Орел и ворона. В русских ответвлениях встречается песенная форма, известны украинские и белорусские варианты.

Жадная старуха. Сказка имела цензурные замечания, касающиеся, в частности, неуважительного отзыва о государе.

Сказка об Ерше Ершовиче, сыне Щетинникове. Сюжет сказки связан с русской сатирической повестью XVII в., известной в рукописном изложении и по лубочным переделкам. Встречается только в русском материале.

Байка о щуке зубастой. В международном указателе АТ обозначена как байка, не имеющая вариантов.

Терем мухи. В фольклор других народов сюжет перешел из восточнославянского материала. Обрабатывался В. И. Далем, Д. К. Ушинским, А. Н. Толстым, Якубом Коласом, С. Я. Маршаком.

Мизгирь. Сказка восходит к русской шуточной песне. Мизгирь — имя действующего лица в весенней сказке А. Н. Островского «Снегурочка».

Пузырь, соломинка и лапоть. Самое раннее использование сюжета — в басне Эзопа «Глиняный горшок и медный горшок», известной в пересказах, включая «Горшок и котел» Лафонтена, басни «Горшки» Сумарокова и «Котел и горшок» Крылова.

Пузырь, соломинка и лапоть. Вариант.

Репка. Известны весьма популярные литовские, шведские, испанские, русские тексты. Записан украинский вариант.

Грибы. Существуют несколько русских вариантов и один украинский. Песни о войне грибов бытуют в прибалтийском фольклоре.

Солнце, Месяц и Ворон Воронович. Кроме русского имеются латышские, литовские, скандинавские и индийские разновидности.

Ведьма и солнцева сестра. Многочисленные варианты существуют в восточнославянских, а также в тюркских языках.

Вазуза и Волга. Местное предание Тверской губернии. Известно стихотворное переложение С. Я. Маршака «Волга и Вазуза. Русская сказка».

Морозко. Видоизменения всемирно распространенного сюжетного типа. По мотивам подобных словацких и чешских сказок написаны «Двенадцать месяцев» Божены Немцовой и одноименная сказка С. Я. Маршака. См. также «Мороз. Красный нос» Н. А. Некрасова, пересказы В. Ф. Одоевского и других писателей.

Крошечка-Хаврошечка. Устные пересказы преимущественно известны в Европе, но бытуют и в других частях света. Близкие записи в сборниках восточнославянского фольклора, а также в текстах сказок неславянских народов.

Василиса Прекрасная. Содержание традиционно для сказок и легенд этого типа. Отдельные эпизоды имеют сходство с исландской «Сагой об Эдиле».

Правда и кривда. Сказки этого цикла имеют всемирную известность. Записаны многочисленные восточнославянские варианты. Древнейшая, египетская сказка на папирусе относится к XII в. до н. э. Распространение сюжета связано с восточными и европейскими литературными памятниками разных эпох, в том числе китайскими, санскритскими. Сюжет использован М. Коцюбинским.

Королевич и его дядька. В научной литературе отмечались аналогии с мировым мифологическим наследием, более поздними легендами, исландскими сагами.

Купеческая дочь и служанка. Тема подмены прослеживается в европейских сборниках, равно как в южноамериканском, африканском и азиатском фольклоре. Имеется несколько русских, украинский, грузинский, башкирский варианты. Известна легенда о супруге французского короля Пипина Короткого (XIII в.), подобные же сказки из сборников итальянских писателей Страпаролы — «Приятные ночи» и Базиле — «Пентамерон».

Страпарола Джованни Франческо (около 1500—1557). Был близок к гуманистическим кругам своего времени. «Приятные ночи» — сборник из двух частей, содержит 73 новеллы, написан в подражание Боккаччо. Характер изложения подсказан крестьянскими рассказами и народными преданиями. Содержание заключает в себе грубый юмор и фантастику одновременно.

Базиле Джамбаттиста (1575—1632) — автор первого в европейской литературе сборника народных сказок в художественной обработке «Пентамерон» (1634—1636), включивших широкий круг фольклорного материала.

Три царства — медное, серебряное и золотое. Всемирно распространенный сюжет, наиболее полно представлен в восточнославянском фольклоре, а также материале неславянских народов СССР. Наиболее ранняя запись I в. н. э. принадлежит античному автору. Лубочная переработка на русском языке выходила отдельной книжкой — «Сказка о золотой горе, или Чудные приключения Идана, восточного царевича» (1782).

Три царства — медное, серебряное и золотое. Вариант. Присказка о времени царя Гороха характерна для восточнославянского фольклора.

Фролка-сидень. Тема борьбы со змеем традиционна для русских, украинских и белорусских сказок.

Буря-богатырь Иван коровий сын. Соединение сюжетов о трех богатырях

восходит к древнерусским легендам-преданиям. Обращает на себя внимание близость канонических ситуаций к былинам.

Иван Быкович. Соединение сказок о борьбе со змеем и чудесном товариществе в отдельных частях встречается как в Европе, так и на Ближнем Востоке, в Индии и Америке. Популярна в восточнославянских вариантах и версиях тюркоязычных народов СССР. В исследованиях есть указания на связь с мифом об аргонавтах, известным в переложениях Овидия и других авторов, со сказками, включенными в «Пентамерон», а также с переведенным в XVIII в. с персидского языка на французский сборником «Тысяча и один день» и французскими «Сказками о фее» Д'Ольнуа. Финал перекликается с содержанием «Конька-Горбунка».

Зорька, Вечорка и Полуночка. Рождение трех братьев в разное время суток олицетворяет единство трех состояний. Входит в тип сказок о трех царствах.

Летучий корабль. Известны восточноевропейские, североамериканские, восточнославянские варианты, а также тексты, записанные от негров Вест-Индии. Исторические корни — в древних индийских и санскрито-тибетских сборниках, есть предположение об античных истоках (VII в. до н. э.). Одна из разновидностей составила сюжет сказки бр. Гримм «Птица Гриф».

Семь Симеонов. Всемирно распространенный сюжет, прослеживается по индийским и персидским сборникам, в частности, «Синдбад-наме». Обработан в «Приятных ночах» и «Пентамероне». Первые русские публикации относятся к XVIII в.

«Синдбад-наме» — сборник персидско-таджикской литературы XII в., состоящий из 34 притч, переведенных с индийского оригинала.

Никита Кожемяка. Восточнославянские сказки-предания о ремесленном человеке Никите (в других источниках Кирилле) близки к сюжетам русских литературных памятников: «Повести временных лет» (XII в.) и московской Никоновской летописи (XVI в.).

Шабарша. Соединение нескольких характерных для восточнославянского фольклора мотивов, учтенных в многочисленных ответвлениях. Варианты записаны в среднеевропейских регионах и передней Азии.

Беглый солдат и черт. В примечаниях к изданию 1873 г. Афанасьев сообщил, что «сказка эта напечатана не вполне», по мнению исследователей, из-за нескромности содержания. Соединение сюжетов, распространенных в восточноевропейских текстах.

Кощей Бессмертный. Сюжет в различных модификациях имеет всемирный ареал. Среди источников — древнеиндийская эпическая поэма «Рамаяна» и «Тысяча и одна ночь». Есть сведения о конспекте сказки, записанном А. С. Пушкиным.

Марья Моревна. Традиционное соединение фольклорных мотивов, относящихся к культурам различных народов.

Иван-царевич и Белый Полянин. Несмотря на сходство в отдельных эпизодах с другими сюжетными ходами, содержание сказки оригинально.

Хрустальная гора. Соединение традиционных сюжетов о трех подземных царствах и царстве мертвых.

Бухтан Бухтанович. Перепечатано Афанасьевым из журнала «Москвитянин» (1844). Всемирно известный сюжет. Варианты записаны в Азии, Африке и Аме-

рике. Имеются многочисленные восточнославянские версии. Литературная жизнь сказок этого типа прослеживается в индийском («Двадцать пять рассказов Веталы») и тибетском («Игра Веталы с человеком») сборниках, «Приятных ночах», «Пентамероне». Наиболее популярна сказка Перро «Кот в сапогах», переведенная В. А. Жуковским в 1845 г.

Козьма Скоробогатый. Сказка, традиционная для восточнославянского фольклора.

Емеля-дурак. Текст перепечатан Афанасьевым с лубочного издания. Известны многочисленные восточнославянские разработки сюжета. Разновидности зафиксированы в Европе, Азии (Турция) и Америке. Литературный источник — средневековый анекдот, развитый в сказке о Пьетро Дураке («Приятные ночи») и «Пентамероне». Первая русская публикация — «Сказка о Емеле-дурачке». Литературные обработки: «Емеля-дурачок» В. И. Даля, «О дураке Емеле, какой вышел всех умнее» И. А. Бунина, «По щучьему велению» А. Н. Толстого.

По щучьему веленью. Вариант общеизвестной русской сказки.

Сказка об Иван-царевиче, жар-птице и о сером волке. Один из наиболее популярных мировых циклов. Многочисленные восточнославянские варианты имеют близкое соответствие с текстами в сборниках неславянских народов СССР. Старейшая европейская литературная версия — в латинском сборнике Иоганна Габнуса (1480). С XVIII в. в России известны лубочные переложения. Поэтические обработки: «Сказка о Иване-царевиче и сером волке» В. А. Жуковского (1845), «Жар-птица» Н. М. Языкова.

Жар-птица и Василиса-царевна. Известно большое количество восточнославянских вариантов. Разветвления сюжета встречаются в тюркоязычных и кавказских сказках. Литературные истоки — в «Приятных ночах» и «Пентамероне». Первая русская лубочная публикация относится к концу XVIII в. «Конек-Горбунок» П. П. Ершова, основанный на фольклорном материале, в свою очередь, повлиял на народные сказки более позднего времени.

Сказка о молодце-удальце, молодильных яблоках и живой воде. Соединение сюжетов, частично использованных в фольклоре Европы, Азии, Африки и Америки, в восточнославянских записях, равно как и в «Тысяче и одной ночи», средневековых рыцарских романах, латинском сборнике Иоганна Габнуса. Первые русские лубочные издания — в XVIII в. Прослеживаются аналогии с мифом о Персее. Отдельные эпизоды соответствуют былинному эпосу.

Сивко-бурко. Сюжет известен в странах Европы, а также в афро-азиатском фольклоре. Из литературных обработок — сказка в стихах английского поэта XVIII века Александра Попа, сказка К. Ф. Николаи (Германия), новелла американского писателя Вашингтона Ирвинга «Принц Ахмед Камаль» (1825), чешская сказка Божены Немцовой «Волшебный меч» (1845).

Петух и жерновцы. Сходные с восточнославянскими сюжеты этой сказки встречаются в тюркоязычных сборниках.

Волшебное кольцо. Всемирно известный сюжет. Литературные истоки, в том числе и восточнославянских вариантов,— в индийском сборнике «Двадцать пять рассказов Веталы».

Рога. Беглый солдат, обладающий чудесными картвми, является героем также восточнославяннских, башкирского и осетинского вариантов.

Скаака про утку с золотыми яйцвми. Кроме русских существуют многочисленные восточнославянские, европейские, азиатско-африканские, испано-американские аерсии. Подобный тип содержится а литературных памятниках древнего Востока. Мотна использовал В. Г. Короленко в рассказе «Оленевский скит».

Безногий и слепой богатырь. Сюжет имеет распространение на языках народов СССР, в странах Западной Европы.

Притворная болезнь. Тема неверной матери встречается в восточнославянских и тюркоязычных сказках народов СССР.

Чудесная рубашка. Скаэки этого цикла известны по восточнославянскому и иным примерам устного творчества народов СССР. Исследователи находят литературные истоки сюжета а памятниках Древнего Египта.

Волшебное зеркальце. Сюжет, имеющий ответвления, с древних времен укоренившиеся в многонациональном фольклоре. Первая публикация — в «Пентамероне». Аналогии — «Тысяча и одна ночь», «Цимбелин» У. Шекспира (1610), «Белоснежка» бр. Гримм. Часть сюжета использовал А. С. Пушкиным а «Сказке о мертвой царевне и семи богатырях».

Мудрая жена. Подобные скаэки учтены в фольклоре многих стран Европы, Азии, Канады и Южной Америки.

Морской царь и Василиса Премудрая. История сюжета связана с обработками мифа об аргонавтах и сочинениями античных авторов Аполлония Родосского, Аполлодора Афинского, Овидия Назона. Сохранилась конспективная запись А. С. Пушкина сказки Арины Родионовны. Подобная связка в стихах принадлежит В. А. Жуковскому — «Сказка о царе Берендее, о сыне его Иване Царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи Царевны, Кощеевой дочери».

Неосторожное слово. Сказка носит характер легенды. Грумант — старинное название архипелага Шпицберген. Калинов мост — Калинкин мост в Петербурге.

Царь-девица. Тема отмечается а фольклоре разных народов, но полного подобия с русской сказкой не имеет.

Перышко Финиста ясна сокола. Сюжет связан с рыцарской поэзией средневековья. Первая русская литературно обработанная сказка о Финисте ясном соколе напечатана в 1795 году. К этому же циклу принадлежит «Амур и Психея» Апулея и «Аленький цветочек» С. Т. Аксакова.

Царевна, разрешающая загадки. Сказки этого типа популярны в мировом фольклоре. Поэтическая версия — «Семь красавиц» Низами (XII в.). Известны драматические обработки. «Принцесса Турандот» Карло Гоцци написана на основе персидской сказки (1762), автор немецкой пьесы — Фридрих Шиллер.

Соль. Соединение сюжетов, характерное для русских сказок, известно в эстонских, греческих и индийских вариантах.

Птичий язык. Наибольшее количество русских вариантов. Распространение сюжета незначительно.

Хятрая иаука. Сюжет бытует на асех контннентах я ямеет отражеяне а дреааях аосточных сборяяках «Тысячи я одной ночи» и «Метаморфозах» Оаидия. До Афанасьева других русскях публикацяй не было.

Диво. Немногочнсленные сказки запясаны а Восточяой Еаропе, на Бляжнем Востоке, а Индяи. Варяанты ямеются а западнослааяяском я неслааянском фольклоре народоа СССР. История сюжета саязана со сборняком «Тысяча я одна ночь».

Диво диаяое, чудо чудяое. Пераая лятературная обработка — а Англии XV а. Сюжет аошел а западноеаропейские поаестаоаательные сборинки. В 1788 г. а Петербурге была нздаяа лубочная кннжка «Диао дяаное, чудо чудное, сказка русская».

Клад. Легендарный сюжет о попе — украинского происхожденя, сложился а XVIII а. Имеются еаропейскне аарязнты сюжета и несколько запнсей а Америке.

Скорый гонец. Изaестяы сюжеты скандннааскяе, западнослааянскне я других народоа.

Сестрица Аленушка, братец Иванушка. Сюжет распространен а Еаропе, Америке, на Ближнем Востоке. Сюжет прослежиаается а антнчных мнфах.

Царевна — сера утица. Сказка ннтересна моднфнкациямн траднцнонного сюжета.

Белая уточка. Сходные аарианты наличестауют а устном творчестае народоа СССР.

Царевна-лягушка. Саоеобразяе аарнанта — а иалични миогочислеиных подробностей.

Царевна-змея. Лнтературная нстория сказок этого типа саязана с «Тысячью и одной ночью» и рыцарским романом XIV в. В России был опублякоаан переаод с польского языка. В петроаскую эпоху сущестаоаала инсценироака одной нз аерсий а театре цареаны Натальн Алексеевны.

Заколдованная королевна. Фннальный эпизод близок к сюжету сказки «Турандот».

Окаменелое царство. Тяп сказки учтен только а русском фольклоре. Имеются аосточнослааянскне ответаления сюжета. Примыкает к циклу о «Спящей красааице».

Береза и три сокола. Исследоаатели отмечают легендарный характер сказки.

Заклятый царевнч. Текст имеет сходстао с «Аленькям цаеточком», записанным С. Т. Аксакоаым.

Косоручка. Лнтературнзя история аосходят к сборникам «Тысяча и одна ночь», западноеаропейскнм среднеаекоаым легендам, «Кентерберийским рзссказам» Дж. Чосера, сборнякам «Приятные ночн», «Пентамерон». На русской осноае — сказка А. П. Платоноаа «Безручка».

По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре. В научной литературе отмечается поасеместное распространение сюжета. Литературные фнксации: «Тысяча я одна ночь», «Пряятные ночя», пьеса Карло Гоцци «Зеленая птичка» (1765), «Сказка о царе Салтане» А. С. Пушкнна. Изаестны запися аариантов сказкя, также прянадлежащие А. С. Пушкнну.

По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре. Вариант.

Поющее дерево и птица-говорунья. Разновидность сюжета о чудесных детях, подобная изложениям в «Тысяче и одной ночи», «Приятных ночах», лубочном сборнике «Сказки дедушки».

Золотой башмачок. Первая литературная обработка — «Пентамерон». Мировую известность сюжет получил благодаря сказкам Перро и бр. Гримм. В советской драматургии — пьеса «Золушка» Е. Шварца.

Чернушка. Совпадает по содержанию со сказкой бр. Гримм.

Незнайко. Севернорусская разновидность традиционной богатырской сказки.

Несмеяна-царевна. Соединение сюжетов. Ареал — страны Европы, Америки. Мотивы встречаются в скандинавском эпосе, в частности, норвежском и исландском памятнике XIII в. «Младшей Эдде». Литературные версии: сборник новелл итальянского средневековья «Пентамерон», сказка Божены Немцовой «Мудрый ювелир» (1845).

Мальчик с пальчик. Во многих модификациях встречается у восточнославянских и тюркоязычных народов. Связана со сказками Ш. Перро и бр. Гримм. Украинская народная сказка «Коротышка» обработана Г. П. Данилевским. Текст А. Н. Афанасьева послужил основой для одноименной сказки А. Н. Толстого.

Верлиока. Учтены только русские варианты. Известна сказочная повесть В. А. Каверина под тем же названием.

Лихо одноглазое. Известны многочисленные европейские сказки. Обработка сюжета восходит к античной литературе: «Одиссея» Гомера, «Метаморфозы» Овидия, «Сатирикон» Петрония.

Горе. Сказка характерна для восточнославянской народной традиции. Сюжет лежит в основе фольклорной «Повести о Горе-злочастии» (XVII в.).

Марко Богатый и Василий Бессчастный. Широко разветвленный сюжет с большим количеством европейских, азиатских, американских, восточнославянских версий. В первом издании сказок Афанасьева не была напечатана по цензурным соображениям.

История о славном и храбром богатыре Илье Муромце и Соловье-разбойнике. Перепечатано Афанасьевым с лубочного издания XVIII в.— текст к восьми картинкам, воспроизводящим содержание былины.

Василий Буслаевич. В основе — былинный сюжет новгородского цикла. Учеными насчитывается 75 песенных и прозаических повествований.

Алеша Попович. Пересказ былины.

Про Мамая Безбожного. Героическое устное сказание о Куликовской битве 1380 г.

Сказание об Александре Македонском. Устный пересказ лубочной версии легенды о Гогах и Магогах из «Александрии» — средневекового романа об Александре Македонском.

Горшеня. Первоначально напечатано по записи Н. М. Языкова в журнале «Москвитянин» (1842). Старейшая версия сюжета была записана в России и опубликована в Англии врачом царя Алексея Михайловича Коллинзом.

Имеются аариаяты на нзыках Европы, Азии, Америки н др. В XVIII в. сюжет был обрвботан в стнхотворной басне В. Мвйкова «Повар и портной».

Мудрые ответы. Сюжет распрострвнеи во асех частях света. Сквзки зтого типа получяли бытоваиие в средневекоаой Еароле не только а устной, но н литературной форме. На осиове сказки бр. Гримм сущестaует стнхотвориое переложение Аполлона Майкоаа — «Пастух, испаиская легендв» (1866). Старннявя аяглнйсквя бвллада «Король и пастух» иа русский нзык переведеяа С. Я. Маршвком.

Сосватаиные дети. Сюжет язвестен по средиевековым звпадиоевропейским сборнякам.

Доброе слово. Традициониое соединение сюжетоа, уходящее корнями в сквзки «Тысячн и одной ночи», нсландскяе сказочиые повестн XI а. н рассказы Талмуда.

Талмуд — основной памятяик древнееврейской письменностн, содержащий кроме религиозно-правовых иорм иудаизма все созданяое еарейскимя учеяымн в областн теософии, зтики, поззии, нсторин, естествознаиия.

Оклеветанная купеческая дочь. Сюжет широко распрострвнен. Обработан Дж. Боккаччо а «Декамероне», У. Шекспяром в «Цимбелиие».

Мудрая деаица и семь разбойников. Сюжет встречаетсн в аосточнославяяских ввриантах и сборянках фольклора других народов СССР. Получил популярность после издвния во фрвнцузском переводе «Тысячи н одной ночи» (1712). В осноае — рассказ про Алн-Бабу и сорок разбойникоа. Сказка издавалась в Россин а XIX—XX в. как лубочное издаиие.

Рассказы о мертвецах. Сказка представляет собой быличку, т. е. короткнй рассказ сказочиого характера о иевероятных происшествнях, оснащеняый реалнстическнмн подробностями.

Упырь. Соедянение иескольких сюжетов. Имеет всемяриое распространение, напомнняет сквзку о Снди Нумане из «Тыснчн и одной ночи». Тема рвзрабатыаалвсь в мировой романтической поззии иачвла XIX в., в чвстности, П. Мериме, Ш. Нодье, А. Мицкевичем («Дзяды»).

Скрипач в аду. Трвдициоиное для восточнославяиского фольклора соединение сюжетоа.

Горшечиик. К теме богвтства, добытого с помощью нечистой силы, отяосится н украияская легеида, использоваяиан Н. В. Гоголем в «Вечере иаквнуие Иаана Купвла».

Леший. Относится к быличкам о лешнх.

Морока. Сказка имеет санзь с демонн ческими сюжетами, подчвс не лишеяными юмористического оттеика. Напомннвет сказку о Швхабеддине из «Снндбад-ивме» н нз «Тыснчн и одной ночи».

Слепцы. Кроме русских известиы славннские, зстонский и турецкнй аарианты.

Вор. Традициоиное объедииение мнровых сюжетов. Старейшая лнтературнан версия — а книге арабского писателн X в. Мвсуди. Сущестaует мяожество обрвботок.

Вор. Варнант. Сюжет нмеет асемирное распрострвиение, в том чнсле а восточнославянском и фольклоре других нвродов СССР. Старейшая пнсьменная версин — а «Истории» Геродота — рассказ о сокровище фараоиа Рамзеса II.

Солдатская загадка. Сюжет восходнт к средневековым повестнм о странствующих моиахах. В восточиославниском и балтском фольклоре трансформнроваи в аиекдот о предприимчнвом солдате.

Иваиушка-дурачок. Литературиая история сказок этого тнпа связака с латииским сочикекнем XVI а. к с ктальяискимя иовеллямя XIII—XVI вв.

Набитый дурак. Сюжет, обработаный в литературных памяткиках древнего Востока, бытует во всех частнх света. Старейший русский песенный текст — «Про дурин» нз сборника Кирши Данилоаа; современнан обработка — стихотвореяие С. Я. Маршака «Не так».

Кирша Данилов (Кирялл Даиялоанч) считается первым собрателем русских былии, кcторкческнх и лирическнх песеи, скоморошни, записаикых в кокце XVIII в. к нздаикых в 1804 к 1818 гг. как «древние российские стихотвореиин».

Лутоиюшка. Соедииеиие иескольких сюжетоа. Старейший литературиый текст — стнхотвореяие Генриха Геттнкга «Умиая Эльза». Старейшие русские обработки — «Сова, иочиая птнца» (1779) н «Анекдоты, илк Веселые похождеиин древиких пошехонцев» (1798). Характер героя получнл развитяе а комедкк-сказке В. Курочкииа «Прииц Лутокя» (1860).

Мена. Формироваиие сюжета санзаио со сборннком буддийских текстов V века «Тяпятака». Старейший европейский лнтературный текст восходит к яслаидской саге XIII в. Изаестна обработка Г. Х. Аидерсеиа «Что делает отец, все правильио».

Сказка про братьев Фому н Ерему. Сюжет нмеет песекиое пронсхождеяие. Кроме русских рукописных поаестей XVIII в. встречается в лубочиых картинках. Известиа стихотворная обработка С. Я. Маршака — «Фома к Ерема. Сказка про двух лодырей».

Сказка про братьев Фому и Ерему. Прозаический аарнант сюжета.

Не любо — не слушай. Разиовндиость траднциоккого жанра яебыляц. Этот прииципи использован в «Приключеииях барона Мюнхгаузеиа». Литературкан историн иебылкцы свнзана со сборннками кемецкнх и итальяискх повестей XVI—XVII ва.

Не любо — ие слушай. Варнаят. Тема, близкая к текстам небылнц, приведеияым Афанасьевым, разработана Н. А. Некрасовым в стихотворенкк «Молодые» (1866).

Не любо — не слушай. Вариаит. Рассказ о драке яевесткн с золоаками имеет соответствие в скоморошине «Агафонушка» сборника Кирщи Даиилова.

Не любо — не слушай. Вариаят. Небылицы этого типа относятся к ироиическому циклу о волшебной страие, известяому, в частностя, по «Декамерону» Боккаччо и «Приключеиинм барона Мюнхгаузека».

Сказка о злой жене. Имеютсн сведекин о сказках на еаропейских, восточяославяиских, турецком, башкнрском я чуаашском языках. Истокк сюжета прослежнваются от иидкйского сбориика XII—XIV вв. «Семьдеснт рассказов попуган». Сюжет использоваля а XV—XVII вв. Никколо Макнааелли, Гакс Сакс (стнхотворное переложеяие «Как черт жеяился иа старухе»), Лафонтеи (басия «Бельфагор»).

Жеиа-спорщнца. Народиый аиекдот, бытующнй в устяом и лнтературиом кзложеини с V в. На русскнй язык переведек в XVII в. Аналогии — похожде-

ния Хаджи Насреддина, басня Лафонтена «Утопленница», стихотворение Адама Мицкевича «Упрямая жена».

Жена-спорщица. Вариант. Литературные обработки сюжета известны по европейской версии средневекового латинского сборника «Расширенный Ромул» и притче А. П. Сумарокова «Спорщица» (1762).

Крест — порука. Легендарный сюжет, учтен только в русском фольклорном материале.

НАРОДНЫЕ АНЕКДОТЫ

Приводимые ниже примечания относятся к анекдотам, имеющим литературную историю. Нумерация сюжетов принадлежит редакции.

8 — сюжет учтен в скандинаво-балтском, славянском, романском, англо- и испано-американском, а также турецком фольклоре. В числе источников — французский плутовской роман XIII в. «Труберт». Отмечается антикрепостническая направленность сказки.

9 — прослеживается сходство с эпизодом пьесы Шекспира «Венецианский купец». В прямой связи с фольклорным сюжетом — роман Матвея Комарова «Невидимка, история о Фецском королевиче Аридесе и брате его Полумедесе» (1790).

10 — этот небольшой анекдотический сюжет имеет богатую литературную историю: существуют европейские, индийские, филиппинские, восточнославянские и неславянские варианты; его разновидности — в древнееврейском сказании VII в., норвежской саге XII—XIII вв., немецких шванках XVI в., польских фацециях XVI—XVII вв. и их литературных обработках XIX в., рассказе русского сборника «Смехотворные повести». Обработка Л. Н. Толстого включена в его «Третью книгу для чтения», известен подобный рассказ о похождениях Ходжи Насреддина.

15 — сюжет отмечен только в русском материале.

17 — известны многочисленные варианты на языках народов мира, в том числе и Советского Союза. Литературные аналоги — басня Лафонтена «Молочница и горшок с молоком», санскритское повествование «Панчатантра», т. е. «пятикнижие» (содержащее басни, сказки, притчи и новеллы нравоучительного характера), сказки «Тысячи и одной ночи» и другие литературные памятники. В России — лубочные картинки.

25 — имеются тексты на европейских языках; русские, украинские, белорусские версии. Известны литературные обработки XVI века — нидерландская комедия на латыни, шотландская баллада, немецкие шванки, а также современная поэтическая обработка С. Я. Маршака «Сказка о старушке».

26 — всемирно известный сюжет. Прослеживается в сборниках «Приятные ночи» и «Тысяча и одна ночь». На его основе созданы пьесы «Укрощение строптивой» У. Шекспира и «Граф Луканор» Х. Мануэля.

ДОКУЧНЫЕ СКАЗКИ

Приговорки, бытующие по сей день в разговорной речи. Есть аналогии не только в славянских текстах, но и в сказках других народов СССР.

ПРИБАУТКИ

В этот раздел включены тексты главным образом песенного содержания, в том числе и игровые.

СКАЗКИ ИЗ СБОРНИКА «РУССКИЕ ЗАВЕТНЫЕ СКАЗКИ» И РУКОПИСИ

Сказка о том, как поп теленка родил. («Заветные сказки» — «З. с.»). Соединение сюжетов, записанных в Европе, Китае, Америке от индейцев и европейцев. Имеются восточнославянские варианты. Старейшие литературные обработки — 1506 г.; стихотворный шванк Ганса Сакса (XVI в.) и др. В России народная сказка «Сын бычок» опубликована в 1860 г.

В-чем-я? Сказка из цикла о попе и работнике.

Жадный поп. («З. с.»). Среди вариантов отмечены преимущественно украинские. Имеется также несколько чешских, сербохорватских, греческих, польских разновидностей.

Добрый поп. («З. с.»). Учтены прибалтийские, фламандские, валлонские, ирландские, английские, англо-американские, румынские, венгерские, западно- и восточнославянские разработки сюжета.

Пахом. Зафиксированы фольклорные тексты североевропейских народов, сербохорватские, русские, украинские варианты. Литературные обработки — в сборниках Возрождения и позднего средневековья.

Похороны кобеля. («З. с.»). Этнографический ареал сказки многообразен — от испанского до персидского и мордовского языков. Известно стихотворное переложение XIII в., разновидности — в европейских повествовательных сборниках. Подобная сказка включена А. Р. Лесажем в роман «Жиль Блаз».

Поп угодил в солдаты. Озорная сказка-побасенка, отразила политические настроения 60-х годов прошлого века. Опубликована в «Северной пчеле» — газете, сначала реакционного (редакторы Ф. В. Булгарин и Н. И. Греч), затем умеренного направления.

Поп, попадья, дьякон и работник. Сходные мотивы — в «Тысяче и одной ночи», известны обработки Ганса Сакса (XVI в.). Имеются многочисленные европейские варианты.

Поп ржет как жеребец. («З. с.»). Сюжет восходит к литературным памятникам древнего Востока начиная с III в. до н. э., среди которых — «Синдбад-наме»

(«История о семи мудрецах») и «Тысяча и одна ночь». На русском языке — «Повесть о Карпе Сутулове» XVII в.

Никола Дуплянский. («З. с.»). Традиционное для аосточнославянских сказок соединеиие сюжетов.

Солдат и часы. Кроме европейских, сказки характерны для народов Востока СССР. Литературные обработки — в новеллах итальянских писателей XV—XVI вв.

Солдат и барин. Кроме русского варианты неизвестны.

Чудесная дудка. («З. с.»). Соединение сюжетов, прослеженных, глввным образом, в устном творчестве североевропейскнх народов.

Две жены. («З. с.»). Кроме русского аарианты не отмечены.

Фомка-дурак и его жена. Литервтурная анвлогня — «Жорж Данден» Мольера.

СОДЕРЖАНИЕ

ДИВО ДИВНОЕ, ЧУДО ЧУДНОЕ

**Народные русские сказки
А. Н. Афанасьева**

Составитель
Светлана Михайловна Донская

Заведующая редакцией *Л. Сурова*
Редактор *С. Бессонова*
Художественный редактор *И. Сайко*
Технический редактор *Г. Шитоева*
Корректоры *Т. Сёмочкина, З. Комарова, Н. Кузнецова*

ИБ № 3880

Сдано в набор 05.01.88. Подписано в печать 10.06.88. Формат 60×84 1/16. Бумага газетная. Гарнитура «Обыкновенная новая». Печать офсетная. Усл. печ. л. 28,02. Усл. кр.-отт. 28,66. Уч.-изд. л. 30,81. Тираж 200 000 экз. (1-й завод 1—100 000 экз.). Заказ 3446. Цена 2 р. 70 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий», 101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», 103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.